

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

Сборник материалов
II Международной научно-практической конференции

9-10 апреля 2026 г.

Белгород 2026

УДК 81'2/'44
ББК 81
И 74

Рецензенты:

Жирова Ирина Григорьевна, доктор филологических наук,
профессор, заведующая кафедрой переводоведения и когнитивной лингвистики
Государственного университета Просвещения (г. Москва);

Богачев Роман Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
иностраных языков Белгородского государственного национального исследовательского
университета (г. Белгород)

И 74 Информативный потенциал лингвоконструктов : сборник
материалов II Международной научно-практической конференции,
9–10 апреля 2026 г./ под ред. Е.А. Огневой, Л.Н. Мирошниченко,
Д.Е. Смирновой. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2026. – 488 с.

ISBN 978-5-6056253-7-7

В сборнике материалов международной научно-практической конференции обобщены результаты научного поиска в сфере информативного потенциала лингвоконструктов. Представлена широкая палитра научных идей о функционировании лингвоконструктов в различных форматах знания.

Адресуется ученым, аспирантам, студентам, интересующимся инновационными подходами к интерпретации языкового и речевого материала.

УДК 81'2/'44
ББК 81

ISBN 978-5-6056253-7-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Атабекян Гоар Вардановна</i> ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕТ В РУССКОЙ, БРИТАНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	11
<i>Бабина Людмила Владимировна</i> ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ SNOW И СНЕГ В СОСТАВЕ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ	14
<i>Буранова Жамила Алиевна</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИЧНОГО КОДА В РОМАНЕ Х.ДУСТМУХАММАДА «МУДРЫЙ СИЗИФ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	18
<i>Водолазская Арина Павловна</i> МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РАСПАДА СССР В РУССКОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	24
<i>Иванова Вероника Вячеславовна</i> ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСЕМЫ «СЮЖЕТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	27
<i>Калятин Игорь Сергеевич, Бирюкова Евгения Викторовна</i> ФУНКЦИИ ОТТЕНОЧНЫХ ЧАСТИЦ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	31
<i>Коротова София Олеговна, Прокопенко Юлия Александровна</i> РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	34
<i>Кураш Сергей Бонифацевич, Буркова Анна Викторовна</i> ВЕРБАЛЬНЫЕ ИДЕНТИФИКАТИРЫ БЕЛОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: СОСТАВ, НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	39
<i>Лавришцева Екатерина Владимировна</i> АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕН ГРУППЫ «DIE TOTEN HOSEN»	42
<i>Луговских Кирилл Максимович</i> ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРИЕМОВ В РЕЧИ С. УИТКОФФА	46
<i>Мейлиева Малика</i> КОНЦЕПТ «ТРУД / МЕҲНАТ» В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПАРЕМИЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	49
<i>Монгилёва Наталья Викторовна</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕДУКЦИЯ И КОММОДИФИКАЦИЯ ЗНАНИЯ В ЦИФРОВОМ ДИСКУРСЕ УНИВЕРСИТЕТА	52
<i>Муллина Алсу Минреисовна</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ТУРИСТИЧЕСКИХ ПУТЕВОДИТЕЛЯХ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	56
<i>Первак Татьяна Владимировна</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СПЕКТР НЕМЕЦКИХ НАРЕЧИЙ НА -WEISE С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ: ОТ КОМПРЕССИИ К ЭКСПРЕССИВНОСТИ	61
<i>Попова Елена Павловна</i> ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	65
<i>Прилуцкий Игнат Геннадьевич</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА GRAUEN В РОМАНЕ Э.Т.А. ГОФМАНА «ЭЛИКСИРЫ САТАНЫ».....	68
<i>Рубан Арина Сергеевна</i> НАРЕЧИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНСТРУКТЫ С ПОЗИЦИЙ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ЭТИМОЛОГИИ И ОРФОГРАФИИ	72
<i>Садовниченко София Сергеевна</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ЗАГОЛОВКАХ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СМИ	76

<i>Сафарова Лайло</i> ОБРАЗЫ «ХЛЕБ» / «НОН» И «СОЛЬ» / «ТУЗ» КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	80
<i>Сосунова Галина Александровна</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В КИНОЛОГИЧЕСКОМ ТАМОЖЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	83
<i>Сыпко Юлия Константиновна, Прокопенко Юлия Александровна</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИДИОМА И ЕЕ ОСОБЕННОСТЯХ	86
<i>Фурс Людмила Алексеевна</i> ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХОЛИСТИЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	90
<i>Чабанова Валерия Романовна, Прокопенко Юлия Александровна</i> АББРЕВИАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	93
<i>Шинкарь Арина Руслановна, Прокопенко Юлия Александровна</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СФЕРА РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ	96
<i>Щербакова Ирина Александровна</i> ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК ФАКТОР СЕМАНТИЧЕСКОГО РАСШИРЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	100
<i>Эльясов Алихан Ахмад оглы</i> ЭКСПРЕССИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭМОТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ	103
<i>Andashova Rahima Musaevna, Mirzalim kyzy Gulmeerim, Aidralieva Alima Altynbekovna</i> PHRASEOLOGICAL WORLDVIEW IN TYPOLOGICALLY DIVERSE LANGUAGES ...	107
<i>Kisjuk Olga Nikolajewna</i> METHODISCHE EMPFEHLUNGEN ZUR VERWENDUNG DES PHRASEOLOGISCHEN MATERIALS DER DORFPROSA IM BILDUNGSPROZESS DER MITTELSCHULE	112
<i>Omonova Makhfurat Keldiyarovna</i> LINGUOCULTURAL PRINCIPLES OF POLITENESS IN UZBEK AND ENGLISH	116
<i>Usmonov Asliddin Mannonovich</i> THE USE OF SYNONYMS IN LITERARY, PUBLICISTIC AND COLLOQUIAL STYLES	119

ЛИНГВОКОНСТРУКТЫ В ПРОЕКЦИИ КОГНИТИВНОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ

<i>Азизова Насиба Бахритдиновна</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА ЯЗЫ	122
<i>Акперова Сабина Интигамовна</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА-ДОМИНАНТЫ АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА В ПЬЕСЕ А. МИЛЛЕРА «СМЕРТЬ КОММИВОЯЖЕРА»	128
<i>Барушкова Светлана Борисовна, Соловьёва Светлана Игоревна</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «НАИМЕНОВАНИЕ ДНЯ НЕДЕЛИ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	132
<i>Грамадинский Сергей Сергеевич</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ЯЗЫКАХ С РАЗНЫМ ТИПОМ КУЛЬТУРНОГО КОДА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	135
<i>Даниленко Илья Александрович, Марков Александр Владимирович</i> АРХИТЕКТОНИКА ДУАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА БРАТСТВО-СЕМЬЯ В ПОВЕСТИ В. П. КАТАЕВА «СЫН ПОЛКА»	139
<i>Карнова Марина Сергеевна</i> ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОСРЕДСТВОМ АУДИРОВАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	143
<i>Корсунова Юлия Александровна</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЕМЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ	147

<i>Москвичёва Оксана Анатольевна</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА ФРАКТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА	152
<i>Некрасова Мария Юрьевна</i> КОНЦЕПТ-ДОМИНАНТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ ДЕТЕКИВЕ (В СТИЛЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА)	156
<i>Семченкова Инна Валентиновна, Шептун Наталья Николаевна</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	160
<i>Nekboyeva Rano Zokirovna</i> TYPOLOGICAL FEATURES OF PROVERBS WITH FITONYMIC COMPONENTS	164
<i>Nusratov Javokhir Bakhodir ugli</i> THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE LINGUISTIC FEATURES OF SOCIAL MEDIA TEXTS	167
<i>Ochilova Sanobar Narzullayevna</i> THE REPRESENTATION OF BEHAVIORAL VERBS EXPRESSING A SEMANTIC CORE IN DICTIONARIES: ADVANCES AND CHALLENGES	170
<i>Pavlyuchenko Ekaterina Yurievna, Nelasova Alexandra Ivanovna</i> THE PRAGMATIC AND DISCURSIVE FUNCTIONS OF THE HELP CONCEPT IN ARTISTIC DIALOGUE (BASED ON THE NOVELS BY T. KENEALLY «SCHINDLER'S ARK» AND J. CLAVELLA «KING RAT»)	172

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

<i>Абзалова Динара Ильгизовна</i> ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ИНФОГРАФИКИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	176
<i>Зимовец Наталья Викторовна</i> К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	179
<i>Казначеева Ксения Александровна</i> ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ЭМОТИВНЫХ ТЕКСТОВЫХ МОДЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)	182
<i>Неваленая Екатерина Владимировна, Бузина Евгения Игоревна</i> ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОЛОРАТИВОВ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	186
<i>Осадчая Ольга Николаевна</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ ПРЯМОГО ПЕРЕВОДА: ЛИНГВОПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАСХОЖДЕНИЯ ПОНЯТИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	190
<i>Руденко Кристина Владимировна</i> ЛИНГВОКОНСТРУКТЫ В ДЕЙСТВИИ: ЭЛЕМЕНТЫ КОГНИТИВНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ...	194
<i>Фролова Ксения Михайловна, Бабаян Владимир Николаевич</i> ЯЗЫКОВЫЕ И ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	198

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

<i>Агопова Елена Тарасовна</i> ФУНКЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ В РЕЧАХ ЕЛИЗАВЕТЫ II (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ 1947–1953 ГГ.)	203
<i>Колядин Антон Валерьевич, Покровская Мария Борисовна</i> ДИСКУРСИВНАЯ КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА «ЕДА» В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О МАЛОМ ГОРОДЕ РОССИИ	207

<i>Логунова Светлана Валентиновна, Кащеева Анна Владимировна</i>	
ЛИНГВОКОНСТРУКТ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ	212
<i>Наумова Анастасия Игоревна</i>	
СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КОНЦЕПТА БОРЬБА В РОМАНЕ ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984»	215
<i>Огнева Елена Анатольевна</i>	
ТЕМПОРАЛЬНО-ПРОКСЕМНЫЕ АТТРАКТИВНЫЕ КООРДИНАТЫ В ТЕКСТОВЫХ КОГНИТИВНЫХ СЦЕНАРИЯХ РОМАНА Ю. СЕМЕНОВА «СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ»	218
<i>Переверзева Полина Игоревна</i>	
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА КАК ЕДИНИЦА ДЕКОДИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ АЛЕКСАНДРА ДЮМА «ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО»	223
<i>Савельева Юлия Александровна, Локтева Екатерина Алексеевна, Профатилова Светлана Михайловна</i>	
АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ПЕСЕН	228
<i>Суюнова Гульнара Сейльбековна</i>	
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА	231
<i>Тугуз Тамара Руслановна</i>	
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРКЕРОВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИНАМИЧНЫХ КОГНИТИВНЫХ КОНСТРУКТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. СТИВЕНСОНА И Т. ФОНТАНЕ	236
<i>Федюнина Инна Эдуардовна, Богачёв Роман Евгеньевич</i>	
ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ОЦЕНОЧНУЮ КОННОТАЦИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	240
<i>Хамраева Махзуна Гайратовна</i>	
КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ИЛЛОКУТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ	244
<i>Чупина Ксения Сергеевна</i>	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФЭНТЕЗИЙНЫХ НОМИНАНТОВ В МОДЕЛИ ВЫМЫШЛЕННОГО СОЦИУМА В РОМАНЕ Л. БАРДУГО “SIX OF CROWS”	248
<i>Шеметова Елизавета Александровна</i>	
КИНЕМНЫЙ СЕГМЕНТ МОДЕЛИ- РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТОВОГО КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ В РОМАНЕ В. СКОТТА «АЙВЕНГО»	252
<i>Elchayev Zokhidjon Akhmatovich</i>	
THE CHARACTERISTICS OF BEHAVIORAL VERBS AND THEIR COMPARATIVE ANALYSIS IN UZBEK AND ENGLISH DICTIONARIES	256
<i>Ergasheva Gulnoz Alimovna</i>	
PREPOSITIONAL PHRASES IN THE FUNCTION OF PREDICATIVE IN CONTEMPORARY ENGLISH DISCOURSE	258
<i>Isroilova O'g'iloil Isroil Qizi</i>	
EXPLICIT AND ARTISTIC DISCURSIVE FORMS OF THE CONCEPT OF RESILIENCE	261
<i>Khashimova Jeren Beshim kizi</i>	
MOTHERHOOD IN MODERN ENGLISH AND UZBEK LITERATURE: TRENDS OF IDEALIZATION AND PROBLEMATIZATION	263
<i>Khomenko Tatyana Maksimovna, Shemaeva Elena Viktorovna</i>	
INTERPRETATION OF ANTHROPONOMICAL CONSTRUCTS IN THE NOVELS OF CHARLES DICKENS AS A TOOL OF SATIRE ON SOCIAL VICIES	267
<i>Zokirova Dilsora Zokhiddin Kizi</i>	
SOMATIC CONCEPTS AND THEIR ROLE IN PHRASEOLOGICAL UNITS	271

ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИСКУРСА И НЕЙРОДИСКУРСА

<i>Белошицкая Наталия Николаевна</i>	
ИНДИКАТОРЫ ДРАМАТУРГИЧНОСТИ ДИСКУРСА	274

<i>Дубов Дмитрий Владимирович</i> ЛЕКСИКА НЕБА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПИЛОТА США 1940-Х. НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЗЕРФОРДА Г. МОНТГОМЕРИ «A YANKEE FLIER OVER BERLIN»	277
<i>Заяц Анна Александровна, Бовтик Вероника Евгеньевна</i> ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА АДАПТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ ЛИНГВОДИДАКТИКИ В РУССКОЯЗЫЧНУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ ..	280
<i>Колесников Алексей Анатольевич</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В РЕЧАХ ПОЛИТИКОВ	285
<i>Корнеева Анна Алексеевна</i> АКСИОЛОГИЯ И ПРАГМАТИКА ПЛАКАТА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ	289
<i>Кратнова Зоя Алексеевна</i> СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДИССЕРТАЦИИ	293
<i>Ливанова Елена Алексеевна</i> ПОЛИСЕМΙΑ И ОМОНИМИЯ АББРЕВИАТУР В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ ТАМОЖЕННОЙ ТЕМАТИКИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	297
<i>Мкртычан Светлана Викторовна, Кравчук Екатерина Эдуардовна</i> ИЗУЧЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ ТИПОВ ТЕКСТА: ОБСУЖДЕНИЕ СТРАТЕГИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	301
<i>Проконенко Юлия Александровна, Куприченко Екатерина Сергеевна, Баркалова Анна Федоровна</i> СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИДИОМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Д. ТРАМПА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ...	305
<i>Рашевский Василий Евгеньевич</i> ЧЕЛОВЕК VS ИИ: РАЗРАБОТКА ЗАДАНИЙ ПО ИЗМЕРЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ	309
<i>Черных Елена Николаевна</i> СПЕЦИФИКА ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	313
<i>Чиковани Татьяна Владимировна</i> СПЕЦИФИКА ОБРАЗНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОДА КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ ПРОПОВЕДНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО	318
<i>Yusupov Azamat Safaraliyevich</i> CONCEPTUAL INTERPRETATION OF THE NATURE–HUMAN RELATIONSHIP IN CONTEMPORARY LITERARY STUDIES	321

ИННОВАЦИОННАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Афоничева Анастасия Николаевна</i> ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ В ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ	324
<i>Воеводская Елена Андреевна, Булкина Дарина Сергеевна</i> ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ФОРМИРОВАНИИ УМЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ У УЧАЩИХСЯ 9 КЛАССА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	327
<i>Ильина Марина Сергеевна</i> ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	331
<i>Крутов Михаил Андреевич</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ УПРАЖНЕНИЙ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ТРИЗ-ЗАДАЧИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ	335

<i>Мусаелян Елена Николаевна, Хайрулина Александра Максимовна</i> РАЗРАБОТКА ЦИФРОВЫХ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ	338
<i>Ражабова Зебо Камолитдиновна</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	342
<i>Савченко Елена Павловна, Холстинина Татьяна Владимировна</i> ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ НАСТАВНИЧЕСТВА В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ НАСТАВНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЯЗЫКОВОМ ФАКУЛЬТЕТЕ	348
<i>Сапарова Барно Ровшановна, Бердиева Селби Мурадовна, Нурбаева Серви Нурмамедовна</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	351
<i>Сапожникова Ольга Валерьевна, Горбунова Александра Евгеньевна, Антипина Елена Сергеевна</i> СОВРЕМЕННОЕ ЗАНЯТИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ФАКТОР ПРИВЛЕЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ КОНТИНГЕНТА ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СПО: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ	355
<i>Севергин Иван Алексеевич</i> ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	359
<i>Холод Надежда Игоревна, Садовникова Дарья Дмитриевна</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКА ГОВОРЕНИЯ	362
<i>Шаталова Ирина Николаевна, Сушенкова Юлия Дмитриевна</i> ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	365
<i>Ширяева Наталья Николаевна, Девина Ирина Викторовна</i> РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	369
<i>Шкилёва Наталья Владимировна</i> ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНЫХ СЦЕН И КОММУНИКАТИВНЫХ ИМПУЛЬСОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	374
<i>Lukjanchikova Alisa Andreevna</i> ENHANCING ACADEMIC MOTIVATION IN HOME READING CLASSES	378
<i>Shirkova Anastasia Aleksandrovna</i> THE AXIOLOGICAL APPROACH IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING: A CREATIVE PROJECT BASED ON THE WORKS OF L. CARROLL 'THROUGH THE LOOKING-GLASS' AND V. GUBAREV 'THE KINGDOM OF CROOKED MIRRORS'	383

НАУЧНЫЕ УСПЕХИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>Волкова Анна Евгеньевна</i> РОЛЕВОЙ ПРОМПТ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ DEEPSEEK В ФОРМАТЕ «ЭКЗАМЕНАТОР – УЧЕНИК»	387
<i>Вострейкин Данил Геннадьевич</i> ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА GUUGU YIMITHIRI И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	390
<i>Выглазов Артём Алексеевич</i> НЕЙРОСЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ АУДИТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТАРШЕКЛАСНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	395

<i>Елфимова Виктория Александровна, Хамлова Евгения Дмитриевна</i> ПРАГМАТИКА ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОК-ДИСКУРСЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ТЕКСТОВ RAMMSTEIN И MÅNESKIN)	398
<i>Заяц Анна Александровна, Антипова Ангелина Александровна</i> КУЛЬТУРНЫЙ КОД И РЕАЛИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОЛНОЦЕННОГО ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ	402
<i>Заяц Анна Александровна, Коверзнева Кристина Сергеевна</i> АНГЛИЙСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ СТЕРЕОТИП: ВОСПРИЯТИЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ	405
<i>Колесников Владислав Сергеевич, Мирошниченко Лариса Николаевна</i> ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ ПРОСМОТРОВОМУ И ПОИСКОВОМУ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИЙ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОИСКА И ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТЕКСТА...	409
<i>Ларионенко Валерия Вячеславовна</i> СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ КОНЦЕПТОВ ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА В РУССКО-АНГЛО-ИТАЛЬЯНСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА МУАММАРА АЛЬ-КАДДАФИ «ЗЕЛЕНАЯ КНИГА»	413
<i>Лебедева Алёна Алексеевна</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ГОРОДА В РОМАНЕ Э.М. РЕМАРКА «ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК»: ВЕРДЕНБРЮК И БЕРЛИН КАК СМЫСЛОВАЯ ОППОЗИЦИЯ... ..	416
<i>Логвиненко Дарья Григорьевна</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ	420
<i>Мальшиев Павел Алексеевич</i> ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫМ КОЛЛОКАЦИЯМ УЧАЩИХСЯ 9-Х КЛАССОВ	425
<i>Мешкова Карина Андреевна</i> ПРИМЕНЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	428
<i>Мороз Татьяна Андреевна, Айсин Кузьма Андреевич</i> ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК НЕЙМИНГА (НА ПРИМЕРЕ ЭРГОНИМОВ В ГОСТИНИЧНОЙ СФЕРЕ)	432
<i>Нерушиян Полина Сергеевна</i> СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	436
<i>Сычёва Элина Алексеевна, Сушенкова Юлия Дмитриевна</i> ИИ-ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕЗЕНТАЦИИ ДОСТИЖЕНИЙ РОССИИ	441
<i>Холод Надежда Игоревна, Владимирова Анастасия Александровна</i> ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛЕСИЧЕСКОГО НАВЫКА (НА ПРИМЕРЕ АНИМАЦИОННОГО СЕРИАЛА «ГРАВИТИ ФОЛЗ»)	445
<i>Dronova Olga Evgenievna</i> NEUROPSYCHOLOGICAL APPROACH IN INCLUSIVE EDUCATION	449
<i>Golubchikova Victoria Alexandrovna</i> THE ROLE OF THE FAMILY IN THE CORRECTION OF SPEECH DISORDERS IN CHILDREN.....	453
<i>Ibodullayev Bekzod Olimjon O‘G‘Li</i> EMPFEHLUNGEN ZUR STEIGERUNG DER MOTIVATION IM FREMDSPRACHENUNTERRICHT	457
<i>Kulik Ksenia Maksimovna</i> LINGUISTIC INTELLIGENCE AND UNDERSTANDING OF FIGURATIVE MEANING: A PSYCHOLINGUISTIC STUDY	461
<i>Malyuk Melisa Bulentovna</i> ANGLICISMS IN K-POP: STRATEGIES OF BORROWING AND THEIR FUNCTIONS (BASED ON THE TEXTS OF BTS SONGS)	464

<i>Misheeva Anastasiya Alexandrovna</i> THEORY OF INVENTIVE PROBLEM SOLVING IN WORK OF A SPEECH THERAPIST	468
<i>Pavlyuchenko Ekaterina Yurievna, Nelasova Alexandra Ivanovna</i> THE LANGUAGE OF MODERN TELEVISION SERIES: NEOLOGISMS AND THEIR REFLECTION IN LIFE	471
<i>Shaulskaya Maria Yurievna</i> ART THERAPY AS A TOOL FOR SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS	474
<i>Tishchenko Elizaveta Valeryevna</i> THE USAGE OF MARIA MONTESSORI'S MATERIALS IN THE CORRECTIONAL WORK OF A SPEECH THERAPIST	479
<i>Zharkova Valeria Alexandrovna</i> THE INFLUENCE OF BIOENERGOPLASTICITY ON THE CORRECTION OF SOUND REPRODUCTION IN VARIOUS SPEECH DISORDERS	483

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕТ В РУССКОЙ, БРИТАНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Атабекян Гоар Вардановна,

*магистрант кафедры восточных и европейских языков, перевода и
лингводидактики Института филологии и межкультурной коммуникации Елецкого
государственного университета им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия,*

научный руководитель: Трегубова Юлия Алексеевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков,
перевода и лингводидактики
института филологии и межкультурной коммуникации
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,
г. Елец, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности коммуникации в деловом этикете трех лингвокультур – русской, британской и китайской. Актуальность исследования обусловлена усилением международных связей, в особенности экономических, и необходимостью формирования межкультурной компетентности у специалистов в сфере деловой коммуникации. Особое внимание в данной работе уделяется сравнительному анализу культурных измерений (индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, контекстность коммуникации).

Ключевые слова: деловой этикет, лингвокультура, коммуникация, межкультурная компетентность, Россия, Великобритания, Китай, стратегии вежливости, культурные измерения.

Введение

В современном мире все больше и больше внимания необходимо уделять иностранным языкам. С годами популярность того или иного иностранного языка может уменьшиться (как с англоговорящими странами) или увеличиться (как с Китаем), однако сам факт того, что какой-либо язык будет необходим для успешного карьерного будущего, все еще остается. Именно поэтому можно считать, что в современном мире огромную часть успешности любого человека составляет знание более одного языка.

Как уже отмечалось современная геополитическая и экономическая ситуация ставит Россию перед необходимостью выстраивать отношения сразу с двумя разными мировыми сторонами: западным (Европа, Америка) и восточным (Китай). В этих условиях знание языка уходит на второй план: на первый выходит межкультурная компетентность – способность чувствовать и понимать невербальные и поведенческие коды собеседника. Именно это определяет актуальность данной работы.

Нам было интересно разобраться, в чём именно заключаются ключевые различия в деловом общении представителей России, Англии и Китая – не только на уровне слов, но и на уровне поведения, жестов, дистанции. Поэтому целью работы стал сравнительный анализ этих аспектов с опорой на свежие эмпирические и теоретические источники, а также собственный опыт работы.

В качестве теоретической базы в исследовании используется работа Э. Холла о делении культуры на высоко- и низкоконтекстную [Hall, 1976]. Однако в работе делается акцент не только на первоисточники, но и на то, как эти теории переосмысляются в актуальных научных публикациях.

Понятие лингвокультуры и делового этикета

Говоря о лингвокультуре, мы имеем в виду не просто язык и не просто культуру по отдельности, а их неразрывное слияние. Язык в этой связке – не столько инструмент общения, сколько архив: он хранит в себе ценности, установки, стереотипы и даже исторические страхи народа-носителя языка, передавая их из поколения в поколение, и за каждым словом стоит целый пласт культурного кода.

Деловой этикет в таком понимании перестаёт быть просто списком правил («когда встать», «кому и как подать руку», «что говорить при встрече»). Это скорее система коммуникативных стратегий, которая выросла из установок глубины культуры. То, как мы здороваемся, как прощаемся, как соглашаемся и спорим, – всё это не случайность, а отражение того, что принято (или не принято) в обществе, как выстроена иерархия, насколько ценится личное пространство и что считается вежливостью.

Здесь важно понимать, что деловой этикет всегда состоит из двух «слоев». Есть слой вербальный – то, что мы говорим: формы вежливости, способы выражения согласия или отказа, обращения к коллегам и партнёрам. А есть слой невербальный – не менее важный, а иногда и более показательный и красноречивый: какое расстояние мы держим между собой и собеседником, разрешены ли прикосновения, как мы используем жесты, взгляд, мимику. Всё это – не просто дополнение к словам, а самостоятельный язык, который в некоторых культурах (например, в китайской или британской) говорит громче любых фраз [Султанова, 2021, с. 305].

Культурные измерения как инструмент сравнения

Для сравнительного анализа трех выбранных лингвокультур наиболее релевантными являются следующие параметры:

- **Индивидуализм и коллективизм:** Британия традиционно относится к культуре индивидуализма, где личные достижения и автономия ценятся выше групповой гармонии. По мнению современных исследователей, Россия занимает промежуточное положение, сочетая в себе черты и коллективизма, и индивидуализма. Китай является классической коллективистской культурой, где интересы группы (семьи, компании) доминируют над личными.

- **Дистанция власти:** Ещё один важный критерий – дистанция власти, то есть то, насколько общество воспринимает неравенство как данность. В Китае она очень высока: иерархия строгая, решения спускаются сверху, и подчинённый не станет открыто оспаривать руководителя. В России дистанция власти тоже значительная, хотя в последние годы заметен тренд на её сокращение. В Британии традиционно сотрудники общаются с руководством свободно, а демократичность считается важной ценностью.

Согласно теории Холла, существует несколько контекстов коммуникации:

- **Британия (низкий контекст):** Правило «говори то, что думаешь». Контракты и инструкции здесь детальны, а устная речь конкретна и прямолинейна. Слова значат именно то, что имеет в виду говорящий. Если британец сказал «это сложно», он имеет в виду именно возникающие трудности, а не вежливый отказ.

- **Китай (высокий контекст):** Искусство читать между строк. Прямое «нет» может считаться грубым, поэтому отказ часто маскируется под фразы «мы подумаем» или «это потребует изучения», «мы это обсудим и дадим вам ответ». Понимание ситуации зависит от контекста встречи, статуса собеседника и даже паузы жестов во время разговора [Хан, 2010, с. 65].

- **Россия (промежуточный тип):** Универсальный контекст. В официальных бумагах и на подписании договоренностей русские стремятся к четкости (как на Западе). Но как только дело касается личных договоренностей или неформальных встреч, используется «высокий контекст»: огромное значение приобретает личная симпатия, «душевность» разговора и невербальные сигналы [Hall, 1976].

Рассмотрим более подробно специфику делового этикета, которые напрямую формируются на основе вышеописанных культурных различий.

Русская лингвокультура

Специфика русского делового общения основывается на противоречии: формально относясь к низкоконтекстной официальной риторике, на практике русская коммуникация разворачивается в стиле высококонтекстного пространства, где главным кодом доступа к смыслу служат личные отношения. В этом заключается ключевое отличие от западных моделей. Для русского участника переговоров — система личных связей, отношений, которая предшествует бизнесу и определяет его суть. Сначала «человек», потом «партнер».

Отсюда появляется ритуальная значимость неформальной фазы. Чаепития, совместные обеды, обсуждение нерабочих тем, даже «перекуры» – это не «разогрев» перед серьезным разговором, а сам разговор на высококонтекстном уровне. Искренний интерес к семье, здоровью, настроению партнера – это для русской лингвокультуры способ создания общего контекста, «общей почвы», на которой можно будет выстраивать долгосрочные деловые отношения.

Что касается речевых стратегий, здесь наблюдается противоречивая смесь прямоты и подтекста. Русская дискуссия, особенно в ситуации экспертного доминирования, допускает категоричность, которая в англосаксонском контексте была бы сочтена грубостью или как минимум нарушением «позитивного лица» собеседника. Прямые оценочные суждения («Вы не правы», «Это неэффективно», «Я категорически не согласен») функционируют не как сигнал конфликта, а как маркер включенности.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что самым важным аспектом является русской лингвокультуры является нескрываемая искренность намерений в деловом общении.

Британская лингвокультура

Британская культура делового общения является одним из ярких примеров высококонтекстуального общения. В данном виде коммуникации основная суть высказываний скрыта за различными формами вежливости, в отличие от искренней прямолинейной русской коммуникации. Основу британской лингвокультуры составляет недосказанность и формальная вежливость. Выражение своих настоящих эмоций, особенно сильных чувств, напрямую показывает британцу несдержанность характера делового партнера, поэтому все серьезные чувства и эмоции будут завуалированы под маской нейтральности, чтобы «сохранить лицо» и контролировать весь коммуникативный процесс.

Среди особенностей британкой коммуникации отдельно стоит обратить внимание на **ритуальность деловой вежливости**. Фразы «Let's catch up soon» или «I'll get back to you», чаще всего являются лишь маркерами завершения беседы, для британцев это всего лишь часть этикета [Мельникова, 2014, с. 2451].

Китайская лингвокультура

Китайская коммуникативная культура основывается на самом главном аспекте поведения любого китайца- стремлении сохранить «лицо», гармонию во взаимоотношениях. Представители этой лингвокультуры максимально избегают негативный высказываний или реакций. Эта особенность породила феномен «уклончивого отказа», при котором никогда не прямой негативный ответ вслух. Вместо этого используются фразы для избегания отрицания «Мы не можем пока вам сообщить», «Это вызовет трудности» и т.д.

Еще одним ключевым аспектом китайской лингвокультуры является соблюдение иерархии и субординации и обращение строго согласно должностям. Пренебрежение данным аспектом коммуникации может разрушить гармонию делового общения и даже сами переговоры [Malyuga, 2023, с. 152].

Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что деловой этикет России, Британии и Китая является прямым отражением их глубинных культурных ценностей, что порождает три принципиально разных стиля коммуникации.

Русская лингвокультура основывается на эмоциональности, искренности и доверии, в британской доминируют формы вежливости, а китайская старается сохранить гармонию в коммуникации.

Успех международного делового общения в современном мире зависит не столько от владения языком, сколько от умения распознавать, понимать и уважать различия

лингвокультур каждой страны. Только когда вы примете особенности общения своего делового партнера и скорректируете свое языковое поведение, вы сможете наладить правильный диалог.

Список литературы

Мельникова М. А. Роль этнических стереотипов в деловом общении представителей разных стран // В мире научных открытий. – 2014. – № 3-6 (51). – С. 2451-2460.

Султанова М. З. Специфика невербальной коммуникации в китайском и русском деловом этикете // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство : материалы конференции. – Уфа, 2021. – С. 305-309.

Хан Т. Особенности коммуникативного поведения китайцев в сфере делового общения // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 9 (223). – С. 65-67.

Hall E. Beyond culture. – New York : Anchor press, 1976. – 611 p.

Malyuga E.N. A corpus-based approach to corporate communication research // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – Vol. 27, No. 1. – P. 152-172.

VERBAL AND NONVERBAL BEHAVIOR: BUSINESS ETIQUETTE IN RUSSIAN, BRITISH AND CHINESE LINGUOCULTURES

Atabekyan Goar Vardanovna,

Master's Student, Department of Eastern and European Languages, Translation and Linguodidactics,

*Institute of Philology and Intercultural Communication,
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia,*

Supervisor: Tregubova Yulia Alekseevna,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Eastern and European Languages, Translation and Linguodidactics,
Institute of Philology and Intercultural Communication,
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia*

Abstract. The article examines the features of communication in business etiquette of three linguocultures – Russian, British and Chinese. The relevance of the study is due to the strengthening of international relations, especially economic ones, and the need to develop intercultural competence among specialists in the field of business communication. Special attention in this work is paid to a comparative analysis of cultural dimensions (individualism/collectivism, power distance, communication contextuality).

Key words: business etiquette, linguoculture, communication, intercultural competence, Russia, Great Britain, China, politeness strategies, cultural dimensions.

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ SNOW И СНЕГ В СОСТАВЕ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ

Бабина Людмила Владимировна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики факультета истории, политологии и филологии Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению интерпретирующего потенциала слов snow и снег лексической категории «природные явления» за счет выявления тех характеристик концептов, объективируемых данными словами, которые оказываются одинаково

востребованными в англоязычной и русскоязычной картине мира при осмыслении других явлений действительности.

Ключевые слова: интерпретирующий потенциал, образное сравнение, механизм «концептуальное сравнение», активизируемая характеристика, лексическая категория «природные явления».

Исследование наименований природных явлений, безусловно, представляет интерес, поскольку сопряжено с решением ряда актуальных проблем. В работах таких исследователей, как А.В. Книга, Н.А. Портнихина, Е.Б. Рябых, Е.Е. Юрков и других, основное внимание уделяется семантической эволюции этих названий, их метафорическому потенциалу и культурным особенностям. Вместе с тем, важным направлением анализа является изучение интерпретирующей функции данных наименований. Согласно концепции Н.Н. Болдырева, именно активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов является проявлением интерпретирующего характера сознания. Этот принцип находит отражение в языковом сознании, языковой картине мира, системе языка и дискурсивной деятельности, направленной на осмысление действительности [Болдырев, 2019, с. 297].

Целью данной статьи является изучение функционирования слов *snow* и *снег* в составе образных сравнительных конструкций, что позволяет выявить интерпретирующий потенциал этих слов.

При проведении исследования исходим из того, что сравнение выступает как «механизм, позволяющий создавать новые смыслы на основе вторичной интерпретации знаний о мире за счет акцентирования черт сходства и отличия между объектами и явлениями» [Блохина, 2024, с. 9]. В образных сравнительных конструкциях слова *snow* и *снег*, отсылают к области-источника. При концептуальном сопоставлении характеристик области-источника и области-цели происходит их соотнесение по сходству или различию. Активизируя наши знания о снеге, эти слова реализуют свой интерпретирующий потенциал, выступая инструментом познания и оценки явлений окружающей действительности. Далее мы рассмотрим, какие именно представления о снеге (характеристики концепта-источника) объективируются данными словами при сравнении:

- 'colour' и 'цвет'

(1) *The white gardenias smell so strong, they make her dizzy. The chuppah is white satin, draped over bamboo poles. The white grows clearer and larger as Shayna approaches. Father lets go. The garden is hushed, pulsing with heat. But the satin looks like snow, looks white enough to melt a fever* [<http://corpus.byu.edu/coca/>].

Смысл, передаваемый образным сравнением со словом *snow*, формируется с помощью когнитивного механизма «концептуальное сравнение». При осмыслении учитывается характеристика 'colour', а именно белизна, чистота (всё вокруг белое: сад, цветы, ткань, что создаёт ощущение стерильности и отстранённости, поскольку снег ассоциируется с абсолютной белизной, чистотой). Кроме того, снег традиционно связан с холодом, это свойство используется для передачи внутреннего состояния героини: она чувствует жар, волнение, возможно, страх, а белизна и холод сатина (сравниваемого со снегом) создают контраст с её физическим и эмоциональным напряжением.

(2) *Вскоре они уже пересекли всю холмистую Калифорнию и тогда медленно, будто бы в киношном замедлении, выплыли на белый как снег пляж Кармел. Москвич глазам своим не верил: Уэйны, Пеки, Куперы и Гейблы спокойно спешивались и отпускали своих коней, а те, спокойно помахивая гривами, уходили в темный океан, а тот спокойно, но с интересом рычал, как будто гигантский зрительный зал перед концертом /Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976/ [<https://ruscorpora.ru>].*

При осмыслении образной сравнительной конструкции со словом *снег* в фокус попадает характеристика 'цвет'. Также как и в предыдущем примере учитываются такие свойства снега, как белизна и чистота. За счет сравнения со снегом подчёркивается

необычность, почти нереальность пейзажа: пляж кажется герою настолько белым, что вызывает удивление и недоверие. Еще одним свойством, на которое опирается образное сравнение, является эффект свежести. Поскольку снег в культуре часто связан с чем-то новым, только что появившимся, сравнение позволяет подчеркнуть яркость и необычность впечатления, которое производит пляж на героя. Таким образом, образное сравнение со словом *снег* помогает создать яркую картину места действия.

- 'the transition of water from the solid state (snow) to the liquid state (water), and then from the liquid state to the gaseous state' и 'переход воды из твердого состояния (снег) в жидкое (вода), а затем из жидкого в газообразное'

(3) *Parson thought this was ridiculous, but he realized that even days before he would flee, the Shah was unable to acknowledge that power had slid from him like snow from the mountains in spring* [<http://bncweb.lancs.ac.uk>].

Когнитивный механизм «концептуальное сравнение» используется при осмыслении образного сравнения со словом *snow*, в данном контексте снег символизирует неустойчивость, массовость и необратимость процесса утраты власти. Учитываются такие свойства снега, как неизбежность таяния снега весной (сравнение намекает, что уход власти стал закономерным итогом, а не случайностью), массовость таяния (автор подчёркивает, что утрата власти происходит не постепенно, а стремительно и неизбежно, как сход снега весной).

(4) *Я не ошибся в тебе? Нет, – обреченно ответила Ольга, чувствуя, что недавнее счастье стремительно тает, как снег под горячими лучами солнца. Когда ты думаешь ограбить банк? Через три дня, детка, – честно ответил Стась /Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)/* [<https://ruscorpora.ru>].

Осмысление образного сравнения со словом *снег*, позволяющего усилить драматический эффект, придать сцене дополнительный смысл и насыщенность, осуществляется за счет когнитивного механизма «концептуальное сравнение». Активизируется характеристика 'переход воды из твердого состояния (снег) в жидкое (вода), а затем из жидкого в газообразное', а также связанное с ней представление о влиянии внешних условий, быстротечность изменения состояний снега.

- 'downward movement of snowflakes' и 'нисходящее движение снежинок'

(5) *On their long car ride to the Grand Canyon, she wrote a short memoir about herself in hieroglyphics. She didn't share it with Jack or Teijo, and when she arrived at the Grand Canyon later that day she ripped it up into a million pieces and watched as her biography fell to the bottom of the earth like snow* [<http://corpus.byu.edu/coca/>].

Для осмысления образного сравнения используется когнитивный механизм «концептуальное сравнение», активизируется характеристика 'downward movement of snowflakes'. Учитывается то, что падение снега представляется как стихийный и неконтролируемый процесс, снег падает независимо от желания человека. Также принимается во внимание легкость и хрупкость, подобно лёгкому пушистому снегу, детали жизни теряют вес и значимость перед лицом масштабных природных явлений, таких как Большой Каньон или неизбежность угасания Солнца.

(6) *Я все не могла понять, к чему клонит Маня. А ведь этот песочек, если взять его горстями да кидать его над собой вверх, будет падать на нас, словно снег. Представляешь, какая красота? Стоим в снегу, а сверху на нас падает снег. Летом! /Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)/* [<https://ruscorpora.ru>].

При осмыслении образного сравнения используется когнитивный механизм «концептуальное сравнение», активизируется характеристика 'нисходящее движение снежинок'. Учитывается свойство снега падать мягко, плавно, создавая ощущение лёгкости и неспешности. Кроме того, принимаются во внимание белизна и визуальная лёгкость, именно цвет и чистота снега становятся основой для образного сравнения. Снег выступает символом белизны, мягкости, лёгкости и волшебства, а также подчёркивает детскую фантазию и радость от необычного опыта.

- 'unexpected snowfall' и 'неожиданность выпадения снега'

(7) *'I don't think Fangio's has actually been built yet, chief'*

'And who said anything about Fangio's?' I asked, like snow on a Russian's boot. 'Did you ever hear me describe Fangio's?' [http://bncweb.lancs.ac.uk].

Осмысление данного образного сравнения предполагает активизацию характеристики 'unexpected snowfall' за счет когнитивного механизма «концептуальное сравнение». Эта характеристика используется автором для того, чтобы передать скрытый подтекст разговора: герой хочет показать, что тема была поднята неожиданно и незаметно. Снег, как известно, может внезапно появляться на обуви и становиться неожиданным элементом повседневной жизни, поэтому образ снега на сапоге русского подчёркивает внезапность появления вопроса или информации.

Следует отметить, что в русском языке образные сравнения, для осмысления которых активизируется характеристика 'неожиданность выпадения снега', довольно частое явление.

(8) *Теперь оценим вероятность того, что банкротство способно обрушиться на вас внезапно, словно снег на голову. Вероятность этого, мне кажется, не выше вероятности неожиданного наступления зимы для коммунальных служб, то есть прямо пропорциональна степени легкомысленности руководителя потенциальной жертвы банкротства /Защита от «заказного» банкротства (2004) // «Арбитражный и гражданский процессы», 25.10.2004/ [https://ruscorpora.ru].*

При осмыслении образного сравнения со словом *снег* используется когнитивный механизм «концептуальное сравнение», учитываются такие свойства снега, как неожиданность появления (снег может выпасть внезапно, когда к его появлению не подготовлены и не ждут), а также массовость и неизбежность (выпадения снега избежать невозможно). Таким образом, использование образного сравнения позволяет передать идею того, что банкротство, как и снег на голову, может настичь неожиданно и только легкомысленный руководитель окажется не готов к такому развитию событий.

- 'snow reflection' и 'отражение снега'

(9) *Then Jem stopped and went back for his bleach. Only Doug's hooking his arm stopped Jem from emptying the jug over the man's shattered face. That close, Doug could see the pale, nearly white-blue of Jem's irises within the recesses of the goalie mask, glowing like snow at night. Doug twisted the bleach out of Jem's hand and told him to load the bags* [http://corpus.byu.edu/coca/].

Для понимания образного сравнения со словом *snow* требуется активизировать представление о способности снега светиться в темноте (снег ночью может отражать даже слабый свет, создавая эффект свечения, что усиливает образ необычности и напряжённости сцены). Также принимается во внимание цвет снега (снег ассоциируется с очень светлым, почти белым оттенком, что подчёркивает необычную бледность глаз персонажа). В совокупности это позволяет передать эмоциональный оттенок – ощущение холода и отчуждённости.

(10) *Порой слезы загорались в глазах ее; тогда старик нежно гладил ее по голове, как ребенка, и она еще крепче обнимала его своею обнаженной, сверкающею, как снег, рукою и еще любовнее припадала к груди его /Ф. М. Достоевский. Хозяйка (1847)/ [https://ruscorpora.ru].*

При осмыслении образного сравнения за счет когнитивного механизма «концептуальное сравнение» учитывается характеристика 'отражение снега', а именно свойство снега блестеть на солнце или при искусственном освещении (рука Катерины не просто белая, а сияющая, привлекающая внимание, что усиливает драматизм сцены). Принимается во внимание также белизна и чистота снега (подчёркивается особая, почти неземная красота руки Катерины, её хрупкость и чистота).

Подводя итог, можно сказать, что интерпретирующий потенциал слов *snow* и *снег* в составе образных сравнительных конструкций довольно богат. Благодаря когнитивному

механизму «концептуальное сравнение» на основе характеристик области-источника, отражающих представление о цвете снега, его способности переходить в разные состояния, отражать свет, плавном и неспешном падении снежинок, неожиданности появления снега, осмысляются другие явления окружающего человека мира, передается его отношение, оценка этих явлений. При этом в русском языке отмечается довольно много примеров, привлекающих представления о неожиданности выпадения снега, в отличие от английского языка.

Список литературы

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 480 с. – ISBN 978-5-907117-21-1.

Блохина Е.Д. Сравнение как способ вторичной интерпретации мира в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов: ТГУ, 2024. – 23 с.

Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

British National Corpus. – URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk> (дата обращения: 12.01.2026).

The Corpus of Contemporary American English. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 12.01.2026).

THE INTERPRETATIONAL POTENTIAL OF THE LEXEMES SNOW AND SNEG IN SIMILES

Liudmila Vladimirovna Babina,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Philology and Applied Linguistics,
Faculty of History, Political Science, and Philology, Tambov State University named after G.R.
Derzhavin, Tambov, Russia*

Abstract. This article examines the interpretative potential of the words *snow* and *sneg* within the lexical category of “natural phenomena” by identifying those characteristics of the concepts represented by these words that are equally relevant in the English- and Russian-language worldviews when understanding other phenomena.

Key words: interpretative potential, simile, mechanism of “conceptual comparison”, activated characteristic, lexical category of “natural phenomena”.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИЧНОГО КОДА В РОМАНЕ Х.ДУСТМУХАММАДА «МУДРЫЙ СИЗИФ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Буранова Жамила Алиевна,

*докторант кафедры узбекского литературоведения Национального университета
имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан*

Аннотация. Статья рассматривает трансформацию античного мифологического кода о Сизифе в романе Хуршида Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» (2016) с позиций лингвокультурологии и семантического анализа. Показывается, как семантическая структура ключевого концепта «Сизифов труд» радикально перестраивается под влиянием узбекской лингвокультурной традиции: от западноевропейского значения бессмысленности и абсурда к восточному комплексу смыслов «ирода + сабр + донишмандлик» (воля + терпение + мудрость). Особое внимание уделяется языковым средствам реализации этой трансформации: лексико-семантическому полю «труд /

мехнат», приёму персонификации камня, потоку сознания и диалогу с неодушевлённым объектом.

Ключевые слова: лингвокультурология, семантическая трансформация, античный миф, Сизиф, ирода, сабр, мехнат, узбекская литература независимости, мифопоэтика, поток сознания.

В современной узбекской литературе периода независимости (1991–по настоящее время) особенно ярко проявляется процесс инкультурации (культурной адаптации и переосмысления) мировых мифологических архетипов в национальное лингвокультурное пространство. Этот процесс выходит далеко за рамки простого заимствования или декоративного использования чужеродных сюжетов: он становится одним из ключевых механизмов формирования постсоветской / постколониальной идентичности, поиска новых смыслов в условиях идеологического вакуума и глобализационных вызовов. Роман Хуршида Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» («Донишманд Сизиф», 2016) – один из наиболее выразительных и концептуально насыщенных примеров такой инкультурации. Автор берёт один из самых узнаваемых и «тяжёлых» античных мифов – миф о Сизифе, который в европейской культурной традиции на протяжении веков ассоциировался с бессмысленным, бесконечно повторяющимся трудом и экзистенциальной безысходностью, – и подвергает его глубокой, многоуровневой семантической и лингвокультурной трансформации, переводя из парадигмы абсурда и трагического бунта в пространство восточной мудрости, духовного восхождения и национального самосознания.

В древнегреческой мифологической традиции Сизиф, царь Коринфа, наказан богами за свою дерзкую хитрость и попытки обмануть саму смерть. Его вечная участь – вкатывать на крутую гору тяжёлый камень, который, едва достигнув вершины, неизбежно срывается вниз, обнуляя все усилия и возвращая героя в исходную точку [Грейвс, 1992, с. 217]. Этот образ изначально несёт в себе мощный семантический заряд тщеты, бессилия человека перед божественным произволом и цикличности бессмысленного существования. В XX веке Альбер Камю в своём знаменитом эссе «Миф о Сизифе» (1942) радикально переосмысливает и усиливает эту семантику, превращая Сизифа в центральную фигуру философии абсурда. Осознание полной бессмысленности мира становится для Камю исходной точкой: вместо отчаяния или самоубийства человек выбирает бунт – осознанное, упрямое продолжение действия вопреки очевидной бесцельности. Знаменитая финальная фраза эссе – «Надо вообразить Сизифа счастливым» – фиксирует парадоксальное торжество одинокого бунтаря в абсурдном, лишённом высшего смысла мире [Камю, 1942, с. 123].

Эта интерпретация прочно закрепилась в европейской культуре и языке. Выражение «Сизифов труд» (англ. Sisyphian task / Sisyphian labour, фр. travail de Sisyphe, нем. Sisyphusarbeit) стало интернациональным фразеологизмом, обозначающим бесполезное, бесконечно повторяющееся усилие, которое никогда не приводит к окончательному результату. Семантическое ядро концепта в западноевропейской картине мира – магносизлик (бессмысленность), бекорчилик (тщета), абсурд и трагическое одиночество человека перед лицом равнодушной вселенной.

Именно эту устоявшуюся семантику и разрушает (а точнее – радикально перестраивает) Хуршид Дустмухаммад. Уже на уровне заглавия «Донишманд Сизиф» происходит первое мощное лингвокультурное смещение: эпитет донишманд (мудрый, обладающий глубокой, почти суфийской мудростью) прямо противоречит классическому образу Сизифа как наказанного за гордыню и хитроумие. Мудрость здесь не привносится извне – она рождается внутри самого процесса бесконечного труда. Таким образом, заглавие сразу задаёт новую семантическую доминанту: вместо наказания за гордыню – обретение мудрости через горнило испытания.

Первая же фраза романа продолжает и усиливает этот аксиологический поворот: «Камень силача катится вверх...» [Дустмухаммад, 2016, с. 250]. Внимание читателя сразу

фиксируется не на падении, не на поражении, а на движении вверх, на преодолении, на силе. Лексема «силач» (кучли одам, мощный, сильный человек) вводит в текст положительную аксиологию физической и духовной мощи, которая в узбекской культуре традиционно ассоциируется с героизмом, стойкостью и внутренней мощью (ср. образы Алпамыша, Гуроглы, Тимура). Уже здесь начинается перестройка лексико-семантического поля: на место европейского «падение / тщета / абсурд» приходит узбекское «юкорига чикиш / куч / ирода / мехнат». Уже на первых страницах романа закладывается фундамент для последующей полной инверсии смысла: античный миф, веками символизировавший поражение человека, начинает работать в совершенно иной культурно-семантической системе координат – системе, где бесконечный труд не проклятие, а путь к внутренней свободе, мудрости и духовному торжеству.

В узбекском лингвокультурном пространстве традиционная семантика «Сизифова труда» подвергается радикальному переосмыслению и полной инверсии ценностных акцентов. Уже на уровне заглавия романа «Донишманд Сизиф» происходит первое, наиболее заметное и символически мощное смещение. Эпитет донишманд – «мудрый», «обладающий глубокой, почти суфийской мудростью», «постигший скрытый смысл вещей» – вступает в прямое противоречие с классическим греческим образом Сизифа как хитреца, гордеца и обманщика богов, наказанного именно за свою чрезмерную дерзость и интеллектуальную гордыню. Введение этого эпитета в номинацию героя сразу задаёт новую аксиологическую рамку: наказание превращается в школу мудрости, а бесконечный труд – в путь к духовному прозрению. Таким образом, уже на уровне ономастической стратегии (называния главного персонажа) начинается глубокая семантическая переориентация всего мифа: от наказания за гордыню – к обретению мудрости через горнило испытания.

Первая фраза романа «Камень силача катится вверх...» [Дустмухаммад, 2016, с. 250] закрепляет и усиливает этот аксиологический поворот. Внимание читателя мгновенно переключается с традиционного для мифа фокуса на падении и поражении (камень скатывается вниз) на противоположный вектор – подъём, движение вверх, поступательное усилие. Более того, субъект действия назван не просто «Сизиф», а «силач» (кучли одам, мощный, сильный человек). Лексема «силач» вводит в текст положительную, героическую коннотацию физической и духовной мощи, которая в узбекской культурной традиции устойчиво ассоциируется с национальными эпическими героями – Алпамышем, Гуроглы, Джавохиром, Тимуром. Таким образом, уже в первой строке происходит замена доминирующего европейского лексико-семантического поля «тушиб кетмоқ / бекор / маъносиз / абсурд / поражение» на принципиально иное узбекское поле: «катилмоқ / юкорига чикмоқ / куч / ирода / мехнат / ҳаракат».

Одним из наиболее ярких и функционально нагруженных лингвистических механизмов этой трансформации становится персонификация камня – приём, который выводит повествование далеко за пределы классической мифологической схемы. Камень перестаёт быть мёртвым, инертным орудием божественного наказания: автор наделяет его антропоморфными признаками – жон (душа), фикр (мысль, разум), хотира (память), даже способность к ответу и диалогу. Сизиф начинает обращаться к камню как к живому собеседнику, равному участнику духовного процесса. Этот приём глубоко укоренён в восточной (в первую очередь суфийской и классической персо-таджикско-узбекской) поэтической традиции, где неодушевлённые предметы природы или вещи часто становятся партнёрами по мистическому диалогу и зеркалом внутреннего состояния человека. Достаточно вспомнить многочисленные газели Навои, где роза, соловей, свеча, зеркало, река или гора обретают голос и вступают в беседу с лирическим героем; или прозаические и поэтические тексты Бабура, где окружающий мир одушевляется и становится соучастником духовного поиска.

В романе Дустмухаммада диалог Сизифа с камнем выполняет сразу несколько функций: переводит миф из плоскости внешнего принуждения (боги → наказание →

камень как инструмент) в пространство внутреннего самопознания и самопреодоления; превращает камень из символа бессмысленности в символ зеркала души и спутника на пути духовного восхождения; актуализирует суфийскую идею о том, что весь видимый мир – проявление единой божественной реальности, и даже «мёртвая» материя может стать проводником к познанию истины; усиливает антропоцентризм и гуманистический пафос: герой не жертва судьбы, а активный субъект, который сам творит смысл своей участи через диалог и рефлексию.

Таким образом, персонификация камня становится не стилистическим украшением, а ключевым лингвокультурным механизмом, через который античный миф полностью интегрируется в узбекскую картину мира. В результате «Сизифов камень» перестаёт быть знаком абсурда и поражения – он превращается в символ спутника, учителя, зеркала и даже со-страдальца на пути к донишмандлик (мудрости), где бесконечное усилие обретает высший духовный смысл.

Ключевой концепт, вокруг которого выстраивается вся семантическая и лингвокультурная перестройка мифа в романе, – это «ирода» (воля, внутренняя сила, решимость, духовная устремлённость). В европейской экзистенциалистской традиции, представленной Альбером Камю, воля трактуется как акт бунта – радикальное, почти отчаянное «нет» абсурду, упрямое утверждение человеческого достоинства в мире, лишённом объективного смысла. У Дустмухаммада же ирода обретает глубоко сакральный, почти мистический статус: она становится единственным подлинным покровителем и спасителем человека в мире испытаний. Прямая цитата из текста подчёркивает эту идею с предельной ясностью: «Сизиф учун ўз иродасидан бошқа ҳомий ва нажоткор йўқ эди» [Дустмухаммад, 2016, с. 260]. Здесь ирода предстаёт не просто психологическим ресурсом, а высшей духовной силой, близкой к суфийскому пониманию ирода как направленной на Бога и на совершенствование души воли, которая выше любых внешних обстоятельств и божественных приговоров.

Финальные страницы романа возводят эту мысль в квинтэссенцию авторской философии: «Курук ирода эмас, фаол ирода яратувчидир... сабр, сабр, сабр...» [Дустмухаммад, 2016, с. 290]. Лексема «курук» (сухая, формальная, бесплодная) противопоставляется «фаол» (действующая, живая, творящая), подчёркивая, что истинная воля – это не абстрактное упрямство, а конкретное, непрерывное действие, подкреплённое сабр (терпением, стойкостью в бедствиях). Таким образом, в узбекском тексте формируется устойчивое лингвокультурное сочетание «ирода + сабр + меҳнат», которое рождает высший концепт донишмандлик – мудрости, достигаемой не через интеллектуальное озарение или внешнюю победу, а через длительное, сознательное, духовно осмысленное усилие. Этот триадный концепт «ирода + сабр + меҳнат = донишмандлик» является одним из стержневых в узбекской картине мира, особенно в постсоветский период, когда национальное самосознание активно ищет опоры в традиционных духовных ценностях суфийского и народного толка.

Семантическая трансформация получает мощную поддержку на уровне нарративной техники – прежде всего через приём потока сознания. Этот модернистский приём позволяет автору показать эволюцию восприятия героем собственной участи не как серию внешних событий, а как постепенный, внутренний, почти медитативный процесс. Читатель получает доступ к непрерывному внутреннему монологу Сизифа, где мысли, воспоминания, сомнения, вспышки гнева и внезапные озарения перетекают друг в друга без жёстких границ. Именно через поток сознания раскрывается траектория духовного роста: от начального бунта и непонимания («почему именно я?») – через мучительные этапы сомнения и поиска смысла – к осознанному, почти нежному принятию камня как неотъемлемой части своего пути. В поздних фазах монолога камень перестаёт восприниматься как враг или наказание – он становится спутником, собеседником, даже объектом своеобразной «любви» в суфийском смысле: любви к тому, что дано преодолеть, чтобы стать собой.

Этот нарративный приём делает трансформацию мифа не внешней (навязанной автором или идеологией), а глубоко внутренней, органично переживаемой самим героем. Поток сознания подчёркивает субъективность и постепенность изменения: Сизиф не получает внезапного откровения свыше, а приходит к донишмандлику через накопленный опыт, через тысячи повторяющихся усилий и размышлений. Тем самым роман утверждает восточную модель познания истины – через длительное, терпеливое, волевое погружение в реальность, а не через интеллектуальный прорыв или бунтарский жест. В результате античный миф, веками служивший символом человеческого бессилия, в узбекском лингвокультурном контексте превращается в повествование о внутренней победе, где бесконечный подъём камня становится метафорой духовного восхождения, ведущего к мудрости и свободе.

В контексте узбекской литературы периода независимости (1991–настоящее время) роман Хуршида Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» («Донишманд Сизиф») органично вписывается в мощный и разнообразный поток мифопоэтических произведений, где мировые мифологические коды (античные, библейские, суфийские, шаманские, эпические) перестают быть экзотическими заимствованиями или стилистическими украшениями и превращаются в один из главных инструментов постколониальной и постсоветской самоидентификации. Среди наиболее ярких примеров такого подхода – эпическо-философская поэма «Гороглы» Назира Эшонкула, где образ легендарного народного мстителя Гороглы становится символом национального сопротивления, духовного возрождения и возвращения к корням; роман «Озод» («Свободный») Исаджона Султона, насыщенный библейскими и восточными мотивами поиска внутренней свободы в условиях тоталитарного прошлого; философско-мифологический «Платон» Амона Мухтора, где античный образ мудреца переосмысливается через призму узбекской ментальности и суфийской этики; а также ряд других текстов, в которых миф служит мостом между утраченным прошлым и искомым будущим [Якубов, 2023, с. 24-26].

Однако именно в «Мудром Сизифе» лингвокультурная и семантическая адаптация античного кода достигает наибольшей глубины и радикальности. Здесь происходит не поверхностная «узбекизация» мифа (добавление локального колорита или национальных деталей), а создание принципиально новой семантической конфигурации. Через тщательное переосмысление ключевых лексем и концептов узбекского языка и культуры – мехнат (труд как священный процесс), ирода (воля как духовная сила), сабр (терпение как активная практика стойкости), донишмандлик (мудрость как высшее достижение души) – автор выстраивает альтернативную картину мира. В этой картине восточная философия жизни, пропитанная суфийскими идеалами рида (довольства божественной волей), сабр и ирода, одерживает убедительную победу над западноевропейским экзистенциальным трагизмом. Камюсовский Сизиф – трагический одиночка, бунтующий в пустоте абсурда, – уступает место Дустмухаммадову Сизифу – мудрецу, который через бесконечное усилие обретает внутреннюю свободу, коллективную солидарность с человечеством и высший смысл бытия.

Таким образом, лингвокультурологический и семантический анализ романа Х. Дустмухаммада убедительно демонстрирует, что античный мифологический код может быть не просто заимствован или адаптирован, а радикально перестроен в полном соответствии с национальной картиной мира и духовными ценностями узбекского народа. В результате один из самых «тяжёлых» символов мировой культуры – «Сизифов труд» – полностью теряет своё традиционное значение символа абсурда, тщеты и человеческого бессилия. Он превращается в мощную метафору духовного восхождения: бесконечное физическое и душевное усилие, подкреплённое иродом (волей) и сабром (терпением), ведёт к донишмандлику – той мудрости, которая стоит выше любой внешней победы, выше временных достижений и поражений. Эта мудрость рождается не из внезапного озарения или интеллектуального прорыва, а из длительного, сознательного, почти медитативного погружения в реальность труда и испытания.

В конечном счёте роман «Мудрый Сизиф» становится не только выдающимся литературным произведением, но и ярким манифестом восточного оптимизма и духовной стойкости. Он утверждает, что даже в самой тяжёлой, на первый взгляд бессмысленной ноше можно обрести счастье, свободу и высший смысл – если нести её с ирода, сабр и любовью к тому, что дано преодолеть. Таким образом, античный миф, пройдя через узбекское лингвокультурное пространство, возвращается в мировую культуру обогащённым новой, жизнеутверждающей семантикой – семантикой, в которой труд перестаёт быть проклятием и становится путём к просветлению.

Список литературы

- Авезкулова К.К. Специфика праобраза Сизифа в романе Х.Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» // Экономика и социум. – 2021. – № 10 (89). – С. 3-8.
- Буранова Ж.А. Идеиный смысл и мифологизм романа «Мудрый Сизиф» («Донишманд Сизиф») Х. Дустмухаммада // Российская наука в современном мире : материалы XXVIII Международной научно-практической конференции. – Москва, 2020. – С. 167-170.
- Грейвс Р. Греческие мифы. – М.: Прогресс, 1992. – 752 с.
- Дустмухаммад Х. Мудрый Сизиф: Роман. – Ташкент: Узбекистон НМИУ, 2016. – 320 с.
- Камю А. Миф о Сизифе // Миф о Сизифе: Эссе об абсурде. – М.: Политиздат, 1990 (оригинал 1942). – С. 45-123.
- Сулейманова Н. Альбер Камю и Хуршид Дустмухаммад: миф о Сизифе // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. – 2021. – Vol. 9. – № 5. – С. 78-82.
- Эргашева Г.Ш. Основная мысль мифа о Сизифе в романе Х.Дустмухаммада «Мудрый Сизиф» // Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования. – 2024. – Т. 3, № 2. – С. 16–20.
- Якубов И.А. Поэтика узбекских романов в годы независимости: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 2023. – 48 с.

TRANSFORMATION OF THE ANTIQUE CODE IN KH. DUSTMUKHAMMAD'S NOVEL "THE WISE SISYPHUS": LINGUOCULTUROLOGICAL AND SEMANTIC ASPECTS

Buranova Jamila Alievna,

*PhD student at the Department of Uzbek Literary Studies,
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The article examines the transformation of the ancient mythological code of Sisyphus in Khurshid Dustmukhammad's novel "The Wise Sisyphus" (2016) from the perspectives of linguoculturology and semantic analysis. It demonstrates how the semantic structure of the key concept "Sisyphus' labor" is radically reconstructed under the influence of the Uzbek linguocultural tradition: shifting from the Western European meaning of meaninglessness and absurdity to the Eastern complex of meanings "iroda + sabr + donishmandlik" (will + patience + wisdom). Special attention is paid to the linguistic means of implementing this transformation: the lexico-semantic field of "labor / mehnat", the technique of personification of the stone, the stream of consciousness, and the dialogue with an inanimate object.

Key words: linguoculturology, semantic transformation, ancient myth, Sisyphus, iroda, sabr, mehnat, Uzbek literature of independence, mythopoetics, stream of consciousness.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РАСПАДА СССР В РУССКОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Водолазская Арина Павловна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Мирошниченко Лариса Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу метафорических моделей репрезентации распада СССР в русскоязычном и англоязычном публицистическом дискурсе. Выделяются основные метафорические модели (ОРГАНИЗМ, ЗДАНИЕ, СЕМЬЯ/ИМПЕРИЯ) и сопоставляются их прагматические функции в российских и западных медиа. Отмечаются отличия оценочной тональности в русском и англоязычном публицистическом дискурсе. При общем наборе концептуальных схем выявляются национально-специфические нарративы.

Ключевые слова: метафорическая модель, распад СССР, публицистический дискурс, концептуальная метафора, политическая лингвистика.

Распад СССР в декабре 1991 года стал поворотным моментом мировой истории, изменившим геополитическую карту и траекторию развития постсоветских государств. В публицистическом дискурсе это событие рассматривается при помощи устойчивых метафорических моделей, которые не только описывают, но и оценивают причины и последствия «конца советской истории». Как отмечает Л.Е. Адясова, «данные метафорические модели опираются на эмоциональное восприятие объекта переноса, что делает их, с одной стороны, экспрессивным средством выразительности, с другой – эффективным инструментом для манипулирования массовым сознанием или актуализатором ностальгического дискурса» [Адясова, 2016, с. 15-16].

Актуальность исследования обусловлена продолжающимся влиянием метафорических интерпретаций распада СССР на формирование исторической памяти и политической идентичности. Сравнительный анализ русского и англоязычного дискурса позволяет выявить как универсальные когнитивные схемы, так и культурно-специфические маркеры. Цель статьи – описать некоторые метафорические модели и их прагматические функции на материале публицистических текстов.

Теоретическая база исследования опирается на концептуальную теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении: «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, 1990, с. 390].

В русскоязычной традиции метафора трактуется как «устойчивые соответствия между областью-источником и областью-мишенью, зафиксированные в культуре» [Сенцов, 2015]. Метафорическая модель понимается как устойчивая когнитивная структура, реализующаяся в системно связанных языковых выражениях.

В политическом дискурсе метафоры обладают манипулятивным потенциалом, реализуя стратегии оценивания и легитимации. Особое значение для анализа распада СССР имеют морбальная метафора (болезнь, смерть) и архитектурная (дом, здание), позволяющие вербализовать кризис и трансформацию системы [Сидельникова, 2016, с. 153].

Согласно Р.Д. Андерсону, анализ советско-российского политического дискурса 1966-1993 гг. показывает, что демократизация сопровождается сменой «вертикальных» метафор субординации (гигантомания, патернализм) на «горизонтальные» (диалог, спектр, левые/правые), причём изменение метафор предшествует политическим трансформациям и обладает каузальной силой [Anderson, 2001]. Это согласуется с теорией Дж. Лакоффа и М. Джонсона о прагматическом потенциале концептуальной метафоры, демонстрируя её роль в отражении и формировании общественных процессов. В контексте распада СССР такая смена метафор фиксирует переход от авторитарного дискурса («несущая конструкция Союза») к постсоветскому плюрализму.

Данные метафоры не только отражают восприятие распада как неизбежного процесса, но и служат инструментом для оправдания политических изменений, подчеркивая их «естественность». Рассмотрим некоторые метафорические модели подробнее.

Модель «СССР – больной организм»

Морбиальная модель представляет СССР как нежизнеспособный организм: «СССР долго болел», «советская система исчерпала ресурсы». Распад отражается как неизбежный исход болезни. Согласно А.П. Чудинову, этот разряд можно отнести к антропоморфной метафоре, моделирующей политическую реальность по человеческому подобию с использованием сфер «Анатомия и физиология», «Болезнь» [Чудинов, 2001, с. 94]. В русскоязычном дискурсе 1991 г.: «у СССР две болезни, и каждая по-своему тяжела» [Независимая газета, 1991в, с. 1]; «Государство с названием СССР погибло не от внешних врагов, а от хронических внутренних болезней» [Независимая газета, 1991а, с. 1]. В документах и фактах о политике М.С. Горбачева встречается следующее высказывание: «Разрывать эти связи – значит резать по живому», что усиливает образ единого организма с взаимосвязанными «сосудами» [Союз можно было сохранить, 2007, с. 84]. Англоязычные аналоги: «the Soviet system was dying», «moribund regime» [Rodgers, 2021, p. 16]. Модель нормализует распад, но русский дискурс акцентирует травму («рана распада»).

Модель «СССР – здание/дом»

Архитектурная метафора осмысляет СССР как сложную конструкцию, распад – как демонтаж несущих элементов. В газетах 1991 г. встречаются такие метафорические выражения, как: «на развалинах тоталитарной системы» [Известия, 1991, с. 1]; «лавинообразным распадом некогда казавшейся прочной державы» [Независимая газета, 1991б, с. 3]. В интервью для газеты, М.С. Горбачев говорит: «Я согласен строить любой Союз, но строить, а не разваливать» [Союз можно было сохранить, 2007, с. 417]; «Россия – несущая конструкция Союза», где подчёркивается роль России как «фундамента» [Союз можно было сохранить, 2007, с. 268].

Англоязычные аналоги: «the collapse of the Soviet Union», «crumbling empire». В публицистике: «The moral and physical collapse of something that once seemed permanent: the Soviet Union. Don't assume western democracy will last forever» [Mason, 2016], где архитектурная метафора («collapse») служит предупреждением о хрупкости любых систем, включая западную демократию. Позитивный советский образ «общего дома» трансформируется в универсальный сценарий разрушения «прочных конструкций».

Модель «СССР – семья/империя»

Семейно-имперская модель концептуализирует СССР как «семья народов» или «империя», распад – как развод или «dissolution:» «бывшие республики разошлись» [Бубнов, 2022, с. 84]. В газетах писали: «Рухнула империя и образовались независимые государства» [Независимая газета, 1991г, с. 1]. «Государства, в котором неразрывно сплелись и судьбы народов, и миллионы человеческих судеб», что усиливает образ органического единства [Белая книга, 2007, с. 240]. Англоязычные тексты: «the Soviet empire disintegrated» [Hoffman, 2016]. Рассматриваемая модель сохраняет идеологический заряд советской риторики «дружной семьи народов», но переосмысливает её в контексте

утраты единства (русский дискурс) или освобождения периферии (западный), отражая борьбу за интерпретацию распада как трагедии или триумфа.

Проведённый анализ показывает, что метафорическая репрезентация распада СССР в англоязычном и российском публицистическом дискурсе носит системный характер и опирается на устойчивый набор концептуальных моделей. Наиболее продуктивными среди них являются морбиальная, архитектурная и семейно-имперская модели, каждая из которых задаёт специфический способ интерпретации данного исторического события.

Распад СССР предстаёт в морбиальной метафоре как неизбежная деградация больного организма, в архитектурной – как разрушение фундамента, в семейно-имперской – как болезненный разрыв историко-культурных связей. Сопоставление русскоязычного и англоязычного публицистического дискурса выявляет как универсальность базовых когнитивных схем, так и различия в их прагматической реализации. В обоих дискурсах доминируют метафоры разрушения, распада и умирания. Однако русскоязычная традиция характеризуется большей эмоциональной насыщенностью и акцентом на травматичности происходящего (образы «раны», «разрыва», «болезни»), тогда как англоязычные тексты чаще интерпретируют распад в терминах структурной трансформации и исторической закономерности, нередко связывая его с идеями освобождения и политической переоценки.

Таким образом, метафорические модели выступают не только средством описания, но и инструментом интерпретации и оценки распада СССР, влияя на формирование коллективной памяти и политической идентичности. Они структурируют восприятие прошлого, задавая рамки его осмысления и закрепляя определённые интерпретационные сценарии в общественном сознании.

Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с расширением корпуса анализируемых текстов, а также с более детальным изучением динамики метафорических моделей в постсоветский период и их трансформации в современных медийных и политических дискурсах.

Список литературы

Адясова Л.Е. Концепт Советский Союз и его языковая экспликация в современном российском медиадискурсе : автореф. дис. ... кандидата филологических наук. – Нижний Новгород, 2016. – 22 с.

Бубнов А.Ю. Память о распаде СССР в контексте разломов общественного сознания современной России (на материалах Telegram) / А.Ю. Бубнов, М.А. Савельева // Вестник Московского Университета. – 2022. – № 6. – С. 79-97.

Известия. – 1991. – 10 декабря. – № 293 (23559). – URL: <https://yeltsin.ru/archive/periodic/53750/> (дата обращения: 24.03.2026).

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.

Независимая газета. – 1991а. – 19 декабря. – № 164. – 8 с. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/periodic/53964/> (дата обращения: 24.03.2026).

Независимая газета. – 1991б. – 21 декабря. – № 165. – 8 с. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/periodic/53965/> (дата обращения: 24.03.2026).

Независимая газета. – 1991в. – 24 декабря. № 166. – 8 с. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/periodic/53966/> (дата обращения: 24.03.2026).

Независимая газета. – 1991г. – 27 декабря. – № 169. – 4 с. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/periodic/53969/> (дата обращения: 24.03.2026).

Сенцов А.Э. К проблеме исследования концептуальной метафоры / А.Э. Сенцов, А.К. Онищенко // Молодой ученый. – 2015. – № 4 (84). – С. 802-804.

Сидельникова М.Н. Морбиальная метафора как средство развенчивания либеральной идеологии в современном политическом дискурсе российских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-2. – С. 152-155.

Союз можно было сохранить: Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / Под редакцией: Черняев А.С., Вебер А.Б. – М.: АСТ, Горбачев-Фонд, 2007. – 525 с. – ISBN 5-86493-001-6.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) // Уральский государственный педагогический университет. – 2001. – 238 с.

Anderson R.D. Metaphors of dictatorship and democracy: Change in the Russian political lexicon and the transformation of Russian politics // Slavic Review. – 2001. – Vol, 60(2). – P. 312-335.

Hoffman D.E. Wildness, confusion and regret after the collapse of the Soviet Union. // The Washington Post : site. – 2016. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/wildness-confusion-and-regret-after-the-collapse-of-the-soviet-union/2016/07/07/ea724ee2-3d60-11e6-a66f-aa6c1883b6b1_story.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.03.2026).

Rodgers J. Chronicles of a Collapse: Journalism and the End of Soviet History. – London: I.B. Tauris, 2021. – 230 p. – ISBN: 978-0755636874.

METAPHORICAL MODELS OF THE REPRESENTATION OF THE COLLAPSE OF THE USSR IN RUSSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE JOURNALISTIC DISCOURSE

Vodolazskaya Arina Pavlovna,

*Master's student of the Department of Foreign Languages
of the Faculty of Foreign Languages of the Pedagogical Institute
Belgorod national research university, Belgorod, Russia,
scientific supervisor: Miroshnichenko Larisa Nikolaevna,*

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute
Belgorod national research university, Belgorod, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of metaphorical models representing the collapse of the USSR in Russian-language and English-language journalistic discourse. The main metaphorical models (ORGANISM, BUILDING, FAMILY/EMPIRE) are identified and their pragmatic functions in Russian and Western media are compared. Differences in evaluative tonality between Russian and English-language journalistic discourse are noted. While the set of conceptual schemas is shared, nationally specific narratives are revealed.

Key words: metaphorical model, the collapse of the USSR, journalistic discourse, conceptual metaphor, political linguistics.

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСЕМЫ «СЮЖЕТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Иванова Вероника Вячеславовна,

*студент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ»,
г. Белгород, Россия*

научный руководитель: Соболева Татьяна Евгеньевна,
кандидат филологических наук,

*доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ»,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается историческая трансформация значения лексемы «сюжет». Отмечается её генетическая связь с латинским этимологом *subjectum* и французским *sujet*. На материале этимологических и толковых словарей прослеживается сужение значения от широкой полисемии в XVIII–XIX веках до узкого терминологического концепта в современном русском языке.

Ключевые слова: сюжет, *sujet*, заимствование, семантическая трансформация, этимология.

Изучение поведения заимствованной лексики в русском языке является одним из фундаментальных вызовов отечественного языкознания. Согласно академическим определениям, заимствование представляет собой элемент чужого языка (морфема, слово, синтаксическая конструкция), перенесённый из одного языка в другой в результате социальных контактов [Большой энциклопедический словарь, 2000]. Стоит отметить, что процесс ассимиляции лексемы в новой языковой системе не ограничивается простым переносом. Он включает в себя многоуровневую семантическую адаптацию, в ходе которой слово получает новое значение и/или новый смысл в чужом языке.

Семантическая эволюция заимствований определяется когнитивной спецификой народа-реципиента. Социально-психологические установки носителей принимающего языка выступают в роли «фильтра», который фокусирует внимание на отдельных признаках объекта, что в редких случаях полностью совпадает с доминантами языка-источника. Эта избирательность определяет вектор трансформации, объясняющий различия в семантике эквивалентных понятий [Трифорова, 2017, с. 167].

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью осмысления роли франкоязычных заимствований в формировании русской терминологии. Как отмечает ряд исследователей, французский язык на протяжении XVIII–XIX веков был основным источником интеллектуальной и художественной лексики как для мировой, так и для русской культуры. Отмечается, что французский язык является крупнейшим «донором» лексики для большинства европейских языков, как английский, немецкий, русский языки и другие [Сидакова, 2018, с. 96].

Среди ключевых лексем, подвергшихся глубокой трансформации, особое место занимает слово «сюжет». Высокая частотность употребления данной лексемы в литературоведческом дискурсе позволяет выбрать её объектом для диахронического анализа.

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М.Р. Фасмера лексема «сюжет» является заимствованием из французского языка (*sujet*), которое, в свою очередь, восходит к латинскому *subiectum* [Фасмер, 1986]. Эта этимологическая цепочка указывает на то, что русский язык унаследовал лексическую единицу, которая уже прошла через семантическую трансформацию в языке-посреднике.

Согласно словарю И.Х. Дворецкого лексема *subiectum* представляет собой субстантивированное прилагательное среднего рода от прилагательного *subiectus, a, um*. За исходной формой *subiectus* зафиксированы следующие значения: 1) лежащий внизу, простирающийся у ног (например, *mittere aliquid subiectas in undas* – «сбросить что-либо в расстилающееся внизу море»); 2) прилегающий, примыкающий, смежный, соседний; следующий (например, *syllaba longa brevi subiecta* – «короткий слог с последующим долгим»); 3) подчинённый, покорённый, подвластный (*parcere subiectis* – «щадить покорившихся»); 4) подверженный, отданный во власть (*mare ventis subiectum* – «море, подверженное ветрам»); 5) относящийся (к какой-либо категории); 6) подставной (юридический термин) [Дворецкий, 1976, с. 964].

На базе прилагательного *subiectus* в латинском языке сформировались три омонимичные единицы: *subjectum, i n* («подлежащее» в грамматике и «субъект» в философии), *subjectus, i m* («подданный», «подчинённый») и *subjectus, ūs m* («подкладывание»). Ключевое для дальнейшей семантической эволюции значение

содержится в форме *subjectum* (средний род), которая в античной грамматической традиции обозначала «то, о чём что-либо утверждается», «логическое основание высказывания».

Непосредственным источником заимствования для русской лексемы «сюжет» выступило французское слово *sujet*. Как свидетельствуют данные электронного словаря Le Robert во французском языке данная единица демонстрирует значительную полисемию, сохраняя и развивая значения латинского первоисточника. Анализ словарной статьи позволяет выделить несколько семантических блоков:

- 1) социальное значение: поданный, подчинённый (*le souverain et ses sujets* – монарх и его подданные);
- 2) тема/предмет речи или размышления: тема разговора, предмет обсуждения (*au sujet de* – относительно);
- 3) литературоведческое и искусствоведческое понятие: мотив, тема художественного произведения, сюжет (*un bon sujet de roman* – хорошая тема для романа, *le sujet d'un tableau* – сюжет картины);
- 4) грамматическое значение: подлежащее (*sujet*);
- 5) причина/повод: основание, повод (*un sujet de dispute* – повод для ссоры);
- 6) научно-экспериментальное значение: испытуемый (*sujet d'expérience*);
- 7) философское и лингвистическое значение: субъект познания/речи (*le sujet parlant* – говорящий) [Le Robert, 2026].

Из представленной классификации отметим, что французское *sujet* аккумулировало в себе абстрактно-грамматическое значение (подлежащее), социальное (подданный) и нарративное (тема повествования).

Показательно, что из всей совокупности значений французского *sujet* русским языком было перенято только одно значение – повествовательное. Социальное значение (подданный) не перешло в русский язык, хотя оно закрепилось в многих других европейских языках. Так, английское *subject*, немецкое *Subjekt* и польское *subiekt* наряду с философским и грамматическим значениями сохраняют и значение «подданный», «подчинённый». В русском языке эта семантическая линия реализовалась иначе. Значение «подданный» не было передано через лексему «сюжет». Оно закрепилось за словом «подданный», которое, согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Р. Фасмера, восходит через польское посредничество (*poddany*) к латинскому причастию *subditus* – «покорённый», «подвластный», являясь его калькой [Фасмер, 1986; Дворецкий, 1976, с. 962]. Таким образом, оба слова – «сюжет» (через *subjectum*) и «подданный» (через *subditus*) – имеют близкие латинские корни с общей семантикой подчинения, но в русском языке заняли разные ниши: социально-политическую («подданный») и литературоведческую («сюжет»).

В современном русском языке лексема «сюжет» закрепились как терминологический концепт, обозначающий сферу литературы и искусства. Согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, сюжет – «в литературном или сценическом произведении последовательность и связь описания событий; в произведении изобразительного искусства предмет изображения» [Ожегов, 1992]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова даётся близкое, но более развернутое толкование: «совокупность событий, изображённых в литературном произведении, расположенных в их закономерной, хронологической и причинно-следственной связи» [Кузнецов, 2000, с. 1300]. В словаре Д.Н. Ушакова фиксируется, помимо основного значения, переносное, разговорное значение – «содержание, тема чего-либо (случая, происшествия)» [Ушаков, 1940].

Таким образом, актуальное значение лексемы «сюжет» в русском языке предельно узко: это способ организации повествования, событийная канва художественного произведения (литература, театр, кино, изобразительное искусство).

Отметим, что в ходе исторического развития лексема потеряла часть значений, которые были применимы к ней в XVIII–XIX в русском языке. Как свидетельствуют данные

«Исторического словаря галлицизмов русского языка», в обозначенный период слово «сюжет» означал: «человек, вызывающий интерес противоположного пола» (интересный сюжетец), «актёр» (первые сюжеты труппы), «подданный» (редко, книжное), в жаргоне – «жертва преступления» [Епишкин, 2010]. К середине XX века периферийные значения были утрачены, и «сюжет» закрепился в русском языке как искусствоведческий термин.

Проведённый диахронический анализ показал, что русская лексема «сюжет» прошла сложный путь семантической трансформации: от латинского *subjectum* («логическое основание высказывания») через многозначное французское *sujet* к узкому терминологическому значению в современном русском языке. В XVIII–XIX веках слово временно расширило свою семантику, вобрав ряд бытовых и профессиональных значений («актёр», «интересный человек», «жертва»), однако к середине XX века они были утрачены. Сегодня лексема «сюжет» – это однозначный литературоведческий термин, обозначающий последовательность и связь событий в художественном произведении. Таким образом, заимствование слова «сюжет» является показательным примером сужения значения в процессе ассимиляции иноязычной лексики.

Список литературы

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
- Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с.
- Заимствование // Большой энциклопедический словарь. – 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/130382> (дата обращения: 29.03.2026).
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 955 с.
- Сидакова Н.В. О роли франкоязычных заимствований в лексикологической системе русского языка // БГЖ. – 2018. – № 2 (23). – С. 94-98.
- Трифонов Н.С. Модификация значений при заимствовании экономической лексики из английского языка в русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-3 (77). – С. 167-170.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. – М., 1935-1940. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1049922> (дата обращения: 29.03.2026).
- Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
- Sujet* // Le Robert. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/sujet> (дата обращения: 29.03.2026).

DIACHRONIC ANALYSIS OF SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE BORROWED LEXEME "СЮЖЕТ" IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Ivanova Veronika Vyacheslavovna,

*student of the department of Romano-Germanic philology and intercultural
communication*

*Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State
National Research University, Belgorod, Russia,*

academic supervisor: Soboleva Tatyana Evgenievna,

*Candidate of Philology, lecture of department of Romano-Germanic philology and
intercultural communication,*

*Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State
National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the historical transformation of the meaning of the lexeme "сюжет". Its genetic connection with the Latin etymon *subjectum* and the French *sujet* is noted. Based on etymological and explanatory dictionaries, the narrowing of meaning from broad polysemy in the 18th–19th centuries to a narrow terminological concept in the modern Russian language is traced.

Key words: сюжет, sujet, borrowing, semantic transformation, etymology.

ФУНКЦИИ ОТТЕНОЧНЫХ ЧАСТИЦ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Калятин Игорь Сергеевич,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и лингводидактики
Института иностранных языков Московского городского педагогического
университета, г. Москва, Россия,*

Бирюкова Евгения Викторовна,

*доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германистики и
лингводидактики, профессор
Института иностранных языков Московского городского педагогического
университета, г. Москва, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматриваются оттеночные частицы немецкого языка, которые в отличие от других служебных слов (артикли, предлоги и союзы) обнаруживают ряд особенностей, которые сопровождаются различными трудностями. В настоящей статье описываются дефиниции оттеночных частиц. Далее рассматриваются релевантность и функции частиц. Оттеночные частицы встречаются главным образом в разговорной речи и приобретают все большее значение.

Ключевые слова: оттеночные частицы, грамматика, немецкий язык, разговорный язык, функции оттеночных частиц.

Оттеночные частицы в сравнении с другими служебными словами, такими как предлоги и союзы, имеют ряд особенностей, которые объясняются тем, что рассматриваемый класс частиц долгое время оставался вне поля зрения исследователей, что возможно является одной из причин того, почему многие вопросы еще до конца не изучены. Проблема исследования частиц по-прежнему остается актуальной, несмотря на то, что исследования по данной теме были начаты еще в 60-е гг. прошлого века такими учеными, как А.Т. Кривонос и Г. Вейдт, которые анализировали в своих работах семантические, синтаксические и коммуникативные свойства частиц. В данной статье рассматриваются дефиниции оттеночных частиц у различных лингвистов. На следующем этапе выделяются значения и функции данных частиц. В частности, уделяется внимание их тематической и рематической функциям.

В лингвистической науке долгое время изучению частиц не уделялось должное внимание. Однако позднее возникло направление Partikologie, в рамках которого анализируется группа коротких слов, таких как *bloß, denn, doch, ja*. Причиной такой тенденции является, с одной стороны, коммуникативно-прагматический поворот в лингвистике [Борисова, 2025, с. 12], [Helbig, 1988], [Сулейманова, 2024], с другой стороны, речь идет о практических причинах, связанных с волной трудовых мигрантов в Германии [Lexikon der Germanistischen Linguistik, 2011, с. 644]. Бесспорным является тот факт, что оттеночные частицы в спонтанной разговорной речи использовались и продолжают использоваться. Согласно Г. Вейдту, как бы хорошо иностранцы ни владели немецким языком, в целом им трудно дается корректное употребление так называемых слов-паразитов в разговорном языке [Weydt, 1969].

В ранних грамматиках частицы рассматриваются как самостоятельная часть речи. Немецкий лингвист Х. Вайнрих классифицирует частицы как «речевые сигналы в диалоге» [Weinrich, 2003]. В этом отношении Г. Вейдт пишет следующее: «Немец в разговоре ожидает услышать частицу. Если она отсутствует, то предложение тем самым получает соответствующую стилистическую окраску: без использования частиц предложение звучит отрывисто, грубо и сухо» [Weydt, 1969, с. 20].

В настоящей статье анализируются следующие лингвистические единицы: *auch*, *denn*, *doch*, *nur*. Данные языковые элементы обозначаются в языкознании различными терминами. Приведем примеры обозначений, распространенных на территории бывших советских республик: Modalpartikeln, logische Partikeln, präsuppositive Partikeln, emotional-expressive Partikeln. Мы видим, что в этом перечне отсутствует термин *Abtönungspartikeln* (оттеночные частицы). Многие исследователи считают, что модальные и оттеночные частицы являются полностью эквивалентными понятиями, и предпочитают использовать термин *Modalpartikeln*. Как правило, семантика лингвистических единиц обуславливает их обозначение. Поскольку частицы не имеют самостоятельного значения, следует учитывать тот смысл, который продиктован их прагматической функцией в высказывании. Один из авторитетных исследователей частиц Г. Хельбиг, предлагая использовать понятие *Abtönungspartikeln*, аргументирует выбор термина следующим образом: «...использование понятия модальности при описании оттеночных частиц не дает ясное представление об их функциях...» [Helbig, 1988, с. 31]. Кроме того, в современных грамматиках (*IDS-Grammatik von Zifonun*; *Duden-Grammatik* и др.) рассматриваемые нами языковые единицы *doch*, *denn*, *auch* и др. также трактуются как оттеночные частицы. Таким образом, в дальнейшем мы будем оперировать именно этим понятием.

Институт немецкого языка имени Лейбница в немецком городе Мангейм существует с 1964 года. Это главная внеуниверситетская организация, занимающаяся изучением и документированием фактов о развитии немецкого языка. В изданном данным институтом грамматическом словаре *Duden* оттеночные частицы рассматриваются, главным образом, в контексте диалогических взаимосвязей. Используя данные языковые элементы, говорящий маркирует предположение, ожидание ответа, свою внутреннюю установку, часто с намерением склонить собеседника на свою сторону. Коммуникант может при помощи частиц придать своим словам определенную (субъективную) тональность. При этом, он также может ссылаться на предшествующие высказывания и демонстрировать согласие, неприятие, удивление или интерес. Часто при помощи оттеночных частиц маркируются фоновые знания, т.е. общие для участников коммуникации знания, играющие важную роль в успешности общения [Duden, 2009]. Что касается свойств оттеночных частиц, то Г. Вейдт перечисляет следующие: данные частицы не склоняются, являются безударными, выражают отношение говорящего к сказанному, не могут образовывать ответа на вопрос, не могут занимать первое место в предложении, относятся ко всему высказыванию [Weydt, 1969, с. 68].

Далее перейдем к рассмотрению роли оттеночных частиц в актуализации темы и ремы высказывания. А.Т. Кривоносов [Kriwonossov, 1977] в своей монографии о модальных частицах указывает на взаимосвязь между местоположением этих языковых единиц в предложении и упомянутой выше понятийной парой «тема-рема». Под тема-рематиическим членением автор понимает выделение в предложении известной и новой информации.

Согласно М. Турмаир, известная информация принадлежит теме, а новая – реме, например:

- a) Wir sollten sie *einfach* **AUFGEBEN**.
- b) Wir sollten *einfach* sie **AUFGEBEN** [Thurmair, 1989, с. 30].

В последнее время все больший интерес проявляется к исследованиям, посвященным композиции текста (содержание текста, стиль, структура и др.) Здесь следует отметить, что модальные слова играют важную структурно-композиционную роль в формировании содержания и структуры текста. Наряду с этим, при создании текста ключевое значение имеют также повторяющиеся лингвистические элементы. В этой связи

И.Р. Гальперин пишет, что текст, имея определенную функциональную направленность, представляет собой произведение речетворческого процесса и является совокупностью прагматических, логических и стилистических единиц [Гальперин, 2010, с. 18]. Таким образом, ученый показывает, что в производстве текста участвуют разноуровневые лингвистические средства, а именно: грамматические, семантические и стилистические элементы. К текстообразующим элементам могут быть также отнесены лексико-грамматические средства, в том числе частицы. Обычно монологические и диалогические тексты могут быть представлены в письменной форме, и их композиционная структура иллюстрирует содержащиеся в них тематические и рематические элементы. Данные элементы имеют значение не только при организации текста, но и для поддержания коммуникации.

При выделении темы и ремы акцент делается на том, что они не обязательно должны находиться в одном предложении. Тема и рема являются компонентами текста, который по своей структуре может быть распространенным или сжатым. Подобные структуры характеризуются логической цельностью и обеспечивают соединение текстообразующих предложений как на грамматическом, так и на содержательном уровнях. Различия между текстами с частицами и без них прослеживаются в теме предложения, которая образует его начало. Тема меняется в зависимости от местоположения частицы. Частицы выполняют синтаксические, семантические, прагматические и коммуникативные функции и играют ключевую роль в архитектуре, организации и стилистико-структурной композиции текста.

Выше обозначенное положение можно верифицировать посредством следующих примеров:

1. *Aber ich sage **gar** nichts mehr aus. Ich verlange eine Antwort. Und ein Protokoll unterschreibe ich **auch** nicht* [DWDS].
2. *Ich habe dir gesagt, ich bin **eben erst** gekommen. Von einem Koffer weiß ich nichts, das hast du geträumt, Trudel* [DWDS].
3. *Ich will Dir **mal** wieder ein Brieflein schreiben. Mir geht es noch gut, was ich **auch** von Dir hoffe* [DWDS].

Частицы выражают дополнительные значения, такие как раздражение, поощрение, обобщение, предположение и др. [Бирюкова, 2022]. В первом примере частица *gar* употребляется в сочетании с отрицанием *nichts*. Во втором примере представлена комбинация частицы *eben erst* и сказуемого *bin gekommen*. В третьем примере можно обнаружить частицу *mal* в паре с наречием *wieder* и частицу *auch*, которая синтаксически связана со словосочетанием *von dir*.

Таким образом, оттеночные частицы принадлежат классу частиц и, следовательно, являются с морфологической точки зрения неизменяемыми языковыми единицами. По-прежнему представляется спорным тот факт, могут ли данные частицы выполнять синтаксическую функцию, поскольку они не занимают первое место в предложении и, тем самым, не могут, кроме некоторых исключений, находиться в предглагольной позиции. Рассматриваемые частицы выполняют функцию модального обстоятельства и модифицируют целое предложение, указывая на высказывание говорящего. Выступая в качестве факультативных элементов, оттеночные частицы стоят, в основном, в центральной части предложения перед ремой высказывания и используются, главным образом, в разговорном языке.

Список литературы

Бирюкова Е.В. Языкознание: сравнительная типология немецкого и русского языков: Учебник для бакалавриата и магистратуры / Е. В. Бирюкова, О.А. Радченко, Л.Г. Попова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2022. – 173 с. – ISBN 978-5-534-08014-8.

Борисова Е.Г. Дискурсивные характеристики употребления слов „*eigentlich*“ и «собственно» в немецком и русском языках / Е.Г. Борисова, И.С. Калятин // Германистика:

филология и лингводидактика. Сборник научных статей. – Москва: Языки Народов Мира, 2025. – С. 12-21.

Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – Москва: URSS, 2010. – 331 с. – ISBN 978-5-397-01340-6.

Сулейманова О.А. Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? / О.А. Сулейманова, Л.А. Борботько // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 919-929. – DOI 10.21638/spbu09.2024.409.

Duden. Die Grammatik Vol.4 Die Grammatik NEU. – Leipzig: Dudenverlag, 2009. – 1098 S. – ISBN 9783411040483.

DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart : сайт. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения 29.01.2026).

Helbig G. Lexikon deutscher Partikeln. Leipzig: Enzyklopädie, 1988. – 258 p. – ISBN 3-324-00310-5.

Kriwonossov A. Die modalen Partikeln in der deutschen Gegenwartssprache. Göppingen: A. Kümmerle, 1977. – 332 p.

Lexicon der Germanistischen Linguistik. – Tübingen: De Gruyter, GmbH, Walter, 2011. – 888 p.

Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. – Berlin: Max Niemeyer Verlag, 1989. – 306 p. – ISBN 3-484-30223-2.

Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. – Berlin: Olms, 2003. – 1111 p. – ISBN 9783487117416.

Weydt H. Abtönungspartikel: die deutsche Modalwörter und ihre französischen Entsprechungen. – Berlin: Gehlen, 1969. – 127 p.

THE FUNCTIONS OF MODAL PARTICLES IN THE GERMAN LANGUAGE

Kalyatin Igor Sergeevich,

Ph.D., Associate Professor, Department of Germanistics and Linguodidactics of the Institute of Foreign Languages of Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia,

Biryukova Evgenia Viktorovna,

Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Professor of Foreign Languages of Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the modal particles that have some special features. These features have various difficulties. The author describes the definitions, relevance and functions of the modal particles that are found mainly in the spoken language and are becoming increasingly important.

Key words: modal particles, grammar, the German language, the spoken language, the functions of the modal particles.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Коротова София Олеговна,

студент педагогического института

Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия,

Прокопенко Юлия Александровна,

к. с. н., доцент кафедры иностранных языков

Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье исследуются русские лексические заимствования в современном английском языке. Рассматриваются теоретические основы понятия заимствования, исторические этапы русско-английских языковых контактов, лингвокультурологические особенности русизмов, а также проводится их типологическая классификация. Особое внимание уделяется отражению культурно-исторического влияния России через заимствованную лексику и анализу реального употребления русских слов в современных английских источниках.

Ключевые слова: языковое заимствование, культурные ассоциации, лингвокультурологическая точка зрения, общественно-политические процессы, символ, современный английский язык, тенденция, культурно-бытовая сфера

Русский язык уже несколько веков оставляет заметный след в английском, раскрывая сложную историю взаимного культурного и цивилизационного обмена между двумя народами. Слова, пришедшие из русского в английский, никогда не появлялись случайно: каждое заимствование – это отражение конкретной эпохи, когда Россия выходила на передний план мировой политики, экономики, науки и культуры. Благодаря этому английский язык постепенно обогащался лексикой, которая передавала не только уникальные русские реалии, но и глубинные черты национального характера, традиций, быта и мировосприятия.

Языковое заимствование – естественный процесс развития языка, возникающий при активном взаимодействии культур. В условиях глобализации изучение русских лексических заимствований в английском языке особенно актуально, поскольку отражает исторические, культурные и социально-политические связи между двумя народами. Цель статьи – исследовать русские лексические заимствования в современном английском языке с лингвокультурологической точки зрения, выявить их типологические особенности и культурно-историческое значение.

Языковое заимствование представляет собой естественный процесс развития языка, возникающий при активном взаимодействии народов и культур. В широком смысле под ним понимается процесс включения в язык элементов чужого происхождения, сопровождающийся их адаптацией к фонетическим, грамматическим и семантическим нормам [Арнольд, 2010, с. 384]. Оно возникает, когда в языке не хватает слов для обозначения новых реалий, предметов или понятий. Заимствования отражают не только лингвистические потребности, но и социально-исторические изменения в обществе. Особенно показательны в этом отношении русские заимствования в английском языке, такие как *vodka*, *tsar*, *samovar*, *taiga* и *tundra*. «Большая часть данных слов появилась потому, что было сложно или невозможно передать смысловое наполнение русского термина словами английского языка» [Зубарева, 2018, с. 253].

В процессе заимствования выделяют три основных этапа: восприятие (первоначальное проникновение слова в чужой форме), адаптацию (приспособление к нормам принимающего языка) и ассимиляцию (полное слияние со словарным составом). По способу проникновения заимствования делятся на прямые и косвенные, а по степени освоенности – на полностью ассимилированные (*vodka*, *tsar*), частично освоенные (*dacha*, *balalaika*) и иноязычные вкрапления (*perestroika*, *glasnost*). Многие русские слова проникли в английский язык не напрямую, а через французский или немецкий.

Заимствованные слова часто меняют значение и обрастают культурными ассоциациями. Так, английское слово *sputnik* стало символом советских космических достижений, а *perestroika* и *glasnost* – маркерами политических реформ в СССР. Такие лексические единицы не только обогащают английский язык, но и служат яркими свидетельствами исторических и культурных контактов между Россией и англоязычным миром.

Взаимодействия между Россией и англоязычным миром насчитывает несколько веков и развивалось через торговлю, политику, науку и культуру. Каждому историческому

периоду соответствует своя группа русских заимствований в английском языке, отражающая актуальные реалии и интересы эпохи. Первые контакты относятся к XVI веку: после прибытия английской экспедиции Ричарда Ченслора и создания Московской компании в английский язык вошли слова *czar*, *boyar* и *kremlin*. В XVII-XVIII веках, особенно в эпоху Петра I, появились *vodka*, *samovar* и *steppe* [Швейцер, 2018, с. 113]. XIX век принес культурно-философские заимствования – *nihilist*, *intelligentsia*, *moujik* – благодаря переводам русской литературы и росту интереса к русской мысли. В XX веке, в связи с революцией, советским периодом и космической гонкой, английский язык пополнился словами *Bolshevik*, *Soviet*, *sputnik*, *cosmonaut*, *perestroika* и *glasnost*.

Уже в XXI веке под влиянием глобализации и СМИ появились *babushka*, *oligarch*, *Kremlinology*. На протяжении всей этой истории русские слова работали не просто как названия незнакомых вещей. Они постепенно превращались в культурные символы и устойчивые ассоциации, показывая, как англоязычный мир видел и видит Россию.

На самом деле влияние русского языка на английский гораздо глубже, чем просто заимствование слов. Эти слова несут с собой культурные смыслы, образы и эмоции, которые формируют представления о нашей стране за рубежом.

Если посмотреть на них через призму лингвокультурологии, то становится ясно: такие слова – это настоящие носители национального кода. Они передают особенности русского характера, традиций, мировосприятия. Например, *samovar*, *balalaika* и *troika* – это уже не просто предметы, а символы русского уюта, народной музыки и особого неспешного ритма жизни.

Особенно интересно, что многие заимствования несут эмоциональную окраску. Возьмем слово *babushka*. В английском оно обозначает не просто бабушку, а целый архетип – мудрую, заботливую и сильную женщину, которая ассоциируется с домашним теплом, деревенской атмосферой и традиционными семейными ценностями.

Культурное восприятие России в английском языке складывалось постепенно, на протяжении нескольких веков, и каждое столетие добавляло свои краски в этот образ.

Первые русские слова появились еще в XVI веке, когда между странами установились торговые связи. Во времена Ивана Грозного английская экспедиция Ричарда Ченслора добралась до Москвы, а в 1555 году была основана Московская компания. Именно тогда в английский язык вошли слова *czar*, *boyar*, *kremlin*. Они описывали то, чего не было в английской действительности: особый уклад русской власти и быта.

В XVII-XVIII веках контакты стали гораздо активнее. Эпоха петровских реформ, приглашение английских специалистов на службу, интерес к России как к новой европейской силе – все это принесло слова *vodka*, *samovar*, *steppe*.

Настоящий расцвет культурного обмена пришелся на XIX век. Переводы Пушкина, Толстого и Достоевского, научные экспедиции и философские споры познакомили англичан и американцев со словами *nihilist*, *intelligentsia* и *moujik*.

С точки зрения лингвокультурологии все русские заимствования можно условно разделить на несколько групп.

К первой относятся бытово-культурные слова. Они рассказывают о традиционном русском укладе, повседневной жизни и кухне (*vodka*, *borsch*, *samovar*).

Вторая группа – политико-идеологические заимствования. Они отражают важные исторические перемены и события в государственном устройстве. Например, слова *Soviet*, *Bolshevik*, *perestroika*, *glasnost* до сих пор хранят память о советской эпохе.

К третьей группе относятся природно-географические заимствования. Они передают ощущение огромных просторов и суровой русской природы: *taiga*, *steppe*, *tundra*. В английском языке их часто используют, когда хотят описать масштабные и немного суровые ландшафты.

И последняя четвертая группа – социально-оценочные заимствования. Они отражают стереотипы, социальные типы и черты характера. Например, *intelligentsia*, *babushka*, *oligarch*.

В итоге русские заимствования в английском языке выполняют выраженную культурно-символическую функцию. Они выступают настоящими «культурными индикаторами», через которые англоязычный мир воспринимает Россию, ее историю, политическую систему и национальный характер. Эти слова несут целые пласты культурных смыслов, отражая то, какие стороны русской жизни вызвали наибольший интерес в различные исторические эпохи [Ярцева, 2009, с. 376].

Русские заимствования в английском языке очень разные по своей тематике и эмоциональной окраске.

Одни из них тесно связаны с властью и государственным устройством. Уже в XVI веке в английский вошли слова *czar* и *kremlin*. Со временем они вышли далеко за рамки своего первоначального значения. *Czar* теперь часто используют, когда хотят подчеркнуть абсолютную власть человека в какой-то сфере: говорят *drug czar*, *energy czar* или *czar of cybersecurity*. А *the Kremlin* давно стало устойчивой метафорой всего российского политического центра – правительства, администрации, власти в целом.

Другие слова отражают бурные общественно-политические процессы XX века. *Bolshevik*, *Soviet*, *perestroika*, *glasnost* и *kolkhoz* довольно быстро превратились из чисто исторических терминов в символы определенного типа общественных отношений. Например, слово *perestroika* теперь спокойно используют в переносном смысле для любых глубоких структурных реформ: можно услышать *economic perestroika* или даже *corporate perestroika*.

Большую роль играют социально-культурные и бытовые заимствования. Слова *babushka*, *dacha*, *samovar*, *vodka* и *balalaika* вызывают в англоязычном сознании теплые, скорее положительные ассоциации – традиционная русская жизнь, семейный уют и яркий национальный колорит. В то же время *oligarch* и *gulag* несут ярко выраженную негативную или даже трагическую окраску. Все это хорошо показывает, насколько противоречивым остается восприятие России на западе.

Особое значение занимают слова с сильным символическим потенциалом. *Sputnik* стал универсальным символом научного прорыва и технологического соперничества. *Intelligentsia* превратилось в обозначение образованного социального слоя, которому свойственна особая моральная ответственность. А *cosmonaut* до сих пор остается культурным «антиподом» английского *astronaut*.

Современный английский язык продолжает активно использовать русские заимствования, которые не только сохраняют актуальность, но и расширяют сферы применения. С точки зрения динамики, можно отметить тенденцию к снижению количества новых заимствований, но при этом – к расширению смысловых функций уже существующих. Многие слова русского происхождения прочно закрепились в языке. Они встречаются в политическом дискурсе, средствах массовой информации, художественной литературе, рекламе, кино, музыке и интернет-коммуникации [Скребнев, 2008, с. 352]. Они выполняют двойную функцию: номинативную и символическую, передавая как конкретные реалии, так и культурные ассоциации, связанные с Россией.

Анализ современных англоязычных источников (BBC, The Guardian, The New York Times, The Economist и др.) показывает, что наиболее частотными и продуктивными являются следующие заимствования: *Kremlin*, *oligarch*, *perestroika*, *sputnik*, *vodka*, *babushka*, *intelligentsia*, *gulag*, *czar* и *dacha*. Многие из них глубоко адаптировались и приобрели переносные значения. Так, *oligarch* употребляется с негативной коннотацией, *Kremlin* стало метафорой российского руководства, а *perestroika* обозначает любые структурные реформы.

Особенно заметна тенденция к метафорическому использованию русских слов. Выражение *Sputnik moment* вошло в международный лексикон как символ внезапного технологического или социального прорыва. Слово *czar* широко применяется в сочетаниях типа *drug czar*, *energy czar* или *climate czar*, обозначая руководителя с широкими полномочиями в определенной сфере. *Gulag* превратился в нарицательное обозначение

системы тотального контроля и подавления, выходя далеко за рамки исторического контекста.

В культурно-бытовой сфере русские заимствования служат маркерами национального колорита и традиций. Слова *vodka*, *babushka*, *dacha* и *balalaika* очень часто встречаются в западной рекламе, моде, литературе и кино. С их помощью создается особый «русский колорит»: домашний уют, душевность, простота и какая-то теплая эмоциональность. При этом они не теряют своей узнаваемой русской окраски и активно формируют тот самый стереотипный, но очень устойчивый образ России.

Анализ показывает, что русские заимствования в английском языке выступают как важные культурно-исторические маркеры. За ними стоят века взаимодействия двух народов. Они фиксируют этапы политических, экономических и культурных контактов и отражают, как именно англоязычный мир воспринимал и воспринимает Россию.

Сегодня эти слова активно используются в политике, СМИ, литературе и массовой культуре. Многие из них приобрели переносные и метафорические значения. Это говорит о том, что они глубоко адаптировались в английском языке, но при этом не утратили культурную память.

С лингвокультурологической точки зрения данные заимствования выступают носителями национального культурного кода. Они передают элементы русского менталитета, традиций и исторического опыта, становясь «культурными символами». Степень их освоения различна: от полностью ассимилированных, до частично адаптированных и сохраняющих яркую национальную окраску.

Подводя итог, русские заимствования несут в себе элементы национального культурного кода. Они передают особенности русского менталитета, традиции и исторический опыт. Более того, они выполняют роль мостов между двумя культурами, сохраняя следы прошлых контактов и одновременно помогая создавать новое общее культурное пространство.

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – СПб: Издательство СПбГУ, 2010. – 384 с. – ISBN - 978-5-89349-363-4.

Зубарева Н.С. Заимствования из русского языка в английском языке / Н.С. Зубарева, С.А. Беликова, О.В. Чаплыгина // Концепт. – 2018. – №8. – С. 251-256.

Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. – Москва: Просвещение, 2008. – 352 с. – ISBN 5-271-01141-0.

Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – Москва: Стереотип, 2018. – 113 с. – ISBN 978-5-297-03014-4.

Ярцева В.Н. История английского языка. – Москва: Академия, 2009. – 376 с. – ISBN 978-5-89988-653-6.

RUSSIAN BORROWINGS IN THE VOCABULARY OF THE ENGLISH LANGUAGE

Korotova Sofiya Olegovna,
*Student of the Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,*
Prokopenko Yulia Alexandrovna,
*Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines Russian lexical borrowings in the modern English. It examines theoretical concepts of borrowing, the historical changes of Russian-English language contact, and the linguacultural characteristicst of Russianisms, as well as their typological

classifications. Particular attention is paid to reflecting Russia's cultural and historical influence through borrowed vocabulary and analyzing the actual use of Russian words in modern English sources.

Key words: language borrowing, cultural associations, linguacultural point of view, socio-political processes, symbol, modern English language, trend, cultural and everyday sphere.

ВЕРБАЛЬНЫЕ ИДЕНТИФИКАТОРЫ БЕЛОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: СОСТАВ, НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кураш Сергей Бонифациевич,

доктор филологических наук,

профессор кафедры белорусской и русской филологии

Мозырского государственного педагогического

университета им. И.П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь,

Буркова Анна Викторовна,

кандидат филологических наук, зав. аспирантурой

Мозырского государственного педагогического

университета им. И.П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается понятие «вербальные идентификаторы лингвокультуры» на материале коммуникативного пространства Беларуси. Выявляются состав, источники и некоторые особенности их функционирования, указываются основные направления исследования. Предлагаются некоторые перспективы их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: белорусская лингвокультура, вербальный идентификатор, архетип, концепт, символ.

Белорусская лингвокультура представляет собой уникальное явление, сформированное под влиянием многовековой истории, этнокультурных традиций, двуязычия и взаимодействия с соседними народами. Её формирование проходило под влиянием нескольких ключевых факторов: аграрного уклада, определившего богатство лексики, связанной с природой, земледелием, ремёслами; двуязычия, что привело к сосуществованию белорусских и русских реалий; традиционной обрядности, сохранившей уникальные этнографические понятия и термины; миролюбивого и спокойного характера белорусов, что нашло своё отражение в лексике, фразеологии, словообразовании; богатой природной символики, определившей доминантные черты поэтики белорусского народного творчества и литературно-художественного дискурса.

Уже на этапе формирования восточнославянской общности язык будущей Беларуси развивался в рамках древнерусской цивилизации. Этот период стал началом формирования корпуса базовых культурных концептов, в том числе концептов-доминант [Огнева, 2019, с. 54-57], которые впоследствии составили ядро белорусской лингвокультуры, а именно: *дом* как центр семейной жизни; *род* как основа социальной структуры; *земля* как источник существования; *труд* как ценность и обязанность.

Именно в этот период также формируется архетип белоруса как человека, тесно связанного с землёй, природой и семьёй, – архетип, который сохраняется до наших дней.

В итоге формируется значительный и разнообразный корпус вербальных как однословных, так и неоднословных, непредикативных и предикативных, неполнознаковых и полнознаковых единиц, которые можно объединить «зонтиковым» термином «лингвокультурные идентификаторы». В их состав могут входить прецедентные феномены (онимы, высказывания, тексты), интертекстемы, ключевые образы (символы, метафоры и др.), коды народной духовной культуры, идиостили,

лингвокультурные «типажи», факты национально специфической лингвонеологии и др. [Кураш, 2004]. Главное условие – устойчивая ассоциация данной единицы с конкретной лингвокультурой. По отношению к материалу такого рода справедливо замечание Е.Е. Иванова о том, что «общеизвестность (общеупотребительность) тех или иных номинативных единиц языка зависит от актуальности в социальной и культурной жизни народа тех реалий, которые знаменуются соответствующими единицами. А это значит, что они входят в состав того “минимума” номинативных единиц <...>, в котором отражены основные условия существования определенного этноса или определенной нации, своеобразный микрокосм тех реалий и понятий, определяющих уникальность этнической или национальной культуры» [Иванов, 2001, с. 289].

В условиях современного межкультурного пространства белорусские вербальные идентификаторы выполняют важную роль: они служат средствами культурной самоидентификации, инструментами трансляции национальных ценностей и маркерами, позволяющими представить Беларусь в международном дискурсе.

В современной специальной литературе, посвящённой ключевым идентификаторам национальных лингвокультур, наметились следующие направления и подходы к их исследованию:

- когнитивный – рассматривает лингвокультурные идентификаторы как элементы концептуальной системы, отражающие ментальные модели [Маслова, 2008; Попова, 2009];
- антропологический – подчёркивает связь языка с этнической культурой [Славянские, 1995–2014];
- семиотический – интерпретирует идентификаторы как знаки, несущие культурные смыслы [Ковшова, 2024];
- прагматический – анализирует лингвокультурные идентификаторы в контексте речевого поведения [Крысин, 2021];
- дискурсивный – рассматривает лингвокультурные идентификаторы как элементы дискурса, формирующие социально-культурные смыслы [Кураш, 2024];
- этнопсихолингвистический – изучает механизмы восприятия культурно маркированных единиц [Красных, 2002].

Вполне очевидно, что лингвокультурная идентификация проявляется прежде всего на лексико-фразеологическом уровне языка. Лексические идентификаторы – наиболее многочисленная группа, включающая номинативные лексемы, обозначающие предметы, явления, реалии культуры (*вёска, хата, жыта, спадчына, бусел, бяроза* и т.п.); оценочные лексемы, передающие эмоциональное отношение (*родны, мілы, светлы, ціхі* и т.п.); символические лексемы, связанные с культурными образами (*вянок, рушнік, калыска, Купалле* и др.); аксиологически значимые лексемы (*мір, згода, дабрыня, праца* и пр.).

Фразеологизмы – не менее важный носитель культурной памяти белорусов. К фразеологически выраженным идентификаторам белорусской лингвокультуры можно отнести ряд фразеологических единиц, отражающих такие смыслы, как «труд» (*праца чалавека корміць; рукі не з таго месца растуць*); морально-этические отношения (*не май сто рублёў, а май сто сяброў*); природа (*ціхі, як у пушчы; чысты, як крыніца*); обряды (*Каляды ідуць – свята нясуць*) и мн. др.

Белорусский национальный характер, традиционно характеризуемый как спокойный, сдержанный, не склонный к резким проявлениям эмоций (*памяркоўны*), проявляется также в преобладании уменьшительно-ласкательных форм (*хатка, мамачка, дарожанька*); использовании мягких оценочных прилагательных (*ціхі, мілы, светлы*); избегании категоричных выражений.

Аграрный характер белорусской культуры определил богатство лексики, связанной с земледелием, природой и сельским укладом. Труд воспринимается не только как необходимость, но и как ценность, источник достоинства и основа благополучия [Маслова, 2008]. Отсюда – повышенная частотность и особая смысловая нагруженность

таких лексических идентификаторов, как *жніво, праца, поле, жыта, вёска, гаспадар, хлеб, сенажаць, зерне* и т.п., к тому же эти лексемы несут не только номинативный, но и символический смысл: *жыта* – символ плодородия и достатка; *вёска* – символ традиций, корней, родной земли; *праца* – символ честности и трудолюбия и т.д.

Природа также занимает центральное место в белорусской культурной модели мира белорусов, что связано с лесистостью территории, традиционным сельским укладом, мифологическими представлениями. Наиболее значимые природные символы: *бяроза* – чистота, нежность, родная земля; *бусел* – счастье, дом, семейность; *пушча* – сила природы, древность, корни; *крыніца* – чистота, исток, духовность; *луг* – спокойствие, гармония. Эти символы активно используются в межкультурной коммуникации, туристическом брендинге, художественной литературе и медийных текстах.

Белорусская культура традиционно ориентирована на семью и общину. Это проявляется в таких лингвокультурных идентификаторах, как *сям'я, род, бацькаўшчына, роднае, хата, утульнасць* и пр.

Белорусская культура сочетает православные, католические и народно-языческие элементы, что отражено в таких лингвокультурных идентификаторах, как *Каляды, Дзяды, Вялікдзень, Купалле, абярэг, вянок* и др., которые несут глубокие культурные смыслы и требуют пояснений в межкультурной коммуникации.

Следует также отметить и знаковые топонимы, маркирующие культурную географию страны Беларуси, а именно: города: *Мінск, Полацк, Віцебск, Гродна, Тураў*; природные объекты: *Нарач, Браслаў, Белавежская пушча*; реки: *Прыпяць, Сож, Дзвіна, Днепр* и др., а также антропонимы, прежде всего имена и фамилии крупнейших представителей белорусской культуры: *Ефрасіння Полацкая, Кірыла Тураўскі, Францыск Скарына, Марк Шагал, Янка Купала, Якуб Колас* и мн. др.

Таким образом, вербальные идентификаторы являются важнейшими элементами белорусской лингвокультуры, обеспечивающими сохранение национальной идентичности и эффективное межкультурное взаимодействие. Их изучение способствует более глубокому пониманию культурных процессов, формированию позитивного образа страны и укреплению международного диалога.

Перспективы дальнейших исследований подобного рода единиц могут быть связаны с расширением эмпирической базы, включением большего числа респондентов из разных культурных регионов, анализом взаимодействия вербальных, визуальных и невербальных идентификаторов, а также изучением динамики изменений в корпусе и функциях лингвокультурных идентификаторов в условиях цифровой коммуникации и глобализации.

Список литературы

- Ковшова М.Л. Культурная семантика языковых знаков: теория и эксперимент / М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков // Вестник ННГУ. – 2024. – №4. – С. 181-189.
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
- Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. – М.: Флинта, 2021. – 360 с.
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 266 с.
- Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. – М.: Эдитус, 2019. – 190 с.
- Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ, 2009. – 314 с.

Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; Под общ. ред. Н.И. Толстого. – Москва: Междунар. отношения, 1995-2014.

Іваноў Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб'ект лінгвакраіназнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы / рэдкал.: Г.А. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 285-290.

Кураш С.Б. Лінгвакультурныя ідэнтыфікатары ў розных камунікатыўных практыках / С.Б. Кураш, Г.В. Буркова, В.В. Струкаў. – Мазыр: МДПУ, 2024. – 115 с.

VERBAL IDENTIFIERS OF THE BELARUSIAN LINGUISTIC CULTURE: COMPOSITION, DIRECTIONS AND PROSPECTS OF RESEARCH

Kurash Sergey Bonifatsievich,

Doctor of Philology,

Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,

Mozyr, Republic of Belarus,

Burkova Anna Viktorovna,

Candidate of Philological Sciences, Head of postgraduate studies

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,,

Mozyr, Republic of Belarus

Abstract. The article examines the concept of "verbal identifiers of linguistic culture" based on the material of the communicative space of Belarus. The composition, sources and some features of their functioning are revealed, the main directions of research are indicated. Some prospects for their further study are offered.

Key words: Belarusian linguistic culture, verbal identifier, archetype, concept, symbol.

АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕН ГРУППЫ «DIE TOTEN HOSEN»

Лаврищева Екатерина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных

и европейских языков, перевода и лингводидактики

института филологии и межкультурной коммуникации

Елецкого государственного университета, г. Елец, Россия

Аннотация. В представленной статье рассматривается использование прецедентных феноменов в текстах песен немецкой панк-рок-группы „Die Toten Hosen“. Анализ охватывает как прецедентные имена („Sascha“, „Alex“), так и прецедентные высказывания и ситуации. Прецедентные феномены функционируют в текстах песен как когнитивные и культурные блоки, позволяя группе активировать фоновые знания, формировать идентичность, выражать политическую и гражданскую позицию.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания, идентичность.

В условиях глобализации и цифровизации коммуникаций прецедентные феномены (далее – ПФ) приобретают особую роль как маркеры культурной идентичности. Их изучение необходимо для понимания механизмов формирования коллективного знания и

эмоционального воздействия текстов. Анализ ПФ играет важную роль для лингводидактики, машинного перевода и межкультурной коммуникации, где культурная специфика создает барьеры для не-носителей языка.

Основу понятия ПФ составляет термин «прецедентный текст», который впервые ввел его в научный обиход Юрий Николаевич Караулов в 1987 году. Ю.Н. Караулов понимал под прецедентным текстом сверхличностные культурно значимые единицы, неоднократно воспроизводимые в дискурсе языковой личности [Караулов, 2010, с. 216].

Вопросами прецедентности занимаются многие ученые (В.В. Красных, Д.Б. Гудков, О.А. Ворожцова, Ю.Е. Прохоров и др.). Была разработана системная концепция прецедентных феноменов, которая включает в себя прецедентные тексты, высказывания, ситуации и имена. ПФ играют ключевую роль в репрезентации культуры, выступая маркерами коллективной памяти и идентичности и отражая ценности, являющиеся традиционными для той или иной культуры.

Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Д.Б. Гудков и др. разработали и описали критерии прецедентности [Караулов, 2010; Красных, 2003]. К основным критериям можно отнести: когнитивную значимость (ПФ должен занимать важное место в когнитивной базе языковой личности); узнаваемость (носители культуры способны распознать ПФ); частотность (регулярное воспроизведение в дискурсе сообщества с сохранением исходного смысла); сверхситуативность (возможность использования ПФ в различных контекстах); культурная значимость (репрезентация национальных ценностей, исторической памяти нации).

ПФ могут использоваться в тексте без изменения, т.е. дословное цитирование или с некоторыми трансформациями. Чаще всего изменениям подвергаются прецедентные высказывания, однако, даже измененные высказывания, как правило, легко узнаются. Трансформации часто базируются на игре слов, замене отдельных компонентов высказывания или расширении компонентного состава. Реже используются фонетические трансформации или грамматические замены.

Прецедентные феномены выполняют в тексте различные функции. В качестве основных функций можно назвать текстообразующую, смыслопорождающую, интертекстуальную. На наш взгляд, эти три функции образуют ядро прецедентности: текстообразующая функция обеспечивает форму, смыслопорождающая – содержание, интертекстуальная – культурную основу.

Остальные функции выступают в качестве дополнительных, производных, затрагивая ту или иную особенность ПФ. К ним можно отнести следующие:

- персуазивная функция – ПФ используются как авторитетные аргументы для убеждения адресата в правоте позиции говорящего, т.к. отсылка к известному тексту, имени или ситуации служит определенным доказательством правоты автора;
- людическая функция – ПФ используются для развлечения, установления дружеского контакта и привлечения внимания к форме текста, что делает дискурс менее формальным;
- эмоционально-воздействующая функция – воздействие на чувства реципиента через культурно значимые отсылки;
- экспрессивная функция – усиление эмоциональной выразительности текста через активацию культурно значимых ассоциаций, передавая авторское отношение и субъективную оценку;
- миромоделирующая функция – формирует картину мира слушателя или читателя;
- консолидирующая функция – объединяет носителей одной культуры через общий фон знаний, идентифицируя группу единомышленников;
- национально-маркирующая функция – активизирует культурную память только для членов одной лингвокультуры, отражая ценности и нормы сообщества;
- идентификационная (парольная) функция – выделяет «своих», противопоставляя им «чужих».

ПФ часто становятся предметом изучения в различных научных исследованиях. К.Э. Болотина изучала ПФ на материале квебекского национального варианта французского языка [Болотина, 2016]. Научный интерес также представляет и функционирование ПФ в разных дискурсах: в немецкоязычной гендерно-ориентированной рекламе [Артемьева, 2021], в англоязычном песенном дискурсе [Болатов, 2024.; Чистякова, 2023], в русскоязычном публичном дискурсе (телеинтервью) [Гуныко, 2024].

Объектом нашего исследования послужили песенные тексты немецкой панк-рок-группы „Die Toten Hosen“. Эта группа была основана в начале 1980-х годов и является одной из самых популярных и успешных немецких панк-рок-групп. Тексты песен этой группы сочетают острую социальную критику и ярко выраженную гражданскую позицию. Группа активно выступает за антифашистское движение, призывает к борьбе с расизмом и национализмом, поддерживает «Гринпис». В 2014 году Еврейская община г. Дюссельдорфа отметила вклад группы „Die Toten Hosen“, вручив её участникам Почётную медаль имени Йозефа Нойбергера за активную антифашистскую позицию и участие в борьбе против правого радикализма в Германии. Кроме того, с лингвистической точки зрения тексты группы богаты иронией, сатирой, метафорами, содержат большое количество ПФ, что предоставляет широкий корпус для изучения механизмов эмоциональной экспрессии и формирования коллективного сознания в немецкоязычной рок-культуре.

Нами было проанализировано 23 текста песен группы „Die Toten Hosen“. Методом сплошной выборки нами было отобрано 34 ПФ, их них 49% составляют прецедентные ситуации, 39% – прецедентные имена, 12% – прецедентные высказывания.

Рассмотрим некоторые примеры.

1. В названии песни „*Hey, hier kommt Alex!*“ (1988 г.) прототипом главного героя является главный герой романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» (1962 г.), по которому в 1971 году был снят одноимённый фильм режиссёра Стенли Кубрика. И книга, и ее экранизация являются в Германии культовым произведением и пользуются большой популярностью. Оно часто изучается в школах и университетах, а образ Алекса стал узнаваемым культурным кодом. В тексте песни группа „Die Toten Hosen“ использует образ Алекса и его банды для критики бессмысленной агрессии и равнодушия общества. Группа показывает пустоту и моральную мерзость насилия, используя образ Алекса как метафору бессмысленной жестокости в обществе.

2. Еще один пример, когда имя героя песни стало прецедентным именем после выхода песни. Главный герой песни „*Sascha ... ein aufrechter Deutscher*“ (1993 г.) изображен как стереотипный правый скинхед: безработный, агрессивный, а на деле – мелкий и банальный экстремист. Он радуется, когда получает возможность проявить насилие: разбивает окна в доме для беженцев, поджигает здание, хвастается «немецкой аккуратностью» и убеждён, что таким образом он, якобы, проявляет качества «настоящего немца», но на самом деле это все не верно – „*Wer so deutsch wie der Sascha ist, der ist sonst gar nichts mehr*“. В финале песни мы видим отсылку к прецедентной ситуации „*Vor gut 50 Jahren hat's schon einer probiert, die Sache ging daneben, Sascha hat's nicht kapiert*“ – это прямая отсылка к нацистскому режиму и второй мировой войне, которая закончилась катастрофой, но герой песни Sascha не сделал выводов из истории.

Имя Sascha (вариант имени Alexander) является распространённым, нейтральным именем, что позволяет сделать героя типичным представителем праворадикальной молодёжи. После выхода песни имя Sascha получило дополнительный культурный смысл, это имя выступает сейчас как стереотипное, эталонное для обозначения агрессивного молодого человека, поддерживающего фашистские идеи.

3. Пример одной и той же прецедентной ситуации, но с разных позиций мы можем также наблюдать в двух песнях группы „Scheiss Ossis“ (2022 г.) и „Scheiss Wessis“ (2022 г.). Эти песни, выпущенные совместно, сатирически обыгрывают тему взаимоотношений жителей бывших ГДР и ФРГ после объединения Германии в 1991 г. и связанные с этим стереотипы и предрассудки. В тексте песен используются отсылки на стереотипные

атрибуты Восточной и Западной Германии: *KDW (Kaufhaus des Westens* – «Торговый дом Запада») – культовый универмаг в Западном Берлине, символ «западного» изобилия и модели потребительства; *Charité (Universitätsmedizin Berlin* – «Шарите – университетский медицинский центр Берлина) – одна из старейших и крупнейших университетских клиник Европы, выступает как символ передовой медицины и высокотехнологичного здравоохранения; *Dieter Bohlen* (Дитер Болен) – основатель и участник популярного в 1980х-1990х годах дуэта „Modern Talking“. В песне мы видим отсылку к внешности Д. Болена, что можно рассматривать в качестве ироничного, стереотипного образца для подражания. Внешность и стиль Д. Болена (куртка, очки, фирменная поза) стали визуальным клише, которое легко воспроизводится в карикатурах, косплеях, шутках и интернет-мемах; *Oktoberfest* («Октоберфест») – ежегодный осенний фестиваль в Мюнхене, традиционно считается крупнейшим праздничным событием Германии и одним из самых известных фестивалей в мире, является символом баварского массового пенного (пивного) праздника; *Rotkäppchen Sekt* (шампанское «Красная шапочка») – это бренд, который ассоциируется с «коммунистическим шампанским», т.к. фактически это был единственный доступный игристый напиток в ГДР. Бутылка с горлышком, обернутым в красную фольгу, стало символом «восточного» праздничного стола; *FKK (Freikörperkultur*, «культура свободного тела») – это немецкое движение и практика совместной наготы на природе, в бассейнах, саунах и на специальных пляжах, основанная на идеях натурализма, пользы для здоровья, естественности и отказа от стыда за тело, массово и широко он был распространён именно в ГДР, особенно в 1960–1980-е годы; *„Doch wir war’n vor euch im All“* («А мы были в космосе раньше вас») – отсылка к достижениям социалистического блока в космосе, космической эпопее СССР.

4. К прецедентному высказыванию можно отнести фразу из песни „Strom“ (2008 г.) *„Am Anfang war der Lärm und Dieser Lärm hört niemals auf“*. Песня посвящена возвращению группы на сцену. Данное высказывание является отсылкой к Евангелию от Иоанна *„Am Anfang war das Wort“* («Вначале было слово...»). Лексема „Wort“ заменяется на лексему „Lärm“, которая получает в контексте песни символическое значение: это не просто «шум» как фоновая помеха, а метафора музыки, энергии, внутреннего и внешнего напряжения группы и её взаимодействия с аудиторией.

Таким образом, в текстах песен группы „Die Toten Hosen“ ПФ выполняют многоплановую функцию. Они служат идентификационными маркерами, формирующими групповую и гражданскую идентичность. В текстах песен политический, исторический и медийный контекст концентрируется и репрезентируется в знакомых слушателю прецедентных именах, ситуациях, высказываниях. ПФ превращают песни в «карты» национальной и наднациональной памяти, а также в инструменты социальной и политической актуализации.

Список литературы

Артемьева А.И. Реализация персуазивной функции прецедентных феноменов в немецкой коммерческой гендерно-ориентированной рекламе / А.И. Артемьева, Л.М. Штейнгарт // Казанская наука. – 2021. – № 1. – С. 44-46.

Болатов Т.А. Прецедентность в современном англоязычном песенном дискурсе (на примере мифа об Орфее и Эвридике) // Филология и человек. – 2024. – № 4. – С. 181-192.

Болотина К.Э. Прецедентные феномены в языковой картине мира квебекцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 2. – С. 61-76.

Гулько Ю.А. Коммуникативно-прагматические функции прецедентных феноменов в публичном дискурсе / Ю.А. Гулько, Д.Е. Менжулина // Слово и культура без границ: аксиологический аспект: Сборник статей. – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2024. – С. 252-256.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. Издание 7-е. – Москва: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?: монография. – Москва: Гнозис, 2003. – 375 с.

Чистякова А.А. Прецедентный феномен как ведущее средство интертекстуальности в англоязычных рэп-текстах // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 4(40).

ANALYSIS OF PRECEDENT PHENOMENA BASED ON THE SONGS OF THE BAND «DIE TOTEN HOSEN»

Lavrishcheva Ekaterina Vladimirovna,

*Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Eastern and European
Languages, Translation and Linguodidactics,
Yelets, Russia*

Abstract. In the presented article the use of precedent phenomena in the song lyrics of the German punk-rock band Die Toten Hosen is examined. The analysis covers both precedent names (“Sascha”, “Alex”) and precedent utterances and situations. The precedent phenomena function in the song texts as cognitive and cultural blocks, enabling the band to activate background knowledge, form identity, and express a political and civic stance.

Key words: precedent phenomena, precedent names, phenomena situations, precedent utterances, identity.

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРИЕМОВ В РЕЧИ С. УИТКОФФА

Луговских Кирилл Максимович,

*аспирант института иностранных языков
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва,
Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются методы манипулирования в политических медиатекстах, которые используют политические деятели для достижения каких-либо целей. Для анализа языковых механизмов манипулятивных приемов взята стенограмма интервью Стива Уиткоффа на шоу Такера Карлсона. Проводимый анализ включает выявление манипулятивных механизмов и последующее обоснование целей их применения в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: манипулятивные приемы, политический медиадискурс, риторические приемы, стилистические приемы, лексические приемы.

Глобализация и развитие информационного общества существенно трансформируют характер политической коммуникации. В современном мире курс внешней политики государства напрямую определяет его значение на мировой арене и характер межгосударственных отношений. При этом ключевым фактором формирования какого-либо образа страны становится риторика ее политических деятелей.

При формировании определенного стиля политического лидера тщательно подбираются лексические единицы для реализации его идей и целей. С целью создания эмоционального, экспрессивного и четко выраженного монолога используются и психологические приемы воздействия, различные механизмы и уловки. Они необходимы для того, чтобы достичь первоначальной цели оратора – быть услышанным аудиторией, убедить ее в правоте своей позиции, а также побудить людей к различным действиям.

А.П. Чудинов приводит большое количество различных приемов и методик построения текста, которые действительно используются политическими лидерами и избирательными кампаниями. Среди таких средств используются: номинализация, противопоставление, переформулированные предложения, неопределенно-личные предложения и глагольные формы, формулировки предложений с возможностью выбора, а также прием, называемый «пропуск информации», при котором опускается имя существительное [Чудинов, 2012, с. 58].

Кроме того, в текстах политической направленности достаточно часто используются омонимы, идиомы, двусмысленные фразы, цитирование, игра слов, различные негативные команды, иронии, язык гипноза, например, трюизмы (выражения нацеленные на реакцию согласия слушателя) или Милтон-модели, при которых речь оратора, может быть, не только упрощена, но и расплывчата, и даже загадочна, в то время как слушателю предоставляется возможность найти неосознанно смысл и подходящий замысел [Ухвачев, 2015, с. 1047]. Помимо этого, государственные структуры могут применять механизмы интернет-коммуникаций в сфере социальной рекламы для продвижения политических интересов, идеологии, кандидатов на выборах и других политических целей [Эльясов, 2023, с. 122].

В силу необходимости удержания своего влияния и поддержания интереса аудитории политические лидеры вынуждены прибегать к различным механизмам влияния на сознание и поведение масс, психологическим механизмам убеждения и внушения. В социальной психологии выделяют следующие механизмы воздействия:

- убеждение – воздействие на слушателя через грамотную и логичную аргументацию, при которой слушатель убеждается в правоте высказывания оратора за счет четко сформулированных установок;
- внушение – воздействие, при котором слушатель принимает полученную информацию без собственного осознания действительности и не требуя доказательств [Тишин, 2010, с. 138].

Массовая аудитория периодически не разделяет и не воспринимает информацию, передаваемую СМИ из-за её многообразия. По этой причине люди принимают материал за истину, не замечая манипулятивных механизмов, которые намерено используются в сообщениях [Рябова, 2023, с. 453].

Для анализа манипулятивных приемов в речах политических деятелей следует рассмотреть высказывания С. Уиткоффа на шоу Такера Карлсона.

Во фрагменте *“I think President Trump sets the table for all of us. He really does this whole peace through strength thing. It’s not just a slogan. It actually works”* [Transcript of Steve Witkoff’s Interview on the Tucker Carlson Show] использован механизм внушения, при котором С. Уиткофф оправдывает действия президента США, утверждая, что его действия направлены во благо мира.

В другом фрагменте *“He just didn’t have a great boss giving him direction. So he couldn’t really speak on behalf of Biden. I was able to speak on behalf of Trump because we talked about it”* [Transcript of Steve Witkoff’s Interview on the Tucker Carlson Show] С. Уиткофф говорит об одном из дипломатов Дж. Байдена и использует методы противопоставления и убеждения, чтобы указать аудитории на недостаточную компетенцию предыдущего правительства, в то время как текущая власть работает скоординированно. Эти два приема достаточно часто используются командой Д. Трампа, чтобы подтвердить верность решения избрать его кандидатуру в качестве президента США.

Кроме того, С. Уиткофф использует идиому *“I’m always trying to put myself in the shoes of the other person”* [Transcript of Steve Witkoff’s Interview on the Tucker Carlson Show] для создания эффекта когнитивной близости с аудиторией, и чтобы вызвать у неё эмоциональный отклик и поддержку. С. Уиткофф стремится показать, что ставит себя на место других, пытается понять и принять оптимальное решение в той или иной ситуации.

Далее во фрагментах *“What it’s really about is the United States providing a security wrapper so that they’re all financeable today”* и *“There’s no doubt that they’re an ally of the*

United States. There's no doubt about that" [Transcript of Steve Witkoff's Interview on the Tucker Carlson Show]. Используются также метод убеждения и лексический повтор для обоснования целесообразности внешнеполитического курса США, направленного на обеспечение безопасности и стабильности мирового сообщества.

Во фрагменте *"I've never really been in the same room as them, which is a little bit weird, wouldn't you say? Like a negotiation where you don't have the other party. You don't even know if the guy behind the wall is the wizard of Oz or not"* [Transcript of Steve Witkoff's Interview on the Tucker Carlson Show] используются несколько приёмов: риторический вопрос, ирония, сопоставление, алогизм для убеждения аудитории, формирования определённого мнения, воздействия на эмоции и ценности. Таким образом С. Уиткофф говорит о террористической организации и показывает бессмысленность установления диалога с такими субъектами.

С. Уиткофф во фрагменте *"I shook hands of everybody I met, because who doesn't want to shake the hand of these guys who are out in the field, you know, they protect our country. I'm talking about all military guys"* [Transcript of Steve Witkoff's Interview on the Tucker Carlson Show] используют механизмы внушения и убеждения с целью позиционировать осуществляемую деятельность в Газе как социально-значимую и морально-оправданную. Следовательно, у аудитории формируется устойчивое представление о прагматической целесообразности предпринимаемых мер.

В последнем рассматриваемом фрагменте *"But we're humans. We're not robots. You know, we're not completely overwhelmed by AI right now. So people will make mistakes"* [Transcript of Steve Witkoff's Interview on the Tucker Carlson Show] С. Уиткофф использует антитезу, метафору, риторический вопрос, лексический повтор. Во фрагменте им намерено создана эмоциональная связь через местоимение «мы», что объединяет его и аудиторию, а также он убеждает аудиторию в возможности совершения, но обоснованности ошибок.

В результате проведенного анализа было выявлено, что в интервью использован широкий спектр стилистических и лексических приёмов в качестве стратегий манипулятивного воздействия для удержания внимания аудитории, формирования у неё устойчивого представления о легитимности и целесообразности реализуемого политического курса, а также для создания позитивного имиджа направленности внешней политики.

Список литературы

Рябова М.Э. Фейк в контексте мировоззренческих детерминант современного общества // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2023. – Т. 23. – № 4(64). – С. 449-458.

Тишин Н.В. Вербальные средства внушения в политическом дискурсе. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – №1. – С. 135-138.

Ухвачев Г.И. Некоторые особенности политической речи // Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 1046-1047.

Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2012. – №2. – С. 53-59.

Эльясов, А.А. Социальная реклама как идеологическое средство политической коммуникации в интернет-дискурсе / А. А. Эльясов, М. Э. Рябова // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4(100). – С. 118-125.

Transcript of Steve Witkoff's Interview on the Tucker Carlson Show : сайт. – URL: <https://singjupost.com/transcript-of-steve-witkoffs-interview-on-the-tucker-carlson-show/> (дата обращения: 13.03.2026).

LINGUISTIC MEANS OF REALIZING MANIPULATIVE STRATEGIES IN S. WITKOFF'S RHETORIC

Lugovskikh Kirill Maksimovich,

*Postgraduate student of Institute of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia*

Abstract. The article examines the methods of manipulation in political media texts used by politicians to achieve any goals. To analyze the linguistic mechanisms of manipulative strategies, a transcript of an interview with Steve Witkoff on the Tucker Carlson Show is taken. The analysis includes the extraction of manipulative strategies and further determination of the purposes of their use in the communication process.

Key words: manipulative techniques, political media discourse, rhetorical means, stylistic means, lexical means.

КОНЦЕПТ «ТРУД / МЕХНАТ» В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПАРЕМИЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Мейлиева Малика,

магистр 1 курса специальности «Лингвистика (русский язык)»

Университета Турон, г. Карши, Узбекистан,

научный руководитель: Азизова Насиба Бахритдиновна,

профессор, доктор философии (PhD) по филологическим наукам

Каршинского государственного университета, г. Карши, Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу лингвокультурных характеристик концепта «труд / мехнат» на материале паремий русского и узбекского языков. Рассматриваются универсальные и национально-специфические черты восприятия труда, отражённые в пословицах и поговорках. Особое внимание уделяется аксиологическому компоненту концепта, а также образам земледельца и ремесленника как ключевым культурным символам. Выявлено, что при общности базовых ценностей (труд как основа жизни) наблюдаются различия в оценке лёгкого труда и богатства, а также в способах репрезентации трудовых процессов.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, труд, мехнат, паремиология, сопоставительный анализ, русский язык, узбекский язык.

Введение

В современной антропоцентрической лингвистике особую значимость приобретает изучение ключевых концептов, формирующих национальную картину мира. Концепт «труд» относится к числу базовых ценностей любой культуры, однако его содержание и оценка могут существенно варьироваться в зависимости от исторических, географических и религиозных факторов. Как справедливо отмечает Н.Б. Азизова, «сопоставительные исследования позволяют не только выявить универсалии, но и доказательно описать национальную специфику, избегая упрощённого экзотизирования культуры» [Azizova, 2026, с. 18].

Наиболее ярко ценностные ориентации народа проявляются в паремиях – пословицах и поговорках, которые аккумулируют коллективный опыт и транслируют культурные стереотипы. По определению В.Н. Телии, паремии представляют собой «сформулированный веками язык культуры, передающий философские установки народа через связанные с культурными эталонами и мифологемами образы» [Телия, 1996, с. 241].

Цель настоящей работы – выявить универсальные и национально-специфические характеристики концепта «труд / мехнат» путём сопоставительного анализа его

паремиологической репрезентации в русском и узбекском языках. Материалом исследования послужили 250 русских и 220 узбекских пословиц, отобранных из сборников В.И. Даля [Даль, 1989] и узбекских паремиологических собраний [Ўзбек халқ мақоллари, 2012].

Теоретико-методологическая база

Теоретическую основу исследования составляют труды в области лингвоконцептологии (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик), лингвокультурологического анализа фразеологии (В.Н. Телия), а также работы по сопоставительной концептологии Н.Б. Азизовой [Azizova, 2024a; Azizova, 2024b]. Концепт понимается как многомерное ментальное образование, включающее понятийный, образный и ценностный компоненты [Карасик, 2002]. Методология базируется на интегративном подходе, сочетающем методы компонентного анализа, классификации и лингвокультурологической интерпретации паремий.

Универсальные характеристики концепта «труд / меҳнат»

Анализ паремий показывает наличие ряда общих для обеих культур смысловых доминант. Прежде всего, труд осмысливается как онтологическая необходимость, основа жизни:

рус. «Без труда не вынешь и рыбку из пруда»;

узб. «Меҳнатсиз ҳеч нарса бўлмас» (Без труда ничего не будет).

В обеих лингвокультурах подчёркивается связь труда и благосостояния:

рус. «Труд кормит, а лень портит»;

узб. «Меҳнат қилсанг – тўйсан, меҳнатсиз юрсанг – қуясан» (Будешь трудиться – насытишься, будешь бездельничать – пожалеешь).

Важным является и мотив терпения как необходимого условия успеха:

рус. «Терпенье и труд всё перетрут»;

узб. «Сабр қилган – муродиға етган» (Терпеливый достиг своей цели).

Указанные универсалии отражают общечеловеческий опыт: выживание и благополучие всегда требовали приложения усилий. В обеих культурах трудолюбие оценивается положительно, а лень резко осуждается, что проявляется в наличии разветвлённых синонимических рядов с положительной (трудолюбие, усердие / меҳнатқашлик, тиришқоқлик) и отрицательной (лень, безделье / дангасалик, ялқовлик) коннотацией [Azizova, 2024a, с. 68].

Национально-специфические различия

Наряду с универсалиями, выявляются существенные различия, обусловленные особенностями хозяйственного уклада, религии и социальной организации.

1. Образы труда. В русских паремиях доминирует образ пашни, сохи, крестьянина-хлебопашца: «Пахарю земля – мать, а лодырю – мачеха». Это отражает специфику земледелия в условиях рискованного земледелия. В узбекских паремиях, наряду с земледелием (орошаемое земледелие), важное место занимает образ воды и арыка: «Савдогар бозорни, дехқон обни билар» (Торговец знает базар, а дехкан – воду). Также высоко ценится ремесло (хунар): «Хунарлининг қўли олтин» (У умелого руки золотые). Как отмечает Н.Б. Азизова, в узбекской лингвокультуре мастерство (хунар) нередко ценится выше материального богатства [Azizova, 2024b, с. 92].

2. Отношение к «лёгкому» труду и богатству. В русской паремиологии силён скепсис относительно возможности разбогатеть честным трудом: «От трудов праведных не нажить палат каменных». Это может быть связано с православной этикой, осуждающей стяжательство. В узбекских паремиях богатство, добытое трудом, не осуждается, однако подчёркивается, что оно должно быть результатом личных усилий: «Ўғрининг бойлиги – бир куплик» (Богатство вора – на один день). В то же время идея «лёгкого» труда (халтуры) чужда обеим культурам.

3. Коллективный труд. Для узбекской культуры характерна высокая значимость коллективного труда – хашара, что нашло отражение в паремии:

«Кўпчилик кўтарган юк енгил» (Ноша, поднятая многими, легка). В русском языке аналогом выступают пословицы о «мире» (общине), однако они не столь многочисленны и не образуют отдельной тематической группы.

4. Антонимическая оппозиция «труд-лень». Образ ленивого человека в обеих культурах наделяется сходными негативными характеристиками, но способы образной репрезентации различаются. В русских поговорах частотен образ лежания на печи: «Ленивый и могилы не стоит». В узбекских – образ человека, который ждёт, что еда сама войдёт в рот: «Оғзига куймасанг, ошкетар» (Если в рот не положить, еда пройдёт мимо). Общим является то, что лень осуждается как нравственный порок, ведущий к деградации.

Заключение

Проведённый сопоставительный анализ поговорок, вербализующих концепт «труд / мейхнат», позволяет сделать следующие выводы.

1. Концепт «труд» относится к числу базовых ценностей как русской, так и узбекской лингвокультур, что подтверждается богатством паремиологического фонда и разветвлённостью синонимических рядов.

2. Универсальными характеристиками являются: осмысление труда как основы жизни, связи труда и благосостояния, необходимости терпения, а также резко негативная оценка лени.

3. Национально-специфические различия проявляются в доминирующих образах (пашня vs. оазисное земледелие и ремесло), в отношении к богатству (скепсис vs. умеренное одобрение), а также в акцентировании коллективных форм труда (хашар) в узбекской культуре.

4. Выявленные особенности необходимо учитывать в практике межкультурной коммуникации и преподавании русского и узбекского языков как иностранных, поскольку они отражают глубинные ментальные установки народов.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с привлечением материала художественной литературы и современного медиадискурса для изучения динамики концепта в условиях глобализации.

Список литературы

Даль В.И. Пословицы русского народа : сборник В. Даля в 2 томах. –М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 383 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Азизова Н.Б. Антропоцентризм тил – маданият – инсон бирлигинингилмий-назарий асоси сифатида // Xorazm Ma'mun akademiyasi axborotnomasi. – 2025. – №3/4. – С. 43-47.

Ўзбек халқ мақоллари / Тўпловчи Т. Мирзаев. – Тошкент: Шарқ, 2012. – 512 б.

Azizova N.B. Rus va o'zbek tillarida lisoniy shaxs konseptininglingomadaniy talqini // Экономика и социум. – 2024a. – № 2-2 (117). – С. 67-70.

Azizova N.B. The Concept as a Fundamental Notion in Modern Linguistics: Genesis, Structure, Methodology, and Research Prospects // Foreign Linguistics and Linguodidactics. – 2026. – Vol. 4, Issue 1. – P. 15-23.

Azizova N.B. The concept of “good” in the Russian and Uzbek language worldview // Russian language: research, testing and practice. – 2024b. – № 10 (2). – С. 88-96.

THE CONCEPT OF "TRUD / MEHNAT" IN THE MIRROR OF RUSSIAN AND UZBEK PAROEMIAS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Meiliyeva Malika,

Master's student in Linguistics (Russian Language),

Turo University, Karshi, Uzbekistan,

Scientific supervisor: Azizova Nasiba Bakhritdinovna,

Professor, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology,

Karshi State University, Karshi, Uzbekistan

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the linguocultural characteristics of the concept "trud / mehnat" based on the material of paroemias of the Russian and Uzbek languages. The universal and nationally specific features of the perception of work reflected in proverbs and sayings are considered. Special attention is paid to the axiological component of the concept, as well as the images of the farmer and artisan as key cultural symbols. It is revealed that, despite the commonality of basic values (work as the basis of life), there are differences in the assessment of easy work and wealth, as well as in the ways of representing labor processes.

Key words: linguoculturology, concept, labor, mehnat, paroemiology, comparative analysis, Russian language, Uzbek language.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕДУКЦИЯ И КОММОДИФИКАЦИЯ ЗНАНИЯ В ЦИФРОВОМ ДИСКУРСЕ УНИВЕРСИТЕТА

Монгилёва Наталья Викторовна,

доктор филологических наук, ассоциированный профессор (доцент)

Костанайского государственного университета

имени Ахмета Байтурсынулы, г. Костанай, Казахстан

Аннотация. Рассматривается процесс коммодификации знания в цифровом дискурсе современных университетов. Выявлены метафоры топлива, двигателя, фабрики, которые овеществляют и упрощают сложные академические процессы, подменяя ценность поиска истины прагматикой рыночной эффективности.

Ключевые слова: концептуальная метафора, дискурсивная редукция, коммодификация знания, Университет 4.0.

Благодарности: выполнено за счёт гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP23485644 «Повышение аттрактивности казахстанского университета: разработка эффективных стратегий дискурса через анализ социокультурных диспозитивов веб-сайтов зарубежных вузов».

Цифровая репрезентация вуза представляет собой сложную семиотическую систему, которая конструирует специфический образ организации и, в целом, мира, подвергая академическую ценность образования коммодификации. Традиционно под коммодификацией образования понимается процесс превращения образовательных услуг, знаний и академических степеней в товар [Petrovic, 2021]. Однако, в текстах университетского сайта мы наблюдаем семиотическую трансформацию самой природы академического знания: обучение больше не репрезентируется как длительный процесс менторства и интеллектуальных усилий, а предстает в виде «готового продукта» или типа «лайфстайла» [Zhang, 2013].

С одной стороны, такая трансформация обусловлена прагматической необходимостью: представление о фундаментальном образовании по своей сути

абстрактно, многомерно, а сам процесс обучения требует от субъекта готовности к интеллектуальной уязвимости и риску «не-понимания» [Biesta, 2013]. Поэтому логика цифрового маркетинга заменяет этот сложный и рискованный процесс познания на гарантии «результативности» и «эффективности». С другой – редуцирование «риска познания» в «безопасное потребление» фактически уничтожает саму суть акта обучения и идею Университета.

Классическая модель Университета, сформулированная В. фон Гумбольдтом, строится на концепции *Bildung* (целостное формирование личности), неразрывном единстве преподавания и исследования, поиске истины как самоцели [Ясперс, 2006]. Гумбольдтовский университет мыслился как автономный институт, независимый от требований государства или рынка. Его целью было воспитание критически мыслящих, культурных личностей и развитие знания ради самого знания. Именно этот сложный идеал интеллектуального и личностного развития выбран в данном исследовании эталоном, позволяющим утверждать о процессах редукции в текстах университетского сайта.

Во второй половине XX века университеты начали вести себя как рыночные агенты: конкурировать за внешнее финансирование, патентовать исследования и продавать образовательные услуги [Slaughter, 2004]. Логика рынка и экономической полезности становится доминирующей силой, фундаментально меняя миссию института и, как следствие, его язык [Монгилёва, 2025].

Сегодня дискурс высшего образования пропитан концепцией *Университета 4.0*. Сквозь призму этой модели вуз выступает прогностическим центром, лидером в решении сложных глобальных вызовов, платформой для со-творчества ученых разных направлений, преподавателя и студента [Ефимов, 2016; Rizvi, 2022]. Парадоксально, но именно та дискурсивная редукция, которую мы анализируем в данной работе, препятствует этому переходу. Сводя сложные академические реалии к рыночным продуктам и измеримым результатам, университеты лишь укрепляют логику прежней модели, вместо того чтобы культивировать интеллектуальную свободу и долгосрочное видение, необходимые для решения непредсказуемых нелинейных проблем, характерных для идеала Университета 4.0. Чтобы скрыть фундаментальную неопределенность познания и представить академический процесс как гарантированный путь к успеху, дискурс вузовских сайтов заимствует терминологию из сферы промышленной инженерии и термодинамики.

В текстах университетских сайтов реализуется комплексная концептуальная метафора: УНИВЕРСИТЕТ – ЭТО ДВИГАТЕЛЬ, НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ – ЭТО ТОПЛИВО (ГОРЮЧЕЕ).

Метафоры топлива в текстах реализуются через специфический лексический ряд, который можно разделить на три фазы «термодинамического процесса»: запуск (*ignite, spark*), питание системы (*fuel*), сгорание (*accelerate, propel, drive*). Ср.: *U of T ignites innovation... (University of Toronto)*. // *...research ignited by the spirit of entrepreneurship (University of Waterloo)*. // *«...spark innovation» (University of Calgary)* // *«Your support ignites change...» (University of Pennsylvania)*. В примерах актантом действия переходных глаголов *ignite, spark* выступает либо сам университет, либо абстрактный «дух предпринимательства». Наука в этой конструкции лишена субъектности – она является лишь искрой для запуска более масштабного социального процесса. Знание грамматически объективируется, превращаясь в ресурс (сырье), который потребляется системой для производства внешнего эффекта. Ср.: *...we fuel the local economy (University of Manitoba)*. // *...fuelling prosperity and improving the human condition» (University of Waterloo)*. // *...research has fuelled new ideas and technologies» (University of Waterloo)*. С помощью семантики глагола *fuel* (питать / заправлять) академическая деятельность соотносится с экономическими категориями (*economy, prosperity*). Значения глаголов (*accelerate, propel, drive*) репрезентируют Университет как транспортное средство или болид, несущийся в «будущее». Ср.: *...accelerating solutions and amplifying their impact» (Stanford University)*. // *«...propel research and innovation excellence» (Dalhousie University)*. // *«...driving the future via*

knowledge, discovery and innovation» (University of Alberta). Однако, в реальной научной деятельности подача топлива (research) не всегда приводит в движение механизм (innovation). Научный поиск может закончиться тупиком, всегда есть место сомнениям, тогда как метафора двигателя делает процесс обучения «безопасным» для потребителя. Также, если вуз – это отлаженный механизм (*idea engine*), то студент, попадая в него, гарантированно получает импульс для карьеры. Непредсказуемость образования заменяется предсказуемостью механической тяги.

Метафора УНИВЕРСИТЕТ – ЗАВОД / ФАБРИКА трансформирует процесс обучения в логистическую цепочку с объектом, который движется по заданной траектории с максимальной скоростью. Ср.: *Dalhousie cultivates a **pipeline** of creators, innovators and entrepreneurs» (Dalhousie University) // Strategic connections for all stages of the innovation **pipeline**» (University of Toronto). // Modern tools to streamline the flow of knowledge» (Université Laval). // Fostering a **pipeline** of commercially focused genomics innovation projects» (University of Melbourne)*. Значение существительного *pipeline* (*трубопровод, нефтепровод*) вводит в контекст компоненты знаний о линейной и герметичной системе производства. Глагол *Streamline* (*оптимизировать / придавать обтекаемую форму*) отсылает своей семантикой к сфере знаний о промышленном дизайне и аэродинамике. Посредством образа пассивного объекта, движущегося без трения, чья траектория задана и технически обеспечена, минимизируются какие-либо академические сложности, риски, сомнения и т.д.

Эффективность работы преподавателей, их исследования описываются в терминах производства. Ср.: *...and has been named as Europe's leading university for **producing** venture backed entrepreneurs (Trinity College Dublin)*. Университет переосмысливается как конвейер, на выходе с которого получаются готовые коммерческие единицы — стартаперы. Существительное *output* (*продукция / выпуск*) востребована как базовый термин промышленного производства. В текстах университетских сайтов данная лексема приобретает содержательные компоненты «открытие», «труд» или «мысль». Ср.: *Imperial ranks first in the UK for research **outputs**... (Imperial College London)*. Интеллектуальная деятельность сводится к «норме выработки». Знание лингвистически оформляется как объект, прошедший стадию упаковки и предпродажной подготовки на фабрике. Ср.: *Transforming knowledge into **conveniently-packaged commodities** to be sold in global markets [Kouritzin, 2020]*. Главным достоинством академической среды провозглашается отсутствие «заторов» в передаче знания, что делает университет понятным и «удобоваримым». Техничко-экономический словарь (*fuel, drive, propel, produce, sub-system*) превращает образовательный и научный процесс в бесперебойно работающий механизм по генерации инноваций и прибыли.

В результате, цель академической деятельности смещается от фундаментального поиска знаний к обслуживанию внешних социально-экономических запросов. Знание инструментализируется, становясь средством достижения государственных, экономических или геополитических результатов.

В классической науке результат не гарантирован. Однако дискурс университетских сайтов заменяет «поиск» на «решение» (*solution*). Ср.: *awarded applied research support and technical assistance to explore targeted prevention and rehousing models (Harvard University) // ...Harvard's Data-Smart City Solutions is exploring scalable **solutions** to address extreme levels of homelessness (Harvard University)*. Фразы являются фрагментами текста *Initiative on Health and Homelessness*, размещенного на сайте Harvard Chan School. Сложнейший феномен бездомности рассматривается через призму *scalable solutions* и *targeted prevention models*. Представление научного поиска в образе конвейера по производству ответов нивелирует ценность фундаментального сомнения и интеллектуального риска. Фокус смещается на «умные» вещи, а радость исследования редуцируется до модной технологии. Ср.: *3D Bioprinting: Revolutionizing Healthcare... // Beyond Smart Materials... engineer adaptive, self-powering, living materials... (Penn State)*.

Следствием инструментализации становится сужение универсальности научного поиска до решения более локальных задач, продиктованных текущей ситуацией в стране. Национальный автономный университет Мексики прямо заявляет, что его исследования ограничены государственной повесткой. Ср.: *...to organize and to carry out research, primarily on the national conditions and problems (UNAM)*. Академическое превосходство определяется не самими учеными, а победами в государственных инициативах, критерии которых задают чиновники. Ср.: *Tokyo Tech was selected by the Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT) as a Designated National University. This new system aims to promote the creation of world-class universities capable of driving national growth... (Tokyo Tech)*. Ученые исследуют то, под что государство выделило квоты, то есть проблемы, которые уже существуют. Ср.: *The university was successful in all three funding lines of the German federal and state Excellence Initiative from 2007 to 2019 (Freie Universität Berlin)*. Ценность университета доказывается не описанием научных школ, а финансовыми отчетами: стартапы, патенты, рейтинги.

Риторика свободного рынка и стартапов приводит к снятию ответственности с вуза по классическому трудоустройству или фундаментальной поддержке. Ср.: *Trinity also encourages innovation and an entrepreneurial spirit, providing incubation programmes for student-led companies (Trinity College Dublin)*. В то время как венчурное предпринимательство является рискованной деятельностью, а значит, все неудачи будут перенесены на студента. В целом аттрактивный призыв «строить собственный путь» оказывается ограничен набором рамок из «престижных проблем». Ср.: *We will set a **global benchmark** for university sustainability, leading by example (Imperial College London) // 1st for sustainability in Australia» (University of Sydney)*. В данном случае происходит редукция многообразия человеческих интересов: если ваше исследование не соотносится с *global challenges* или *sustainability*, оно выпадает из «траектории студента», поддерживаемой вузом.

Концепция Университета 4.0 предполагает переход от парадигмы коммерческой фабрики стартапов (3.0) к новой проактивной роли: обладать академической свободой, чтобы предвидеть угрозы, которых государство еще не осознало, и формировать будущее, быть центром (хабом) глобальной сети инноваций. Однако, коммодификация знания посредством метафор топлива, фабрики / завода, двигателя «запускает» механизмы дискурсивной редукции. Университет дискурсивно лишается субъектности (души, духа) и превращается в «машину» или «конвейер»: эффективность двигателя обусловлена тягой, а не принципами морали. Непрерывный и абстрактный процесс познания сводится к дискретному, конкретному и, главное, продаваемому продукту: гаджетам или прикладным технологиям. Знание перестает быть целью и ценностью, а становится инструментом, следовательно и академическая свобода редуцируется до права выбрать, какому именно заказчику (государству или корпорации) вуз предлагает свои научные результаты.

Проведенный анализ показывает, что с одной стороны, тексты вузовских сайтов заявляют о гуманистических идеалах Университета 4.0 – со-творчество, лидерство и решение глобальных проблем. С другой стороны, в стремлении привлечь абитуриентов, партнеров, стать конкурентоспособными в образовательной среде университеты все еще используют метафоры предыдущей модели Университета, что запускает механизм дискурсивной редукции, превращая науку в сервис, образование в инвестицию, а студента – в самозанятого исполнителя социального запроса.

Список литературы

Ефимов В.С. Фазовые трансформации и будущее университетов: философско-методологический анализ / В.С. Ефимов, А.В. Лаптева // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – № 6 (106). – С. 146-158.

Монгилёва Н.В. Цифровой дискурс и стратегии аттрактивности вуза / Н. В. Монгилева, Я. С. Талыбова, Р. А. Ахметкалиева, А. В. Ткаля. – Костанай, 2025. – 220 с. – ISBN 978-601-356-565-1.

Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т.В. Тягуновой; ред. перевода О. Н. Шпарага; под общ. ред. М. А. Гусаковского. – Минск : БГУ, 2006. – 159 с.

Biesta G. World-Centred Education: A View for the Present. – Routledge, 2021. – 136 p.

Petrovic J.E. The Commodification of Language: Conceptual Concerns and Empirical Manifestations / Eds. J.E. Petrovic, B. Yazan. – 1st ed. – Routledge, 2021.

Rizvi F. Reimagining Globalization and Education / Eds. F. Rizvi, B. Lingard, R. Rinne. – 1st ed. – Routledge, 2022.

Slaughter S. Academic capitalism and the new economy / S. Slaughter, G. Rhoades. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2004. – 384 p.

Zhang Y. “Toward a global knowledge enterprise”: university websites as portals to the ongoing marketization of higher education / Y. Zhang, K.L. O'Halloran // Critical Discourse Studies. – 2013. – № 10 (4). – P. 468-485.

METAPHORICAL REDUCTION AND COMMODIFICATION OF KNOWLEDGE IN UNIVERSITY DIGITAL DISCOURSE

Mongilyova Natalya Viktorovna,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kostanay, Kazakhstan

Abstract. The paper examines the process of knowledge commodification within the digital discourse of modern universities. It identifies metaphors of fuel, engines, and factories that reify and simplify complex academic processes, replacing the value of the pursuit of truth with the pragmatics of market efficiency.

Key words: conceptual metaphor, discursive reduction, commodification of knowledge, University 4.0.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ТУРИСТИЧЕСКИХ ПУТЕВОДИТЕЛЯХ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Муллина Алсу Минреисовна,
ассистент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий
Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», г.
Москва, Россия

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в выявлении лингвокультурных механизмов отражения исторической памяти, используемых представителями русскоязычной и англоязычной лингвокультур в туристических путеводителях. Актуальность данного исследования определяется недостаточной исследованностью этнокультурной специфики исторической памяти и ее отражения в туристических текстах. В статье дается краткая характеристика видов памяти. В результате проведенного исследования выявлены основные лингвокультурные механизмы отражения исторической памяти, используемые в туристическом путеводителе.

Ключевые слова: историческая память, историческая репрезентация, туристический путеводитель, оценка, оценочные речевые акты.

Изучение исторической памяти или *memory studies* приобрело особую популярность в 80-е годы прошлого века и по сей день остается актуальной и развивающейся областью исследований. Связана данная тенденция в первую очередь с той ролью, которую выполняет историческая память в формировании ценностных ориентиров и мировосприятия людей, а также в регулировании их поведения. Так, по мнению Н.Л. Мысливец историческая память выступает одним из «важнейших социокультурных феноменов бытия человека и общества и фактором, определяющим не только их настоящее, но и ближайшее и даже отдаленное будущее» [Мысливец, 2018, с. 10]. Она дает представителям разных стран и национальностей интерпретировать произошедшие ранее события, роль своего народа в них и, основываясь на этих интерпретациях, принимать решения в настоящем.

Живой интерес к данной области исследований привел к появлению различных определений «исторической памяти», многие из которых подчеркивают описанную выше роль данного понятия в жизни общества. Так, одна из известных дефиниций была создана Ж.Т. Тощенко, который назвал историческую память «выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [Тощенко, 2000, с. 5]. Еще один российский историк и социолог В.В. Кулиш говорит о данном понятии как о «системообразующем, коллективно выраженном элементе общественного и индивидуального сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения и воспроизводства культуры, обеспечивающий актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и задающий направление инноваций во всех сферах жизнедеятельности отдельного человека и всего общества» [Кулиш, 2011, с. 14]. При этом понимание роли исторической памяти отмечается не только российскими учеными, но и представителями других стран. Так, немецкий историк Й. Рюзен говорит об исторической памяти как о «ментальной способности субъектов сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания» и как о „результате определенных смыслообразующих операций по упорядочиванию воспоминаний, осуществляемых в ходе оформления исторического сознания путем осмысления пережитого опыта ...» [Рюзен, 2001, с. 9].

На данном этапе особый интерес ученых прикован к существующей между культурой и исторической памятью взаимосвязи. Наиболее значимой в этой области работой является научный труд известного немецкого историка и культуролога А. Ассман «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика», в котором были выделены три вида памяти, а именно: «нейронная, социальная и культурная память» [Ассман, 2014, с. 29]. Нейронная память в данном исследовании представляет собой индивидуальную память, то есть память одного человека, которая существует за счет существования человеческого мозга и нервной системы. Автор отмечает, что, несмотря на связь нейронной памяти с опытом конкретного человека, нельзя говорить о самодостаточности этого вида памяти. На этом же настаивал и родоначальник исследований в области социальной памяти М. Хальбвакс, по мнению которого память человека формируется и закрепляется только в процессе коммуникации с другими членами общества. К числу необходимых условий развития нейронной памяти кроме коммуникации А. Ассман относит также и культурную интерактивность. В связи с чем автором отмечается связь нейронной памяти как с социальной сетью, так и с культурным полем [Ассман, 2014, с. 29].

Социальная сеть в рассматриваемом исследовании представляет собой то поколение, в котором живет человек. А. Ассман приходит к выводу, что проработка индивидуального опыта во многом зависит от «горизонта поколенческой памяти» [Ассман, 2014, с. 23]. Так, каждое поколение характеризуется специфическими особенностями мировосприятия и собственным отношением к историческим событиям, которые определяются различными

ценностями и потребностями, что и называется социальной памятью. Таким образом, в каждом новом поколении будут свои характерные особенности социальной памяти, что говорит о нестабильности и динамичности данного феномена.

К культурному полю, в котором развивается нейронная память, относятся различные культурные артефакты, такие как тексты, праздники, традиционные ритуалы и т.д. Через взаимодействие с ними формируется память человека также, как и через взаимодействие с другими людьми. Однако, в отличие от динамичной и меняющейся социальной памяти, культурное поле, объективизированные в форме разных артефактов, институтов и символов, остается достаточно устойчивым и неизменным. Именно на нем и основывается культурная память. Носителями культурной памяти при этом являются все представители той группы, которая «определяет свою идентичность с помощью данных символов, варьируя, обновляя и оживляя их состав» [Ассман, 2014, с. 31].

Исследования, проведенные А. Ассман и другими учеными в данной области, показывают неразрывную связь индивидуальной памяти, присущей каждому человеку, с культурой и ценностями того общества, в котором индивид живет. Кроме того, очевиден и тот факт, что для формирования памяти человека о различных событиях необходимо общение с другими членами общества. Общение при этом может протекать в различных формах, включая как устные, так и письменные ее виды, а также осуществляться различными социальными институтами.

Среди наиболее значимых институтов формирования исторической памяти выделяют науку и образование, которые отвечают за воздействие на рациональный уровень сознания человека. Именно они в период обучения индивида в школе и других учебных заведениях предоставляют ему необходимый набор исторических знаний, создавая при этом основу для дальнейшего формирования исторической памяти. За стенами образовательных учреждений человек сам решает, какие именно ресурсы использовать для дальнейшего изучения как истории своей страны, так и истории других государств.

В наши дни одним из наиболее значимых источников получения исторических знаний для среднестатистического человека является культурно-исторический туризм. Данный вид туризма обеспечивает не только качественный досуг, но и интерактивное и увлекательное изучение событий прошлого. Для этого в туристической сфере используются различные средства, среди которых стоит выделить туристическая путеводитель. Основная функция текстов этого жанра заключается в ознакомлении туриста с основными туристическими дестинациями города или страны. При этом тексты туристических путеводителей описывают не только особенности и местонахождение той или иной дестинации, но и приводят сведения о ее культурной и исторической значимости, а также о том, с какими историческими событиями или личностями она связана.

Цель данного исследования заключается в выявлении лингвокультурных механизмов отражения исторической памяти в текстах туристических путеводителей на русском и английском языках. Материалом исследования послужили русскоязычные путеводители «Москва» издательства «Эксмо», а также англоязычный путеводитель *“Eyewitness Travel. Russia”* издательства *“Dorling Kindersley Limited”*. Для достижения поставленной цели были использованы метод сплошной выборки, описательный метод, контекстуальный метод, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Обнаруженные в результате исследования исторические репрезентации в текстах туристических путеводителей показывают, что особенности исторической памяти представителей разных лингвокультурных общностей могут быть прослежены, во-первых, в выборе предоставляемых читателю исторических событий. Так, например, в рассмотренных в рамках данного исследования исторических репрезентациях, представляющих И.В. Сталина и его деятельность на посту руководителя СССР, были выявлены значительные расхождения в отборе исторических событий, связанных с данным политическим деятелем. В англоязычном путеводителе из 20, относящихся к И.В. Сталину исторических репрезентаций, в 9 были приведены примеры разрушений им различных

объектов культурного и исторического значения, включая множество церквей и храмов. Примеры исторических репрезентаций И.В. Сталина проиллюстрированы в Таблице 1.

Таблица 1 – Исторические репрезентации И.В. Сталина в англоязычном путеводителе

№	Историческая репрезентация
1.	<i>“Unfortunately, the Kremlin could not escape the architectural vandalism of the 1930s, when it was closed and several of its churches and palaces were destroyed on Stalin’s orders” [Eyewitness, 2016].</i>
2.	<i>“The palace now houses the Museum of 17th-Century Life and Applied Art, displaying more than 1,000 exhibits drawn from the Armoury Chamber collection and from churches and monasteries that were destroyed by Stalin in the 1930s” [Eyewitness, 2016].</i>
3.	<i>“Demolished by Stalin in the 1930s, the staircase was rebuilt in 1994 at great expense” [Eyewitness, 2016].</i>
4.	<i>“This gateway, with its twin red towers topped by green tent spires, is a copy of the 17th century original, which Stalin demolished to make Red Square more accessible for tanks and marchers” [Eyewitness, 2016].</i>
5.	<i>“Besides the Resurrection Gate, Stalin also demolished the 17th-century Kazan Cathedral” [Eyewitness, 2016].</i>
6.	<i>“During the revolutionary utopianism of the 1920s, Futurists dreamt of erecting a 396-m (1,300-ft) high Monument to the Third International on the square, while Stalin later envisaged destroying its most famous landmark, St Basil’s Cathedral” [Eyewitness, 2016].</i>
7.	<i>“The cathedral was blown up on Stalin’s orders in 1933 to make way for the never-built Palace of Soviets that was eventually superseded by an outdoor swimming pool in 1959” [Eyewitness, 2016].</i>
8.	<i>“In the process, many supposedly unnecessary buildings were destroyed, but the intended centrepiece of Stalin’s plan was never built due to the swampy subsoil in this locality” [Eyewitness, 2016].</i>
9.	<i>“Many buildings were torn down to make way for apartment blocks to house party bureaucrats, and others were rebuilt further back on the wider road” [Eyewitness, 2016].</i>

В русскоязычном путеводителе из 5 репрезентаций этого исторического деятеля только 1 характеризует его как «разрушителя». Например, «По распоряжению Сталина храм Христа Спасителя был взорван 5 декабря 1931 года» [Москва, 2021]. Остальные исторические репрезентации И.В. Сталина связаны со строительством «сталинских высоток» и реновацией Красной площади для проведения парадов и демонстраций.

Приведенные выше примеры ясно показывают, что в памяти автора англоязычного путеводителя И.В. Сталин предстает фигурой мрачной и связанной скорее с разрушением, чем с созиданием. Такой же образ формируется и у туриста, читающего путеводитель. В русскоязычной версии не наблюдается подобного отношения, так как автор не стал

фокусироваться только на событиях, связанных с разрушением, но и привел примеры положительных изменений в городе.

Вторым обнаруженным в результате исследования механизмом отражения исторической памяти стали исторические репрезентации, направленные на оценивание тех или иных исторических событий и личностей. В соответствии с определением данным М.С. Бачурко оценивание представляет собой «психический процесс субъект-объектных и субъект-субъектных отношений превосходства и предпочтения, который реализуется в ходе произвольного и непроизвольного сопоставления предмета оценки и оценочного основания» [Бачурко, 2017]. Данный процесс основывается на имеющейся у оценивающего и народа, к которому он принадлежит, системе ценностей.

В лингвистике под оценкой понимается «множество разноуровневых языковых единиц, соединенных оценочной семантикой и выражающих позитивное или негативное отношение автора к предмету речи» [Стилистический, 2006, с. 139]. Иными словами, оценка может иметь различные способы воплощения в языке, которые варьируются от элементов меньших, чем слово до целых высказываний. К оценочным речевым актам исследователи относят различные виды положительной и негативной оценки, выраженной как прямо, так и косвенно. С некоторыми с примеров оценочных актов в исторических репрезентациях можно ознакомиться в Таблице 2.

Таблица 2 – Оценочные акты в исторических репрезентациях

Историческая репрезентация
<i>“Long characterized by its shops, stalls and monasteries, Nikolskaya ulitsa underwent decades of dowdiness under Communism before reasserting its commercial vigour in the 1990s, when many designer clothes stores and jewellers opened up here” [Eyewitness, 2016].</i>
<i>“Taken down in the Soviet era, the statue of Pavel Tretyakov has now been restored to its rightful place in front of the gallery” [Eyewitness, 2016].</i>
<i>“Unfortunately, the Kremlin could not escape the architectural vandalism of the 1930s, when it was closed and several of its churches and palaces were destroyed on Stalin’s orders” [Eyewitness, 2016].</i>
<i>“This splendid church is dwarfed by ugly 1970s buildings that were once Communist Party offices” [Eyewitness, 2016].</i>
<i>“However, Gorky’s prerevolutionary fame and support for the Bolshevik Party made him a useful propaganda tool for the Soviet government” [Eyewitness, 2016].</i>

Таким образом, результаты исследования показали, что историческая память не может формироваться без социальной интеракции, что приводит к зависимости индивидуальной памяти человека об исторических личностях и событиях от социальной и культурной памяти. Одним же из источников формирования и отражения исторической памяти в современном обществе становится туристический путеводитель, как текст, наполненный историческими репрезентациями, связанными с различными туристическими дестинациями. Основными же механизмами передачи особенностей исторической памяти в данных текстах являются выбор конкретных событий для описания, а также оценочные речевые акты.

Список литературы

- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
- Бачурко М.С. Прагматическая специфика оценочных речевых актов, стратегий и тактик в русскоязычном и англоязычном педагогических дискурсах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2017. – 23 с.
- Кулиш В.В. Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России (по материалам социологических исследований в Алтайском крае): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Барнаул, 2011. – 22 с.
- Мысливец Н.Л. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции / Н.Л. Мысливец, О.А. Романов // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2018. – № 1. – С. 9-19.
- Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 8-26.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева, В.И. Аннушкин, Е.А. Баженова [и др.]. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2006. – 696 с. – ISBN 5-02-002791-X.
- Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3-14.
- Eyewitness Travel. Russia. – London: Dorling Kindersley Limited, 2016. – 336 p.

LINGUOCULTURAL MECHANISMS OF REFLECTING HISTORICAL MEMORY IN ENGLISH AND RUSSIAN TOURIST GUIDEBOOKS

Mullina Alsu Minreisovna,

*assistant lecturer of department of foreign languages and communication technologies,
National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russia*

Abstract. The purpose of this study is to identify the linguocultural mechanisms of reflecting historical memory used by representatives of Russian-speaking and English-speaking linguocultures in tourist guidebooks. The relevance of this research is determined by the insufficient study of the ethnocultural specifics of historical memory and its reflection in tourist texts. The article provides a brief description of the types of memory. As a result of the study, the main linguocultural mechanisms of reflecting historical memory used in tourist guidebooks have been identified.

Key words: historical memory, historical representation, tourist guidebook, evaluation, evaluative speech acts.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СПЕКТР НЕМЕЦКИХ НАРЕЧИЙ НА -WEISE С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ: ОТ КОМПРЕССИИ К ЭКСПРЕССИВНОСТИ

Первак Татьяна Владимировна,

*кандидат филологических наук, доцент
кафедры германской и романской филологии
Государственного университета просвещения,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье анализируются немецкие наречия на -weise с количественным компонентом, их семантика и функциональные особенности. Выявляются основные

функции данных единиц в немецком языке, такие как компрессионная, интенсифицирующая, сегментирующая. Экспрессивный потенциал наречий реализуется через механизмы интенсификации (эмоционально-гиперболическая выразительность) и сегментации (наглядность, поэтапность действия).

Ключевые слова: немецкий язык, наречия с количественным компонентом, суффикс *-weise*, компрессия, экспрессивность, интенсификация, сегментация.

Введение

В современном немецком языке лексические единицы с суффиксом *-weise* представляют собой гетерогенный класс, который традиционно подразделяется на модальные слова, как правило, с оценочной семантикой и наречия образа действия [Pittner, 1999]. «В классическом понимании модальные слова (*Satzadverbiale*) относятся к высказыванию в целом и выражают установку говорящего к пропозициональному содержанию (*erstaunlicherweise, möglicherweise, bezeichnenderweise*), а наречия образа действия (*Adverbien der Art und Weise*) описывают качество выполнения действия и в целом относятся к предикату (*löffelweise, schichtweise, schrittweise, fahrenderweise*)» [Первак, 2022, с. 79]. Особый интерес среди последних вызывают наречия, образованные от основ существительных и содержащие в своей семантике компонент меры, количества или дробности. Данные единицы не только выполняют функцию уточнения способа действия, но и участвуют в реализации целого ряда прагматических и текстовых задач.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания функций этих наречий, которые в лингвистической литературе чаще рассматриваются в рамках словообразования (см. [Brandt, 2020; Harsányi, 2011]), чем с точки зрения их коммуникативного потенциала. **Цель** данной статьи – выявить и описать основные функции наречий на *-weise* с количественным компонентом в современном немецком языке. Материалом послужили примеры из корпуса немецкого языка DWDS [DWDS] и публицистических текстов. В работе применяются методы семантического, контекстуального и функционально-прагматического анализа.

Классификация наречий на *-weise* с количественным компонентом

В рамках деривации для наречий на *-weise* принципиальное значение имеет лексическая природа производящей основы. Как показывает исследование Д. Элснер, дериваты от прилагательных и причастий на *-erweise* тяготеют к модальной / оценочной семантике (*möglicherweise, dummerweise*) или событийно-внутренней семантике (*lesenderweise, tanzenderweise*), в то время как отсубстантивные дериваты часто реализовывают количественное значение [Elsner, 2018, с. 214].

К. Корте и Х. Сабо в статье „Un exemple de catégorisation des noms, des verbes et des adjectifs par le langage naturel : les adverbes allemands en-weise“ предложили распределить отсубстантивные наречия на *-weise* по четырем основным классам в зависимости от семантических свойств производящего существительного. Рассмотрим эти классы:

Класс 1. Квантификаторы (*per*), единицы измерения, например *kiloweise, tütenweise, literweise*.

Синтаксическая схема: число + единица измерения + измеряемая масса

ein/ zwei/ n Fuder Heu/ Wein; ein/ zwei/ n Kännchen Kaffee

Единицы измерения позволяют представить недискретные субстанции (жидкости, сыпучие вещества) в виде порций, что делает возможным их квантификацию.

Класс 2. Множественное число, подчеркивающее массу, например: *haufenweise, bergeweise, massenweise*

Синтаксическая схема: неопределенное число + единица измерения (образная, неточная) + масса для представления

ein Haufen Geld; ein Berg Papier

Здесь понятие массы важнее понятия счета, наречие функционирует как элемент градации, маркируя гиперболу – не меру, а «безмерность».

Класс 3. Квантификаторы *für* (один за другим), например: *schrittweise, teilweise, gruppenweise*

Они являются близкими к конструкции *Schritt für Schritt* и выражают равные интервалы, упорядоченную последовательность во времени и пространстве.

Класс 4. Квантификаторы (часть целого – *in Teilen*), например: *etappenweise, gruppenweise, monatsweise*

Существительное сопровождается именной группой в родительном падеже или предложной группой с *von*, такие наречия служат для выражения партитивности, частичности или дробности:

ein Teil der Stadt; eine Gruppe von Schülern [Cortes, Szabo, 1994, с. 197-203].

К. Кортес и Х. Сабо обращают внимание на то, что некоторые из этих наречий в зависимости от контекста могут интерпретироваться по-разному и, соответственно, относиться к нескольким классам. Такая полифункциональность создает основу для богатых прагматических возможностей данных единиц, которые будут рассмотрены далее.

Функции количественных наречий

Анализ материала позволяет выделить три основные функции, реализуемые наречиями на *-weise* с количественным компонентом: компрессионную, интенсифицирующую и сегментирующую. При этом интенсификация и сегментация могут выступать как семантические механизмы, которые в определенных контекстах порождают экспрессивные эффекты.

Одной из ключевых функций является **компрессионная**, которая заключается в сжатии номинативного выражения в единую лексему. Вместо оборота, описывающего количество и способ действия, используется одно наречие, что повышает информационную плотность высказывания.

(1) „*Peter Ustinov, Schauspieler ‘Wenn ich löffelweise Kaviar esse und dazu Champagner trinke, werde ich ganz wild auf Sex’*“ [DWDS]. / Петр Устинов, актер: «Когда я ем икру ложками и запиваю шампанским, меня прямо-таки дико тянет на секс».

В данном примере *löffelweise* заменяет конструкцию *wenn ich große Mengen Kaviar esse*, одновременно добавляя иронический контраст между элитарностью деликатеса и подчеркнута неумеренной, «ложечной» манерой его потребления. Компрессия здесь подготавливает почву для экспрессивного эффекта – количественная характеристика становится источником эмоциональной и изобразительной выразительности.

В зависимости от контекста одно и то же наречие может актуализировать два разных прочтения: **интенсифицирующее** (подчеркивание большого объема, интенсивности) и **сегментирующее** (выделение поэтапности, дробности). Первое обычно возникает, когда наречие фокусирует внимание на результате или общем количестве, второй – когда акцент делается на процессуальности и повторяемости действия.

(1) „*Hummus aufs Brot, Hummus als Dip, Hummus in den Mund! Hummus kann ich löffelweise essen*“ [Die Hummus Trilogie]. (Хумус на хлеб, хумус как соус, хумус в рот! Хумус я могу есть ложками) – интенсификация (есть хумус ложками / много).

(2) „*In Deutschland erhalten Säuglinge als erste Beikost üblicherweise Gemüse. Begonnen wird löffelweise z. B. mit reinem Karottenpüree*“ [Säuglingspflege]. (В Германии младенцам в качестве первого прикорма обычно дают овощи. Начинают с ложки, например, с чистого морковного пюре) – сегментация (по одной ложке / постепенно).

В ряде случаев возможна амбивалентность, используемая как стилистический прием: так, в заголовке «*Seitenweise Sonderpreise*» рекламный текст обыгрывает одновременно и идею большого количества предложений, и приглашение к листанию каталога страница за страницей» [Larrory-Wunder, 2022, с. 170].

Экспрессивный потенциал

Наречия на *-weise* не только сжимают информацию и уточняют способ действия, но и обладают значительным экспрессивным потенциалом, который реализуется прежде всего за счёт интенсификации и сегментации.

При интенсифицирующем прочтении наречия (*bergeweise, tonnenweise, haufenweise, löffelweise*) указывают на отклонение от нормы – избыточное количество, необычный масштаб. В этом случае количественная характеристика приобретает эмоциональную окраску. Говорящий выражает возмущение, иронию, восхищение или усталость от избытка.

(3) „*Bergeweise Müll, Strassenköter und Hühner auf der Strasse unterstrichen den Flair zusätzlich*“ [Wenn man in Rio über Kampfsport ...] / Горы мусора, уличные псы и куры на улице дополнительно подчеркивали этот колорит.

В (4) наречие *bergeweise* не просто сообщает о большом количестве мусора, но передаёт эмоциональную оценку – вероятно, неодобрение говорящего.

Сегментирующее прочтение (*schluckweise, löffelweise, schichtweise, etappenweise*) порождает иной тип выразительности – наглядность, эффект присутствия. Благодаря наречию на *-weise* у читателя возникает ощущение, что он непосредственно наблюдает за разворачивающейся сценой:

(5) „*Mit tonnenweise Schlafsäcken und Matratzen wollen mehrere europäische Staaten die Erdbebenopfer unterstützen*“ [Larrory-Wunder, 2022]. / Тоннами спальных мешков и матрасов несколько европейских государств хотят помочь пострадавшим от землетрясения.

Здесь *tonnenweise* визуализирует масштаб помощи, делая образ более конкретным.

В рецептах и инструкциях сегментирующие наречия (*portionsweise, löffelweise*) подчёркивают методичность и постепенность действия, что особенно характерно для императива, пассивных конструкций и оборотов с *sich lassen* + *Infinitiv*.

Таким образом, экспрессивная функция наречий на *-weise* с количественным компонентом охватывает как эмоционально-гиперболическую, так и изобразительно-процессуальную выразительность, что делает их востребованными в разных жанрах – от разговорной речи до рекламы, инструкций и публицистики.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что наречия на *-weise* с количественным компонентом в немецком языке выполняют ряд взаимосвязанных функций. Во-первых, они обеспечивают компрессию информации, заменяя развернутые именные группы. Во-вторых, в зависимости от контекста они могут выражать интенсификацию (подчеркивание большого объема) или сегментацию (поэтапное выполнение действия). В-третьих, эти наречия обладают экспрессивным потенциалом: при интенсифицирующем прочтении они передают эмоциональную оценку (гипербола, ирония, неодобрение), а при сегментирующем – создают наглядность и эффект присутствия.

Список литературы

Первак Т.В. Словообразовательные модели отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise* в немецком языке / Т.В. Первак // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 5. – С. 78-85.

Brandt P. Bau von und Umbau zu Adverbien // In Marek Konopka, Angelika Wöllstein & Ekkehard Felder (Hgg.), Bausteine einer Korpusgrammatik des Deutschen. – Bd. 1. – Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2020. – S. 65-98.

Cortès C. Un exemple de catégorisation des noms, des verbes et des adjectifs par le langage naturel: les adverbes allemands en *-weise* / C. Cortès, H. Szabós, // Cahier du CIEL. – 1994–1995. – Pp. 185-213.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: www.dwds.de (дата обращения: 15.03.2026).

Elsner D. Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit *-weise/-erweise* // Grammar and Corpora 2016. – Heidelberg: Heidelberg University Publishing, – 2018. – S. 211-220.

Harsányi M. Zur Produktivität adverbialer Ableitungen auf *-weise* / M. Harsányi // Germanistische Studien. – 2011. – VIII. – S. 131-147.

Larrory-Wunder A. „Seitenweise Sonderpreise“: Zu einigen weise-Adverbien im Deutschen // Pierre-Yves Modicom. Adverbien und Adverbiale. Grenzen und Gliederung einer syntaktischen Kategorie im Deutschen. – Heidelberg: Winter Verlag, 2022. – S. 161–178.

Legallois D. Définition et illustration de la notion d'expressivité en linguistique / D. Legallois, J. François // Relations, Connexions, Dépendances. Hommage au Professeur Claude Guimier. – Caen, 2011. – P. 197-222.

Pittner K. Adverbiale im Deutschen. – Tübingen: Stauffenburg, 1999. – 245 S.

THE FUNCTIONAL SPECTRUM OF GERMAN -WEISE ADVERBS WITH A QUANTITATIVE COMPONENT: FROM COMPRESSION TO EXPRESSIVENESS

Pervak Tatiana Vladimirovna,

Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof.,

Department of German and Roman Philology

Federal State University of Education, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes German -weise adverbs with a quantitative component, focusing on their semantics and functional features. The main functions of these units in German are identified: compression, intensification, and segmentation. The expressive potential of the adverbs is realized through the mechanisms of intensification (emotional and hyperbolic expressiveness) and segmentation (vividness, step-by-step presentation of an action).

Key words: German, quantitative adverbs, suffix -weise, compression, expressiveness, intensification, segmentation.

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Попова Елена Павловна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

Московского городского университета управления

Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются процессы взаимодействия специального и обыденного знания в современном информационном обществе, которые обуславливают актуальность изучения технического дискурса с позиций коммуникативно-прагматического подхода. Автор рассматривает понятия «дискурсивный потенциал» и «детерминологизация» применительно к англоязычной технической лексике. Особое внимание уделяется функциональной нагруженности терминов в различных типах дискурса: медийном, бытовом, научно-популярном и политическом. В работе доказывается, что техническая терминология выступает одним из источников пополнения словарного состава общелитературного языка, а процессы ее адаптации отражают современные тенденции языкового развития.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматический подход, техническая терминология, технический дискурс, детерминологизация, дискурсивный потенциал.

В современном мире сформировалось устойчивое и обоснованное отношение к английскому языку как глобальному источнику технической терминологии, так как этот язык находится на острие инноваций: подавляющее большинство научных публикаций в высокорейтинговых международных индексах цитирования (Scopus, Web of Science) выходят на английском языке, даже если авторы не являются носителями английского языка. Технический термин появляется в замкнутой профессиональной среде и

демонстрирует в таком контексте свои основные свойства – однозначность, точность и эмоциональная нейтральность.

Выход термина за пределы профессионального дискурса в условиях распространения технологии в пользовательскую среду создает условия для его детерминологизации [Багиян, 2016, с. 52]. В программировании, медицине, авиации и финансах английский является языком профессиональной коммуникации. Когда новый продукт или технология выходят на мировой рынок, в другие языки приходит и его название (например, устройства: смартфон, айфон, компьютер или программа: Windows, ChatGPT). У пользователей, не носителей английского языка, нет альтернативы англицизму, и такие слова как сайт, браузер и т.д. заполняют лакуну. Так, технический термин «driver» становится понятен любому пользователю ПК, а «firmware» (прошивка) – владельцу смартфона. Происходит утрата узкой специальной привязки: слово перестает обозначать строго определенный технический объект или процесс, таким образом, наблюдается процесс «детерминологизации». По способности функционировать, адаптироваться к разным коммуникативным ситуациям, приобретать новые коннотации и реализовывать новые значения в различных типах непрофессионального дискурса можно оценить дискурсивный потенциал детерминологизированных технических лексем.

Данному явлению способствует тот факт, что английский язык является *lingua franca* как в научных отраслях, так и за их пределами. Он не просто передает слова, а поставляет матрицы для номинации новых реалий. Когда технический термин (например, «stream», «drive» или «bot») переходит в сферы-реципиенты (например, в бытовой, политический или медийный дискурс английского или другого языка), он приносит с собой не только значение, но и культурный код глобального мира, становясь основой для дальнейшей детерминологизации.

Среди причин выхода термина за пределы профессиональной коммуникации можно назвать престижность, экспрессивность, потребность в номинации новых явлений. Все эти причины – экстралингвистические (внешние) и часто обусловлены психологическими мотивами, которые заставляют носителей языка использовать специальные термины в повседневной речи, даже когда в этом нет технической необходимости. Использование англоязычного или сложного технического термина в бытовом контексте часто служит маркером образованности, современности, принадлежности к прогрессивной (часто IT-) среде или отдает дань языковой моде (своеобразный социальный лифт: демонстрация своей компетентности или «продвинутости»). Возможны также попытки манипуляции восприятием: в маркетинге и рекламе технические термины делают продукт более наукоемким и вызывают больше доверия в потребителе.

Как правило, такой процесс задействует механизмы семантической трансформации, чаще всего путем метафорического переноса (перенос названия с одного предмета на другой по сходству функции или формы) [Ефремова, 2006]. Например, технический термин «relay» (электромеханическое устройство для замыкания цепи) в бытовом дискурсе фигурирует как «реле времени» в стиральной машине, а в ходе метафорических изменений приобретает значение «человек-реле» (тот, кто передает информацию, как эстафету).

Не менее распространенным является прием расширения значения: «драйв» (drive – привод, езда, диск) может указывать на «жажду скорости или приключений», «энергетику» («в нем есть драйв»). Также в ходе бытового использования технического термина ему могут быть присвоены коннотации, оценочные и экспрессивные оттенки. Так, технический термин «collapse» (коллапс, обрушение конструкции под действием нагрузки) в политическом дискурсе означает не просто крах, а ужасную, масштабную катастрофу.

Современные лексикографические источники фиксируют все больше терминов и словосочетаний, охватывающих основные отрасли науки и техники, автоматику, электронику, биотехнологии, строительство и легкую промышленность, которые потенциально могут стать частью общелитературного языка. Проникновение технической терминологии в общенациональный язык нередко происходит через художественную

литературу. Авторы произведений обращаются к языку для специальных целей (LSP) за средствами для достижения своих художественных целей. В научной литературе по исследованию терминологий описаны факты функционирования терминов в различных стилистических приемах (метафора, парантеза, сравнение, олицетворение, повтор, перечисление, и т.д.) [Воскресенская, 1999] как правило с целью создания атмосферы, реалистичной обстановки, детализации описываемых процессов, как например в романах Патрика О'Брайана и Гарольда Пинтера [Ковтунова, 2022].

Таким образом, можно заключить, что детерминологизация англоязычных технических терминов является продуктивным процессом, обогащающим общелитературный язык, и происходит не только в англоговорящих странах, но и за их пределами. Дискурсивный потенциал терминологических единиц реализуется через их метафоризацию и адаптацию к задачам массовой коммуникации, где они выполняют не номинативную, а воздействующую или оценочную (прагматическую) функцию.

Список литературы

Багиян А.Ю. Функционирование термина в научнопопулярном дискурсе: фразеологизация и сленгизация технических детерминологизированных единиц / А.Ю. Багиян, П.И. Шлейвис // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 3. – С. 52-57.

Воскресенская Л.И. Функционирование технических терминов в специальной и художественной литературе // Омский научный вестник. – 1999. – №7. – С. 82-83.

Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М.: АСТ, 2006. – Т. 3. – 976 с.

Ковтунова Е.А. Прагматический потенциал терминов в немецкоязычном массмедийном дискурсе // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой : Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 15-23 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. – С. 387-388.

DISCURSIVE POTENTIAL OF DETERMINOLOGIZED UNITS OF ENGLISH-LANGUAGE TECHNICAL TERMINOLOGY

Popova Elena Pavlovna,

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor at the Department of Foreign Languages,
Moscow Metropolitan Governance University
named after Yu. M. Luzhkov, Moscow, Russia*

Abstract. The article examines the interaction between specialized and everyday knowledge in the modern information society, which determines the relevance of studying technical discourse from the perspective of the communicative-pragmatic approach. The author analyzes the concepts of "discursive potential" and "determinologization" in relation to English-language technical vocabulary. Special attention is paid to the functional load of terms in various types of discourse: media, everyday, popular science, and political. The paper argues that technical terminology serves as one of the most important sources for enriching the vocabulary of the standard literary language, and the processes of its adaptation reflect current trends in language development.

Key words: communicative-pragmatic approach, technical terminology, technical discourse, determinologization, discursive potential

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА GRAUEN В РОМАНЕ Э.Т.А. ГОФМАНА «ЭЛИКСИРЫ САТАНЫ»

Прилуцкий Игнат Геннадьевич,

*аспирант, ассистент кафедры романо-германской филологии
и межкультурной коммуникации ИМКиМО*

*Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье исследуется репрезентация эмоционального состояния GRAUEN в тексте готического романа Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны». Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью языковых средств выражения эмоций в указанном произведении. Научная новизна заключается в применении комплексного подхода к анализу эмоционального концепта GRAUEN и установлении его связи с другими доминантными эмоциями.

Ключевые слова: художественный дискурс, эмоционально-оценочный смысл, концепт УЖАС, репрезентация эмоций, готический роман.

Дискурсивное пространство немецкого художественного текста с позиций антропоцентрического подхода является малоизученной областью лингвистики, которая вызывает живой интерес исследователей. Его изучение простирается от глобальных процессов смыслопорождения [Скокова, 2023] через процессы понимания [Воронина, 2025, с. 182; The Interpretation mechanism of meaning creation ways in German Literary Discourse, 2023, с. 393-395] до решения частных задач, обусловленных спецификой анализируемого феномена. Одной из таких важных характеристик художественного текста является его эмотивность [Ионова, 2023, с. 17]. Исследование особенностей репрезентации значимых эмоционально-оценочных смыслов в малоизвестном произведении великого немецкого писателя детерминирует актуальность предпринятого нами исследования.

В романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны» находит отражение широкий спектр переживаемых главным героем эмоций, однако смыслообразующую роль в архитектонике текста играет взрывная эмоция *Grauen*. Количественный анализ вербализаторов демонстрирует, что лексема *Grauen* употреблена автором 42 раза, что делает ее наиболее частотной среди прямых номинаций эмоционального состояния страха и ужаса. Данный факт свидетельствует о принципиальной важности для концепции романа именно внезапного, неожиданного ужаса, сопровождающего либо какое-то ужасное событие, либо раскрытие чего-либо неожиданного и пугающего (прежде всего, речь идет о раскрытии ключевой тайны происхождения главного героя).

Обращение к словарным дефинициям лексемы *Grauen* на основе толковых немецкоязычных словарей позволяет выявить ключевые смысловые составляющие данной лексической единицы: *Furcht / Entsetzen / Schrecken vor etwas, aufgrund von etwas* (страх, ужас, испуг перед чем-то, на основании чего-то); *unheimlich* (ужасный, жуткий); *drohend* (угрожающий); *Abscheu* (отвращение).

Акцент в ходе актуализации смысла на основе данной лексемы смещается на объективность ужаса, наличие реального источника, представляющего серьезную угрозу, в противоположность иррациональному, экзистенциальному *Angst*. Когнитивно выделенным является отторжение, неприятие того, что воспринимается в качестве угрозы, и значительная глубина психического переживания, эмоционального потрясения.

Этимологически лексема *Grauen* восходит к средневерхнемецкому *grūwen*, древневерхнемецкому *(in)grūēn*, родственному протогерманскому *grīsan* (быть напуганным). Глагольная основа сохраняет связь с физиологической реакцией оцепенения.

В синонимический ряд *Grauen* словари включают такие вербализаторы, как *Entsetzen*, *Schrecken*, *Angst*, *Scheu*, являющиеся наряду с *Grauen* наиболее

распространенными номинациями страха в немецком языке, что свидетельствует о многогранности восприятия смысла *Grauen* носителями языка.

В романе «Эликсиры сатаны» лексема *Grauen* реализуется в различных контекстах, позволяющих выделить несколько смысловых категорий. Первую и наиболее значимую группу составляют контексты, в которых *Grauen* выступает реакцией на сверхъестественное, иррациональное, пугающее событие, связанное с проявлением дьявольского влияния. Одним из первых таких эпизодов является представление эликсира, вынесенного в название произведения, главному герою: «*Übrigens kann ich versichern, lieber Bruder Medardus! daß, so oft ich die Flasche, ja nur dieses Kistchen, worin sie verschlossen, berühre, mich ein unerklärliches inneres Grauen anwandelt, ja daß ich wähne, etwas von einem ganz seltsamen Duft zu spüren, der mich betäubt und zugleich eine innere Unruhe des Geistes hervorbringt*». В данном фрагменте монах Кирилл испытывает ужас при контакте с предметом, который по легенде когда-то держал в руках сатана. Хотя эликсир, будучи надежно запертым, не представляет опасности, он все равно вызывает сильное ощущение страха, которое автор называет именно *Grauen*, а не *Angst*. Характеристики переживания раскрывает лексема *unerklärliches* (необъяснимое) и физиологические описания – одурманивающий запах, внутреннее беспокойство, которые вновь указывают на сходство с *Angst*, однако, не упоминаемый.

В следующем примере ужас принимает более привычный вид внезапного испуга, побуждающего к бегству: «*Ja, im Begriff, den Schrank aufzuschließen, schien es mir, als erblicke ich in dem Schnitzwerk das entsetzliche Gesicht des Malers mit den mich durchbohrenden, lebendig-totstarren Augen, und von gespenstischem Grauen gewaltsam ergriffen, floh ich aus der Reliquienkammer*».

Сочетание *gespenstisches Grauen* (таинственный, призрачный ужас) акцентирует внимание на сверхъестественности происходящего. Оксюморон *lebendig-totstarre Augen* (живо-мертвенно-неподвижные глаза) создает образ, лежащий на грани между живым и мертвым, попадающий под словарное определение лексемы *Grauen* «*Furcht, Entsetzen vor etwas Unheimlichem, Drohendem*» (*Unheimlich* можно перевести как нечто злое, незнакомое, противоестественное). Вид глаз, не похожих на привычные глаза живого человека, вызывает интенсивный ужас, побуждающий Медарда выбежать из реликвария.

Вторая смысловая категория – связь ужаса и безумия, состояния расколотого сознания главного героя. В эпизоде тюремного заточения Медарда ужас достигает апогея в момент встречи с доппельгангером: «*In der neunten Nacht mochte es sein, als ich, halb ohnmächtig von Grauen und Entsetzen, auf dem kalten Boden des Gefängnisses ausgestreckt lag. Da vernahm ich deutlich unter mir ein leises, abgemessenes Klopfen. Ich horchte auf, das Klopfen dauerte fort, und dazwischen lachte es seltsamlich aus dem Boden hervor!*» Данный пример демонстрирует характерное «нагромождение» синонимичных вербализаторов ужаса – сочетание *Grauen und Entsetzen*, намеренно употребляемое автором для указания на особую, беспрецедентную интенсивность эмоции. Полуобморочное состояние главного героя (*halb ohnmächtig*), сопровождаемое звуками (стук, смех), демонстрируют переход из реального пространства в мир галлюцинаций, где единственная эмоция, подавляющая все другие – ужас.

Сочетание *Grauen und Entsetzen* отличает контексты с высокой степенью экспрессивности: «*“Wer ist hier? – wer ist hier?” – Nun sah ich, daß der Alte blind war. – “Ein ehrwürdiger Herr”, sprach der Knabe, “ein Geistlicher vom Orden der Kapuziner ist hier.” Da war es, als erfasse den Alten tiefes Grauen und Entsetzen, und er schrie: “Fort – fort – Knabe, führe mich fort – hinein – hinein – verschließ die Türen – Peter soll Wache halten – fort, fort, hinein!”*». Так, прилагательное *tief* (глубокий) в сочетании с *Grauen und Entsetzen* подчеркивает интенсивность ужаса. Реакция слепого старика, который не может видеть источник угрозы, но мгновенно распознает ее, позволяет читателю представить, насколько велика эта угроза.

Диалог с двойником маркирован нарастанием ужаса через повторы и градацию: *«Da stammelte es von unten herauf: “Brüder-lein! Brü-der-lein, Me-dar-dus ist da-da, herauf ... nimm, nimm! ... brich ... brich ... in den Wa-Wald ... in den Wald!” – Schnell dachte ich Flucht und Rettung; alles Grauen überwunden, ergriff ich das Messer, das die Hand mir willig ließ und fing an, den Mörtel zwischen den Steinen des Fußbodens emsig wegzubrechen»*. Показательно, что преодоление ужаса (*alles Grauen überwunden*) парадоксально приводит не к освобождению, а к еще большему нарастанию эмоций. Герой побеждает ужас, чтобы совершить действие, которое порождает еще более глубокий ужас, так как открыв дыру в полу, пытаясь спастись, Медард увидит там своего двойника.

Третью группу составляют контексты, в которых *Grauen* проявляется в описаниях без прямого упоминания. Особую роль играют звуковые характеристики: *«Künftigen Herbst sind es schon zwei Jahre her, als meine Bursche im Walde oft ein Heulen vernahmen, das, sowenig Menschliches es auch hatte, doch, wie Franz, mein jüngst angenommener Lehrling, meinte, von einem Menschen herrühren mochte»*. Описание ужасного воя в лесу, похожего на человеческий, создает картину ужаса, хотя прямая номинация отсутствует. В другом контексте ужас описывается через температурные ощущения: *«Ein Eisstrom goß sich mir durch die Glieder! Ich ermannte mich und rief: “Wer da! Wer ist da?”»* Метафора ледяного потока, разливающегося по конечностям, передает физиологическую реакцию оцепенения, характерную для ужаса, заложенную в этимологию лексемы *Grauen*.

Важно отметить, что лексема *Grauen* в романе демонстрирует богатую сочетаемость с прилагательными, усиливающими и усложняющими ее смысловые нюансы: *tiefes, tiefstes, tiefinneres Grauen* (глубокий, глубочайший, глубочайший внутренний ужас), *wunderbares Grauen* (поразительный ужас), *geheimnisvolles Grauen* (таинственный ужас), *grausiges Grauen* (страшный ужас), *eiskaltes Grauen* (ледяной ужас), *starres Grauen* (приводящий в оцепенение ужас), *beklemmendes Grauen* (гнетущий ужас). Физиологические проявления *Grauen* наглядно демонстрируют отличия его природы от *Angst* и одновременное сходство, как в следующих примерах:

«Sein Gesicht war leichenblaß, aber der Blick der großen, schwarzen, stieren Augen fuhr wie ein glühender Dolchstich durch meine Brust. Mich durchbebte ein unheimliches, grauenhaftes Gefühl, schnell wandte ich mein Auge ab und sprach, alle meine Kraft zusammennehmend, weiter».

«Leblos vor Schreck und Entsetzen stand ich da, endlich ergriff ich den Hut, den Degen, das Portefeuille und wollte mich schnell von dem Unglücksorte entfernen, da trat mir ein junger Mensch aus dem Tannenwalde entgegen, wie ein Jäger gekleidet, schaute mir erst starr ins Gesicht und fing dann an, ganz übermäßig zu lachen, so daß ein eiskalter Schauer mich durchbebte».

Синтаксически в романе персонажи часто выступают в роли объекта, на который направлено воздействие *Grauen* как внешней действующей силы, что подчеркивает не только неспособность контролировать ужас, но и важную для сюжета концепцию влияния сверхъестественных сил, управляющих Медардом, лишая его собственной воли:

«Mich überfiel ein Grauen, und ich bat Hermogen flehentlich, doch ja nicht wieder von dem Teufel zu sprechen».

«Das Entsetzen sträubte mein Haar, ich stürzte in wahnsinniger Angst heraus, durch den Park!»

«Mit meinem Selbst mehr als jemals entzweit, wurde ich mir selbst zweideutig, und ein inneres Grausen umfing mein eignes Wesen mit zerstörender Kraft».

Конструкции, где ужас является подлежащим, акцентируют внимание на отсутствии контроля Медарда над своими эмоциями.

Особый интерес представляет функционирование *Grauen* в контекстах, где он выступает в паре с противоположными эмоциями, что отражает общую концепцию подмены эмоций дьяволом, когда положительное, священное, доброе маскирует отрицательное, порочное и злое, чтобы обманом ввести человека в безумие: *«Ich tat, wie der Prior geboten. Ach! – wohl geschah es so, wie er es ausgesprochen! – Schmerz und Wonne,*

Grauen und Lust – Entsetzen und Entzücken stürmten in meinem Innern, als ich mein Leben schrieb».

Антитезы, казалось бы, несочетающихся эмоций, не случайны: этим подчеркивается раздвоенность сознания Медарда, который на протяжении сюжета все больше поддается влиянию сатаны, пытаясь морально и эмоционально оправдать свои действия, будучи неспособным сопротивляться. В итоге его сознание раскалывается, порождая доппельгангера, отражающего истинное лицо Медарда. Автор создает четкую конструкцию из противопоставленных пар эмоций *Angst-Grauen*, *Liebe-Lust*, *Glück-Unglück*, где также выстраиваются вертикали протяженная-взрывная эмоция, свойственные соответственно настоящему Медарду и его двойнику: *Angst-Liebe-Glück* против *Grauen-Lust-Unglück*.

Следует сделать вывод о том, что эмоциональное состояние GRAUEN в готическом романе «Эликсиры сатаны» Э.Т.А. Гофмана выполняет принципиально иную функцию, нежели протяженная эмоция ANGST. Если *Angst* представляет собой длящееся, томительное состояние тревоги, сопровождающее греховную деятельность Медарда, то *Grauen* – это мгновенный взрыв, момент откровения и разоблачения дьявольского обмана. Ужас в романе неразрывно связан со сверхъестественным, с вторжением иррациональных сил и с расколом сознания главного героя. Высокая частотность употребления лексемы *Grauen* (42 случая) свидетельствует о том, что эта эмоция играет не менее важную роль в архитектонике произведения, чем *Angst*. Семантика *Grauen*, актуализируемая через контекст, позволяет выделить такие когнитивные признаки, как *внезапность*, *интенсивность*, *связь с визуальными, физиологическими и звуковыми проявлениями*, а также неразрывную связь с мотивом двойничества через противопоставление эмоций-антитез.

Список литературы

Воронина Л.В. Роль социокультурного контекста в процессах восприятия мотивированных слов немецкого языка // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1-1(62). – С. 179-183.

Ионова С.В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 13-27. – DOI 10.15688/jvolsu2.2023.1.2.

Скокова Т.Н. Синтагматические отношения и процесс смыслопорождения (на примере романа Ф. Кафки «AMERIKA») / Т.Н. Скокова, Л.В. Воронина, Л.Н. Мирошниченко // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. 6 (42). – URL: <https://rulb.org/archive/6-42-2023-june/10.18454/RULB.2023.42.16>. – DOI: 10.18454/RULB.2023.42.16.

The Interpretation mechanism of meaning creation ways in German Literary Discourse / Balabaeva J., Voronina L., Skokova T., Melnikova Y., Yarygina O. // Jordan Journal of Modern Languages and Literatures. – 2023. – Vol. 15, No. 2. – P. 393-406. DOI: 10.47012/jjml.15.2.1.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT GRAUEN IN E.T.A. HOFFMANN'S NOVEL «THE DEVIL'S ELIXIRS»

Prilutsky Ignat Gennadievich,

Postgraduate Student, Assistant of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication Department, Institute of Cross-Cultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the representation of the emotional state GRAUEN in the text of E.T.A. Hoffmann's gothic novel The Devil's Elixirs. The relevance of the study is due to the insufficient exploration of linguistic means of expressing emotions in this work. The scientific novelty lies in the application of an integrated approach to the analysis of the emotional concept GRAUEN and in establishing its connection with other dominant emotions.

Key words: literary discourse, emotional-evaluative meaning, concept GRAUEN, representation of emotions, gothic novel.

НАРЕЧИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНСТРУКТЫ С ПОЗИЦИЙ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ЭТИМОЛОГИИ И ОРФОГРАФИИ

Рубан Арина Сергеевна,

*студентка образовательной программы 6В170121 – Русский язык и литература в
школах с русским и нерусским языками обучения*

Павлодарского педагогического университета им. Элкей Марғұлан,

научный руководитель: Суюнова Гульнара Сейльбековна,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук

Павлодарского педагогического университета

им. Элкей Марғұлан, г. Павлодар, Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются историко-словообразовательные основания правописания наречий. Материал типовой программы по предмету и школьных учебников используется как отправная точка для анализа проблемы формального усвоения орфограмм. Показано, что большинство правил имеет глубокие исторические корни, связанные с процессами словообразования и изменениями грамматической системы языка. Особое внимание уделяется явлениям декорреляции, а также синхроническому и диахроническому подходам. В итоге орфография наречий предстает как отражение исторического развития языка.

Ключевые слова: наречие, словообразование, диахрония, синхрония, орфография, этимология.

Правописание наречий в школьной практике традиционно воспринимается как одна из наиболее сложных тем. Это связано не столько с количеством правил, сколько с отсутствием их внутреннего объяснения. В учебниках материал чаще всего представлен в виде готовых формулировок, требующих запоминания. Между тем большинство орфограмм имеет историко-словообразовательную природу, без учета которой система выглядит разрозненной. Теоретические основы словообразовательного анализа наречий подробно рассматриваются в работах по современному русскому языку. Как отмечает Е.А. Земская, словообразовательные процессы отражают историческое развитие языковой системы и позволяют объяснить многие орфографические закономерности современного русского языка [Земская, 2011]. Аналогичную точку зрения высказывает и А.К. Карпов, подчеркивая, что многие написания закрепились в результате длительных исторических изменений в морфологической структуре слова [Карпов, 2004].

Обращение к истории языка позволяет установить, что значительная часть наречий возникла в результате сращения предлога с различными формами имен. Особенно продуктивным оказались словообразовательные тип «предлог + краткое прилагательное», «предлог + падежная форма существительного». В древнерусском языке краткие прилагательные обладали склонением и вследствие этого могли употребляться в косвенных падежах. Такие формы сочетались с предлогами и функционировали как обстоятельства. Со временем падежные окончания утратились, а сочетания стали восприниматься как цельные слова. Вследствие этого сформировались наречия, в структуре которых сохраняются следы прежней грамматической формы.

На этом этапе важную роль сыграла декорреляция. Под данным процессом понимается утрата формально-семантической связи между производным словом и его исходной основой. В случае наречий это проявляется в том, что первоначальное сочетание перестает осознаваться как раздельное и превращается в единое слово. Например, формы

типа «снова», «сначала» уже не воспринимаются как комбинации предлога и имени, хотя исторически именно так и возникли. Это позволяет объяснить, почему в современном языке закрепляется слитное написание.

Декорреляция тесно связана с формированием словообразовательного плана. По мере утраты исходных грамматических связей в языке начинают действовать новые модели, основанные на аналогии. Наречия начинают воспроизводиться по определенным схемам, что приводит к закреплению типовых суффиксов и приставок. В итоге орфография фиксирует не только происхождение, но и результаты последующего развития слова. В. Виноградов отмечал, что процесс перехода словосочетания в единые лексические единицы является важной закономерностью развития русского языка. В результате подобных процессов появляются новые части речи, в том числе наречия, утратившие связь с исходными грамматическими формами [Виноградов, 1972].

Для более конкретного представления материала необходимо обратиться к конкретным примерам орфограмм из школьных учебников русского языка. Анализ показывает, что система правописания наречий изучается в 6 классе и включает несколько основных типов орфограмм: слитное и раздельное написание, дефисное написание, написание гласных на конце наречий, а также правописание «не» с наречиями.

Ниже представлено сопоставление некоторых орфограмм в учебниках для школ с русским языком обучения и для школ с казахским языком обучения.

Таблица – Сопоставление орфограмм наречий, представленных в учебниках с русским и казахским языком обучения

Орфограмма	Примеры в учебниках для школ с русским языком обучения	Примеры в учебниках для школ с нерусским языком обучения	Обоснования
Буквы о/а на конце наречий	Досу́ха, изда́вна, сле́ва, спра́ва	-	Написание связано с историческим происхождением наречий. Буква а восходит к древним падежным окончаниям кратких форм прилагательных, тогда как о закрепилось в аналогии в других словообразовательных моделях.
Дефисное написание наречий	По-ново́му, по-летне́му, по-дру́жески	По-дру́жески, по-друго́му, по-каза́хски	Дефис сохраняет ощущение составности слова. Такие наречия образованы при помощи приставки по- и суффиксов -ому , -ему , -ски , что отражает их словообразовательную структуру.

Слитное написание наречий	Сначала, снова, затем	Сначала, вскоре, потом	Слитное написание связано с процессом сращения предлога с именем или другой частью речи. Со временем исходное сочетание перестало восприниматься как раздельное и стало единым словом.
Правописание не с наречиями	-	Негромко, невысоко	Слитное написание возникает при лексикализации слова, когда отрицание становится частью значения. Раздельное написание сохраняется при противопоставлении или наличии усиливающих слов.
Написание о, е после шипящих на конце наречий	Тягуче, певуче, свежо, горячо	-	Написание о,е после шипящих на конце наречий связано с особенностями произношения и историческим развитием звуковой системы русского языка. Под ударением на конце наречий закрепилось написание буквы о , тогда как в безударной позиции используется буква е . Такое различие отражает фонетические изменения, происходившие в языке, и закрепилось в современной орфографической норме.

Разграничение синхронического и диахронического подходов позволяет глубже понять природу орфограмм. Синхронический подход описывает современное состояние языка, фиксируя правила в их актуальном виде. Диахронический подход обращается к истории и выявляет причины этих правил. В школьной практике преобладает синхрония: учащимся предлагается запомнить написание, не вникая в его происхождение. Между тем диахронический анализ показывает, что многие орфограммы являются закономерным итогом исторических процессов. Проблема соотношения синхронического и диахронического анализа активно обсуждается в современной лингвистик. По мнению Н. В. Любезновой и И.С. Выходцевой, только сочетание этих подходов позволяет наиболее полно объяснить языковые явления и их функционирование в современной системе языка [Любезнова, 2021].

Весьма показательным с этой точки зрения является правописание суффиксов наречий. В синхроническом описании в школьных учебниках фиксируется правило: в наречиях с приставками из-, до-, с- на конце пишется буква «а», если слово образовано от бесприставочной основы, и буква «о», если исходное слово уже содержало приставку [Сабитова, 2018].

Диахроническое объяснение же делает эту закономерность более прозрачной. Буква «а» восходит к древним падежным окончаниям кратких форм, тогда как «о» связано с иным типом словообразовательной структуры, закрепившимся в результате аналогии. Это позволяет увидеть, что современное написание отражает различие в происхождении форм.

Аналогичным образом объясняется написание гласных после шипящих на конце наречий. Если в синхронии это правило связано с выбором между *-а* и *-о*, то в диахронии это объясняется сложным историко-фонетическим процессом. Орфография в данном случае фиксирует результат данных изменений.

Провописание «не» с наречиями также заслуживает особого внимания. Слитное написание «не» с наречиями формируется в результате полной лексикализации слова, при которой отрицательная частица становится частью лексемы и допускает замену синонимичным словом без отрицания. Раздельное написание сохраняется в случаях противопоставления или при наличии слов-усилителей, например: «не близко, а далеко», «совсем не страшно». В учебниках для классов с казахским языком обучения [Жанпейс, 2018] данные орфографические положения, как правило, объясняются через внешние формальные признаки. При этом их историко-языковая обусловленность не рассматривается, что снижает уровень осознанного усвоения правила.

Анализ позволяет рассматривать современную орфографию наречий как сложную систему, сформировавшуюся под влиянием нескольких факторов: морфологических, фонетических и семантических. Существенное значение при этом имеет историко-словообразовательный аспект. При его отсутствии орфографические правила нередко воспринимаются как формальные и лишённые внутренней мотивации.

Современные исследования в области словообразования также отмечают важную роль аналогии как одного из ключевых механизмов развития языковой системы. По наблюдению Л.Ф. Равиловой, словообразовательные модели продолжают активно функционировать в современном языке, что оказывает влияние на закрепление орфографических норм [Равилова, 2021].

Обращение к диахроническому подходу позволяет выявить внутреннюю закономерность орфографической системы. В этом случае написание наречий может быть объяснено не как совокупность отдельных правил, а как результат длительного исторического развития языка.

Список литературы

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – Москва: Высшая школа, 1972. – 601 с.

Жанпейс У.А. Русский язык и литература. 6 класс. Часть 1 : учебник для общеобразовательных школ / У.А. Жанпейс, А. Есетова, Н. Озекбаева, А. Ерболатова. – Алматы: Атамура, 2018. – 192 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие. – М.: Флинта : Наука, 2011. – 328 с.

Карпов А.К. Современный русский язык: словообразование. Морфология : учеб. пособие для студентов высших пед. учеб. заведений, обучающихся по направлению 540300 «Филологическое образование». – 2-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2004. – 607 с.

Любезнова Н.В. Синхроническое и диахроническое изучение языка / Н.В. Любезнова, И.С. Выходцева // Культура и цивилизация. – 2021. – Том 11. – № 2А. – С. 117-125.

Равилова Л.Ф. Современные тенденции русского словообразования// Цифровая наука. – 2021. – № 9-1. – С. 30-40.

Сабитова З.К. Русский язык. 6 класс. Часть 2 : учебник для общеобразовательных школ / З.К. Сабитова, А. Бейсембаев. – Алматы: Мектеп, 2018. – 185 с.

ADVERBS AS SPECIFIC LANGUAGE CONSTRUCTS FROM THE PERSPECTIVE OF WORD FORMATION, ETYMOLOGY AND SPELLING

Ruban Arina Sergeevna,

student of the educational program 6B170121 – Russian language and literature in schools with Russian and non-Russian languages of instruction,

Pavlodar Pedagogical University Alkey Margulan,

Scientific adviser: Suyunova Gulnara Seilbekovna,

Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Humanities, Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan.

Kazakhstan, Pavlodar

Abstract. The article discusses the historical and word-formational foundations of the spelling of adverbs. The material of the standard program on the subject and school textbooks is used as a starting point for analyzing the problem of formal learning of spelling rules. It is shown that most of the rules have deep historical roots related to the processes of word formation and changes in the grammatical system of the language. Special attention is paid to decorrelation phenomena, as well as to synchronistic and diachronic.

Key words: adverb, word formation, diachrony, synchrony, spelling, etymology.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ЗАГОЛОВКАХ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СМИ

Садовниченко София Сергеевна,

студентка 3 курса ИМКиМО Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия,

научный руководитель: Миронова Галина Владимировна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры второго иностранного языка

Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В работе проводится сопоставительный анализ использования заимствованных слов в заголовках новостей английских и китайских СМИ. На основе сравнения выявлены общие функции заимствований (привлечение внимания, передача информации, выражение оценки) и различия, обусловленные типологическими особенностями языков и культурными контекстами. Показано, что в английских заголовках иноязычная лексика чаще сохраняет экзотический оттенок, а в китайских – активно адаптируется через транслитерацию, калькирование и гибридные формы.

Ключевые слова: заимствованная лексика, заголовки новостных СМИ, функции, адаптация иноязычной лексики, сопоставительный анализ.

В современную информационную эпоху средства массовой информации выступают не только главным каналом распространения новостей, но и активной средой языковых изменений. Среди множества элементов медиадискурса именно заголовки занимает ключевую позицию: он воспринимается как самостоятельный мини-текст, обладает почти всеми признаками текста. Роль заголовка в прессе традиционно сравнивают с «крючком», который побуждает читателя ознакомиться с материалом [Айжанова, 2022]. В условиях глобализации и роста межкультурных контактов заимствованная лексика становится одним из наиболее востребованных инструментов создания выразительных, лаконичных и привлекающих внимание заголовков. Актуальность сопоставительного анализа функций

заимствований в заголовках английских и китайских СМИ обусловлена необходимостью выявить как универсальные закономерности, так и специфические черты, связанные с типологическими особенностями языков и социокультурным контекстом.

Медиадискурс отличается сочетанием стандарта и экспрессии, социальной оценочности и адресованности. Язык СМИ чутко реагирует на изменения в обществе, а его основными функциями являются информативная (сообщение новой информации) и воздействующая (убеждение, формирование отношения) [Донгур-оол, 2023]. Заголовок, как сложный комплексный компонент текста, реализует эти функции, сочетая номинативную, информационную, рекламную (привлекающую) и экспрессивную задачи [Лобанова, 2013]. В новостном анонсе, особенно в интернет-пространстве, заголовок должен быть ёмким, лаконичным, релевантным и фактологичным.

Заимствованная лексика, понимаемая как процесс и результат перехода языковых единиц из одного языка в другой, является неотъемлемой частью развития любой языковой системы. Причины заимствования делятся на экстралингвистические (политические, экономические, культурные контакты, языковая мода, престиж) и лингвистические (отсутствие эквивалента, тенденция к экономии средств, потребность в экспрессии). В медиатекстах заимствования выполняют ряд ключевых функций (номинативную, экспрессивно-оценочную, привлекающе-маркетинговую, социокультурную, а также функцию экономии языковых средств) [Денисова, 2019].

В качественной прессе (The Economist, The New York Times) заимствования (часто из латыни, греческого, французского) служат для точной номинации, подчёркивая экспертность издания, тогда как в массовой прессе (The Sun, The National Enquirer) доминируют экспрессивно-оценочная и привлекающая функции. Здесь активно используются разговорная лексика (hustle, slam), лексические повторы (very, very red), окказионализмы (Absolutely Tan-Fastie), а также пейоративные заимствования (киллер, гангстер) для создания сенсационности и негативной коннотации. Синтаксические средства, такие как восклицательные и вопросительные конструкции, эллипсис, усечённые высказывания («How to bend the EU's rules»), заголовки-списки с числительными, активно сочетаются с заимствованиями для реализации воздействующей функции. Привлекающе-маркетинговая функция усиливается через императивные конструкции (Don't blame the polls) и игровые, слоганоподобные заголовки с рифмовкой, включающие иноязычные вкрапления (La Dolce Vita at 60). Социокультурная функция реализуется через экзотизмы, обозначающие национальные реалии (кимоно, гейша, инь-ян, К-поп, айдолы), которые конструируют образ «другого» и требуют от читателя фоновых знаний. Номинативная функция в английских заголовках проявляется в обозначении новых технологий (роутер, скриншот), экономических понятий (фьючерс, инвестор) и политических реалий (спикер, парламент) [Лобанова, 2013].

В китайских новостных заголовках функции английских заимствований определяются изолирующей типологией языка, иероглифической письменностью и особенностями языковой политики. Номинативная функция является ведущей: английские слова обозначают глобальные реалии (бренды, международные организации, технологии), причём основными способами адаптации выступают фонетическая транслитерация (咖啡 kāfēi – кофе), семантическое калькирование (手机 shǒujī – «ручной аппарат», сотовый телефон) и гибридные конструкции, сочетающие звукоподражание со смысловым уточнением. В заголовках китайских СМИ широко представлены буквенные заимствования – аббревиатуры (CEO, WTO, GDP), которые визуальнo выделяются на фоне иероглифов и выполняют привлекающе-маркетинговую функцию, особенно в изданиях, ориентированных на молодую аудиторию. Экспрессивно-оценочная функция в китайских заголовках реализуется преимущественно через фонетические заимствования в интернет-среде и молодёжном сленге, где они придают речи оттенок современности и неформальности, а также через цифровую визуализацию (например, 88 от bye-bye) [Шафеева, 2018]. Социокультурная и идентификационная функция проявляется в том, что

английские заимствования выступают маркерами глобализированной идентичности, особенно среди молодёжи, одновременно вызывая обеспокоенность со стороны государственных структур, периодически рекомендующих СМИ ограничивать их использование [Синелева, 2019]. В китайской прессе также активно используются гибридные конструкции, где английский элемент сочетается с иероглифическим классификатором (T 恤 – футболка, 3G 手机 – телефон 3G), что, по наблюдениям исследователей, позволяет сохранить смысловую прозрачность и адаптировать заимствование к нормам языка [Шафеева, 2018].

Сопоставление функций заимствованной лексики в заголовках английских и китайских СМИ выявляет как общие черты, так и существенные различия. Для обоих типов медиадискурса характерно использование номинативной, экспрессивно-оценочной и привлекающе-маркетинговой функций, а также роль заимствований как маркеров современности и глобальной интеграции [Денисова, 2019]. В обоих языках заимствования активно проникают в заголовки в периоды интенсификации международных контактов и технологического развития [Лю, 2025].

Однако реализация этих функций существенно различается. В английских заголовках китайские заимствования (например, *feng shui*, *kung fu*, *tofu*) остаются на периферии лексикона, сохраняют экзотизирующую функцию и преимущественно адаптируются фонетически, часто через кантонские или исторические формы произношения [Лю, 2025]. В китайских заголовках, напротив, наблюдается многоуровневая адаптация английских слов: фонетическая транслитерация сочетается с калькированием, гибридными конструкциями и прямым использованием латинских аббревиатур, что позволяет глубоко интегрировать заимствования в систему языка без потери смысловой прозрачности.

Мы провели количественный анализ примеров, и в результате получили следующие результаты. Доминирующим способом в китайском языке является семантический способ заимствования, что составляет 45,6%. На втором месте – фонетический способ (иероглифическая транслитерация) – 31,8%. Далее идет гибридный способ – 15,8%, и на последнем месте буквенный способ (транслитерация) – 6,8%. При этом отмечается, что фонетические заимствования достигают 44,57% в социально-бытовой и IT-сферах, в чем находит свое отражение влияние английского на молодежную аудиторию [Лю, 2025].

Хотелось бы подчеркнуть существующую асимметрию направления заимствований. В лексической сфере английский язык оказывает более широкое влияние на китайский, чем обратное влияние. При этом английские заимствования в заголовках представляют собой широкий охват тем, что объясняется глобальной ролью английского языка. Китайские заимствования в английских заголовках ограничиваются культурно-этнографическими единицами (еда, философия). Более того такие заимствования маркируются как «иностранные», и в редких случаях могут подвергаться дальнейшему словообразованию. В отличие от этого иероглифическая письменность и гибкость китайского языка продуктивно адаптируют иноязычные элементы, преобразуя их.

Сопоставительный анализ функций заимствованной лексики в заголовках новостных сообщений английских и китайских СМИ демонстрирует, что при общем наборе функций их реализация отражает глубинные различия в языковом строе, культурных установках и историческом опыте межкультурного взаимодействия. Английские заголовки используют заимствования прежде всего как средство стилистического разнообразия и создания эффекта экзотики, сохраняя их иноязычную маркированность. Китайские заголовки, напротив, активно и многообразно интегрируют английские элементы, преобразуя их в гибридные и калькированные формы, что свидетельствует о высокой адаптивности языка и его способности балансировать между глобальными тенденциями и сохранением национальной идентичности. В обоих случаях заимствованная лексика выступает не только инструментом номинации, но и мощным прагматическим ресурсом, определяющим успешность медиакommunikации в условиях глобализации.

Список литературы

Айжанова А.Ф. Особенности англоязычных заимствований в китайском языке // Молодой ученый. – 2022. – № 25 (420). – С. 231-233.

Денисова А.Г. Заголовок в англоязычной прессе: функциональные и лингвистические особенности // Наука в мегаполисе Science in the Megapolis. – 2019. – № 1 (9). – URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-9/philological-science/headline-english-press.html> (дата обращения: 30.03.2026).

Донгур-оол С. А. Англоязычные заимствования в терминологии физики в немецком и русском языках / С.А. Донгур-оол, Ю.В. Кобенко // Межкультурная коммуникация: теория и практика : сборник научных трудов XVII Международной научно-практической конференции "Лингвистические и культурологические традиции и инновации", Томск, 11-13 октября 2017 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2017. – С. 29-31.

Лобанова Т.Н. Газетный заголовок прессы Китая: переводческий и прагматический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-2(22). – С. 107-112.

Лоу С. Заимствованная лексика в современной публицистике: функциональный и стилистический аспекты (на материале журнала «Огонек»): Выпускная квалификационная работа. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2023. – URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstreams/d495e7fc-ee39-4d87-96fe-07cac98b5e39/download> (дата обращения: 30.03.2026).

Лю Цз. Китайские заимствования в английском языке и английские заимствования в китайском: Выпускная квалификационная работа. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2025. – URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstreams/5abbbb25-37d8-4c52-8260-eb94090a9a3e/download> (дата обращения: 30.03.2026).

Синелева А.В. Структура заголовочного комплекса в новостном дискурсе СМИ // Научный диалог. – 2019. – № 6. – С. 72-86.

Шафеева В.Е., Гурулева Т.Л. Англоязычные заимствования в современном китайском языке // Научное обозрение. Реферативный журнал. – 2018. – № 2. – С. 44-49.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FUNCTIONS OF BORROWED VOCABULARY IN NEWS HEADLINES OF ENGLISH AND CHINESE MEDIA

Sadovnichenko Sofia Sergeevna,

Belgorod national research university,

Scientific adviser: Mironova Galina Vladimirovna,

Candidate of Philology,

Associate Professor of the Department of Second Foreign Language,

Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. This article offers a comparative analysis of borrowed words in news headlines from English and Chinese media. Based on a cross-linguistic comparison, the study identifies common functions of borrowings (attention-getting, information transfer, expressiveness) as well as differences shaped by language typology and cultural contexts. It is shown that in English headlines foreign words tend to retain an exotic flavor, while in Chinese headlines they are actively adapted through transliteration, calquing, and hybrid forms.

Key words: borrowed vocabulary, news media headlines, functions, adaptation of foreign language vocabulary, comparative analysis.

ОБРАЗЫ «ХЛЕБ» / «НОН» И «СОЛЬ» / «ТУЗ» КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Сафарова Лайло,

*магистр 1 курса специальности «Лингвистика (русский язык)» Университета
Туроно, г. Карши, Узбекистан,*

научный руководитель: Азизова Насиба Бахритдиновна,
*профессор, доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Каршинского государственного университета,
г. Карши, Узбекистан*

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурологические особенности концептов. Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу культурных концептов «хлеб» / «нон» и «соль» / «туз» в русской и узбекской лингвокультурах. Рассматриваются этимология, понятийный слой, образно-перцептивные признаки и символические значения данных концептов. Особое внимание уделяется парному единству «хлеб-соль» / «нон-туз», его репрезентации во фразеологии, паремиологии, обрядовой практике и фольклоре. Выявлены универсальные (святость, символ жизни, гостеприимства) и национально-специфические черты (формы хлеба, акценты символики, ритуальные функции), обусловленные различиями в хозяйственном укладе и религиозных традициях.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, хлеб, соль, нон, туз, парный концепт, русская культура, узбекская культура, фразеология, обряд.

Введение

В современной антропоцентрической парадигме языкознания особую значимость приобретает изучение ключевых концептов, воплощающих национально-культурные ценности. К числу таких концептов относятся образы хлеба и соли, занимающие исключительное место в русской и узбекской лингвокультурах. Как справедливо отмечает Н.Б. Азизова, «сопоставительные исследования позволяют не только выявить универсалии, но и доказательно описать национальную специфику, избегая упрощённого экзотизирования культуры» [Azizova, 2026, с. 18]. Хлеб и соль выступают не просто продуктами питания, а фундаментальными символами, вокруг которых формируются этикетные нормы, ритуальные практики и фразеологические фонды. Цель настоящей работы – выявить универсальные и национально-специфические характеристики данных концептов в русской и узбекской лингвокультурах на материале лексикографии, фразеологии, паремиологии, обрядов и фольклора.

Теоретико-методологическая база

Исследование опирается на положения лингвокультурологии о структуре концепта, включающей понятийный, образный и ценностный компоненты [Карасик, 2002; Степанов, 2004]. Методология базируется на интегративном подходе, сочетающем методы этимологического, дефиниционного, фразеологического и этнолингвистического анализа, а также сопоставительный метод. Материалом послужили данные толковых и этимологических словарей (В.И. Даль, М. Фасмер; «Ўзбек тилининг изоҳли луғати»), фразеологических сборников [Телия, 1996; Раҳматуллаев, 1978], паремиологических собраний [Даль, 1984; Ўзбек халқ мақоллари, 2012] и этнографических описаний.

Этимология и понятийный слой

Русское слово *хлеб* восходит к общеславянскому *xlěbъ*, заимствованному из германских языков (готск. *hlaifs*), что указывает на древние контакты славян с германскими племенами [Фасмер, 1986, с. 245]. Узбекское *нон* заимствовано из персидского (*nān*) и обозначает преимущественно лепёшку, выпекаемую в тандыре [ЎзТИЛ, 2006, т. 1, с. 510]. Лексема *соль* является общеславянской (индоевр. *sal-*) [Фасмер, 1986, с. 708], а узбекское *туз* – общетюркским (др.-тюрк. *tuz*) [Севортян, 1974, с. 289]. Понятийное ядро в обоих

языках включает признаки «продукт питания», «основа существования», однако в узбекском языке концепт «нон» имеет более разветвлённую структуру, связанную с разновидностями лепёшек (*оби-нон, патир, ширмой* и др.), что отражает особенности традиционного хлебопечения.

Образно-перцептивные признаки

В русском сознании хлеб предстаёт как формовой, пышный, ржаной или пшеничный (*каравай, буханка*). Запах свежее испечённого хлеба ассоциируется с уютом и домом. В узбекской культуре хлеб – это круглая лепёшка с характерным узором, выпеченная в тандыре, обладающая особым ароматом дыма. Общим является представление о свежести как показателе качества. Соль в обеих культурах воспринимается как белое кристаллическое вещество, придающее вкус пище, символ чистоты и необходимый компонент трапезы.

Символические значения и парное единство

В обеих лингвокультурах хлеб символизирует жизнь (рус. *хлеб насущный*, узб. *нон топармиканман*), достаток (рус. *хлебное место*, узб. *нони бутун*), святость и жертву (обрядовый хлеб, просфора, *нон садақа*). Соль выступает символом дружбы и гостеприимства (рус. *хлеб-соль водить*, узб. *туз-нон ҳаққи*), очищения и защиты (оберег), а также горечи и испытаний (рус. *горькая соль*, узб. *туз ачиқ*). Парное единство «хлеб-соль» / «нон-туз» приобретает самостоятельное значение, акцентируя в русской традиции этикет гостеприимства, а в узбекской – священный долг и верность [Azizova, 2024, с. 69].

Хлеб символизирует жизнь, достаток, святость; соль – дружбу, очищение, горечь. Парное единство «хлеб-соль» / «нон-туз» выступает символом гостеприимства и священных уз. Для наглядности приведём таблицу.

Таблица 1 – Сопоставление фразеологизмов и обрядовых функций

Аспект	Русская лингвокультура	Узбекская лингвокультура
Ключевые фразеологизмы	Хлеб-соль водить, хлеб да соль, забыть хлеб-соль	Туз-нон ҳаққи, туз-нон кесмоқ, туз-нонни унутмоқ
Символика соли	Соль земли, соль рассказа, насыпать соль на рану	Туз сепиш (задабривать), туз ачиқ (горечь)
Свадебный обряд	Каравай (плодородие, достаток)	Нон синдириш (согласие, единение)
Похоронный обряд	Кутья, блины, хлеб на могиле	Поминальные лепёшки (<i>ўлик нон</i>), садақа

Фразеология и паремнология

Русский фразеологический фонд включает выражения: *водить хлеб-соль* (дружить), *хлеб да соль!* (приветствие за едой), *забыть хлеб-соль* (проявить неблагодарность) [Телия, 1996, с. 182]. В узбекском языке центральным является *туз-нон ҳаққи* (право соли-хлеба), подчёркивающее сакральность уз, возникающих при совместной трапезе. Пословицы фиксируют бережное отношение к хлебу: рус. «Хлеб всему голова», узб. «Нон увоғи ҳам нон» (крошка хлеба – тоже хлеб). Сопоставление показывает, что при общем ценностном ядре узбекские паремии в большей степени акцентируют обязательственный характер гостеприимства.

Обрядовая функция

В русской свадебной обрядности центральное место занимает каравай, символизирующий плодородие и благополучие. В узбекской традиции ключевым является обряд *нон синдириши* (разламывание лепёшки), знаменующий согласие сторон и единение семей [Азизова, 2025, с. 45]. В похоронно-поминальных обрядах обеих культур хлеб выступает медиатором между миром живых и миром умерших (поминальные лепёшки,

кутья, раздача хлеба как милостыни). Соль в обрядах используется как оберег и символ горечи, которую предстоит разделить.

Заключение

Проведённый анализ подтверждает, что концепты «хлеб» / «нон» и «соль» / «туз» являются ключевыми в русской и узбекской лингвокультурах, объединяя материальное и духовное. Универсальные черты (сакральность, символ жизни и гостеприимства) дополняются национальной спецификой, проявляющейся в формах хлеба, акцентах символики, наборе фразеологических моделей и обрядовых функций. Полученные результаты вносят вклад в сопоставительную лингвокультурологию и могут быть использованы в практике преподавания русского и узбекского языков как иностранных.

Список литературы

Даль В.И. Пословицы русского народа : сборник В. Даля в 2 томах. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 383 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер ; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – Изд. 2-е, стер. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. 4: (Т-Ящур). – 1987. – 860 с.

Азизова Н.Б. Антропоцентризм тил - маданият- инсон бирлигининг илмий-назарий асоси сифатида // *Xorazm Ma'mun akademiyasi axborotnomasi*. – 2025. – №3/4. – С. 43-47.

Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изохли фразеологик луғати. – Тошкент: Ўқитувчи, 1978. – 408 б.

Ўзбек халқ мақоллари / тўпловчи Т. Мирзаев. – Тошкент: Шарқ, 2012. – 512 б.

Azizova N.B. Rus va o'zbek tillarida lisoniy shaxs konseptining lingomadaniy talqini // *Экономика и социум*. – 2024. – № 2-2 (117). – С. 67-70.

Azizova N.B. The Concept as a Fundamental Notion in Modern Linguistics: Genesis, Structure, Methodology, and Research Prospects // *Foreign Linguistics and Linguodidactics*. – 2026. – Vol. 4, Iss. 1. – P. 15-23.

THE IMAGES OF "BREAD" / "NON" AND "SALT" / "TUZ" AS CULTURAL CONCEPTS IN RUSSIAN AND UZBEK LINGUOCULTURES

Safarova Laylo,

Master's student in Linguistics (Russian Language),

Turon University, Karshi, Uzbekistan,

Scientific supervisor: Azizova Nasiba Bakhritdinovna,

Professor, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology,

Karshi State University, Karshi, Uzbekistan

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the cultural concept "bread" / "non" and "salt" / "tuz" in Russian and Uzbek linguocultures. The etymology, conceptual layer, figurative-perceptual features and symbolic meanings of these concepts are considered. Special attention is paid to the paired unity "bread-salt" / "non-tuz", its representation in phraseology, paremiology, ritual practice and folklore. Universal (sacredness, symbol of life, hospitality) and

nationally specific features (forms of bread, accents of symbolism, ritual functions) determined by differences in economic structure and religious traditions are revealed.

Key words: linguoculturology, concept, bread, salt, non, tuz, paired concept, Russian culture, Uzbek culture, phraseology, ritual.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В КИНОЛОГИЧЕСКОМ ТАМОЖЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Сосунова Галина Александровна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий
национального исследовательского технологического университета
(НИТУ МИСИС), г. Москва, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются лингвистические характеристики кинологического таможенного текста. Анализируются лексические средства создания авторской интенции. Фокусировка направлена на аттрактивную и персуазивную функции языковых средств, используемых адресантом.

Ключевые слова: кинолог, собака-детектор, программа подготовки служебных собак, этапы развития собаки.

Обращение к кинологической тематике обусловлено экстралингвистическими и лингвистическими факторами – важной ролью кинологической службы в современном социуме и при этом недостаточно полным отражением характеристик кинологической тематики в работах исследователей. Важная социально-правоохранительная роль кинологической службы на современном этапе не вызывает сомнений. Её повседневную тяжёлую работу описывает Л.А. Астахова, подполковник внутренней службы, инспектор кинологической службы, и ярко и эмоционально трактует профессию кинолога: «Кинолог – интересная и нужная профессия» [Астахова, 2013, с. 36]. Выделяются значимые аспекты кинологической деятельности: «Кинологическая служба осуществляет подготовку должностных лиц, осуществляющих таможенный контроль с применением служебных собак, а также использование служебных собак для предотвращения и пресечения контрабанды наркотических средств, взрывчатых веществ, оружия, боеприпасов и других товаров» [Артамонова, 2014, с. 439]. Акцентируется внимание на востребованность профессии кинолога: «Социальный заказ на обученных собак высок, а значит, что кинологи, призванные подготавливать таких собак, востребованы» [Лебедева, 2016, с. 732]. В этой же связи авторами рассматриваются и функции собак в диахроническом аспекте: «С течением времени, в процессе урбанизации, изменяются функции собаки и отношение к ней человека, ценность собаки в массовом сознании повышается» [Черемных, 2024, с. 1].

Вопросы характеристик кинологического дискурса представляют интерес для исследователей. Так, А.Ф. Абдуллина анализирует семиотические проблемы кинологической терминологии и отмечает актуальность данного направления в связи с тем, что «Кинология – одна из наиболее динамичных, стремительно развивающихся областей знания» [Абдуллина, 2007, с. 5]. Н.Н. Белозёрова и Д.В. Шапочкин анализируют ядро кинологического дискурса через призму межвидовой коммуникации [Белозёрова, 2011, с. 18]. Л.А. Попутникова и В.П. Тампей на примере кинологической службы Германии анализируют структуру и этапы формирования немецкой кинологической терминологии, «обеспечивающей профессиональную коммуникацию в сфере разведения, содержания и дрессировки собак» [Попутникова, 2017, с. 190]. И.М. Фатеева на примере русского языка также исследует вопросы кинологической терминологии, историю становления и развития

которой, как иерархической системы, видит в тесной связи с развитием отечественной кинологии как науки [Фатеева, 2010, с. 114].

В центре интересов лингвистов традиционно находятся вопросы авторской интенции [Пашинина, 2018, с. 181], [Пашинина, 2016, с. 444], [Самарская, 2022, с. 58], [Сосунова, 2014, с. 161], [Фатеева, 2010, 114], [Черемных, 2024, с. 1]. В настоящем исследовании рассматриваются особенности репрезентации авторской интенции в кинологическом таможенном тексте (на примере французского языка).

Фактическим материалом настоящего исследования послужил медиатекст отраслевого таможенного издания *OMD Actualités* (Новости Всемирной таможенной организации) «*Aperçu du programme de chiens détecteurs de la Douane australienne 18 juin 2021 par le service des forces frontalières australiennes*» (Обзор австралийской программы использования служебных собак для таможенного контроля австралийской пограничной службой 18 июня 2021 г.) [OMD Actualités 95 – Juin 2021]. Информация текста репрезентирует особенности и этапы подготовки служебных собак. В процессе исследования были выделены лексико-семантические языковые средства, лежащие в основе функционирования авторской интенции, направленной на признание социальной важности данного рода деятельности на современном этапе.

Так, прежде всего, авторская интенция направлена на осознание масштабности Программы подготовки служебных собак, её государственного и международного уровня, что раскрывается через ассоциативное поле выражений: *национальная программа, на международном уровне*: «*Le programme de chiens détecteurs du Service des forces frontalières australiennes*» (Australian Border Force – ABF) *est un programme national*» [OMD Actualités 95 – Juin 2021] (Программа подготовки служебных собак-детекторов Австралийской пограничной службы (ABF) – это национальная программа); «*tant au niveau national qu'international*» (как на национальном, так и на международном уровне).

Автор аргументированно раскрывает масштабность программы, использует в качестве стилистической фигуры перечисление, последовательно называя города, где реализуется данная инициативы, тем самым усиливая смысловую значимость: «*la section opérationnelle chargée de coordonner les travaux de sept unités opérationnelles à Adélaïde, Brisbane, Cairns, Darwin, Melbourne, Perth et Sydney*» [OMD Actualités 95 – Juin 2021] (Оперативная секция, отвечающая за координацию работы семи оперативных подразделений в Аделаиде, Брисбене, Кэрнсе, Дарвине, Мельбурне, Перте и Сиднее). Ключевые аспекты деятельности – *разведение, обучение, собаки-детекторы, высокоэффективные кинологические группы* – усиливают авторскую интенцию как феномены реализации аттрактивной и персуазивной функций в кинологическом дискурсе: «*la section élevage et dressage chargée de l'élevage des chiens renifleurs et du programme de développement et de formation des maîtres-chiens afin de garantir le déploiement d'une équipe cynotechnique de haute volée*» [OMD Actualités 95 – Juin 2021] (Секция разведения и обучения, отвечающая за разведение служебных собак-детекторов, а также за подготовку кинологов для обеспечения высокоэффективной деятельности кинологических групп).

Авторская интенция непосредственно реализуется при помощи оценочной лексики с позитивной коннотацией, фокусировка направлена на признание положительных черт характера кинологов, в числе которых: морально-этические, профессиональные, коммуникативные – эмпатия, трудолюбие, благородство: *des agents dévoués, hautement qualifiés et expérimentés* (преданные своему делу, высококвалифицированные и опытные сотрудники). Информация о большом объеме выполняемых работ в кинологическом центре также публикуется автором с целью привлечения внимания реципиента: «*assurer plusieurs cours de formation*» [OMD Actualités 95 – Juin 2021] (проводить несколько учебных курсов).

Репрезентация авторской интенции раскрывается в концентрировании внимания адресата на многофункциональности аспектов деятельности с использованием собак-детекторов, при этом проблема обнаружения наркотических средств выделяется как наиболее злободневная и важная: *L'ABF dispose de chiens qui peuvent détecter les stupéfiants*,

les devises, les armes à feu, les explosifs et les produits du tabac [OMD Actualités 95 – Juin 2021] (В Австралийской пограничной службе есть собаки, обученные обнаружению наркотиков, валюты, огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и табачных изделий); *La détection de stupéfiants reste la fonction principale de la plupart des chiens renifleurs et elle représente près de 60 % de toutes les activités opérationnelles entreprises dans le cadre du programme de chiens détecteurs* [OMD Actualités 95 – Juin 2021] (Обнаружение наркотиков остается основной функцией большинства собак-ищущих и составляет почти 60% всех оперативных мероприятий, проводимых в рамках Программы по подготовке собак-детекторов).

Таким образом, авторская интенция определяется как важная характеристика кинологического таможенного текста, репрезентирующей деятельность Австралийской пограничной службы, что подтверждается стремлением адресанта акцентировать внимание реципиента на важную правоохранительную функцию кинологической службы, её многофункциональность, государственный и международный уровни Программы по подготовке собак-детекторов как социально значимой инициативы на современном этапе.

Список литературы

Абдуллина А.Ф. Семиотические проблемы кинологической терминологии // Вестник ЧелГУ. – 2007. – № 13. – С. 5-10.

Артамонова М.В. Кинологическая служба в таможенных органах // Экономика и социум. – 2014. – № 4-1 (13). – С. 439-441.

Астахова Л.А. Кинолог – интересная и нужная профессия // Ведомости УИС. – 2013. – № 1 (128). – С. 36-41.

Белозёрова Н.Н. Некоторые аспекты исследования кинологического дискурса / Н.Н. Белозёрова, Д.В. Шапочкин // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 11. – С. 17-20.

Лебедева Е.В. Личностные качества кинолога как фактор повышения эффективности профессиональной деятельности / Е.В. Лебедева, М.А. Пикалова // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 6-1 (12). – С. 731-737.

Пашинина Ю.С. Авторская интенция в современном строительном дискурсе (на примере франкоязычной прессы) [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам Международного научно-практического семинара «Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Жана Пиаже» (20 апреля 2018 г.) / отв. ред. Н.Г. Епифанцева. – Электрон. текстовые дан. (5,57 Мб). – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 181-186.

Пашинина Ю.С. Языковые средства рекламного дискурса (на примере французских рекламных текстов строительной тематики) // В сб. мат. Международной научной конференции «Романское культурное и языковое наследие: история и современность». – М.: Изд-во ИИУ МГОУ, 2016. – С. 444-449.

Попутникова Л.А. Анализ структуры и особенностей формирования кинологической терминологии в немецком языке / Л.А. Попутникова, В.П. Тампей // Вестник КГУ. – 2017. – № 3. – С. 190-194.

Самарская С.Н. Лингвистические средства создания авторской интенции (на материале публицистической статьи Д. Гранина «Прописанные навечно») // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2022. – № 4. – С. 58-66.

Сосунова Г.А. Авторская интенция как основа дискурсивной функции текста. – М.: Изд-во ИИУ МГОУ, 2014. – С. 161-169.

Фатеева И.М. Семантическая деривация в кинологической лексике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3. – С. 114-118.

Финогенко О.В. Репрезентация авторских интенций в старофранцузском художественном тексте (гендерный аспект) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2012. – № 1. – С. 288-292.

Черемных Ю.А. Представления о собаке в современном кинологическом дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – № 10 (58). – С. 1-5.

OMD Actualités 95 – Juin 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mag.wcoomd.org/fr/magazine/omd-actualites-95-juin-2021/> (дата обращения: 20.02.2022).

REPRESENTATION OF THE AUTHOR'S INTENTION IN A CANINE CUSTOMS TEXT (USING THE EXAMPLE OF THE FRENCH LANGUAGE)

Sosunova Galina Aleksandrovna,

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department of Foreign Languages and Communication Technologies,
National University of Science and Technology (NUST MISIS),
Moscow, Russia*

Abstract. Cet article examine les caractéristiques linguistiques des textes relatifs aux coutumes canines. Les procédés lexicaux employés par l'auteur pour exprimer son intention sont analysés. L'accent est mis sur les fonctions attractives et persuasives de ces procédés.

Key words: dog handler, detector dog, service dog training program, stages of dog development.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИДИОМА И ЕЕ ОСОБЕННОСТЯХ

Сыпко Юлия Константиновна,

*студентка факультета иностранных языков
педагогического института Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия,*

Прокопенко Юлия Александровна,

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается понятие «идиома» и особенности ее функционирования в языке. Выделяются основные подходы к изучению термина. Показывается связь идиом с культурой и живой речью. Описываются признаки идиоматики.

Ключевые слова: идиома, идиоматичность, неоднословность, устойчивость, лингвистика, фразеологические сращения.

Понятие «идиома» в современной лингвистике продолжает оставаться предметом дискуссий, а ее сущностные характеристики вызывают разногласия в научном сообществе. В повседневной речевой практике носители языка регулярно обращаются к идиоматическим выражениям (например, «вешать лапшу на уши» или «лить как из ведра»), которые легко распознаются и адекватно интерпретируются нативными говорящими, однако становятся семантически непрозрачными для иностранца, сталкивающегося с трудностями при их переводе. В связи с этим возникает закономерный вопрос о внутренней мотивированности подобных единиц, ответ на который кроется в самом понятии «идиома». Овладение семантикой идиом выступает необходимым условием свободного владения языком и полноценной коммуникации.

На наш взгляд, неважно, как долго обсуждался вопрос значения и особенностей идиом, ученые всегда будут сомневаться какие языковые единицы можно к ним относить.

С.Е. Чернобай отмечает, что «на данном этапе развития лингвистической науки не возникает сомнения по поводу того, что фразеология сформировалась как самостоятельная научная дисциплина», но «до сих пор ученые не приходят к единому мнению в определенных вопросах» [Чернобай, 2011, с. 317]. Как мы понимаем, специалисты не могут точно договориться, что с уверенностью можно воспринимать идиомой.

Понимание того, что значит «идиома» помогает нам глубже понимать историю, культуру и традиции страны. М.А. Джасим аргументирует это так: «само по себе количество идиом, сопоставимо с числом корней в словах русского языка» [Джасим, 2023, с. 56]. То есть, идиомы можно сравнивать с их основными словами, потому что их безмерное количество. Это большой пласт языка, который очень важен для полноценного общения.

Цель этой статьи – проанализировать теоретические подходы к изучению идиом, выявить их свойства и проанализировать функции идиом в нашей речи.

Поговорим о понятии «идиома» и каким его видят разные ученые и лингвисты.

Чтобы понять, что такое «идиома», нужно проанализировать корни этого слова, а они уходят в начало 20 века, как пишет К.Н. Мочалина: «И. Е. Аничков еще в 1927 г. предлагал называть идиоматикой «науку о сочетаниях слов», в отличие от синтаксиса, рассматривающего «сочетания форм слов»» [Мочалина, 2011, с. 682]. То есть исходя из этого, можно сказать, что в понимании И.Е. Аничкова идиоматика – это ограниченная сочетаемость слов и нужно изучать эти сочетания. Идиомы – это не просто исключения, это то, из чего состоит наша повседневная речь. Это довольно смелый взгляд на проблему.

Работы В. В. Виноградова являются фундаментальными в изучении фразеологии языков, они появились примерно в 1950-х годах. О его работах хорошо отзывалась С.Е. Чернобай: «Огромное влияние этого ученого почти на все исследования в области фразеологии объясняется тем, что эти работы заполнили ту брешь, которая образовалась ввиду недостаточного изучения семантики устойчивых сочетаний слов» [Чернобай, 2011, с. 317].

В трудах В. В. Виноградова выделяется три типа фразеологических единиц. Так, первая из единиц это – фразеологические сращения (то есть идиомы), вторая – фразеологические единства и последняя, которую отмечает ученый – это фразеологические сочетания. В данном случае мы и ведем речь, как раз о фразеологических сращениях (идиомах), лингвист их определял так: «немотивированные единицы, выступающие как эквивалент слов, например, наострить лыжи, спустя рукава, через пень колоду и др.» [Чернобай, 2011, с. 318]. То есть, это есть сочетания, в которых слова сливаются друг с другом и первоначальный смысл уже не так важен. Классификация В. В. Виноградова заложила фундамент для последующих выводов о идиомах. Весь материал теперь можно было удобно разложить по полочкам и изучать комплексно.

Проанализировав отечественные подходы, обратимся к точкам зрения зарубежных ученых. В мировой лингвистике выделяют англо-американскую традицию. Основоположником её изучения считают Г. Суита, он являлся английским филологом и фонетистом. Объем понятия «идиома» в толковании ученого ограничен только предложениями. Как пример, Г. Суит приводил выражение «I cannot help it», тем самым демонстрируя, что «идиома» может быть и полноценным предложением [Sweet, 1955, с. 156].

Про дальнейший этап К.Н. Мочалина отзывается такими словами: «в дальнейшем, на протяжении почти 60 лет, изучение идиом связано в основном с созданием практических пособий, словарей и справочников для изучающих английский язык. Главной характеристикой этого периода для англо-американской традиции изучения идиом является достаточно широкий охват языкового материала» [Мочалина, 2011, с. 681]. Получается, в этот момент идиомами называли все устойчивые и крылатые выражения, например, «a piece of cake» (проще простого). На практике это очень удобно, но для теории не давало каких-

то критериев для выделения языковой нормы в идиому. Эта проблема и сохраняется до сих пор.

Интерес к идиомам проявляли и арабские лингвисты. М.А. Джасим отмечает, что «в современной арабской лингвистике идиомы в основном рассматриваются не как самостоятельное лингвистическое явление, а изучаются в рамках стилистики, риторики и т.д.» [Джасим, 2023, с. 57]. Согласно Ахмеду Абу Сааду, «идиома» – это «фраза, которая состоит из двух или более слов, связанных грамматически и имеющая значение, которое отличается от значений отдельных слов, входящих в её состав» [Саад, 1987, с. 66]. Похожее определение предлагает и Р. Аль-Баальбаки, понимая под идиомой «выражение, которое имеет особое значение и отличается от значения отдельных слов, которые входят в его состав» [Аль-Баальбаки, 1990, с. 6].

Арабские лингвисты выделили несколько признаков, которые могут раскрыть идиому в арабском языке: такие выражения являются одним целым, и они неизменны по своему составу; само выражение состоит из двух и более слов; смысл идиомы трудно понять человеку, не знающему язык.

Приведенные данные показывают, что не существует единого понятия «идиома»: исследователи предлагают самые разные подходы к этому явлению. В данной работе мы опираемся на ключевые особенности идиом. Остановимся на них подробнее.

С.Е. Чернобай, обобщая разные точки зрения, выделяет три признака идиомы: «неоднословность, устойчивость и идиоматичность» [Чернобай, 2011, с. 319].

Неоднословность – это наиболее очевидный признак. Идиома всегда состоит из как минимум двух слов. Например, в выражении «белая ворона» нельзя опустить никакой компонент, иначе смысл будет утрачен. Идиома, как и словосочетание, имеет главное и зависимое слово, а также может изменяться по числу и падежам.

Устойчивость – это признак, с которым сталкивался тот, кто хотя бы раз изучал иностранный язык. Устойчивость характеризуется тем, что идиому невозможно изменить по своему желанию, если это сделать, смысл теряется.

Идиоматичность является ключевой особенностью идиом. Идиоматичность – это такое свойство языка, при котором определенные фразы и обороты работают как неделимые единицы смысла, то есть их значение не выводится из суммы значений частей. С.Е. Чернобай, ссылаясь на У. Вейнрейха, отмечает, что естественным языкам всегда присуща идиоматичность: их значение не выводится из синтаксической структуры и не из значений, входящих в их компоненты [Чернобай, 2011, с. 319].

Рассмотрим на примере, возьмем идиому «точить лясы». «Точить» в обычной речи это «делать какой-то предмет острым», а «лясы» – это «фигурные столбики». Складываем эти понятия вместе и получаем бессмысленное выражение. Откуда вообще значение такой идиомы? Если верить истории языка, то раньше во время того, как человек вырезал эти фигурные столбики, то параллельно он неспешно вел беседу с кем-то, со временем это превратилось в выражение «точить лясы».

Однако есть различия в идиоматичности, существует внутриязыковая идиоматичность и межъязыковая. Здесь очень важны слова К.Н. Мочалиной: «это ее структурное своеобразие по отношению к ее аналогу, принадлежащему к иноязычной системе (межъязыковая идиоматичность), либо к аналогу (прототипу) в собственном языке (внутриязыковая идиоматичность)» [Мочалина, 2011, с. 683-684].

Внутриязыковая идиоматичность – это когда значение не складывается из значений отдельных частей. Как, например, «точить лясы» о которых мы говорили выше. А межъязыковая идиоматичность – это когда значение выглядит странно по отношению к другому языку, но в своем родном языке она понятна.

Например, наше «семь пятниц на неделе» для иностранца очень непонятно, ведь в его языке нет такого выражения. Для человека, знающего русский язык, это выражение полностью понятно. Это является ярким примером межъязыковой идиоматичности.

Но не стоит забывать и о других особенностях идиом, это устойчивость и воспроизводимость. В своей статье, С.Е. Чернобай указывала, что идиомы безусловно являются основой фразеологического состава. То есть, по мнению ученого, идиома – это переосмысленные сочетания слов, обязательно мотивированные. Мотивированные, потому что мы на подсознательном уровне соотносим фразеологическое значение с тем образом, который возникает у нас из буквального значения этой единицы [Чернобай, 2011, с. 319].

Долгое время идиомы изучались с помощью текстов и словарей. Считалось, что это что-то неизменное и задача исследователя – зафиксировать эту не изменчивость. Но что же происходит с идиомами в живой речи? Когда люди разговаривают, то не всегда следуют правилам, здесь и проявляют себя идиомы с помощью своей гибкости и адаптивности.

Традиционно идиомы изучались как неизменные единицы языка, которые фиксировались в словарях. Однако, как мы знаем, идиомы в живой речи подвергаются изменениям. Д. Лю подчеркивал: «Понятие идиомы и идиоматический анализ реальной звучащей речи – одна из нерешенных, но весьма актуальных проблем современной лингвистики» [Лю, 2018, с. 21]. Он проанализировал исследование, касающееся звуков повседневной русской речи «Один речевой день». На основе анализа этого исследования он выделил несколько изменений идиом, а именно:

- замена одной части идиомы: «пропадать так с музыкой!», оригинально эта идиома выглядит так: «помирать, так с музыкой!», несет она шутовское значение;
- смешение: «ни в коей жизни», эта идиома сформирована от двух других идиом, а именно ни в коей мере и не в жизнь, несет значение «никогда, ни при каких условиях или обстоятельствах»;
- добавление новых слов, например, выжать все соки вместо просто выжать соки, если добавить слово, то мы подчеркиваем значение идиомы;
- выбрасывание лишних слов, например, в исследовании была фраза «всегда дождется», изначально эта фраза выглядит так «кто ждет, тот всегда дождется». То есть, собеседник поймет, о чем говорил человек и не нужно завершать мысль;
- перестановка слов, например, «вытрясти из души», а начальная идиома «вытряхнуть душу из кого-то». В первом случае, мы избавляемся от чего-то, а во втором случае уже мучаем кого-то.

Проведенное исследование показывает, что изменение идиом в устной речи – это не случайность, а постоянное явление. Это означает, что идиомы показывают свою гибкость и адаптивность в повседневной речи людей. Д. Лю считает, что нужно пристальное внимание лингвистов, в связи с тем, что существует так много изменений в идиомах [Лю, 2018, с. 29].

Анализ этих изменений позволяет лучше работать с идиомами. Преподаватели иностранных языков могут качественнее объяснять студентам, что идиомы используются не только в одном варианте, а они могут изменяться от человека к человеку. В теоретической лингвистике понимание идиом и их изменений становится прозрачнее.

Таким образом, идиома представляет собой одно из наиболее сложных и одновременно показательных явлений языка, находящееся на пересечении грамматики, лексикологии и семантики. Определение данного феномена до сих пор остается объектом дискуссий.

Список литературы

- Аль-Баальбаки Р. Словарь лингвистических терминов (англо-арабский). – 1-е изд. – Бейрут, 1990. – 806 с.
- Джасим М. А. Понятия «идиома» в российской и мировой лингвистике // Интерактивная наука. – 2023. – №8 (84). – С. 56 – 58.
- Лю Д. Модифицированные идиомы в русской повседневной речи // Коммуникативные исследования. – 2018. – №1 (15). – С. 20 – 34.
- Мочалина К.Н. К определению понятия «Идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – №2-3. – С. 680 – 685.

Саад А.А. Словарь старых идиоматических композиций и фраз. – 1-е изд. – Бейрут, 1987. – 552 с.

Чернобай С.Е. Определение идиомы в современной фразеологии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2011. – №3-2. – С. 317 – 322.

Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. Part I: Introduction, Phonology, and Accidence. – Oxford: Clarendon Press, 1955. – 499 p. (First published 1891).

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF IDIOM AND ITS FEATURES

Sypko Yulia Konstantinovna,

*Student of the Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia,*

Prokopenko Yulia Alexandrovna,

*Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the concept of "idiom" and the features of its functioning in language. The main approaches to the study of the term are highlighted. The connection of idioms with culture and live speech is shown. The signs of idiomaticity are described.

Key words: idiom, idiomaticity, multi-word expression, stability, linguistics, phraseological fusions.

ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХОЛИСТИЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фурс Людмила Алексеевна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и
прикладной лингвистики факультета истории, политологии и филологии Тамбовского
государственного
университета имен Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается образная репрезентация холистичности на материале английского языка. Установлено, что за счет активизации когнитивных механизмов концептуальной метафоры и концептуального сравнения реализуется холистичное осмысление некоторых множеств. При этом формируемая образная оценка интерпретируется инферентно и отражает процесс формирования комплексного знания и специфику нелинейного стиля мышления.

Ключевые слова: репрезентация, образная оценка, холистичность, когнитивный механизм, комплексное знание.

Репрезентация как знаковый процесс представления знания о явлениях окружающего мира реализуется в виде двух способов – образного и вербального (подробнее см.: [КСКТ, 1997, с. 158]). Холистичность как ключевое понятие данного исследования соотносится с философским учением холизма и предполагает восприятие объекта в его целостности [ФЭС, 1998, с. 503]. В этой связи отметим, что вербальная репрезентация холистичности реализуется посредством семантики глаголов с доминантой «целое как объединение частей», таких как *include, contain, involve, incorporate, consist of, comprise* и т.п. Наряду с этим, часто используется множественное число местоимения первого лица *we* и его притяжательная форма *our* для акцентирования командного единства

и согласованности действий всех участников. Данные вербальные средства репрезентации значения холистичности отражают процессы линейного стиля мышления, который является рациональным и опирается на правила в построении суждения по аналогии с математической логикой. Напротив, нелинейный стиль мышления соотносится с процессами креативности в конструировании знания и предполагает формирование дополнительных смыслов в представлении того или иного понятия [Groves, 2015]. Характерно, что активизация нелинейного мышления приводит к появлению комплексного знания (подробнее см.: [Фурс, 2025]). Отметим, что образная репрезентация холистичности является результатом процессов нелинейного стиля мышления и отражает формирование комплексного знания. Целью данного исследования является анализ образных средств репрезентации холистичности в процессах осмысления человеком социальных отношений.

Фактологический анализ позволил установить, что репрезентация холистичности базируется на когнитивных механизмах концептуальной метафоры и концептуального сравнения:

(1) механизм концептуальной метафоры

*Her friend group was **a quilt** of personalities, each one essential to the whole (SM).*

Знание о том, как выглядит лоскутное одеяло и как каждая его деталь дополняет целостный образ, проецируется на компанию друзей, личность каждого из которых уникальна, и в то же время важна для общего дела.

*The workplace thrived because it was **a garden** of diverse talents and backgrounds (SM).*

Областью-источником в этом случае выступает знание о саде, красота которого создается разными растениями, которые в нем выращиваются. За счет аналогии с этим знанием подчеркивается сбалансированность рабочего коллектива, для членов которого характерны разные проявления профессионального таланта.

*Their team was **a mosaic** of skills and perspectives, creating something extraordinary (SM).*

В данном метафорическом переносе областью-источником выступает знание о мозаике как произведении искусства, в котором орнамент создается путём компоновки мелких деталей в единое целое. Именно созданное целое позволяет восхититься красотой объекта. За счет аналогии между мозаикой и командой исполнителей указывается на удачное соотношение навыков и перспектив каждого в выполнении общих задач.

*Each individual's background was a thread in **the tapestry** of their organization (SM).*

В этом примере областью-источником для метафорического переноса выступает знание о гобелене, тканная поверхность которого представлена различными цветными нитями. Только в составе целого эти нити способны передать красивый образ. Целостность этого образа переносится на организацию, в которой опыт каждого сотрудника вплетается в ее успешную деятельность.

*The social network grew into **a web** of relationships that spanned across cultures (SM).*

Аналогия между социальными отношениями и паутиной создает ассоциацию «как прочность паутины зависит от переплетения разных элементов, так и развитие социальных связей зависит от взаимных отношений».

*The university's programs were **a forest** of opportunities, fostering inclusion and growth (SM).*

Здесь область-источник в метафорическом переносе представлена знанием о лесу, символизирующем сосуществование различных видов растений, каждый из которых играет жизненно важную роль в экосистеме. За счет переноса этого знания на университетские учебные программы формируется оценка их значения для целостного развития студентов, предполагающего приобретение как профессиональных, так и общественных навыков.

(2) механизм концептуального сравнения

*The company functioned **like a symphony**, with diverse roles working in perfect harmony (SM).*

Значение холистичности проецируется на восприятие компании. За счет сравнения с симфонией, в исполнении которой важной является гармония звуков, удается подчеркнуть единение работников и согласованность их действий при выполнении должностных обязанностей.

*The team was **like a paint palette**, each person contributing a unique shade to the final result (SM).*

Знание о том, что только палитра красок способна создать уникальную картину, является фоновым знанием для осмысления имиджа команды, ценность которого заключалась в уникальных способностях каждого ее члена.

*The event was **like a cookbook**, offering diverse flavors and experiences for everyone to enjoy (SM).*

Кулинарная книга как целостное описание разных рецептов для приготовления блюд на каждый вкус является фоновым знанием для осмысления характера светского мероприятия. В результате сравнения организованное мероприятие оценивается с точки зрения удовлетворения разнообразных вкусов всех участников.

*The program served **as a bridge**, uniting people from different backgrounds for a common purpose (SM).*

В этом случае за счет сравнения программы с мостом как сооружением для соединения противоположных берегов водоема формируется позитивная оценка этой программы, объединившей людей из разных слоев общества ради общей цели.

Проведенный анализ фактического материала позволил раскрыть особенности образного осмысления холистичности в процессах репрезентации знания о различных явлениях реальной действительности. Как свидетельствуют полученные результаты, в фокусе образной оценки находятся такие совокупности объектов, как группа друзей, рабочий коллектив, команда, организация, комплекс социальных связей, университетские программы, коммерческая компания, светское мероприятие, программа действий, которые воспринимаются целостно за счет образного сравнения с единичными сущностями, представленными лексемами *a quilt, a garden, a mosaic, a tapestry, a web, a forest, a symphony, a paint palette, a cookbook, a bridge*. Семантика данных единиц указывает на наличие множества элементов в составе единого целого, что является основой для проецирования этого знания на оцениваемый объект. В результате удастся передать значение монолитности, сплоченности и единства составляющих элементов в составе целого. Данная оценка свидетельствует о формировании комплексного знания в процессах образной репрезентации холистичности.

Таким образом, за счет активизации когнитивных механизмов концептуальной метафоры и концептуального сравнения реализуется холистичное осмысление некоторых множеств. При этом формируемая образная оценка интерпретируется инферентно и отражает специфику нелинейного стиля мышления.

Список литературы

КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 245 с.

Фурс Л.А. Комплексный стиль мышления и синтаксическая репрезентация // Когнитивные исследования языка. – 2025. – Вып. 2 (63). – Ч. 1. – С. 102-107.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 576 с.

Groves K.S. Linear and Nonlinear Thinking: A Multidimensional Model and Measure / K.S. Groves, C.M. Vance // Journal of Creative Behavior. – 2015. – 49(2). – Pp. 111-136.

SM – SimileMeta : site. – URL: <https://similemeta.com> (дата обращения: 11.03.2026).

FIGURATIVE REPRESENTATION OF HOLISTICITY IN ENGLISH

Furs Liudmila Alexeevna,

*Doctor of Philology, professor of department of foreign philology and applied linguistics,
Derzhavin Tambov state university, Tambov, Russia*

Abstract. This article examines the figurative representation of holisticity in English. It is established that the activation of cognitive mechanisms of conceptual metaphor and conceptual comparison enables holistic understanding of certain sets. The resulting figurative assessment is interpreted inferentially and reflects the process of developing complex knowledge and the specificity of a nonlinear thinking style.

Key words: representation, figurative assessment, holisticity, cognitive mechanism, complex knowledge.

АББРЕВИАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Чабанова Валерия Романовна,

*студент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия,*

Прокопенко Юлия Александровна,

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается аббревиация как один из наиболее продуктивных способов словообразования в современном английском языке. Анализируются структурные типы сокращений, их функции в языке и речи. Особое внимание уделяется функционированию аббревиатур в текстах современных англоязычных средств массовой информации, где они выступают не только средством языковой экономии, но и инструментом прагматического воздействия, культурной идентификации и создания единого информационного кода. На основе анализа медиатекстов выявляются ключевые особенности употребления сокращений в новостном и аналитическом дискурсе.

Ключевые слова: аббревиация, сокращение, акроним, инициализм, медиадискурс, язык СМИ, словообразование, прагматика.

Сокращения давно стали привычной частью английского языка, однако в последние годы их роль в масс-медиа претерпела существенные изменения. Если ранее аббревиатуры воспринимались преимущественно как технический приём экономии места – удобный, но второстепенный, – то сегодня они превратились в самостоятельный инструмент передачи смысла. Показательны в этом отношении примеры Brexit и COVID-19: подобные номинации не только позволяют избежать развернутых объяснительных конструкций, но и сами выступают носителями сложных культурных и эмоциональных контекстов. Значимость обращения к данной проблематике обусловлена тем, что аббревиация на современном этапе вышла за рамки сугубо технического инструмента. В настоящее время сокращения служат не только средством номинации, но и активно участвуют в формировании новых понятий, репрезентации социальных процессов, а также выступают инструментом воздействия на общественное сознание. Основной средой, где подобные

единицы возникают, институционализируются и получают широкое распространение, выступают англоязычные средства массовой информации.

Согласно сложившейся в лингвистике традиции, аббревиация интерпретируется как проявление закона экономии языковых средств, нацеленное на повышение коммуникативной эффективности и снижение когнитивной нагрузки в процессах восприятия и передачи информации [Апресян, 1995, с. 112]. Данное явление охватывает разнородные типы единиц: от классических сокращений и аббревиатур инициального типа до контаминированных образований, совмещающих признаки нескольких словообразовательных моделей. Объединяющим началом для них выступает принцип компрессии, предполагающий свёртывание материальной оболочки при сохранении способности к номинации.

По морфологическим и структурным признакам в современной лингвистике выделяют несколько основных типов аббревиатур. Инициальные сокращения (initialisms) представляют собой слова, образованные из начальных букв компонентов словосочетания и произносимые по буквам: BBC (British Broadcasting Corporation), UN (United Nations) [Gálperin, 2008, p. 44]. Акронимы (acronyms) – сокращения, читаемые как обычные слова: NATO, NASA, COVID. Смешанные аббревиатуры сочетают буквенные и слоговые элементы: Interpol, Medicare. Усечения (clippings) образуются от одной части слова: ad, doc, exam. Сложносокращённые слова (blends) представляют собой гибридные формы, возникающие при объединении частей слов: brunch, smog, infotainment.

Аббревиатуры выполняют широкий спектр функций в языке и речи. Прежде всего, основная и наиболее очевидная функция – экономия языковых средств [Апресян, 1995, с. 211]. В новостных сообщениях, заголовках, рекламных слоганах сокращения позволяют передавать значительный объём информации при минимальном использовании графических и фонетических ресурсов. Например, такие формы, как AI (Artificial Intelligence), EU (European Union) или GDP (Gross Domestic Product), выполняют роль маркеров профессиональной компетенции и одновременно способствуют ускорению передачи смысла. Вторая важная функция аббревиатур – номинативная [Реформатский, 2008, с. 140]. Сокращения позволяют называть сложные явления, организации или понятия при помощи компактных форм, что обеспечивает лёгкость их употребления в речи [Блох, 2012, с. 96]. Эта функция особенно заметна в профессиональных и технических областях, где возникает потребность в обозначении новых реалий. Например, NASA, UNESCO, WHO, FBI или CNN представляют собой устойчивые номинативные единицы, которые функционируют как самостоятельные лексемы [Crystal, 2010, p. 128]. Следующей значимой является экспрессивно-оценочная функция, заключающаяся в способности аббревиатур придавать речи эмоциональную окраску и усиливать выразительность. В массовой культуре и интернет-коммуникации подобные сокращения выполняют роль средств языковой игры, отражая настроение, отношение или оценку говорящего. Аббревиатуры вроде LOL, OMG, BTW и FYI подчеркивают неформальный характер общения и способствуют созданию ощущения близости между собеседниками. Особо стоит отметить идентификационную функцию, которая реализуется через способность аббревиатур обозначать принадлежность говорящего к конкретному профессиональному или социальному сообществу [Крысин, 2013, с. 176]. Набор аббревиатур вроде SEO, UX/UI, B2B, HR, KPI – своего рода пропуск в профессиональную среду бизнеса и IT. Тот, кто ими свободно оперирует, сразу воспринимается как «свой», и общение в таких кругах строится без лишних пояснений.

Н.И. Клушина называет медийный дискурс особой формой общественной коммуникации, где язык не столько описывает реальность, сколько конструирует её, влияя на восприятие и оценки аудитории [Гальперин, 2008, с. 171]. Добавим к этому жёсткие пространственные рамки – газетная полоса, экран, интернет-заголовок требуют максимальной информационной плотности при минимальном объёме [Апресян, 1995, с.

210]. В таких условиях аббревиация становится не просто удобным приёмом, а необходимостью.

Особенно в заголовках, где каждое слово на счету. Вместо длинных объяснений – несколько букв, которые несут и субъект действия, и оценку, и контекст. «WHO warns of new virus»: четыре слова, а за ними и статус источника (всемирная организация), и характер сообщения (официальное предупреждение), и сама новость. «US GDP drops in Q3», «UK PM faces criticism», «NASA launches new mission» – такие заголовки давно стали стандартом англоязычных медиа [Guardian Online, 2025]. Сокращение здесь работает как оптический прицел: фокусирует внимание на главном, отсекая лишнее.

Пожалуй, самой важной характеристикой функционирования аббревиатур является их влияние на восприятие информации. Сокращённые формы создают ощущение точности, достоверности и профессионализма, особенно в экономических, политических и научных материалах [Брагина, 2014, с. 172]. Однако в некоторых случаях их чрезмерное употребление может приводить к усложнению понимания текста для неподготовленного читателя. Поэтому журналисты стремятся соблюдать баланс между краткостью и ясностью, нередко вводя сокращение после первого полного упоминания, как, например: World Health Organization (WHO) [Crystal, 2010, p. 188].

Особое место занимает влияние медиадискурса на формирование новых аббревиатур. Журналистика не просто фиксирует существующие языковые формы, но и генерирует новые, отзываясь на общественные события и технологические сдвиги. Откликом на ключевые общественные и технологические процессы последних лет стали такие сокращения, как WFH (work from home), NFT (non-fungible token) и AI Act (Artificial Intelligence Act). Акроним Brexit, образованный слиянием Britain и exit, впервые появился в публицистике и в дальнейшем закрепился в качестве полноценного политико-экономического понятия [Guardian Online, 2025]. Схожая логика прослеживается в период пандемии, когда единицы COVID и WFH не только вошли в обиход англоязычных СМИ, но и превратились в маркеры своего времени, прочно утвердившись в повседневной речи.

Аббревиация в англоязычном медиадискурсе решает одновременно прикладные и смысловые задачи. Благодаря ей формируется специфическая стилистика журналистских текстов, отличающаяся сжатостью, семантической точностью и экспрессией. Сокращённые номинации повышают скорость восприятия материала, усиливают концентрацию информации и позволяют автору взаимодействовать с читателем через общие смысловые и эмоциональные коды. В современных медиа происходит не только адаптация уже существующих аббревиатур, но и активное порождение новых единиц, отражающих сдвиги в социокультурной и технологической сферах. Полученные результаты показывают: аббревиация является закономерным элементом языковой динамики, а её функционирование в медийной среде подтверждает способность английского языка гибко реагировать на вызовы цифровой эпохи.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка: монография. – Москва: Наука, 1995. – 472 с. – ISBN: 5-88766-043-0.

Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 2012. – 367 с. – ISBN: 5-06-004713-X.

Брагина Н. Г. Современные тенденции в английской лексикологии / Н.Г. Брагина, В.В. Елисеева // Лексикология современного английского языка: учебное пособие / отв. ред.: А.Л. Семенов, В.И. Шадрин. – Санкт-Петербург: ИД «Санкт-Петербург» Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 63.

Клушина Н. И. Медиаобраз и язык СМИ. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – 296 с. – ISBN 978-5-9765-3899-3.

Крысин Л. П. Современные процессы в языке и общество. – М.: Флинта, 2013. – 420 с. – ISBN 978-5-9765-4524-3.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 368 с. – ISBN 5-7567-0046-3.

Crystal D.A. Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Oxford: Blackwell, 2010. – 536 p.

Gálperin I.R. Stylistics. – Moscow: KomKniga, 2008. – 320 p.

Guardian Online. How language evolves in media space : site. – URL: <https://www.theguardian.com/media> (дата обращения: 04.12.2025).

ABBREVIATION IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

Valeriya Romanovna Chabanova,

Student, Department of Foreign Languages,

Faculty of Foreign Languages,

Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University,

Yulia Alexandrovna Prokopenko,

Candidate of Sociological Sciences,

Associate Professor, Department of Foreign Languages,

Pedagogical Institute,

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines abbreviation as one of the most productive word-formation processes in modern English. It analyzes structural types of abbreviations and their functions in language and speech. Special attention is paid to the functioning of abbreviations in modern English-language media texts, where they serve not only as a means of linguistic economy but also as a tool of pragmatic influence, cultural identification, and the creation of a unified information code. Based on the analysis of media texts, key features of the use of abbreviations in news and analytical discourse are identified.

Key words: abbreviation, clipping, acronym, initialism, media discourse, media language, word formation, pragmatics.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СФЕРА РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Шинкарь Арина Руслановна,

студентка кафедры иностранных языков

педагогического института Белгородского государственного национального

исследовательского университета, г. Белгород, Россия,

Прокопенко Юлия Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Белгородского государственного национального исследовательского университета, г.

Белгород, Россия

Аннотация. В статье политический дискурс рассматривается как институциональная среда, где речевое манипулирование выступает ключевым механизмом борьбы за власть. Анализируются основные стратегии манипулятивного воздействия и лингвистические средства их реализации. Рассматриваются этические границы применения манипулятивных технологий и их социальные последствия. Делается вывод о двойственной природе манипуляции: как о неизбежном атрибуте политической риторики и как об угрозе открытому демократическому диалогу.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое манипулирование, политическая коммуникация, языковое воздействие, манипулятивные стратегии, институциональный дискурс, перлокутивный эффект.

Современная политическая коммуникация представляет собой сложное, многоуровневое пространство, где язык выступает не столько средством передачи информации, сколько инструментом конструирования реальности. В условиях информационного общества, когда борьба за умы избирателей переместилась из публичных площадей в медийное и цифровое пространство, проблема речевого манипулирования приобретает особую остроту. Политический дискурс, по определению ориентированный на достижение властных полномочий и их удержание, становится той сферой, где манипулятивные техники достигают наивысшей степени изощренности. Цель данной работы – выявить специфику политического дискурса как среды, предрасположенной к речевому манипулированию, определить основные методы и языковые средства манипулятивного воздействия, а также оценить социальные последствия распространения этих практик.

Для понимания феномена речевого манипулирования в политике необходимо определить, что представляет собой политический дискурс. В современной лингвистике и политической науке сложилось понимание политического дискурса как совокупности речевых актов, используемых в политической деятельности, а также как системы символов, ценностей и интерпретаций, через которую происходит осмысление политической реальности. Как отмечает Е.И. Шейгал, «политический дискурс характеризуется прежде всего институциональностью, то есть ориентированностью на участников, выступающих в роли носителей социальных статусов» [Шейгал, 2004, с. 23]. Институциональная природа политического дискурса задает жесткие рамки для участников коммуникации. С одной стороны, это отношения «власть – общество», которые изначально асимметричны. Политик наделен правом легитимного принуждения, но для его реализации он вынужден добиваться доверия и поддержки. Эта диалектика власти и убеждения создает благоприятную почву для использования манипулятивных стратегий. А.Н. Баранов подчеркивает, что «политический дискурс представляет собой совокупность жанров, обслуживающих политическую сферу общения, причем центральное место среди них занимают жанры, ориентированные на массовую аудиторию» [Баранов, 2020, с. 112]. Именно ориентация на массовую аудиторию, которая неоднородна по своему образовательному, культурному и социальному уровню, заставляет политического субъекта прибегать к упрощению, эмоциональной нагруженности высказываний и использованию стереотипов. В этом контексте речевое манипулирование перестает быть периферийным явлением и становится ядерным элементом политической риторики. Западные исследователи, такие как Т. ван Дейк, связывают манипулятивный потенциал политического дискурса с контролем над контекстом: «элиты контролируют не только доступ к публичному дискурсу, но и сам контекст, определяя, что является уместным, а что – табуированным» [Van Dijk, 2008, p. 75].

Речевое манипулирование в политическом дискурсе представляет собой скрытое воздействие на адресата с целью навязывания определенной картины мира, изменения установок или побуждения к действию, противоречащему его собственным интересам, но выгодному коммуникатору. Как отмечает С.Г. Кара-Мурза, «манипуляция сознанием – это господство над духовным состоянием людей, управление их поведением путем навязывания установок, стереотипов, привычек, выгодных субъекту воздействия» [Кара-Мурза, 2000, с. 18]. Ключевым признаком манипуляции является ее скрытый характер: объект воздействия не должен осознавать, что его сознанием управляют. В лингвистической традиции сложилось несколько подходов к классификации манипулятивных приемов. Особое внимание исследователи уделяют социально-оценочному манипулированию, которое, по мнению М.А. Сиривли, «состоит в эмоциональном давлении, речевом воздействии с опорой на базовые потребности и ведущие эмоционально и социально значимые события и информацию» [Сиривли, 2015, с. 97]. Современные исследователи акцентируют внимание на психолингвистической составляющей. О.Л. Михалева утверждает, что «политическая коммуникация строится на

апелляции к архетипам коллективного бессознательного, что позволяет обходить рациональные фильтры восприятия» [Михалева, 2004, с. 112]. Действительно, эффективность манипулятивного воздействия тем выше, чем более оно ориентировано не на логические доводы, а на эмоциональные, часто иррациональные слои психики. Как подчеркивает К.Ф. Седов, существует два оппозитивных типа манипуляции: продуктивная, которая «неизбежна в реальной повседневной коммуникации», и конфликтная, при этом «цель продуктивной манипуляции – расположить к себе коммуникативного партнера, используя его слабости, но не вызывая у него синдрома фрустрации» [Седов, 2003, с. 23-24]. Важнейшей характеристикой речевого манипулирования в политическом дискурсе является его технологичность. Современные политтехнологии разрабатывают целые системы манипулятивных тактик, адаптированных под конкретные медийные платформы. В этом контексте политический дискурс, по замечанию Е.В. Кобеца, «сближается с рекламной коммуникацией, где основная задача – создание привлекательного образа и дискредитация конкурента, а манипуляция во все времена играла важную роль в любой коммуникации и сопровождала любую из функций реализации языка в речи, особенно – в речи политической» [Кобец, 2010, с. 68].

Анализ эмпирического материала, включающего предвыборные выступления, парламентские дебаты и политическую публицистику, позволяет выделить несколько доминирующих стратегий речевого манипулирования. Первой из них является стратегия семантической неопределенности. Политический язык изобилует абстрактными понятиями, лишенными четкой референции: «свобода», «справедливость», «порядок», «интересы народа». Использование таких знаков позволяет каждому адресату вкладывать в них собственное содержание, что создает иллюзию общности позиций. Как метко замечает Дж. Лакофф, «политики говорят на языке моральных ценностей, но эти ценности представляют собой когнитивные структуры, которые активируются определенными словами, независимо от того, что на самом деле делает политик» [Lakoff, 2007, с. 24]. Второй стратегией выступает стратегия поляризации «свой-чужой», которая является универсальной для политического дискурса. Она реализуется через оппозицию «мы-они», где «мы» наделяется исключительно позитивными характеристиками (рациональность, патриотизм, стремление к миру), а «они» – негативными (агрессивность, коррумпированность, чуждость). Т. ван Дейк доказывает, что идеологический квадрат (подчеркивание хорошего о себе и плохого о других) лежит в основе большинства политических текстов [Van Dijk, 2006, р. 375]. Третьей стратегией является навязывание пресуппозиций. Манипулятор стремится ввести в дискурс утверждения, которые принимаются как данность, не подлежащая сомнению. Например, фраза «продолжая реализацию успешной политики...» содержит пресуппозицию, что политика объективно успешна. Аудитория, не оспаривая эту скрытую посылку, оказывается в рамках заданной интерпретации. И.В. Богачев отмечает, что «пресуппозициональные конструкции являются наиболее эффективным средством имплицитного воздействия, поскольку они минуют критическую инстанцию сознания» [Богачев, 2024, с. 242].

Четвертой стратегией выступает стратегия эвфемизации и дисфемизации. Эвфемизмы используются для смягчения неприятных для власти явлений: «непопулярные меры» вместо «повышение налогов», «точечные удары» вместо «бомбардировки». Дисфемизмы, напротив, служат для стигматизации оппонента: «режим», «хунта», «пятая колонна». Как подчеркивает Е.И. Шейгал, «манипулятивный эффект достигается за счет нарушения привычных номинативных норм, когда нейтральные факты получают коннотативно маркированное обозначение» [Шейгал, 2004, с. 156]. Пятой важнейшей стратегией является использование метафорических моделей. Метафора в политическом дискурсе – не просто украшение, а инструмент концептуализации. Метафорические модели (война, организм, механизм, путь) задают способ восприятия проблемы. Например, метафора «войны» с внутренними проблемами автоматически легитимизирует жесткие, авторитарные методы управления. Дж. Лакофф показал, что различия в политических

взглядах в США обусловлены различными метафорами семьи: «строгий отец» у консерваторов и «заботливые родители» у либералов [Lakoff, 2007, с. 31]. Все перечисленные стратегии редко встречаются в чистом виде; как правило, они комбинируются в рамках единого текста или выступления, усиливая совокупный манипулятивный эффект.

Широкое распространение речевого манипулирования в политическом дискурсе ставит перед обществом ряд этических и социальных вопросов. С одной стороны, сторонники прагматического подхода утверждают, что манипуляция неизбежна в условиях сложности современных социальных систем, а политик, не владеющий техниками убеждения, просто не сможет реализовать необходимые преобразования. В этом контексте манипуляция рассматривается как разновидность эффективного менеджмента. Однако критический подход, представленный работами Ю. Хабермаса, указывает на то, что систематическое использование манипулятивных стратегий приводит к деформации публичной сферы. Идеальная речевая ситуация предполагает свободное, равноправное обсуждение, в то время как манипуляция подменяет аргументацию суггестией, а рациональный диалог – внушением. Кроме того, длительное пребывание в среде, насыщенной манипулятивными техниками, формирует у аудитории так называемую «когнитивную лень» – привычку не анализировать информацию, а потреблять ее в готовом, эмоционально окрашенном виде. Как справедливо замечает И.В. Богачев, «манипулятивное воздействие в политическом дискурсе несет в себе потенциал не только ситуативного управления поведением, но и долгосрочной трансформации ценностных ориентаций личности» [Богачев, 2024, с. 251]. Это означает, что речевое манипулирование перестает быть безобидным риторическим приемом и превращается в фактор, воздействующий на формирование гражданского сознания и политической культуры в целом.

Подводя итог, следует отметить, что политический дискурс по своей природе выступает идеальной средой для реализации речевого манипулирования. Институциональный характер, асимметрия статусов участников и ориентация на массовую аудиторию создают устойчивый запрос на технологии скрытого воздействия. Анализ стратегий семантической неопределенности, поляризации, навязывания пресуппозиций, эвфемизации, дисфемизации и метафорического моделирования показывает, что манипулятивный арсенал современной политической коммуникации чрезвычайно разнообразен и постоянно совершенствуется. Двойственная природа манипуляции – как неизбежного спутника политической борьбы и одновременно как угрозы для демократических принципов открытого диалога – требует от общества и научного сообщества не просто констатации этих практик, но и выработки механизмов медиаграмотности, позволяющих распознавать манипулятивное воздействие. В конечном счете, именно уровень критического мышления аудитории определяет ту границу, за которой речевое манипулирование перестает быть эффективным инструментом достижения власти и уступает место рациональной аргументации и подлинной политической конкуренции идей.

Список литературы

- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: Флинта, 2020. – 592 с.
- Богачев И.В. Речевое манипулирование в современном политическом дискурсе: стратегии и тактики // Вопросы психолингвистики. – 2024. – № 2 (48). – С. 236-254.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.
- Кобец Е.В. Политический дискурс конца XX – начала XXI вв.: прагматика юмора как шаг к пониманию и ломке стереотипов восприятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1-1 (5). – С. 66-70.
- Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 320 с.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.

Сириль М.А. Социально-оценочное манипулирование в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5-2 (47). – С. 96-99.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

Lakoff G. The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century Politics with an 18th-Century Brain. – New York: Viking, 2007. – 320 p.

Van Dijk T.A. Discourse and Manipulation // Discourse & Society. – 2006. – Vol. 17, No. 3. – P. 359–383.

Van Dijk T.A. Discourse and Power. – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p.

POLITICAL DISCOURSE AS A SPHERE OF SPEECH MANIPULATION

Shinkar Arina Ruslanovna,

*Student of Faculty of Foreign Languages of Institute of Pedagogy,
Belgorod State National Research University,*

Prokopenko Yulia Alexandrovna,

*PhD of Science in Sociology, Associate Professor of Foreign Languages Department,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article considers political discourse as an institutional environment where speech manipulation is a key mechanism of the struggle for power. The main strategies of manipulative influence and linguistic means of their implementation are analyzed. The ethical boundaries of the use of manipulative technologies and their social consequences are considered. The conclusion is made about the dual nature of manipulation: as an inevitable attribute of political rhetoric and as a threat to an open democratic dialogue.

Key words: political discourse, speech manipulation, political communication, linguistic influence, manipulative strategies, institutional discourse, perlocutionary effect.

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК ФАКТОР СЕМАНТИЧЕСКОГО РАСШИРЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Щербакова Ирина Александровна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Елабужского института Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга, Россия*

Аннотация. В представленной работе обсуждается полифункциональность модальных глаголов английского языка. Цель настоящей статьи заключается в изучении влияния явления полифункциональности на понимание семантического объема категории модальности. Основным методом исследования стал описательный метод, направленный на синхронный анализ языковых единиц через наблюдение, обобщение и интерпретацию результатов. Полифункциональность модальных глаголов приводит к возможности маркировать разные виды модальности. С одной стороны, они относятся к средствам выражения объективной модальности, а с другой – к маркерам субъективной модальности. Это обстоятельство осложняет понимание категории модальности в целом и вносит неопределенность в ее трактовку, в частности. Полученные результаты расширяют знания о средствах выражения модальности в английском языке и могут быть использованы в практике его преподавания.

Ключевые слова: полифункциональность, модальность, модальные глаголы, функция, английский язык

Модальность можно отнести к таким понятиям, которые занимают умы исследователей на протяжении многих последних десятилетий. На основе этого утверждения можно было бы предположить, что она многократно подвергалась анализу, и поэтому не входит в наши дни в круг интересов современных лингвистов. Между тем неоднозначная трактовка природы языковой модальности, а также вариативность ее компонентов в разных языках способствуют расхождению взглядов на модальность. К одному из факторов, приводящих к множественности объяснений категории модальности, можно отнести полифункциональность модальных глаголов, о которых пойдет речь в этой статье.

Группа модальных глаголов в английском языке до настоящего времени остается неопределенной и не является общепризнанной по части своего состава. С одной стороны, к модальным глаголам традиционно причисляются так называемые классические модальные глаголы в составе с лексемами *can / could, must, may / might, shall / should, will / would*, которые используются в глагольных конструкциях. С другой стороны, наблюдается постоянный прирост списочного состава модальных глаголов за счет включения разными исследователями глагольных лексем типа *to have to, to be, need to, have got to, want to, dare, need, ought to, had better, be going to* [Червяков, 2019, с. 7]. Последняя группа глаголов получила в лингвистической литературе название псевдомодальных или квазимодальных глаголов. В силу того, что эта группа глаголов ограничена выражением модальных значений в определенных контекстах, и при этом отмечается выход за рамки классического понимания самой модальности, мы придерживаемся традиционной точки зрения по составу модальных глаголов.

Говоря о явлении полифункциональности, следует отметить, что она представляет собой свойство языковых единиц лексического или грамматического уровня выполнять разные функции в зависимости от коммуникативного контекста. Понятие полифункциональности получило в настоящее время широкое распространение при исследовании лексики [Игнатова, 2025], грамматики [Доброрадных, 2019], дискурса [Анненкова, 2025], а также модальных глаголов [Игнатова, 2025].

Модальные глаголы относятся к лексико-грамматическим единицам плана выражения категории модальности и проявляют четкое разделение при маркировании разных ее типов. Они служат прежде всего для демонстрации отношения действующего субъекта к реализуемому им действию. При этом эксплицируются значения необходимости, возможности или желательности. В этом случае можно говорить об объективной модальности или, следуя логической традиции в изучении модальности, об алетической и деонтической видах модальности. Как известно, алетическая модальность выражает необходимость либо возможность логической обусловленности суждения, тогда как деонтическая связана с модальностью долженствования.

Касательно лингвистики речь идет о первичной функции модальных глаголов, которую можно было бы обозначить как объективную функцию, в силу маркирования в этом случае значений, рассматриваемых в рамках объективной модальности. Продемонстрируем первичную функцию модальных глаголов примерами из художественной литературы.

“Ben, you *must* go back to your mother and ask her for your birth certificate” [Lessing, 2000]. В данном примере глагол *must* служит для выражения обязанности или необходимости.

“Somebody”, a girl said, “He *can* come back with me to the farmhouse. It’s no trouble.” [Gaiman, 2013]. Пример иллюстрирует значение ситуационной возможности глагола *can*.

Garmony thought for a moment, then said, “Look, since we’re in this together, we *may* as well get it out of the way” [McEwan, 2001]. Глагол *may* употребляется здесь для обозначения возможности в аспекте позволения или разрешения.

Miss Hilly raise an eyebrow. “I will do whatever I have to do to protect our town.” [Stockett, 2009]. Глагол *will* обозначает желаемое действие относительно будущего времени.

“I could ask Daddy. He could try and get her a ... white lawyer.” [Stockett, 2009]. Герой предлагает различные варианты помощи служанке, которая попала в трудную ситуацию. Данный пример иллюстрирует значение ситуационной возможности глагола *could*.

“It’s might strange, without a doubt Nobody knows you when you’re down and out...” [Stockett, 2009]. Модальный глагол *might* в данном примере эксплицирует неуверенность, сомнение.

Иное значение свойственно модальным глаголам во вторичной функции, когда они маркируют субъективную модальность с передачей различных оттенков предположения. Такой вид модальности обнаруживается и в логике под наименованием эпистемической модальности. В логике обсуждаются при этом проблематические суждения и используются модальные логические операторы знания: «известно», «неизвестно», «доказуемо», «опровержимо», «предполагается», «достоверно». В силу принадлежности значения предположения к субъективной модальности можно было бы именовать эту функцию модальных глаголов как субъективную функцию. Рассмотрим ряд примеров.

I *must* have done it quite suddenly, because Father looked up and said: “Are you all right?” [McCleen, 2012]. Глагол *must* эксплицирует уверенное предположение одного из протогонистов в своих действиях.

She *could* have drawn them to her and kissed their little faces, but she said, “That’s all right then.” [McEwan, 2001]. Пример демонстрирует значение предположения у глагола *could*.

“Hilly gives him an auburn-lipsticked smile. The color matches her dress so perfectly, it *must* have been searched out for days.” [Stockett, 2009]. В данном примере сочетание модального глагола *must* с перфектным инфинитивом выражает абсолютную уверенность в совершенном действии.

Pavel held his cap before him in his hands and nodded, which made his head bow even lower than it already was. “Yes, sir,” he said in a quiet voice, so quiet that he *may* not even have said it at all ... [Boyne, 2006]. Глагол *may* маркирует неуверенное предположение.

Как видим, полифункциональность модальных глаголов в лингвистике связана с возможностью маркировать разные виды модальности в зависимости от коммуникативного контекста. Совершенно справедливо отмечается, что модальные лексемы с течением времени модифицировали свои первоначальные значения в сторону маркирования предположительной семантики [Шакирова, 2025, с. 82]. Этот факт в свою очередь приводит к неоднозначной интерпретации плана содержания категории модальности.

Список литературы

Анненкова И.В. Полифункциональность социально-сетевого дискурса и формируемая им картина мира / И.В. Анненкова, Е.А. Самсонова // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12. – № 1. – С. 7-21.

Доброрадных Т.А. Системные и функциональные свойства герундия как полифункциональной единицы английского языка // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25. – № 4. – С. 170-176.

Игнатова М.Н. Особенности перевода модальных глаголов в текстах экономической направленности (на примере английского языка) / М.Н. Игнатова, А.А. Чунихина, О.С. Изотова // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. – №5 (65). – URL: <https://rulb.org/archive/5-65-2025-may/10.60797/RULB.2025.65.15> (дата обращения: 20.02.2026).

Червяков А.А. О полимодальных конструкциях в современном английском языке // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2019. – № 2 (13) – С. 88-91.

Шакирова Р.Д. Полисемия модальных лексем немецкого языка как результат эволюции // Современные технологии обучения иностранным языкам: Международная научно-практическая конференция (Россия, г. Ульяновск, 17–18 января 2025 года) / отв. ред. Н.С. Шарафутдинова: сборник научных трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2025. – С. 79-83.

- Boyne J. The Boy in the Striped Pyjamas / J. Boyne. – Ireland: David Fickling Books, 2006. – 215 p.
- Gailman N. The Ocean at the End of the Lane / N. Gailman. – USA: William Morrow and Company, 2013. – 181 p.
- Lessing D. Ben, in the World / D. Lessing. – UK: HarperCollins, 2000. – 178 p.
- McCleen G. The Land of Decoration. – London: Chatto & Windus, 2012. – 304 p.
- McEwan I. Atonement. – London: Jonathan Cape, 2001. – 371 p.
- Stockett K. The Help / K. Stockett. – USA: Penguin Books, 2009. – 451 p.

THE MULTIFUNCTIONALITY OF MODAL VERBS AS A FACTOR IN THE SEMANTIC EXPANSION OF MODALITY (BASED ON ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)

Shcherbakova Irina Aleksandrovna,
*Candidate of Philology, lecture of department of foreign languages,
 Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga region)
 Federal University, Elabuga, Russia*

Abstract. The paper discusses the polyfunctionality of modal verbs in the English language. The purpose of this article is to study the influence of the phenomenon of polyfunctionality on understanding the semantic scope of the category of modality. The main research method was the descriptive method, aimed at the synchronous analysis of linguistic units through observation, generalization and interpretation of the results. The polyfunctionality of modal verbs makes it possible to label different types of modality. On the one hand, they refer to the means of expressing objective modality, and on the other – to the markers of subjective modality. This complicates the understanding of the category of modality in general and introduces uncertainty into its interpretation in particular. The results obtained expand knowledge about the means of expressing modality in English and can be used in the practice of teaching it.

Key words: polyfunctionality, modality, modal verbs, function, English.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭМОТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Эльясов Алихан Ахмад оглы,
*аспирант кафедры теории и практики иностранных языков
 Института иностранных языков РУДН,
 научный руководитель: Рябова Марина Эдуардовна,
 профессор, доктор философских наук,
 профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института
 иностранных языков РУДН, г. Москва, Россия*

Аннотация. Актуализируется роль лингвокогнитивных механизмов формирования перлокутивного эффекта в дискурсе социальной направленности через категорию эмотивности. Цель исследования состоит в выявлении и верификации специфических экспрессивных стратегий, детерминирующих прагматический потенциал рекламного сообщения в русской, английской и турецкой лингвокультурах. Научная новизна заключается в межуровневом описании эмотивных кодов и их сопоставлении в рамках типологически различных языковых систем. В ходе исследования проводится дискурс-анализ вербальных репрезентаций аффективных состояний, а также классификация средств их экспликации. Результаты исследования позволяют расширить теоретическую базу

медиалингвистики и могут быть применены при разработке эффективных моделей социальной коммуникации.

Ключевые слова: эмотивность, экспрессивные стратегии, социальная реклама, лингвокультурология, речевое воздействие, прагматика, сравнительное языкознание.

Введение

Функционирование современной медиасреды обуславливает необходимость поиска новых инструментов воздействия на ценностные ориентации реципиента. В условиях информационной перегрузки и снижения доверия к традиционным формам коммуникации особую значимость приобретают механизмы, способные не только транслировать информацию, но и инициировать личностные изменения. Социальная реклама, в отличие от коммерческой парадигмы, ориентирована не на стимуляцию потребления, а на трансформацию поведенческих паттернов через апелляцию к этическим доминантам. «Эффективная социальная реклама не только информирует, но и мотивирует к действию, способствуя формированию устойчивых социальных изменений» [Эльясов, 2025, с. 182]. Смысловым ядром этого процесса выступает эмотивность, понимаемая как функционально-семантическая категория, отражающая психическую деятельность субъекта и направленная на детерминацию аффективного отклика адресата.

Обзор литературы

Теоретическим базисом анализа выступает междисциплинарный подход, интегрирующий достижения лингвистической эмотиологии, дискурсивной прагматики и когнитивной лингвистики. В рамках данного раздела рассматриваются ключевые теоретические направления, сформировавшие концептуальный аппарат исследования.

Фундаментальные основания изучения эмоций в языке были заложены в работах В. И. Шаховского, который разработал **лингвистическую теорию эмоций** и обосновал статус эмотивности как функционально-семантической категории, интегрирующей разноуровневые средства выражения аффекта в языке [Шаховский, 2008]. Развивая данное направление, исследователь позднее акцентировал внимание на диссонансе экологичности в коммуникативном пространстве, подчеркивая, что эмотивность в публичном дискурсе не должна становиться самоцелью, а должна быть подчинена задачам конструктивного взаимодействия [Шаховский, 2019]. Существенный вклад в развитие психолингвистического направления внес А.А. Леонтьев, обосновавший механизмы порождения речевого высказывания и роль аффективных компонентов в структуре речевой деятельности [Леонтьев, 2010].

В западной научной традиции ключевое значение имеет теория оценки (Appraisal Theory) Дж. Р. Мартина и П. Р. Уайта, в рамках которой эмоция рассматривается как один из трех основных ресурсов межличностного смыслообразования (наряду с отношением и градуированием). Согласно этой концепции, эмоциональные значения в тексте выступают средством социальной солидаризации и конструирования межличностных позиций [Martin, White, 2005]. П. Р. Уайт, развивая эту теорию, демонстрирует, что в англоязычном дискурсе оценочные значения приобретают характер институциональных нормативов, что объясняет доминирование стратегии рационального «шокового воздействия» в британской социальной рекламе [White, 2003]. Если западная парадигма фокусируется преимущественно на социальной функции оценки, то отечественная лингвистическая школа переносит акцент на глубинные когнитивные механизмы воздействия рекламного сообщения на сознание индивида.

В работах Е.С. Кубряковой обосновывается положение о том, что речевое действие ориентировано на модификацию модели мира реципиента, что достигается активацией определенных ментальных репрезентаций [Кубрякова, 2012, с. 88]. Подобная теоретическая установка приобретает особую значимость при анализе социальной рекламы, где эмотивность выступает инструментом переформатирования когнитивных структур адресата. Вместе с тем эффективность указанной трансформации напрямую

зависит от учета этнокультурного контекста, определяющего специфику восприятия эмотивных кодов в различных национальных сообществах.

Исследования экспрессивных стратегий в турецкой лингвокультуре представлены в работах А. Топалаоглу, который демонстрирует, что нормы выражения аффекта детерминированы коллективистскими установками и традиционными этическими концептами *edep* (благопристойность) и *vefa* (верность) [Topaloğlu, 2011, с. 112]. А. Акьюз дополняет эти наблюдения анализом прагматических механизмов турецкого языка, акцентируя значимость категорий вежливости и ингрупповой солидарности [Akyüz, 2000].

Методология исследования

В ходе исследования применялся комплексный методологический инструментарий, обусловленный его междисциплинарным характером. Основу работы составил сопоставительный дискурс-анализ, позволивший выявить универсальные и этноспецифические способы реализации эмотивности в русскоязычных, англоязычных и турецкоязычных текстах социальной рекламы. Выбор языков обусловлен их типологической разнородностью (русский – славянская группа, английский – германская, турецкий – тюркская) и различной культурно-ценностной ориентацией.

Результаты исследования и обсуждение

Проведенный сопоставительный анализ позволил выявить как универсальные механизмы эмотивного воздействия, так и этноспецифические стратегии, детерминированные культурно-ценностными установками. Результаты представлены в разрезе трех лингвокультур.

В английской лингвокультуре ведущей является стратегия демистификации, или «шокового воздействия» (*fear appeals*). Эмотивность здесь эксплицируется через высокую степень физиологической детализации последствий пренебрежения социальными нормами. Например, в кампании NHS (Национальная служба здравоохранения Великобритании) используется слоган: *“Every cigarette is doing you damage”* [<https://www.abc.net.au/news/2016-01-28/anti-cigarette-ad-campaign-praised-for-low-teen-smoking-rates/7121024>]. Лексема *damage* создает эффект непрекращающегося деструктивного процесса, активируя у адресата гештальт «необратимого ущерба».

Другим примером служит метод иронического остранения, характерная для западного рационализма. В британской рекламе безопасности дорожного движения (кампания THINK!) встречается фраза: *“Speeding. No one thinks big of you”* [<https://www.think.gov.uk>]. Эмотивность направлена на эгоцентрические установки адресата, связывая нарушение закона с потерей личного социального статуса, что подтверждает тезис П.Р. Уайта об институционализации оценки в англоязычном дискурсе [White, 2011, с. 56]. Когнитивной основой подхода выступает фрейм «социальной оценки», в котором репутационные потери оказываются более значимым стимулом, чем абстрактные правовые нормы.

Российский сегмент социальной рекламы опирается на ценностные категории совести, сострадания и морального долга. Одной из наиболее продуктивных моделей является стратегия интимизации, предполагающая сокращение дистанции между автором и адресатом. Известный призыв *«Позвоните родителям»* [https://www.youtube.com/watch?v=K_gTxAzNsgc] демонстрирует перевод эмоции из плоскости приказа в ситуацию нравственного выбора. Лаконичность высказывания активирует глубинные сценарии семейной привязанности, что коррелирует с традиционной для русской культуры ценностью близких отношений.

В кампаниях ГИБДД стратегия «ответственности перед близкими» реализуется через слоганы: *«Не торопись! Тебя ждут дома!»* [https://vk.com/wall-118221553_24952?ysclid=mnauyelnnm563798864]. Здесь эмотивность прагматически обосновывает императив через утвердительную конструкцию, в которой страх подменяется надеждой на встречу. С когнитивной точки зрения, данная стратегия активирует гештальт

«искупления», где соблюдение правила выступает не как ограничение, а как проявление любви.

Турецкая социальная коммуникация демонстрирует уникальный синтез традиционных культурных кодов (*edep, vefa*) и современной прагматики. Ключевой является стратегия апелляции к концепту *Vefa* (*верность, благодарность*). В кампаниях фонда Yeşilay (Зеленый Полумесяц) против курения часто используется слоган: “*Ailen için bırak*” (*Брось ради своей семьи*) [<https://www.yesilay.org.tr>]. Аналитическая конструкция с послелогом *için* (*для, ради*) смещает фокус с личного здоровья на благополучие коллективного субъекта – семьи, что отражает коллективистскую ценностную ориентацию турецкого общества.

В турецком дискурсе также распространена тактика защиты национального достоинства. Слоганы против насилия в семье, такие как “*Kadına şiddet, insanlığa ihanettir*” (*Насилие над женщиной – предательство человечества*) [<https://www.trthaber.com/haber/gundem/cumhurbaskani-erdogan-kadina-siddet-insanliga-ihanettir-936921.html>], используют лексему *ihanet* (*предательство*). Подобная номинация активизирует фрейм «преступление против морального закона», что в турецкой лингвокультуре несет мощный негативный аффективный заряд. Как отмечает А. Топалаоглу, в турецком языке эмотивность детерминирована нормами выражения аффекта, принятыми в сообществе, что предполагает приоритет коллективных ценностей над индивидуальными [Topaloğlu, 2011].

Заключение

Проведенное исследование показало, что эмотивность в социальной рекламе представляет собой культурно детерминированный механизм конструирования смыслов, оказывающий влияние на ценностные ориентации аудитории. Сравнительный анализ трех лингвокультур позволил выявить общие принципы организации аффективного влияния, выходящие за рамки национальных особенностей.

Методы обращения к чувствам обусловлены не языковым строем, а превалирующими ментальными установками. В рамках англоязычной парадигмы рациональный подход определяет эмоциональную реакцию как производную от логики социальных норм и институционального регулирования. В российском сегменте коммуникация выстраивается через призму личных отношений и нравственного долга, трансформируя эмоции в плоскость этических обязательств. Турецкая лингвокультура базируется на синтезе коллективистских приоритетов и риторики моральной ответственности, апеллируя к авторитету традиционных общественных установлений.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются расширение круга исследуемых культур (в частности, включение восточноазиатских) и изучение динамики эмоциональных стратегий в меняющейся медиасреде. Полученные данные могут быть использованы при разработке кросс-культурных проектов и методических рекомендаций, направленных на глубокий учет структуры убеждений целевых групп в практике социальной рекламы.

Список литературы

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – 2-е изд. – Москва: URSS: Изд-во ЛКИ, 2008. – 156 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания: монография. – 5-е изд. – Москва: КРАСАНД: ЛЕНАНД, 2010. – 306 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – Москва: Гнозис, 2008. – 414 с.

Шаховский В.И. Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации / В.И. Шаховский, П.С. Волкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1(134). – С. 132–138.

Эльясов А.А. Языковые манипуляции в социальной рекламе России и Турции: сопоставительный анализ // Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 112. – № 5. – С. 181-188.

Akyüz A. Türk Kültüründe Duygu ve İfade Biçimleri. – Ankara: Kültür Yayınları, 2000. – 115 p.

Martin J.R. The Discourse Semantics of Attitudinal Relations: Continuing the Study of Lexis // Russian Journal of Linguistics. – 2017. – Vol. 21, № 1. – P. 22–47. – DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-1-22-47.

Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English / J.R. Martin, P.R.R. White. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 38-80.

Topaloğlu A. Nezaket ve Dil: Türkçede Söylem ve Toplumsal Etkileşim // Ege Üniversitesi Yayınları. – 2011. – Vol. 5, № 2. – P. 329-350.

White P.R.R. Beyond modality and hedging: A dialogic view of the language of inter-subjective stance // Text. – 2003. – Vol. 23. – № 2. – P. 259-284. – DOI: 10.1515/text.2003.011.

EXPRESSIVE EMOTIVITY STRATEGIES IN SOCIAL ADVERTISING BASED ON RUSSIAN, ENGLISH AND TURKISH LANGUAGES

Elyasov Alihan Ahmad oglu,

Post-Graduate Student

of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages

Institute of Foreign Languages RUDN,

scientific supervisor: Ryabova Marina Eduardovna,

Professor, Doctor of Philosophical Sciences,

Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages

Institute of Foreign Languages RUDN,

Moscow, Russia

Abstract. The article highlights the role of linguo-cognitive mechanisms in forming a perlocutionary effect in social discourse through the category of emotivity. The purpose of the study is to identify and verify specific expressive strategies that determine the pragmatic potential of advertising messages in Russian, English, and Turkish linguocultures. The scientific novelty lies in the multi-level description of emotive codes and their comparison across typologically different language systems. The research involves a discourse analysis of verbal representations of affective states, as well as a classification of the means of their explication. The results of the study contribute to expanding the theoretical framework of media linguistics and can be applied in developing effective models for social communication.

Key words: emotivity, expressive strategies, social advertising, cultural linguistics, linguistic influence, pragmatics, comparative linguistics.

PHRASEOLOGICAL WORLDVIEW IN TYPOLOGICALLY DIVERSE LANGUAGES

Andashova Rahima Musaevna,

candidate of philological sciences, docent,

Institute of World Languages and International Relations

named after Sh. Kadyrova,

Kyrgyz State University named after I. Arabayev, Bishkek, Kyrgyzstan,

Mirzалиm kыzy Gulmeerim,

teacher of the Department of Philological and Social-Economic Education

of the institute Ch.I. Isamidinova KNU named after J. Balasagyn,

Bishkek, Kyrgyzstan,

Aidralieva Alima Altynbekovna,
senior teacher of the Department of Philological and Social-Economic Education of the institute
Ch.I. Isamidinova KNU named after J. Balasagyn.
Bishkek, Kyrgyzstan

Annotation. This article examines the phraseological worldview in languages of various types as a reflection of the national and cultural experiences and mentalities of different people. Phraseological units are an important component of the linguistic worldview, as they accumulate the historical, cultural, and mental representations of their native speakers. Particular attention is paid to the comparative analysis of phraseological units in languages of various typological groups, which allows us to identify both universal and nationally specific features of their semantics and imagery.

Key words: idioms, linguistic worldview, intercultural communication, cognitive linguistics, cultural notions, contrasting linguistics.

In the last few ten years, there has been a significant increase in interest within linguistics in researching the interrelationship between language, culture and thought. One of the most promising areas of research in this field is the study of the linguistic and idiomatic worldview, which reflects the specific ways in which speakers of different languages perceive reality. As fixed expressions, idiomatic units encapsulate historical experience, cultural traditions and the value systems of society; therefore, their analysis allows for a deeper understanding of the characteristics of a nation's worldview.

Contemporary research shows that idioms have an important cognitive and cultural function in language. They not only serve as a means of expressing an emotional and evaluative attitude towards reality, but also form specific models for interpreting the surrounding world. The works of a number of contemporary researchers examine the connection between idiomatic units and cultural concepts and nation-specific modes of thought. Thus, studies in recent years have analyzed the characteristics of how idioms function in different languages and their role in the formation of cultural identity [Gibbs, 2017, p. 216].

Scholarly literature also actively discusses issues concerning the comparative analysis of idioms across different types of languages. Scholars note that comparing fixed expressions from different languages allows us to identify both universal cognitive models and specific cultural characteristics. Research shows that many idiomatic units are based on common metaphorical models that reflect basic human conceptions of the world. At the same time, a significant part of idiomatic expressions contains culture-specific elements that are shaped by historical, social and cultural factors [Lakoff, 2007, p. 24].

Contemporary research places particular emphasis on the role of idiomatic expressions in intercultural communication. In the context of globalization and active interaction between different cultures, an understanding of the nation-specific features of language has become a key factor in successful communication. Idioms often present difficulties for translation and interpretation, as their meaning cannot always be conveyed literally. Therefore, the analysis of the idiomatic worldview in different languages is of great significance for the theory and practice of translation.

Despite the significant number of studies devoted to phraseology, many aspects of the comparative analysis of the phraseological worldview in different types of languages remain insufficiently explored. In particular, a more detailed study is required of the mechanisms by which cultural meanings are formed in fixed expressions and how they function in intercultural interaction.

This article presents a comparative linguistic study aimed at identifying the characteristics of the phraseological worldview in different types of languages. The main objective of the methodological step was to form a collection of phraseological units and to conduct a comparative analysis of them in relation to semantics, structure and cultural symbolism.

The analysis revealed that a significant proportion of phraseological units have a figurative basis linked to a metaphorical understanding of the surrounding reality. Such expressions are formed on the basis of conceptual metaphors, which reflect universal cognitive models of human thought. According to the cognitive approach, metaphor functions not only as a stylistic device but also as a fundamental mechanism for cognizing the world [Lakoff, 2007, p. 31]. In this regard, many idioms are based on a transfer of meaning arising from the comparison of different spheres of human experience.

In numerous languages, phraseological expressions associated with labour and productive activity frequently employ metaphors of movement or physical exertion. Such figurative constructions conceptualize work as a dynamic process involving the overcoming of obstacles and the purposeful attainment of desired outcomes. Within this interpretative framework, phraseological units perform not merely a nominative function but also an evaluative one, implicitly shaping cultural attitudes toward labour and reinforcing socially embedded perceptions of effort, perseverance, and achievement [Lakoff, 2007, p. 31; Kövecses, 2010, p. 54].

The analysis indicates that a considerable proportion of phraseological units reflects universal conceptual domains characteristic of many cultures. Such domains include fundamental aspects of human experience, such as life, labour, family, friendship, success, and failure. These concepts constitute essential elements of human cognition and are linguistically manifested across different languages and cultural traditions.

Furthermore, the analysis demonstrates that phraseological units perform an important pragmatic function in the process of communication. They enable speakers to express evaluative and emotional attitudes toward events and phenomena of reality. The use of idiomatic expressions enhances the expressiveness and figurative richness of speech, while simultaneously contributing to the formation of specific communicative strategies within discourse.

Thus, the findings of the study confirm that phraseological units represent a significant linguistic instrument for the representation of culturally embedded meanings. Their analysis makes it possible to identify both universal cognitive patterns and culturally specific features of national worldviews.

The comparative analysis of phraseological units across different languages has revealed several regularities associated with the formation of the phraseological worldview. First and foremost, it has been established that the phraseological system of any language incorporates both universal and culturally specific elements [Moon, 2015, p.279].

Universal characteristics of the phraseological worldview are manifested in the similarity of metaphorical models underlying numerous idiomatic expressions. For instance, in many languages human emotions are described through metaphors of movement or physical states. Such expressions reflect general cognitive mechanisms inherent in human conceptualization and perception.

The learning further indicates that many phraseological units are grounded in fundamental conceptual oppositions such as “up-down,” “light-darkness,” and “movement-rest.” These oppositions represent universal elements of human cognition and are reflected in the linguistic systems of diverse cultures. For example, upward movement is frequently associated with success, improvement, or progress, whereas downward movement often symbolizes failure, decline, or deterioration of circumstances [Kövecses, 2015, p. 54].

At the same time, comparative analysis has demonstrated that each culture develops its own distinctive figurative models that are reflected in phraseological expressions. These models are shaped by historical conditions of societal development, traditional lifestyles, and culturally embedded systems of values.

Nationally specific features of the phraseological worldview are particularly evident in the imagery underlying idiomatic expressions. In some cultures, metaphorical representations are predominantly associated with natural phenomena, while in others they are more closely related to social relations or economic activities [Geeraerts, 2019, p.89].

These observations are borne out by an analysis of idiomatic expressions in the Kyrgyz and English languages. A comparative study shows that many fixed expressions reflect specific cultural realities and the people's traditional views of the world. In particular, in the Kyrgyz language, a significant proportion of idioms are associated with nature, animals and the nomadic way of life, which is due to the historical conditions of the development of Kyrgyz society. For example, the Kyrgyz idiom 'at jalyn tartyp minuu' literally translates as 'to grab hold of a horse's mane' and is used to mean 'to reach maturity, to become an adult'. This image reflects the traditional role of the horse in the lives of nomadic peoples and symbolises a person's transition to an independent life [Sharifian, 2017, p. 94].

Another example is the expression 'zhürögü too boluu' (literally 'the heart has become a mountain'), which is used to describe a state of inner confidence or calm after overcoming difficulties. In this case, the metaphor of the mountain symbolises steadfastness and strength of spirit, which corresponds to traditional conceptions of natural imagery in Kyrgyz culture. Such idiomatic expressions demonstrate the close connection between language and the natural environment and the cultural values of the people.

Another common English idiom is the expression "the ball is in your court", which means that the next move depends on someone else. This image has its roots in sporting culture and reflects the important role of competition and individual responsibility in the English-speaking cultural tradition [Littlemore, 2015, p. 164].

A comparison of such idiomatic expressions shows that, although many languages use universal metaphorical models, specific images often have distinct national and cultural characteristics. In the Kyrgyz language, a significant proportion of metaphorical expressions are linked to nature, the animal world and the traditional way of life of a nomadic society. In English, by contrast, images associated with social interactions, maritime practice, trade or sporting culture are frequently used.

In English, too, there are fixed expressions that reflect culturally conditioned figurative models. For example, the widely used idiom 'break the ice' is used to mean 'to ease a tense situation' or 'to start a conversation'. Its origin is linked to maritime practice, when ships had to break the ice to clear a path for passage. Over time, this image came to be used figuratively to denote the beginning of interaction between people [Kövecses, 2018, p. 67].

Such differences indicate that the phraseological system of a language is formed under the influence of the cultural environment in which a society evolves. Phraseological expressions not only reflect objective reality but also interpret it through the prism of culturally determined perceptions, symbolic associations, and value systems.

The results of the study also demonstrate that phraseological units play a significant role in intercultural communication. Since many idiomatic expressions contain pronounced cultural specificity, their translation and interpretation may pose difficulties for representatives of other linguistic communities. In intercultural interaction, speakers are often required to clarify, reinterpret, or adapt phraseological expressions in order to ensure mutual understanding.

From the perspective of translation studies, this implies that the translation of phraseological units requires consideration not only of their lexical meaning but also of the broader cultural context in which they function. In some cases, translators may identify a functional equivalent that reflects a similar metaphorical model in another language. However, in many situations translators' resort to descriptive translation in order to convey the culturally embedded meaning of an idiomatic expression.

Therefore, the conducted analysis finds that the phraseological worldview represents a complex system in which universal cognitive mechanisms interact with culturally specific elements. Phraseological components play a vital role in the formation of the linguistic worldview and reflect distinctive patterns of perception and interpretation characteristic of different cultures.

The findings obtained in this research approve that the comparative study of phraseological units provides deeper insight into the interrelationship between language, culture, and human cognition.

References

- Gibbs R. Metaphor Wars: Conceptual Metaphors in Human Life. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 311 p. – ISBN 978-1316771787.
- Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics. - Oxford: Oxford University Press, 2019. – 342 p. – ISBN 978-0198700304.
- Kövecses Z. Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor. - Oxford : Oxford University Press, 2015. – 240 p. – ISBN 978-0190224860.
- Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 375 p. – ISBN 978-0199738634.
- Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. – 276 p. – ISBN 978-0226468013.
- Littlemore J. Metonymy: Hidden Shortcuts in Language, Thought and Communication. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 258 p. – ISBN 978-1107338816.
- Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 356 p. – ISBN 978-0198747668.
- Sharifian F. Cultural Linguistics. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. – 210 p. – ISBN 978-9027201234.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В РАЗНОТИПНЫХ ЯЗЫКАХ

Андашова Рахима Мусаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Институт мировых языков и международных отношений
имени Ш. Кадырова Кыргызского государственного
университета имени И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызстан,
Мирзалим кызы Гулмээрим,
преподаватель кафедры филологического и социально-
экономического образования ИЦППК
им. Ч.И. Исамидинова КНУ им. Ж. Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан,
Айдралиева Алима Алтынбековна,
старший преподаватель кафедры филологического и социально-экономического
образования ИЦППК им. Ч.И. Исамидинова КНУ
им. Ж.Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. В данной статье рассматривается фразеологическое мировоззрение в языках различных типов как отражение национального и культурного опыта и ментальности разных народов. Фразеологические единицы являются важным компонентом лингвистического мировоззрения, поскольку в них аккумулируются исторические, культурные и ментальные представления носителей языка. Особое внимание уделяется сравнительному анализу фразеологических единиц в языках различных типологических групп, что позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические особенности их семантики и образности.

Ключевые слова: идиомы, лингвистическое мировоззрение, межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, культурные понятия, сравнительная лингвистика.

METHODISCHE EMPFEHLUNGEN ZUR VERWENDUNG DES PHRASEOLOGISCHEN MATERIALS DER DORFPROSA IM BILDUNGSPROZESS DER MITTELSCHULE

Kisjuk Olga Nikolajewna,

Master-Studentin am Lehrstuhl für russische Sprache und russische Literatur der

Fakultät für Geschichte und Philologie

des Pädagogischen Instituts,

Belgoroder Staatliche Nationale Forschungsuniversität,

wissenschaftliche Betreuerin: Miroschnitschenko Larisa Nikolajewna,

Dozentin des Lehrstuhls für Fremdsprachen,

Belgoroder Staatliche Nationale Forschungsuniversität,

Belgorod, Russland

Annotation. Im Artikel werden die Möglichkeiten der Verwendung von phraseologischem Material der Dorfprosa im Russischunterricht der Mittelschule betrachtet. Es werden methodische Prinzipien der Auswahl und Darbietung phraseologischer Einheiten analysiert, ihr linguokulturelles Potenzial im Kontext der modernen schulischen Bildung untersucht. Besondere Aufmerksamkeit wird Spiel- und Korpustechnologien als Instrumenten der Aktivierung des phraseologischen Materials in der Lehrpraxis gewidmet.

Schlüsselwörter: Phraseologie, Dorfprosa, Mittelschule, Unterrichtsmethodik, linguokulturelles Potenzial, phraseologische Einheiten.

Die Frage, wie man in der Schule mit Phraseologie arbeiten soll, wird von Methodikern bereits seit mehreren Jahrzehnten diskutiert. Jedoch bleibt gerade die Dorfprosa als Quelle phraseologischen Materials in der pädagogischen Praxis zu Unrecht unterschätzt. Die Werke von W.M. Schukschin, W.G. Rasputin und F. A. Abramow enthalten eine überaus reiche Schicht fester Ausdrücke, in denen der volkstümliche Blick auf Welt, Arbeit, Familie und Natur festgehalten ist. Dabei wird das phraseologische Material dieser Autoren in den meisten geltenden Lehrplänen entweder nur beiläufig erwähnt oder überhaupt nicht in die systematische Arbeit einbezogen.

Die Hinwendung zur Phraseologie im Schulkurs an sich kann nicht als etwas Neues gelten. A.S. Gluschenkowa beschreibt ausführlich, wie das Studium von Phraseologismen in der Schule nicht nur die lexikalische Kompetenz der Schüler entwickelt, sondern auch ihre Fähigkeit, das bildliche System der Sprache als Ganzes zu verstehen [Glushenkowa, 2025, S. 32]. Das Problem liegt jedoch woanders: Häufig werden Phraseologismen als in sich geschlossene Einheiten präsentiert, die nicht mit dem künstlerischen Kontext verbunden sind, aus dem sie entnommen wurden. Ein solcher Ansatz verarmt den Unterrichtsprozess erheblich.

Die Dorfprosa stellt in dieser Hinsicht einzigartiges Material bereit. Die phraseologischen Einheiten sind dort in die lebendige Rede der Figuren eingebettet, sie spiegeln konkrete Lebenssituationen wider und tragen erkennbare kulturelle Bedeutungen in sich. E.E. Iwanow, O.W. Lomakina und Ju.A. Petruschewskaja zeigen, indem sie feste Einheiten als linguokulturelle Repräsentanten in verschiedenen Sprachen analysieren, überzeugend, dass Phraseologismen die Rede nicht bloß schmücken, sondern die kollektive Erfahrung der Sprachträger kodieren [Iwanow, 2021, S. 1010]. Für einen Schüler, der Dorfprosa liest, ist die Begegnung mit einem solchen Ausdruck zugleich eine Begegnung mit der Geschichte, dem Alltag und der Weltanschauung von Menschen, die genauso und genau darüber gesprochen haben.

Methodisch ist es wichtig, die Arbeit so aufzubauen, dass das phraseologische Material nicht zur Illustration einer grammatischen Regel wird. S.M. Sobirowa und Ch. Mirachmedowa betonen, indem sie moderne Ansätze zur Vermittlung der russischen Sprache und Literatur betrachten, dass der Erfolg einer Unterrichtsstunde weitgehend davon abhängt, wie organisch das sprachliche Material in den Sinnkontext des Werkes einbezogen ist [Sobirowa, 2022, S. 283]. Eben

deshalb ist es zweckmäßig, die Analyse eines Phraseologismus mit dem Lesen eines Textfragments zu beginnen und nicht mit einer abstrakten Definition.

Gesonderte Aufmerksamkeit verdient die Frage nach den Prinzipien der Auswahl phraseologischer Materials für eine bestimmte Altersgruppe. L.A. Chod'akowa und R.K. Ramasanow bestehen in ihrer Monographie, die dem Studium der russischen Phraseologie in der polyethnischen Schule gewidmet ist, darauf, dass bei der Zusammenstellung von Lernwörterbüchern und Aufgaben sowohl die Häufigkeit des Gebrauchs der Einheit in modernen Texten als auch der Grad ihrer kulturellen Transparenz für Schüler unterschiedlicher Herkunft berücksichtigt werden muss [Hodyakova, 2024, S. 47]. In Bezug auf die Dorfprosa wird diese Anforderung besonders aktuell: Ein Teil der dialektalen Phraseologismen kann einem städtischen Schüler ohne vorherigen Kommentar schlicht unverständlich sein.

Was die Methoden der Stoffvermittlung selbst betrifft, gehen die Ansichten der Forscher recht erheblich auseinander. M.D. Matweewa vertritt konsequent die Bedeutung von Spieltechnologien beim Studium von Lexik und Phraseologie und weist auf deren Fähigkeit hin, die Motivation der Schüler aufrechtzuerhalten und unbeabsichtigtes Einprägen zu gewährleisten [Matwejew, 2021, S. 256]. Ihre Argumente sind überaus überzeugend: Wettbewerbe zur Kenntnis von Sprichwörtern, Spiele mit „Bedeutungserklärung ohne Benennung“, das Verfassen von Minigeschichten mit vorgegebenen Phraseologismen binden die Kinder weit effektiver ein als das traditionelle Abschreiben nach Vorlage.

Zugleich lassen sich die Grenzen der Spielformen nicht leugnen. E.È. Narmuratow weist, indem er die Erfahrungen mit effektiven Unterrichtsmethoden zusammenfasst, darauf hin, dass Spieltechniken in der Phase der Einführung und Festigung des Stoffs gut funktionieren, jedoch für die Herausbildung eines tiefen Verständnisses der Semantik fester Einheiten unzureichend sind [Narmuratow, 2024]. Mit anderen Worten: Auf das Spiel muss analytische Arbeit folgen, nicht umgekehrt. Im Hinblick auf die Phraseologie der Dorfprosa bedeutet dies, dass der Schüler nach der ersten Begegnung mit einem Ausdruck durch eine unterhaltsame Aufgabe die Möglichkeit erhalten muss, dessen innere Form und kulturelle Geschichte zu durchdringen.

Als vielversprechende Richtung in diesem Zusammenhang erscheint die Korpusarbeit mit Texten. I. Varnaws'ka zeigt, indem sie die Besonderheiten der Verarbeitung von Texten verschiedener Stile für Bildungszwecke analysiert, dass die Hinwendung zu realen Sprachdaten bei den Lernenden die Fähigkeit entwickelt, eine Einheit in verschiedenen Kontexten zu sehen und Gesetzmäßigkeiten ihres Gebrauchs aufzudecken [Varnaws'ka, 2021]. Diese Logik ist auf die schulische Praxis durchaus anwendbar: Wenn ein Schüler sieht, wie ein und derselbe Phraseologismus bei Schukschin, Abramow und, sagen wir, in der modernen Publizistik funktioniert, beginnt er seine semantische Flexibilität und stilistischen Möglichkeiten zu verstehen.

Es ist wichtig, auch bei der linguokulturellen Dimension des Problems innezuhalten. E. E. Iwanow, O. W. Lomakina und Ju. A. Petruschewskaja betonen, indem sie sich mit der Frage der nationalen Spezifik des Sprichwortfonds befassen, dass feste Einheiten der Sprache besondere konzeptuelle Strukturen in sich tragen, die die kollektive Erfahrung der Nation widerspiegeln [Iwanow, 2021, S. 1010]. Diese These ist unmittelbar auf die Phraseologie der Dorfprosa anwendbar: Ausdrücke wie „ni kola ni dvora“ (wörtl. „weder Pfahl noch Hof“, d. h. ohne jeglichen Besitz) oder „chot' scharom pokati“ (wörtl. „man könnte eine Kugel rollen lassen“, d. h. völlig leer) bezeichnen nicht bloß Armut – sie reproduzieren eine ganze Lebensweise, die mit dem bäuerlichen Alltag verbunden ist. Dem Schüler, der diese Einheiten durch ihren künstlerischen Kontext erworben hat, öffnet sich ein Zugang zum kulturellen Gedächtnis, das sich auf keine andere Weise vermitteln lässt – weder durch ein Geschichtslehrbuch noch durch eine Enzyklopädie.

E. E. Iwanow weist in einer Arbeit, die dem Verständnis absurder und paradoxer Sprichwörter gewidmet ist, darauf hin, dass das empirische Verstehen einer festen Einheit die schrittweise Anhäufung von Kontexten ihres Gebrauchs voraussetzt [Iwanow, 2022]. Für die Methodik bedeutet dies, dass die einmalige Analyse eines Phraseologismus im Unterricht

unzureichend ist – notwendig ist ein System von Begegnungen mit derselben Einheit in verschiedenen Aufgaben und Situationen im Laufe mehrerer Unterrichtsstunden. Eben diese Logik muss der thematischen Planung bei der Arbeit mit der Phraseologie der Dorfprosa zugrunde liegen.

Nicht weniger interessant sind sprachübergreifende Vergleiche, die das Verständnis russischer Phraseologismen bereichern. E.E. Iwanow, O.W. Lomakina und Ju.A. Petruschewskaja schlagen eine konkrete Vorgehensweise zur Bestimmung der nationalen Spezifik des Sprichwortfonds vor, die für die Zusammenstellung von Lehrmitteln adaptiert werden kann [Iwanow, 2021, S. 1015]. Die im Hinblick auf Sprichwörter entwickelten Prinzipien sind durchaus auf phraseologische Einheiten der Dorfprosa übertragbar: Die von den Autoren vorgeschlagene Methodologie erlaubt es, Kern- und Peripherieeinheiten des Korpus herauszuarbeiten, den Grad ihrer kulturellen Markiertheit zu bestimmen und eine Reihenfolge ihrer Einführung im Unterrichtsprozess aufzubauen.

Nicht übergangen werden darf auch die Frage der Vorbereitung der Lehrer selbst. S.M. Sobirowa und Ch. Mirachmedowa weisen ausdrücklich darauf hin, dass ein moderner Pädagoge ein breites Spektrum methodischer Techniken beherrschen und diese je nach Klassenzusammensetzung und Lernaufgaben flexibel kombinieren muss [Sobirowa, 2022, S. 285]. Leider ist das phraseologische Material der Dorfprosa in den Programmen der methodischen Ausbildung von Sprachlehrern praktisch nicht vertreten, was eine offensichtliche Lücke zwischen dem Potenzial dieser Ressource und ihrer tatsächlichen Verwendung im Unterricht schafft.

Wenden wir uns der Frage des Aufgabensystems zu. Die Praxis zeigt, dass die ergebnisreichsten Aufgaben nach dem Prinzip der zunehmenden Schwierigkeit aufgebaut sind. Zunächst begegnet der Schüler dem Phraseologismus im Text und versucht selbstständig, seine Bedeutung aus dem Kontext zu erschließen. In der nächsten Phase vergleicht er seine Deutung mit der Erklärung im Wörterbuch oder im Kommentar des Lehrers. Darauf folgt die Arbeit zur Verwendung der Einheit in eigenen Äußerungen – mündlichen und schriftlichen. Eine solche Abfolge entspricht den Prinzipien, die E.Ė. Narmuratow im Hinblick auf effektive Unterrichtsmethoden im Allgemeinen beschrieben hat [Narmuratow, 2024]: Der Schüler bewegt sich von der Beobachtung zur Durchdringung und dann zur selbstständigen Anwendung.

Was das Textkorpus betrifft, ist hier ein Vorbehalt bezüglich der Auswahl der Werke angebracht. Nicht jeder Ausschnitt aus der Dorfprosa ist gleichermaßen für die Arbeit mit Phraseologie in der Mittelschule geeignet. Den Vorzug sollte man dialogischen Episoden und Beschreibungen des volkstümlichen Alltags geben, wo Phraseologismen am organischsten funktionieren. L.A. Chod'akowa und R.K. Ramasanow betonen, dass die Qualität des Unterrichtsmaterials die Qualität des Ergebnisses unmittelbar bestimmt [Hodyakova, 2024, S. 92]. Dieses Prinzip gilt auch hier: Schlecht ausgewähltes Unterrichtsmaterial erlaubt es nicht, methodischen Nutzen zu ziehen, so durchdacht das Aufgabensystem auch aufgebaut sein mag.

Gesonderte Aufmerksamkeit verdient die Frage, wie sich die Phraseologismen der Dorfprosa zu den Normen der modernen Literatursprache verhalten. Ein Teil von ihnen gehört der dialektalen oder umgangssprachlichen Sphäre an und wird in neutralen Texten nicht verwendet. Das ist indessen kein Grund, sie zu ignorieren – im Gegenteil: Gerade die stilistische Markiertheit solcher Einheiten macht sie zu wertvollem Material für die Herausbildung der stilistischen Kompetenz der Schüler. I. Varnaws'ka weist, indem sie die Arbeit mit Texten unterschiedlicher stilistischer Zugehörigkeit analysiert, auf die Bedeutung der bewussten Wahrnehmung stilistischer Unterschiede als Bedingung für ein sprachlich kompetentes Verhalten hin [Varnaws'ka, 2021].

So verfügt das phraseologische Material der Dorfprosa über ein offensichtliches Bildungspotenzial, das in der schulischen Praxis bislang deutlich unzureichend realisiert wird. Seine Einbeziehung in die systematische Arbeit im Russischunterricht erfordert eine durchdachte methodische Begleitung, die eine Verbindung des textzentrierten, des Spiel- und des Korpusansatzes предусматривает. Die Stützung auf Arbeiten zur Theorie der Phraseologie, zur Unterrichtsmethodik und zur Linguokulturologie erlaubt es, eine solche Arbeit auf einem soliden wissenschaftlichen Fundament aufzubauen. Nicht unerheblich ist auch, dass die Bekanntschaft mit

der Phraseologie der Dorfprosa dem Schüler nicht bloß sprachliche Erfahrung vermittelt, sondern auch ein lebendiges Gefühl kultureller Kontinuität, das auf andere Weise schwer zu erlangen ist.

Literaturverzeichnis

Glushenkowa A. S. Izuchenie frazeologizmov v shkole // Nauka i obrazovanie segodnja. – 2025. – № 1(82). – S. 32–34.

Hodyakova L.A. Teoriya i praktika izucheniya russkoj frazeologii v polietnicheskoj shkole : uchebnoe posobie / L. A. Hodyakova, R. K. Ramazanov. – 2-e izd. – Moskva : Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2024. – 184 c. – ISBN 978-5-4263-0204-4.

Iwanow E. E. i paradoksal'nye poslovice v tuvinskom yazyke (ontologicheskij i logicheskij aspekty kategorizacii poslovichnoj semantiki) // Oriental'nye issledovaniya. – 2022. – Vyp. 15. – №6. – S. 1373-1388.

Iwanow E. E. Nacional'naya specifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye ponyatiya i metodika vyyavleniya / E.E. Iwanow, O.W. Lomakina, Ju.A. Petruschewskaja // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2021. – T. 12. – №4. – S. 996-1035.

Matwejew M.D. O preemstvennosti ispol'zovanija igrovych tehnologij pri izučenii leksiki i frazeologii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. – 2021. – № 71-1. – S. 255-259.

Sobirowa S.M. Metodika prepodavaniya russkogo jazyka i literatury v sovremennoj škole / S. M. Sobirowa, Ch. Mirachmedowa // International scientific journal of Biruni. – 2022. – T. 1. – № 2. – S. 281-289.

Varnaws'ka I. Specifika opracyuvannya tekstiv naukovogo stilyu ekonomichnogo spryamuvannya // Vitoki pedagogichnoï majsternosti. – 2021. – Vip. 27. – S. 45-49.

Narmuratow E.È. Effective teaching methods // European International Journal of Pedagogics. – 2024. – №4 (10). – P. 21-24.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Кисюк Ольга Николаевна,

*магистрант кафедры русского языка и русской литературы
историко-филологического факультета*

*педагогического института Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
г. Белгород, Россия,*

научный руководитель: Мирошниченко Лариса Николаевна,

*доцент кафедры иностранных языков Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования фразеологического материала деревенской прозы на уроках русского языка в средней школе. Анализируются методические принципы отбора и подачи фразеологических единиц, исследуется их лингвокультурологический потенциал в контексте современного школьного образования. Особое внимание уделяется игровым и корпусным технологиям как инструментам активизации фразеологического материала в педагогической практике.

Ключевые слова: фразеология, деревенская проза, средняя школа, методика преподавания, лингвокультурологический потенциал, фразеологические единицы.

LINGUOCULTURAL PRINCIPLES OF POLITENESS IN UZBEK AND ENGLISH

Omonova Makhfurat Keldiyarovna,

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Karshi State University, Karshi, Uzbekistan

Abstract. This paper studies the politeness strategies specific to both English and Uzbek, illustrating how cultural influences direct language selection in each respective language area. Politeness in English is more concerned with the reduction of imposition, and the retention of individual autonomy – a concept influenced by the individualistic culture in which the language is spoken.

Key words: Politeness strategies, cross-cultural pragmatics, English language, Uzbek language, intercultural communication, honorifics, face management, sociolinguistics, pragmatic competence, language and culture.

Politeness as a sociolinguistic and pragmatic phenomenon shows different as well as common features between languages, especially English and Uzbek [Ataboyeva, 2024, p. 23; Pulatjonova, 2025, p. 56]. This cross-cultural examination, which we have tried to cover with theories like Brown and Levinson's politeness theory and Leech's politeness principles, is telling as it demonstrates politeness has deep cultural values and social structures underlying it in language. Politeness is recognized as a societal norm for people from all nations, but its perception and instrumental behavior are extremely divergent among cultures [Abdullazoda, 2025, p. 46]. Understanding these distinct politeness strategies will help effective communications. In an era of globalization, it has become more important than ever to study the features of linguistic politeness as a means for developing intercultural communicative competence [Abdullazoda, 2025, p. 46]. This suggests that politeness is heavily influenced by our culture and the way it is interpreted, and this influences the genre of communication and reading pragmatic meaning into them [Ataniyazova, 2024, p. 23; Ochilboyeva, 2024, p. 56].

Brown and Levinson theorized politeness, in a theoretical framework for many cross-cultural politeness studies, a system of universal strategies for mitigating "face-threatening acts" (FTAs), called the politeness theory and it serves as an anchor [Pulatjanova, 2025, p. 129]. According to this theory, one uses politeness to sustain positive face (an aim to be valued and acknowledged) and negative face (an effort to limit others' actions) by using politeness strategies [Turdieva, 2019, p. 516]. But how, and how often, these methods are used can vary widely among cultures. For example, studies have looked at the application of the frameworks Brown and Levinson introduced with regard to many aspects of language from English and Uzbek [Pulatjanova, 2025, p. 130].

Although Brown and Levinson theorize that social distance, power ratio, and task imposition predict politeness "weightiness" cross-culturally, some statistical comparisons have found task imposition does not always have a statistically significant effect on determining politeness, particularly across cultural borders. It indicates that although the theory may be universal, cultural context could moderate its execution them [Ataboyeva, 2024, p. 23].

The individualistic value characteristics of the English language lead to a particular usage of linguistic devices to ensure politeness is displayed. Usually, these strategies also involve syntactic measures to soften the situation: the use of modal verbs (e.g. "could," "would") and hedging expressions (e.g., "maybe," "perhaps"). Such strategies focus mostly on defending the negative face of the interlocutor, so they reduce directness and provide choices. For example, a plea would be "Could you please pass the salt?" rather than "Pass the salt."

In this way, language of respect expresses itself as respect towards an individual; it is seen as politeness and is reflected in ways, which protect an individual's autonomy and a freedom from being imposed on them cultures [Abdullazoda, 2025, p. 46]. Also helpful for social harmony is politeness in English communication such as apologies. In academic discourse, the cultural context

of communication shapes the construct of pragmatic meaning, as observed in, for example, blind peer reviews, that involve a subjective interpretation guided by cultural factors [Turdiyeva, 2019, p. 516]. One particular linguistic practice in English (as in "it sounds X, but Y" like "it sounds silly now, but it was important then" in psychotherapy) supports the meaning of a personal experience and its perceived minority along with their linguistic representations, such that a nuanced linguistic strategy is utilized to manage social relations.

Moreover, politeness cues in the language domain, including "please," are important in certain contexts. A study among Egyptian English speakers also showed a gender bias towards the application of "please" in microbus driver requests and this showed that sociolinguistic differences exist even in a specific English-speaking community [Ochilboyeva, 2024, p. 56]. Teaching politeness is also viewed as a successful cognitive tool for the second language learner, particularly in a field like the hospitality sector that relies on the relationship between linguistic and social elements in the English language [Turdiyeva, 2019, p. 58].

Uzbek is Turkic; a Turkic language shaped by collectivist and hierarchical cultural values. Uzbek politeness uses honorifics and other forms, with context-dependent cues and avoidance strategies [Yulchiyeva, 2024, p. 410]. In Uzbek, it is a cultural convention that "respect" is inseparably linked with the linguistic characteristics that speak of it, as they communicate according to patterns of lexical selection, syntax, and pragmatic techniques in expressing consideration with regard to social standing and social stability. Uzbek has, for example, a large and extensive system of morphosyntactic honorifics and kinship-oriented address expressions. The use of particular verb endings such as "-yap/-yop" and addresses such as "-siz/-sizlar" (the plural form for singular formal address) indicates hierarchical social relations among speakers and deference towards the listener. Not so with the more blunt, but also less harsh, approach that you often find in English [Pulatjonova, 2025, p. 130]. There is also the role of gender in the use of honorifics, such as in Uzbek female speech where women say to each other "siz" (formal 'you'). Politeness in Uzbek is rooted in group traditions such as mehmondo'stlik ('hospitality') and also in adolat ('justice'), which influence speech and the patterns for social behaviour. We can see this in speech etiquette acts and polite phrases: the intention is to protect social harmony or show deference. The influence of politeness, politeness maxims, and respect on Uzbek communication are also addressed by studies comparing manners lexemes and politeness maxims with English, which show linguistic cues with substantial cultural and sociocultural ramifications. Language in the Uzbek context is also subtly shaped by indirect communication strategies, more often euphemism and implicature are used and often associated with a certain culture of respect and politeness. This is in contrast to English, which privileges metaphor and euphemism for subtle expression. Similar to this, political correctness presents itself differently in Uzbek and in English language cultures, where there exist unique linguistic vehicles of the linguistic variety or euphemistic representations.

The comparative politeness strategies of English and Uzbek show that the politeness' principles are universal, yet their actual realization is very culture-specific. Many English practices tend to be negative, emphasizing individual initiative and non-imposition, and may refer to indirectness and mitigation.

In contrast, Uzbek culture places positive politeness and deference above all values, and its collectivist and hierarchical social structure is expressed through honorifics and context-sensitive language. This divide is also reflected in the way "respect" is linguistically translated. In English, safeguarding one's own and others' personal "face" is paramount, while in Uzbek, respect is inextricably linked to social identity and social harmony. Intercultural studies using both Brown and Levinson's and Leech's politeness theories have been carried out to investigate these differences and, accordingly, have accentuated the salience of a pragmatic language of the intercultural nature of communication [Pulatjonova, 2025, p. 130]. Leech's politeness maxims, such as the Tact Maxim and Modesty Maxim can be used for considering politeness across different situations. The difficulties come from the differences of language and culture, making these cross-cultural communication problems. What is seen as polite in one culture could be

interpreted to be impolite in another. For instance, English-speaking people might recognize directness as legitimate while Uzbek people may regard it as impolite because of its emphasis on indirectness and deference

From foundational linguistics and social theories, to applications and again to theory. This convergence of linguistic and computing methods is essential if we are to grasp or cure politeness in a variety of communicative contexts [Abdullazoda, 2025, p. 48]. Finally, the examination of politeness in English and Uzbek underlines the importance of the application of "intercultural pragmatics," so as to cultivate a greater sense of cultural sensitivity and understanding when politeness strategies are applied within multi-lingual contexts. This includes understanding that being polite is more than just using "nice" words; it is how a person communicates with people and what others think at different ages, races, and in different cultural contexts using our language.

While linguocultural terms in both English and Uzbek are also separated and systematically structured, the principles behind politeness are highly unique and systemic, showing how deep their culture is. While individualism-driven English politeness takes advantage of syntactic mitigating and hedging (to save face), collectivistic and hierarchical Uzbek politeness utilises honorifics and context clues to show deference and social unity. It is noteworthy that the common need for maintaining social order through politeness is present in general but differs greatly depending on the culture of which it is based. Acknowledging these distinctions is essential for successful cross-cultural communication and requires an intercultural pragmatic perspective that encourages the consideration of culturally salient politeness tactics.

References

Abdullazoda M. Politeness as a socio-cultural and linguistic phenomenon // Foreign Languages in Uzbekistan. – 2025. – P. 46-64.

Ataboyevna A.S. Linguistic and linguopragmatic characteristics of the category "Respect" in English and Uzbek // American Journal of Philological Sciences. – 2024. – № 4(10). – P. 6471.

Ochilboyeva I. A comparative analysis of etiquette lexemes in English and Uzbek languages: A linguistic perspective // Tamaddun Nuri Jurnal. – 2024. – № 5(56). – .

Pulatjonova M. Politeness strategies in English and Uzbek: A pragmatic and cross-cultural comparison // Actual Problems of Humanities and Social Sciences. – 2025. – № 5(S/6). – P. 129132.

Turdieva Kh. Speech etiquette acts in Persian and Uzbek languages: Polite phrases // Bulletin of Science and Practice. – 2019. – № 5(12). – P. 516-522.

Yulchiyeva D. Comparative analysis of politeness maxims in English and Uzbek languages // Tamaddun Nuri Jurnal. – 2024. – № 5(56). – P. 410-413.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЕЖЛИВОСТИ В УЗБЕКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Омонова Махфурат Келдияровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики
Каршинского государственного университета,
г. Карши, Узбекистан

Аннотация. В статье анализируются стратегии вежливости, присущие английскому и узбекскому языкам, а также демонстрируется влияние культурных особенностей на выбор языковых средств в этих двух языках. В английском языке вежливость в большей мере направлена на минимизацию навязчивости и сохранение личной автономии – концепция, сформированная под воздействием индивидуалистической культуры, в которой используется этот язык.

Ключевые слова: способы выражения вежливости, прагматика межкультурного общения, английский и узбекский языки, межкультурная коммуникация, формы обращения, концепция лица, социолингвистика, прагматическая компетенция, взаимосвязь языка и культуры.

THE USE OF SYNONYMS IN LITERARY, PUBLICISTIC AND COLLOQUIAL STYLES

*Usmonov Asliddin Mannonovich,
Independent Researcher,
Karshi State University, Karshi, Uzbekistan*

Abstract. This article examines the use of synonyms in different functional styles of language, particularly in literary, publicistic, and colloquial styles. Synonyms play an important role in enriching vocabulary, increasing expressiveness, and improving the effectiveness of communication. The study focuses on the semantic and stylistic characteristics of synonyms and analyzes how their usage varies depending on communicative context and speech style. The research is based on descriptive, comparative, and contextual methods of linguistic analysis. Examples from literary texts, journalistic materials, and everyday spoken language are used to illustrate the functional differences of synonym usage.

Key words: synonymy, lexical semantics, functional styles, literary style, publicistic style, colloquial style, stylistic variation.

Introduction. In linguistics and lexicology, synonyms are defined as words or expressions that have similar or nearly identical meanings but may differ in form, stylistic coloring, emotional connotation, or usage. Synonymy is considered one of the most important semantic relations within the vocabulary of a language. It plays a significant role in enriching the lexical system and provides speakers and writers with a variety of linguistic choices for expressing similar ideas.

In literary texts synonyms can enhance imagery and emotional depth, while in other types of communication they may serve to clarify meaning or strengthen persuasive effect.

Language functions in different communicative contexts, which leads to the formation of various functional styles. Among the most widely recognized styles are the literary style, the publicistic (journalistic) style, and the colloquial style. Each of these styles has its own linguistic features, vocabulary choices, and communicative purposes. Literary style is characterized by artistic expression and aesthetic impact; publicistic style is used in newspapers, articles, and media discourse with the aim of informing and influencing the public; while colloquial style reflects everyday spoken communication and informal interaction.

The study of synonym usage across different speech styles is important because synonyms often carry specific stylistic and contextual meanings. A synonym that is appropriate in literary language may not be suitable in everyday conversation, and vice versa. Therefore, understanding how synonyms function in different styles helps reveal their communicative and stylistic roles within the language system.

The aim of this research is to analyze the use of synonyms in literary, publicistic, and colloquial styles of language. The objectives of the study include examining the concept and characteristics of synonymy in linguistics, identifying the stylistic functions of synonyms in different communicative contexts, and comparing how synonyms are used across these three functional styles.

Methods. The present study is based on a qualitative linguistic research methodology aimed at analyzing the functional use of synonyms in different speech styles. The theoretical framework of the research relies on the principles of modern lexicology and stylistics, particularly the theories of synonymy and functional styles of language. Works by well-known linguists in the

fields of semantics and stylistics provide the theoretical basis for understanding the nature of synonymic relations and their stylistic functions in communication. The study approaches synonyms not only as lexical units with similar meanings but also as stylistically marked elements whose usage depends on communicative context.

Several linguistic methods are applied in order to conduct the research. The descriptive method is used to explain the general features and characteristics of synonyms in the English language. The comparative method allows the researcher to compare the use of synonyms across literary, publicistic, and colloquial styles in order to identify their similarities and differences. In addition, contextual analysis is employed to examine how synonyms function in specific contexts and how their meanings and stylistic effects change depending on the communicative situation.

The research material for the study is taken from different types of sources that represent various functional styles of language. Examples of synonyms used in the literary style are selected from works of English fiction and literary texts. Materials representing the publicistic style are taken from newspapers, magazines, and journalistic articles where language is used to inform and influence public opinion. Examples of the colloquial style are based on everyday spoken language, dialogues, and conversational expressions that reflect informal communication.

Results. The analysis of the collected materials demonstrates that synonyms perform different stylistic and communicative functions depending on the type of speech style in which they are used. The study shows that while synonyms share similar meanings, their stylistic value, emotional coloring, and contextual appropriateness vary across literary, publicistic, and colloquial styles.

In literary style, synonyms are widely used to enhance expressiveness, imagery, and artistic effect [Culpeper, 2014]. Writers often select synonyms carefully in order to convey subtle shades of meaning and to create vivid descriptions. The use of synonymic series allows authors to avoid repetition and enrich the aesthetic quality of the text. For example, instead of repeating a single word such as *beautiful*, a writer may use synonyms like *beautiful*, *charming*, *attractive*, or *graceful* to add stylistic diversity and emotional depth [Baker, 2006]. In literary works, synonyms contribute to the creation of imagery, emotional tone, and individual authorial style.

In publicistic style, synonyms are mainly used to achieve clarity, persuasion, and emotional influence on the audience. Journalists and public speakers often employ synonyms to emphasize key ideas, strengthen arguments, and attract readers' attention. For instance, in news articles or opinion pieces, words such as *important*, *significant*, and *crucial* may be used to highlight the importance of an event or issue. The use of synonyms in this style helps to make the text more expressive while still maintaining clarity and accessibility for a wide audience.

In colloquial style, synonyms reflect simplicity, informality, and everyday communication. In spoken language, people frequently use synonyms that are more familiar, shorter, or emotionally colored. For example, instead of using the formal word *children*, speakers may use the informal synonym *kids*. Similarly, the verb *to speak* may be replaced with *to talk* in casual conversation [Crystal, 2003]. These synonymic choices help make communication more natural, relaxed, and appropriate for informal situations.

The research also reveals clear functional differences in the use of synonyms across the three styles. Literary style tends to favor stylistically rich and expressive synonyms, publicistic style uses synonyms for emphasis and persuasive effect, while colloquial style relies on simple and commonly used synonyms suitable for everyday speech. Thus, the selection of synonyms is strongly influenced by communicative purpose, audience, and context.

Examples from the analyzed materials illustrate how the same semantic concept can be expressed by different synonyms depending on the context. For instance, the idea of *beginning* may be expressed as *commence* in formal or literary texts, *start* in neutral contexts, and *kick off* in informal conversation. These examples demonstrate that synonym choice is closely connected with stylistic norms and communicative intentions.

Discussion. The comparative analysis of synonym usage in literary, publicistic, and colloquial styles reveals that the selection and function of synonyms are closely connected with

the communicative purpose and stylistic norms of each type of discourse. Although synonyms share a common semantic core, their usage varies depending on the stylistic environment. In literary texts, synonyms are often chosen for their expressive and aesthetic value, allowing authors to convey subtle emotional shades and artistic imagery. In publicistic discourse, synonyms are primarily used to emphasize key ideas, attract the reader's attention, and strengthen persuasive arguments.

Conclusion. Synonyms share similar meanings, their stylistic value, emotional coloring, and contextual appropriateness differ depending on the communicative situation and the functional style in which they are used.

The findings of the research demonstrate that synonyms serve different functions in various speech styles. In literary style, synonyms contribute to expressiveness, imagery, and stylistic richness, helping authors create artistic and emotionally powerful texts. In publicistic style, synonyms are used to emphasize ideas, strengthen arguments, and influence readers or listeners. In colloquial style, synonyms support natural and informal communication by reflecting everyday vocabulary and conversational patterns. Thus, the appropriate use of synonyms helps speakers and writers adapt their language to specific communicative contexts.

The results of this research also highlight the practical importance of studying synonyms in linguistics and language education. Understanding synonymic relations improves vocabulary development and enhances communicative competence. For language learners and teachers, knowledge of synonyms helps develop more precise and expressive speech. In addition, the study of synonyms is important in translation practice, since translators must select the most appropriate lexical equivalents depending on stylistic and contextual factors.

References

- Baker P. A. Glossary of Corpus Linguistics / P. Baker, A. Hardie, T. McEnery. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
- Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Culpeper I. Pragmatics and the English Language / J. Culpeper, M. Haugh. – London: Palgrave Macmillan, 2014.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИНОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И РАЗГОВОРНОМ СТИЛЯХ

Усмонов Аслиддин Маннонович,

независимый исследователь,

Каршинский государственный университет, Карши, Узбекистан

Аннотация. В данной статье рассматривается использование синонимов в различных функциональных стилях языка, а именно в художественном, публицистическом и разговорном. Синонимы играют важную роль в обогащении словарного запаса, повышении выразительности и улучшении эффективности коммуникации. Исследование сосредоточено на семантических и стилистических характеристиках синонимов, а также анализирует, как их употребление варьируется в зависимости от коммуникативного контекста и стиля речи. Исследование основано на использовании описательного, сопоставительного и контекстуального методов лингвистического анализа. Для иллюстрации функциональных различий в употреблении синонимов привлекаются примеры из художественных текстов, публицистических материалов и повседневной разговорной речи.

Ключевые слова: синонимия, лексическая семантика, функциональные стили, художественный стиль, публицистический стиль, разговорный стиль, стилистическая вариативность.

ЛИНГВОКОНСТРУКТЫ В ПРОЕКЦИИ КОГНИТИВНОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

*Азизова Насиба Бахритдиновна,
доктор философии (PhD) по филологическим наукам,
профессор кафедры русского языка и литературы Каришинского государственного
университета, г. Кариши, Узбекистан*

Аннотация. В данной работе проводится компаративное исследование языковой личности как лингвокультурного феномена в русском и узбекском языковом пространстве. Опираясь на данные словарей, фразеологические фонды, пословицы и тексты художественной литературы, автор анализирует ключевые ментальные единицы (концепты), образующие ядро языковой личности. Рассмотрение ведется на трех уровнях: лексико-семантическом, когнитивном и прагматическом. Особый акцент сделан на выявление универсальных черт и национально-маркированных особенностей коммуникативного поведения, ценностных приоритетов и способов самоидентификации носителей русского и узбекского языков.

Ключевые слова: языковая личность, концепт, русская лингвокультура, узбекская лингвокультура, сравнительный анализ, концептосфера, коммуникативное поведение, ценностные ориентиры.

Современная антропоцентрическая парадигма языкознания, утвердившаяся в науке во второй половине XX века, сосредоточила фокус исследования от изучения языка как системы абстрактных знаков к говорящему – носителю языка, его сознанию, культуре и деятельности. В центре этой парадигмы находится сложный, многогранный конструкт – языковая личность, сочетающая в себе способность создавать и воспринимать речь, знания о мире, ценностные ориентации и коммуникативные стратегии [Караулов, 2024]. Концепт, в свою очередь, проявляется как основная единица ментального мира по словам Ю.С. Степанова «сгущенная форма культуры в человеческом сознании» [Степанов, 2024], посредством которой язык связывается с коллективным опытом и национальным мировоззрением.

Особый научный интерес представляет сравнительное изучение концепта языковой личности в русской и узбекской лингвокультурах. В условиях длительного исторического взаимодействия принадлежность к разным типам цивилизаций – православно-славянской и тюрко-исламской – создает уникальную ситуацию для исследования: посредством этого можно выявить как глубокие различия в способах концептуализации мира и места человека в нем, так и универсальные механизмы, обеспечивающие взаимопонимание в межкультурной коммуникации. В условиях глобализации и интенсификации культурных связей особую актуальность приобретает данная проблема, когда осознание национальной идентичности коммуникативного поведения становится необходимым условием успешного сотрудничества.

Цель данной статьи – выявить общие и специфические аспекты концепта языковой личности в русской и узбекской лингвокультурах, проанализировать их проявление на разных уровнях языковой личности и в основных концептах, формирующих национальную концептосферу.

Теоретическую основу исследования составляют труды Е.Н. Караулова (теория языковой личности)? В.И. Карасика (лингвокультурные типы), А. Вежбицкой (семантические универсалии и национальные картины мира), а также научные работы узбекских лингвистов Н. Махмудова [Махмудов, 2017], Ш. Сафарова, Д. Худойбергеновой [Худойбергенова, 2015], посвященные антропоцентрическому изучению узбекского языка

и формированию узбекской языковой личности. Методология исследования основана на интегративном подходе, который сочетает в себе лингвокультурологические, концептуальные, сравнительные и дискурсивные методы анализа.

Генезис и историческое развитие концепта языковой личности в двух лингвокультурах. Сегодняшнее состояние языковой личности невозможно понять, не обращаясь к историческим корням ее формирования. Русские и узбекские традиции развивались под влиянием культурных доминант, которые пересекались в разные, но определенные периоды.

В русской традиции формирование языковой личности восходит к православной антропологии, где слово (логос) понималось как онтологическая категория, связывающая человека с божественным миром. Основными этапами эволюции русской языковой личности стали: древнерусский период (XI-XVII вв.) – формирование «духовно-поучительной модели» в летописях, нравоучениях и агиографической литературе, в этот период идеалом считалось «спокойное и скромное слово»; XVIII – первая половина XIX века – становление «светско-литературной модели», связанной с формированием национального литературного языка в творчестве М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя; Вторая половина XIX – начало XX века – развитие «философско-рефлексивной модели» в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, где язык понимается не просто инструментом коммуникации по В.А. Виноградову, а как «внутренний орган человека» [Виноградов, 2023].

В русском языке радиация формирования языковой принадлежности – это онтологическая категория, связывающая человека с божественным миром. Основными этапами эволюции русской языковой личности стали: древнерусский период (XI-XVII века) – формирование «духовно-просветительской модели» в летописях, наставлениях и жизненной литературе, где идеалом служило «мягкое и скромное слово»; XVIII – первая половина XIX века – формирование «светско-литературной модели», связанной с формированием национального литературного языка в творчестве М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя; Вторая половина XIX – начало XX века – развитие «философско-рефлексивной модели» у Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого.

Узбекская традиция формировалась под влиянием трех мощных культурных пластов: тюркско-кочевого (VI-XI вв.) – период формирования «эпическо-устной модели», отраженной в героическом эпосе «Алпамыш», где высшей ценностью выступала родовая честь и верность роду; исламско-персоязычного (IX-XV вв.) – этап становления «нравственно-суфийской модели» в произведениях Ахмада Яссави, Алишера Навои, где центральными стали концепты «слово как мера» и «ценность слова»; и советского/современного периода, сформировавшего многослойную, гибридную модель, интегрирующую традиционные ценности с новыми социальными реалиями [Азизова, 2024; Azizova, 2025].

Вершинным достижением узбекской традиции стало творчество Алишера Навои, утвердившего тюркский (чагатайский) язык как полноценное средство выражения всей сложности человеческого духа. В его произведениях сформировался идеал «*комил инсон*» (совершенного человека), соединяющий мудрость правителя, глубину мыслителя и нравственную чистоту, что нашло отражение и в современном понимании узбекской языковой личности.

Сравнительный анализ ключевых концептов русской и узбекской языковой личности. Концептосфера языковой личности представляет собой систему ключевых концептов, определяющих ценностные ориентации и модели коммуникативного поведения. Сопоставительный анализ показывает как наличие универсальных категорий, так и существенные различия в их содержании и иерархии.

Таблица 1 – Сопоставительная характеристика ключевых концептов

Русская лингвокультура	Узбекская лингвокультура	Основание для сопоставления
<i>Душа</i> – центр внутренней жизни, средоточие чувств и нравственных переживаний; выступает субъектом действий в безличных конструкциях («душа радуется», «душа болит»)	<i>Қалб</i> (сердце/душа) – духовный центр человека,местилище веры и искренних чувств; чаще выступает объектом, требующим заботы («дилни пок тут» – храни сердце чистым)	Антропоцентрическая доминанта: различная степень автономности внутреннего мира
<i>Судьба</i> – фаталистическая категория, предопределенность жизненного пути, часто воспринимаемая как внешняя сила, с которой можно вступать в диалог или конфликт	<i>Тақдир</i> – исламское понимание божественного предопределения, принимаемого с терпением и смирением (<i>сабр</i>)	Отношение к жизненному пути: общий фатализм при разных моделях взаимодействия с судьбой
<i>Правда</i> – двуединство объективной истины и нравственной справедливости; «правда-истина» и «правда-справедливость» как две ипостаси одного концепта	<i>Ҳақ/Ҳақиқат</i> – истина, имеющая божественное происхождение и социальное измерение; тесно связана с понятием долга и справедливости в обществе	Поиск высшей истины как экзистенциальная потребность, но с разной степенью рефлексивности
<i>Воля/Свобода</i> – «воля» как неограниченное пространство действия, отсутствие внешних ограничений, противопоставленная рациональной, юридической «свободе»	<i>Эркинлик/Хуррият</i> – свобода, всегда осмысляемая через социальную ответственность, нормы и границы, установленные обществом и религией	Понимание личной независимости: «воля» как безграничность и «эркинлик» как свобода в рамках
<i>Тоска</i> – экзистенциальная грусть, томление по чему-то высшему и невыразимому, уникальный концепт, не имеющий точных эквивалентов в других языках	<i>Согинч</i> – глубокая тоска по родине, близким, по прошлому; <i>Hasrat</i> – печаль, скорбь, часто связанная с неразделенной любовью или утратой	Специфика эмоциональных концептов: универсальность чувства тоски при различной его направленности
<i>Совесть</i> – внутренний нравственный закон, «глас Божий» в человеке, автономный регулятор поведения	<i>Виждон</i> – внутренний нравственный закон, данный Аллахом, тесно связанный с религиозными предписаниями и общественным мнением	Универсальный нравственный регулятор, но с разной степенью автономности от внешних инстанций
<i>Соборность</i> – духовная общность, единство людей во Христе, свободное, неиерархическое братство	<i>Хамжихатлик</i> – единство и солидарность, основанные на общих ценностях, традициях и уважении к старшим	Модели коллективной идентичности: духовное единство и социальная солидарность

Как видно из таблицы, при наличии общих нравственных категорий (*совесть/виждан, истина/хақ, честь/ор-номус*) их наполнение и функционирование в концептосфере двух культур существенно различаются. Русские концепты часто тяготеют к экзистенциальной глубине и рефлексивности, узбекские – к социальной регулятивности и практической этике. Это соответствует общей закономерности: русская культура в большей степени ориентирована на «вертикальное» измерение бытия (отношения человек – Абсолют), а узбекская – на «горизонтальное» (отношения человек – общество).

Структура языковой личности: сопоставительный анализ уровней. Согласно трехуровневой модели Ю.Н. Караулова, языковая личность рассматривается на вербально-семантическом (владение языком), когнитивном (тезаурус, система знаний о мире) и прагматическом (цели, мотивы, коммуникативные стратегии) уровнях [Караулов, 2010]. Сопоставительный анализ этих уровней в русской и узбекской лингвокультурах позволяет выявить системные различия.

Вербально-семантический уровень. На лексическом уровне наблюдается различная частотность определенных групп лексики. Для русской языковой личности характерно обилие абстрактной, «метафизической» лексики (*душа, совесть, тоска, судьба, бытие*), что отражает направленность на рефлекссию и внутренние переживания. Исследования показывают высокую частотность слов, связанных с эмоциональными состояниями и экзистенциальными категориями. Для узбекской языковой личности важна лексика, связанная с конкретными социальными отношениями и этическими нормами: термины родства (*ота* – отец, *она* – мать, *ака* – старший брат, *ука* – младший брат), социального статуса (*оқсоқол* – аксакал, *устоз* – наставник, *хўжайин* – хозяин/начальник), этикета (*хурмат* – уважение, *одоб* – этикет, *иззат* – почет) [Нормуродов, 2018].

Фразеологические фонды двух языков также демонстрируют различия. В русской фразеологии высока частотность компонентов *душа* и *сердце*: *душа в душу, отвести душу, заглянуть в душу, сердце кровью обливается, камень с души свалился*. В узбекской фразеологии ключевыми выступают компоненты *тил* (язык), *юз* (лицо) и *меъзон* (мера): *тилга эга бўлмоқ* (владеть языком – быть сдержанным в словах), *тили қалтис* (язык опасен – о человеке, который может навредить своими словами), *юз қоралиги* (чернота лица – позор), *юзга солиш* (бросить в лицо – упрекнуть), *меъёрини билмоқ* (знать меру), *меъёрдан ошмоқ* (превысить меру).

Когнитивный (тезаурусный) уровень. Когнитивный уровень языковой личности представляет собой систему знаний о мире, организованную в виде концептов и категориальных структур. В русской концептосфере центральное место занимают концепты, связанные с экзистенциальными и моральными исканиями: *истина, справедливость, смысл жизни, добро и зло*. Русская языковая личность, как отмечает Н.А. Бердяев, ориентирована на «диалог с бытием» и поиск абсолютной правды, что часто приводит к максимализму и отрицанию компромиссов [Бердяев, 2025].

Узбекская концептосфера структурирована вокруг концептов, регулирующих социальное взаимодействие и нравственное совершенствование в рамках общины. Ключевыми выступают:

- *номуси* (честь, достоинство) – регулятор поведения, требующий избегать слов и поступков, унижающих достоинство собеседника;
- *иффат* (целомудрие, чистота) – категория, связанная с нравственной чистотой и скромностью;
- *сабр-қаноат* (терпение и довольство малым) – парное этико-философское понятие, предписывающее стойко переносить трудности и не роптать на судьбу;
- *маърифат* (просвещение) – знание, соединенное с воспитанием и нравственным совершенствованием.

Важное место занимает концепт *меҳмон* (гость), отражающий сакральное отношение к гостеприимству, что закреплено в паремиологии: «*Меҳмон – отангдек улуг*» (Гость велик, как отец), «*Меҳмон келса, хайр келар*» (Гость придет – добро придет).

Прагматический уровень. На прагматическом уровне различия проявляются в коммуникативных стратегиях и целях общения. Русское общение часто нацелено на «выяснение истины», на искренний, иногда эмоционально напряженный разговор. Ценятся прямота, способность к спору, эмоциональная вовлеченность. Коммуникативный идеал – «задушевный разговор», в котором собеседники раскрывают друг другу душу.

Узбекское общение в большей степени ориентировано на поддержание социальной гармонии, сохранение «лица» собеседника и соблюдение иерархических норм. Ценится вежливость (*хушмуомалик*), умение избегать конфликта, использование косвенных речевых актов. В ситуации общения с людьми старшего возраста или более высокого статуса действуют строгие правила речевого этикета, включающие особые формы обращения, невозможность прямого возражения, обязательные вопросы о здоровье и семье.

Таблица 2 – Сопоставительный анализ коммуникативных стратегий

Коммуникативный параметр	Русская языковая личность	Узбекская языковая личность
Цель общения	Поиск истины, самовыражение, установление душевного контакта	Поддержание гармонии, сохранение статусных отношений, соблюдение этикета
Отношение к спору	Спор ценен как способ поиска истины («в споре рождается истина»); допускается эмоциональность	Спор нежелателен, предпочтительно достижение консенсуса; спор должен быть строго в рамках этикета (<i>мунозара</i> – регламентированное обсуждение)
Выражение эмоций	Эмоциональность, допустимость бурного выражения чувств, открытость в проявлении как положительных, так и отрицательных эмоций	Сдержанность, контроль эмоций, особенно с незнакомыми или старшими; невербальное выражение часто важнее вербального
Оценка собеседника	Прямая, часто категоричная; допустима критика «в глаза»	Косвенная, смягченная, с учетом статуса; критика нежелательна, предпочтительны намеки
Самопрезентация	Допустима самоирония, самокритика, даже самоуничижение как способ установления контакта	Непринятие прямых негативных самооценок; предпочтительна косвенная самопрезентация через упоминание рода, учителей, заслуг семьи

Проведенный сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Русская и узбекская языковые личности представляют собой исторически сложившиеся системы, сформированные под влиянием различных цивилизационных факторов: православно-славянского (с акцентом на экзистенциальные искания, рефлекссию и антиномичность) и тюрко-исламского (с акцентом на социальную гармонию, этикет и нравственное совершенствование в рамках общины).

2. Основное различие заключается в ценностных доминантах и направленности языкового сознания: русская модель ориентирована на «выражение бытия», поиск абсолютной истины и искренность самовыражения, часто в ущерб социальной гармонии; узбекская модель – на «поддержание социального равновесия», соблюдение этикета и сохранение «лица» в межличностном общении.

3. Указанные различия проявляются на всех уровнях языковой личности: от лексических предпочтений (абстрактная, «метафизическая» лексика в русском языке и конкретная, связанная с социальными отношениями лексика в узбекском) до глубинных мотивационных установок в коммуникации (поиск истины и поддержание гармонии).

4. Наряду с различиями, существуют универсальные характеристики: концепты, связанные с нравственными категориями (*совесть/виждон, истина/хақ, честь/ор-номус*), занимают центральное место в обеих лингвокультурах, что свидетельствует о наличии общечеловеческих ценностных оснований.

Понимание этих сходств и различий имеет важное практическое значение для межкультурной коммуникации, преподавания русского и узбекского языков как иностранных, теории и практики перевода, а также для разработки эффективных стратегий взаимодействия в поликультурной среде.

Перспективы дальнейших исследований видятся в мониторинге трансформаций языковой личности в цифровой среде, в изучении влияния искусственного интеллекта на коммуникативные практики, а также в проведении масштабных психолингвистических экспериментов по изучению ассоциативных полей ключевых концептов в различных возрастных и социальных группах носителей двух языков.

Список литературы

- Бердяев Н. А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: Юрайт, 2025. – 201 с.
- Виноградов, В. А. Теоретические основы типологии: учебное пособие / В. А. Виноградов. – 3-е изд., стер. – М.: Юрайт, 2023. – 158 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-12347-0.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. стереотип. – Москва: ЛЕНАНД, 2024. – 264 с. – (Психология, психолингвистика, речевая коммуникация). – ISBN 978-5-9710-5347-7.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. стереотип. – М.: Академический проект, 2024. – 991 с. – (Концепты). – ISBN 978-5-8291-3837-0.
- Азизова Н.Б. Рус ва ўзбек тилларида лисоний шахс концептининг лингвомаданий талқини // Экономика и социум. – 2024. – № 2(117). – С. 67-70.
- Маҳмудов Н. Тил тилсими тадқиқи. – Тошкент: Мумтоз сўз, 2017. – 167 б.
- Нормуродов С. Ўзбек лингвомаданий концептлари. – Тошкент: Наврўз, 2018. – 215 б.
- Раҳматуллаев, Ш. Ўзбек тилининг фразеологик луғати / Ш. Раҳматуллаев. – Тошкент: Akademnashr, 2022. – 688 б.
- Худойберганава Д. Ўзбек тилидаги бадий матнларнинг антропоцентрик талқини. – Тошкент, 2015. – 102 б.
- Azizova N.B. Linguoculturological Methods of Semantization of Phraseological Units (Based on the Example of Phraseological Units of the Russian and Uzbek Languages) / N.B. Azizova, E.V. Milovanova, I.M. Kalinina // Cuadernos de Rusística Española. – 2025. – № 21. – С. 209-221.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LINGUISTIC PERSONALITY CONCEPT IN RUSSIAN AND UZBEK LINGUISTIC CULTURES

*Azizova Nasiba Bakhritdinovna,
Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences,
Professor at the Department of Russian Language and Literature,
Karshi State University, Karshi, Uzbekistan*

Abstract. This paper conducts a comparative study of linguistic personality as a linguacultural phenomenon in the Russian and Uzbek linguistic spaces. Drawing on dictionary

data, phraseological collections, proverbs, and literary texts, the author analyzes the key mental units (concepts) that form the core of linguistic personality. The analysis is conducted at three levels: lexical-semantic, cognitive, and pragmatic. Particular emphasis is placed on identifying universal traits and nationally specific features of communicative behavior, value priorities, and modes of self-identification among native speakers of Russian and Uzbek.

Key words: linguistic personality, concept, Russian linguaculture, Uzbek linguaculture, comparative analysis, conceptual sphere, communicative behavior, value orientations.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА-ДОМИНАНТЫ АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА В ПЬЕСЕ А. МИЛЛЕРА «СМЕРТЬ КОММИВОЯЖЕРА»

*Акперова Сабина Интигамовна,
соискатель,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье исследуется концепт-доминанта АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА в пьесе А. Миллера «Смерть коммивояжёра». Анализируется её лексическая, образная и ценностная структура, выявляются ключевые элементы, символы и механизмы языковой репрезентации. Определяется влияние концепта на построение когнитивно-смыслового пространства произведения, отношения персонажей и драматическое напряжение. Рассматриваются трансформации концепта в историческом и социально-культурном контексте, а также его роль в формировании культурного мифа и личных иллюзий героев.

Ключевые слова: концепт-доминанта, АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА, лексическая репрезентация, символика, социально-культурный контекст.

В современной лингвистической науке понятие концепта занимает центральное место. Концепт невозможно свести к единой универсальной формуле [Степанов, 1997, с. 42]. Феномен изучается как многомерное ментальное образование, состоящее из понятийного, образного и ценностного компонентов. Логико-семантическое содержание отражается в понятийном компоненте, ассоциативные и метафорические представления – в образном, культурная значимость и оценка – в ценностном. Н.Н. Болдырев отмечает, что мыслительная деятельность человека состоит из концептов, которые представляют своеобразные «кванты» знания — идеальные смысловые единицы, которые структурируют и позволяют оперировать опытом, информацией и результатами познавательной деятельности в процессе мышления [Болдырев, 2016, с. 17]. В.И. Карасик подчеркивает, что концепт играет ключевую роль в освоении окружающей действительности и помогает структурировать социальные и структурные взаимодействия [Карасик, 2013, с. 152].

Концепт, формируя тесную связь языка и культуры выступает элементом национальной картины мира: язык не только прямо транслирует ключевую информацию, но и закрепляет за собой культурные идеи, нормы и ценности. Так, определение специфики концепта позволяет выявить ключевые элементы мировосприятия определенного общества. Концепты принадлежат не только индивиду, но и всему языковому сообществу, феномен укоренён в национальной памяти общества и существует в виде словесно оформленного знания, что делает концепт важнейшими элементами коллективной когнитивной системы [Бабушкин, 1996, с. 34].

В художественном тексте особую значимость приобретают концепты-доминанты, организующие когнитивно-смысловую основу произведения. Они обладают высоким семантическим потенциалом и выступают в качестве сюжетообразующих элементов. Концепты-доминанты формируют концептуальное пространство текста – целостную

систему смыслов, основанную на совокупности актуализируемых в процессе дискурса знаний.

Анализ таких доминант позволяет выявить их функционирование на разных уровнях: в рамках отдельного произведения, индивидуального авторского стиля, жанра, литературного направления, исторического этапа развития литературы [Огнева, 2019, с. 57].

Исследование концептов предполагает использование комплекса методов, объединяемых в рамках концептуального анализа. Он может осуществляться как от выявления сущности концепта к его языковым проявлениям, так и в обратном направлении – от анализа языковых единиц к реконструкции когнитивной структуры [Болдырев, 2014, с. 86]. Особое значение при изучении художественного текста приобретает контекстуально-интерпретационный подход, позволяющий проследить функционирование концепта через систему образов, ключевую лексику и индивидуально-авторские смыслы [Бабенко, 2000, с. 99]. Комплексное применение различных методов обеспечивает более точное понимание структуры концепта и способов его репрезентации в тексте.

Концепт-доминанта АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА представляет собой универсальное культурное явление, через которое проявляются социальные ценности, нормы и модели поведения конкретного общества. Он отражает восприятие успеха, материального благополучия, социальной мобильности и индивидуализма, а также демонстрирует скрытые смысловые возможности, которые формируют представления о мире у носителей культуры [Коршунова, 2017, с. 24]. Концепт-доминанта функционирует как «мост» между прошлым и настоящим, фиксируя эволюцию общественных идеалов и культурных ожиданий.

Исторически формирование концепта-доминанты связано с историей колонизации и миграционных процессов XVII–XIX вв., когда переселенцы искали свободу от социальных, религиозных и экономических ограничений. Уже на этом этапе Америка воспринималась как земля свободы и возможностей, где личные усилия могли привести к социальной реализации [Попова, 2017, с. 43].

Термин АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА был официально введен Дж.Т. Адамсом в 1931 году и изначально определялся как стремление к «жизни более полной и счастливой», где успех определяется не происхождением, а равенством возможностей. Важнейшими компонентами концепта-доминанты становятся вера в материальное благополучие, социальную мобильность и право на самореализацию [Сайфуллина, 2024, с. 124].

В XX веке содержание концепта-доминанты АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА отражало социальные и экономические трансформации. Он сохраняет гибкость интерпретаций: одновременно он выступает в качестве идеала личностного успеха, источника надежды, а также является предметом критики и дискуссии в связи с неравенством и социальными ограничениями. Эволюция концепта демонстрирует, что мечта не существует в единой формуле, а меняется в зависимости от исторических обстоятельств, моральных ориентиров и культурного контекста.

В художественной литературе XX века концепт-доминанта АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА приобретает особое значение как концепт-доминанта. Он формирует когнитивно-смысловую структуру произведения, отражает взаимодействие идеала успеха с внутренними противоречиями общества. Концепт-доминанта структурирует пространство текста, связывая индивидуальные ценности персонажей с более широкими культурными ожиданиями. В этом смысле концепт-доминанта АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА выступает не просто идеей, а центральным элементом национальной картины мира, через который проявляются ключевые культурные смыслы.

Тема АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА наглядно отражена в пьесе А. Миллера «Смерть коммивояжера». Артур Миллер – один из ключевых драматургов XX века, чьи произведения исследуют социальные и психологические аспекты жизни американцев. В своей пьесе он обращается к цене непостижимой мечты, показывает механизмы

самообмана, зависимость самооценки от успеха, а также разрушительное влияние семейных мифов на родителей и детей. Ключевым компонентом концепта «американской мечты» – бесконечная и непоколебимая вера в то, что финансовое благополучие доступно каждому, кто готов упорно трудиться и стремиться к достижению поставленной цели. Главный герой Вилли Ломан строит жизнь на предположении, что упорный труд, харизма и доля везения обязательно приведут к успеху и самореализации. Это формирует основу конфликта между мечтой и реальностью в пьесе: стремление реализовать идеал сталкивается с реальностью капиталистического общества, в котором достижения зависят не только от личной инициативы, но и от социальных и экономических ограничений. Мечта героя оказывается иллюзорной, так как его представления о желаемой жизни постоянно сталкиваются с реальностью. Это противоречие создаёт напряжение и определяет трагическую линию повествования.

В пьесе Артура Миллера концепт-доминанта АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА ярко проявляется через насыщенную лексику, отражающую её ядро. Ключевыми словами становятся «success», «well-liked», «business», «money» – они символизируют долгожданный успех, общественное признание, материальное благополучие и деловую активность: «That's why I thank Almighty God you're both built like Adonises. Because the man who makes an appearance in the business world, the man who creates personal interest, is the man who gets ahead. Be liked and you will never want» [Miller, 1915, с. 21]. Их повторяемость и богатое семантическое поле создают плотную когнитивную сеть, которая фиксирует культурные идеалы и социальные ожидания. Яркая оценочная лексика включает в себя эмоциональные эпитеты и модальные конструкции. Это подчёркивает отношение персонажей к достижениям и поражениям, усиливая драматическое напряжение. Именно через эти слова концепт-доминанта АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА становится живым, осязаемым и значимым феноменом для героев и читателя.

Образная сторона концепта-доминанты АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА проявляется в пьесе через выразительные символы и метафоры, которые делают текст насыщенным и многослойным. Семечки, скромные и невзрачные, символизируют несбывшуюся реализацию идеала, бесплодные надежды и тщетные усилия: «On the way home tonight I'd like to buy some seeds... Nothing'll grow any more...all I'd need would be a little lumber and some peace of mind» [Miller, 1915, с. 53]. Дом, величественный снаружи, оказывается лишь иллюзией стабильности, обманчивым оплотом безопасности. Каким бы изумительным он не был снаружи, внутри него – пустота: «Work a lifetime to pay off a house. You finally own it, and there's nobody to live in it» [Miller, 1915, с. 4]. Через метафоры успеха и падения концепт-доминанта АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА оживает в сознании героев, связывая личные переживания с более широкими культурными смыслами.

Драматическое напряжение произведения строится на противоречии между традиционной манящей мечтой и суровой реальностью капиталистического общества. Концепт-доминанта АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА сталкивается с ограничениями социального окружения и экономической системы. Противопоставление персонажей делает это столкновение наглядным: Вилли Ломан – мечтательный, искренне верящий в идеал успеха: «I am not a dime a dozen! I am Willy Loman, and you are Biff Loman!» [Miller, 1915, с. 104]. Биф – разочарованный реалист: «I realized what a ridiculous lie my whole life has been» [Miller, 1915, с. 81]. Бен – мифический образ достигшего триумфа: «The jungle is dark but full of diamonds» [Miller, 1915, с. 107]. Их взаимодействие показывает разрушение концепта-доминанты, его иллюзорность и трагическое влияние на судьбы героев, раскрывая многогранность конфликта между личными ожиданиями и общественными нормами.

В диалогах героев отражается яркая и типичная американская система ценностей, где культ успеха, признания и финансовой независимости занимает центральное место: «A man who can't handle tools is not a man» [Miller, 1915, с. 30]. Коммуникативные модели – самопрезентация, убеждение и демонстрация личного достоинства – выступают живыми

инструментами репрезентации концепта-доминанты АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА, показывая, как культурные установки воплощаются в речевом поведении и социальном взаимодействии.

Таким образом, в трактовке Вилли Ломана американская мечта обретает сугубо личный смысл, построенный на вере в харизму и удачу, что расходится с коллективным культурным идеалом. У Артура Миллера этот идеал предстаёт не как цель, а как крушение: за яркими обещаниями богатства и признания скрываются пустота и жестокая реальность. Самоубийство Ломана доказывает, что слепая вера в миф становится смертельной ловушкой. Через лексику и символику драматург показывает, как концепт-доминанта формирует смысловое ядро пьесы, одновременно раскрывая трагический кризис культурного мифа – красивого снаружи, но губительного внутри.

Список литературы

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с. – ISBN 5-7455-0916-3.

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10-20.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов: ТГУ, 2014. – 236 с. – ISBN 978-5-89016-938-9.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с. – ISBN 978-5-94244-043-5.

Коршунова Е.С. «Американская мечта» в американской художественной литературе // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2017. – № 4. – С. 22-27.

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. – М.: Эдитус, 2019. – 190 с. – ISBN 978-5-00149-262-7.

Попова Н. В. «Американская мечта»: история развития концепта и его интерпретации в романе Т. Драйзера “Американская трагедия” // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 3-2 (57). – С. 42-46.

Сайфуллина М.К. Компоненты концепта «Американская мечта»: диахронический анализ / М.К. Сайфуллина, И.В. Коровина // Вестник культурологии. – 2024. – № 2 (109). – С. 112-126.

Miller A. Death of a salesman / Arthur Miller; with an introduction by Christopher Bigsby. – Penguin twentieth-century classics, 1915.

LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF THE DOMINANT CONCEPT “THE AMERICAN DREAM” IN THE PLAY BY A. MILLER “DEATH OF A SALESMAN”

*Akperova Sabina Intigamovna,
Postgraduate Applicant,
Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the dominant concept of the American Dream in A. Miller’s play “Death of a Salesman.” Its lexical, figurative, and value-based structure is analyzed, and key elements, symbols, and mechanisms of linguistic representation are identified. The influence of this concept on the construction of the cognitive and semantic space of the work, the relationships between characters, and the dramatic tension is determined. The transformations of the concept in the historical and socio-cultural context are considered, as well as its role in shaping the cultural myth and the personal illusions of the characters.

Key words: dominant concept, American Dream, lexical representation, symbolism, socio-cultural context.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «НАИМЕНОВАНИЕ ДНЯ НЕДЕЛИ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Барушкова Светлана Борисовна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков
Ярославского государственного педагогического
университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия,*

Соловьёва Светлана Игоревна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков
Ярославского государственного педагогического
университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы французского языка, содержащие в своем составе компонент – наименование дня недели. Выявляются основные когнитивные признаки, лежащие в основе образования данных единиц, а также их аксиологические компоненты. Особое внимание уделяется культурно-исторической обусловленности исследуемых фразеологизмов и их роли в репрезентации французской языковой картины мира.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, день недели, языковая картина мира, французский язык, лингвокультурология.

Изучение фразеологического фонда языка позволяет проникнуть в глубинные слои национального сознания, поскольку именно во фразеологии наиболее ярко проявляется связь языка с культурой, историей и бытом народа. Как отмечает В.Н. Телия, фразеологический состав языка является тем фрагментом языковой картины мира, в котором наиболее отчетливо отражается национально-культурное своеобразие видения окружающей действительности. Фразеологические единицы не просто номинируют явления действительности, но и дают им образную оценку, закрепляя результаты познавательной деятельности этноса [Телия, 1996, с. 45].

Проблема изучения фразеологических единиц с темпоральным компонентом привлекает внимание многих исследователей в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Е.С. Кубрякова, рассматривая номинативные процессы в языке, подчеркивает, что номинация представляет собой речемыслительный процесс, в котором интегрируются результаты познавательной деятельности человека и собственно языковые механизмы [Кубрякова, 2012, с. 89]. В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к исследованию способов концептуализации времени в различных языках, поскольку темпоральные представления отражают особенности национального мировосприятия [Маслова, 2018, с. 134].

Особое место в ряду темпоральных исследований занимают работы, посвященные анализу фразеологизмов с компонентом-наименованием дней недели. В.И. Карасик отмечает, что подобные единицы позволяют реконструировать фрагменты языковой картины мира, связанные с циклической организацией жизнедеятельности человека, чередованием труда и отдыха, сакральными и профанными периодами [Карасик, 2019, с. 267]. Зарубежные исследователи, в частности А. Rey, указывают на то, что французская фразеология отличается богатством выражений, связанных с днями недели, что обусловлено как историческими традициями, так и особенностями культурного развития региона [Rey, 2022, p. 456].

В современной лингвистике концепт «день недели» рассматривается как многомерное ментальное образование, включающее понятийный, образный и ценностный компоненты. С.Г. Воркачев подчеркивает, что лингвокультурный концепт представляет собой единицу коллективного знания, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой [Воркачев, 2017, с. 72]. Исследователи выделяют несколько

подходов к анализу подобных единиц: когнитивно-дискурсивный, лингвокультурологический и сопоставительно-типологический. Однако, несмотря на значительное количество работ по общей фразеологии, специальных исследований, посвященных французским фразеологизмам с компонентом-наименованием дней недели, выполненных в русле современной когнитивной парадигмы, недостаточно. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

Целью данной статьи является изучение фрагмента французской языковой картины мира, репрезентированного фразеологическими единицами с компонентом – названием дня недели. Выбор данного компонента обусловлен тем, что система времяисчисления является универсальной культурной константой, однако её образное осмысление в каждом языке уникально.

Ключевыми лексемами, репрезентирующими концепт «день недели», являются существительные *lundi, mardi, mercredi, jeudi, vendredi, samedi, dimanche*. Согласно словарным дефинициям, их денотативное значение сводится к указанию на единицу времени.

Так, в словаре *Le Petit Robert* находим: *lundi* – «*premier jour de la semaine (succédant au dimanche)*» [*Le Petit Robert*, 2022, p. 1452]; *mardi* – «*deuxième jour de la semaine*» [*Le Petit Robert*, 2022, p. 1538]; *mercredi* – «*troisième jour de la semaine*» [*Le Petit Robert*, 2022, p. 1576]; *jeudi* – «*quatrième jour de la semaine*» [*Le Petit Robert*, 2022, p. 1389]; *vendredi* – «*cinquième jour de la semaine*» [*Le Petit Robert*, 2022, p. 2684]; *samedi* – «*sixième jour de la semaine*» [*Le Petit Robert*, 2022, p. 2301]; *dimanche* – «*septième et dernier jour de la semaine*» [*Le Petit Robert*, 2022, p. 768]. Словарь *Larousse* дает сходные определения: *lundi* – «*premier jour de la semaine*» [*Larousse*, 2023, p. 892]; *vendredi* – «*cinquième jour de la semaine*» [*Larousse*, 2023, p. 1876]. Как видим, сема '*jour de la semaine*' является ядерной для всех рассматриваемых единиц. Однако фразеологическое значение формируется на основе переосмысления этих временных номинаций в культурно-историческом контексте, что приводит к появлению коннотативных смыслов, не фиксируемых в толковых словарях.

Проведенный анализ фразеологических словарей французского языка позволяет выделить основные когнитивные признаки, лежащие в основе образования ФЕ с временным компонентом.

1. Признак «несчастливый / неудачный день». Данный признак наиболее ярко проявляется в номинациях, связанных с понедельником и пятницей. Понедельник (*lundi*) во многих культурах считается тяжелым днем. Во французском языке это нашло отражение в ФЕ *faire le lundi*, которая обозначает обычай не работать в понедельник, прогуливать – первоначально о ремесленниках, которые продлевали воскресный отдых. Пятница (*vendredi*), как день распятия Христа, также наделяется негативной семантикой: *vendredi treize* (пятница, 13-е) – день, который в западноевропейской культурной традиции считается особенно несчастливым.

2. Признак «переломный момент / ожидание». Среда (*mercredi*) и четверг (*jeudi*) часто воспринимаются как середина недели, что порождает устойчивые выражения, связанные с ожиданием конца недели. Например, ироничное выражение *la semaine des quatre jeudis* (букв. «неделя из четырех четвергов») означает «никогда», так как четверг исторически был выходным днем в школах, но четыре четверга подряд – ситуация невозможная. Здесь актуализируется сема невозможности, нереальности.

3. Признак «праздность/отдых». Воскресенье (*dimanche*) и суббота (*samedi*) противопоставлены будням. Сема отдыха является для них ключевой. Фразеологизм *s'habiller comme un dimanche* (одеться по-праздничному, нарядно) содержит положительную гедонистическую оценку, отражая традицию надевать лучшую одежду в воскресный день. Выражение *visage de dimanche* обозначает праздничное, радостное выражение лица. С другой стороны, выражение *ouvrier du dimanche* (воскресный мастер, дилетант) несет негативную утилитарную оценку, указывая на непрофессионализм человека, который берется за дело без должной квалификации.

4. Аксиологический аспект. Фразеологизмы данной группы ярко демонстрируют аксиологическую установку человека. Оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Положительная оценка связана преимущественно с днями отдыха (*dimanche, samedi*). Отрицательная оценка доминирует в единицах, описывающих тяжелый труд или неудачу. Выражение *poisson d'avril* (первое апреля), хотя и содержит название месяца, а не дня недели, привязано к конкретной дате и традиции обмана, демонстрируя игровое, ироничное отношение к временным циклам.

Среди фразеологических единиц можно выделить две группы по способу репрезентации концепта:

1. Компаративные ФЕ: например, *long comme un jour sans pain* (длинный как день без хлеба) – в данном выражении подразумевается воскресенье или праздничный день, когда все учреждения закрыты и невозможно сделать необходимые покупки.

2. Ситуативные (обрядовые) ФЕ: фразеологизмы, возникшие из народных обычаев и религиозных традиций. Например, *Mardi gras* (Жирный вторник) – последний день карнавала перед Пепельной средой, знаменующий начало Великого поста; *Mercredi des Cendres* (Пепельная среда) – первый день Великого поста у католиков; *Samedi saint* (Великая суббота) – день перед Пасхой, особый период в религиозном календаре.

Номинативная плотность данного фрагмента языковой картины мира неравномерна. Наибольшее количество коннотативных ФЕ приходится на *lundi, vendredi* и *dimanche*. Это свидетельствует о том, что для носителей французского языка наиболее значимыми в культурном отношении являются границы недели (начало – тяжелый понедельник, конец – праздничное воскресенье) и сакральный статус пятницы.

Особого внимания заслуживает серия выражений, построенных по модели *boutonner X avec Y* (застегнуть X с Y), где в качестве X и Y выступают названия дней недели: *boutonner lundi avec mardi, boutonner mardi avec mercredi, boutonner dimanche avec lundi* и другие. Данные фразеологизмы обозначают ситуацию, когда человек неправильно застегивает пуговицы, смещая их на один ряд. Выбор дней недели в этих выражениях служит для обозначения несоответствия, путаницы, нарушения правильного порядка. Эта серия является уникальной для французского языка и демонстрирует, как временные понятия могут использоваться для метафорического описания пространственных и логических отношений.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что в основе фразеологической номинации дней недели лежит не столько их хронологическая функция, сколько культурное и бытовое осмысление. Основными признаками, отраженными в семантике исследуемых ФЕ, являются признаки удачи/неудачи, работы/отдыха, реальности/нереальности. Аксиологическая установка французов проявляется в четком разделении дней на «хорошие» (прежде всего воскресенье) и «плохие» (пятница 13-е, понедельник). Наличие значительного количества фразеологизмов с данными компонентами свидетельствует об идиотичности французской языковой картины мира, специфика которой обусловлена традиционным укладом жизни, католическими традициями и трудовой этикой.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в сопоставительном анализе фразеологических единиц с темпоральным компонентом во французском и других языках, а также в изучении их функционирования в различных типах дискурса.

Список литературы

Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Вопросы языкознания. – 2017. – № 4. – С. 68-81.

Карасик В.И. Языковые мосты понимания : монография. – Москва: Гнозис, 2019. – 524 с.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка : Когнитивные исследования. – Москва: Языки славянской культуры, 2012. – 208 с.

- Маслова В.А. Лингвокультурология: введение. – М.: Юрайт, 2018. – 298 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Académie française. Dictionnaire de l'Académie française en ligne. – 9e édition. – Paris, 2022. – URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (дата обращения: 10.03.2026).
- CNRTL (Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales). Trésor de la Langue Française informatisé. – Nancy, 2023. – URL: <https://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 10.03.2026).
- Dictionnaire des expressions et locutions / sous la dir. d'A. Rey. – Paris: Le Robert, 2021. – 1120 p.
- Dictionnaire Larousse en ligne. – Paris: Larousse, 2023. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 10.03.2026).
- Le Petit Robert de la langue française / sous la dir. d'A. Rey. – Paris: Le Robert, 2022. – 2832 p.
- Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. – Paris: Le Robert, 2022. – 4208 p.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT "DAY OF THE WEEK" IN THE FRENCH LANGUAGE

Barushkova Svetlana Borisovna,

Candidate of Philology,

Associate Professor of the Department of Romance Languages

K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia,

Solovyova Svetlana Igorevna,

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Romance Languages,

K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

Abstract. The article deals with the phraseological units of the French language containing the component "day of the week". The main cognitive features underlying the formation of these units, as well as their axiological components are revealed. Special attention is paid to the cultural and historical conditionality of the studied phraseological units and their role in the representation of the French linguistic worldview.

Key words: phraseological unit, concept, day of the week, linguistic worldview, French language, linguoculturology.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ЯЗЫКАХ С РАЗНЫМ ТИПОМ КУЛЬТУРНОГО КОДА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Грамагинский Сергей Сергеевич,

студент кафедры английского языка

факультета иностранных языков

ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия,

научный руководитель: Барушкова Светлана Борисовна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры романских языков

факультета иностранных языков

ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурный концепт «Родина» на материале английского и татарского языков. Анализ проводится с опорой на полевую модель концепта с выделением ядерных и периферийных лексем, а также с учётом их

этимологии и семантики. Особое внимание уделяется сопоставлению языковых репрезентаций и выявлению универсальных и этноспецифических признаков. Установлено, что в английском языке доминирует индивидуально-личностное восприятие родины, тогда как в татарском языке – коллективное и связанное с образом земли.

Ключевые слова: концепт «Родина», языковая картина мира, лингвокультурология, сопоставительный анализ.

У каждого народа есть слово, которое согревает сердце. Для англичанина это *home*, для татарина – *туган җир*. Но одинаково ли мы понимаем Родину?

Как известно, язык отражает мировидение народа. Не случайно ещё Вильгельм фон Гумбольдт отмечал: «Язык народа есть его дух».

Актуальность темы исследования связана и с современным культурным контекстом. 2026 год объявлен в России Годом единства народов в соответствии с указом Президента Российской Федерации № 962 от 25 декабря 2025 года [Указ о проведении Года единства народов России]. Подлинное единство многонационального государства невозможно без понимания культурного и языкового разнообразия народов.

В современных условиях понятие ‘родина’ становится особенно актуальным, поскольку вызывает у многих людей беспокойство за сохранение своей идентичности, принадлежности к определённому месту и общности [Есмурзаева, 2025, с. 123]. Кроме того, концепт «Родина» представляет собой важнейший компонент национальной языковой картины мира любого языка, так как в нем выявляется отношение человека и общности к обитаемому пространству, ко многим историко-культурным событиям и явлениям [Приорова, 2018, с. 160].

В центре нашего внимания – английский и татарский языки, представляющие разные культурные коды: западный индивидуализм и традиционную связь с землёй и родом.

Цель исследования – выявить и сопоставить лингвокультурную специфику концепта «Родина» в английском и татарском языках на основе анализа словарных дефиниций, этимологии и устойчивых сочетаний.

Материалом исследования послужили данные толковых и этимологических словарей английского и татарского языков, а также примеры из художественных текстов.

Исследование проводилось в области лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов с опорой на понятия концепта (по Ю.С. Степанову, В.И. Карасику), языковой картины мира (по Е.С. Яковлевой, Г.В. Колшанскому) и полевой структуры концепта (ядро/периферия).

Вслед за В.И. Карасиком мы понимаем лингвокультурный концепт как ментальную единицу, отражающую специфику национального сознания и включающую понятийный, образный и ценностный компоненты [Карасик, 2002, с. 129].

Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в сознании народа совокупность представлений о мире, зафиксированная в языке» [Яковлева, 1994, с. 9]. Для анализа мы использовали методику полевого моделирования: выделяли ядерные лексемы (наиболее частотные и семантически ёмкие) и периферийные (расширяющие смысловой объём концепта)» [Железнова, 2007, с. 45].

Обратимся к данным английского языка. Как показывают словари, центральное место в структуре концепта занимает лексема *home*.

Определение данной лексемы, согласно Cambridge Dictionary, следующее: “Someone's or something's place of origin, or the place where a person feels they belong” (Место происхождения кого-либо или чего-либо или место, где человек чувствует свою принадлежность). Таким образом, *home* обозначает не только жилище, но и место происхождения человека.

Этимологически лексема *home*, согласно Online Etymology Dictionary, определена так: “Middle English hom, from Old English ham, home "dwelling place, house, abode, fixed

residence; estate; village; region, country” (от древнеанглийского жилище, дом, обитель, постоянное место жительства; владение; деревня; регион, страна).

Интересно, что в английской культуре образ дома тесно связан с эмоциональной привязанностью и личным пространством. Это отражается и в пословицах, например, “East or West, home is best” – (В гостях хорошо, а дома лучше) [The Oxford Dictionary of Proverbs, 1949, с. 91].

Периферийную зону концепта «Родина» в английском языке образуют лексемы *homeland*, *fatherland*, *motherland* (*mother country*), *native country*, *native soil*, *birthplace*, а также некоторые устойчивые выражения, например, *old country* или *country of origin*.

Лексема *homeland* обозначает страну рождения и особенно активно употребляется в политическом и историческом контексте, нередко в периоды кризисов и войн [CD]. Слова *fatherland* (Отечество) и *motherland* (родина-мать) также обозначают родину, однако имеют более книжный или исторически окрашенный характер; при этом *fatherland* во многом связано с немецким *Vaterland* и латинским *patria* [OED].

Согласно Collins Dictionary, выражения *native country*, *native soil* и *birthplace* также относятся к периферийным номинациям концепта «Родина» и обозначают страну или место рождения человека. В отличие от лексем, упомянутых выше, которые могут иметь политическое или культурно-историческое значение, данные номинации акцентируют прежде всего биографический аспект происхождения. При этом *native country* имеет нейтральное значение – «страна происхождения», *birthplace* указывает непосредственно на место рождения, тогда как *native soil* обладает более торжественной стилистической окраской, метафорически связывая родину с образом родной земли.

Таким образом, периферийные номинации уточняют различные аспекты концепта – политический, исторический и биографический, – однако центральной для английской языковой картины мира остаётся лексема *home*, связанная прежде всего с образом дома и личного пространства принадлежности.

Обратимся к данным татарского языка. Ядро концепта «Родина» образует словосочетание **туган жир** – «родная земля». Компонент *туган* происходит от глагола *туу* («рождаться») и означает «родной», тогда как *жир* переводится как «земля» [Татарско-русский словарь, 1966, с. 928]. Таким образом, уже на уровне слова родина осмысливается как земля, на которой человек родился.

К периферийной зоне концепта относятся близкие по значению выражения **туган туфрак** – «родная земля» и словосочетания с компонентом **туган** («родной»). Например:

- **туган-үскән як** – «родимая сторона»;
- **туган-үскән йорт** – «отчий дом, родной очаг»;
- **туган-үскән ил** – «родина, родная сторона» [Татарско-русский словарь, 1966, с. 917].

Особую роль в языковом выражении концепта играет лексема **туфрак** («почва, земля, грунт»), которая подчеркивает связь человека с родной землёй. Это проявляется в выражениях:

- **туфрак тарту** – «тоска по родной земле перед смертью; желание быть похороненным на родной земле»;
- **туфрагым үз илемдә булсын** – «пусть могила моя будет на родной земле».

С родиной связано и пространство дома, что отражается в лексемах **йорт** («дом, жилище»), например:

- **ата йорты** – «отчий дом, родной очаг»;
- **йорт-жир** – «дом и земля; родной край».

Близкое значение имеет слово **нигез** («фундамент, основа»), например:

- **нигез йорт** – «родной дом, отчий дом»;

Наконец, эмоциональный аспект связи человека с родной землёй выражается глаголом **жирсетү** – «тосковать по родине», например: **читкә китсәм жирсетә** – «как уеду, так скучаю по родной земле» [Татарско-русский словарь, 1966, с. 1278].

Кроме того, выделяется лексема **ватан**, которая переводится, как «родина, отечество, отчизна».

В татарской языковой картине мира концепт «родина», как видно из примеров, связан прежде всего с образом *родной земли, почвы, местом рождения и родным домом*. Отметим, что в словаре татарского языка представлены такие лексические единицы, как: «*Бекет Ватан сугышы*» («Великая Отечественная война») и «*ватанга хезмат иту*» («служить родине»).

При сопоставлении рассматриваемых концептов с английским языком выделяются как универсальные, так и специфические черты. В качестве сходных значений концепта «родина» в обоих языках отметим привязку к месту рождения человека. Выявление специфических черт основано на расхождении культурных кодов, о чем свидетельствует наличие значения в английском языке *личное пространство*, то есть то место, где человек чувствует себя хозяином (лексема «home»), тогда как в татарском языке настоящий концепт приобретает более конкретный, коллективный характер, то есть центральное место здесь занимает лексическая единица «*туган жер*» («родная земля») и лексема, связанные с образом земли и почвы («*туфрак*»). Показательно и наличие специфического глагола «*жирсету*» «тосковать по родной земле», который фиксирует эмоциональную связь именно с землёй предков, а не с домом как физическим строением.

Список литературы

Есмурзаева Ж.Б. Концепт *Neimat* (Родина) в современном немецкоязычном афористическом дискурсе / Ж.Б. Есмурзаева, Е.В. Новикова // Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 1. – С. 122-134.

Железнова Ю.В. Семантический анализ ядерных лексем лексико-семантического поля «Родственные отношения» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2007. – № 5-2. – С. 29-38

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Приорова Е.М. Концепт «родина» в английской и русской лингвокультурах / Е.М. Приорова, Е.П. Савченко, Е.М. Фильчакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4-1 (82). – С. 158-163.

Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40-76.

Указ о проведении Года единства народов России // Президент России : офиц. сайт. Москва. – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/78861> (дата обращения: 15.03.2026).

Яковлева Е.С. Объективная картина мира в познании и языке. – Москва: Наука, 1996. – 103 с.

CD – Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 15.02.2026).

OED – Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 15.02.2026).

Smith W.G. The Oxford Dictionary of English Proverbs. – Oxford: Clarendon Press, 1949. – 676 p.

LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF THE CONCEPT “HOMELAND” IN LANGUAGES WITH DIFFERENT TYPES OF CULTURAL CODE (A CASE STUDY OF ENGLISH AND TATAR LANGUAGES)

Gramatinsky Sergey Sergeevich,

*Student, Department of English of Faculty of Foreign Languages
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia,*

Scientific advisor: Barushkova Svetlana Borisovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Romance Languages
Faculty of Foreign Languages
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

Abstract. The article examines the linguocultural concept of “Homeland” based on the material of the English and Tatar languages. The analysis is carried out using the field model of the concept with the identification of core and peripheral lexemes, taking into account their etymology and semantics. Particular attention is paid to the comparison of linguistic representations and the identification of universal and ethnospecific features. It is established that in English an individual-personal perception of homeland prevails, whereas in the Tatar language it is more concrete, collective, and closely associated with the image of land. The results obtained make it possible to identify differences in cultural codes and the linguistic worldview of the peoples under study.

Key words: concept “Homeland”, linguistic worldview, linguoculturology, comparative analysis.

АРХИТЕКТОНИКА ДУАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА БРАТСТВО-СЕМЬЯ В ПОВЕСТИ В. П. КАТАЕВА «СЫН ПОЛКА»

Даниленко Илья Александрович,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия,
Марков Александр Владимирович,
старший преподаватель кафедры иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия

Аннотация. Дуальный художественный концепт представляет собой разновидность двудерного художественного концепта. В архитектонике когнитивной доминанты ВОЙНА, реализованной в повести В. П. Катаева «Сын полка», выявлен дуальный художественный концепт-доминанта БРАТСТВО-СЕМЬЯ и субконцепты СЫН, ОТЕЦ и БОЕВОЙ ТОВАРИЩ.

Ключевые слова: дуальный художественный концепт, концепт-доминанта, когнитивная доминанта ВОЙНА.

Когнитивный подход к моделированию художественного текста основывается на концептуальном подходе к его содержанию и «предполагает выделение специальных фрагментов мира, важных как для обыденного, так и для художественного сознания – концептов» [Зенина, 2021, с. 142].

Текст, как единица хранения и передачи знания, представляет собой структурированную концептосферу, в которой реализуются различные художественные концепты, созданные автором. Среди художественных концептов исследователи выделяют одноядерные и двудерные художественные концепты. Двудерные концепты подразделяют на парные, бинарные, эквивалентные и дуальные, на основе семантических отношений их ядер. Отдельно следует упомянуть диадный художественный концепт, представляющий собой одноядерный художественный концепт, «номинативное поле

которого представляет собой совокупность номинантов, составляющих два синергичных информативных вектора описания одного явления» [Огнева, 2023, с. 70].

Среди всех одноядерных и двуядерных художественных концептов может быть любое количество концептов-доминант – художественных концептов, получивших наибольшую степень реализации в художественном тексте и играющих сюжетобразующую роль.

В рамках художественного текста, концепты формируют когнитивную доминанту, представляющую собой от одного до нескольких художественных концептов, объединённых общностью идеи. В номинативное поле когнитивной доминанты, как правило, входят как концепты-доминанты, так и субконцепты.

Цель данного исследования: выявить специфику дуального художественного концепта-доминанты СЕМЬЯ-БРАТСТВО, входящего в когнитивную доминанту ВОЙНА в повести В. П. Катаева. Для достижения поставленной цели был избран метод когнитивно-герменевтического моделирования художественного концепта.

Дуальный художественный концепт представляет собой смысловую диаду, в рамках которой «центральное место занимают два ядра, разделяющие все лексические единицы концепта на два сегмента» [Даниленко, 2017, с. 125]. Ядра дуального концепта не являются синонимами, ни и не находятся в оппозиции друг к другу. Номинативные поля, сформированные вокруг двух ядер, пересекаются, что проявляется в наличии общих лексических единиц, репрезентирующих значения каждого из ядер. Без контекста диада не формируется.

Анализ текста повести «Сын полка» показал, что когнитивная доминанта произведения – ВОЙНА. В её номинативном поле выявлен ряд военных художественных концептов, таких как ВРАГ, СОЛДАТ, ВЕТЕРАН и другие, однако, наиболее интересным для моделирования представляется дуальный художественный концепт-доминанта БРАТСТВО-СЕМЬЯ.

Дуальный художественный концепт БРАТСТВО-СЕМЬЯ – авторский художественный концепт, который имеет статус концепта-доминанты в повести: он реализован наибольшим количеством лексических единиц и является сюжетобразующим. Название повести представляет собой когнитивный дуальный узел: «сын полка», где номинант «сын» входит в сегмент СЕМЬЯ, а номинант «полк» – в сегмент БОЕВОЕ БРАТСТВО.

В авторском понимании боевое братство – это в первую очередь семья. Для произведений В.П. Катаева вообще характерна «включенность в процесс конструирования и транслирования мифологемы «большой семьи» [Бреева, 2023, с. 98], которую В. П. Катаев развивает и на материале произведений о войне, в том числе в повести «Сын полка» [Литовская, 2000, с. 16]. Рассмотрим ряд наиболее значимых контекстов, в которых реализуются субконцепты, входящие в номинативное поле концепта-доминанты БРАТСТВО-СЕМЬЯ. Всего выявлено три субконцепта СЫН, ОТЕЦ и ТОВАРИЩ.

Общение между командиром батареи и подчинёнными, вне боевой обстановки и вне службы В. П. Катаев называет общением «по-семейному». Номинант «семья» выявлен в 19 контекстах, при этом в 4 из них номинант описывает семью в значении «кровные родственники». В 15 контекстах номинант «семья» относится к личному составу батареи:

«Батарея сделалась семьёй капитана Енакиева» – [Катаев, 1945]. Родные капитана Енакиева погибли при обстреле и теперь единственными близкими людьми для него люди были сослуживцы.

«И в этот самый миг, когда, казалось, всё стало так замечательно, когда он наконец попал в родную семью...» – [Катаев, 1945]. Так Ваня думал о разведчиках, которые его нашли и взяли к себе. Родная семья Вани тоже погибла на войне, и в разведчиках он видел свою новую семью.

Номинант «сын» и его производные выявлен в 48 контекстах, при этом только 18 из них в значении «родной член семьи»

«— *Стало быть, ты им не показался, — сухо сказал роскошный мальчик, — раз они тебя не захотели принять за сына.*

— *Как это — за сына? За какого?*

— *Известно, за какого. За сына полка. А без этого не положено.*

— *А ты — сын?*

— *Я — сын. Я, братец, у наших казачков уже второй год за сына считаюсь».* — [Катаев, 1945]. В данном контексте номинант «сын» используется в значении член боевого братства и находится на пересечении номинативных полей СЕМЬЯ и БРАТСТВО. Два мальчика разговаривают о том, что Ваню разведчики не взяли «сыном».

«*Но сейчас к этой солдатской гордости примешивалась другая гордость — гордость сына за своего отца*» — [Катаев, 1945]. Капитан Енакиев принял решение усыновить Ваню. В данном контексте номинант «сын» используется в значении «родственник» и входит в сегмент СЕМЬЯ.

В тексте романа выявлено 12 контекстов с номинантом «отец». Во всех случаях номинант описывает родственную связь и входит в сегмент СЕМЬЯ:

«*Сейчас к солдатской гордости примешивалась другая гордость — гордость сына за своего отца*» — [Катаев, 1945]. Номинанты «сын» и «отец» в данном контексте номинируют именно родственные отношения внутри семьи и входят в сегмент СЕМЬЯ.

В номинативном поле рассматриваемого дуального художественного концепта в сегменте БРАТСТВО выявлен номинант «товарищ». Всего контекстов, где данный номинант номинирует члена боевого братства в тексте повести — 6. Нами не были учтены номинанты, которые используются в качестве воинского обращения:

«*В этой записке капитан Енакиев прощался со своей батареей, передавал привет всем своим боевым товарищам*» — [Катаев, 1945]. Номинант «*боевые товарищи*» описывает тех солдат, с которыми капитан прошёл свой боевой путь, его подчинённых артиллеристов и разведчиков.

«*Капитан Енакиев и капитан Ахунбаев были старые боевые товарищи*» — [Катаев, 1945]. В данном контексте номинант «*товарищ*» описывает не только крепкую фронтовую, но и близкие почти родственные отношения между капитанами, что следует из следующего контекста:

«*Много хлеба и соли съели вместе, за одним походным столом, боевые друзья. Немало воды выпили они из одной походной фляжки. Случалось, что и спали рядом на земле, укрывшись одной плащ-палаткой. Любили друг друга, как родные братья*» — [Катаев, 1945]. Два капитана прошли долгий боевой путь, разделяя фронтовые трудности. Это настолько их сблизило, что они «*любили друг друга, как родные братья*». Номинанты «*много хлеба и соли съели вместе*», «*боевые друзья*», «*воды выпили из одной фляжки*», «*спали рядом*», «*укрывшись одной плащ-палаткой*», «*как родные братья*» входят в сегмент БРАТСТВО, а номинант «*боевые товарищи*» из предыдущего контекста находится на пересечении номинативных полей.

Схематически, структура номинативного поля дуального художественного концепта БРАТСТВО-СЕМЬЯ изображена на рисунке 1.

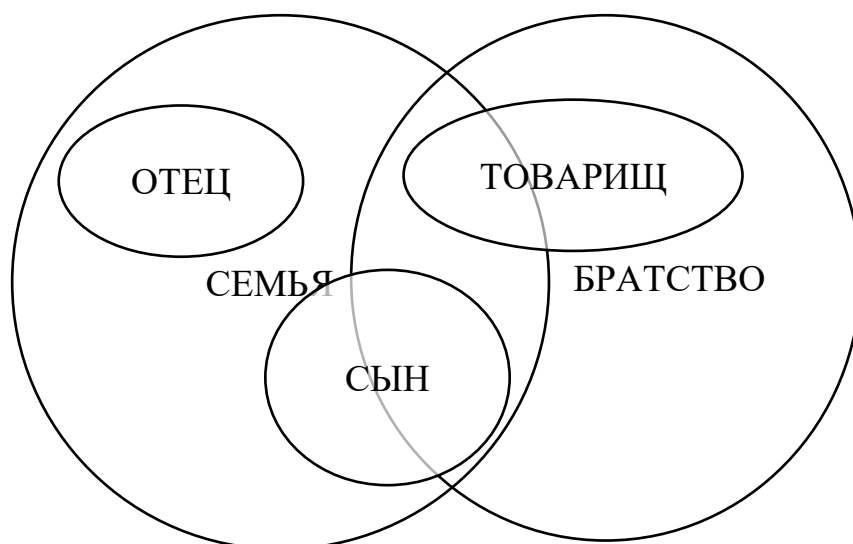

Рисунок 1 – Структура номинативного поля дуального художественного концепта БРАТСТВО-СЕМЬЯ

На схеме видно, что номинативные поля дуального художественного концепта БРАТСТВО-СЕМЬЯ частично накладываются друг на друга. В номинативном поле концепта-доминанты БРАТСТВО-СЕМЬЯ выявлены субконцепты ОТЕЦ, СЫН и ТОВАРИЩ. Субконцепт ОТЕЦ репрезентирует в повести только степень семейного родства и входит только в сегмент СЕМЬЯ. Субконцепт СЫН находится одновременно и на пересечении, и в одном из соответствующих сегментов: часть номинативного поля субконцепта репрезентирует только родственные семейные отношения, а часть отношения фронтовиков. То же самое характерно и для номинативного поля субконцепта ТОВАРИЩ.

Так, в номинативное поле дуального художественного концепта-доминанты входят следующие субконцепты ОТЕЦ, СЫН и ТОВАРИЩ, номинативные поля которых частично находятся на пересечении сегментов СЕМЬЯ и БРАТСТВО формируя тем самым смысловую диаду.

Список литературы

Бреева Т. Специфика сюжетостроения в повестях В. Катаева «Белеет парус одинокий» и «Сын полка» // Филология и культура. Philology and Culture. – 2023. – № 4 (74). – С. 97-103.

Даниленко И.А. Архитектоника художественного дуального концепта (на материале романа ФС Фитцджеральда "The Great Gatsby") / И.А. Даниленко, А.П. Даниленко // Филологический аспект. – 2017. – №. 6. – С. 122-127.

Зенина А.В. Художественный текст и контекст: проблемы изучения концептосфера творчества А. Ревякиной: ядро и периферия. Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – Том 2. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2021. – С. 142-145.

Катаев В. Сын полка. – М.: Детгиз, 1945. – 198 с.

Литовская М. А. Социохудожественный феномен В. П. Катаева : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 52 с.

Огнева Е. А. Диадный художественный концепт РОССИЯ (на материале произведения А.Толстого "Хождение по мукам") // Сборник материалов IX Международной научной конференции. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – С. 68-74.

ARCHITECTONICS OF THE DUAL LITERARY CONCEPT OF BROTHERHOOD-FAMILY IN V. P. KATAEV'S NOVEL «REGIMENT'S SON»

Danilenko Ilya Aleksandrovich,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Pedagogical Institute,*

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,

Markov Aleksandr Vladimirovich,

*Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The dual literary concept is a type of binuclear literary concept. The architectonics of the cognitive dominant WAR, realized in V. P. Kataev's novel «Regiment's Son» reveals the dual literary dominant concept of BROTHERHOOD-FAMILY and the subconcepts of SON, FATHER, and COMRADE.

Key words: dual literary concept, dominant concept, cognitive dominant WAR.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОСРЕДСТВОМ АУДИРОВАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Карпова Марина Сергеевна,

*студент кафедры иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия,*

научный руководитель: Прокopenко Юлия Александровна,

*к.с.н., доцент кафедры иностранных
языков педагогического института*

*Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается развитие навыка аудирования как инструмента формирования семейных ценностей на уроке иностранного языка. Раскрыты понятия аудирование, аутентичные тексты. Выявлены преимущества и недостатки использования аутентичных материалов, а также даны методические рекомендации по работе с ними.

Ключевые слова: аудирование, аутентичные тексты, семейные ценности, нравственное воспитание.

В настоящее время, как нам известно, современный образовательный процесс ориентирован на стандарты ФГОС, и особое внимание в нем уделяется как освоению предметных навыков, так и формированию духовно-нравственного воспитания учеников, будь то уважение к традициям и семье, взаимопомощь, ответственность за себя и близких. Так, уроки иностранного языка могут предоставить ту самую возможность интеграции воспитательного элемента и метапредметности через использование аутентичных текстов, в особенности устных. Несмотря на то, что технологии аудирования чаще используются для развития иноязычной коммуникативной компетенции, игнорируя их воспитательный потенциал, правильно подобранные аудиофайлы действительно могут стимулировать осмысление морали и нравственности.

Стоит начать с определения понятия «аудирование». Аудирование – самостоятельное действие по восприятию и перекодированию речевых сигналов в мысли и образы [Базина, 1999, с. 105]. Кроме того, это рецептивный вид речевой деятельности, то

есть процесс, связанный с восприятием речи [Татарницева, 2021, с. 57]. Результатом аудирования выступает умозаключение, которое формируется на основе прослушанного аудиотекста или речевого сигнала. В методической литературе данный навык рассматривается как цель и средство обучения, так как они тесно связаны и дополняют друг друга на уроках иностранного языка.

Включение в процесс урока аутентичных материалов при выполнении аудирования необходимо для того, чтобы учащийся обрел актуальные языковые знания и навык. Аудирование как навык для развития иноязычной коммуникативной компетенции требует особого подхода, так как при прослушивании учитывается и содержание текста, и непосредственно задания к нему.

И.Н. Кузнецова, Н.В. Куркан пишут, что «язык реального общения, который транслируется аутентичным текстом, помогает преодолеть разрыв между языком, который преподают на уроке и языком повседневной, привычной коммуникации носителей» [Кузнецова, 2016, с. 183]. Следовательно, по мнению Ж.Б. Голосовой, развивающий и обучающий потенциал такого рода материалов невозможно недооценить [Голосова, 2023, с. 48].

Аутентичные материалы, или, другими словами, реалии, это все то, что используется носителями языка. В условиях настоящего времени стало общепринятым определять аутентичный текст как материал, содержащий мысли, слова, фразы и выражения, которые слышатся и читаются в реальных ситуациях. В такой ситуации применимо определение К.С. Кричевской, она пишет: «Аутентичные материалы – это «подлинные литературные, фольклорные, изобразительные, музыкальные произведения, предметы реальной действительности (одежда, мебель, посуда) и их иллюстративные изображения» [Кричевская, 1996, с. 15]. Такие материалы полезны для учащихся любого уровня обучения и степени развития иноязычной коммуникативной компетенции, разница лишь в подборе правильного текста учителем. Мы остановились на аудиоматериалах, связанных с семейными ценностями.

Так, аутентичные материалы, такие как подкасты о семейных традициях или диалоги носителей, обладают высоким воспитательным потенциалом, поскольку отражают реальные жизненные ситуации, где ценности проявляются естественно, то есть в обсуждениях нравственности, моральных принципов и семейных традиций. Следовательно, такие ресурсы открывают широкие возможности для целенаправленного формирования нравственных ценностей на уроках английского языка, интегрируя аудирование с рефлексией и дискуссией. В отличие от учебных текстов в учебниках школьной программы, аутентичные аудио провоцируют эмоциональный отклик: учащиеся не просто понимают основную мысль и выполняют задания к прослушанному отрывку, но и соотносят её с собственным опытом, развивая личностные УУД, например, самооценку, этические ориентиры и др.

Из-за того, что дидактический потенциал аудиофайлов достаточно велик, следует рассмотреть аутентичные веб-сервисы и приложения, которые могут быть использованы в обучении аудированию и формированию через него семейных ценностей.

Например, для наших целей можно использовать веб-сайт Randall's ESL Cyber Listening Lab. Это бесплатный онлайн-ресурс для развития навыков аудирования у изучающих английский как иностранный, доступный любому пользователю без ограничений. Платформа отлично подходит для школьных уроков, поскольку предлагает аутентичные материалы от носителей языка: короткие диалоги, монологи и интервью на повседневные темы, включая семью, традиции, различные праздники, рутину. Каждая запись длится от 1 до 3 минут, это оптимальная длительность для прослушивания школьниками. Сайт предлагает нам выбрать уровень сложности: easy, то есть начальный, medium – средний и difficult – продвинутый. Темы аудио разделены на категории, такие как: «Daily life», «Family», «Holidays», «Culture». Соответственно, это позволяет учителю легко

найти материалы для урока. Каждая аудиозапись сопровождается заданиями до, во время и после прослушивания, включая рефлекссию.

Итак, для учащихся, находящихся на начальном уровне обучения английскому языку, можно предложить выполнить задания по аудированию на тему «Family activities»:

Pre-Listening Exercise: 1. Представьте, что вы пятилетний ребенок, и ваш отец спрашивает, как прошел день. Какие виды деятельности совершает ребенок в течение дня в таком возрасте? 2. Согласны ли вы с данными высказываниями? Обсудите и поделитесь мнением.

- 1) Eating dinner together as a family is important.
- 2) Watching TV is a good way for families to spend time together.
- 3) Families should go on vacation every year.
- 4) Playing games is better than watching movies as a family.
- 5) Family members should all enjoy the same activities.
- 6) It's hard to find time for family activities these days.
- 7) Cooking together is a fun family activity.
- 8) Parents should plan activities for the whole family.
- 9) Doing chores together can be a family activity.
- 10) Family time is more important than time with friends.

3. Рассмотрите новые идиомы:

keep an eye on = watch carefully

“Be sure to keep an eye on the kids so they don't get too close to the river.”

homesick = sad at being away from home or things that are familiar

“My roommate is really homesick and can't think about anything else but his mom's cooking.”

4. Аудирование (скрипт) и тест;

Emily: Welcome home, Dad.

Dad: Oh, Emily. How are you today?

Emily: Fine.

Dad: Good. And how was school today?

Emily: Really fun.

Dad: Good. And what did you do?

Emily: We made things.

Dad: Like what types of things did you make?

Emily: We made books.

Dad: You made books! Okay. And what else?

Emily: We . . . we made paper kangaroos.

Dad: You made paper kangaroos? Okay, and what did you need to make your paper kangaroos? What kind of supplies did you need?

Emily: We used crayons, papers, glue, and we had to follow directions.

Dad: Well good. And, uh, what did you do after school?

Emily: We went home, played games.

Dad: And did . . . Mom said you went to the junior high school.

Emily: I rode my bike in the tennis court.

Dad: Did you go by yourself?

Emily: I went with the whole family, and we went with Nathan, Sara, Rachael.

Dad: You went with your cousins.

Emily: And my mom.

Dad: Well, that's great. Well, let's get ready for dinner.

Emily: Okay.

5. Вопросы на проверку услышанного;

6. Онлайн-исследование или игра на проверку новых слов.

Однако, в случае использования веб-сайтов для аудирования, содержащего аутентичные аудиоматериалы, учителю следует соблюдать определенные методические рекомендации. Итак, первый шаг – это определение конкретной цели и постановка задачи, которых учитель хочет достичь в процессе прослушивания. Затем, он анализирует функциональные и методические возможности сервиса, при этом выбирая наиболее подходящий для определенной языковой группы, учитывая возраст и уровень обучения иностранным языкам. При выборе аудиозаписи ключевым ограничителем выступает ее продолжительность и сложность, то есть запись должна быть четкой и соответствовать теме урока. Перед прослушиванием стоит провести разминку и заранее разобрать ключевую лексику, например, по теме «Семья». Аудиозапись дается как минимум дважды. Для закрепления материала обсуждаем вопросы к тексту и проводим краткую рефлексию. На этапе рефлексии, учащиеся сами называют, что их больше всего заинтересовало или задело в аудиозаписи, и по их ответам будет очевидно то, что их внимание обращено не на особенности языка, а на прослушанную информацию.

Разнообразие тем в аутентичных материалах работает на развитие критического мышления, а дискуссии в момент и после прослушивания, в свою очередь, улучшают коммуникативные навыки и культурную восприимчивость учеников. Допустим, можно взять сравнение семейных ценностей в России и Англии, в нем уже прорастают моральные ориентиры и уважение к близким.

На практике использования таких ресурсов преподаватель сталкивается с минусами. Найти нужные записи – это проблема, так как доступ ко многим веб-сайтам ограничен. Часто готовые задания не подходят под образовательные стандарты и учащимся тяжело с ними работать. Поэтому лучшим решением будет разумное сочетание Интернет-ресурсов и традиционных разработок в равной пропорции.

Отбор качественных текстов для аудирования на уроках английского языка позволяет учителю соединить тренировку навыков и ненавязчивый разговор о том, что действительно важно: о семье, об уважении, о традиционных ценностях. Другими словами, это мост между языком и воспитанием.

Список литературы

Базина М. П. Английский язык как учебный предмет и средство общения: учеб. пособие. – Издательство: ЧеРо, 1999 г. – 112 с. – ISBN 5-88711-087-2.

Голосова Ж.Б. Развитие навыков аудирования у обучающихся старших классов средствами аутентичных материалов // Современное педагогическое образование. – 2023. – №1. – С. 48-51.

Кричевская К.С. Прагматические материалы, знакомящие учеников с культурой и средой обитания жителей страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. – 1996. – №1. – С. 15-19.

Кузнецова И. Н. Аутентичные материалы как средство развития навыков чтения в преподавании иностранного языка: критерии выбора и преимущества / И.Н. Кузнецова, Н.В. Куркан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7–1 (61). – С. 182-185.

Татарничева С.Н. Методика обучения иностранным языкам: теория и практика: электронное учебное пособие – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2021. – URL: <https://catalog.inforeg.ru/Inet/GetEzineByID/331627> (дата обращения: 25.03.2026).

FORMATION OF FAMILY VALUES THROUGH LISTENING TO AUTHENTIC TEXTS IN FOREIGN LANGUAGE LESSONS

*Karpova Marina Sergeyevna,
Student, Department of Foreign Languages, Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,*

Supervisor: Prokopenko Yulia Alexandrovna,
*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign
Languages, Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the development of listening skills as a tool for forming family values in the foreign language classroom. The concepts of listening and authentic texts are explained. The advantages and disadvantages of using authentic materials are identified, and methodological recommendations for working with them are provided.

Key words: listening, authentic texts, family values, moral education.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЕМЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Корсунова Юлия Александровна,
*студент факультета иностранных языков
педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Даниленко Илья Александрович,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу способов языкового конструирования привлекательности товара в современной американской рекламе на материале англоязычных слоганов и фрагментов продающих текстов. В рамках работы описаны типичные модели оценочной лексики, приемы параллелизма, эллипсиса, анафоры, градации, метафоризации и языковой игры, а также их интерпретация как носителей американского культурного кода. Для решения поставленных задач используются методы сплошной выборки, структурно-семантического и стилистического анализа, лингвокультурного комментария, элементы сравнительного и дискурсивного анализа. В заключении описывается влияние выявленных приемов на восприятие товара адресатом и возможности их использования в лингвокультурологически ориентированном обучении английскому языку.

Ключевые слова: американская реклама, рекламный дискурс, привлекательность товара, языковое воздействие, слоган.

Рекламный дискурс объединяет в себе коммерческие установки производителей и культурно маркированные представления о «правильном» потреблении, успехе, красоте, здоровье, свободе выбора, поэтому исследование средств языкового конструирования привлекательности товара в американской рекламе приобретает методическую и общекультурную значимость.

Цель исследования состоит в описании и систематизации способов языкового конструирования привлекательности товара в американской рекламе на уровне лексики, грамматики и стилистики с последующей интерпретацией выявленных приемов как носителей американского культурного кода, релевантных для использования в иноязычном образовании.

Новизна исследования состоит в том, что способы языкового конструирования привлекательности товара рассматриваются не изолированно, а в связке с описанной

отечественными авторами спецификой рекламного воздействия и с опорой на идеи культурного кода американской рекламы, что позволяет показать взаимосвязь микроструктуры рекламного текста и ценностных установок принимающей культуры.

Теоретическую основу формируют работы А.Р. Рюковой [Рюкова, 2021], описывающей лексические, грамматические и стилистические средства воздействия в рекламном дискурсе и ведущие конативную и референтную функции текста; Е.А. Нахимовой и А.Е. Сальниковой [Нахимова, 2022], анализирующих языковую игру, параллелизм и градацию в слоганах британских и американских интернет-магазинов; Р.М. Миндияхметовой [Миндияхметова, 2023], трактующей американскую, прежде всего автомобильную, рекламу как носитель национального культурного кода «американской мечты»; А.А. Замориной и А.И. Астраханцевой [Заморина, 2024], исследующих стратегии убеждающей коммуникации и систему фонетико-графических, грамматико-синтаксических и стилистических приемов продающих текстов; О.В. Соколовой [Соколова, 2023], описывающей неоднозначность и полисемию как средство языковой манипуляции и расширения смысла, что позволяет учитывать в анализе явление намеренной семантической неопределенности и игры с ожиданиями адресата.

Методологическая база включает структурно-семантический и стилистический анализ рекламных текстов, лингвокультурный комментарий, элементы дискурсивного и сравнительного анализа и количественный учет повторяющихся моделей для выявления наиболее частотных способов языкового конструирования привлекательности товара.

Конструирование привлекательности товара в американской рекламе строится на сочетании эксплицитной оценки качества продукта и имплицитной апелляции к ценностям адресата. На лексическом уровне значительную нагрузку несет оценочная прилагательная лексика, создающая эффект превосходства рекламируемого продукта. Эпитеты типа *flawless, ultimate, perfect, powerful, healthy* формируют представление о безупречности товара, а сочетания вроде *flawless finish, best skin, powerful protection, highlighted* в анализе продающих текстов у А.А. Замориной и А.И. Астраханцевой [Заморина, 2024] создают образ результата, к которому стремится потребитель. В рекламном описании косметических средств формулы вида *flawless finish, flawless full coverage* предполагают не только техническую характеристику продукта, но и обещание социального эффекта: безупречный внешний вид связывается с успехом, уверенностью, соответствием идеалам красоты, формируемым массовой культурой.

Существенную группу составляют лексемы с количественным и градуирующим значением. В слогане «*Diet Pepsi – with zero sugar, with zero calories, with zero carbs*», подробно разобранном Е.А. Нахимовой и А.Е. Сальниковой [Нахимова, 2022], цепочка однородных компонентов с повторяющимся элементом *zero* одновременно выступает средством логической аргументации (подчеркивается отсутствие нежелательных компонентов) и эмоционального давления: последовательное наращивание списка вредных характеристик, от которых «очищен» продукт, превращает напиток в символ контролируемого, «правильного» потребления. Градация в данном случае конструирует привлекательность товара за счет усиления ощущения безопасности и рациональности выбора.

Для американской рекламы типична опора на разговорную лексику, усилители и colloquialные сочетания, создающие эффект дружеского обращения бренда к потребителю. Комбинации вроде *feel amazing, love your skin, everyday comfort* сближают адресанта и адресата, стирая дистанцию между корпорацией и индивидуальным покупателем. Товар предстает не как технический объект, а как компаньон в повседневной жизни адресата. Такая лексика соотносится с наблюдениями А.Р. Рюковой [Рюкова, 2021] о том, что рекламный текст строится вокруг конативной функции: обращение направлено к чувствам и желаниям адресата, а не только к его рациональным представлениям о полезности продукта.

Грамматико-синтаксический уровень конструирования привлекательности товара в американской рекламе характеризуется высокой степенью императивности и адресности. Императивы типа *Try it now, Discover your glow, Make it yours* воспринимаются не как приказ, а как дружественное побуждение, что согласуется с описанной в отечественных работах тенденцией к смягчению коммуникативного давления за счет использования «мягких» глаголов действия и конструкции с *you*, создающих иллюзию выбора. В слоганах подобного типа привлекательность товара строится через призыв присвоить объект («сделать своим»), что переводит коммерческое предложение в плоскость личной истории адресата.

Важную группу образуют конструкции с параллелизмом и анафорой. Пример «*This hyperpigmentation treatment... This Korean skincare vitamin C...*», анализируемый А.А. Замориной и А.И. Астраханцевой [Заморина, 2024], показывает, как повтор указательного местоимения *This* создает эффект заикленности внимания адресата на конкретном продукте и его свойствах. Анафора выполняет сразу несколько функций: структурирует текст, облегчает запоминание и одновременно усиливает оценочность, поскольку каждое повторение запускает тот же набор ожиданий, связанных с качеством и пользой товара. Сходным образом построен слоган *Great people, Great service, Great beverages, Great Coca-Cola*, описанный Е.А. Нахимовой и А.Е. Сальниковой [Нахимова, 2022]: последовательное повторение прилагательного *great* в начале каждого компонента связывает продукт с позитивными характеристиками людей, сервиса и впечатлений, а финальное упоминание бренда закрепляет за ним весь спектр этих ассоциаций.

Эллипсис в американских рекламных текстах функционирует как средство экономии и усиления динамики высказывания. Прием подробно описан на материале продающих текстов в работе А.А. Замориной и А.И. Астраханцевой [Заморина, 2024]: в формуле *Defends against UV rays while delivering flawless full coverage* опущенное подлежащее отсылается к уже названному продукту, а в фокус выдвигаются его полезные свойства. Конструирование привлекательности осуществляется через концентрацию на результатах использования товара, причем грамматическая неполнота текста вовлекает адресата в достраивание смысла, что усиливает эффект личного участия в выборе. Эллиптические перечисления в описаниях товаров (*Suitable for coffee, tea, smoothies, water*) удерживают внимание на многофункциональности продукта, формируя образ универсального решения для разных жизненных ситуаций.

Стилистический уровень в американской рекламе тесно связан с метафоризацией и языковой игрой. В исследовании А.А. Замориной и А.И. Астраханцевой [Заморина, 2024] приводится пример метафорического слогана «*You will move heaven and earth with us*»: гиперболизированное обещание переносит продукт в сферу сверхвозможностей, создавая впечатление, что покупка открывает доступ к новым ресурсам энергии и силы. В формуле *A gas station for your body*, где витамины описываются как «заправка» для организма, товар соотносится с инфраструктурой движения, скорости и контроля над жизненным маршрутом, что хорошо согласуется с ценностью активности и самостоятельности, характерной для американского культурного кода.

Языковая игра, по наблюдениям Е.А. Нахимовой и А.Е. Сальниковой [Нахимова, 2022], широко представлена в слоганах американских брендов, где используются рифма, аллитерация и нетипичные сочетания. Аллитерация в формуле *K-Cup pods and beyond, brew up all the best beverages for every season and every mood*, описанная А.А. Замориной и А.И. Астраханцевой [Заморина, 2024], создает запоминающийся звуковой рисунок, а скопление лексем с начальным *b* усиливает ощущение изобилия и разнообразия. Звуковая организация текста превращается в самостоятельный ресурс привлекательности: ритм и повторы способствуют тому, что слоган «прилипает» к памяти адресата, даже если он не готов к немедленной покупке.

Особую значимость для конструирования привлекательности товара имеет намеренная неоднозначность, описанная О.В. Соколовой [Соколова, 2023] как средство

манипуляции и расширения смысла. Формулы типа «Feel the difference», «Live your best life», «Drive the future» не содержат прямого указания на конкретные потребительские характеристики, но открывают широкий интерпретационный диапазон: «разницу» адресат соотносит с тем, что важно именно для него (качество, статус, комфорт), «лучшей жизнью» может быть успешная карьера, гармоничные отношения или здоровье, «будущее» – высокие технологии, экологичность или социальная ответственность. Семантическая размытость повышает привлекательность товара за счет того, что каждый адресат наполняет слоган собственным содержанием, а значит, узнает в нем свои ожидания. Подобный прием тесно связан с механизмом расширения смысла, описанным О.В. Соколовой для разных типов дискурса [Соколова, 2023], и в рекламной сфере усиливает манипулятивный потенциал текста.

Лингвокультурное измерение американской рекламы отчетливо просматривается на материале авторекламы, анализируемой Р.М. Миндияхметовой [Миндияхметова, 2023]. В работах, посвященных слоганам и видеороликам автомобильных марок, показано, что образ машины связывается с идеей национальной идентичности, свободы движения и «американской мечты»: акцент на открытых дорогах, просторных пейзажах, индивидуальном выборе маршрута и подчеркнутая мужественность персонажей выстраивают связь между товаром и базовыми ценностями американской культуры. В слоганах типа «Imported from Detroit», «Built for the American Dream», «Go your own way» национальный культурный код проявляется через лексемы, отсылающие к географии, истории промышленности и мифологии личного успеха. Привлекательность товара строится не только на технических параметрах (мощность, надежность, комфорт), но и на обещании включенности покупателя в символическое сообщество «настоящих американцев», разделяющих определенный стиль жизни.

Сопоставление наблюдений отечественных исследователей с анализом современных рекламных материалов позволяет выделить несколько устойчивых моделей языкового конструирования привлекательности товара в американской рекламе. Во-первых, это формирование образа «идеального результата» через сочетание оценочных прилагательных и метафор, описывающих состояние адресата после покупки (best skin, flawless finish, ultimate comfort, move heaven and earth). Во-вторых, построение эффекта рациональной выгоды через градацию и количественные показатели (zero sugar / zero calories / zero carbs, more power, more protection, more fun), где привлекательность товара связывается с контролем над рисками и оптимизацией затрат. В-третьих, создание доверительной атмосферы за счет разговорной лексики, местоимений you и us, императивов с дружественной тональностью и конструкций с присвоением (Make it yours, Your skin, your rules), что особенно подробно описано в работах о конативной направленности рекламы и ее стратегиях сближения с адресатом.

Для иноязычного образования выявленные модели представляют интерес как материал, позволяющий обучающимся распознавать скрытые механизмы воздействия и соотносить языковые средства с ценностными установками американской культуры. Анализ слоганов «Diet Pepsi – with zero sugar, with zero calories, with zero carbs»; «Great people, Great service, Great beverages», «Great Coca-Cola; You will move heaven and earth with us», «Feel the difference» в аудитории дает возможность обсудить, каким образом выбор грамматических конструкций, лексики и стилистических приемов влияет на образ товара и на самоощущение адресата. При введении лингвокультурологических стратегий в курс английского языка работа с такими примерами способствует формированию критического отношения к рекламным сообщениям и развитию навыков создания собственных текстов с учетом культурных норм целевого языка.

Проведенное исследование показало, что привлекательность товара в американской рекламе конструируется через совокупность лексических, грамматико-синтаксических и стилистических средств, последовательно описанных в отечественных работах о

рекламном дискурсе, лингвокультурной специфике американской рекламы и дискурсах активного воздействия.

Теоретические положения отечественных исследований рекламного воздействия, лингвокультурной специфики американской рекламы и языковой манипуляции систематизированы и использованы в качестве основы интерпретации современных англоязычных рекламных материалов. На материале слоганов и продающих текстов американских брендов выделены и описаны типичные лексические, грамматико-синтаксические и стилистические средства конструирования привлекательности товара, подтверждающие выводы указанных авторов и уточняющие их применительно к цифровой среде. Выявленные средства интерпретированы как лингвокультурные стратегии, репрезентирующие ценности американской культуры и пригодные для включения в лингвокультурологически ориентированный курс английского языка, что создает основу для формирования у обучающихся критического восприятия рекламы и навыков создания собственных текстов, учитывающих культурные и коммуникативные нормы целевого языка.

Список литературы

Заморина А.А. Лингвистические стратегии в убеждающей коммуникации: анализ приемов продажи рекламных текстов / А.А. Заморина, А.И. Астраханцева // Наука в мегаполисе. – 2024. – №. 11. – URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-67/literaturovedenie-i-yazykoznanie/lingvisticheskie-strategii-v-ubezhdayushchej-kommunikatsii-analiz-priemov-prodazhi-reklamnykh-tekstov.html> (дата обращения: 23.03.2026).

Миндияхметова Р.М. «Made in America», или еще раз о национальном культурном коде в рекламе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 3. – С. 32-40.

Нахимова Е.А. Сравнение языковых особенностей рекламных слоганов британских и американских интернет-магазинов / Е.А. Нахимова, А.Е. Сальникова // Лингвокультурология. – 2022. – № 16. – С. 126-131.

Рюкова А.Р. Языковые средства воздействия в рекламном дискурсе // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26. – № 4. – С. 1049-1056.

Соколова О.В. Неоднозначность как средство языковой манипуляции и расширения смысла в политике, рекламе и поэзии // Известия Восточного института. – 2023. – № 1. – С. 93-105.

METHODS OF LINGUISTIC CONSTRUCTION OF PRODUCT APPEAL IN AMERICAN ADVERTISING

Korsunova Yulia Aleksandrovna,

Student of the Faculty of Foreign Languages of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,

Scientific Advisor: Danilenko Ilya Aleksandrovich,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Pedagogical Institute,

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. This article analyzes methods of linguistically constructing product appeal in contemporary American advertising using English-language slogans and fragments of sales copy. The paper describes typical patterns of evaluative vocabulary, techniques of parallelism, ellipsis, anaphora, gradation, metaphorization, and wordplay, as well as their interpretation as carriers of the American cultural code. To address these objectives, the methods of continuous sampling, structural-semantic and stylistic analysis, linguistic and cultural commentary, and elements of comparative and discourse analysis are used. The conclusion describes the influence of the

identified techniques on the recipient's perception of the product and the possibilities of their use in linguistically and culturally oriented English language teaching.

Key words: American advertising, advertising discourse, product appeal, linguistic impact, slogan.

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА ФРАКТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА

Москвичёва Оксана Анатольевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной
коммуникации филологического факультета*

*Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова,
Республика Крым, г. Симферополь, Россия*

Аннотация. В статье предлагается полипарадигмальный и междисциплинарный подход к конструированию фрактальной модели поэтического мира в когнитивном измерении. Актуальность научного исследования обусловлена общим направлением когнитивно-поэтологических исследований на поиск новых ракурсов изучения концептуальных тропов и художественных концептов с целью раскрытия глубинных механизмов их формирования и функционирования в разные периоды поэтического творчества.

Ключевые слова: фрактальная модель поэтического мира, концептуальные тропы, художественные концепты, концепты, фреймы.

В образном аспекте модель поэтического мира представляется кругом, поскольку поэзия – замкнутый круг, сотканный из чувств и эстетической реакции, которые возникают как у поэтов, так и у реципиентов поэтических текстов, то есть читателей. Концептуальное измерение фрактальной модели поэтического мира (*далее ФМПМ – О.М.*) моделируем с привлечением идентифицированных художественных концептов (*далее ХК – О.М.*) и реконструированных концептуальных тропов в британских поэтических текстах XIX–XXI веков и понимаем указанные понятия как кванты индивидуально-авторской, концептуальной и поэтической картин мира британских поэтов, которые характеризуются определенной эстетической окраской и являются воспроизведением британского менталитета, системы моральных ценностей и интенций британских поэтов романтизма, модернизма и постмодернизма. Лингвокогнитивное измерение ФМПМ моделируем из двух сегментов – микросегмента и макросегмента, особенности конструирования которых являются аналогичными [Moskvichova, 2019; Moskvichova 2020; Moskvichova 2022].

Экстраполируя методологию лингвопоэтического анализа, методологию когнитивной лингвистики и когнитивной поэтики, учитывая достижения методологии фрактального моделирования в математике, фрактальной геометрии, синергетике, лингвистике и теории систем, очертим особенности конструирования лингвокогнитивного измерения ФМПМ в британских поэтических текстах XIX–XXI веков, которое характеризуется сложной структурой. Указанная сложность структуры обусловлена когерентностью между составляющими сегментами лингвокогнитивного измерения ФМПМ, то есть согласованием диффузионных и диссипативных процессов, которые делают возможной когерентную связность сложной хаотической структуры в единое фрактальное целое.

Так, лингвокогнитивное измерение ФМПМ моделируем из двух сегментов – микросегмента и макросегмента. Микросегмент ФМПМ понимаем как наполненный идентифицированными ХК в британских поэтических текстах XIX–XXI веков.

Макросегмент ФМПМ заполняем реконструированными концептуальными тропами в материале исследования [Москвичова, 2021].

Как отмечает Ю.С. Степанов, центральным и интегрирующим или начальным аспектом фрактальной лингвистической модели является аттрактор. Как известно, термин «аттрактор» в синергетике (от лат. *‘attrahere’* – *‘притягивать’*) характеризуется как относительно стабильное состояние системы, благодаря которому все элементы системы словно притягиваются к аттрактору; это область притяжения разнообразных флуктуаций размером с предложение [Деменок, 2018].

В теории точных наук с позиции фрактального моделирования аттрактор (или круговой / циклический / странный аттрактор) – точка или замкнутая линия, которая притягивает к себе все возможные траектории фрактальной системы и предстает устойчивым элементом фрактала, вокруг которого сконцентрирована вся фрактальная структура или фрактальная модель; это геометрическая структура ограниченного объема в фазовом пространстве, к которой асимптотически (то есть не касаясь) стремятся траектории, описывающие динамику диссипативной нелинейной системы [Деменок, 2018].

В аспекте фрактального геометрического моделирования аттрактор состоит из центрального узла, вокруг которого в форме спирали разбросаны траектории аттрактора, никогда не пересекающиеся и центрирующиеся вокруг центрального узла. Орбита аттрактора представляет собой бесконечную и длинную линию на ограниченной плоскости. Во фрактальном моделировании такой аттрактор является фрактальным, или странным фрактальным аттрактором. Траектория или орбита странного фрактального аттрактора такова: точка → начало → цикл → фрактал [Деменок, 2018] (см. Рисунок 1).

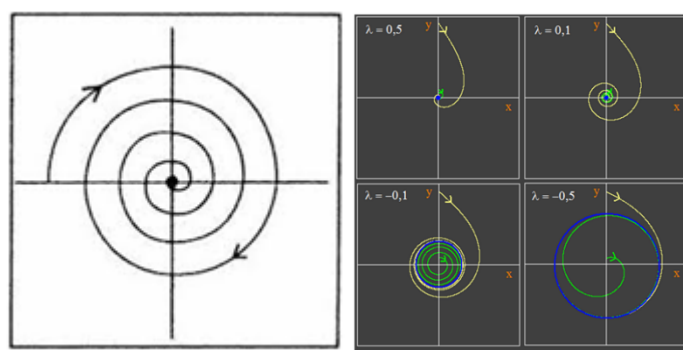

Рисунок 1 – Орбита странного фрактального аттрактора

Лингвокогнитивное фрактальное моделирование осуществляем на основе предложенного понятия «странный фрактальный аттрактор», который является магистральным и основным в ходе моделирования как лингвокогнитивных сегментов ФМПМ, так и лингвокогнитивного измерения ФМПМ в целом. В результате лингвокогнитивное измерение ФМПМ является идеализированным конструктом, подобным оригиналу и схематически закодированным матрицей концептуальных ценностей, присущих британскому лингвокультурному и поэтическому наследию XIX–XXI веков [Москвичова, 2021].

Центральным узлом для конструирования лингвокогнитивной плоскости ФМПМ являются ХК, идентифицированные в британских поэтических текстах XIX–XXI веков. Соглашаемся с определением ХК как квантов индивидуально-авторской, концептуальной и поэтической картин мира, характеризующихся определенным эстетическим окрасом. Подобно орбите движения странного фрактального аттрактора алгоритм моделирования ФМПМ в лингвокогнитивном измерении очерчивается в следующей последовательности: ХК → концептуальные тропы → фреймы → концептуальные бленды [Москвичова, 2021] (см. Рисунок 2):

Рисунок 2 – Алгоритм моделирования ФМПМ в лингвокогнитивном измерении

Сквозь призму теоретических достижений когнитивной лингвистики и когнитивной поэтики указанный алгоритм в ходе конструирования сегментов ФМПМ в лингвокогнитивном измерении изменяем на следующий: «ХК → фреймы; концептуальные тропы → концептуальные бленды». Таким образом, алгоритм «ХК → фреймы» выступает основой для моделирования микросегмента ФМПМ, а алгоритм «концептуальные тропы → концептуальные бленды» – макросегмента ФМПМ [Москвичова, 2021] (см. Рисунок 3):

Рисунок 3 – Алгоритм моделирования сегментов ФМПМ в лингвокогнитивном измерении

Микросегмент лингвокогнитивного измерения ФМПМ наполняем идентифицированными ХК в британских поэтических текстах XIX–XXI веков, а макросегмент – реконструированными концептуальными тропами в материале исследования. Идентифицированные ХК являются составляющими фреймов, а реконструированные концептуальные тропы – блендов [Москвичова, 2021].

Таким образом, делаем вывод, что ФМПМ в лингвокогнитивном измерении представляет собой сложный лингвокогнитивный и фрактальный конструкт, который

состоит из двух сегментов – микросегмента (ХК и фреймы) и макросегмента (концептуальные тропы и бленды). Смоделированное таким образом лингвокогнитивное измерение ФМПМ выступает свидетельством того, что ФМПМ является эмпирической, поскольку выдвинутая гипотеза релевантна в ходе исследования британских поэтических текстов XIX–XXI веков; нормативной, то есть подтвержденной на основе полипарадигмальности методологии исследования; макромоделью, состоящей из микромоделей – сегментов; динамической, то есть подчиненной изменениям под влиянием нового материала исследования или эмпирических данных [Москвичова, 2021; Moskvichova, 2019; Moskvichova, 2020; Moskvichova, 2022].

Список литературы

Деменок С. Л. Просто фрактал. Санкт-Петербург: Страта, 2018. – 308 с. – ISBN 978-5-907127-10-4.

Москвичова О. А. Конструювання фрактальної поетичної моделі світу у лінгвокогнітивному вимірі // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. Філологія. – 2021. – № 47, т. 2. – С. 30-35.

Москвичова О. А. Макросегмент фрактальної поетичної моделі світу в лінгвокогнітивному вимірі // Науковий журнал “Вчені записки ТНУ імені В.І. Вернадського. Сер. Філологія. Журналістика”. – 2021. – № 2, т. 32 (71). – С. 164-171.

Москвичова О. А. Микросегмент фрактальної поетичної моделі світу у лінгвокогнітивному вимірі // Нова філологія. Збірник наукових праць. – 2021. – № 81. – Т. II. – С. 7-17.

Moskvichova O. A. The Fractal Poetical Model of the World in the Linguistic and Cognitive Illumination // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. Філологія. – 2019. – № 43, т. 3. – С. 23-29.

Moskvichova O. A. The Methodology of the Modelling of the Fractal Poetical Model of the World (Based on the British Poetry of the XIXth Century) // Modern Philology: Promising and Priority Areas for Scientific Researches : collective monograph. – 2020. – P. 99-132.

Moskvichova O. A. The Design of the Fractal Poetical Model of the World (based on the British Poetry of the XX-XXIst Centuries) // Modern Researches in Philological Sciences : collective monograph. – 2020. – P. 217-239.

Moskvichova O. A. The Cognitive Modeling of the Conceptual Tropes in the Aspect of Cognitive Linguistics and Cognitive Poetics // The Socratic Inquiry. The Official Newsletter of the Socrates Journal. – 2022. – Vol. 4. Issue 2 (Jan 3 – Feb 6). – URL: <https://www.socratesjournal.com/News/newsletter/the-socratic-inquiry-newsletter-vol-4-issue-2-2022/> (дата обращения: 1.12.2025).

THE FRACTAL MODEL OF THE POETICAL WORLD IN LINGUISTIC AND COGNITIVE ILLUMINATION

Moskvichova Oksana Anatolyevna,
*Candidate of Science in Philology (PhD in Philology),
Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,
Philological Faculty,
State Budget Educational Institution of Higher Education of the Republic of the Crimea
«Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov», Autonomous
Republic of the Crimea,
Simferopol, Russia*

Abstract. The polyparadigmatic and the interdisciplinary aspects of the modelling of the fractal model of the poetical world in the linguistic and in the cognitive perspectives are determined by the correspondence of the scientific investigation to the general aims of the cognitive and of the

poetical researches that are aimed on the illumination of new approaches of the discovery of conceptual tropes and literary concepts with the purpose to outline the inner mechanisms of their formation and of their functioning in different periods of the poetical creative work.

Key words: the fractal model of the poetical world, conceptual tropes, literary concepts, the concept, the frame.

КОНЦЕПТ-ДОМИНАНТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ ДЕТЕКТИВЕ (В СТИЛЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА)

Некрасова Мария Юрьевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода и
зарубежная филология»*

*Севастопольского государственного университета,
г. Севастополь, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация событий Крымской войны в тексте современного британского детектива в стиле Шерлока Холмса. Выявляются ключевые концепты-доминанты («время», «война», «военный быт», «загадка», «вина», «память», «несправедливость») и описываются уровни их реализации в тексте (лексический, нарративный, образный, символический). Показывается, что детективный дискурс выступает средством интерпретации и когнитивной переработки исторического опыта.

Ключевые слова: концепт, концепт-доминанта, художественный текст, детективный дискурс, военный дискурс, Крымская война, интерпретация, память.

Конструирование языковой реальности в сознании человека сопровождается процессами концептуализации и категоризации. В результате различных видов человеческой познавательной деятельности происходит формирование концептов и определение места каждого из них в «языковой картине мира» индивида. Под концептом понимаются «идеальные абстрагированные единицы, смыслами которых человек оперирует в процессе мышления» [Болдырев, 2002]. К признакам концепта относят его ментальную природу, знаковость, оценочность, структурированность и динамичность [Огнева, 2019]. Таким образом, концепт выступает как многомерное когнитивное образование, отражающее как индивидуальный, так и коллективный опыт человека и закреплённое в языке.

Согласно В.И. Карасику, концепт имеет сложную структуру и включает ценностный, образный и понятийный компоненты. Ценностный компонент обеспечивает значимость концепта и позволяет выделить его среди других ментальных образований. Образный компонент отражает ассоциативные признаки и символические представления, тогда как понятийный репрезентирует его основные содержательные характеристики [Карасик, 2004]. Кроме того, подчёркивается ядерно-периферийная организация концепта: в ядре сосредоточены базовые, наиболее устойчивые признаки, тогда как на периферии располагаются более сложные и интерпретационные характеристики, формирующиеся в процессе познания.

В рамках данного исследования рассматривается концепт «Крымская война» как исторически и культурно значимое событие, осмысляемое через призму человеческого опыта, памяти и оценки. Его понятийный компонент соотносится с локально-темпоральными характеристиками и описывает военное столкновение коалиции Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинского королевства с Российской империей в 1853-1856 гг., основные события которого разворачивались на территории

Крымского полуострова. Вместе с тем концепт «война» выходит за пределы фактического описания и охватывает оценочные и эмоциональные компоненты, а также закрепляется в коллективной памяти. Его ценностный и образный аспекты варьируются в зависимости от дискурсивных условий репрезентации.

Художественный текст представляет собой комплексное когнитивно-дискурсивное образование, все элементы которого направлены на реализацию коммуникативной интенции автора. Он отличается образностью, многослойностью смысла и интерпретационной открытостью, а создаваемые в нём текстовые миры выступают как когнитивные и культурные конструкты [Огнева, 2019]. Среди них выделяются концепты-доминанты, обладающие наибольшей смысловой значимостью и направляющие интерпретацию текста [Даниленко, 2022]. Таким образом, художественный текст служит средой реализации концептов, а их актуализация обусловлена дискурсивной спецификой произведения.

Целью данной статьи является выявление и анализ концептов-доминант репрезентации Крымской войны в тексте современного британского детектива.

Особый интерес вызывает взаимодействие различных типов дискурса в пределах одного художественного текста. В частности, сочетание военного и детективного дискурсов позволяет по-новому интерпретировать исторические события.

Военный дискурс в художественном тексте обусловлен не только тематикой, но и спецификой репрезентации военного опыта. Он отражает исторически обусловленные представления о войне и сочетает элементы, характерные для различных типов текстов – художественных, публицистических и общественно-политических [Кучинская 2017]. В связи с этим военный дискурс в художественной литературе может рассматриваться как гибкая система, способная взаимодействовать с другими дискурсами.

Детективный дискурс характеризуется наличием загадочного события (преступления), требующего рационального объяснения, а также процессом его расследования. Центральное место в нём принадлежит фигуре сыщика, обладающего аналитическим мышлением и способного реконструировать причинно-следственные связи. Существенной особенностью детективного текста считается сохранение интриги до финала и вовлечение читателя в процесс интерпретации и поиска истины [Байко, 2015]. Основой детектива является загадка, которая обязательно получает разрешение [Моисеев, 2017]. Таким образом, детективный дискурс организует повествование по принципу логического раскрытия тайны, что позволяет интерпретировать даже сложные и травматические события в рамках причинно-следственной модели.

Так как нарративные техники являются неотъемлемой частью художественного текста, к основным компонентам концепта, выделяемым В.И. Карасиком, целесообразно добавить нарративный компонент, который отражает способы развёртывания смысла в тексте и позволяет выявить авторскую интенцию.

В анализируемом художественном произведении наблюдается пересечение двух событийных планов – Крымской войны и последующего расследования. В данном контексте ключевую роль играет **концепт-доминанта «время»**, который обеспечивает связь между прошлым (Крымская война 1853-1856 гг.), настоящим повествования (расследование, лето 1885 г.) и условным будущим, соотносимым с позицией читателя. На лексическом уровне репрезентируется через прямые указания на временные промежутки, а также через маркеры ретроспекции – *«years later, in the past»*. При этом реализуется эффект «отложенного события», при котором причины, заложенные в прошлом, получают развитие спустя десятилетия. Таким образом, временная организация текста строится на взаимодействии двух хронологических пластов, связанных причинно-следственными отношениями. Связь времени с остальными доминантами, выделенными в тексте, можно представить в виде схемы на рисунке 1:

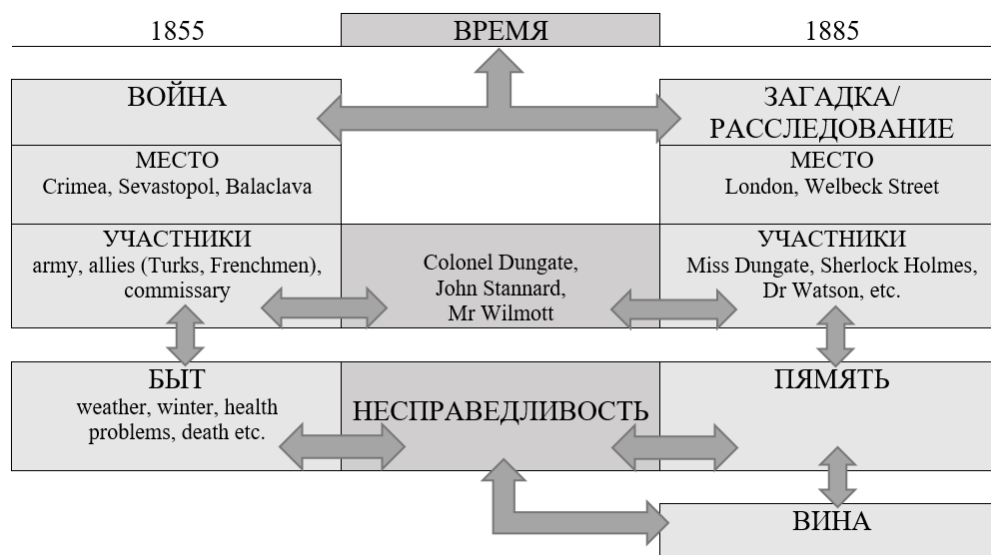

Рисунок 1 – Связь концептов-доминант в произведении «The Soldier's Daughter»

Концепт-доминанта «война» репрезентируется через единицы, связанные с участниками и пространством военных действий – *Crimea, Sevastopol, Balaclava; army, Turks, Frenchmen*. Автор упоминает сражения – «*great battles we fought*» [Knott 2017], и победу – «*stormed the Malakoff, and at the finish Sevastopol had fallen and the Russian fleet was destroyed*» [Knott 2017]. На нарративном уровне война представлена ретроспективно: военный эпизод вводится через воспоминание и письмо, создавая причину конфликта. На образном уровне формируется система образов участников войны. Джордж Дунгейт раскрывается перед читателем, как ответственный и благородный офицер – «*came from a good family*» [Knott, 2017], «*spared no pains to make things better for us*» [Knott, 2017]. Джон Стэннард – смелый и честный солдат, высоко отмеченный по службе – «*Conduct exemplary*» [Knott, 2017].

Им противопоставлен образ мистера Уилмотта, коррумпированного чиновника, для которого война – это прибыльное предприятие: «*There was plenty to be done for a sharp young fellow, especially when the regiment officers were so green*» [Knott, 2017]. Солдаты изображены жертвами, офицеры – носителями ответственности, а представители административной системы являются примером коррупции и получателями личной выгоды. На символическом уровне война для читателя – источник страданий и опыта. В то же время, концепт-доминанта «война» формирует смысловую основу текста.

Концепт-доминанта «военный быт» актуализируется в лексике – «*cold, hunger, death, lack of supplies, winter*». На нарративном уровне военный быт раскрывается через описание условий существования солдат – «*a lot of men went down with cholera*» [Knott 2017], «*cruel hardships we endured*» [Knott 2017]. Это приводит к тому, что на образном уровне военный быт представлен как процесс преодоления трудностей. На символическом уровне, в основе концепта-доминанты «быт» лежит концепт «одеяла» («*blankets*») – он становится символом выживания. Помимо этого, он объединяет концепты-доминанты «быт» и «загадка», так как является причиной конфликта и ключом к детективной разгадке.

В соответствии с сюжетом произведения данный символ раскрывается через ситуацию, в которой солдаты и офицеры полка оказываются без одеял, жизненно необходимых в условиях суровой зимы. Как выясняется, они были переданы другому полку или проданы союзникам в результате коррупционных действий, что позволило мистеру Уилмотту обогатиться. Спустя тридцать лет герой узнаёт Уилмотта, когда тот хвастается способом приобретения своего состояния. Возникший между ними конфликт приводит к убийству, а упоминание одеял в предсмертной реплике Уилмотта превращает данный предмет в ключевой символ повествования. Таким образом, посредством концепта-

доминанты «военный быт» осуществляется связь между событиями прошлого и настоящего, а также между концептами-доминантами «война», «несправедливость», «память», «загадка» и «вина».

Концепт-доминанта «загадка/расследование» на лексическом уровне реализуется через единицы, обозначающие тайну и процесс её раскрытия – *«mystery, case, clue, evidence»*. На нарративном уровне загадка формирует основу сюжета, организуя движение повествования от неизвестного к установлению истины. Расследование в тексте выполняет реконструктивную функцию: оно не просто раскрывает преступление, но восстанавливает цепочку событий, восходящих к периоду Крымской войны. На образном уровне концепт связан с фигурой сыщика, который выступает интерпретатором скрытых смыслов. Шерлок Холмс представлен как аналитический субъект, ориентированный на строгую логику и последовательное установление фактов, что подчёркивается следующими характеристиками: *«the keenest interest on his face»*, *«it was an axiom of his that all the relevant facts must be assembled before any attempt is made to formulate a theory»* [Knott, 2017]. На символическом уровне концепт-доминанта «загадка» реализуется через процесс раскрытия скрытого знания, при котором отдельные детали (в частности «blankets») приобретают статус ключевых элементов, связывающих прошлое и настоящее.

Концепт-доминанта «вина» выражается через лексику моральной оценки – *«guilt, responsibility, fault»*. На нарративном уровне вина не столько является непосредственной причиной преступления, сколько формирует его моральное основание, связывая поступки персонажей с событиями прошлого. На образном уровне вина реализуется через письмо Стэннарда как акт свидетельства, а также через поведение мистера Уилмотта, чьё признание сопровождается насмешкой и отсутствием раскаяния. Это усиливает переход к концепту несправедливости. На символическом уровне, значимым становится символ банка, как маркер несправедливого обогащения, в результате чего концепт-доминанта «вина» связывает индивидуальный опыт персонажей с более широким моральным контекстом.

Концепт-доминанта «несправедливость» репрезентирован лексическими единицами, связанными с нарушением норм и неравенством – *«injustice, corruption, inequality»*. На нарративном уровне несправедливость проявляется как глубинная причина конфликта, заложенная в прошлом. Так, распределение ресурсов осуществляется неравномерно, что приводит к страданиям солдат и формирует основу будущего преступления. На образном уровне она воплощается в фигурах, связанных с властью и распределением ресурсов, прежде всего в образе комиссара – *«he had his finger in a great many pies»* [Knott, 2017]. На символическом уровне несправедливость отражает системный характер нарушений и выступает как причина трагических последствий, выходящих за рамки одного события.

Концепт-доминанта «память» на лексическом уровне реализуется через единицы, связанные с воспоминанием – *«memory, recall, recognise»*. На нарративном уровне данный концепт представлен посредством включения событий прошлого в повествование. Ключевую роль здесь играют физические ассоциации с событиями прошлого. Триггерами могут выступать голос, интонации – *«he gave a nasty little snigger»* [Knott, 2017]. На образном уровне выделяются различные типы памяти: ассоциативная и вытесненная. Первая проявляется в тот момент, когда Стэннард и Дунгейт слышат смех Уилмотта и в их памяти всплывает опыт лишений и потери друзей. Вторая связана с образом Уилмотта, ни на минуту не раскаявшегося в своих деяниях. Соответственно, на символическом уровне память представляет чувство отчаяния из прошлого, которое влияет на настоящее.

Таким образом, концепты-доминанты в анализируемом тексте включают в себя следующие уровни: лексический, нарративный, образный и символический. Они формируют единую структурированную систему, представленную компонентами «время», «война», «военный быт», «загадка», «вина», «память», «несправедливость». Их взаимодействие обеспечивает связь между событиями Крымской войны (прошлого),

расследованием преступления (настоящего) и оценкой читателя (будущего). При этом прошлое не остаётся завершённым, а продолжает функционировать в настоящем, определяя мотивацию персонажей и структуру повествования.

Список литературы

Байко В.А. Основные жанровые признаки детективной прозы // Лингвокультурология: ежегодный сборник научных трудов / гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – Вып. 9. – С. 7-16.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2002. – 123 с.

Даниленко И.А. Выявление концептов-доминант в художественном тексте // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2022. – № 3. – С. 52-58.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с. – ISBN 5-7333-0143-0

Кучинская Е.А. К вопросу о жанрах военного англоязычного дискурса / Е.А. Кучинская, Е.В. Ларченкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5-1 (71). – С. 100-103.

Моисеев П.А. Поэтика детектива : монография – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 242 с. – ISBN 978-5-7598-1664-5.

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров: монография. – Москва: Эдитус, 2019. – 190 с. – ISBN 978-5-00149-262-7.

Knott M. Sherlock Holmes. The Soldier's Daughter and other stories. – [S.l.] : Malcolm Knott, 2017. – 221 p. – ISBN 1542597056.

DOMINANT CONCEPTS OF THE CRIMEAN WAR REPRESENTATION IN THE MODERN BRITISH DETECTIVE (IN THE STYLE OF SHERLOCK HOLMES)

Nekrasova Mariya YUryevna,

*Candidate of Philology, lecturer of department of theory and practice of translation and foreign philology
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

Abstract. The article examines the representation of the events of the Crimean War in the text of a modern British detective story in the style of Sherlock Holmes. The key dominant concept (“time”, “war”, “military life”, “mystery”, “guilt”, “memory”, “injustice”) are identified, and the levels of their realization in the text (lexical, narrative, figurative, symbolic) are described. It is shown that detective discourse serves as a means of interpreting and cognitively processing historical experience.

Key words: concept, dominant concept, literary text, detective discourse, military discourse, Crimean War, interpretation, memory.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Семченкова Инна Валентиновна,

*доцент, доцент кафедры режиссуры театрализованных
представлений и праздников*

*Белгородского государственного института искусств и культуры,
г. Белгород, Россия,*

Шептун Наталья Николаевна,
*преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности,
Белгородского государственного института искусств и культуры,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. Цель исследования состоит в том, чтобы интерпретировать модели разноразличных лингвоконструктов драматургического дискурса, уделяя особое внимание выявлению специфики функционирования социокультурного кода. В рамках исследования были задействованы лингвистический, интерпретативный и количественные подходы. Установлено, что в разноразличных темпорально-синхронных моделях драматургического дискурса конца XIX – начала XX веков, функционирование проксемно-темпоральных маркеров и лингвокультурем играют значимую роль, что предопределяется языковой картиной мира драматургов.

Ключевые слова: драматургический дискурс, социокультурный код, текстовые и дискурсивные лингвоконструкты.

Концепции интерпретации текстовых и дискурсивных лингвоконструктов нацелена на развитие нового направления в современной лингвистике, развивающегося в ракурсе привлечения информативного кода к процессу интерпретации в виде моделируемых коммуникативных форматов знания согласно лингвистической методологии учения о дискурсе [Алефиренко, 2021].

В работе представлено явление социокультурного кодирования драматургического дискурса, как одного из типов функционирования текстового информативного кода.

Изучение текстовых конструктов возможно посредством установления координат драматургического текста, которые интерпретируются в качестве художественных когнитивных координат [Огнева, 2014]

Прежде всего, такими координатами выступают проксеммы. Под проксемными маркерами понимаются «семантические конструкции, номинирующие пространство, а именно: 1) слова и словосочетания, семантика которых маркирует пространство; 2) глаголы движения; 3) топонимы; 4) пейзажные единицы» [Огнева 2021, с. 51]. Также значимыми номинантами социокультурного кода в исследовании выступают темпоральные маркеры, определяющие временные аспекты в тексте и лингвокультуремы, номинирующие культурные реалии, к интерпретации которых применимы «когнитивные механизмы моделирования» [Хвесько, 2024, с. 110], что способствует созданию условий для «функционирования аттракции в текстовых мирах» [Даниленко, 2022, с. 184], где ключевую роль играет языковой смысл [Карасик, 2024, с. 313]. Определение языкового смысла лингвоконструктов основано на факте того, что «все единицы обладают интерпретативным потенциалом» [Неваленая, 2024, с. 324-329].

Используемый в исследовании метод таксономического моделирования реализован в аспекте интерпретативной проекции социокультурного информативного кода. Во всех вышеуказанных конструктах существуют разнообразные компоненты социокультурного информативного кода. Особое значение приобретает лингвокультурный аспект, проявляющийся в текстовом и дискурсивном информативных кодах.

В статье лингвокультурный аспект драматургического дискурса интерпретируется через призму информативных кодов двух разноразличных произведений, а именно посредством интерпретации пьесы английского драматурга Дж.Б. Шоу «Captain Brassbound's Conversion» (Обращение капитана Брасбаунда) и пьесы русского драматурга А.П. Чехова «Три сестры», которые представляют собой темпорально-синхронные форматы знания.

В пьесе «Captain Brassbound's Conversion» Дж.Б. Шоу лингвокультуремы представлены различными типами, а именно «культурами-религиозными, национально-маркированными лингвокультуремами, общественно-политическими

лингвокультурами, социумными лингвокультурами, лингвокультурами национального быта» [Семченкова, 2025].

Лингвокультурема-религионим

Пример. «The lady (to Drinkwater). How dye do? Are you *the missionary*?» [Show, 2023, URL] / «Леди (обращаясь к Дринкуотеру). Как дела? *Вы миссионер?*» (здесь и далее перевод авторов – С.И. и Ш.Н.). В контексте применена лингвокультурема-религионим «миссионер», которая одновременно является проксемой, поскольку миссионером является тот священник, который проповедует вдали от своей страны. Употребление в разговоре двух персонажей рассматриваемой лингвокультуры указывает на тот факт, что Дринкуотер приехал издалека.

Национально-маркированная лингвокультурема

Пример. «Lady Cicely. Oh, poor things, they must want it more than we do; and you know, Howard, that *Mahometans never spend money in drink*» [Show, 2023, URL] / «Леди Сесили. Ах, бедняжки, должно быть, они хотят этого больше, чем мы; и вы знаете, Говард, что *мусульмане никогда не тратят деньги на выпивку*».

В рассматриваемом контексте, в отличие от вышеприведенного контекста, не только употреблена лингвокультурема-религионим, но и реализовано ее сопряжение с национальным образом поведения.

Общественно-политические лингвокультуры

Пример. «Rankin. *The Sultan would get into trouble with England if you were killed; and the Sultan would kill the chief to pacify the English government*» [Show, 2023, URL] / «Рэнкин. ... Если тебя убьют, у *султана* возникнут проблемы с Англией; а для того, чтобы усмирить *английское правительство*, *султан убьет вождя*». В данном контексте представлена общественно-политическая лингвокультурема *султан*, номинирующая главу Османской империи, который осуществляет взаимоотношения с Англией и местным вождем в политической плоскости, с учетом того, что вождь зависим от султана.

Социумные лингвокультуры

Пример. «Captain Hamlin Kearney is a robustly built western American» [Show, 2023, URL] / «Капитан Хэмлин Керни – крепко сложенный *американец с Дикого Запада*».

В контексте применена лингвокультурема, номинирующая и одновременно характеризующая образ жизни на Западе Североамериканского континента. Рассматриваемая лингвокультурема подчеркивает смелость персонажа пьесы и определенные традиции поведения.

Лингвокультуры национального быта

Пример. «Drinkwater comes from the house with *an Italian dressed in a much worn suit of blue serge, a dilapidated Alpine hat*, and boots laced with scraps of twine» [Show, 2023] / «Дринкуотер выходит из дома в сопровождении *итальянца, одетого* в сильно поношенный костюм из синей шерстяной ткани, *обветшалую альпийскую шляпу* и ботинки, зашнурованные обрывками бечёвки».

В данном контексте лингвокультурема *итальянец* характеризует образ мыслей, поведение, внешний облик, коммуникативные привычки персонажа пьесы. Вторая лингвокультурема *обветшалая альпийская шляпа* указывает не только на национальную форму шляпы, но и маркирует локацию, в которой такие шляпы являются традицией.

В русском драматургическом дискурсе в отличие от англоязычного драматургического дискурса рубежа XIX – XX веков проксемно-темпоральные маркеры превалирует над лингвокультурами или представляют собой семантические узлы.

В русском драматургическом дискурсе проксемный сегмент представлен всеми типами проксем. создавая многогранную картину пространства, а хронемы в сопряжении с лексическими таймерами, способствуют формированию целостной темпоральной картины, подчеркивая нахождение героев пьесы в определенной локации. Высокую частотность глаголов-проксем предопределяет функционирование динамического каркаса драматургического дискурса. Установлено, что временной аспект играл важную роль в

русскоязычной драматургической модели, в частности, и в пьесе «Три сестры», где среди номинантов социокультурного кода установлено 564 проксеми и 540 темпоральных маркеров (хронем и лексических таймеров).

Сопряжение проксем-глаголов движения и спейснем:

Пример. «Анфиса. *Пойду и я поищу.* (Кричит.) Машенька, ау! *Уходит вместе с Ириной в глубину сада*» [Чехов, 2018].

В данном контексте в глаголах движения, которые одновременно предстают проксемами, выражено намерение о перемещении из одной локации в другую посредством лексемы «пойду», а также реальное перемещение в пространстве двух героинь пьесы. Наряду с глаголами движения указано пространство «в глубину сада», то есть маркирована локация в природе, облагороженная человеком, следовательно, отсылка к персонифицированному пространству. Прогулка по саду на рубеже веков, XIX и XX веков, была традицией высшего общества России, поэтому в данном контексте упоминание о прогулке в сад является лингвокультуремой.

Сопряжение хронем и лексических таймеров:

Пример. «Вершинин. ... Давайте помечтаем... например, *о той жизни, какая будет после нас, лет через двести – триста*» [Чехов, 2018].

В рассматриваемом контексте совокупность темпоральных маркеров, а именно хронем и лексических таймеров, создает комплексную темпоральную модель, выражающую многовековое устремление человека в будущее. Более того, на рубеже XIX и XX веков мечта о будущем была присуща российской интеллигенции, в свете чего данный номинант может быть интерпретирован в качестве лингвокультуремы.

Сопряжение проксем и темпоральных маркеров:

Пример. «В доме Прозоровых. *Гостинная с колоннами, за которыми виден большой зал. Полдень; на дворе солнечно, весело. В зале накрывают стол для завтрака*» [Чехов, 2018].

В данном контексте пространственные параметры расположены вдоль центростремительного вектора от более широко пространства к более точечному: «дом-гостинная-зал-стол для завтрака». Пространственный вектор сопряжен с темпоральным маркером «в полдень». Традиция в полдень в зале накрывать стол для завтрака характерна для рубежа XIX и XX веков, что позволяет интерпретировать номинацию в качестве лингвокультуремы.

Таким образом, исследование разноязычных пьес Дж.Б. Шоу А.П. Чехова, формирующих темпорально-синхронный драматургических дискурс, показало наличие высокой частотности лингвокультурем, которые в разноязычной пьесе маркируют общесоциумные явления, а в русскоязычной пьесе – традиции русской провинции, традиции семейного быта.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе / Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина, К.К. Стебунова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 313-338.

Даниленко И.А. Алгоритм реализации когнитивной аттракции в текстовых мирах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы XI Международной научной конференции : в 2 ч.. ЧелГУ. – Челябинск, 2022. – С. 183-186.

Карасик В.И. Языковые камертоны смысла. – Москва, 2024. – 416 с.

Неваленая Е.В. Интерпретативный потенциал транскодированных лингвокультурем (на материале романа Э. Уортон «Эпоха невинности» и четырех его переводов) // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Материалы II Всероссийской научной конференции. – Барнаул, 2024. – С. 324-329.

Огнева, Е. А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2 (78). – С. 54-58.

Семченкова И.В. Интерпретативный подход к моделям текстовых и дискурсивных конструкторов / И.В. Семченкова, Н.Н. Шептун // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки. Сборник статей по материалам ХСІ международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2025. – С. 58-63.

Хвесько Т.В. Актуализация авторских интенций в художественном тексте / Т.В. Хвесько, Н.Ю. Басуева // Язык и культура. – 2024. – № 68. – С. 108-121.

Чехов А. П. Три сестры / А.П. Чехов. Чайка: пьесы. – М.: Центр книги Рудомино, 2018. – 96 с.

Ogneva E.A. Fiction cognitive coordinate / E.A. Ogneva, A.A. Kutsenko, Y.I. Kireeva, I.G. Besedina, I.A. Danilenko // Journal of Language and Literature. – 2014. – Т. 5. – № 4. – С. 51-54.

Show B. Captain Brassbound's Conversion / B. Show. The Project Gutenberg EBook. Produced by Eve Sobol, and David Widger. – URL: <http://www.gutenberg.org> (accessed 17.03.2026).

MODELING OF LINGUOCONSTRUCTIONS IN DRAMATURGICAL DISCOURSE

Semchenkova Inna Valentinovna,

Associate Professor, Associate Professor Department of Directing Theatrical

Performances and Events,

Belgorod State Institute of Arts and Culture,

Belgorod, Russia,

Sheptun Natalya Nikolaevna,

Lecturer, Department of Library and Information Activities,

Belgorod State Institute of Arts and Culture,

Belgorod, Russia

Abstract. The aim of this study is to analyze interpretive approaches to models of multilingual textual and discursive constructs in dramatic discourse, with a particular focus on identifying the specific functioning of the sociocultural code. The study utilized linguistic, interpretive, and quantitative approaches. It was established that in the multilingual models of dramatic discourse that shaped the worldview of linguistic societies in the late 19th and early 20th centuries, the functioning of proxemic-temporal markers and linguaculturemes plays a significant role, which is predetermined by the playwrights' linguistic worldview.

Key words: dramatic discourse, sociocultural code, interpretive approach, textual and discursive constructs, attractiveness.

TYPOLOGICAL FEATURES OF PROVERBS WITH FITONYMIC COMPONENTS

Nekboyeva Rano Zokirovna,

Senior teacher, University of Economics and Pedagogy,

Karshi, Uzbekistan

Abstract. This article discusses fitonymic proverbs used in different cultures – plant names employed metaphorically and symbolically – and their special grammatical, semantic, cognitive, and pragmatic characteristics. Fitonymic proverbs make use of locally relevant botanical imagery

when formulating sophisticated human characteristics, social attitudes, and moral codes in metaphor and metonymy. Structurally, they tend to have fixed syntactic features for memorisation and cultural communication.

Key words: fitonymic proverbs, plant symbolism, metaphor, metonymy, cognitive linguistics, cultural transmission, ethnobotanical knowledge, proverb structure, pragmatics, cross-cultural comparison.

Proverbs made up of fitonymic elements, which are plant names that are metaphorical or representative, display unique grammatical features based on cognitive linguistic, semantic and cultural understanding. These proverbs abound in all cultures and languages and constitute very important mechanisms of transferring cultural values, beliefs, and ethnobotanical knowledge [Bobuafor, 2021, p. 163]. At the level of lexicon-syntactic-logic-pragmatics-all the same is evident from the analysis of these units.

Normatively, fitonymic proverbs commonly work within a lexical index that exploits the salient perceptual/ecological/cultural aspects of the plant of reference, generating lexical iconicity. For example, ‘oak’ or ‘willow’ or a similar plant, suggest the corresponding human features or situation in the proverb. Likewise, flora of particular situations (use-or-specific plants) takes on symbolic associations that are transformed into condensed representations of larger constructs.

The olive in Mediterranean cultures may therefore convey peace and endurance, but in East Asian habitats, bamboo is often associated with resistance and adaptability [Bobuafor, 2021, p. 163]. Such choice of fitonyms would not only be based on biogeography, but on the cultural significance of the plants in that culture of a given speech community. Semantically, proverbs with fitonymic characters may give rise to conceptual metonymy or metaphor. Metonymy, wherein one part or attribute stands for the whole, occurs when the name of a plant suggests a more general concept associated with it. “An apple a day keeps the doctor away,” for instance, takes on a metonymic meaning and shows the fruit as an emblem of health and wellness, thus metaphorically pointing in the direction of preventive medicine. Abstract concepts are known and understood through conceptual metaphor theory, and plants represent an accessible source of concrete images from which that can be drawn. Also within zoonymic proverbs where animal imagery helps to present abstract human attributes or behaviors.

A proverb's figurative language, such as similes, metaphors, personification, or hyperbole, embodies the expressive power of the proverb and supports the delivery of complex concepts in a concise manner [Erkinovna, 2022, p. 73]. These cognitive mechanisms underpinning a more general model of proverb comprehension.

Syntactically, fitonymic proverbs typically have fixed binomial or tripartite structures that retain them as memory units through their form and hence maintain their structure longterm. Though proverbs can, on the whole, be regarded as frozen linguistic forms or forms conveying the same meaning but a number of features can be derived, the overall purpose is fixed. These stable combinations usually embody moral and cultural codes that act as instruments of socialization and transmission of shared community beliefs [Erkinovna, 2022, p. 73].

Pragmatically, fitonyms in proverbs function as culture-specific epistemic anchors, reducing ethnobotanical knowledge to normative or evaluative speech acts. As a shared cultural referent, they permit speakers to indirectly convey complex social and moral messages. Proverbs' pragmatic properties are particularly noteworthy to linguists because proverbs are utilised to stylistically and semantically enhance speech. They act as indirect speech acts where a part of a speech act situation metonymically denotes the whole associated illocutionary category [Ahmed, 2022, p. 35]. The involvement of proverbs in linguistic education underlines their cognitive and cultural significance – they are used to get the learner introduced to idiomatic language, to the cultural beliefs embedded in structures around the language, which is then translated into more meaningful vocabulary acquisition and culture-specific understanding.

Proverbs and phraseological units show similar typological features and have in common toponyms, hydronyms, zoonyms and anthroponyms which are the proper names to places, water

bodies, animals and people respectively. Examples of hydronymic types like 'river', 'lake' or 'wave' shape proverbs to be subjects, objects or metaphorical expressions, which often represent the relationship between syntactic structure and semantic meaning. In the same way, zoonymic imagery in proverbs has an abiding national and cultural imagery to reflect the individual figurative thought which the speakers of the language practice [Ahmed, 2022, p. 35]. The utilization of particular animals can demonstrate cultural codes, mentalistic outlook and moral code.

Proverbs carry evaluative elements in local color and cultural specificity with toponyms (e.g., 'Rome wasn't built in a day'). These place names can have meanings, and there is a certain semantic shift in them, and meaning is affected by the cultural or historical background of those place names within phraseological expressions. The linguistic status of toponyms in conjunction with their meanings and definitions are important, for knowledge on toponyms' function and their grammatical behavior is affected by terminology, such as familiarity [Ahmed, 2022, p. 35]. Even meteorological vocabulary (meteonyms) is embedded in proverbs, reflecting human cognition of natural phenomena and possessing ethnocultural content that transforms paremic meaning. Cross-cultural and cross-linguistic studies of proverbs with fitonymic or other named components (i.e. proper names, zoonyms, hydronyms) show features isomorphic (similar) and allomorphic (different). Such comparative studies are vital to understand how cultural values and worldviews are encoded in linguistic expressions.

Cognitive linguistics forms one of the best tools in analyzing how cognitive models shape proverb reading and expression in language, and across cultures [Turbek, 2025, p. 48]. The interdisciplinary nature of the research process underlines how language mirrors fundamental mental processes and structures, allowing researchers to unearth how speakers of diverse cultures understand and use proverbs.

Proverbs, as stable variants of language transmitted across generations, represent a valuable opportunity to explore the relationship between cognition, language, and culture. The history of language evolution and adaptation provides essential sources of information for preverbal compounds and for the study of language families. Preverbal compounds – linguistic units formed by the combination of a preverbal element with another lexical item – typically present culturally specific conceptualizations and cognitive structures. Studying these compounds over similar languages can enable researchers to examine how languages reinvent themselves and make sense over time.

This diachronic view helps to explore why proverb forms remain consistent even during phonological or lexical variation within language families. Also, for stable forms such as proverbs, we gain a unique window for the common cognitive structures in common across cultures as well as the differences that result from different experiences and perspectives. Thus, cognitive linguistics not only helps to map mental schemas that underlie proverb understanding, but also to illuminate the active mechanisms whereby language has evolved, changed, and conveys intricate cultural knowledge through time. Thus, we can say that the combination of cognitive models with proverbs and preverbal compounds helps to gain better comprehension of the stability and transience of language and cultural expression.

The fitonym components of proverbs are considered to be complex linguistic constructs that exhibit a significant level of cognitive and cultural features. Proverbs, such as these, feature the use of iconic lexical devices that do not constitute word lists but have high-symbolic or perceptual resemblance to the ideas in question. These are iconic, and so the expressions are more vivid and unforgettable.

These proverbs also typically contain overlapping semantic features, mainly metonymy and metaphor. Metonymy allows parts or attributes related to a concept to stand for the whole idea, while metaphor facilitates understanding by mapping features from one domain onto another. Such semantic processes and the way they coexist in the proverbs themselves make them dense and give them layered meanings which would be able to make sense for speakers and listeners.

References

- Ahmed E. A. A. A study of figurative language in proverbs, with special Reference to Simile, Metaphor, Personification, and Hyperbole // Egyptian Journal of English Language and Literature Studies. – 2022. – № 11 (1). – P. 35-62.
- Bobuafor M. Comparative constructions in Tafi // Journal of African Languages and Linguistics. – 2021. – № 42 (2). – P. 163-190.
- Erkinovna A. N. A corpus-based empirical analysis of pragmatics of English proverbs with graduonymy // International Journal of New Trends in Social Sciences. – 2022. – № 6 (2). – P. 73-83.
- Turbek M. Artistic features of zoonymic proverbs in chinese and kazakh languages / M. Turbek, A. Anipina, F. Orazakynkyzy // Journal of Oriental Studies. – 2024. – № 109(2). – P. 48-54.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛОВИЦ С ФИТОНИМИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ

*Некбоева Рано Зокировна,
старший преподаватель,*

Университет экономики и педагогики, г. Карши, Узбекистан

Аннотация. В этой статье рассматриваются фитонимические пословицы, используемые в различных культурах – названия растений, применяемые метафорически и символически, а также их особые грамматические, семантические, когнитивные и прагматические характеристики. Фитонимические пословицы опираются на локально значимый ботанический образный ряд при формулировании сложных человеческих качеств, социальных установок и моральных норм через метафору и метонимию. По структуре они, как правило, обладают фиксированными синтаксическими особенностями для удобства запоминания и культурной коммуникации.

Ключевые слова: фитонимические пословицы, символизм растений, метафора, метонимия, когнитивная лингвистика, культурная передача, этноботанические знания, структура пословиц, прагматика, кросс-культурное сравнение.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE LINGUISTIC FEATURES OF SOCIAL MEDIA TEXTS

Nusratov Javokhir Bakhodir ugli,

English teacher of Karshi State University, Karshi, Uzbekistan

Abstract. This article explores the linguistic characteristics of social media texts, which are rooted in diverse theoretical approaches such as conversational linguistics, discourse analysis, pragmatics, sociolinguistics, and computational linguistics. Social media language is marked by features like brevity, emotional expression, hyperbole, emojis, and other nonverbal signals, creating a dynamic, multilayered discourse shaped by context.

Key words: Social media texts, linguistic features, dialogism, functional grammar, pragmatics, discourse analysis, sociolinguistics, computational linguistics, virtual discourse, multimodality, corpus linguistics, syntax analysis, parse trees, linguistic networks, language contact, lexical innovation.

Introduction. As a means of digital communication, texts of social media are endowed with emergent linguistic properties that are most aptly interpreted via interdisciplinary approaches

that span conversational linguistics, discourse analysis, pragmatics, sociolinguistics and computational linguistics [Bakhtin, 1981, p. 7; Halliday, 1994, p. 7].

Common features with them include brevity and hyperbole, emotional vocabulary and various nonverbal expressions (e.g. emojis) that are used in an interactive and multidimensional dialogue that expresses nuanced understanding of context [Puertas, 2021, p. 518].

Theoretical Foundations. Social media linguistics can be seen from a more developed theoretical standpoint. Bakhtin's dialogism emphasizes the dialogic character of online social exchange as new meaning is emerging collaboratively in a dynamic exchange [Bakhtin, 1981, p. 77]. Halliday's functional grammar can facilitate an understanding of the experiential/interpersonal and textual functions in social media texts at the same time [Halliday, 1994, p. 18]. Grice's maxims of cooperation – though often lax or transgressed in social media settings – offer insight into pragmatic principles that govern communication. Fairclough's critical discourse analysis locates social media discourse within larger systems of power and social change [Fairclough, 1992, p. 123]. Corpus linguistics methodologies allow empirical investigation of these texts, offering structural frameworks for the analysis and collection of large datasets from social media platforms such as Facebook and Twitter.

Social Media as Virtual Conversations. Social media communications are both dynamic and unmoderated – a difference that differentiates these texts from more traditional, edited writing. The intricate syntactic, hypertextual and multimodal features that characterise online communities require an engagement with “virtual discourse”, which, when analyzed alongside “texts,” can be seen as an original category of communicative object. This re-conceptualization highlights the inherently interactive, multi-layered, and situation-sensitive discourse structures by which social media communication is composed.

Linguistics: Structure and Statistical Modelling of Language. Computational linguistics is considered as the necessary subject for sociomantic textual analysis because it merges human language with computer mediated processes. It is aimed at discovering statistically significant linguistic structures and the construction of formal grammar models for parsing trees to identify hierarchical written construction regardless of semantics. Therefore, to make an interpretation of a sentence, one must traverse several interpretative options inscribed in its syntactic structure. Resonance theory goes on to illustrate naturalistic communication in action as it allows for the catalytic activation of affinities between interlocutor turn and, thus, the dynamic co-construction of utterances that can inform machine learning models in transnational contexts [Makagonov, 2019, p. 4].

Lexical and Pragmatic Features. Specific linguistic features such as hashtags not only play a prominent role in identifying the topic behind the phrase but also hold experiential, interpersonal, and textual dimensions, thus magnifying the findability and interactive potential of social media discourse. Other sites such as Twitter display lexical innovations that reflect linguistic creativity and social network dynamics when neologisms are spread across different user communities [Kobenko, 2023, p. 189].

Language Contact and Social-Language Dynamics. The interplay of languages on social media, as seen in English embedded in Kiswahili or Spanish in Facebook, Instagram, and Twitter, depicts continued linguistic evolution supported by digital communication [Feliciano, 2024, p. 198].

A Contextual Analysis on Social Media Updates. These changes occur at the orthographic, lexical, and grammatical levels and reflect broader societal and linguistic changes that help illustrate social media as a site of linguistic innovation and diversity, cementing social media as a locus of linguistic innovation and variation.

Linguistic Networks: Multimodal Communication. Modern sociolinguistic research is increasingly analyzing language as an intricate system with graph theory and network analysis to articulate linguistic topology using measures such as average degree, modularity, clustering coefficient, path length, etc. These analyses bring to light typological differences between social media language and traditional written texts. Social media is multimodal (comprised of visual

inputs from images to videos, and from polycode texts to text), and thus, semiotic resources overlap in framing communicative intentions, complicating efforts to make sense of social media data analytics, which integrates data mining and information visualization, permit multimodal sociolinguistic analyses at scale [Feliciano, 2024, p. 192].

Psycholinguistic Applications. Computational instruments including Linguistic Inquiry Word Count (LIWC) are employed for the analysis of social media texts to extract psycholinguistic properties that are useful for such applications as depression detection and emotional profiling. Through this type of linguistic profiling, characterization is offered regarding several different text styles and communication contexts.

Conclusion. Social media texts are an intricate and emerging brand of type of digital communication that redefines and questions established linguistic structures. The approach of combining theoretical insights from dialog analysis, functional grammar, pragmatics and critical discourse analysis with computational and corpus linguistic methodologies presents an integrated approach that enables them to analyze their analyses. Since social media discourse is dynamic, multimodal and interactive, we must conceptualize these texts as virtual discourse – a different communicative form that takes account of wider social and linguistic shifts in the digital age.

References

- Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays / M. Holquist, Ed.; C. Emerson, M. Holquist, Trans. – Austin: University of Texas Press, 1981. – 444 p.
- Feliciano G.M. Contextual Analysis on Social Media Updates: Genderlect in Focus / G.M. Feliciano, J.A. Escandallo // International Journal of Asian Education. – 2024. – Vol. 5. – No. 3. – P. 198-208.
- Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. – 2nd ed. – London: Edward Arnold, 1994. – 434 p. – ISBN 0340574917.
- Kobenko YU.V. Aspekty medijnoj kommunikacii v social'nyh setyah // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. YAzyk i literatura. – 2023. – Vyp. 20. – № 1. – S. 183-190.
- Makagonov P.P. Computer Analysis of Texts in Social Networks, Its Method and Tools / P.P. Makagonov, A. Trousov // Advances in Finance, Accounting, and Economics / IGI Global, Ed. – 2019. – P. 1-28.
- Puertas E. Detection of sociolinguistic features in digital social networks for the detection of communities / E. Puertas, L.G. Moreno-Sandoval, J. Redondo, J.A. Alvarado-Valencia, A. Pomares-Quimbaya // Cognitive Computation. – 2021. – Vol. 13. – No. 2. – P. 518-537.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

*Нусратов Джавохир Баходир угли,
преподаватель английского языка Каршинского
государственного университета, г. Карши, Узбекистан*

Аннотация. Лингвистические свойства текстов социальных сетей основаны на различных теоретических подходах, включающих разговорную лингвистику, дискурс-анализ, прагматику, социолингвистику и вычислительную лингвистику. Эти тексты характеризуются краткостью, гиперболой, эмоциональной лексикой, эмодзи и невербальными знаками, формируя интерактивную, многослойную дискурсивную структуру, зависящую от контекста ситуации.

Ключевые слова: тексты социальных медиа, лингвистические особенности, диалогизм, функциональная грамматика, прагматика, дискурс-анализ, социолингвистика, вычислительная лингвистика, виртуальный дискурс, мультимодальность, корпусная лингвистика, синтаксический анализ, синтаксические деревья, лингвистические сети, языковой контакт, лексические инновации.

THE REPRESENTATION OF BEHAVIORAL VERBS EXPRESSING A SEMANTIC CORE IN DICTIONARIES: ADVANCES AND CHALLENGES

Ochilova Sanobar Narzullayevna,

*Senior teacher, University of Economics and Pedagogy,
Karshi, Uzbekistan*

Abstract. This article explores the complexity of representing behavioral verbs that embody a semantic core within dictionaries. Drawing on frameworks such as frame semantics and enriched by computational lexical resources like FrameNet and VerbNet, it examines how lexicography integrates semantic roles, event structures, and polysemy. The discussion highlights challenges including sense disambiguation, cross-linguistic variation, and balancing systematic classification with fine-grained distinctions.

Key words: Behavioral verbs, semantic core, lexicography, frame semantics, corpus linguistics, computational linguistics, natural language processing, lexical resources, polysemy, distributional semantics, large language models

Introduction

Behavioral verbs are one of the basic components of human language, encoding actions, events, states, and the actions of agents in real life scenarios. Their rich semantic structure, involving event schemas and argument roles or aspectual distinctions, positions them at the heart of both semantic theory and lexicographical representation. Hence, capturing the semantic core of behavioral verbs in dictionaries poses a complex challenge to researchers involved with those languages—both lexicographers and computational linguists alike—whose work has taken on special attention in recent years.

Lexicographical Approaches and Theoretical Underpinnings

In recent years, lexicography has increasingly introduced corpus-driven methods combined with powerful theoretical frameworks including Charles J. Fillmore's frame semantics [Willich, 2022, p. 139], which attempts to describe verb meanings independently of dictionary definitions. Frame semantics places the meaning of a word in a wider cognitive frame or "frame" that represents common real-world conditions and associated individuals. Organisation resources such as FrameNet operationalize this framework by annotating verbs with semantic roles (Agent, Patient, Instrument, etc.) and by establishing the frames an entity calls to mind, which provides an organized representation of a verb's semantic core [Willich, 2022, p. 139]. For instance, words like buy and sell are encoded into the "Commercial_transaction" frame, containing roles such as Buyer, Seller, Goods, and Money to illustrate that verb representation is not based on isolated meanings but rather reflects the complete nature of the event structures.

Computational Lexical Resources and Natural Language Processing

Lexical databases such as WordNet, PropBank, VerbNet, and FrameNet, especially for natural language processing (NLP), which need to provide rich semantic representations [Boas, 2024, p. 263] The resources provide verb-class-based organization of terms, which simplifies processing efficiency via clustering. But they can inadvertently obscure important fine-grained distinctions within verb classes. This highlights an important lexicographic tension: the tradeoff required to strike an optimum between systematic taxonomy and the granularity needed to catch subtle semantic aspects.

Semantic Complexity: Polysemy and Sense Disambiguation

Behavioral verbs commonly are polysemous because a distinct verb carries many related meanings depending on a context. The manner / result polysemy effect demonstrates this complexity: because verbs may indicate not only the manner of doing an action but also the state in which that action occurs, challenging one-to-one root-meaning mapping. Thus, dictionary entries need to have the correct sense distinctions and concrete representative examples in order to disambiguate these variants [Boas, 2024, p. 263]. Classical lexical techniques are verbose and

resource-demanding, but AI-based tools like ChatGPT complement entry generation with very high accuracy in producing definitions and examples of possible sentences.

Promotes New Definitions Formats and Digital Resources

The changes in lexical representation have expanded the realm in favour of electronic and online dictionaries. Moreover, phonetic transcriptions, images, synonyms, grammatical information, and semantic patterns are all included in digital media, which provides enhanced verb description [Löbner, 2021, p. 261]. EFL mobile dictionaries emphasize the need for easy to understand but extensive semantic verb resources.

Cross-Language & Contrastive Semantics

A contrastive semantic analysis shows that verbs convey culturally and axiologically very different meanings in different languages, an essential aspect of effective machine translation. Research into languages like Uzbek and Korean investigates the systemic and lexical-semantic qualities of behavioral verbs, providing theoretical and practical knowledge. Furthermore, morphological characteristics like the suffixes of verbs can signal semantic categories, providing insight for pseudowords too, and highlighting the morphology-semantics interface [Löbner, 2021, p. 261].

Computational modelling and semantic description

For a computational approach, it is important to properly map the semantics of behavioral verbs for human-like lexical models. Converging continuous semantic spaces created by distributional embeddings (e.g., as Word2Vec) with discrete semantic definitions as semantic structures from theoretical semantics is an important method of overcoming difficulties that have been made efforts. Embeddings can be used to learn semantic similarity and relational property as geometric vector systems for NLP tasks like sentiment analysis and machine translation. Semantic norms databases that are used to measure verbs on dimensions such as concreteness, embodiment, and valence provide empirical data that helps tie computational models to the cognitive behavior with human cognition. Verb argument-based forms of verb argument constructions (such as those of reversal and restitution)- for example, reveal that lexical semantics encode outcomes of actions [Löbner, 2021, p. 261].

In dictionary representation, semantic disambiguation, as well as the formalization of the dynamic behavioral requirements in natural language dynamics and the use of dynamic behavior of dictionary-types are issues we face. Even after the evolution, human interventions are needed to solve ambiguous or context-dependent verb usages and problems of vague and conditional use when dealing with ambiguous or context-dependent verb usages, so human intervention is still necessary despite the help of NLP tools. Recently, multitask models used in reverse dictionary tasks have been demonstrated to be effective in identifying semantic differences among users by generating contextually contextual and context-dependent example sentences and the recognition of parts of speech [Boas, 2024, p. 263].

The emerging integration of computational linguistic insights – distributional semantics, embeddings and large language models – in lexicography is radically reconfiguring how verbs are represented. But it is important to find a balance between this AI produced content and human expert assessment to maintain accuracy and quality.

Conclusion

By integrating linguistic theory with computational modelling and digital lexicography, the dictionary representation of behavioral verbs possessing thematic core is also growing. We need to capture the complex semantics of verbs, support polysemy, cross-linguistic difference, and use AI-enhanced methods to create rich and open dictionaries. These approaches must be improved in future research. In this way, we can obtain reliable contextually rich verb representations that can meet demands of language learning techniques, NLP applications by language developers, and research in cognitive languages.

References

- Boas H.C. FrameNet at 25 / H.C. Boas, J. Ruppenhofer, C. Baker // International Journal of Lexicography. – 2024. – № 37(3). – P. 263-284.
- Dalpanagioti T. What frame semantics can offer to task-based language teaching // TESOL Journal. – 2022. – № 14(2).
- Löbner S. Frames at the Interface of Language and Cognition // Annual Review of Linguistics. – 2021. № 7(1). – P. 261-284.
- Willich A. Introducing Construction Semantics (CxS): a frame-semantic extension of Construction Grammar and constructi cography // Linguistics Vanguard. – 2022. – № 8(1). – P. 139-149.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО, В СЛОВАРЯХ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Очилова Санобар Нарзуллаевна,
старший преподаватель,

Университет экономики и педагогики, г. Карши, Узбекистан

Аннотация. В статье рассматривается сложность представления поведенческих глаголов, воплощающих семантическое ядро, в словарях. Опираясь на такие теоретические концепции, как семантика фреймов, и используя современные вычислительные лексические ресурсы, такие как FrameNet и VerbNet, анализируется интеграция в лексикографию семантических ролей, структур событий и полисемии. Обсуждаются проблемы, связанные с различием значений, межъязыковыми различиями и балансировкой между систематической классификацией и точным выделением смысловых различий.

Ключевые слова: поведенческие глаголы, семантическое ядро, лексикография, семантика фреймов, корпусная лингвистика, вычислительная лингвистика, обработка естественного языка, лексические ресурсы, полисемия, распределённая семантика, большие языковые модели.

THE PRAGMATIC AND DISCURSIVE FUNCTIONS OF THE HELP CONCEPT IN ARTISTIC DIALOGUE (BASED ON THE NOVELS BY T. KENEALLY «SCHINDLER'S ARK» AND J. CLAVELLA «KING RAT»)

Pavlyuchenko Ekaterina Yurievna,

*Master's Student of the Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia,*

Nelasova Alexandra Ivanovna,

*Master's Student of the Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia,*

scientific adviser: Danilenko Ilya Aleksandrovich,

Candidate of Philological Sciences,

*Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia*

Abstract. This article examines a comparative analysis of the pragmatic-discursive functions of an artistic concept in the dialogic fragments of T. Keneally "Schindler's Ark" and J. Clavell "King Rat". The concept of "HELP" is considered as a communicative and effective category, it is implemented in such specific speech acts as request, offer, refusal, commitment,

coercion and protection. It includes strategies of respect or defiance and reflects hierarchical or role differences between communicators. The analysis goes beyond the simple word "HELP" and examines communicative models of assistance and their perlocutionary consequences: changes in the dynamics of power, establishment of trust, ethical justification of actions and strategic allocation of assistance in conditions of scarcity. In both novels, "HELP" is considered within the framework of the institutional discourse of wartime

Key words: HELP concept, artistic dialogue, discourse, speech act, military prose, pragmatics.

In military literature, the concept of assistance plays one of their most important and dominant roles, it gives a certain tension to the works: assistance acts not only in the meaning known to us, assistance acts, on the one hand, as a form of solidarity, a form of moral support, and on the other hand, assistance can become a control mechanism, an element of pragmatism in conditions of survival. The relevance of using a comparative analysis of the pragmatic and discursive functions of an artistic concept in the dialogical fragments of novels is due to the fact that the dialogue allows you to view the concept of HELP as a phenomenon, realized through discourse, that is, it is "action, through the word." The main purpose of this article is to examine and identify the pragmatic-discursive functions in the artistic dialogue of the characters in T. Kenneally's novel «Schindler's» Ark and J. Clavella «King Rat».

"Within the framework of the cognitive approach, scientists consider concepts exclusively as cognitive units with which the categorization of the world is carried out. Concepts, in their opinion, are mental organizational units that perform the functions of accumulating, processing and systematizing information. That is, concepts reflect a person's experience, the results of all his activities in the form of certain "quanta" of knowledge" [Bazarova, 2011, p. 218]. In the case of the HELP concept, scenario setting is important to us: in these novels, the help situation has different roles, objects, and results of help. As in any military work of fiction, the main line is complicated by the moral principles of the characters, as well as the regulatory framework instilled in them from childhood by society.

Pragmatics and speech acts. The classical speech acts theory by J. Austin was taken as a basis. "In SAT, the minimum unit of speech activity is the speech act. The speech act is simultaneously locative, illocutionary, and perlocutionary. John Austin introduces a distinction between three levels of speech acts" [Aseeva, 2016, p. 6]. This theory allows us to describe assistance as a set of Illocutive types:

1. Directives (request for help, requirement, instruction to act); "He handed him a bottle and asked him to get Goldberg to put him on the list along with Mila. "Schindler," he said, "if he remembers, he should have turned us on. Poldek had no doubt that they were talking about his life. "Yes," Schreiber agreed. "You two have to get into it" [Kenneally, 2016, p. 75].

Commissioners (promise to help, commitment); The major looked around and shrugged his shoulders. – It looks like you could use some help. – Do you happen to have any extra medications? - of course. Our plane is full of medicines. I'll tell you what. As soon as I send our guys, I'll send medicines here in jeeps. I will give you a doctor and two orderlies until yours arrive" [Clavell, 1999, p. 410].

Expressive (gratitude, recognition of duty, remorse/guilt); "I would like to thank Miller Daubek, who, providing you with food, acted beyond the limits of what was possible. And on your behalf, I express my gratitude to the courage and bravery of a man who risked his life to keep you from starving to death. "Don't thank me for staying alive. Thank those among you who worked day and night to save you from destruction" [Kenneally, 2016, p. 94].

Declaratives (in institutional discourse: "allow/appoint/release" if the character's status makes the action possible). "Of course," said the official, tapping on the letter, "I will try to do everything in my power for you. "I understand your problems," Oscar looked at the SS man with a beaming smile. – And if there's any way, I can express my gratitude... In the end, Oskar left

Oranienburg, having secured at least some kind of guarantee that his camp in the factory yard would continue to exist" [Kennelly, 2016, p. 61].

Further, we will analyze the pragmatic and discursive functions of HELP. HELP as a request: directive scenario and threats to the "object". It is characteristic of both novels selected for consideration that the request for help is not neutral, it shows us the plight and vulnerability of the speaker, his dependence on the addressee. The requests in the novel are not formulated directly, but through a hint, a specific question statement, or through an appeal to the inner, moral components of the addressee. In the work of J. Clavel's requests revolve around the life of prisoners of war in the camp, all of them relate to the camp deficit, the minimum necessary for human survival. Here, all dialogues related to the HELP concept have a pragmatic element at their beginning. Requests are accompanied by the promise of a reciprocal service, requests show the usefulness and necessity of the petitioner, requests indicate reciprocity. Here, a request is not an act of petition, it is an act of mutual benefit.

HELP as an offer and a promise: commissaries and constructions of trust. Commission acts (offering or promising help) play one of the most important roles in dialogues. They form trust and solidarity, create the basis for a relationship of duty (dependence). In Schindler's List, helping often means moving from a simple acquaintance to a morally meaningful partnership, placing responsibility on the rescuer. The commissaries in these scenes can be combined with legitimization tactics. The speaker can talk in detail about his main motives, such as compassion, a sense of duty or a desire for justice. The commissions in the novel The King of Rats are based on a different scenario, the promise of help is associated with the camp's "economy", and it is conditional ("I will help you if ..."). Assistance here takes on the discursive form of a contract.

HELP as a refusal: a strategy for maintaining a position and reallocating responsibility. In Schindler's List, a character's refusal to help can be presented as inevitable, citing external pressure, the threat of reprisals, or the futility of trying to change circumstances. This approach linguistically transforms personal unwillingness ("I don't want to") into inability ("I can't"), thereby protecting the speaker's reputation and preserving the idea of ethical honesty. In The King of Rats, refusals are often related to the practical allocation of limited resources, and the rationale is that "helping one person endangers your own survival" or your position in the camp society. A hidden refusal is often used, when the addressee evades a direct answer, which further generates distrust.

HELP as an emergency defense or rescue: imperativeness and the reduction of politeness. When you are faced with an immediate danger, a request for "HELP" manifests itself in a dialogue through increased directness. This includes brief statements, orders, prohibitions, and warnings. Both Schindler's List and The Rat King illustrate how emergency care requires a functional and focused communication style. Their difference lies in the specific threats: in Kennelly's stories, the crisis is often associated with systemic oppression, while in Clavel's stories it arises from the harsh realities of military camp existence, strict rules and hardships.

A pragmatic and discursive analysis shows that the concept of HELP in the dialogues of the novels Leo Schindler and the King of Rats is realized by a set of communicative scenarios that are formulated in the form of speech acts of request, proposal, promise, refusal and emergency protection. What these novels have in common is that military assistance is never neutral, it always involves risk. The analysis revealed a discrepancy in the prevailing paradigms: within the framework of the Schindler List, assistance is most often justified by moral imperatives and is aimed at protecting against external threats under the fascist regime. In the "King of Rats", assistance is pragmatic, it is based on exchange and survival strategies in camp, scarce conditions, the participants of the discourse are codependent on each other.

References

- Aseeva V.V. Teoriya rechevy`x aktov: principy` i problemy` // Vestnik nauki i tvorchestva. – 2016. – №1 (1). – S. 6-10.
- Bazarova L.V. Razlichny`e podxody` otechestvenny`x lingvistov k issledovaniyu termina «Koncept» // Vestnik ChGU. – 2011. – №1. – S. 216-218.

Kenilli T. Spisok Shindlera [per. s angl. I. Polocka]. – M.: Eksmo, 2016. – 476 s. – ISBN 978-5-699-80130-5.

Klavell D. Korol kryys ; [per. s angl. P. V. Mel'nikov]. – Sankt-Peterburg: Amfora, 2005. – 348 s. – ISBN 5-94278-938-X.

**ПРАГМАТИКО-ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ КОНЦЕПТА HELP
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ
Т. КЕНЕЛЛИ «SCHINDLER'S ARK» И ДЖ. КЛАВЕЛЛА «KING RAT»)**

Павлюченко Екатерина Юрьевна,

*магистрант кафедры иностранных языков факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,*

Неласова Александра Ивановна,

*магистрант кафедры иностранных языков факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,*

научный руководитель: Даниленко Илья Александрович,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается сопоставительный анализ прагматико-дискурсивных функций художественного концепта в диалогических фрагментах романов Т. Кенелли "Schindler's Ark" и Дж. Клавелла "King Rat". Концепция помощи "HELP" рассматривается как коммуникативно-действенная категория, она реализуется в таких специфических речевых актах, как просьба, предложение, отказ, обязательство, принуждение и защита. Она включает стратегии уважения или неповиновения и отражает иерархические или ролевые различия между коммуникаторами. Анализ выходит за рамки простого слова «HELP» и рассматривает коммуникативные модели оказания помощи и их перлокутивные последствия: изменения в динамике власти, установление доверия, этическое обоснование действий и стратегическое распределение помощи в условиях дефицита. В обоих романах помощь рассматривается в рамках институционального дискурса военного времени.

Ключевые слова: концепт HELP, художественный диалог, дискурс, речевой акт, военная проза, прагматика.

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ИНФОГРАФИКИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Абзалова Динара Ильгизовна,
магистрант Набережночелнинского института (филиала) Казанского
(Приволжского) федерального университета,
научный руководитель: Билялова Альбина Анваровна,
доктор филологических наук, профессор
Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского)
федерального университета,
г. Набережные Челны, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу практических трудностей, возникающих при переводе инфографики в научных текстах с русского на английский и с английского на русский язык. На материале корпуса примеров, включающего графики, диаграммы, схемы и гистограммы из научных публикаций, рассматриваются основные типы переводческих проблем. Лингвистические трудности включают компрессию и экспликацию, вариативность терминологических эквивалентов и синтаксические расхождения. Структурные трудности обусловлены ограничениями графического пространства и необходимостью сохранять читабельность элементов. Когнитивный блок отражает различия в стратегиях восприятия и уровне визуальной грамотности. Лингвокультурные трудности связаны с адаптацией единиц измерения, форматов данных и условных обозначений. Предлагаются практические рекомендации и типовые решения, применимые в локализации научной инфографики.

Ключевые слова: перевод инфографики, научный текст, мультимодальность, межмодальная репрезентация, визуальная грамотность, адаптация, локализация.

Введение. Инфографика в научном дискурсе выполняет функцию компактного представления данных и часто выступает носителем аргументации. Поэтому перевод инфографики предполагает работу не только с вербальными элементами внутри изображения, но и с логикой визуально-вербальной репрезентации. Актуальность исследования определяется ростом международных публикаций и потребностью локализовать визуально организованные данные для иноязычной аудитории. В современном научном поле проблемы изучения инфографики как особого вида полимодального текста привлекают внимание исследователей, работающих на стыке переводоведения, семиотики и теории визуальной коммуникации. Так, в работах М.А. Лесниковой и Н.С. Шемцовой рассматриваются когнитивно-дискурсивные аспекты предпереводческого анализа инфографики, что позволяет структурировать визуальные данные и выявлять семантические связи между вербальными и невербальными компонентами [Лесникова, 2025, с. 46-50]. Мультимодальная концептуализация информации, значимая для понимания инфографики как полимодального текста, разрабатывается в трудах В.О. Потехина и М.И. Киосе [Потехин, 2024]. Кроме того, теоретические основы визуализации данных и типология инфографических элементов представлены в работах В.В. Лаптева [Лаптев, 2013] и Е.А. Смирновой [Смирнова, 2012]. Отметим также, что проблемы локализации и адаптации визуального контента для иноязычной аудитории затрагиваются в исследованиях А.В. Курзовой [Куркузова, 2025]. Цель статьи состоит в анализе трудностей перевода инфографики в научных текстах на материале русского и английского языков, а также определить эффективные переводческие стратегии и решения, позволяющие сохранить научную точность, структурную целостность и когнитивную доступность визуально-вербальной информации при межкультурной адаптации.

Материал и методы. Материалом послужил корпус инфографики из русско- и англоязычных научных текстов, включающий различные графики, диаграммы, схемы и гистограммы. Проведенный при подготовке данного исследования анализ охватывал заголовки, подписи, легенды, обозначения осей и текстовые аннотации. В процессе исследования применялись сопоставительный переводческий анализ, контекстуальный анализ связи инфографики с основным текстом и оценка влияния переводческих решений на межмодальную связность и на когнитивную доступность данных.

Обсуждение. В условиях глобализации науки и расширения международного сотрудничества возникает острая необходимость в переводе не только вербального текста, но и сопровождающих его визуальных материалов. Однако, перевод инфографики сопряжён с рядом трудностей, выходящих за рамки традиционного вербального перевода. Отсутствие унифицированной методики, недостаточная проработка лингвокультурных аспектов и фрагментарность подходов к анализу инфографических элементов свидетельствуют о существовании научной проблемы.

Основные функции инфографики в научном тексте включают: когнитивную (структурирование и упрощение восприятия знания), иллюстративную (наглядное представление результатов) и аргументативную (подкрепление выводов визуальными доказательствами). Типология инфографических элементов многообразна: графики (линейные, столбчатые, круговые), диаграммы (Венна, Ганта), схемы, гистограммы, карты и др. Важно подчеркнуть, что в научном тексте эти элементы не существуют изолированно: они всегда находятся в смысловой и структурной связи с вербальным контекстом, образуя единое целое. Такая интеграция кодов требует особого подхода при переводе.

Лингвистические трудности включают компрессию и экспликацию, вариативность эквивалентов и расхождения в моделях номинации. Структурные трудности обусловлены ограничениями графического пространства, необходимостью сохранять визуальную иерархию и согласование элементов макета. Когнитивные трудности связаны с различиями в стратегиях чтения графиков, ожиданиях относительно расположения легенды и уровнем визуальной грамотности. Лингвокультурные трудности проявляются в различиях, включая числовые форматы, обозначения единиц измерения, стандарты сокращений и условных знаков.

Ниже приведены типовые ситуации, демонстрирующие влияние ограничений макета и норм целевого научного дискурса на выбор переводческой стратегии.

Пример 1. Компрессия достигается за счет устойчивой аббревиатуры QoL и номинативной конструкции, что уменьшает длину надписи без потери содержания.

Исходный вариант: «Доля пациентов с выраженным улучшением по шкале качества жизни».

Вариант перевода: “Share of patients with marked QoL improvement”.

Пример 2. Минимальная экспликация в скобках снижает риск неверной интерпретации обозначения ppm для междисциплинарной аудитории при умеренных ограничениях макета.

Исходный вариант: Ось Y: “Concentration, ppm”.

Вариант перевода: Ось Y: «Концентрация, ppm (мг/кг)».

Пример 3. Терминологическая нормализация ориентируется на нормы целевого дискурса. В англоязычных статьях обычно достаточно номинации параметра без пояснения термина ордината.

Исходный вариант: Подпись оси: «Ось ординат: скорость реакции».

Вариант перевода. Axis label: “Reaction rate”.

Пример 4. Адаптация предполагает замену десятичного разделителя и проверку единообразия во всех элементах визуализации, в противном случае возрастает риск ошибочного чтения данных.

Исходный вариант: Числовой ряд в таблице внутри графика: 1,25; 2,50; 10,00.

Вариант перевода: Numeric values: 1.25, 2.50, 10.00.

Пример 5. Редизайн не требуется, если компрессия выполнена за счет синтаксической перестройки. Причинно-следственная семантика при необходимости переносится в подпись к рисунку.

Исходный вариант: Заголовок внутри рисунка: “Factors affecting model accuracy”.

Вариант перевода: Заголовок внутри рисунка: «Факторы точности модели».

Таким образом, на основе проведенного исследования возможны следующие рекомендации. Перед переводом требуется предпереводческий анализ функции инфографики и её связи с основным текстом. Для заголовков предпочтительны устойчивые клише целевого научного дискурса. Единицы измерения и числовые форматы должны быть синхронизированы на всех уровнях. Если компрессия приводит к потере смысла, часть информации следует вынести в подпись к рисунку или инициировать редизайн.

Заключение. Перевод научной инфографики следует рассматривать как межмодальную репрезентацию, где адекватность определяется согласованностью вербального и визуального компонентов. Трудности перевода имеют комплексный характер и включают лингвистические, структурные, когнитивные и лингвокультурные факторы. Наиболее результативными оказываются стратегии адаптации и, при необходимости, редизайна, позволяющие сохранить научную точность и читабельность.

Список литературы

Курзова А.В. Инфографика как инструмент лингвосемиотического перевода в образовательной коммуникации // XIX Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 24 октября 2025 г. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова. – 2025. – Т. 1. – С. 323-326.

Лаптев В.В. Инфографика: основные понятия и определения // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. – 2013. – № 184. – С. 180-187.

Лесникова М.А. Предпереводческий анализ инфографики о миграции: когнитивно-дискурсивный аспект / М.А. Лесникова, Н.С. Шемцова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2025. – Т. 17. – № 3. – С. 45-54.

Потехин В.О. Multimodal conceptualization of immersive visual art: discourse schemas in speech, gesture and gaze / В.О. Потехин, М.И. Кюсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – № 3. – С. 20-32.

Смирнова Е.А. Инфографика в системе журналистских жанров // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. – 2012. – № 11. – С. 92-95.

TRANSLATION CHALLENGES OF INFOGRAPHICS IN SCIENTIFIC TEXTS BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH MATERIAL

Abzalova Dinara Ilgizovna,

*Master's student of the Naberezhnye Chelny Institute (branch)
of Kazan (Volga Region) Federal University,*

Scientific advisor: Bilyalova Albina Anvarovna,

*Doctor of Philology, Professor of the Naberezhnye Chelny Institute (branch)
of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia*

Abstract. The article analyzes practical challenges in translating infographics in scientific texts from Russian into English and from English into Russian. Using a corpus of examples including graphs, charts, diagrams, and schematics from scientific publications, the study identifies major types of translation problems. Linguistic difficulties involve compression and explication, terminological variation, and syntactic differences. Structural constraints arise from limited graphic space and the need to preserve readability. Cognitive issues reflect differences in

reading strategies and levels of visual literacy. Cultural and conventional factors are linked to units, numeric formats, and notation standards. The paper proposes recommendations and typical solutions applicable to scientific infographic localization.

Key words: translation of infographics, scientific text, multimodality, multimodal representation, visual literacy, adaptation, localization.

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Зимовец Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В условиях глобализации и межкультурного взаимодействия в современном обществе, где информация распространяется с поразительной быстротой, а политические обсуждения становятся все более комплексными, использование аббревиатур приобретает особую значимость. Они позволяют существенно экономить время и место, однако могут также создавать трудности в понимании, особенно для тех, кто не знаком с определенным контекстом. В статье исследуются особенности аббревиатур в англоязычной политической сфере и способы их перевода с английского языка на русский.

Ключевые слова: аббревиатуры, перевод, способы перевода, контекст, политический дискурс.

В нашем современном обществе, где информация распространяется с поразительной быстротой, а политические обсуждения становятся все более комплексными, использование аббревиатур приобретает особую значимость. Они позволяют существенно экономить время и место, однако могут также создавать трудности в понимании, особенно для тех, кто не знаком с определенным контекстом.

А.Ю. Куткина отмечает, что «политика – единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата. Кроме того, в политической сфере не только задействована устоявшаяся лексика, но и создается множество новых слов» [Куткина, 2011, с. 130]. А политический дискурс рассматривается как «совокупность текстов письменной и устной коммуникации в сфере управления государством и обществом. Следовательно, общественно-политические тексты естественным образом интегрируются в политическом дискурсе» [Куткина, 2011, с. 130].

Аббревиатуры играют значимую роль в политической терминологии, они служат для упрощения общения и ускорения передачи информации между политическими деятелями, специалистами в области международных отношений и широкой аудиторией. «В политике, где часто используются длинные и сложные названия организаций, соглашений и понятий, аббревиатуры позволяют быстро идентифицировать ключевые элементы, облегчая восприятие и обсуждение» [Барина, 2008, с. 52].

В условиях глобализации и межкультурного взаимодействия крайне важно не только исследовать, как аббревиатуры функционируют в англоязычной политической сфере, но и правильно их переводить на другие языки, в частности, на русский, что подчеркивает их роль в межкультурной коммуникации

Перевод аббревиатур в специализированных текстах представляет собой трудную задачу. Считается, что «знание аббревиатур и стоящих за ними реалий и фоновых знаний особенно важно для переводчика, так как это позволяет значительно сократить объём текста при письменном переводе и время при устном» [Галлямова, 2017, с. 199].

При переводе политических аббревиатур необходимо учитывать специфический контекст, в котором они применяются. Некоторые аббревиатуры отличаются многозначностью, например, аббревиатура *US* может обозначать *ultrasonography* – «ультразвуковое исследование», *unavailable state* – «недоступное состояние», *unserviceable* – «негодный», *utility station* – «коммунальная станция», *ultrasonic scanning* – «ультразвуковое сканирование», *Uniform System* – «единая система», *Ultimate Service* – «итоговое обслуживание», *United States* – *USA* (*United States of America*).

Приведем еще один пример: *SAT* – инициальное сокращение, имеющее различные интерпретации, особенно в условиях недостатка контекста, что может привести к путанице как в значении, так и в произношении:

- “Scholastic Aptitude Test” – стандартизированный экзамен, разработанный американской образовательной организацией College Board. Используется для приема в высшие учебные заведения в США, а также в некоторые вузы Сингапура, Турции, Гонконга и Японии. Предназначен для оценки способности учащегося к аналитическому мышлению, пониманию письменного текста, работе с математическими задачами и владению английским языком на академическом уровне. В этом случае аббревиатура *SAT* читается по буквам [es, ei’ti] и не является акронимом.

- “Standard Assessment Tasks” – задания используются во всем мире для измерения академического прогресса и уровня знаний учащихся. Они являются ключевым компонентом образовательной системы, обеспечивая стандартизированный метод оценки понимания и применения знаний учащимися по различным предметам. Здесь *SAT* функционирует как акроним и произносится как одно слово [sæt].

Роль аббревиатур в современной политике обусловлена потребностью в максимально быстрой передаче данных в условиях меняющейся глобальной повестки. Став неотъемлемой частью лексикона, они упрощают диалог как между экспертами, так и в публичном пространстве. При этом ключевым условием успешной интерпретации таких текстов остается учет контекстуальных особенностей термина и компетентности слушателей, что критически важно для преодоления коммуникативных барьеров.

Многогранность политической терминологии обусловлена включением в нее лексики из смежных областей: юриспруденции, экономики, военного дела и космонавтики. Подобный междисциплинарный характер значительно усложняет процесс перевода аббревиатур. Несмотря на то, что контекст является ключевым ориентиром для определения отраслевой принадлежности сокращения, в политическом дискурсе часто встречаются термины из разных дисциплин одновременно. Это диктует необходимость глубокого изучения теоретических основ и методов перевода для успешной работы с такими материалами.

Основными способами перевода аббревиатур являются:

- подбор эквивалента;
- транскрипция / транслитерация;
- описательный перевод;
- калькирование.

1. Перевод аббревиатур с помощью подбора эквивалента – это метод, при котором вместо прямого перевода аббревиатуры на другой язык выбирается аналогичная аббревиатура, отражающая ту же концепцию или значение. Этот подход часто используется в области научных, технических и деловых коммуникаций, когда сокращения могут быть известны только в определенном контексте или среди узкого круга специалистов.

Таковыми аббревиатурными терминами являются:

UAE (*United Arab Emirates*) – «ОАЭ» (Объединенные Арабские Эмираты);

ORS (*Organisation of American States*) – «ОАГ» (Организация американских государств);

EFTA (*European Free Trade Association*) – «ЕАСТ» (Европейская ассоциация свободной торговли);

WHO (World Health Organization) – «ВОЗ» (Всемирная организация здравоохранения) и др.

При применении данного метода важно осуществлять поиск эквивалентов в словарях, а при необходимости – и в специализированных источниках. Даже если переводчик знает перевод аббревиатуры, рекомендуется дополнительно проверить его в словаре для подтверждения правильности и актуальности. Важно учитывать контекст, так как у большинства аббревиатур есть несколько вариантов расшифровок, как отмечалось ранее.

2. Транслитерация понимается как «формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова. При этом исходное слово в переводном тексте представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка» [Казакова, 2018, с. 63]. Транскрипция – это «формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова» [Казакова, 2018, с. 63].

Как отмечают М.С. Галлямова и Н.В. Кленовая, «транслитерация и транскрипция чаще всего используются в ситуациях, связанных с именами собственными, названиями государственных учреждений, должностями, характерными для конкретной страны, а также в сфере общественно-политической жизни» [Галлямова, 2016, с. 200].

Примерами использования транслитерации являются:

UNESCO (United Nations Educational Scientific and Cultural Organization) – «ЮНЕСКО» (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры);

NATO (North-Atlantic Treaty Organization) – «НАТО» (Организация Североатлантического договора).

Транскрипция используется в следующих примерах:

BBC (British Broadcasting Corporation) – «Би-би-си» (Британская вещательная корпорация);

CNN (Cable News Network) – «Си-Эн-Эн» (кабельная сеть новостей).

Т.А. Косачева указывает, что «любая транскрипция или транслитерация – это лишь приближение к оптимальному результату из-за несовпадения фонетической и графической систем двух языков» [Косачева, 2017, с. 22].

3. При невозможности подобрать точный эквивалент термина переводчик прибегает к дескриптивному переводу. Это особенно характерно для политической сферы, где многие английские понятия не имеют аналогов в русском языке из-за специфики законодательства, системы управления и культурных традиций. Описательный перевод необходим и для вновь возникших понятий, которым еще не присвоено общепринятое название.

Примеры использования описательного перевода:

NBC – «одна из трех крупнейших телерадиовещательных компаний США»;

SHAPE – «штаб верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе»;

AFSATCOM – «спутниковая система связи Военно-воздушных сил».

Этот метод позволяет достичь понимания у целевой аудитории, даже если слово-в-слово перевод невозможен.

4. Калькирование – способ перевода, при котором структура лексической единицы исходного текста копируется средствами языка перевода. В политическом тексте калькирование может использоваться для перевода терминов, широко употребляемых слов и словосочетаний, грамматических конструкций, а также метафор [Самарина, 2017]. Иногда при калькировании неизбежны изменения, обусловленные языковыми различиями.

Примерами перевода с помощью калькирования являются:

SASAC (the State-owned Assets Supervision and Administration Commission) – «Комитет по контролю и управлению государственным имуществом»;

ROIC (return on invested capital) – «прибыль на инвестированный капитал»;

SOE (state-owned enterprise) – «государственное предприятие»;
MP (Member of Parliament) – «член парламента»;
ECB (European Central Bank) – «Европейский центральный банк».

При использовании калькирования следует убедиться, что полученное соответствие не нарушает нормы языка перевода и является понятным для реципиента.

Таким образом, индивидуальный подход к интерпретации аббревиатур обусловлен их семантической вариативностью и зависимостью от контекста. В рамках политического дискурса, ориентированного на широкие круги общественности, ключевой задачей переводчика становится обеспечение максимальной прозрачности и доступности используемых сокращений.

Список литературы

Барина С.О. Слововые и сложнослововые английские сокращения, используемые в сети Интернет // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С.18-20.

Галлямова М.С. Приемы перевода при работе с аббревиатурами в рамках делового письма / М.С. Галлямова, Н.В. Кленовая // Вестник КГУ. – 2016. – № 2. – С. 199-201.

Казакова Т.А. Практические основы перевода. English ↔ Russian: Translation techniques. English ↔ Russian: учебное пособие. – Москва: Перспектива, 2020. – 310 с.

Косачева Т.А. Особенности передачи английских географических названий и имен собственных в русскоязычных текстах // Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). – Казань: Бук, 2017. – С. 21-23.

Куткина А.Ю. Аббревиация в современном политическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 130-132.

Самарина И.В. Политкорректность в зеркале переводческих решений в публичной политической коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-1 (75). – С. 163-165.

ON THE TRANSLATING ABBREVIATIONS IN ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE

Zimovets Natalya Viktorovna,

*Candidate of Philology, lecture of department of foreign languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia*

Abstract. In today's globalized and intercultural society, where information spreads with astonishing speed and political discussions become increasingly complex, the use of abbreviations is particularly important. While they significantly save time and space, they can also create difficulties in understanding, especially for those unfamiliar with the context. This article examines the specific features of abbreviations in the English-language political sphere and methods for translating them from English into Russian.

Key words: abbreviations, translation, translation methods, context, political discourse.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ЭМОТИВНЫХ ТЕКСТОВЫХ МОДЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)

Казначеева Ксения Александровна,

*независимый исследователь,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В современной лингвистике актуальным остается вопрос передачи эмотивной лексики в различных языковых системах. В данной статье определяется понятие

эмотивов и способы транскодирования эмотивных номинантов «злости» и «злости» с русского языка на английский язык в произведении Ф.М. Достоевского «Идиот». До настоящего момента не были опубликованы научные работы, посвященные анализу перевода эмотивных конструкторов по данному произведению, что обуславливает новизну полученных результатов. Актуальность исследования обусловлена потребностью в исследовании языковых средств передачи эмоций в художественном тексте.

Ключевые слова: переводческий трансфер, моделирование текста, кросскультурное моделирование.

Художественный текст, имея ряд особенностей и ограниченный круг тем, затрагиваемых в художественных текстах (жизнь человека, его внутренний мир), средства, которые используются для раскрытия их, неограниченно разнообразны [Тюленев, 2004, с. 253].

К одному из актуальных подходов перевода художественного текста относится кросскультурное моделирование, как один из аспектов концепции транскодирования. Понятие миромоделирования в этой области филологии преимущественно используется в значении способов и приемов, благодаря которым конструируются [Кушнерук, 2024, с. 441].

Транскодирование художественного текста представляет сложную задачу для переводчика, в связи с тем, что это передача не конкретной лексической единицы или конструкции, а создания на переводном языке целостного мира автора, который переводчику необходимо реализовать в переводном тексте. В рассматриваемой концепции, не прямого перевода текста, а создания моделей из компонентов исходного текста определяется понятие «кросскультурное моделирование».

Под «кросскультурным моделированием» понимаем создание сравнительно-сопоставительных моделей, выстраиваемых из номинантов оригинала текста и в их переведённой формах, сам текст оригинала определяется как совокупность сюжетно-тематических моделей.

По результатам сравнительно-сопоставительного анализа кросскультурного трансфера сделан вывод о существовании «трансформирующего переводческого трансфера» в виде совокупности переводческих трансформаций.

В современной лингвистике актуальным остается вопрос передачи эмотивной лексики в различных языковых системах. Сложность, нечеткость, диффузность и многообразие эмоциональных концептов неизбежно отражается на их вербализации, что делает перевод художественного текста одним из самых сложных, наиболее подверженных «потерям», видов переводческой деятельности [Яковлева, 2016, с. 128].

Так, одним из переводческих векторов предстает переводческий трансфер эмотивной модели отрицательных эмоций в произведении Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Значим тот факт, что «переводческий трансфер отличается от перевода тем, что при переводе проявляется «симметричная / асимметричная перекодировка единиц перевода» [Огнева, 2021, с. 90].

«Очевидно, что при переводе художественный мир текста в той или иной мере трансформируется под воздействием модели мира, существующей в сознании переводчика» [Огнева, 2021, с. 87]. Как результат, часть переводных эмотивных конструкторов в переводном тексте становятся измененными маркерами моделей оригинала исходного текста. Совокупность используемых переводческих трансформаций предлагается обозначить как «трансформирующий переводческий трансфер».

Предстает важным разграничить понятия «лексика эмоций» и эмоциональную лексику». Условия значения оказывают воздействие на сознание читателя. На лексическом уровне выделяют «лексику эмоций», т.е. слова, предметнологическое значение которых составляют понятия об эмоциях, а также «эмоциональную лексику», т.е. эмоционально окрашенные слова, содержащие чувственный фон. Лексика эмоций включает в себе номинативную функцию, она называет эмоции, а эмоциональная лексика – экспрессивную

и прагматическую функции [Бабенко, 1989, с. 12]. Принципы классификации эмотивов пока ещё чётко не разработаны, их типология не создана. Пока отнесение к разряду эмотивов основывается на внешнем признаке – функциональном: если слово выражает или может выражать эмоции, то оно эмотивно [Артамонова, 2018, с. 113].

Важно отметить, что условия значения оказывают воздействие на сознание читателя», т.е. «некоторые лексические единицы приобретают эмотивную окраску только находясь в определенном контексте».

В данной статье проанализирована модель отрицательных эмоций субмодели «злобы» и «злости». Важным предстает определить понятия «злости» и «злобы» и разграничить их. Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова: «злость» – это злое, раздражённо-враждебное чувство, настроение, например: «Полон злости кто-либо», «Говорить со злостью» [Ожегов, 2003]. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, «злость – это злое, полное раздражённой враждебности настроение». В то время как «злоба» – это чувство недоброжелательства к кому-либо; желание причинить зло [Ушаков, 2008]. В толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова слово «злоба» имеет значение – «чувство гневного раздражения, недоброжелательства против кого-нибудь» [Ушаков, 2008]. В словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой – это «чувство недоброжелательства, враждебности по отношению к кому-л.; желание причинить зло» [Евгеньева, 1999]. Таким образом, из определений становится ясным, что «злость» является временным проявлением эмоции и чувства, в то время как «злоба» имеет долгосрочное намерение и может предполагать желание причинить зло.

В тексте оригинала были выделены номинанты субмоделей «злобы» и «злости», ниже приведены некоторые из них:

1. «Злоба»: «Мать, первая, приняла ее со злобой и с презрением: «Ты меня обесчестила» [Достоевский, 1955, с. 90]. – “Her mother was the first to show the way. She received her erathfully, unkindly, and with contempt. “You have disgraced me”, she said” [Достоевский, 2017, с. 81]. В данном отрывке передана реакции матери Мари, вернувшейся обещанной домой. В переводе данного отрывка в составе переводческого трансфера использованы: а) членение предложения; б) модуляция: «приняла ее со злобой и с презрением» – “received her erathfully, unkindly, and with contempt”.

2. «Злоба»: «Ганя, опрокинутый, потерявшийся, злобный, взял со стола портрет и с искривлённую улыбкой обратился к князю» [Достоевский, 1955, с. 106]. – “Ganya – confused, annoyed, furious – took his portrait, and turned to the prince with a nasty smile on his face” [Достоевский, 2017, с. 98] В переводе данного отрывка в составе переводческого трансфера использованы: а) экспликация: «опрокинутый», в данном контексте слово имеет не прямое значение: «такой, который был свален, повален набок или перевёрнут кверху дном», а переносное значение - «растерянный, раздосадованный» – “confused” – «сбитый с толку, запутавшийся»; «потерявшийся» – “annoyed”, согласно Кембриджскому словарю, «раздраженный» [Cambridge Dictionary]; б) грамматическое добавление «портрет» – “his portrait”; в) «обратился» – “turned”, согласно Кембриджскому словарю, «поворачиваться» [Cambridge Dictionary].

3. «Злость»: «Про-че-е-сть! – закричал Ганя чуть не во все горло, – прочесть! Вы читали?» [Достоевский, 1955, с. 109]. – “To READ? Cried Gania, almost at the top of his voice; “to READ? And you read it?” [Достоевский, 2017, с. 102]. В переводе данного отрывка в составе переводческого трансфера использованы: а) синтаксическая замена типа предложения с восклицательного в оригинале на вопросительное в переводном тексте; б) авторский прием разделения слова дефисом: «Про-че-е-сть!» для усиления эмоциональной составляющей – “to READ”: в) антонимический перевод: «чуть не во все горло» – “almost at the top of his voice”; г) синтаксическая замена типа предложения «Вы читали?» – “And you read it?” – отсутствие правильного вопросительного порядка слов в переводном предложении использовано переводчиком, скорее всего, намеренно, для передачи настроения персонажа.

Важно отметить, на сегодняшний день изучение переводческого трансфера предполагает новые исследовательские перспективы в переводе, как и моделирование текста, которое отражает процесс воссоздания авторской реальности, созданный в литературном произведении.

В ходе исследования выявлен ряд переводческих трансформаций, в составе трансформирующего переводческого трансфера эмотивных конструктов. Установлено, что компоненты авторских моделей «злобы» и «злости» переводчик транскодировал посредством применения двух типов трансфера, а именно переводческого трансфера и трансформирующего переводческого трансфера.

По результатам исследования определено, что переводчик прибегнул к большому количеству переводческих трансформаций для транскодирования исходного текста, это объясняется высокой частотностью и кросскультурными особенностями эмотивных номинантов и конструкций.

Список литературы

Артамонова Е.И. Понятие эмотивности. передача эмоций при переводе художественных произведений с французского языка на русский (на примере романа "Жан-Кристоф" Р. Роллана) // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2018. – №. 6. – С. 111-115.

Достоевский М.Ф. Идиот. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 600 с.

Достоевский Ф. М. Идиот / пер. с рус. Евы Мартин. – Санкт-Петербург: КАРО, 2017. – 736 с. – ISBN 978-5-9925-1232-8.

Кушнерук С.Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // Russian Journal of Linguistics. – 2024. – Вып. 28. – № 2. – С. 439-465.

Огнева Е. А. Интерпретативный ресурс переводческого трансфера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 4. – С. 85-94.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений // С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. – 943 с.

Тюленев С.В. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с. – ISBN 5-8297-0204-5.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.

Яковлева И.Н. Особенности перевода эмотивной лексики // Интерактивная наука. – 2016. – № 2. – С. 127-129.

English Dictionary // Cambridge Dictionary : site. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения: 20.03.2026).

TRANSLATION TRANSFER OF EMOTIVE TEXT MODELS IN F.M. DOSTOEVSKIY'S "IDIOT"

*Kaznacheeva Ksenia Alexandrovna,
independent researcher,
Belgorod, Russia*

Annotation. In modern linguistics the problem of emotives translation is still actual in wide range of languages. The article determines the concept of emotive words and transfer methods emotive nominantes of "anger" and "malice" from Russian to English in F.M. Dostoevkiy's novel "Idiot". To date, no scientific papers have been published on the analysis of the translation of

emotive constructs in this work, which emphasises the novelty of the results obtained. The relevance of the research is determined by the need to study the linguistic means of conveying emotions in a literary text. Research methods: continuous sampling method, dictionary definitions analysis, contextual analysis, comparative analysis.

Key words: translation transfer, text modeling, cross-cultural modeling.

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОЛОРАТИВОВ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Неваленая Екатерина Владимировна,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
педагогического института*

*Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,*

Бузина Евгения Игоревна,

*доцент кафедры иностранных языков
педагогического института*

*Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. Статья посвящена исследованию молилингвальной переводческой диверсификации колоративов в романе Эдит Уортон «Эпоха невинности». На материале шести русскоязычных переводов произведения анализируются способы передачи цветообозначений, выявляются закономерности сохранения или утраты симметрии плана содержания и плана выражения. Особое внимание уделяется роли колоративов в создании художественного образа и их интерпретативному потенциалу при транскодировании на русский язык.

Ключевые слова: молилингвальная переводческая диверсификация, колоративы, симметрия, асимметрия, художественный текст, план содержания, план выражения.

В современном переводоведении особое внимание уделяется изучению множественности художественных переводов как источника уникального материала для наблюдения за интерпретативными возможностями языковых единиц. Данный феномен, определяемый как переводческая диверсификация обозначает «процесс создания нескольких вариантов перевода одного произведения синхронно или асинхронно» [Неваленая, 2024, с. 90] и позволяет исследователю выявить вариативность транскодирования элементов исходного текста, а также оценить степень сохранения их семантико-стилистического потенциала

Особый интерес в этом контексте представляют колоративы, или цветообозначения, которые являются неотъемлемой частью художественного информативного кода произведения. Они не только выполняют номинативную функцию, но и служат средством создания образности, характеристики персонажей, передачи атмосферы и авторской модальности. Анализ переводческой диверсификации колоративов позволяет проследить, как переводчики транскодируют эти единицы, сохраняя или видоизменяя их значение и стилистическую окраску, и определить вероятный и реальный интерпретативный потенциал передачи цветообразов.

О.В. Баринаова, вслед за Чжун Сяовен, выделяет базовые колоративы, называющие «основные цвета спектра (красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый), ахроматические цвета (белый, черный, серый), и колоратив, обозначающий смешанный цвет, т. е. коричневый» [Баринаова, 2016, с. 50]. Также автор выделяет:

1) колоративы «с затемнённой, или утраченной, внутренней формой»;

- 2) «аналитические прилагательные»;
- 3) «колоративы, соотнесенные с предметами»;
- 4) «колоративы, называющие масть животного, цвет волос или какой-то одной из частей тела человека» [Там же].

Материалом данного исследования послужил оригинальный текст романа Э. Уортон «The Age of Innocence» и шесть его переводов на русский язык, выполненных М.И. Беккер, Е.Э. Бабаевой, Л.П. Яркиной, В.И. Святкиной, Е.В. Осеневой и И.Я. Дорониной.

В ходе работы методом сплошной выборки были отобраны колоративы, которые были исследованы путем полиализа перевода – комплексного сравнительно-сопоставительного исследования, направленного на выявление закономерностей транскодирования текста оригинала в условиях переводной множественности.

Рассмотрим особенности переводческой диверсификации колоративов на конкретных примерах.

Одним из ярких примеров является прилагательное *sun-golden*, использованное для описания необычного оттенка роз: “*He had never seen any as sun-golden before ...*” [Wharton, 2017, p. 75-76].

Таблица 1 – Переводческая диверсификация колоратива “*sun-golden*”

Переводчик	Перевод
М.И. Беккер	«...таких золотистых, как солнце , цветов...» [Уортон, 2012, с. 78].
Е.Э. Бабаева	«...роз такого солнечно-золотистого оттенка...» [Вартон, 1994, с. 79-80].
Л.П. Яркина	«...роз такого солнечно-золотистого цвета...» [Уортон, 2011, с. 69].
В.И. Святкина	«...розы такого золотистого цвета. Они словно хранили в себе солнечный свет... » [Уортон, 2013, с. 66].
Е.В. Осенева	«Таких золотых, как солнечный свет , роз он никогда не видел...» [Уортон, 2022, с. 70].
И.Я. Доронина	«...роз такого солнечно-золотистого цвета...» [Уортон, 2024, с. 102].

В оригинале колоратив представляет собой сложное прилагательное, передающее сложный оттенок через сравнение с солнцем. Анализ переводов показывает два основных подхода к транскодированию:

1. Сохранение сложной структуры, при котором передаются поэтичность и образность описания в вариантах Е.Э. Бабаевой, Л.П. Яркиной и И.Я. Дорониной, которые используют сложное прилагательное «солнечно-золотистый». Данный номинант полностью симметричен оригиналу как в плане содержания, так и в плане выражения;

2. Асимметрия плана выражения, при которой план выражения претерпевает изменения: компактное сложное прилагательное разворачивается в синтаксическую конструкцию. Данное явление представлено в переводах М.И. Беккер «золотистых, как солнце», Е.В. Осеневой «золотых, как солнечный свет», которые прибегают к сравнительному обороту. План содержания (цвет = золото + солнце) сохраняется полностью, однако. Перевод В.И. Святкиной «золотистого цвета. Они словно хранили в себе солнечный свет» представляет собой компенсаторную асимметрию. Решение разбить единый образ, заключенный в колоратив, на два предложения, приводит к частичной асимметрии и некоторой потере образной компрессии оригинала.

В романе часто встречаются конструкции, где цвет является характеристикой предмета или персонажа, например, при описании неба и дома: “*Against the uniform sheet of snow and the greyish winter sky the Italian villa loomed up rather grimly*” [Wharton, 2017, с. 127].

Таблица 2 – Переводческая диверсификация колоратива “greyish winter sky”

Переводчик	Перевод
М.И. Беккер	«На фоне ровного заснеженного луга и серого зимнего неба «итальянская вилла» казалась довольно угрюмой...» [Уортон, 2012, с. 119].
Е.Э. Бабаева	«На фоне снега и серого зимнего неба итальянская вилла смотрелась мрачно...» [Вартон, 1994, с. 128].
Л.П. Яркина	«На фоне однообразной белизны лугов и серого зимнего неба итальянская вилла имела неприветливый вид» [Уортон, 2011, с. 99].
В.И. Святкина	«На фоне белого, как докторский халат, снега и по-зимнему серого неба «итальянская вилла» смотрелась довольно уныло» [Уортон, 2013, с. 109].
Е.В. Осенева	«На фоне сумрачного и серого зимнего неба , сливавшегося с однообразием снегов, итальянская вилла выглядела довольно мрачно» [Уортон, 2022, с. 113].
И.Я. Доронина	«На однообразном фоне снежного покрова и серого зимнего неба итальянская вилла выглядела довольно мрачно» [Уортон, 2024, с. 164].

В данном случае колоратив “greyish” (сероватый, с серым оттенком) и атрибутивное сочетание “winter sky” передаются переводчиками следующим образом:

Абсолютная симметрия. М.И. Беккер, Е.Э. Бабаева, Л.П. Яркина, Е.В. Осенева, И.Я. Доронина используют прямое соответствие «серое зимнее небо». Оттенок greyish (сероватый) передается как «серый», что можно считать незначительной семантической потерей, однако это укладывается в нормы русской сочетаемости и не искажает общей картины.

Частичная асимметрия с усилением признака. Перевод В.И. Святкиной «по-зимнему серого неба» вносит дополнительный оттенок значения, подчеркивая не столько цвет, сколько «зимность», «холодность» серого цвета. План выражения также меняется: вместо согласованного определения «зимний» используется наречие «по-зимнему», что усиливает экспрессивность. Перевод Е.В. Осеновой добавляет определение «сумрачный», расширяя образ за счет синонимичного колоративу прилагательного, что также является асимметрией.

Часто цвет является ключевым компонентом в сложных описаниях внешности, например, при описании дамы в опере: “...*piloting a tremendous blackwigged and red-plumed lady in overflowing furs*” [Wharton, 2017, с. 74].

Таблица 3 – Переводческая диверсификация колоративных компонентов “black” и “red”

Переводчик	Перевод
М.И. Беккер	«...за укутанной в меха высокой дамой в черном парике и шляпе с красным пером ...» [Уортон, 2012, с. 77].
Е.Э. Бабаева	«...вплыла леди в мехах...» [Вартон, 1994, с. 78].
Л.П. Яркина	«...облаченная в меха крупная дама с пучком красных перьев в черном парике ...» [Уортон, 2011, с.58].
В.И. Святкина	«...в сопровождении полной, розовощекой дамы в высоком черном парике и роскошном меховом мантио» [Уортон, 2013, с. 64].

Е.В. Осенева	«...огромную, в ниспадающих мехах даму в черном парике и красных перьях » [Уортон, 2022, с. 69].
И.Я. Доронина	«...ведя под руку устрашающего вида даму в черном парике с красными перьями , утопающую в мехах» [Уортон, 2024, с. 100].

Анализ передачи колоративов в составе этих сложных единиц демонстрирует, что “black” передается всеми переводчиками «черный», кроме Е.Э. Бабаевой, в переводе которой единица опущена. План содержания сохраняется, хотя план выражения меняется с атрибутивного сложного прилагательного “blackwiggd” на предложно-падежную конструкцию «в черном парике». Это обусловлено грамматическими различиями языков; колоратив “red” транскодируется переводчиками вариативно. Цвет сохраняется во всех случаях, где единица переведена «красных», «красным». Однако план выражения варьируется от «с красным пером» в переводе М.И. Беккер до «в красных перьях» в варианте Е.В. Осеновой и «с красными перьями» в переводе И.Я. Дорониной. Перевод Л.П. Яркой «с пучком красных перьев» вносит дополнительную сему количества «пучок», отсутствующую в оригинале, что является расширением плана содержания. Переводы Е.Э. Бабаевой и В.И. Святкиной демонстрируют «нулевой знак», что ведет к абсолютной асимметрии при передаче данного колоратива.

Проведенный анализ 120 фрагментов, содержащих колоративную лексику, позволяет сделать предварительные выводы о характере переводческой диверсивности цветообозначений.

В результате переводческой диверсификации колоративов романа Э. Уортон «Эпоха невинности» было установлено, что план содержания и план выражения в большинстве случаев транскодируется с частичной асимметрией. Этот факт обусловлен структурно-типологическими различиями языков оригинала и перевода, например, при замене английских сложных прилагательных русскими словосочетаниями или сравнительными оборотами. Однако, в ряде случаев переводчики привносят дополнительные смысловые оттенки, что расширяет интерпретативный потенциал цветообразов. Опущение колоратива ведет к абсолютной асимметрии, что связано с невозможностью или нецелесообразностью сохранения всех компонентов сложного образа.

Колоративы, являясь важным элементом создания художественного образа, обладают высоким интерпретативным потенциалом при переводческой диверсификации романа Э. Уортон «Эпоха невинности». Тем не менее, перспективными для продолжения исследований являются такие направления исследований как: переводческая диверсификация колоративов других художественных произведений; переводческая диверсификация других номинантов художественного информативного кода произведения Э. Уортон «Эпоха невинности».

Список литературы

Барина О.В. К проблеме классификации колоративов в лексикографическом аспекте // Sciences of Europe. – 2016. – № 3-2 (3). – С. 49-51.

Неваленая Е. В. Переводческая диверсификация как интерпретативный формат текстовой перекодировки (на материале произведения Э. Уортон «Эпоха невинности» и его четырех переводов на русский язык) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024. – № 1(42). – С. 89-92.

Уортон Э. Век наивности / пер. с англ. М. Беккер. – Москва: РИПОЛ Классик, 2012. – 383 с. – ISBN 978-5-367-02327-5.

Уортон Э. Век невинности / пер. с англ. В.Н. Святкина. – Москва: Седьмая книга, 2013. – 410 с. – ISBN 978-5-906-13779-1.

Уортон Э. Эпоха невинности / пер. с англ. Е.Э. Бабаева. – Москва: КРОН_ПРЕСС, 1994. – 352 с. – ISBN: 5-8317-0153-0.

Уортон Э. Эпоха невинности / пер. с англ. Л. Яркина. – Москва: Центрполиграф, 2011. – 370 с. – ISBN 5-227-01838-3.

Уортон, Э. Эпоха невинности / пер. с англ. Е. В. Осенева. – Москва: Эксмо, 2022. – 400 с. – ISBN: 978-5-04-176548-4.

Уортон, Э. Эпоха невинности / пер. с англ. И.Я. Дорониной. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 448 с. – ISBN: 978-5-17-158368-2.

Wharton E. The Age of Innocence. – NY: RUGRAM, 2017. – 364 p. – ISBN 978-5-521-05464-0.

THE INTERPRETATIVE POTENTIAL OF COLORATIVES IN THE TRANSLATIONAL DIVERSIFICATION OF ENGLISH LITERARY TEXT

Nevalenaya Ekaterina Vladimirovna,

*Senior lecturer of the department of foreign languages,
Belgorod national research university, Belgorod, Russia,*

Buzina Evgeniya Igorevna,

Ph.D. in Philology

*Associate Professor of the department of foreign languages,
Belgorod national research university, Belgorod, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of monolingual translational diversification of coloratives in E. Wharton's novel "The Age of Innocence". Based on the material of six translations into Russian, the ways of conveying color meanings are analyzed, patterns of preserving or losing the symmetry of the plan of content and the plan of expression are revealed. Special attention is paid to the role of coloratives in creating an artistic effect and their interpretative potential when transcoding into Russian.

Key words: monolingual translation diversification, coloratives, symmetry, asymmetry, artistic text, plan of content, plan of expression.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ ПРЯМОГО ПЕРЕВОДА: ЛИНГВОПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАСХОЖДЕНИЯ ПОНЯТИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Осадчая Ольга Николаевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

*Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева, г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема межъязыковой эквивалентности в юридическом дискурсе. В эпоху глобализации активное заимствование терминов методом прямого перевода создает иллюзию понятийного тождества, что приводит к серьезным правоприменительным ошибкам. Цель данной работы – выявить и проанализировать случаи не просто различия, а полной семантической инверсии при переносе англоязычных юридических терминов на русскую правовую почву. Автор приходит к выводу о необходимости осторожного подхода к терминологическим заимствованиям и важности учета системных связей национального права при переводе.

Ключевые слова: юрислингвистика, эквивалентность, семантическая инверсия, апартаменты, жилая недвижимость, диффамация, клевета.

Взаимодействие правовых систем в условиях интеграции международного сообщества неизбежно влечет за собой взаимодействие языков. Юридический язык,

обладающий высокой степенью консервативности и привязанный к конкретной правовой системе, становится полем межъязыковой интерференции. Одним из наиболее распространенных, но и порой опасных способов передачи правовых терминов является прямой перевод, при котором текст оригинала воспроизводится на языке перевода с подбором постоянного или ближайшего эквивалента каждой лексеме [Чепак, 2016].

Как отмечают исследователи, основной проблемой юридического перевода является не столько лингвистическая, сколько концептуальная безэквивалентность. Цель настоящей статьи – доказать тезис о том, что прямой перевод англоязычных терминов в русском юридическом дискурсе создает не просто смысловые неточности, а «семантические ловушки», где заимствованное слово может приобретать значение, прямо противоположное своему прародителю. Анализ проводится на двух показательных примерах: категория недвижимости «апартаменты» и институт ответственности за распространение сведений «диффамация».

Наиболее ярким примером понятийного неравенства, граничащего с семантической инверсией, является судьба английского термина *apartment* в российском правовом дискурсе. Внешнее сходство лексем маскирует их фундаментальную противоположность по ключевому признаку – принадлежности к жилому фонду.

В контексте британского рынка недвижимости термин *apartment* (наряду с термином *flat*) однозначно идентифицирует объект как жилое помещение (*residential property*). Различия между *flat* и *apartment* носят исключительно оценочно-градационный характер, но не юридический:

- *Flat* – нейтральный термин, обозначающий стандартное жилое помещение на одном этаже в многоквартирном доме.

- *Apartment*, как правило, ассоциируется с жильем более высокого класса. Это часто часть крупного, иногда роскошного жилого комплекса (*luxury development*), предлагающего широкий спектр удобств (консьерж, тренажерный зал, закрытая территория) [The Law Dictionary].

Критически важным является то, что оба понятия объединяет их родовая принадлежность: и *flat*, и *apartment* в Великобритании являются жилыми единицами. Это означает, что на них в полном объеме распространяются все права, связанные с проживанием: право на регистрацию, равный налоговый режим, гарантии качества жилья и доступ к социальной инфраструктуре. Семантическое ядро английской лексемы *apartment* – «жилое помещение, возможно, повышенной комфортности».

В российском правовом поле происходит полный разрыв с исходной семантикой. Термин «апартаменты», будучи заимствованным, не просто утратил связь с категорией жилья, но и закрепился в законодательстве (точнее, в его отсутствии) и правоприменительной практике как категория, этой связи противоположная. В российском праве апартаменты не имеют четкого нормативного определения. Обращение к нормам Жилищного кодекса РФ (ст. 16) дает исчерпывающий перечень объектов жилого фонда: жилой дом, квартира, комната [Жилищный кодекс Российской Федерации]. Термин «апартаменты» в этом перечне отсутствует. С точки зрения Гражданского кодекса РФ, они относятся к нежилым помещениям (коммерческой недвижимости) [Гражданский кодекс Российской Федерации].

Таким образом, мы наблюдаем классическую семантическую инверсию:

- Английский термин *apartment* означает жилое помещение.
- Русские «апартаменты» (юридический статус) приравниваются к нежилому помещению.

Этот перевернутый статус влечет за собой серьезные последствия, которые полностью исключают отождествление с жильем:

1. Отсутствие постоянной регистрации. В апартаментах невозможно оформить постоянную регистрацию («прописку») по месту жительства, так как согласно ст. 2 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места

пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» № 5242-1 местом жительства признается лишь жилое помещение.

2. Повышенное налогообложение. Налог на имущество рассчитывается по ставке для коммерческой недвижимости (до 2%), что значительно выше ставок для жилья. Не применяется налоговый вычет (ст. 220 НК РФ) [Налоговый кодекс Российской Федерации].

3. Отсутствие социальных гарантий. На апартаменты не распространяются нормы обеспеченности социальной инфраструктурой (школы, детские сады, поликлиники).

4. Правовой режим строительства. На них не распространяются гарантии для дольщиков жилья по Федеральному закону РФ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Таким образом, юридическая природа апартаментов двойственна: фактически они используются в качестве жилых помещений, однако по закону относятся к нежилым. Это создает коллизию между фактическими и юридическими характеристиками объекта, требующую устранения на уровне законодательства.

Итак, метод прямого перевода здесь привел к тому, что слово, которое в языке-доноре сигнализирует о наличии жилищных прав, в языке-реципиенте сигнализирует об их отсутствии. Это не просто разница в нюансах, а полная противоположность правового содержания.

Вторым ярким примером концептуального разрыва, хотя и не столь инверсивным, как с апартаментами, является термин «диффамация», заимствованный из английского права (*defamation*). Здесь расхождение проявляется в структуре правового института и возможностях лингвистических манипуляций. В Соединенном Королевстве институт диффамации имеет четкую законодательную основу – *Defamation Act 2013*. Этот закон устанавливает следующие ключевые характеристики:

1. Единый институт. Диффамация охватывает защиту репутации от распространения порочащих сведений.

2. Ложность сведений. Ключевым элементом является то, что сведения должны быть ложными (*false*) или создавать ложное впечатление, причинившее серьезный вред репутации (*Section 1: Serious harm*).

3. Деление на виды. Сохраняется классическое деление на письменную форму диффамации (*libel*) и устную форму (*slander*) [*Defamation Act, 2013*].

Таким образом, в Великобритании диффамация – это единый, законодательно закрепленный институт, где ложность сведений является ключевым элементом, а форма распространения влияет на квалификацию.

В российской правовой системе термин «диффамация» отсутствует в законодательных актах, что говорит об отсутствии устоявшейся практики применения. Он используется лишь доктринально [Потапенко, 2002]. На законодательном уровне Россия оперирует только лексемой «клевета» в уголовном кодексе (ст. 128.1 УК РФ) в значении распространения заведомо ложных сведений [Уголовный кодекс Российской Федерации] и гражданско-правовой защитой от распространения любых порочащих сведений (ст. 152 ГК РФ) [Гражданский кодекс Российской Федерации]. Примечательно, что в гражданском кодексе центральным понятием, по содержанию приближенным к «клевете», является многозвенная структура «сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию» Единого понятия, аналогичного британскому *defamation*, не существует.

Отсутствие законодательно закрепленного термина «диффамация» создает уникальную ситуацию для использования языка как инструмента защиты. Ключевым лингвистическим приемом становится язык хеджирования – использование слов, делающих высказывание менее категоричным («по моему мнению», «мне кажется», «как бы»). Эти маркеры субъективности переводят утверждение о фактах (которое можно

проверить на истинность/ложность) в разряд оценочного суждения. Однако согласно Постановлению Пленума ВС РФ № 3, оценочные суждения не являются предметом защиты в порядке ст. 152 ГК РФ.

Следовательно, возникает парадокс: используя метод хеджирования, говорящий может фактически опорочить репутацию, но полностью уйти от ответственности, так как его слова не подпадают ни под состав клеветы (нет утверждения о факте и заведомой ложности), ни под гражданско-правовую защиту (это мнение, а не сведение). Формальный подход к лингвистической конструкции фразы создает зону безнаказанности, где британское понятие *defamation*, требующее комплексного анализа вреда, не находит адекватного правового эквивалента в России.

Проведенный юрислингвистический анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, прямой перевод юридических терминов является «ложным другом переводчика» на институциональном уровне. Перенос лексемы без учета ее системных связей в национальном праве ведет к искажению смысла. Во-вторых, на примере термина «апартаменты» зафиксирован случай полной семантической инверсии: английский термин *apartment* (жилое помещение) в русском лингвоправовом поле приобрел противоположное значение – «нежилое помещение». Британская модель предлагает градацию внутри жилого фонда, российская – выводит апартаменты за его пределы, лишая их жилищных прав.

В-третьих, на примере термина «диффамация» демонстрируется понятийный разрыв: британское право оперирует единым институтом, российское – не знает этого термина, используя лишь понятия «клевета» и «сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию». Это создает почву для лингвистических манипуляций (хеджирования), позволяющих уходить от ответственности.

Для преодоления «понятийного неравенства» юристам и лингвистам необходимо отказываться от механического использования калек в пользу функциональных аналогов, учитывающих национальную специфику. В противном случае юридический язык рискует превратиться из инструмента точной коммуникации в источник системных ошибок и средство ухода от ответственности.

Список литературы

Гражданский кодекс Российской Федерации : часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ : часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ : часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ : (ред. от 01.01.2026) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система : сайт. – Москва, 1997-2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.03.2026).

Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ : (ред. от 01.01.2026) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система : сайт. – Москва, 1997-2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 01.03.2026).

Налоговый кодекс Российской Федерации : часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ : часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ : (ред. от 01.01.2026) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система : сайт. – Москва, 1997-2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 01.03.2026).

Потапенко С. В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ : Дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2002. – 319 с.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 01.01.2026) // КонсультантПлюс : справ.-прав. система : сайт. – Москва, 1997-2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2026).

Чепак О. А. Проблемы передачи безэквивалентной лексики в переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский / О. А. Чепак, С. К. Данчинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 3 (57): в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 163-167.

Defamation Act 2013 : 26 April 2013 // [legislation.gov.uk](https://www.legislation.gov.uk) : official site. – London, 2013. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/contents/enacted> (date of access: 02.02.2022).

The Law Dictionary : [website] / by Black's Law Dictionary, 2nd Ed. – URL: <https://thelawdictionary.org/apartment/> (date of access: 02.02.2022).

SEMANTIC INVERSION OF DIRECT TRANSLATION: A LINGUISTIC AND LEGAL ANALYSIS OF THE DISCREPANCY BETWEEN CONCEPTS IN ENGLISH AND RUSSIAN LEGAL DISCOURSE

Osadchaya Olga Nikolaevna,
*Candidate of Philology,
associate professor of the department of foreign languages
Russian state university of justice named after V.M. Lebedev,
Moscow, Russia*

Abstract. The article examines the problem of interlanguage equivalence in legal discourse. In the era of globalization, the active borrowing of terms by direct translation creates the illusion of conceptual identity, which leads to serious law enforcement errors. The purpose of this work is to identify and analyze cases of not just differences, but complete semantic inversion when transferring English–language legal terms to Russian legal ground. The author comes to the conclusion about the need for a careful approach to terminological borrowings and the importance of taking into account the systemic connections of national law when translating.

Key words: legal linguistics, equivalence, semantic inversion, apartments, residential real estate, defamation, slander.

ЛИНГВОКОНСТРУКТЫ В ДЕЙСТВИИ: ЭЛЕМЕНТЫ КОГНИТИВНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Руденко Кристина Владимировна,
*кандидат филологических наук, учитель английского языка
ЧОУ «Газпром школа Санкт-Петербург»,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается понятие «лингвоконструкта» – сложной языковой единицы, объединяющей форму, значение и когнитивную операцию, лежащую в основе порождения речи. Предлагаются адаптации данного понятия для учащихся 7-8 классов (13-15 лет), способствующие развитию метапредметных компетенций. Внедряются методические приёмы и элементы когнитивного переводоведения в практику преподавания иностранного языка в средней школе.

Ключевые слова: лингвоконструкт, эквивалент, переводоведение, фрейм, грамматическая структура, когнитивно-коммуникативная концепция.

В современной лингвистике понятие «конструкт» тесно связано с теорией фреймов, разработанной Ч. Филлмором и получившей развитие в трудах отечественных ученых. Как указывает В.И. Хайруллин, «фрейм – это пакет информации, который хранится в памяти и обеспечивает адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» [Хайруллин, 2010, с. 24]. Иными словами, когда мы говорим о лингвоконструкте, мы имеем в виду не просто слово или грамматическую конструкцию, а целостную структуру знания, стоящую за языковым выражением.

Для школьного учителя это означает, что обучение переводу не должно сводиться к поиску словарных соответствий. Вместо этого необходимо помочь ученикам увидеть, что

за каждой языковой единицей стоит определенная когнитивная структура – способ организации знания о мире. Например, английское выражение «dead silence» (мертвая тишина) представляет собой лингвоконструкт, в котором концепт «тишина» метафорически осмысляется через концепт «смерть». При переводе на русский язык буквальное калькирование («мертвая тишина») оказывается вполне уместным, однако в других случаях подобный перенос может привести к коммуникативной неудаче.

Когнитивное переводоведение, оформившееся как самостоятельное направление в последние десятилетия, исходит из того, что перевод – это не просто межъязыковая трансформация, но процесс интерпретации ментальных структур, стоящих за текстом. Как отмечают исследователи, работающие в рамках когнитивно-коммуникативной концепции, «переводчик выступает посредником между разными когнитивными системами, и его задача – обеспечить не формальную эквивалентность, а функциональное подобие» [Dejica, 2025, с. 104].

Для школьной практики это означает смену акцентов: от вопроса «Как правильно перевести это слово?» к вопросам «Почему автор выбрал именно это слово?», «Какую картину мира создает этот текст?», «Как ту же мысль выразил бы носитель русского языка?». Такой подход не только углубляет понимание языка, но и развивает критическое мышление, столь необходимое современному школьнику.

Интегративно-компаративный метод

Одним из наиболее эффективных способов знакомства школьников с элементами когнитивного переводоведения является использование интегративно-компаративного метода, основанного на сопоставлении оригинальных текстов с их художественными переводами. Опыт применения такого подхода описан в работе, посвященной системе занятий, объединяющих иностранный язык, родной язык и литературу [Кунанбаева, 2017, с. 132].

Авторы методики отмечают, что сопоставительный анализ небольших, интересных учащимся текстов на языке оригинала с их профессиональным переводом позволяет решить несколько задач одновременно:

- формирование интереса к чтению на изучаемом языке;
- развитие языковой догадки и умения анализировать средства выразительности;
- осознание роли переводчика как творческой личности, а не просто технического посредника.

Стратегический коллаборативный перевод

Интересный подход к использованию перевода в средней школе предлагают исследователи из Университета Вандербильта, разработавшие методику TRANSLATE (Teaching Reading And New Strategic Language Approaches to English learners). Эта методика представляет собой стратегический коллаборативный перевод, осуществляемый в малых группах под руководством учителя [Pacheco, 2015, p. 52].

Алгоритм работы выглядит следующим образом:

- Учитель предлагает учащимся установить связи с текстом (личные, межтекстовые, с актуальными событиями).
- Учащиеся читают небольшой фрагмент концептуально и лингвистически насыщенного текста.
- В малых группах учащиеся совместно переводят фрагмент на родной язык.
- Сравнение переводов внутри группы, обсуждение различий в понимании смысла.
- Возврат к исходному тексту, обсуждение того, как перевод помогает понять характер, сюжет, тему произведения.

Исследователи подчеркивают, что такая работа дает учащимся возможность продемонстрировать свою экспертизу в родном языке, а учитель может выступать в разных ролях – ученика (когда он узнает от детей особенности их языка и культуры), соавтора (когда

участвует в совместном конструировании смысла) или эксперта (когда помогает справиться с особо сложными случаями) [Pacheco, 2015, p. 58].

Анализ поэтического перевода: сонет Шекспира

Один из наиболее эффективных способов познакомить учащихся с понятием лингвоконструкта – анализ поэтического перевода. Рассмотрим фрагмент урока, посвященного сонету У. Шекспира № 138, который подробно описан в методической разработке, представленной на портале «Первое сентября» [Евстратова, 2024].

Перед началом работы учащиеся получают текст сонета на английском языке:

When my love swears that she is made of truth,
I do believe her, though I know she lies,
That she might think me some untutored youth,
Unlearned in the world's false subtleties.

На первом этапе учитель предлагает отметить логические ударения, прочитать текст вслух, определить тему. Затем учащиеся обсуждают на русском языке, какие чувства передает лирический герой, какие средства выразительности использует автор.

На втором этапе учащиеся знакомятся с переводом С.Я. Маршака:

Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.

Сопоставительный анализ позволяет обсудить, какие когнитивные операции совершил переводчик: почему он выбрал именно эти слова, какие смысловые акценты сместились, как сохранился (или изменился) образ лирического героя. Ключевые вопросы для обсуждения: «Как звучит тема в переводе?», «Какие мысли Шекспира в переводе звучат иначе?», «Чья позиция вам ближе и почему?» [Евстратова, 2024].

В качестве домашнего задания учащимся можно предложить разноуровневые варианты: мини-сочинение на русском языке о роли переводчика, подстрочный перевод другого сонета или создание собственного художественного перевода.

Для 7–8 классов прекрасным материалом служат лимерики – короткие стихотворения абсурдного содержания, которые демонстрируют, как один и тот же лингвоконструкт может по-разному реализовываться в разных языках. Классический пример – перевод английского лимерика о Шалтае-Болтае:

Humpty-Dumpty sat on a wall,
Humpty-Dumpty had a great fall;
All the King's horses and all King's men
Couldn't put Humpty together again.

Перевод С.Я. Маршака значительно расширяет оригинал, вводя повторяющиеся имена персонажа и создавая ритмический рисунок, который превращает простое повествование в детскую считалку [Евстратова, 2024]. Сравнение перевода с оригиналом позволяет учащимся осознать, что переводчик – это не просто передатчик смысла, но соавтор, который создает новое произведение, ориентированное на иную культурную аудиторию.

Когнитивный перевод ориентирован не на поиск эквивалентов отдельных единиц, а на понимание «логики, заложенной в языке» (the logic embedded in the language). В практике это означает, что учащийся должен не просто подобрать русское слово к английскому, но объяснить, почему носитель английского языка использует именно эту конструкцию, как она связана с его картиной мира [Kissi, 2020, p. 322].

Внедрение элементов когнитивного переводоведения в практику преподавания иностранного языка в 7–8 классах позволяет достичь нескольких значимых результатов:

- Формирование метапредметных компетенций: учащиеся не просто овладевают иностранным языком, но учатся осознавать структуру языка как такового, сравнивать

разные языковые системы, выявлять общее и особенное. Это соответствует требованиям федеральных государственных образовательных стандартов, ориентированных на развитие универсальных учебных действий.

- Развитие творческого потенциала. Работа с художественным переводом, создание собственных вариантов перевода развивает творческие способности учащихся, учит их осознанно выбирать языковые средства для выражения мысли.

- Повышение мотивации: как показывает практика, учащиеся с интересом включаются в работу с переводами, особенно когда видят, что их мнение о качестве перевода ценится, что они могут сами выступать в роли переводчиков-экспертов [Pacheco, 2015, p. 60].

- Формирование межкультурной компетенции. Анализ лингвоконструктов помогает учащимся воспринять язык как способ видения мира. Это развивает уважение к своей и иным культурам одновременно.

- Лингвоконструкты представляют новые возможности для методики преподавания иностранного языка в средней школе. С их помощью можно минимизировать разрыв между формальным изучением языка и его подлинным пониманием.

Как мы видим, что ученики 7–8 классов воспринимают когнитивный подход, если он представлен доступной и интересной формой работы: сопоставительный анализ переводов или обсуждение лингвокультурных реалий. Учитель сам должен владеть основами когнитивного переводоведения и уметь адаптировать их под свою аудиторию.

Список литературы

Кунабаева С.С. Концептологические основы когнитивной лингвистики в становлении полиязычной личности: учебное пособие. – Алматы: Полилингва, 2017. – 264 с.

Евстратова Т.Е. Система занятий, основанная на методе интегративно-компаративного проекта, как средство формирования и развития лингвистической, языковой и коммуникативной компетенций при изучении иностранного языка // Первое сентября: сайт. – 2024. – URL: <https://urok.1sept.ru/publication/206129> (дата обращения: 27.03.2026).

Хайруллин В.И. Перевод и фреймы: курс лекций. – М.: URSS, 2010. – 140 с.

Dejica D. Exploring the impact of mental translation on communicative language teaching and learning in Romanian schools / D. Dejica, A. Toma // Swedish Journal of Romanian Studies. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – P. 103-109.

Kissi K. Cognitive Translation As A Substitute For Language Translation In The Teaching Of EFL At Algerian Secondary Schools // AL-MUTARĠIM. – 2020. – Vol. 20, No. 1. – P. 313-327.

Pacheco M.B. Translating Pedagogies: Leveraging Students' Heritage Languages in the Literacy Classroom / M.B. Pacheco, S.S. David, R.T. Jiménez // Middle Grades Research Journal. – 2015. – Vol. 10. – No. 1. – P. 49-63.

LINGUOCONSTRUCTS IN ACTION: ELEMENTS OF COGNITIVE TRANSLATION STUDIES IN SECONDARY SCHOOL

Rudenko Kristina Vladimirovna,

*Candidate of Philological Sciences, English Teacher,
Private Educational Institution "Gazprom School St. Petersburg",
St. Petersburg, Russia*

Abstract. The article examines the concept of "linguoconstruct" – a complex linguistic unit that combines form, meaning, and the cognitive operation underlying speech production. Adaptations of this concept for students in grades 7–8 (ages 13–15) are proposed, aimed at fostering the development of meta-subject competencies. Methodological techniques and elements

of cognitive translation studies are introduced into the practice of teaching a foreign language in secondary school.

Key words: linguoconstruct, equivalent, translation studies, frame, grammatical structure, cognitive-communicative concept.

ЯЗЫКОВЫЕ И ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Фролова Ксения Михайловна,

студент 4 курса факультета иностранных языков,

Бабаян Владимир Николаевич,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода

*Ярославского государственного педагогического университета
им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия*

Аннотация. Статья посвящена исследованию англоязычного публицистического дискурса в переводческом аспекте. Выявляются лингвостилистические особенности публицистического дискурса и проводится сравнительно-сопоставительный анализ текста оригинала и его переводов, выполненных специалистом-переводчиком (традиционным способом) и с помощью нейросетевых систем. Сделан вывод о преимуществах и недостатках перевода англоязычного публицистического дискурса на русский язык.

Ключевые слова: англоязычный публицистический дискурс, лингвостилистические особенности, прагматические особенности, функции публицистики, сравнительный анализ, традиционный перевод, нейросети.

Публицистический дискурс представляет сложное коммуникативное явление, включающее в себя особый тип текстов (выступлений) на актуальные общественно-политические темы [Бабаян, 2025]. Этот дискурс, как правило, выполняет две **функции**: *функцию сообщения, информации* об определенных социальных явлениях, фактах и *функцию воздействия*, т.е. открытой оценки изложенных проблем, для того чтобы повлиять и на мысли, и на чувства читателей (слушателей), привлечь их к поддержке позиции автора.

Публицистический дискурс характеризуется рядом уникальных характеристик, в нем особое место занимают **слова и фразеологические обороты общественно-политического характера**, например: **democracy** (демократия), **party** (партия), **ideology** (идейность), **disarmament** (разоружение), **civilized countries** (цивилизованные страны), **peaceful coexistence** (мирное сосуществование), **market economy** (рыночная экономика) и др.

В публицистическом дискурсе часто встречается **лексика, связанная с областью морально-этических проблем**, например: **duty** (долг), **honour** (честь), **moral principles** (моральные устои), **conscience** (совесть) и др.

Поскольку автор открыто пропагандирует свою точку зрения, в публицистическом дискурсе обычно используются **слова и фразеологизмы, имеющие оценочный характер**, положительный или отрицательный, например: **worker – parasite** (труженик – тунеядец), **champion – accomplice** (поборник – пособник), **spread – plant** (распространять – насаждать) и т.д.

Публицистический дискурс отличается высокой **экспрессивностью**, наличием **подтекста** и **авторской оценки** [Аверина, 2024; Демочкина, 2021; Ключев, 2021; Мельникова, 2025; Тюкина, 2024; Чвягина, 2025].

Публицистический дискурс характеризуется присущими ему **лингвистическими и стилистическими особенностями**. Сюда относится широкое использование **идиоматических выражений, метафор, иронии, аллюзий** к явлениям англоязычной культуры. Для публицистического дискурса характерны определенные структурные элементы: *лаконичность, преобладание коротких предложений и абзацев, активное использование цитат и отсылок к актуальным событиям* [Бабаян, 2024; Кривенков, 2021; Купцов, 2024].

Публицистический дискурс характеризуется *ярко выраженным авторским стилем и использованием различных стилистических приёмов для усиления воздействия на читателя* [Бабаян, 2025]. Нейросети, хотя и способны генерировать грамматически правильные тексты, при переводе часто «сглаживают» стиль, теряя индивидуальные особенности текста оригинала.

Проблемами перевода различных типов дискурса занимаются многие современные исследователи [Бабаян, 2024; Мельникова, 2025; Тюкина, 2024].

Представим **сравнительно-сопоставительный анализ** англоязычного публицистического дискурса и его переводов *традиционным способом*, а также *посредством нейросетевых систем DeepL и Яндекс Переводчик*. В исследовании проведен анализ 40 контентов, однако вследствие ограниченного объема работы, представим анализ наиболее интересных контентов.

(1) **Оригинал:** *And when you do, the world reveals itself to be a zero-sum contest in which every neighbour is a potential rival, and success depends on controlling territory, as in the boardgame Risk.*

Традиционный перевод: *После этого, мир превратится для вас в соревнование, где один выигрывает, а другой проигрывает, в котором каждый сосед - потенциальный соперник, а успех зависит от контролируемой вами территории, словно в настольной игре "Риск".*

Перевод DeepL: *И когда вы это делаете, мир предстает перед вами как игра с нулевой суммой, в которой каждый сосед является потенциальным соперником, а успех зависит от контроля над территорией, как в настольной игре «Риск».*

Яндекс. Переводчик: *И когда вы это делаете, мир превращается в соревнование с нулевой суммой, в котором каждый сосед – потенциальный соперник, а успех зависит от контроля над территорией, как в настольной игре "Риск".*

В данном контенте замечаем сравнение *“world reveals itself to be a zero-sum contest in which every neighbour is a potential rival”*, а также описание его сути, поэтому при переводе нужно корректно передать смысл оригинала. В переводе *традиционным способом* контент передан посредством приема **описательного перевода** «мир превратится для вас в соревнование, где один выигрывает, а другой проигрывает, в котором каждый сосед – потенциальный соперник». Этот прием перевода наилучший, т.к. передает идею автора и понятен целевой аудитории. *Нейронные переводчики* воспользовались **дословным переводом**, что, является не лучшим способом перевода, т.к. фраза остается непонятной для русскоязычного читателя.

(2) **Оригинал:** *The expansion of markets and eruption of new technologies promised to make geography obsolete.*

Традиционный перевод: *Ожидалось, что расширение рынков и появление новых технологий приведет к тому, что география станет неактуальной.*

Перевод DeepL: *Расширение рынков и появление новых технологий обещали сделать географию устаревшей.*

Яндекс Переводчик: *Расширение рынков и появление новых технологий обещали сделать географию устаревшей.*

В данном контенте нужно правильно понять фразу *“promised to make geography obsolete”* и передать ее смысл. В переводе *традиционным способом* наиболее точно передана мысль автора, при этом и сам текст понятен русскоязычному читателю. Однако

нейронные переводчики олицетворили понятия «расширение рынков» и «появление новых технологий» и, перевели это «Расширение рынков и появление новых технологий обещали сделать географию устаревшей», что не соответствует стилистике русского языка.

(3) **Оригинал:** *Crosby's ability to elevate his play in the most important moments, to me, is what puts him over the top more than anything. There is something perhaps more naturally exciting and enthralling about how Ovechkin played, especially when he was young. It was theater.*

Традиционный перевод: *На мой взгляд, главное, что выводит Кросби в лидеры, это его способность поднимать уровень игры в самые важные моменты. Да, есть нечто более захватывающее и восхитительное в том, как играл Овечкин, особенно в молодости. Это было театральное представление.*

Перевод DeepL: *Кросби повышать уровень своей игры в самые важные моменты, на мой взгляд, выделяет его среди других игроков больше всего. В игре Овечкина, особенно в молодости, было что-то более естественное, захватывающее и увлекательное. Это было как театр.*

Яндекс Переводчик: *На мой взгляд, способность Кросби улучшать свою игру в самые важные моменты – это то, что ставит его на первое место больше, чем что-либо другое. Возможно, в том, как играл Овечкин, есть что-то более волнующее и увлекательное, особенно когда он был молод. Это был театр.*

В контенте англоязычного спортивного дискурса представлено тонкое сравнение игровых стилей двух хоккеистов, где автор использует оценочные конструкции “to elevate his play”, “puts him over the top” и яркую завершающую метафору “It was theater”. Перевод таких субъективных оценок и образных выражений требует особой внимательности для передачи не только буквального смысла, но и эмоционально-оценочного тона автора.

В переводе **традиционным способом** ключевая идиома “puts him over the top” мастерски передана с помощью приема **подбора функционального аналога** – «выводит Кросби в лидеры». Здесь данный прием, на наш взгляд, является наиболее подходящим, т.к. он точно отражает смысл превосходства, заложенный в оригинале, и звучит естественно в русскоязычном спортивном дискурсе. Финальная метафора “It was theater” также удачно усилена и **конкретизирована** до «Это было театральное представление», что делает образ более законченным и понятным для русскоязычного читателя.

Нейронные переводчики продемонстрировали разные подходы. DeepL часто использует **дословный перевод**, сохраняя структуру предложений («способность Кросби повышать уровень своей игры... выделяет его»), но это делает текст несколько тяжеловесным. Его попытка перевести “naturally exciting” как «естественное, захватывающее» приводит к семантической неточности, т.к. слово «естественное» выражает отдельный признак, а не зрелищность. Яндекс Переводчик также использует **прием дословного перевода** («ставит его на первое место»), однако его версия также страдает от буквализма в финале («Это был театр»), которая звучит в русском переводе неполно и неидиоматично. Таким образом, можем сказать, что, хотя **оба автоматических переводчика** в целом справляются с передачей основного смысла, их переводы **уступают традиционному** в плане стилистической окраски, естественности звучания и точной нюансировки авторских оценок.

Таким образом, подчеркнем, что **перевод традиционным способом** лучше и качественнее справляется с передачей *англоязычного публицистического дискурса* на русский язык. Но этот способ перевода требует больше времени по сравнению с машинным переводом. Каждый **нейросетевой перевод** содержит большее число ошибок. Однако в некоторых случаях, когда нужно только понять содержание текста, можно, не тратя много времени, воспользоваться переводом нейронного переводчика. Данное исследование позволило сделать вывод о том, что **нейронным переводчикам** трудно дается перевод *особых выражений*, реализующих стилистические приемы, а также словосочетаний, требующих *метода развертывания* или приема *антонимического перевода* и др. Поэтому

отказываться от нейронных переводчиков не стоит, т.к. они экономят много времени и могут служить вспомогательным инструментом при переводе текстов.

Список литературы

Аверина М.Н. Реалии-американизмы политического дискурса законодательной власти США: переводческий аспект // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: Сб. науч. статей по материалам VI Междунар. научно-практ. конференции, Ярославль, 17–18 мая 2024 года. – Ярославль: ЯГТУ, 2024. – С. 314-319.

Бабаян В.Н. Лакуна – реалия – безэквивалентная языковая единица: переводческий аспект // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 22-23 мая 2024 года. – Ярославль: Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) "Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)", 2024. – С. 55-62.

Бабаян В.Н. Лингвопрагматические и лексико-семантические особенности англоязычного политического дискурса // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2025. – Т. 35. – № 4. – С. 834-843.

Демочкина Е.С. О происхождении новой военно-политической лексики в современном английском языке и обучении ее передаче на русский язык // Вестник Ярославского высшего военного училища ПВО. – 2021. – № 1(12). – С. 91-99.

Клюев К.В. Об использовании эвфемизмов в англоязычном военном и политическом типах дискурса / К.В. Клюев, А.В. Лепа // Семьдесят четвертая всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием : сборник материалов конференции : в 2 ч., Ярославль, 21 апреля 2021 года. Часть 2. – Ярославль: ЯГТУ, 2021. – С. 862-868.

Кривенков Н.С. О влиянии отдельных языковых культур на формирование лексического состава современного английского языка / Н.С. Кривенков, В.Н. Бабаян // Семьдесят четвертая всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием : сб. материалов конференции : в 2 ч., Ярославль, 21 апреля 2021 года. Часть 2. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2021. – С. 869-877.

Купцов А.Е. О выразительных, эмоционально окрашенных и аксиологических языковых средствах современного английского языка / А.Е. Купцов, В.Н. Бабаян // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : Сборник науч. материалов Международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2024 года. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2024. – С. 99-109.

Мельникова К.А. Об операции уточнения текстов оригинала и перевода при передаче англоязычных текстов научно-технической литературы на русский язык и вопросах этического характера / К.А. Мельникова, Л.А. Тюкина // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 16-17 мая 2025 года. – Ярославль: ЯГТУ, 2025. – С. 185-193.

Тюкина Л.А. Лексикография, перевод и словарный состав языка в аспекте межкультурной коммуникации / Л.А. Тюкина, К.А. Мельникова // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: Сб. науч. статей по материалам VI Международной научно-практ. конференции, Ярославль, 17–18 мая 2024 года. – Ярославль: ЯГТУ, 2024. – С. 198-205.

Чвягина Т.В. Лингвопрагматические особенности научного и публицистического видов дискурса / Т.В. Чвягина, В.Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2025. – № 3(42). – С. 150-163.

**LINGUISTIC AND TRANSLATOLOGICAL FEATURES
OF THE ENGLISH PUBLICISTIC DISCOURSE:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Frolova Ksenia Mihailovna,

The 4th-year student of Foreign Languages Faculty,

Babayan Vladimir Nikolayevich,

*Doctor of Philology, Professor, Professor of the Theory and Practice of Translation
Department of Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl,
Russia*

Abstract. This article studies the English publicistic discourse from the translation perspective. It reveals the linguistic and stylistic features of the publicistic discourse and performs a comparative analysis of the original text and its translations, both traditionally done by a professional translator and using neural network systems. The conclusion is made about the advantages and disadvantages of translating the publicistic discourse by a translator and by neural network systems.

Key words: English publicistic discourse, linguostylistic features, pragmatic features, publicistic functions, comparative analysis, traditional translation, neural network systems.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

ФУНКЦИИ ЭВФЕМИЗМОВ В РЕЧАХ ЕЛИЗАВЕТЫ II (НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ 1947–1953 ГГ.)

Агопова Елена Тарасовна,
студент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Мирошниченко Лариса Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются виды и функции эвфемистических единиц в публичных выступлениях королевы Елизаветы II. Материалом для анализа послужили тексты обращений монарха к подданным и членам Содружества наций в период с 1947 по 1953 год. Особое внимание уделяется специфике политического эвфемизма как инструмента манипуляции общественным мнением и средства переосмысления исторических событий. Авторами предлагается классификация эвфемизмов по способу смыслового преобразования и тематической принадлежности.

Ключевые слова: политический дискурс, эвфемизм, королева Елизавета II, манипуляция.

Речь политических и дипломатических деятелей представляет собой сложное образование, включающее лексические и фразеологические единицы различных стилистических регистров. Как правило, язык дипломатии «характеризуется частотным употреблением терминов, в том числе латинского, греческого и французского происхождения, аббревиатур, гибких формулировок и выражений высокого стиля (поскольку язык дипломатических документов влияет на имидж государства), а также эвфемизмов» [Логунова, 2014, с. 109].

Для обращений и публичных заявлений политических деятелей характерна односторонняя коммуникация: адресант транслирует информацию, не предполагая непосредственного обмена ею с аудиторией. В связи с этим речь политиков ориентирована на реализацию таких иллокутивных функций, как агитация, наставление, воодушевление или внушение страха. Наряду с этим, особый интерес представляют способы репрезентации действительности в высказываниях политических деятелей.

Елизавета II (1926–2022), королева Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии и глав государств Содружества, представляет собой значимую фигуру не только в исторической ретроспективе, но и в контексте политической и дипломатической практики. Несмотря на парламентский характер британской монархии, при котором суверен выполняет преимущественно церемониальные и представительские функции, монарх остаётся неотъемлемым участником политического процесса. За семь десятилетий правления Елизавета II неоднократно обращалась к подданным и членам Содружества, и её речи служат объектом настоящего исследования. Предметом изучения выступают функции и разновидности эвфемизмов, используемых для репрезентации исторических событий и политических трансформаций.

Как отмечалось выше, в политическом дискурсе особое место среди лексических средств принадлежит эвфемизмам. Согласно определению К.А. Логуновой, «политические эвфемизмы предполагают использование в речи стратегий уклонения от истины, "маскировки" нежелательной информации и истинного смысла высказывания» [Логунова, 2014, с. 110]. Их использование позволяет нивелировать негативные ассоциации и

оказывать воздействие на общественное мнение. Как отмечают Д.Е. Смирнова и Е.В. Шемаева, в «политической речи манипуляция строится так, чтобы слушатель постепенно терял связь с реальной социально-политической обстановкой. Главная задача – направить аудиторию в нужную сторону, убедить ее воспринимать происходящее определенным образом и сформировать необходимые оценки» [Смирнова, 2025, с. 85].

Следует подчеркнуть, что, по мнению И.Р. Гальперина, сам термин «политический эвфемизм» неправомерен, поскольку «эвфемизмы – это замена одного обозначения понятия другим, смягченным. Это смягчение не искажает понятия <...> То, что называют политическим эвфемизмом, фактически не несет функции эвфемизма» [Гальперин, 1958, с. 145]. При этом сам исследователь признает существование в языке явления, направленного на искажение фактов, которое называют эвфемизмом. Как показало наше исследование, в речах королевы Елизаветы II такие единицы действительно присутствуют, причем они сосуществуют с традиционными эвфемизмами, выполняющими функцию смягчения.

В обращении принцессы Елизаветы, произнесённом в Кейптауне 21 апреля 1947 года, отражён сложный послевоенный контекст, характеризующийся ослаблением Британской империи и активизацией национально-освободительных движений. Фраза *whatever race* (независимо от расы), звучавшая прогрессивно для своего времени, де-факто смягчала реальность колониальной иерархии, в которой расы обладали далеко не равными правами. Выражение *our great imperial family* (наша великая имперская семья) замещает понятия «власть» и «контроль» метафорой родственных уз. Фраза *the high honour of standing alone, seven years ago, in defence of the liberty of the world* (высокая честь стоять в одиночестве семь лет назад, защищая свободу мира) искажает вклад войск колоний и доминионов, а также нивелирует значение ленд-лиза, предоставленного США. Конструкция *the price we cheerfully undertook to pay* (цена, которую мы с радостью согласились заплатить) в контексте военных потерь представляет собой эвфемизм, смягчающий трагизм происшедшего. Употребление обобщённых существительных *anxieties and hardships* (тревоги и лишения) позволяет преуменьшить масштаб бедствий, придавая им абстрактный характер. Фраза *has now to save itself after the battle is won* (теперь должен спасать себя после того, как битва выиграна) эвфемистически обозначает процесс послевоенного восстановления, одновременно акцентируя необходимость сохранения имперского единства. Ключевое слово *service* (служение) в пассаже *my whole life... shall be devoted to your service* (вся моя жизнь... будет посвящена служению вам) выполняет эвфемистическую функцию, маскируя конституционную роль монарха как главы государства, управляющего другими народами, под маской жертвенности и заботы.

Таким образом, в данном обращении эвфемизмы реализуют следующие политические задачи: 1) переосмысление Второй мировой войны как исключительно британского подвига; 2) сокрытие масштабов послевоенного упадка; 3) переформулирование понятия «империя» в категории «семьи» и «служения».

В Рождественском обращении 1952 года, приуроченном к восшествию на престол, использование эвфемизмов носит преимущественно этикетный и патриотический характер. Выражение *the British Commonwealth and Empire, that immense union of nations* (Британское Содружество и Империя, этот огромный союз наций) содержит номинацию *union of nations*, эвфемизирующую колониальную структуру и представляющую её как добровольное объединение равноправных участников. Фраза *those who are serving their country in distant lands* (те, кто служит своей стране в далеких краях) избегает конкретики, связанной с военными действиями или колониальным присутствием. Абстрактные понятия *grave problems and difficulties* (серьёзные проблемы и трудности) позволяют не называть болезненные темы, такие как утрата колоний или экономические трудности. Выражение *the tremendous forces of science and learning for the betterment of man's lot* (огромные силы науки и учения для улучшения участи человека) носит обобщённый характер и не затрагивает вопросов использования научных достижений в военных целях, что было особенно актуально в условиях холодной войны.

В речи, произнесённой вечером 2 июня 1953 года в день коронации, представлен классический образец монархической риторики, направленной на консолидацию нации и Содружества. Использование множественного числа *my peoples* (мои народы) вместо «подданные» выступает эвфемизмом, признающим множественность и разнообразие при одновременном объединении их в едином действии поддержки монарха. Выражение *spread far and wide throughout every continent* (раскинувшиеся по всем континентам) заменяет прямое упоминание колоний. Конструкция *races different in history and origins but all united in spirit* (расы, различные по истории и происхождению, но единые духом) обходит острые вопросы расовой политики и колониальных конфликтов, провозглашая духовное единство там, где имели место реальные противоречия. Метафора *veiled in the mists of the past* (окутаны туманом прошлого) позволяет избежать прямой референции к противоречивым историческим событиям, представляя традицию как явление вневременное и лишённое конкретно-исторической привязки.

Среди эвфемизмов, встречающихся в речах Елизаветы II, можно выделить два типа: традиционные эвфемизмы-замещения, служащие для нейтрализации негативной коннотации при обозначении табуированных или нежелательных явлений, и эвфемизмы-манипулятивы, выполняющие функцию прагматического воздействия на адресата. Примеры, представленные в таблице 1, демонстрируют, что эвфемизмы-замещения направлены на снижение эмоциональной напряжённости высказывания. В свою очередь, эвфемизмы-манипулятивы характеризуются интенциональным переосмыслением референта, при котором негативные явления получают нейтральную или позитивную оценку, что позволяет целенаправленно корректировать восприятие адресата в соответствии с коммуникативными задачами говорящего.

Таблица 1 – Классификация эвфемизмов в речах Елизаветы II по способам семантического преобразования

Вид эвфемизма	Характеристика	Примеры
Эвфемизмы-замещения	Замена прямого наименования нейтральным или позитивным, чтобы избежать неприятных ассоциаций. Близки к классическим эвфемизмам.	1) <i>distant lands</i> вместо «колоний» или «военные базы»; 2) <i>anxieties and hardships</i> вместо «голод, разруха, кризис»; 3) <i>troubled past</i> вместо «война»
Эвфемизмы-манипулятивы	Целенаправленное изменение смысла, создание ложной картины реальности.	1) <i>cheerfully undertook to pay</i> (представление ужасов войны как радостного выбора) 2) <i>standing alone</i> (игнорирование вклада колоний и союзников)

Исследуемые эвфемизмы могут быть также классифицированы по тематическому принципу на следующие подгруппы: имперско-колониальная, расовая и этническая, военная, социально-экономическая, историко-символическая, конституционно-ролевая. Примеры, представленные в таблице 2, демонстрируют, что в ранних речах Елизаветы II доминирующей сферой эвфемизации является имперско-колониальная. В рамках данной тематической группы монарх описывает процессы дезинтеграции Британской империи посредством лексики родства и единства, что позволяет эвфемизировать распад колониальной системы. Второй по частотности тематической группой выступает военная

сфера. Эвфемизмы, относящиеся к данной группе, направлены на закрепление в общественном сознании представления об исключительной роли Великобритании во Второй мировой войне, что, вероятно, было обусловлено необходимостью поддержания национального духа в условиях послевоенного кризиса.

Таблица 2 – Распределение эвфемизмов по тематическим группам

Тематическая группа	Функция	Примеры из речей
Имперско-колониальная	Маскировка колониальной структуры	1. «our great imperial family»; 2. «the British Commonwealth and Empire, that immense union of nations» 3. «my peoples» 4. «spread far and wide throughout every continent»
Расовая/этническая	Сглаживание реальности колониальной иерархии	5. «whatever race they come from» 6. «races different in history and origins but all united in spirit»
Военная	Переосмысление Второй мировой войны, смягчение ужаса потерь, приписывание исключительных заслуг Британии.	7. «the high honour of standing alone» 8. «the price we cheerfully undertook to pay» 9. «those who are serving their country in distant lands»
Социально-экономическая	Преуменьшение масштаба послевоенного кризиса, абстрактизация проблем.	10. «anxieties and hardships» 11. «grave problems and difficulties»
Историко-символическая	Уход от неудобных страниц истории, сакрализация традиции	12. «veiled in the mists of the past» 13. «the betterment of man's lot»
Конституционно-ролевая	Переопределение функции монарха: подмена политической власти этикой «служения»	14. «my whole life shall be devoted to your service»

Таким образом, эвфемизмы в ранних речах Елизаветы II способствуют конструированию образа действительности, соответствующего коммуникативным задачам монарха и ориентированного на поддержание положительного имиджа Великобритании и британской монархии. Тематическая структура эвфемизмов в исследуемых текстах отражает ключевые вызовы, с которыми столкнулась Британия в послевоенный период: распад империи, необходимость переосмысления итогов Второй мировой войны, поиск новой роли монарха в меняющемся мире. Проведенный анализ позволяет заключить, что эвфемизация в речах Елизаветы II направлена на решение конкретных коммуникативных задач – сохранение единства Содружества, поддержание национального духа и легитимацию перехода от имперской модели к символическому лидерству.

Список литературы

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.

Логунова, К. А. Эвфемизмы в дипломатическом языке / К. А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12-2(42). – С. 109-112.

Смирнова Д. Е. Манипуляция в политическом дискурсе / Д. Е. Смирнова, Е. В. Шемаева // Информативный потенциал лингвоконструктов : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Белгород, 09–10 апреля 2025 года. – Белгород: ЦПП НИУ "БелГУ", 2025. – С. 84-89.

FUNCTIONS OF EUPHEMISMS IN THE SPEECHES OF ELIZABETH II (BASED ON ADDRESSES FROM 1947–1953)

Agopova Elena Tarasovna,

*Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State University,*

Academic Supervisor: Miroshnichenko Larisa Nikolaevna,

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages,*

Pedagogical Institute, Belgorod State University, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the types and functions of euphemistic units in the public addresses of Queen Elizabeth II. The material for the analysis comprises the monarch's addresses to her subjects and members of the Commonwealth of Nations from 1947 to 1953. Special attention is paid to the specific nature of political euphemism as a tool for manipulating public opinion and as a means of reinterpreting historical events. The authors propose a classification of euphemisms based on the method of semantic transformation and thematic affiliation.

Key words: political discourse, euphemism, Queen Elizabeth II, manipulation.

ДИСКУРСИВНАЯ КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА «ЕДА» В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О МАЛОМ ГОРОДЕ РОССИИ

Колядин Антон Валерьевич,

*кандидат филологических наук, доцент подготовительного отделения для
иностранных учащихся, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия,*

Покровская Мария Борисовна,

*ассистент подготовительного отделения для иностранных учащихся,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается дискурсивная когнитивная доминанта «ЕДА» в туристическом дискурсе о малых городах России. На материале публикаций журнала «Отдых в России», посвященных сыру, выявлено, что ДКД «ЕДА» конкретизируется в доминанте «СЫР», структурно представленной четырьмя концептами: «СЫР КАК НАСЛЕДИЕ», «СЫР КАК МАСТЕРСТВО», «СЫР КАК ПУТЕШЕСТВИЕ» и «СЫР КАК УДОВОЛЬСТВИЕ». Для каждого концепта определены информативные коды и коммуникативные стратегии. Построенная таксономическая модель демонстрирует формирование привлекательного образа малых городов через гастрономический бренд, способствующее развитию внутреннего туризма.

Ключевые слова: туристический дискурс, дискурсивная когнитивная доминанта, концепт-доминанта, информативный код, таксономическая модель, гастрономический брендинг, образ территории.

Современный туризм как глобальное социально-экономическое явление представляет собой не только сферу досуга, но и сложную систему межкультурных коммуникаций, удовлетворяющую потребности человека в познании окружающего мира. Глобализация и развитие интернет-технологий актуализируют изучение вербальной составляющей этой сферы, оформленной в виде туристического дискурса. Вслед за отечественными исследователями, под туристическим дискурсом считаем возможным понимать совокупность текстов, являющихся продуктом речевой деятельности в индустрии туризма, которые, будучи представленными в различных вербальных и невербальных жанрах, сочетают в себе универсальные характеристики и национально-специфические черты [Сакаева, 2014; Ромадина, 2016].

Важно отметить, что изучение туристического дискурса находится на пересечении нескольких научных парадигм. Диахронический анализ прослеживает его эволюцию: от итинерариев XII в. с субъективной оценкой через институциональный туризм XIX века с апеллятивной функцией [Ромадина, 2016, с. 130-131] до современного интернет-опосредованного этапа с гипертекстуальностью, мультимедийностью и новыми жанрами (блоги, отзывы), стирающими грань между институциональным и персональным дискурсом [Волкова, 2017, с. 34]. Приоритетным направлением выступает анализ концептосферы туристического дискурса в оппозиции «глобальное / локальное» [там же, с. 39]: с одной стороны, выделяются универсальные концепты («отдых», «удовольствие», «уникальность», «экзотика», «приключение») [Новикова, 2016, с. 157-158] со сходным категориальным аппаратом при ментальной специфике репрезентации [Бубенко, 2015, с. 71-72]. С другой стороны, ключевую роль играет локальный компонент (национально-культурные концепты, топонимы, реалии), кодирующий уникальность территорий [Волкова, 2017, с. 45]. Особое место занимает анализ интернет-отзывов, где концепт «еда» становится маркером «своего» и «чужого» и объектом сенсорной оценки [Сунь, 2022, с. 131-136]. Также следует отметить исследование когнитивных структур в контексте выявления и изучения когнитивных доминант (данный термин определяется как «когнитивный информативный конструкт, состоящий из двух и более концептов-доминант» (концептов с доминантным номинативным полем в концептосфере текста). Будучи реализованы в коммуникативном пространстве, они приобретают статус дискурсивных когнитивных доминант. В рамках настоящего исследования особое значение имеет разработанный авторский алгоритм анализа, включающий выявление спектра концептов-доминант, исследование их информативного кода (проксемы, хронемы, лингвокультуры, сенсемы, глуттонимы) и построение таксономических моделей [Колядин, 2025, с. 8-11].

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным обосновать актуальность проводимого нами исследования востребованностью формирования гастрономического имиджа в развитии внутреннего туризма малых городов России, устойчивым вниманием лингвистики к дискурсивному конструированию культурного кода территории и отсутствием работ, комплексно анализирующих дискурсивную когнитивную доминанту «ЕДА» в российском туристическом дискурсе.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении, моделировании и анализе структуры и способов вербализации дискурсивной когнитивной доминанты «ЕДА» (на примере доминанты «СЫР») в туристическом дискурсе о малом городе России. Эмпирическим материалом для проведения исследования послужили семь статей интернет-портала «Отдых в России», посвященных сыру и сыроварению в российских регионах [Отдых в России]. Считаем необходимым отметить, что применение разработанной нами методологии лингвокогнитивного моделирования открывает, на наш взгляд, новые перспективы для системного и верифицируемого анализа процесса превращения гастрономического продукта в многомерный культурный код, связывающий историю, географию и локальную идентичность малых городов России.

Так, согласно авторскому алгоритму интерпретации и моделирования дискурсивных когнитивных доминант (далее – ДКД), анализ статей интернет-портала «Отдых в России» позволил установить, что все тексты организованы вокруг единой ДКД «ЕДА», которая в исследуемых публикациях конкретизируется и сужается до доминанты «СЫР». Данная доминанта выступает смысловым и структурным центром, вокруг которого формируется туристическая привлекательность малых городов России (Углича, Коприно, Масловки).

Исследование номинативной плотности и семантической насыщенности лексических единиц определило, что ядро дискурсивной когнитивной доминанты «СЫР» образуют четыре концепта-доминанты (далее – КД), конструирующие целостный полифонический образ продукта и места его производства:

1. КД «СЫР КАК НАСЛЕДИЕ» («КУЛЬТУРА»)

Данный КД формирует образ сыра как национального достояния и объекта культурной памяти. Его номинативное поле характеризуется высокой плотностью двух типов маркеров: *хронемы* (*с 1866 года, в 1871 году, в 1935 году, в 1961 году, 90-летие завода*) создают временную глубину, выстраивая непрерывную линию преемственности от первых артелей XIX века до современности, в то время как *лингвокультураны*, наиболее узнаваемой из которых выступает антропоним «отец русского сыроделия» *Николай Верещагин*, объективируют культурную значимость явления. В эту группу также входят *названия институций* (*Молочная школа, ВНИИМС, УСМЗ*), *престижных профессиональных сообществ* (*Гильдия сыроделов Франции*) и *событий* (*конкурс в Ньоре*). Особую роль играют *интертекстуальные маркеры*: так, грузинская пословица «Если у тебя нет сыра, значит, ты умер» придает сыру универсальную, почти сакральную ценность, а пушкинская цитата «И Страсбурга пирог нетленный // Меж сыром лимбургским живым // И ананасом золотым» встраивает его в контекст высокой русской культуры. Философские афоризмы В. Борева («Молоко – это материя божественного происхождения», «Если вы не хотите, чтобы лекарства стали вашей едой, делайте вашу пищу целебной»), в свою очередь, возводят сыроделие в ранг мировоззренческой концепции, что в комплексе конструирует образ сыра не просто как продукта, а как символа национальной гордости и исторического наследия, требующего сохранения и трансляции.

2. КД «СЫР КАК МАСТЕРСТВО» («ТЕХНОЛОГИЯ»)

Этот КД репрезентирует сыр как сложный высокотехнологичный продукт, требующий специальных знаний, условий и профессионализма. Учитывая вариативность возможных аспектов, комплексно формирующих данный концепт, считаем возможным выделить несколько категорий маркеров, образующих его номинативное поле. Прежде всего, это лексемы, вербализирующие процесс производства сырной продукции (например, *пастеризация, засолка, созревание, технологии производства*). Использование подобной лексики, отражающей производственный процесс, позволяет акцентировать внимание читателей не только на трудоёмкости, но и на наукоёмкости данного технологического процесса. Следующая категория номинантов состоит из проксем, визуализирующих уникальные пространственные образы, связанные с производством сыра. При этом, данная категория подразделяется на лексемы, визуализирующие сакральные пространства, в которых происходит сыроварение (например, *подвалы для созревания, сводчатые подвалы, глубооченные помещицьи подвалы*), и лексемы-антиподы, номинирующие современные технологии и при этом усиливающие восприятие ценности сыроваренных традиций. Третья категория номинантов включает в себя лингвокультураны, объективизирующие профессионализм мастеров, высокие технологии и качество продукции посредством отсылки к именам известных современных сыроваров (например, *технолог Людмила Володина*), названиям предприятий (*Конаковский сыроваренный завод*) и престижные оценки (*медали, признание «французских мэтров»*). Таким образом, данные номинанты, а также оппозиция «настоящий» - «пластиковый» сыр в анализируемых публицистических материалах объективизируют подлинность настоящего сыра, которая достигается за счет современных технологий, объединенных с многовековыми традициями. Отдельно

необходимо выделить группу номинантов, связанных с трансляцией знания: обучение экскурсоводов, программы для детей («*Что такое молоко*», «*Я – дегустатор*») и высокий спрос на дегустации (12%... *круизные экскурсанты*, 30% ... *организованные группы*, 58% - *индивидуальные посещения* и т.д.). Таким образом, данный концепт-доминанта формирует образ сыра как результата уникального сочетания традиции, профессионализма и высокого качества, доступного для понимания через просвещение.

3. КД «СЫР КАК ПУТЕШЕСТВИЕ» («ЛОКАЦИЯ»)

Данный КД репрезентирует сыр как смыслообразующий центр туристического маршрута и инструмент брендинга территории. Его номинативное поле образуется посредством включения нескольких групп маркеров: ядро концепта образуют **топонимы** и **проксемы**, организующие пространство путешествия. В анализируемых статьях это, прежде всего, реализуется через **геометрическую проксемику** «*Сырный треугольник Верещагина*», которая задает конкретную, легко запоминающуюся топологию маршрута с вершинами в Едимоново, Коприно и Угличе. **Проксемы-дейксисы** («*Первым углом...*», «*Второй точкой притяжения...*», «*Третьим, завершающим углом...*») последовательно разворачивают нарратив поездки, структурируя его во времени и пространстве. Используемые в статьях **топонимы** выполняют несколько функций: прежде всего, они номинируют исторические реалии, актуализируя непрерывную связь настоящего с прошлым (*Коприно, Едимоново, Отроковичи*). В то же время современные топонимы – номинанты туристических брендов (*Ярославское взморье, Завидово, парк-отель «Бухта Коприно»*) визуализируют в публикациях гастрономические маршруты с комфортной гостеприимной инфраструктурой. Отдельные номинанты, такие как, например, музей-завод «СырКультПросвет» и ресторан «СырБор», формируют сыроваренный бренд «Сырный край Углича», маркируя локации туристического притяжения.

Созданию уникального аутентичного образа гастрономических локаций в статьях научно-популярных журналов также способствует использованию таких выражений как *гастрономические достопримечательности, локальная кухня, промышленно-гастрономическая экосистема*. Подобные устойчивые номинанты, визуализирующие в читательском восприятии интересные туристические гастро-маршруты, вкупе с авторскими окказиональными метафорическими номинациями (например, «*Франция «без шенгена»*»), предлагают достойную альтернативу зарубежному гастрономическому туризму.

Таким образом, данный концепт-доминанта конструирует целостный образ территории, где сыр выступает не просто достопримечательностью, а системообразующим элементом, объединяющим историю, инфраструктуру и туристический опыт.

4. КД «СЫР КАК УДОВОЛЬСТВИЕ» («ВКУС»)

Данный КД репрезентирует сыр как источник разнообразных сенсорных и эмоциональных переживаний, формируя кульминацию туристического опыта. Его номинативное поле включает несколько групп маркеров, воздействующих на различные каналы восприятия потенциального потребителя. Так, **глюттонимы** выполняют классифицирующую и идентифицирующую функции: а) брендовые наименования (*Угличский сыр, Угличе Поле, Верещагинский*) закрепляют связь продукта с территорией и производителем; б) видовые глюттонимы (*улейма, романьер, чеддер, лимбургский, маасдам*) демонстрируют разнообразие сырной линейки и включают локальную продукцию в мировой гастрономический контекст; в) авторский глюттоним «*жидкий сыр*» (молочный коньяк), построенный на оксюморе, подчеркивает уникальность и привлекает внимание; г) названия блюд (*сырный суп, пицца «СырБор», сырное фондю*) актуализируют способы потребления и формируют гастрономический имидж ресторанов.

Также важную роль играют **сенсемы**, описывающие сенсорный опыт. Вкусовые сенсемы (*вкуснейшие, уникальный вкус, сливочный аромат/вкус, изумительный вкус*) создают положительный вкусовой образ продукта. Особой выразительностью обладает

тактильная сенсема «сыр *«скрипит на зубах»*», которая переводит абстрактное понятие выдержки в конкретное физическое ощущение.

Эмотивная лексика (*восторг, вау-эффект, незабываемые впечатления, настоящее приключение*), в свою очередь, акцентирует интенсивность переживаний. Особую значимость имеют свидетельства трансформации отношения к сыру (можно *«говорить о сыре часами»*), до посещения музея *«всей душой не любила сыр»*, *«Сыр нам никогда не надоест!»*), вербализирующие идею неисчерпаемости удовольствия и постоянной новизны открытий. Таким образом, данный концепт-доминанта конструирует сыр как источник бесконечного, многообразного и трансформирующего удовольствия, ради которого стоит совершить путешествие.

Проведенный с использованием авторского алгоритма анализ частотности и функциональной нагрузки различных типов номинантов в рамках каждого из четырех выделенных концептов-доминант, позволил сделать выводы об уникальном профиле информативного кода каждого КД: в концепте «СЫР КАК НАСЛЕДИЕ» доминируют хронемы и лингвокультуемы, создающие историческую глубину и культурную значимость, в концепте «СЫР КАК МАСТЕРСТВО» ведущая роль отведена проксемам, детализирующим технологическое пространство. В концепте «СЫР КАК ПУТЕШЕСТВИЕ» ключевыми являются проксема и топонимы-проксема, структурирующие географию гастротура. В концепте «СЫР КАК УДОВОЛЬСТВИЕ» наиболее частотны глуттонимы и сенсема, непосредственно воздействующие на чувственный опыт читателя.

Таким образом, построенная таксономическая модель дискурсивной когнитивной доминанты «СЫР», реализующей общую ДКД «ЕДА» и включающей четыре концепта-доминанты, демонстрирует, как через гастрономический бренд формируется многомерный образ малых городов России, выполняющий мотивирующую функцию для туристического посещения и потребления локального продукта.

Список литературы

Бубенко Ю.В. Концептосфера туристического дискурса (на материале российских и испанских рекламных текстов) / Ю.В. Бубенко, М.В. Терских // Человек в мире культуры. – 2015. – №3. – С. 60-72.

Волкова И.Д. Глобализация и локализация как векторы развития туристического интернет-дискурса (на материале русского, английского и французского языков): дис. кандид. филол. наук. – Волгоград, 2017. – 210 с.

Колядин А.В. Лингвокультурное моделирование публицистического информативного кода в дискурсивных когнитивных доминантах “Architecture” и «Архитектура»: Дис. кандид. филол. наук. – Белгород, 2025. – 222 с.

Новикова Т.Б. Концептосфера туристического дискурса // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2016. – №35. – С. 155-158.

Ромадина И.Д. Цивилизационные и прагматические факторы развития туристического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета / Языкознание. – 2016. – Т. 15. – №3. – С. 129-136.

Сакаева Л.Р. Понятие «туризм» и «туристический дискурс» в современной научной парадигме / Л.Р. Сакаева, Л.В. Базарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №6 (36). – Ч. 1. – С. 159-161.

Сунь В. Образ китайской еды и людей в отзывах российских туристов о Китае // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 14. - №2. – С. 126-141.

THE DISCURSIVE COGNITIVE DOMINANT “FOOD” IN THE TOURIST DISCOURSE ABOUT A SMALL RUSSIAN TOWN

Koliadin Anton Valeryevich,

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor of the preparatory department for foreign students, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia,

Pokrovskaya Maria Borisovna,

assistant of the preparatory department for foreign students, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article determines the discursive cognitive dominant “FOOD” in the tourist discourse about small towns in Russia. Based on the publications of the journal “Otdykh v Rossii” devoted to cheese, it is revealed that the DKD “FOOD” is concretized in the dominant “CHEESE”, structurally represented by four concepts: “CHEESE AS A HERITAGE”, “CHEESE AS A CRAFTSMANSHIP”, “CHEESE AS A JOURNEY” and “CHEESE AS A PLEASURE”. Informative codes and communication strategies are defined for each concept. The constructed taxonomic model demonstrates the formation of an attractive image of small towns through a gastronomic brand, contributing to the development of domestic tourism.

Key words: tourist discourse, discursive cognitive dominant, concept dominant, informative code, taxonomic model, gastronomic branding, image of the territory.

ЛИНГВОКОНСТРУКТ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ

Логунова Светлана Валентиновна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики

факультета истории, политологии и филологии

Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия,

Кащеева Анна Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики

факультета истории, политологии и филологии

Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие «лингвоконструкт» в контексте профессионально ориентированного обучения чтению. Выявлены трудности раскрытия информативного потенциала лингвоконструкта профессиональной реальности. Описаны особенности конструирования лингвистического знания в ходе социального взаимодействия участников образовательного процесса.

Ключевые слова: лингвоконструкт, лингвистическое знание, профессионально ориентированное чтение, социальное конструирование.

Поиск эффективных путей формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов-бакалавров и магистрантов неязыковых специальностей постоянно находится в центре внимания исследователей в области преподавания иностранных языков в профессиональной сфере. Практика преподавания показывает, что потенциальные возможности иноязычного дискурса не в полной мере реализуются в ходе обучения.

Необходимость повышения уровня практического владения иностранным языком с целью его дальнейшего активного использования в профессиональной и научной деятельности, в сфере делового общения обусловлена, прежде всего, социальной направленностью этой деятельности.

Процесс конструирования знания с точки зрения сторонников эпистемологического подхода в философии представляет собой активное построение субъектом моделей реальности на основе полученного опыта, используемого языка и социального контекста [Познание, 2007, с. 14], [Маркова, 1997, с. 111]. Социальная обусловленность знания является неотъемлемой составляющей активного познания человеком реальности, в том числе конструирования языкового знания [Стукалова, 2021, с. 204]. В рамках данной статьи мы будем понимать под социальным конструированием процесс формирования нового знания в профессиональной области.

Опыт показывает, что социальное конструирование происходит, прежде всего, через профессионально ориентированные тексты. Рассматривая текст как средство репрезентации знания в определенной профессиональной области, правомерно говорить о том, что процесс социального конструирования сопровождается процессом конструирования лингвистического знания.

Конструирование лингвистического знания в рамках профессионально ориентированного обучения, как правило, осуществляется на основе изучения профессионально значимого контекста, включающего исследование актуальных проблем в конкретной области знания и содержащего значительный объем специализированного лексического материала. Ведущим видом иноязычной речевой деятельности студентов в данном случае является профессионально ориентированное чтение, в ходе которого осуществляется поиск профессиональной терминологии, глубокое и критическое осмысление прочитанного, выделение главного, установление логических связей [Борновалова, 2023, с. 119]. Иными словами, профессионально ориентированное чтение представляет собой активный процесс переработки информации, процесс когнитивного конструирования знаний.

В то же время процесс обучения чтению в методической науке описан как многоступенчатый процесс, который начинается с подготовительного этапа и предполагает постановку определенных коммуникативных задач познавательного или практического характера [Методика, 2010, с. 165] до начала чтения. Кроме того, в процессе активного изучения профессионально ориентированного контекста на иностранном языке читающий вступает в диалог с автором текста, при этом происходит интеграция нового для студента профессионального знания с уже имеющимся личным опытом. Дальнейшее обсуждение прочитанного в ходе коллективного взаимодействия на занятии, обмена мнениями, привлечения индивидуального опыта каждого участника дискуссии приводит к созданию нового знания в рамках рассматриваемого профессионального сообщества.

Активное совместное конструирование профессионального и лингвистического знания в процессе взаимодействия на занятии в ходе обсуждения проблемных вопросов, поиск наиболее эффективных путей решения поставленных проблем, обоснование своей точки зрения в ходе обсуждения и, наконец, принятие общего решения в результате дискуссии можно рассматривать как составляющие социального конструирования знания, способствующего развитию как коммуникативных навыков, так и формированию умения подчинять свои личные мнения и желания общим конструктивным замыслам.

Анализируя потенциальные возможности совместной познавательной деятельности студентов в ходе решения поставленных коммуникативных задач, обратимся к знаковой природе языка. Социальная роль языкового знака, его определение как «материального носителя социальной информации» [Стрежкова, 2022, с. 18], с одной стороны, и распределение социальных ролей между участниками коммуникации, с другой, подтверждают единство социального, когнитивного и лингвистического аспектов конструирования языкового знания.

Для организации эффективного процесса конструирования знания в иноязычном образовании необходимо определить его основу и условия [Богданова, 2009, с. 86] успешной реализации поставленных целей. Понимание прочитанного не является самоцелью в ходе изучения иностранного языка в профессиональной сфере, чтение профессиональной литературы осуществляется с целью развития способности к анализу и использованию полученной информации в дальнейшей профессиональной деятельности. Профессионально ориентированное чтение иноязычных текстов как один из ведущих видов речевой деятельности в организации учебного процесса профессиональной направленности позволяет нам рассматривать текст в качестве лингвоконструкта в широком смысле этого слова, лингвоконструкта профессиональной реальности, или макро-лингвоконструкта. Под лингвоконструктом понимается лингвистический способ репрезентации знания определенного характера [Огнева, 2016, 2019.] Созданный автором для решения определенной коммуникативной задачи текст содержит значимые для автора и понятные представителям профессионального сообщества вербализованные фрагменты профессионального опыта.

Раскрытие информативного потенциала подобного лингвоконструкта для студентов неязыковых специальностей представляет значительные сложности, поскольку, во-первых, профессионально ориентированный иноязычный контекст содержит достаточно большой объем профессиональных терминов, устойчивые сочетания лексических единиц, сложные грамматические конструкции, формирующие профессиональный дискурс, а также языковые средства связи, используемые в рамках академического дискурса. Кроме того, трудности возникают при определении коммуникативного намерения автора текста, определении проблемы и поиске ее решения, обмене мнениями при обсуждении прочитанного. Активное взаимодействие в ходе работы над текстом требует использование дополнительных языковых средств. Таким образом, используемые средства для построения текста, передачи смыслов и профессионального опыта, значимого для конкретного сообщества, также можно рассматривать как лингвоконструкты в более узком смысле этого слова.

Трансформация лингвоконструкта автора в лингвоконструкт читателя в результате активного анализа содержания прочитанного, социального взаимодействия читателей в ходе работы над текстом, его обогащение личным опытом и индивидуальной позицией каждого участника совместной работы рассматриваемого профессионального сообщества приводит к образованию вариантов исходного лингвоконструкта, которые приобретают личностно-ориентированный характер.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что конструирование языкового знания в ходе профессионально ориентированного обучения чтению на иностранном языке представляет собой процесс социального конструирования. Оно осуществляется на основе лингвоконструкта профессиональной реальности в ходе активного социального взаимодействия участников образовательного процесса. Социальное конструирование языкового знания в данном случае можно рассматривать как сложный процесс трансформации лингвоконструкта профессиональной реальности, включающий определение коммуникативного намерения автора текста, анализ используемых им языковых средств для передачи и упорядочивания информации (мини-лингвоконструктов), организацию активного социального взаимодействия студентов и магистрантов с целью анализа макро-лингвоконструкта, совместный поиск решения заявленной в тексте проблемы, обмен опытом и мнениями в ходе обсуждения прочитанного, систематизацию общелингвистического и профессионально направленного контекста.

Список литературы

Богданова О.Е. Условия конструирования межкультурного знания как социогуманитарного в практике лингвистического образования // Язык и культура. – 2009. – № 69. – С. 80-95.

Борновалова Н.В. Профессионально-ориентированный текст педагогического дискурса: лингвоструктурные особенности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2023. – № 2. – С. 111-120.

Маркова Л.А. Конструирование научного знания как социальный процесс // Философия науки и техники. – 1997. – Вып. 3. – № 1. – С. 110-129.

Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А.А. Миролубова. – Обнинск: Титул, 2010. – 464 с.

Огнева Е.А. Трансформация лингвокультурологической составляющей художественного пространства текста при переводе // Филологический аспект: Международный научно-практический журнал. – 2016. – № 5 (13). – С. 60-66.

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. – М.: Эдитус, 2019. – 190 с.

Познание, понимание, конструирование / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2007. – 167 с.

Стрежкова Е.В. Понятие языкового знака в семиотике // Актуальные исследования. – 2022. – № 32 (111). – С. 18-20.

Стукалова А.В. Социо-когнитивный подход в контексте общественного запроса к развитию высшего образования / А.В. Стукалова, Е.Ю. Левина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2021. – С. 203-207.

LINGUISTIC CONSTRUCT AS A BASIS OF SOCIAL LANGUAGE KNOWLEDGE CONSTRUCTION

Logunova Svetlana Valentinovna,

Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor of the Foreign philology and applied linguistics department, Faculty of history, political science and philology, Tambov state university named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia,

Kashcheeva Anna Vladimirovna,

Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor of the Foreign philology and applied linguistics department, Faculty of history, political science and philology, Tambov state university named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia

Abstract. The subject matter of the article is the concept of 'linguistic construct' in the context of teaching reading for specific purposes. It reveals the information potential of the professional discourse and describes the process of language knowledge constructing in students' social interaction.

Key words: linguistic construct, language knowledge, reading for specific purposes, social construction.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КОНЦЕПТА БОРЬБА В РОМАНЕ ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984»

Наумова Анастасия Игоревна,

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы перевода концепта-доминанта БОРЬБА в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Анализируется, как при помощи

переводческих трансформаций переводчик создает адекватный перевод требует не просто поиска лексических эквивалентов, а полного когнитивного рефрейминга.

Ключевые слова: концепт-доминанта, антиутопия, когнитивная лингвистика, переводческие трансформации, фрейм.

Роман-антиутопия Дж. Оруэлла «1984» представляет собой сложную семиотическую систему, где язык выступает не только средством коммуникации, но и инструментом идеологического подавления. В центре художественной картины мира произведения стоит концепт БОРЬБА, который является одним из основных концептом-доминантом, выражая политическое противостояние в деструкции личности.

Текст произведения представляет собой не просто последовательность предложений, а сложно организованную концептосферу. Согласно Е.С. Кубряковой, концепт является «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 2021]. Концепт-доминанта в данном произведении выступает в роли смыслового ядра, притягивающего и организующего вокруг себя периферийные концепты, формируя тем самым целостное идейное содержание произведения.

Концепт в лингвистике понимается как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Карасик, 2002, с. 174]. В мире Оруэлла концепт БОРЬБА деформирован. Это не борьба за прогресс или свободу в классическом понимании, а перманентное состояние войны государства против личности и истории. Как отмечал известный исследователь когнитивной лингвистики Дж. Лакофф: «Метафоры, которыми мы живем, определяют наши действия. Если война рассматривается как норма существования, то вся лексика системы начинает обслуживать этот концепт» [Лакофф, 2014, с. 158]. Таким образом, задача переводчика выходит далеко за рамки поиска эквивалентов для ключевых лексем. Она заключается в реконструкции всей когнитивной модели, стоящей за этим концептом, в условиях иной языковой системы. Как отмечал С.Г. Тер-Минасова, «язык – это не только инструмент общения, но и барьер между народами и культурами, поскольку он отражает специфическую картину мира его носителей» [Тер-Минасова, 2022, с. 129].

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода перевод концепта БОРЬБА требует анализа его трехкомпонентной структуры, включающей понятийный, образный и ценностный элементы. Согласно теории В.И. Карасика, именно ценностная (аксиологическая) составляющая является наиболее значимой для лингвокультурологии, так как она отражает специфику мировосприятия социума [Карасик, 2002, с. 239]. В художественной системе Оруэлла происходит смена векторов: традиционно положительные ассоциации, связанные с борьбой за истину, замещаются деструктивными установками тоталитарного режима. Переводчик, таким образом, сталкивается с необходимостью не просто передать словарное значение лексем, но и транслировать этот эффект «деформированной реальности», используя комплексные трансформации для сохранения авторской оценки на уровне подтекста.

С позиций теории переводческой эквивалентности В. Н. Комиссарова, успешная адаптация подобных концептов невозможна без выхода на уровень идентификации цели коммуникации и описания ситуации [Комиссарова, 2013, с. 195]. Поскольку язык оригинала (английский) и язык перевода (русский) обладают различными способами концептуализации действительности, переводчик вынужден прибегать к когнитивному рефреймингу. Это подразумевает перестройку синтаксических структур и лексических связей таким образом, чтобы в сознании реципиента сформировалась ментальная карта, идентичная авторской.

Пример (1). Синтаксически-пунктуационная трансформация.

“WARISPEACE, FREEDOMISSLAVERY, IGNORANCEISPOWER” [Orwell, 2019].
– **«ВОЙНА – ЭТО МИР СВОБОДА – ЭТО РАБСТВО НЕЗНАНИЕ – СИЛА»** [Оруэлл, 2022].

Цитата представляет собой три оксюморонных лозунга тоталитарного режима. Основная когнитивная задача – передать шок, абсурд и насилие над логикой, которые заложены в эти формулы. Переводчик сталкивается с задачей передать не только буквальный смысл, но и риторическую силу, грамматическую структуру и стилистическое воздействие оригинала. В оригинале используется запятая для разделения трёх частей, что создаёт эффект быстрого, навязчивого перечисления. В переводе используется тире (–) и отсутствие знаков препинания между самими лозунгами «МИР СВОБОДА – ЭТО...». Это визуально уплотняет текст, делая его более «лозунговым», что соответствует основной идеи оригинала. Основная трансформация, применённая здесь, – синтаксическая перестройка (перестановка) на уровне пунктуации и ритмики фразы при сохранении полного лексического состава и синтаксической модели.

Пример (2). Модуляция.

*“Freedom is the ability to say that **two and two make four**. If this is allowed, everything else follows from here.”* [Orwell, 2019]. – «Свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре. Если дозволено это, все остальное отсюда следует» [Оруэлл, 2022].

Концепт-доминанта в этом высказывании – «свобода как фундаментальная правда». Фраза “*two and two make four*”. Это не дословный перевод, а полная грамматическая трансформация (перефраз). Переводчик заменяет глагольную конструкцию “*make*” на принятую в русском языке именную формулу дважды «два – четыре». Это пример модуляции – смены точки зрения для передачи того же смысла.

Пример (3). Грамматическая трансформация.

*“They **will never rebel until they become** conscious, and they will not become conscious until they rebel.”* [Orwell, 2019]. – «Они никогда не взбунтуются, пока не станут сознательными, а сознательными не станут, пока не взбунтуются» [Оруэлл, 2022].

В данном примере когнитивная задача перевода – с абсолютной точностью передать логическую структуру и цикличность, потому что смысл заключён именно в форме.

Фраза “*will never rebel until they become*”. Союз “*until*” был передан переводчиком адекватно передан как «пока не» и совершенный вид глагола «станут». Таким образом, мы наблюдаем грамматическую замену в переводном тексте:

Пример (4). Синтаксическая модуляция с заменой.

*“If you feel that **it's worth staying human, even if it doesn't do anything**, you've beaten them anyway...”* [Orwell, 2019]. – «Если ты чувствуешь, что оставаться человеком стоит – пусть это ничего не даёт, – ты все равно их победил» [Оруэлл, 2022].

Данный пример иллюстрирует императив со сложной синтаксической вставкой. Предложение “*even if it doesn't do anything*” трансформировано в самостоятельную, конструкцию с союзом «пусть»: – *пусть это ничего не даёт*. Это абсолютная синтаксическая трансформация, которая называется модуляция. Происходит замена грамматической структуры “*even if*” на сослагательную конструкцию «пусть». Эта трансформация несёт за собой изменение пунктуации: вставная мысль выделена тире с двух сторон, что визуально и интонационно отделяет её, подчеркивая её как внутреннюю оговорку. Фраза “*...it's worth staying human*” – «...остаться человеком стоит». Прямое и точное соответствие. Порядок слов изменен при помощи переводческой трансформации в виде инверсия. В данной фразе применяется не замена одного союза другим, а перестройка всей синтаксической модели придаточного предложения для достижения максимальной естественности и экспрессивности в языке перевода. Данная трансформация влечёт за собой транспозицию (изменение типа предложения) и изменение пунктуации.

Подводя итог исследованию, можно наблюдать, что перевод концепта-доминанта БОРЬБА в романе Дж. Оруэлла «1984» представляет собой сложную многоуровневую задачу, выходящую за рамки простого поиска лексических эквивалентов. Только через глубокий когнитивный рефрейминг и перестройку синтаксических связей возможно сохранить авторскую «картину мира» и передать специфический эффект деформированной реальности. Таким образом, адекватность перевода романа «1984» напрямую зависит от способности

переводчика реконструировать скрытые когнитивные механизмы и транслировать деструктивный аксиологический компонент концепта в иную языковую среду.

Список литературы

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – Москва: Альянс, 2013. – 253 с.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – 2021. – URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/9452473/> (дата обращения: 25.03.2026).

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении // Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 792 с.

Лангакер Р. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. – 2007. – №4.6. – С. 106-128.

Оруэлл Дж. 1984 : роман / Дж. Оруэлл ; перевод с английского В.П. Голышева. – Москва: АСТ, 2022. – URL: <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=5134> (дата обращения: 25.03.2026).

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. – Москва: Слово/Slovo, 2022. – 624 с.

Orwell G. 1984. – London: Penguin Books, 2019. – 328 p.

SEMANTIC AND PRAGMATIC SPECIFICS OF THE TRANSLATION OF THE CONCEPT OF STRUGGLE IN J. ORWELL'S NOVEL "1984"

*Naumova Anasrasiia Igorevna,
Senior lecturer, "Foreign languages" department,
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

Abstract. The article examines the mechanisms of translation of the dominant concept of STRUGGLE in the dystopian novel by J. R.R. Tolkien. Orwell's "1984". The article analyzes how, with the help of translation transformations, a translator creates an adequate translation that requires not just a search for lexical equivalents, but a complete cognitive reframing.

Key words: concept dominant, dystopia, cognitive linguistics, translation transformations, frame.

ТЕМПОРАЛЬНО-ПРОКСЕМНЫЕ АТТРАКТИВНЫЕ КООРДИНАТЫ В ТЕКСТОВЫХ КОГНИТИВНЫХ СЦЕНАРИЯХ РОМАНА Ю. СЕМЕНОВА «СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ»

*Огнева Елена Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
факультета иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается свойство аттрактивности в моделях текстовых когнитивных сценариев в архитектонике романа Ю. Семёнова «Семнадцать мгновений весны». Выявляется превалирование темпорально-проксемных текстовых когнитивных

аттракторов над поляризационными и милитарными аттракторами. Определяется функционирование текстовых когнитивных аттракторов в агенс-информанте и в терминалопотоке в модели текстового когнитивного сценария. Вводится в тезаурус концепции интерпретации и моделирования текстового когнитивного сценария термин «проксема-проекция»

Ключевые слова: художественный текста, моделирование, текстовый когнитивный сценарий, текстовые когнитивные аттракторы, проксема-проекция.

Одним из актуальных вопросов современной когнитивной лингвистики предстает проблематика моделирования лингвоконструктов с последующей интерпретацией аттрактивных координат в их архитектонике. В свете этого моделирующий ракурс функционирования текстового и дискурсивного информативного кода формирует «интерпретирующий вектор современных когнитивных исследований» [Огнева, 2022, с. 544], нацеленных на формирование языковых мостов понимания [Карасик, 2025].

Моделирование текстовых и дискурсивных лингвоконструктов является составной частью миромоделирования, которое мыслится как «контекстуально обусловленный процесс и результат конструирования реальности в дискурсе средствами языка» [Кушнерук, 2024, с. 443] при условии, что дискурс воспринимается в качестве текста, погруженного в коммуникативную ситуацию.

Лингвоконструкты в текстовых и дискурсивных информативных форматах функционируют в качестве статичных и динамичных лингвопостроений, представляющих собой проекции ментальных образований, сопряженных посредством когнитивных механизмов мышления, поэтому интерпретация художественного произведения «с позиции взаимосвязи языка и мышления, помогает выявить и проанализировать когнитивные механизмы моделирования» [Хвесько, 2024, с. 110].

Результаты реализации когнитивных механизмов мышления прослеживаются в модульных тематических сегментах информативного кода, функционирующего в текстовых и дискурсивных лингвоконструктах при условии, что информативный код представляет собой совокупность номинантов, обозначающих темпорально-пространственные параметры мироустройства, кинемно-такемные параметры коммуникации, социокультурные и лингвокультурные аспекты бытия, эмотивно-сенсемные факторы языковой личности.

В данной статье представлены результаты исследования текстовой проекции темпорально-пространственных параметров мироустройства в ракурсе исторических реалий в свете того, что «художественный исторический дискурс <...> выступает в виде вторичного» [Киосе, 2025, с. 129], при этом вторичный интерпретативный формат состоит из «концептов-историзмов» [Даниленко, 2024а, с. 48], номинативные поля которых предопределены свойствами национальной концептосферы языка и сюжетно-тематических интенциональных векторов миромоделирования писателя.

Проводимое исследование текстовой проекции темпорально-пространственных параметров мироустройства в романе Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны», впервые опубликованного в 1969 году, выявило факт функционирования пространственно-временных параметров в рамках когнитивного сценария, который интерпретируется как «динамичный формат знания, репрезентированного в художественном тексте» [Огнева, 2014, с. 77].

Рассмотрение архитектоники когнитивного сценария, представляющего собой совокупность агенс-информантов, терминалопотока и фонового информанта, показало наличие милитарной лексики, интерпретация которой основана на том факте, что «милитарная тематика есть отклонение от нормы повседневности» [Даниленко, 2024, с. 29], при условии, что норма повседневности формирует бытовой художественный дискурс, а милитарная лексика создает исторический художественный дискурс.

Персонафицированный текстовый когнитивный сценарий - 1 «Спасение Кэт»

Рассматриваемый текстовый когнитивный сценарий «Спасение Кэт» состоит из пяти терминалов, где выявлены темпорально-проксемные аттрактивные координаты, рассматриваемые в качестве слов и словосочетаний, семантика которых отражает темпоральные и пространственные параметры, привлекающие и удерживающие внимание читателя.

Так, первый терминал, сопряженный с агенсом «Штирлиц», «через полчаса Штирлиц посадил в машину Кэт», включает в свой состав точечный темпоральный маркер «через полчаса», глагол и спейсному «в машину». Наряду с темпорально-проксемными аттракторами в данном случае в качестве аттрактора выступает также антропоним «Штирлиц».

Во втором терминале «еще полчаса он мотался по городу» темпоральный маркер «полчаса» сопряжен с проксемой-спейсмой «по городу» и глаголом. Выявлено, что второй терминал объединен с фоновым информантом «наблюдая, нет ли за ним хвоста и слушая Кэт, которая, плача рассказывала ему о том, что случилось с ней сегодня», в составе которого функционируют эмотивно-сensemные факторы языковой личности «наблюдая», «слушая», «плача» и темпоральный маркер «сегодня».

В третьем терминале «слушая ее, он старался разгадать» темпоральный аспект заложен в форму глагола и в деепричастие, тогда как проксемный параметр выражен номинацией местонахождения главного героя и радистки Третий терминал сопряжен с фоновым информантом, в котором в качестве аттракторов выступает антропоним «Мюллер» и хронема «раз в жизни» и номинация деятельности «каждый разведчик».

В четвертом терминале «он мотался по городу» пролонгированная темпоральность заложена в форме глагола «мотался», проксемный параметр – в спейсеме «по городу».

В пятом терминале «потом поехал по дорогам, окружавшим Берлин» выявлена проксемная триада, номинирующая дороги, топонимическую точку в пространстве «Берлин» и образ движения в пространстве «по дорогам, окружавшим» [Семенов, 2015, с. 278].

Следовательно, автор применил «различные языковые средства репрезентации пространства в художественном тексте» [Тугуз, 2022, с. 271].

Персонафицированный текстовый когнитивный сценарий – 2 «Донесение о сепаратных переговорах»

Данный сценарий состоит из четырех терминалов.

Первый терминал «он ошибся» выражен эмотивом, который характеризует отношение главного героя к последующей информации, то есть, с одной стороны, подчеркивается поляризация последующим терминалам, а, с другой стороны, очевидна информативная синергия. Данный терминал по семантике выполняет аттрактивную функцию в рамках исследуемого текстового когнитивного сценария.

Второй и третий терминалы «Встретившись в Берне с пастором Шлагом, он понял, что ничего ещё не кончилось» сопряжены. Темпоральный аспект номинирован фактом встречи, пространственный параметр маркирован топонимом «Берн», являющимся аттрактором в когнитивном сценарии.

Сопряжение второго и третьего терминала в виде когнитивного узла является контекстной поляризацией к четвертому терминалу «наоборот, он понял: всё еще только начинается». В этом терминале семантика глагольной формы указывает на темпоральную точку «всё только начинается».

Следовательно, в данном текстовом когнитивном сценарии реализован поляризационный цикл, в котором первый терминал поляризован с остальными терминалами, а четвертый терминал поляризован со вторым и третьим.

Четвертый терминал «Он понял это, познакомившись с записью беседы, состоявшейся между Далессом и агентом <...> Гогенлоэ» представляет собой сочетание глагола и деепричастия, отсылающего к действию в прошлом. Такая отсылка к прошлому

создает двухуровневость текстового когнитивного сценария, на данный момент детально неисследованную. Антропонимы и словосочетание «запись беседы» являются текстовыми когнитивными аттракторами.

За четвертым терминалом в модели текстового когнитивного сценария следует фоновый информант «Эту запись пастор получил через людей бывшего канцлера Брюнинга. Враги говорили как друзья, и внимание их было сосредоточено, в частности, на «русской опасности»» [Семенов, 2015, с. 282].

В фоновом информанте к когнитивным аттракторам относятся следующие номинанты: «запись», «пастор», «канцлер Брюнинг». Выявлено сопряжение поляризованных номинантов «враги-друзья».

Таким образом, текстовый когнитивный сценарий «Донесение о сепаратных переговорах» характеризуется наличием поляризованных номинантов в терминалах терминалопотока и в фоновом информанте.

Неперсонифицированный текстовый когнитивный сценарий «Небо»

Наряду с персонифицированными текстовыми когнитивными сценариями, которые реализуются героями и персонажами рассматриваемого романа, выявлены неперсонифицированные текстовые когнитивные сценарии, описывающие природу.

Так, в неперсонифицированном текстовом когнитивном сценарии «Небо», состоящем из пяти терминалов, в первом терминале «здесь, в Швейцарии небо было ослепительное и высокое» выявлена проксема «здесь», а также наличие вертикальной пространственной оси и топонима «Швейцария». Все три проксеми являются текстовыми когнитивными аттракторами.

Во втором терминале выявлены следующие четыре проксеми: «в нескольких десятках метров», «за спиной», «небо» и вертикальная пространственная ось «было такое же бездонное».

В третьем терминале «в нем угадывался размытый утренним светом желтый диск луны» проксема «в нем» сопряжена с лексическим таймером «утренний свет». Проксема-проекция «диск луны» маркирует точку в пространстве неба. К проксемам-проекциям предлагается отнести слова и словосочетания, в семантике которых проксемика вторична по отношению к непосредственной их семантике.

В четвертом терминале «в этом желто-голубом небе стили жаворонки» выявлена звуковая сенсема «жаворонки», представляющая собой проксеми-проекцию, указывающую на небо» и являющуюся текстовым когнитивным аттрактором; проксема «небо» сопряжена с колоративом «желто-голубой».

В пятом терминале «оно было прекрасно, но это было небо Германии, где каждую минуту могли показаться белые, ослепительно красивые самолеты союзников, и от них каждую секунду могли отделиться бомбы» [Семенов, 2015, с. 280] выявлен топоним «Германия», который является текстовым когнитивным аттрактором наряду с военными лексемами «бомбы» и «красивые самолеты», сопряженными с хронемой «каждую секунду».

Следовательно, в модели неперсонифицированного текстового когнитивного сценария выявлены в качестве текстовых когнитивных аттракторов два топонима «Швейцария» и «Германия», проксеми «здесь», «небо», две вертикальные пространственные оси, военные лексемы, а также проксеми-проекции, в которых проксемика вторична по отношению к первичной семантике.

Таким образом, рассмотрение персонифицированных и неперсонифицированных текстовых когнитивных сценариев в архитектонике романа Ю. Семёнова «Семнадцать мгновений весны» показало функционирование темпорально-проксемиальных текстовых когнитивных аттракторов, поляризационных текстовых когнитивных аттракторов и военных текстовых когнитивных аттракторов.

Среди выявленных типов текстовых когнитивных аттракторов превалируют темпорально-проксемные, что обусловлено интенцией автора и сюжетно-тематической рамкой произведения.

Список литературы

Даниленко И.А. Милитарные текстовые форматы в архитектонике художественного текста // Язык и литература: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 28-33.

Даниленко И.А. Историко-культурный потенциал формирования художественного концепта KRIEG // Иностранные языки в высшей школе. – 2024а. – № 2 (69). – С. 47-52.

Карасик В.И. Языковые мосты понимания: монография. – Москва, 2025.

Киосе М.И. Прагматика времени и пространства в художественной модификации исторических событий / М.И. Киосе, Е.Д. Чулкова // Критика и семиотика. – 2025. – № 1. – С. 125-144.

Кушнерук С.Л. Направление исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // Russian Journal of Linguistics. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 439-465.

Огнева Е.А. Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – Т. 1. – № 2 (2). – С. 75-87.

Огнева Е.А. Текстовый когнитивный сценарий как формат знания // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 4 (51). – С. 544-548.

Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. – Санкт-Петербург: АМФОРА, 2015. – 340 с.

Тугуз Т.Р. Особенности использования различных типов проксем в фоновом терминале когнитивной сцены (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья голубки») // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 1 (44). – С. 271-279.

Хвесько Т.В. Актуализация авторских интенций в художественном тексте / Т.В. Хвесько, Н.Ю. Басуева // Язык и культура. – 2024. – № 68. – С. 108-121.

TEMPORAL AND PROXIMAL ATTRACTIVE COORDINATES IN THE TEXTUAL COGNITIVE SCRIPTS IN Y. S. SENEMOV'S "SEVENTEEN MOMENTS OF SPRING"

*Ogneva Elena Anatolievna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of Department of Foreign Languages
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the property of attractiveness in models of textual cognitive scripts in the architectonics of Y. Semyonov's "Seventeen Moments of Spring". It reveals the prevalence of temporal-proxemic textual cognitive attractors over polarisation and military attractors. The functioning of textual cognitive attractors in the agent-informant and terminal flow in the model of a textual cognitive script is determined. The concept of interpretation and modeling of a textual cognitive script is introduced into the thesaurus using the term "proxema-projection".

Keywords: literary text, modeling, textual cognitive script, textual cognitive attractors, proxema-projection.

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА КАК ЕДИНИЦА ДЕКОДИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ АЛЕКСАНДРА ДЮМА «ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО»

*Переверзева Полина Игоревна,
студент факультета иностранных
языков Педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Огнева Елена Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
факультета иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются морские лингвокультуемы как номинанты морского быта в художественном тексте. Выявляется специфика данных языковых единиц и предлагается их классификация с учетом семантических и функциональных особенностей. Осуществляется характеристика морских лингвокультурем с точки зрения их этимологического происхождения и контекстуального значения. Определяется их роль в создании культурно-исторического фона произведения и репрезентации морской картины мира.

Ключевые слова: лингвокультурема, морские лингвокультуемы, художественный текст, культурный смысл, текстовые когнитивные аттракторы.

В современной теории текста и лингвистической культуре актуальным является исследование лингвокультурем в художественных текстах. Изучение лингвокультуемы целесообразно рассматривать с точки зрения ее содержания и формы выражения. Согласно Е.Б. Елисеевой, в отличие от слова и лексико-семантического варианта как собственно языковых единиц, лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком. Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания. Это единица «более «глубокая» по своей сути, чем слово» [Елисеева, 2013, с. 68].

Так же В.А. Маслова дает определение лингвокультуремы, «единицами языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (поговорах и пословицах)» [Маслова, 2001, с. 28].

Часть лингвокультурем функционируют в качестве аттракторов. Как отмечает Е.А. Огнева, текстовые когнитивные аттракторы функционируют как «смыслоорганизующие компоненты художественного текста, формируемые системой номинаций» [Огнева, 2022, с. 15]. В данном контексте лингвокультурема может быть рассмотрена как один из типов таких аттракторов, поскольку она аккумулирует культурно значимую информацию и активизирует интерпретативную деятельность читателя. Каждый художественный текст представляет собой отражение мировосприятия его автора, в нём «вербализуется авторская концептуальная картина мира, при этом особенности языковой личности прямо пропорциональны особенностям её картины мира» [Попова, 2013, с. 95]. Концептосфера художественного произведения – это часть индивидуально авторской

картины мира. Поскольку, художественный текст создаётся для его последующего восприятия читателем, то его концептосфера, согласно теории текстовых миров, «должна быть доступна для понимания реципиенту» [Даниленко, 2021, с. 51].

Таким образом, осмысление текстового когнитивного аттрактора как смыслоорганизующего компонента художественного текста, который реализуется через совокупность номинаций и направленного на фокусировку и удержание читательского внимания, позволяет расширить анализ культурно отмеченных единиц. В данном контексте лингвокультурема предстает не только как носитель национально-культурного знания, но также как функционально значимый аттрактор. Исходя из обозначенных теоретических положений, представляется целесообразным обратиться к анализу художественного текста. В качестве материала исследования в настоящей работе рассматривается роман А. Дюма «Граф Монте-Кристо», в содержании которого особое внимание уделяется лингвокультуремам морской тематики, функционирующим как текстовые когнитивные аттракторы.

Предлагается данные лингвокультуремы обозначить термином «морские лингвокультуремы», под которыми понимаются номинации, характеризующие морской быт. Рассмотрение морских лингвокультурем в произведении Александра Дюма выявило следующие типы:

1) Лингвокультуремы-названия корабля представляют собой совокупность языковых номинаций, обозначающих классификационные разновидности морских судов в соответствии с их конструктивными, функциональными и навигационными характеристиками.

Three-master – тип трёх-мачтового морского судна, предназначенным для крупной торговли и дальних морских рейсов. Это судно, как правило, имеет различные конфигурации парусов, связанные с его тремя мачтами, которые могут включать квадратные паруса, носовые и кормовые паруса или комбинацию того и другого. Конструкция обеспечивает универсальное расположение, подходящее как для торговли, так и для различных условий плавания. Этот термин часто используется в морском контексте, особенно в морской истории, кораблестроении и парусном спорте. Например: “Трехмачтовик грациозно вошел в гавань, демонстрируя свои величественные паруса”. “В XVIII и XIX веках многие трехмачтовики использовались для трансатлантических путешествий”. Термин “трехмачтовый” происходит от двух компонентов: “Три” означает количество мачт на корабле. Слово “мастер” в данном контексте происходит от древнеанглийского “mæscra”, которое относится к понятию конструкции или каркаса. Оно также может быть свободно связано со словом “master”, обозначающим умелого моряка или штурмана. Трехмачтовые корабли приобрели известность в эпоху парусного спорта, особенно в эпоху исследований и торговли в XVII и XVIII веках. Популярными конструкциями three-masters были бригантина, баркентина и полностью оснащенное судно, каждое из которых соответствовало различным потребностям в перевозке грузов и парусным возможностям. Устойчивость и площадь паруса, обеспечиваемые тремя мачтами, делали эти суда надежными для морских путешествий, в том числе через открытый океан [Fitz Henry Lane Online]. В произведении «Граф Монте-Кристо» использовалось так: “...the look-out at Notre-Dame de la Garde signalled the three-master, the Pharaon, from Smyrna, Trieste, and Naples” [Dumas, 2019] – это употребление служит номинацией морского объекта, который в тексте сразу же привлекает внимание (и читателей, и персонажей) как значимый элемент сюжетно-пространственной информации. в дальнейшем в тексте «The Count of Monte Cristo» слово three-master вновь встречается в описании роли Эдмонда Дантеса как члена экипажа. В сцене суда над Дантесом он идентифицируется как второй по команде на борту three-master the Pharaon, что дополнительно акцентирует его профессиональную принадлежность к морскому миру и усиливает морскую тематическую локализацию повествования [Dumas, 2019].

Skiff – ялик, небольшая лодка, шлюпка. Название национальных классов парусных лодок, развивавшихся в XIX веке. Но изначально скифами в Европе назывались небольшие лодки гребные или парусные У Дюма она предстает как маркер привычного образа жизни марсельцев, так как море и суша не разделены четкой границей и порт выступает как продолжение городской жизни, соответственно малые лодки постоянно курсировали между судами и берегом, и горожане привыкли к прямому и быстрому контакту с кораблями. Термин «skiff» имеет германский источник заимствования, прошёл через французский язык в XV веке и связывают со словом «esquif» с промежуточным влиянием итальянского, что делает его примером множественного заимствования [Борисова, 2015, с. 64].

“May I have the use of your skiff?”

“Certainly.”

The young sailor jumped into the skiff, and sat down in the stern sheets, with the order that he be put ashore at La Canebière” [Dumas, 2019].

В данном фрагменте слово skiff функционирует как морская лингвокультурема, означающая малую лодку для перехода от большого судна к берегу. Такое использование поддерживает реалистичное изображение морской тематики в романе и подчеркивает социально-практический и культурный контекст морской жизни начала 19 века. Выбор именно skiff, а не более общего термина, например – boat, позволяет сохранить специализированную морскую лексику, характерную для оригинального сюжета, и дает читателю точное представление о типе судна, с которым работает персонаж.

2) Лингвокультуремы строения корабля включают совокупность лексических единиц и словосочетаний, обозначающих элементы конструкции морского судна, которые в художественном тексте выступают не только как средства технического описания, но и как репрезентанты профессиональной морской культуры.

Ship’s bulwarks – морской термин, обозначающий вертикальную обшивку в носовой и кормовой частях судна, расположенную чуть выше верхнего края борта судна (палубы). Это граница, установленная для предотвращения падения пассажиров или членов экипажа в море. Не являются основной конструктивной функцией. Высота фальшборта на открытом надводном борту и палубе надстройки должна составлять не менее 1 метра. Однако используется и меньшая высота, если он мешает эксплуатации судна [Bulwark on a Ship]. Заимствована данная лингвокультурема из голландского языка «bulwerke», либо из верхнегерманского «bolwerk». Он является примером скандинавско-германского заимствования, которое составляет около 7% всей морской терминологии английского языка [Борисова, 2015, с. 64]. В произведении А. Дюма используется так: *“When the young man on board saw this person approach, he left his station by the pilot, and, hat in hand, leaned over the ship’s bulwarks” [Dumas, 2019]*, данная лингвокультурема выполняет как функциональную роль – обеспечение безопасности на палубе; так и стилистическую – выступает символом защиты и создает атмосферу безопасности и устойчивости.

Topsails – от нидерландского «top-zeil» – верхний парус. Является косым треугольным или трапециевидным дополнительным парусом, поднимаемым в слабый ветер над гафельным или рейковым парусом между стеньгой и гафелем. На больших парусных судах с сухой (не имеющей рей) бизань-мачтой ставится над бизанью, на малых судах с косым вооружением – над фоком и гротом. Топсель может иметь треугольную или четырёхугольную форму; в последнем случае 1 или 2 шкаторины топселя пришнуровываются к топсель-рейкам [Topsails]. В контексте выглядит так: *“The sails were hoisted, the topsails set, and the Pharaon stood out to sea under a favourable wind” [Dumas, 2019]*. Данный термин в английском переводе романа *“The Count of Monte Cristo”* обозначает верхние паруса и отражает материальную культуру парусного флота XIX века. Его употребление связано с профессиональной морской средой, требующей опыта и технической компетентности. В статусе лингвокультуремы topsails объединяет техническое и историко-культурное значения. Термин символизирует движение, путь и зависимость

человека от стихии. Также в романе *topsails* выступает лексическим аттрактором, концентрируя вокруг себя другие морские номинации (*mast, jib, spanker, deck*), он структурирует морское пространство повествования и задает профессиональный ракурс его интерпретации. Благодаря этому корабль воспринимается как культурно значимый объект.

Spanker обозначает бизань, парус на мачте, ближайшей к корме корабля с квадратным оснащением с четырьмя и более мачтами, и выходит специализированную морскую лексику XIX века. В английском языке от *spank* + *-er* [*Spanker*]. Как лингвокультурема – объединяет техническое значение и историко-культурный контекст мореплавания, актуализируя профессиональную картину мира и подчинение судна навыкам экипажа.

«The ship drew on and had safely passed the strait, which some volcanic shock has made between the Calasareigne and Jaros islands; had doubled Pomègue, and approached the harbor under topsails, jib, and spanker „...» [Dumas, 2019]. *Spanker* как аттрактор концентрирует вокруг себя действия управления кораблем (*hoisted, obeyed her helm, drew on*) и другие элементы парусного вооружения. Он структурирует навигационную сцену и усиливает ощущение динамики и контроля морского пространства.

3) название документа морской торговли представляет собой совокупность языковых номинаций, обозначающих официальные документы регламентирующие торговые и правовые отношения в сфере мореплавания.

Bill of lading – консонамент, накладная на груз. Официальный документ, подтверждающий груз и его владельца. Обязателен для таможни и законного оборота товара. История использования накладной началась в 13 веке при появлении первых судоходных и грузовых манифестов. Купцы перестали сопровождать товары лично, и грузоотправители, перевозчики и получатели стали использовать письменные соглашения для подтверждения перевозки груза [What is a Bill of Lading]. В 1856 году в Великобритании принят Акт о перевозках грузов морем (*Bill of Landing Act*), который регулировал отношения связанные с BOL [The Bills of Lading Act, 1856]. В произведении используется в следующем контексте: “*No. I gave the custom-house officers a copy of our bill of lading; and as to the other papers, they sent a man off with the pilot, to whom I gave them.*” [Dumas, 2019]. Он отражает торговые практики Марселя 19 века, взаимодействия купцов, экипажа и таможни, показывая бюрократическую и экономическую культуру города как порта, в морской подчеркивает порядок и ответственность. Термин также акцентирует внимание на процедурах и ритуалах торговли, объединяя техническое значение документа с социально-культурными нормами. Благодаря включению в текст произведения консоанмента (*bill of landing*), становится очевидно то, каким образом организация торговли и управление грузами формировали повседневную жизнь Марселя и роль купцов, капитанов, моряков в экономике порта. Кроме этого, наличие именно этого документа в произведении доказывает непричастность Дантеса к сомнительным махинациям касательно бумаг, так как он работает строго в рамках таможенных и торговых регламентов.

Исследование морских лингвокультурем в романе Александра Дюма «*The Count of Monte Cristo*» демонстрирует, насколько глубоко художественный текст способен отражать культурные и социальные особенности эпохи. Анализ показал следующую специфику: через морские термины и выражения (*three-master, ship's bulwarks, skiff, topsails, spanker, bill of landing*) автор передает профессиональные, бытовые и ритуальные практики портового города, раскрывая организацию морской торговли, взаимодействие купцов, моряков и экипажа, а также повседневную жизнь жителей Марселя XIX века.

Лингвокультуремы функционируют как текстовые когнитивные аттракторы, концентрируя внимание на значимых элементах морской культуры, материальной и профессиональной среды, а также на этических и социальных нормах. Они позволяют проследить уровень профессионализма и честности персонажей, а также усиливают историческую достоверность и аутентичность культуры в повествовании и описании.

Подводя итог, морские лексические единицы выполняют двойную функцию: с одной стороны служат носителями технической информации, с другой – несут в себе ценностно-культурный контекст. В совокупности это дает целостное представление о жизни и мировосприятии марсельского общества XIX века.

Список литературы

Борисова Е.Б. Источники заимствований морских терминов в английском языке // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – №2 (20). – С. 62-65.

Даниленко И.А. Когнитивные текстовые аттракторы как инструмент создания текстового мира (на материале романа «The Daughters of Mars») // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 4 (43). – С. 48–57.

Елисеева Е.Б. Лингвокультурема как единица декодирования культурных смыслов при переводе художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – С. 67-70.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

Огнева Е.А. Интерпретативный потенциал трёхуровневой текстовой пейзажной модели (на материале повести «Степь») // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журн. – 2022. – № 8. – 48 с.

Попова Т.Г. Художественная картина мира как концептуализированное художественное пространство / Т.Г. Попова, А.О. Шубина // Вестник ЮУрГУ – 2010. – № 1 – 11 с.

Dumas A. The Count of Monte Cristo // Project Gutenberg : сайт. – 2019. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1184/pg1184-images.html> (дата обращения: 29.12.2025).

Fitz Henry Lane Online : официальный сайт. – URL: <https://www.fitzhenrylaneonline.org/catalogue/entry.php?id=4> (дата обращения: 29.12.2025).

Sanjeev K. Bulwark on a Ship: Definition, Height, Constructions // MarinersPointPro : сайт. – URL: <https://marinerspointpro.com/bulwark-on-a-ship/> (дата обращения: 17.12.2025).

Spanker // Oxford University Press : OED Online : сайт. – URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 17.12.2025).

The Bills of Lading Act, 1856 // Lawyers & Jurists : сайт. – URL: <https://www.lawyersnjurists.com/article/the-bills-of-lading-act-1856/> (дата обращения: 07.04.2026).

Topsails (описание и характеристики) // Gladilov.org.ru : сайт. – URL: <https://gladilov.org.ru/blog/all/topsails/> (дата обращения: 25.03.2026).

What is a Bill of Lading? Freight Shipping Definition // ATS Freight & Logistics : сайт. – URL: <https://www.atsinc.com/blog/what-is-bill-of-lading-freight-shipping-definition/> (дата обращения: 29.12.2025).

LINGUOCULTUREME AS A UNITY FOR DECODING CULTURAL MEANINGS IN ALEXANDRE DUMA’S NOVEL «THE COUNT OF MONTE CRISTO»

Pereverzeva Polina Igorevna,

*Student of the Faculty of Foreign Languages of the Pedagogical Institute
Belgorod State national Research University,
Belgorod, Russia,*

scientific supervisor: Ogneva Elena Anatolievna,

*Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages
of the Faculty of Foreign Languages
of the Pedagogical Institute of the Belgorod State University “BelSU”,
Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines maritime linguoculturemes as nominative units of maritime everyday life in a literary text. It identifies the specific features of these linguistic units and proposes their classification based on semantic and functional characteristics. The study characterizes maritime linguoculturemes from the perspective of their etymological origin and contextual meaning. Their role in creating the cultural and historical background of the work and in representing the maritime worldview is determined.

Key words: linguocultureme, maritime linguoculturemes, literary text, cultural meaning, textual cognitive attractors.

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ПЕСЕН

Савельева Юлия Александровна,

студентка 3-го курса

*института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ
«БелГУ»,*

Локтева Екатерина Алексеевна,

студентка 3-го курса кафедры английской филологии

*и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и
международных отношений НИУ «БелГУ»,*

Профатилова Светлана Михайловна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка
института межкультурной коммуникации
и международных отношений НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается процесс проникновения английских заимствований в немецкий язык на материале текстов современных немецких песен, исследуются причины и особенности данного процесса, приводится классификация англицизмов, и анализируются конкретные примеры из текстов современных немецких песен. Рассматривается языковое явление под названием Denglisch, связанное с заимствованиями из английского языка в немецкий. Подчёркиваются последствия чрезмерного употребления заимствований и угрозы сохранения уникальности современного немецкого языка.

Ключевые слова: немецкий язык, заимствования, английский язык, немецкие песни, англицизмы.

На протяжении всего времени лингвистическая наука концентрирует свое внимание на развитии лексикона, т.к. этот аспект изучения данной науки является динамично развивающимся элементом, находящимся в непрерывном развитии, выполняя свою кумулятивную функцию языка. Наряду со словообразованием, звукоподражанием, формированием новых значений и созданием свободных и устойчивых словосочетаний, одним из способов обогащения и пополнения словарного состава языка являются заимствования.

Заимствованиями называются «элементы чужого языка (морфемы, слова, фразеологические обороты, синтаксические конструкции), перенесенные в русский язык в результате экономических, культурных, политических связей между народами и странами» [Заимствования].

Английский язык очень часто выступает языком-донором заимствованных лексем в современный немецкий язык.

В настоящее время причины популяризации английских заимствований довольно разнообразны. Во-первых, для англицизмов характерна краткость, что делает их удобными

в употреблении вместо более длинных и сложных немецких эквивалентов. Вторая причина заключается в лингвокультурной тенденции восприятия английского как языка современного и престижного, что подкрепляется умелым маркетингом и государственными инициативами. В результате эта тенденция привела к закреплению англицизмов во многих сферах общественной жизни. Также, не последнюю роль сыграло развитие компьютерных технологий, так как изначально программное обеспечение создавалось исключительно на английском языке, а англоязычные ресурсы в сети Интернет доминируют с самого начала [Нос, 2018, с. 36-39].

Англицизмы в немецком языке имеют свою классификацию. И.Г. Ольшанский и А.Е. Гусева в своей работе «Современный немецкий язык» делят англицизмы на две группы: заимствованные и иностранные, называя эту классификацию традиционной [Ольшанский, 2005, с. 133]. Заимствованными словами считаются заимствования, полностью адаптированные к немецкому языку, включая звучание слова и его написание. Иностранцами же, напротив, называются слова, что интегрированы в меньшей степени и считаются немецкими только из-за использования их в повседневной жизни, или схожести в звучании с немецкими словами [Ольшанский, 2005, с. 134]. Помимо традиционной классификации, есть множество аналогичных классификаций, анализируемых в различных аспектах и с разных точек зрения.

В результате смешения английского и немецкого языков появилось противоречивое явление под названием *Denglisch* [Шилинцев, 2021]. Это уникальное языковое явление появилось, когда люди начали использовать английские слова одновременно с немецкими, вставляя их посреди предложения. Это может сильно запутать людей, так как, чаще всего, заимствования не имеют того же смысла, что и в английском языке. Ярким примером является заимствование “das Public Viewing”. С английского “public viewing” переводится как «публичное вскрытие трупа», однако попав в немецкий язык, это слово получает совершенно новое значение «спортивный матч» или «концерт» [Чепчур, 2018].

Следует отметить трудности проблем перевода заимствований некоторых англицизмов. В своих трудах лингвисты Н.С. Дорошенко и Н.С. Паульзен, отмечают тот факт, что многие слова передают культуру Германии, однако из-за употребления англицизмов эти значения стираются. Ярким примером является слово *Feierabend*, где “Feier” переводится как «праздник», а “Abend” – «вечер» [Дорошенко, 2022]. Слово переводится как «вечер после работы». Немцы известны своим трудолюбием, а также четким расписанием, границей между работой и отдыхом. *Feierabend* может также являться и клишированной фразой прощанием («Schönen Feierabend noch!», что означает «Хорошего вечера после работы»), командой («Feierabend!» в значении «Готово! Отдыхаем!»), или же обычным словом в предложении (Например, «Ich hatte früher Feierabend», в буквальном смысле означающее «У меня был вечер после работы по раньше», которое переводится как «Я ушел пораньше»). Эту клишированную фразу не заменить англицизмом “bye”, т.к. эта фраза является частью немецкой культуры. С проблемой чрезмерного употребления заимствований по сей день борются, проводя мероприятия по сохранению традиционного литературного языка и создавая словари с англицизмами [Дорошенко, 2022].

Тексты современных немецких песен содержат большое количество английских заимствований, которые активно употребляются в бытовой сфере наряду с исконно немецкими лексемами, зачастую вытесняя их из сферы употребления повседневно-бытовой лексики.

Проведем анализ употребления некоторых англицизмов в текстах песен современных немецких исполнителей.

Песня «Nur noch kurz die Welt retten» (Tim Bendzko) содержит четыре заимствования: «Mail», «checken», «Mission» и «Detail». Они находятся в следующих строках: «Noch 148 Mails checken», «'ne ganz besondere Mission», «Lass mich dich mit Details schön'n» [Genius]. В данном тексте используются англицизмы, относящиеся к разговорному стилю речи и активно употребляемые в повседневном общении. Слово «Mail» / «E-mail» перешло в

немецкий язык по причине отсутствия подходящего эквивалента. Остальные слова имеют свой немецкий аналог: «checken» – «überprüfen», «Mission» – «das Ziel», «Detail» – «das Einzelheiten». Следовательно, английские заимствования способствуют созданию атмосферы динамичности и связи с современным ритмом жизни, особенно важным аспектом, которого становится цифровая коммуникация.

В песне «Be cool speak Deutsch» группы Die Prinzen присутствует множество строк с англицизмами. Например, «Damit fahr'n Sie stress-free zu Ihrem Meeting im First-class-business-Zug», «Nee, aber 'n Servicepoint. Da kriegen Sie 'n Backpack for Wellness», «Wir haben cheeseburger, sandwiches, snacks und auch french fries» [Genius]. Слова «stress-free», «Meeting», «First-class-business-Zug», «Servicepoint», «Backpack», «Wellness», «Cheeseburger», «Sandwich», «Snack», «french fries» активно используются в немецком языке, при этом имея свои аналоги, использующиеся в той же мере. Так, заимствование «stress-free» можно было бы свободно заменить на привычные немецкому обывателю лексемы «besorgnislos» или «entspannt», «Meeting» – на «Besprechung», «Termin» или «Konferenz», а «Wellness» на «Entspannung». Заимствования «First-class-business-Zug» и «Servicepoint» не имеют чистых немецких аналогов, обычно используются комбинации типа Erste Klasse + Businesszug и составные слова «Servicestelle» и «Kundenservicepunkt». Заимствования «Cheeseburger», «Sandwich», «Snack», «french fries» имеют немецкие эквиваленты «Käsebrötchen», «belegtes Brot», «Zwischenmahlzeit/ kleine Mahlzeit», «Pommes frites». Эти англицизмы в равной степени с немецкими понятиями используются в речи, не вытесняя их. В свою очередь слово «Backpack» имеет немецкий вариант «Lebensmittelportionierungsverpackung», однако он более длинный и поэтому зачастую носители используют данный выше англицизм или составной с ним «Snack-Päckchen». Таким образом, уникальный стилистический приём демонстрируется за счёт целенаправленного использования английских заимствований. Указанные заимствования проникают в разнообразные аспекты повседневной жизни, включая сферу транспорта, коммерции, питания и досуга.

Как видим, в немецких песнях нашего времени нередко встречаются англицизмы. Данные заимствования являются важным лингвистическим явлением, и язык не может полноценно функционировать и передавать все необходимые стилистические оттенки без использования заимствованных из английского языка лексических единиц.

Но слишком частое использование иностранных слов может привести к вытеснению определённого пласта лексики традиционного современного немецкого языка. Проблема чрезмерного заимствования требует дальнейшего изучения.

Список литературы

Дорошенко Н.С. Психолингвистические особенности восприятия англицизмов в немецком языке на примере «denglisch» / Н.С. Дорошенко, Н.С. Паульзен // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 7 (35). – С. 1-4.

Заимствования // Справочник Автор24 : сайт. – URL: <https://spravochnik.ru/definitions/zaimstvovaniya/?ysclid=mms5bpbvkv140667035> (дата обращения: 05.03.2026).

Нос Н.И. Причины возникновения англицизмов в немецком языке // Филологический аспект. – 2018. – №8 (40). – С. 35-40.

Ольшанский И. Г. Лексикология современный немецкий язык : учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. – М.: ACADEMIA, 2005. – 412 с. – ISBN 5-7695-1812-X.

Омельченко М. С. Классификация англо-американских заимствований в немецком языке // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 211-213.

Чепчур М., Михалева С. Англицизмы в немецком языке, или Deutsch + Englisch = Denglisch // Lingvister : сайт. – 2018. – URL: <https://lingvister.ru/blog/anglitsyzmy-v-nemetskom-yazyke-ili-deutsch-englisch-denglisch> (дата обращения: 24.02.2026).

Шилинцев А.Ю. Denglish как результат англо-американизации немецкого языка: переводческий аспект (на материале переводов англоязычных текстов) / А.Ю. Шилинцев, М.В. Абакумова // Общество. Коммуникация. Образование. – 2021. – № 1. – С.33-45.
Genius : official site. – URL: <https://genius.com/> (дата обращения: 27.02.2026).

ENGLISH BORROWINGS IN GERMAN BASED ON THE LYRICS OF GERMAN ARTISTS' SONGS

Savelieva Julia Alexandrovna,
*3rd year student of the Department of English Philology and
Intercultural Communication,
The Institute of Cross-cultural Communication and International Relations,
Belgorod State National Research University,*
Lokteva Ekaterina Alekseevna,
*3rd year student of the Department of English Philology and
Intercultural Communication,
The Institute of Cross-cultural Communication and
International Relations, Belgorod State National Research University,*
Profatilova Svetlana Mikhailovna,
*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of the Second Foreign Language,
The Institute of Cross-cultural Communication and
International Relations,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Annotation. The article examines the process of penetration of English borrowings into the German language, examines the causes and features of this process, provides a classification of Anglicisms, and analyzes specific examples from the lyrics of modern German songs. In addition, the consequences of excessive borrowing and the threat of preserving the uniqueness of the German language are emphasized.

Key words: German, borrowings, English, songs, anglicisms.

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОКУМЕНТОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Суюнова Гульнара Сейльбековна,
*доктор филологических наук, профессор Высшей школы
гуманитарных наук
Павлодарского педагогического университета имени Элкей Марғұлан,
г. Павлодар, Казахстан*

Аннотация. В статье рассматривается типология жанров официально-делового стиля на материале 47 архивных документов Российского государственного военно-исторического архива, связанных с историей Казахстана XIX века. Выявлены 10 жанровых разновидностей документов и описываются их функционально-жанровые, структурно-семантические и грамматические особенности.

Ключевые слова: архивный документ, жанр, официально-деловой, подстиль, функциональный, грамматический.

Вопрос об исследовательском материале всегда сохраняет актуальность для любой области научного знания. Качество такого материала в сочетании с его качественным анализом во многом определяет успех исследования. В нашей статье мы проанализировали интереснейший исследовательский материал – 47 архивных документов из сборника «Материалы и документы Российского государственного военно-исторического архива по истории Казахстана XIX века. Сборник документов. – Астана: РГУ Национальный центр рукописей и редких книг», 2024. – 252 с.», подготовленный коллективом казахстанских историков и источниковедов [Материалы и документы..., 2024]. В нем содержатся материалы из двух фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) Ф.846 – Военно-ученый архив главного управления Генерального штаба и Ф.400 Главный штаб. Азиатская часть. В названных фондах было выявлено значительное количество ранее неизвестных и не публиковавшихся материалов, касающихся истории Казахстана XIX века.

Данный фактический материал может изучаться с самых разных точек зрения, но целью данной статьи является его жанрово-стилистический анализ.

Итак, стилистический анализ 47 документов из вышеназванного архива показывает, что их тексты написаны в различных жанрах официально-делового стиля. Количественно они распределены так: *рапорт* – 20 документов (42,4% от всего количества документов); *отношение* – 13 документов (27,66%), *справка* и *письмо* – 3 документа (6,38%). Такие жанры, как *доклад* и *записка* представлены в двух случаях (4,26% по каждому документу соответственно). В единичном экземпляре в Разделе представлены такие жанры, как *замечания*, *прошение*, *ответ* и *проект* Отношения (2,13% соответственно). Всего нами выявлено 10 жанровых разновидностей документов из Раздела 1, соотношение которых показано в Диаграмме на рисунке 1.

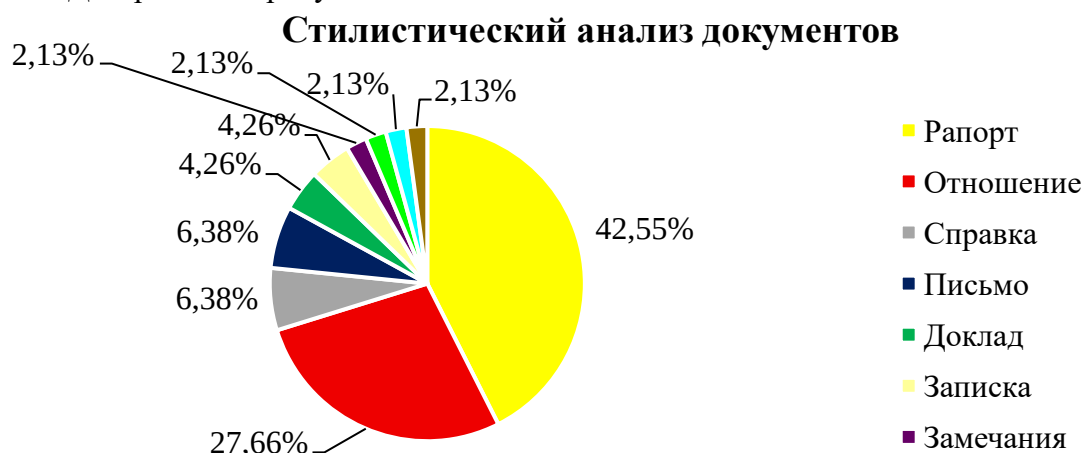

Рисунок 1 – Соотношение жанровых разновидностей документов

Общая цель деловых текстов – регулирование правовых отношений. Все тексты данного стиля имеют предписывающий характер, выражают модальность долженствования, т.е. языковые единицы приобретают значение *нужно*, *должно* [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2011]. Сфера функционирования рассматриваемого стиля – деловая, к которой относят международные отношения, юриспруденцию, экономику, военную отрасль, общение в официальных учреждениях, правительственную деятельность [Купина, 2013].

Рассматриваемые нами тексты официально-делового стиля можно отнести к канцелярскому подстилю, который используется для ведения личных деловых бумаг, документов учреждения, взаимодействия между гражданами [Купина, 2013].

Понимание сути разновидностей представленных в архиве жанров возможно через обращение к словарным дефинициям. Мы опираемся на авторитетное мнение А.А. Уфимцевой, которая считает, что для анализа семантики лексических единиц

«исследователи не без оснований прибегают к самым объективным, доступным им доказательствам – к словарным определениям», отмечая также, что «дефиниционный анализ», т. е. использование словарных дефиниций как особого методического приема описания лексической семантики, возведен в ранг метода лингвистических исследований» [Уфимцева, 1984, с. 134].

Итак, рассмотрим дефиниции выявленных нами жанровых разновидностей документов. Нами установлено, что более всего среди жанров данного подстиля представлен *рапорт* (20 документов из 47 – 42,55%). Он определяется следующим образом: Рапорт, -а, мн. -ы, -ов и (разг.) -а, -ов, ж. Служебное сообщение, донесение младшего по званию старшему военному начальнику; вообще служебное или официальное сообщение о чем-н. Подать р. [Ожегов, 1994].

В анализируемом разделе представлены рапорты командира отдельного Сибирского корпуса П.Д. Горчакова (10 документов) и командира отдельного Оренбургского корпуса В.А. Обручева военному министру А.И. Чернышеву (10 документов). Как можно видеть, эти документы действительно написаны младшими по званию должностными лицами наиболее важному в этой иерархии начальнику.

Представленные рапорты имеют стандартную структуру: 1) в них показан предмет обращения 2) указание на имеющиеся трудности или проблемы в решение какого-либо вопроса 3) предлагаемые пути решения какой-либо проблемы.

Во всех 20-ти рапортах сходно лингвистическое оформление: обязательно есть обращение «ваше сиятельство» к высокопоставленному адресату, активно используются формы превосходной степени прилагательных и качественных наречий (*высочайшее* разрешение, *почтительнейшие* донося, *высочайшая* воля, *высочайшее* повеление, *всеподданнейшие* представить их на *всемилостивейшее* снисхождение его величества и т.д.).

Также в рапорте преобладают пассивные залоговые конструкции, выраженные страдательными причастиями (*представлены* им для всеподданнейшего доклада его императорскому величеству соображения, на освобождение султана Карабая и других лиц, *упоминаемых* в одном из его писем, будет *испрошено* высочайшее разрешение, а *изложенные* там же жалобы на барымты ордынцев будут *рассмотрены* и виновные *подвергнутся* взысканию, Из последних сведений, *сообщенных* мне оренбургским военным губернатором *усмотрено*...) и т.п.

Морфологической особенностью рапортов является использование реального наклонения с преобладанием форм прошедшего и настоящего времени, весьма активно используются неспрягаемые формы глагола, такие, как деепричастие, действительные и страдательные причастия, что в целом характерно именно для книжного стиля.

Например, в Рапорте командира отдельного Сибирского корпуса П.Д. Горчакова военному министру В.А. Чернышеву о столкновениях с отрядами Кенесары в Аман-Карагайском округе (док № 41) мы видим: ... две шайки хищников *успели* ворваться в пределы Сибирской степи и *угнали* в одно время до 10 тыс. лошадей в Алдайской и Самайской волостях, Аман-Карагайского округа; Первая шайка барамтачей в числе около 300 человек, *следуя* обратно с похищенными лошадьми на урочище Тютюгура, *была открыта* наблюдательным постом, *выставленным* из Аман-Карагая. Зауряд хорунжий Катанаев, *командующий* постом, преследовал хищников с 18 казаками и 15 киргизами и *успел* отбить у них до 750 лошадей.

Вторым по численности (13 из 47, 27,66%) является такой жанр, как *Отношение*. Словарь дает 5 лексико-семантических вариантов этой лексемы, среди которых нам ближе всего вариант № 5: ОТНОШЕНИЕ, -я, ср. 5. Официальная бумага, документ. О. из министерства. [Ожегов, 1994].

Как и Рапорт, Отношение исходит от нижестоящего чиновника. Например: *Отношение военного министра А.И. Чернышева вице-канцлеру К.В. Нессельроде; Отношение генерал-лейтенанта князя П.Д. Горчакова к вице-канцлеру К. В. Нессельроде*. Отметим, что в Российской империи согласно «Табели о рангах» вице-канцлер находился

в первом или втором классе, в то время как военный министр даже в звании генерала армии, был ниже по гражданскому статусу.

Таким образом, документы жанра *Отношение* представляют официальный документ, в котором более статусным адресантом ставится конкретный вопрос, требующий конкретного исполнения. Например: *Отношение военного министра А.И. Чернышева командиру отдельного Оренбургского корпуса В.А. Обручеву о снаряжении военного отряда для совместного действия против султана Кенесары Касымова.*

Весьма интересен такой документ, как *Проект отношения*, который встретился только один раз. Он был написан в 1843 году вице-канцлером К.В. Нессельроде генерал-лейтенанту В.А. Обручеву об отправлении экспедиции против султана Кенесары Касымова. Этот документ интересен тем, что в нем вице-канцлер К.В. Нессельроде сообщает своему подчиненному о том, что ознакомил царя с предложенным генерал-лейтенантом В.А. Обручевым планом действий против Кенесары.

Такой жанр, как *Справка*, представлен 3 раза. Данная лексема имеет 2 ЛСВ: 1. Сведение о чем-н., полученное кем-н. после поисков, в ответ на запрос. Обратиться за справкой. Навести справку (офиц.). Навести справки (узнать, разведать). 2. Документ с такими сведениями. С. с места работы, -и, ж.

В нашем материале представлены оба лексико-семантических варианта, например: Справка Военного министерства о неблагонадежности поведения Кенесары Касымова (1843 г., января 4).

ПИСЬМО, -а, мн. письма, -сем, -сьмам, ср. 1. Написанный текст, посылаемый для сообщения чего-н. кому-н. Написать п. родным. Заказное п.

Два из трех писем данного Раздела связаны с именем Кенесары Касымова, причем одно из них написано непосредственно самим ханом почетным киргизам Назаровского отделения, и в нем Кенесары пишет как человек, облеченный властью: «Ежели раскаетесь в делах ваших, то пусть лучшие из вас придут ко мне. Я много милостив к вам. Ежели не явитесь, то я, прожив в ожидании вас 30 лет, 30 же лет буду карать вас» (1843 г.).

Интерес представляет Письмо оренбургского военного губернатора В.А. Обручева почтенному султану Кенесары Касымову. Автор активно использует формы глаголов повелительного наклонения со значениями просьбы, совета, рекомендации. Иначе говоря, здесь военный губернатор пока еще в роли увещающего: «*Живите только мирно и покойно и не трогайте соседей, а если они будут вас тревожить, то сами с ними не расправляйтесь, а обращайтесь с просьбами в пограничную комиссию, которая сделает должное разбирательство. Служите верно царю, исполняйте в точности все получаемые приказания начальства нашего, без ведома онаго не меняйте место ваших кочевков и этим только докажете совершенную свою преданность российскому правительству.*»

Двумя примерами в сборнике представлены жанры *Доклад*, *Записка*.

Лексема *Доклад* – это полисемант, имеющий три ЛСВ, в нашем случае реализуется ЛСВ 2: ДОКЛАД, -а,м. 2. Устное или письменное сообщение начальнику о служебном деле [Ожегов, 1994]. Как можно видеть из толкования, данная лексема относится к официальному стилю и так же, как и выше рассмотренные документы, характеризует статусы взаимодействующих, а именно: доклад всегда создается работником более низкого ранга для сообщения вышестоящему о каком-либо деле. В рассматриваемом разделе мы знакомимся с двумя докладами, первый из которых подготовлен Военным министерством его императорскому величеству о новых беспокойствах в Киргизской степи и мерах в отношении мятежного султана Кенесары Касымова (1843 г., сентября 25).

Второй доклад был написан военным министром А.И. Чернышевым его императорскому величеству об общем положении дел и действиях отрядов, посланных в степь для поимки султана Кенесары (1843 г., октября 8).

Названные Доклады имеют значительный объем: первый документ написан на двух полных страницах, второй превышает три страницы. Подобное обстоятельство объясняется предназначением этого вида официального документа, в котором необходимо представить

развернутую, подробную информацию для более глубокого ее понимания. Оба доклада заканчиваются одинаково: автор прямо (используется личное местоимение второго лица «уважительное» вы) обращается к адресату (императору), выражая ему свое почтение: *Соглашаясь совершенно с вышеизложенным мнением вице-канцлера, имею честь испрашивать высочайшего, **вашего** императорского величества разрешения на приведение онаго в исполнение; Мнение это имею счастье повергнуть на высочайшее **вашего** императорского величества благоусмотрение.*

Полисемант *Записка* (5 ЛСВ) в имеющихся текстах представлен лексико-семантическим вариантом 2. Краткое изложение какого-н. дела. Служебная з. [Ожегов, 1994].

Первая Записка Военного министерства о необходимых действиях, направленных против султана Кенесары Касымова (1843 г., июля 25) имеет малый объем, состоит из трех пунктов. Вторая Записка датируется августом 1843 г. и имеет очень небольшой объем. Она написана генерал-квартирмейстером Главного штаба Ф.Ф. Шубертом и прямо не связана с вопросом о Кенесары хане.

Лексема *Замечание* имеет два значения: 1. Краткое суждение по поводу чего-н. 2. Указание на ошибку; выговор [Ожегов, 1994].

В нашем тексте представлен один документ, автором его является генерал-адъютант В.А. Перовский. Данный документ как будто содержит в себе оба лексико-семантических варианта лексемы *замечание*, так как мы видим в нем и суждение «по предмету предположенной экспедиции против султана Кенесары Касымова», и в то же время автор весьма критически оценивает меры Министерства иностранных дел, считая их ошибочными. Он пишет: «К сожалению, план экспедиции и самый состав отряда кажутся мне так ошибочны, что, не предвидя от предпринимаемых мер никакой пользы, можно почти, наверное, предсказать различного рода неудачи, из коих некоторые произведут именно те гибельные последствия, которые генерал Обручев полагает отвратить».

Документ *Проект отношения* встретился один раз, в тексте реализуется его второй ЛСВ «предварительный, предположительный текст какого-л. документа. *Проект закона*» [Проект]. Напомним, что жанр *Отношение* определяется как *Официальная бумага, документ*» [Ожегов, 1994]. То есть мы видим предварительный текст официального документа, в котором вице-канцлер К.В. Нессельроде пишет генерал-лейтенанту В.А. Обручеву об отправлении экспедиции против султана Кенесары Касымова (1843 г.).

Жанр *Прошение* определяется словарем как «Письменное ходатайство». Этот документ также статусно маркирован, так как подается всегда нижестоящим лицом более высокому по статусу адресату и содержит просьбу о чем-либо. Эта семантика хорошо показана в словаре В.И. Даля: ПРОШЕНИЕ. Письмо, установленного склада, иногда на гербовой бумаге, иск, жалоба, изъявление нужд своих, подаваемое письменно лицу или месту [Толковый словарь В.И. Даля]. Также в словаре С.И. Ожегова лексема *Прошение* имеет стилистическую помету «устар.».

В Первом разделе представлено одно Прошение от султана Кенесары Касымова оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву (1843 г., августа 8.). В нем Кенесары просит считать его непричастным к нападению сарыкашкинцев на япасский род, заверяя, что не знал об это событии.

Итак, жанрово-стилистический анализ 47 документов из Первого раздела выявляет разные типы текстов, характеризующихся специфическими структурно-семантическими и грамматическими особенностями, характеризующими подобные документы в первой половине 19-го века.

Список литературы

Купина Н. А. Стилистика современного русского языка : учебник для вузов / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. – М.: Юрайт, 2013. – 415 с.

Материалы и документы Российского государственного военно-исторического архива по истории Казахстана XIX века. Сборник документов / Составители: Отепова Г.Е., Дукенбаева З.О., Болдыков Ж.Б., Бисенова Г.А., Жакибаева Г.Б., Паримбекова К.П. – Астана: РГУ Национальный центр рукописей и редких книг, 2024. – 252 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с. – ISBN 5-85632-007-7

Проект // ФЭБ "Русская литература и фольклор" : сайт. – URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma348327.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 12.12.2025).

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М. Н. Кожинной. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.

Толковый словарь В.И. Даля // ФКУ «Цифровая культура» : сайт. – 2013-2026. – URL: <https://www.culture.ru/lectures/dictionaries/dal> (дата обращения: 15.01.2026).

Уфимцева А. А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения // Слово в грамматике и словаре. – М., Наука, 1984. – С. 131-141.

GENRE AND STYLISTIC FEATURES OF THE RUSSIAN STATE MILITARY HISTORICAL ARCHIVE DOCUMENTS

Suyunova Gulnara Seilbekovna,

*Doctor of Philology, Professor at the Higher School of Humanities
Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan,
Pavlodar, Kazakhstan*

Abstract. The article considers the typology of official business style genres on the material of 47 archival documents of the Russian State Military Historical Archive, related to the history of Kazakhstan of the 19th century. Ten document genres are defined, their functional-genre, structural-semantic and grammatical features described.

Key words: archival document, genre, official business, substyle, functional, grammatical.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРКЕРОВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИНАМИЧНЫХ КОГНИТИВНЫХ КОНСТРУКТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. СТИВЕНСОНА И Т. ФОНТАНЕ

Тугуз Тамара Руслановна,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных
языков педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются динамичные когнитивные конструкты и их структура. Выявляются особенности модульно-сопряженных когнитивных информативов – конструктов, в которых сочетаются когнитивная сцена и когнитивный сценарий. Установлено, что когнитивный сценарий в данных конструктах выступает в роли фонового терминала когнитивной сцены.

Ключевые слова: модульно-сопряженный когнитивный информатив, проксема, кинема, хронема, сенсема, такема.

Изучение текста с различных сторон является одним из ключевых вопросов лингвистики. Под термином «текст» понимается «информационно самодостаточное

речевое сообщение» [Кубрякова, 2001, с. 73] «объективированное в виде письменного документа» [Гальперин, 1981, с. 18-19] и состоящее из «заголовка и ряда особых единиц, объединенных различными типами связи» [Гальперин, 1981, с. 18-19]. Текст рассматривается как «целостное коммуникативное образование» [Алефиренко, 2005, с. 303], как ««сложное устройство» [Лотман, 2002, с. 162], как «иерархическое единство» [Щирова, 2007, с. 36], как «комплексное когнитивно-дискурсивное образование линейного характера» [Огнева, Кузьминых, 2014, с. 5].

Каждый художественный текст состоит из множества концептов – так называемых «мыслительных конструкторов» [Кубрякова, 1996, с. 90], обладающих «образностью и символичностью» [Аскольдов, 2002, с. 85], свойственных определенному автору и выражающих авторскую интенцию. Они формируются «на базе понятийно-ценностного признака» [Карасик, 2004, с. 6]. Одним из таких концептов, который часто репрезентируется в различных статичных и динамичных когнитивных конструктах, является так называемое «художественное пространство». В данном исследовании рассматриваются динамичные конструкты – текстовые когнитивные сцены и текстовые когнитивные сценарии.

Под когнитивным сценарием понимается «динамичный когнитивный формат знания, репрезентированного в художественном тексте» [Огнева, 2014, с. 77]. В когнитивном сценарии описывается последовательность действий.

Когнитивная сцена – это «комплексный исследовательский конструкт, описывающий взаимодействие двух и более коммуникантов» [Тугуз, 2021, с. 107]. В отличие от когнитивного сценария, в когнитивной сцене реализуется коммуникативная ситуация. Помимо диалога, в данном конструкте присутствуют «языковые единицы, представляющие собой дополнительную, поясняющую информацию к основной» [Огнева, Кузьминых, 2014, с. 37].

Осмысление данной классификации динамичных конструкторов позволило ввести новое понятие «модульно-сопряженные когнитивные информативы». Под этим авторским термином понимаются исследовательские конструкты, в которых вследствие контекстуального единства сопряжены когнитивная сцена и когнитивный сценарий. Примечательно, что когнитивный сценарий выступает в роли фонового терминала когнитивной сцены. Структура модульно-сопряженных когнитивных информативов состоит из нейтральных смысловых единиц, а также маркеров невербальной коммуникации, к которым относятся:

- 1) кинемы (под данным термином подразумеваются маркеры, отражающие «мимические, жестовые или фиксированные телодвижения») [Нелюбин, 2003, с. 76];
- 2) проксеми (маркеры, отражающие «единицы пространства, обладающие физическими параметрами, соответствующими характеру общения») [Нелюбин, 2003, с. 169];
- 3) хронемы (маркеры, отражающие «использование времени в невербальном коммуникационном процессе») [Садохин, 2004, с. 176];
- 4) сенсемы (маркеры, отражающие «чувственные восприятия, основывающиеся на информации от органов чувств» [Огнева, Кузьминых, 2014, с. 48];
- 5) такемы (маркеры, репрезентирующие «рукопожатия, поцелуи, и другие прикосновения к телу партнера по коммуникации» [Огнева, Кузьминых, 2014, с. 48].

В качестве материала исследования были выбраны разноязычные темпорально-недистантные произведения, написанные в одном жанре – роман Р. Стивенсона «Катриона», написанный на английском языке и опубликованный в 1893 году, и роман Т. Фонтане «Эффи Брист», написанный на немецком языке и опубликованный в 1895 году. Под авторским термином «темпорально-недистантные произведения» подразумеваются художественные тексты, «опубликованные примерно в одно время» [Тугуз, 2025, с. 9].

Были применены следующие методы исследования: «авторский интерпретативный алгоритм построения сравнительно-сопоставительных проксемных кодовых моделей

фонового терминала текстовых когнитивных сцен» [Тугуз, 2025, с. 7], метод лингвистического анализа, заключающийся в выявлении и осмыслении различных языковых единиц, а также метод интерпретации, нацеленный на характеристику каждого типа маркера невербальной коммуникации.

В примерах приняты следующие условные обозначения: ИИ – информационный импульс, ФТ – фоновый терминал, К – кинема, П – проксема, Т – такема, Х – хронема, С – сенсема.

Пример 1.

(ФТ) *And, as I thus **turned and turned (П)** about the gibbet (П), what should I strike on, but a weird old wife, that **sat (П)** behind a leg of it, and **nodded (К)**, and talked aloud to herself with becks and courtesies.*

(ИИ I) *«Who are these two, mother?» (ФТ) I asked, and **pointed (К)** to the corpses.*

(ИИ II) *«A blessing on your precious face!» she cried. «Twa joes o' mine: just two o' my old joes, my hinny dear» [Stevenson, 2003, p. 26].*

В данном модульно-сопряженном когнитивном информативе присутствуют два коммуниканта – Дэвид и Меррен. Они образуют терминалы «адресат» и «адресант». Первый информационный импульс исходит от Чарльза Стюарта, соответственно, Дэвид является адресантом, а Меррен – адресатом. Во втором информационном импульсе адресат и адресант меняются местами.

Фоновый терминал, предшествующий первому информационному импульсу, содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: две проксемы, выраженные глаголами движения (*поворачивал, сел*), относящиеся к одному из коммуникантов, Дэвиду, проксема, выраженная спейсмейой (*вокруг виселицы*), а также одна проксема, выраженная глаголом движения (*села*) и кинема (*кинула*), относящиеся к одному из коммуникантов, Меррен. Фоновый терминал, предшествующий второму информационному импульсу, содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: одна кинема (*указал*), относящаяся к одному из коммуникантов, Дэвиду. Также в фоновом терминале присутствует нейтральная смысловая единица (*спросил*).

Пример 2.

(ИИ I) *«The same», says he; «and, if the question is equally fair, who may you be yourself?»*

(ИИ II) *«You never heard tell of my name nor of me either» said I, «but I bring you a token from a friend that you know well. That you know well», <...>*

(ФТ) *He **rose (П)** without more words, **casting down (П)** his paper like a man ill-pleased, sent forth his clerk of an errand, and **shut (К)** to the house-door behind him [Stevenson, 2003, p. 12].*

В данном модульно-сопряженном когнитивном информативе присутствуют два коммуниканта – Дэвид и Чарльз Стюарт. Они образуют терминалы «адресат» и «адресант». Первый информационный импульс исходит от Чарльза Стюарта, соответственно, Чарльз Стюарт является адресантом, а Дэвид – адресатом. Во втором информационном импульсе адресат и адресант меняются местами.

Фоновый терминал, следующий за вторым информационным импульсом, содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: две проксемы, выраженные глаголом движения (*поднялся*) и отглагольной формой (*бросая*), относящиеся к одному из коммуникантов – Чарльзу, и одна кинема (*запер*), также относящаяся к одному из коммуникантов – Чарльзу. Также в фоновом терминале присутствует нейтральная смысловая единица (*отослал*).

Пример 3.

(ИИ I) *«Also nichts Japanisches und auch keine Ampel. Aber ich bekenne dir, ich hatte es mir so schoen und poetisch gedacht, alles in einem roten Schimmer zu sehen».*

(ФТ) *Frau von Briest war bewegt. Sie **stand auf (П)** und **kuesste (П)** Effi.*

(III II) «*Du bist ein Kind. Schoen und poetisch. Das sind so Vorstellungen. Die Wirklichkeit ist anders, und oft ist es gut, dass es statt Licht und Schimmer ein Dunkel gibt*» [Fontane, 2005, p. 20].

В данном модульно-сопряженном когнитивном информативе присутствуют два коммуниканта – Эффи и мама. Они образуют терминалы «адресат» и «адресант». Первый информационный импульс исходит от Эффи, соответственно, Эффи является адресантом, а мама – адресатом. Во втором информационном импульсе адресат и адресант меняются местами.

Фоновый терминал, предшествующий второму информационному импульсу, содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: одна проксема (*встала*) и одна такема (*поцеловала*). Оба маркера невербальной коммуникации исходят от одного из коммуникантов – мамы.

Пример 4.

(ФТ) *Und sie lachte (K) und schmiegte sich (T) an ihn und wollte ihm die Hand kuessen.*

(III I) «*Nein, Effi, um Himmels willen nicht, nicht so. Mir liegt nicht daran, die Respektsperson zu sein, das bin ich fuer die Kessiner. Fuer dich bin ich ...*»

(III II) «*Nun was?*» [Fontane, 2005, p. 34].

В данном модульно-сопряженном когнитивном информативе присутствуют два коммуниканта – Эффи и Инштеттен. Они образуют терминалы «адресат» и «адресант». Первый информационный импульс исходит от Инштеттена, соответственно, Инштеттен является адресантом, а Эффи – адресатом. Во втором информационном импульсе адресат и адресант меняются местами.

Фоновый терминал содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: одна кинема (*засмеялась*) и одна такема (*прижалась*), исходящие от одного из коммуникантов – Эффи. Также в фоновом терминале присутствует нейтральная смысловая единица (*хотела*).

Таким образом, исследование выявило высокую частотность динамичных когнитивных конструкторов, к которым относятся модульно-сопряженные когнитивные информативы. Изучение фонового терминала показало распространенность маркеров невербальной коммуникации различных типов.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
- Аскольдов С.А. Концепт и слово // Межкультурная коммуникация: практикум. Ч. I. – Нижний Новгород, 2002. – С. 85.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
- Кубрякова Е.С. Концепт / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
- Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Структура и семантика. – 2001. – Т. 1. – С. 72-80.
- Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – С. 158-162.
- Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
- Огнева Е.А. Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – Т. 1. № 2 (2). – С. 75-87.

Огнева Е.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации / Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых. – М.: Эдитус, 2014. – 202 с.

Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2004. – 288 с.

Тугуз Т.Р. Особенности репрезентации проксем в фоновом терминале когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки») // Филологический аспект. – 2021. – № 11(79). – С. 105-112.

Тугуз Т.Р. Проксемная информативность сравнительно-сопоставительной модели текстовых когнитивных сцен: на материале произведений Г. Джеймса и Г. Зудермана: Дис. ... кандидата филологических наук. – Белгород, 2025. – 167 с.

Щирова И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб: ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.

Stevenson R. Catriona. – М.: Directmedia, 2003. – 431 p.

Fontane T. Effi Briest. – ANACONDA, 2005. – 271 p.

SPECIFIC FEATURES OF FUNCTIONING OF NON-VERBAL COMMUNICATION MARKERS IN DYNAMIC COGNITIVE CONSTRUCTS OF R. STEVENSON'S AND T. FONTANE'S NOVELS

Tuguz Tamara Ruslanovna,

*Candidate of Philology, senior lecturer of department of foreign languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia*

Abstract. The article deals with dynamic cognitive constructs and their structure. The specific features of modular-coupled cognitive informatives that combine a cognitive scene and a cognitive script are revealed. It is established that the cognitive script in these constructs acts as the background terminal of the cognitive scene.

Key words: modular-coupled cognitive informative, proxeme, kineme, chroneme, takeme, senseme.

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ОЦЕНОЧНУЮ КОННОТАЦИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Федюнина Инна Эдуардовна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации*

*Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,*

Богачёв Роман Евгеньевич,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
педагогического института*

*Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье исследуется влияние дискурсивных модификаций на оценочную коннотацию и на ситуативный когнитивно-прагматический эффект фразеологизмов английского языка. Анализируется взаимодействие окказиональных преобразований с дискурсивным окружением фразеологизмов. Раскрываются пути и факторы формирования семантико-прагматических элементов ситуативного значения, не реализующихся в ситуациях стандартного использования исследуемых фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, дискурсивная трансформация, оценочная коннотация, семантический элемент, когнитивно-прагматический эффект.

Современная фразеология однозначно признаёт высокий когнитивно-прагматический потенциал фразеологических единиц (ФЕ) и ориентирована на «выявление смыслового содержания фразеологизма из его внеязыковых источников: а) речевой ситуации и б) смоделированного в дискурсе соответствующего коммуникативного события» [Алефиренко, 2019, с. 12]. Именно поэтому особое внимание исследователей обращается на анализ дискурсивного функционирования ФЕ, позволяющий «эксплицировать все типы информации, включённые в семантику фразеологизмов и извлекаемые при их восприятии» [Ковшова, 2022, с. 509].

Специалисты справедливо отмечают, что «в повседневном общении основное внимание уделяется не столько выражению содержательной информации, сколько <...> реализации потребности в выражении эмоций и оценок» [Langotz, 2006, р. 93]. Именно поэтому оценочность считается одной из самых ценных характеристик ФЕ, позволяющей максимально полно передавать отношение к характеризуемому явлению, а оценочный компонент их коннотации – важнейшим фактором формирования прагматического эффекта.

Исследователи также указывают на «тесную связь оценочности с категорией эмоциональности» [Винокурова, 2019, с. 75]. Когда же речь идёт о фразеологическом значении, особенно у ФЕ с ярко выраженной оценочностью и высокой эмотивностью, оценочный компонент, на наш взгляд, вообще не может быть отделён от эмоционального, поскольку, как показывает повседневный жизненный опыт, оценка того или иного явления практически всегда вовлекает элемент эмоций. Таким образом, можно сказать, что на практике оценочная коннотация ФЕ включает и реализует эмоциональное отношение наряду с рациональным, основанным на ценностных приоритетах, мнении, практических соображениях и т.п.

Также важно отметить, что для современных фразеологических исследований характерна тенденция не проводить жёсткого разделения между семантикой и прагматикой ФЕ, а рассматривать их как неразрывно связанные и тесно взаимодействующие аспекты фразеологического значения, принимающие равное участие в формировании общего когнитивно-прагматического эффекта ФЕ в конкретной дискурсивной ситуации.

В нашей работе исследуется специфика оценочной коннотации ФЕ английского языка, подвергающихся различным дискурсивным модификациям.

С позиций когнитивной прагматики, окказиональные преобразования являются не просто отклонением от нормы, нацеленным на привлечение внимания, а свидетельством «динамического взаимодействия между идиоматическими выражениями и их социально-прагматическим контекстом» [Poulsen, 2022, р. 87], и отражают «коммуникативную необходимость адаптации языковых средств к различным концептуализациям разнородного социального и психического опыта, а также прагматическую необходимость сделать свой вклад в дискурс максимально релевантным и эффективным» [Langotz, 2006, р. 93].

Традиционно дискурсивные преобразования ФЕ рассматриваются как средство усиления эмотивности, создания юмористического эффекта, передачи нестандартных идей, дополнительных смыслов и т.п. Однако наши исследования показывают, что, наряду с вышеперечисленным, окказиональные трансформации ФЕ достаточно часто способны существенно изменять их оценочную коннотацию и семантические характеристики. Возможности таких изменений тем шире, чем выше потенциальная гибкость внутренней формы и оценочного компонента значения исходной ФЕ,

Теперь проанализируем ряд наиболее иллюстративных дискурсивных ситуаций.

“Do you have a moment to tell me about your research, Professor? I’d be interested, and perhaps Ross Pharmaceuticals might be able to work with you on something.” That was enough

to set Professor Thabo off on an eager description of his projects and what his students were doing. Ross thanked him, took his leave, and headed off. It's exactly the same here as it is in the States, Ross thought. *The way to an academic's heart is through his wallet* [Stanley, 2021, p. 82].

В этом примере посредством замены компонентов преобразована ФЕ *the way to a man's heart is through his stomach*. В своей изначальной форме данная поговорка содержит элемент юмора и мягкой иронии, но её оценочная коннотация не несёт негативных эмоций и отношений. Общая когнитивно-прагматическая установка данной ФЕ заключается в том, что даже достижение целей духовного и эмоционального характера происходит путём воздействия на материальные аспекты жизни, причём эта установка носит преимущественно рациональный характер, основанный на признании факта материального приоритета человеческих мотиваций в большинстве жизненных ситуаций. Однако в данном случае трансформация ФЕ во взаимодействии с контекстуальной информацией привносит элементы сарказма и лёгкого презрения, акцентируя внимание на том факте, что представители академической среды, позиционирующие себя как людей высшего уровня развития, чуждых приземлённых соображений, в действительности оказываются столь же меркантильными и легко манипулируемыми, как и все остальные. Таким образом, общая изначальная установка сохраняется, но получает значительные ситуативные изменения, семантически репрезентируя совершенно другую категорию людей, а прагматически – иное оценочное отношение.

"Do not faint," she heard him say into her ear as he held her up. He spoke firmly and slowly. "Get a hold of yourself, or we're all dead." Damn, it was difficult enough to *get a hold of this huge book* weighing a good two kilos, let alone *of herself*... Her body wanted to curl up and shut down into a defensive sleep, but somehow she went on struggling through the corridor towards the entry door [Rollins, 2020, p. 437].

В данном дискурсе представлен фразеологический каламбур, реализованный за счёт совмещения метафорического значения словосочетания *get a hold of* как компонента ФЕ *get a hold of oneself* и его прямого значения в применении к тяжёлой книге в руках реципиента. В объективированной контекстом ситуации крайней усталости, напряжения и опасности для жизни такой каламбур оказывает двойное влияние на формирование прагматического воздействия ФЕ. С одной стороны, требование приложить серьёзное волевое усилие для того, чтобы овладеть собой и сосредоточиться, воспринимается как нечто почти непосильное и даже абсурдное, вызывая соответствующую эмоциональную реакцию, вовлекающую элементы злости и сарказма, не содержащиеся в коннотации изначальной «стандартной» формы ФЕ. С другой же стороны, актуализация прямой угрозы смерти обуславливает рациональное осознание необходимости собрать все силы и ресурсы для спасения жизни.

Never been able to understand why people call complex and challenging work "*looking for a needle in a haystack*." All you actually have to do is just to *rummage through the haystack and wait for the needle to prick you* [Kellerman, 2004, p. 249].

Здесь мы наблюдаем расширение образной основы ФЕ *look for a needle in a haystack*, которое практически полностью меняет её изначальные семантико-прагматические характеристики. Метафорический поиск иголки в стоге сена представлен не как сложная и трудная, почти невыполнимая работа, требующая усилий и определённого мастерства, а напротив – как некая механическая, не требующая интеллектуальных вложений деятельность (*just rummage through the haystack*), преуспеть в которой может любой, кто имеет достаточно терпения и времени (*wait till the needle pricks you*). В результате изменяется как оценочное содержание ФЕ, в котором теперь доминируют элементы лёгкого презрения, пренебрежения и скуки, так и её семантика, где изначальные смыслы сложности, серьёзных вложений и некоторой нереалистичности достижения цели заменяются на практически противоположные.

"I've proven that this alkaloid has psychotropic activity. The discovery of a new hallucinogen could *open a door* – no, *a vast gate* – to understanding the brain mechanisms!" "Well,

you just make sure *this door doesn't slam you on the head*, or there won't be much left to understand" [Cook, 1996, p. 153].

В этой коммуникативной ситуации актуализировано столкновение энтузиазма первого участника, вдохновлённого открывающимися перед ним исследовательскими перспективами, и трезвого, скептического отношения второго, обращающего внимание в первую очередь на потенциальные проблемы, которыми, как он уверен, чреваты действия его коллеги. Восприятие ситуации первым участником образно представлено посредством замены компонента *door* исходной ФЕ (*open a door to smth*) интенсификатором *vast gate*, что создаёт ощущение широты возможностей, свободы и эмоционального подъёма. Позиция второго участника актуализируется посредством расширения образной основы ФЕ (*door... smack you on the head*) и иронического распространения ассоциативной цепочки на объект исследований, т.е. мозг («there won't be much left to understand»). В результате позитивная коннотация исходной ФЕ, даже будучи усилена интенсификатором, значительно ослабевает, поскольку «гасится» образом тяжелой травмы с необратимыми последствиями, а метафорические ворота из пути к новым открытиям, славе и т.п. превращаются в дорогу к разрушению и даже возможной гибели.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что изменения рациональной или эмоциональной оценки, происходящие под воздействием окказиональных трансформаций и внеязыковых ситуативных факторов, во многих случаях влекут за собой определённые изменения семантики ФЕ, актуализируя семы и смысловые элементы, не содержащиеся в значении исходной ФЕ либо не реализующиеся при её стандартном использовании. Отметим также, что наиболее частотными внеязыковыми (дискурсивными) факторами изменений оценочной коннотации окказиональных англоязычных ФЕ служат либо 1) актуализация специфических внешних обстоятельств, в которых протекает дискурсивное событие, либо 2) объективация какого-либо психоэмоционального или физического состояния субъекта и/или реципиента, определённым образом влияющего на восприятие, либо 3) нестандартный взгляд участника/участников ситуации на характеризующее явление, обусловленный личным мнением, опытом или системой ценностей.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф. Идиоматический «камертон» когнитивно-прагматического регистра в языковой картине мира // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сб. науч. трудов / сост. Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.В. Стебунова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 9-15.

Винокурова И.Ж. Лингвостилистические средства оценочности в интернет-дискурсе // Казанская наука. – 2019. – № 10. – С. 75-77.

Ковшова М.Л. Культурно-языковая семантика фразеологизмов в экспериментальном освещении // Язык – социальная когниция – коммуникация: материалы XI Международного конгресса по когнитивной лингвистике / гл. ред. О.К. Ирисханова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. – С. 508-513.

Cook R. *Acceptable Risk*. – New York: G.P. Putnam's Sons, 1996. – 406 p. – ISBN 0399139710.

Kellerman J. *Bad Love*. – New York: Time Warner Paperbacks, 2004. – 503 p. – ISBN 0 7515 0849 7.

Langlotz A. *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom representation and idiom-variation in English*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. – 337 p. – ISBN 978-9027223708.

Poulsen S. *Collocations as a Language Resource: A Functional and Cognitive Study of English Phraseology*. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2020. – 348 p. – ISBN 978-90-272-1083-8.

Rollins J. The Last Odyssey. – New York: William Morrow, 2020. – 576 p. – ISBN 978-0062892966.

Stanley M. Dying to Live. – New York: White Sun Books, 2021. – 304 p. – ISBN 978 0997968941.

THE IMPACT OF DISCURSIVE TRANSFORMATIONS ON THE EVALUATIVE CONNOTATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS (BASED ON THE ENGLISH-LANGUAGE MATERIAL)

Fedyunina Inna Eduardovna,

Candidate of Philology, lecturer of department of English philology and cross-cultural communication

Belgorod national research university, Belgorod, Russia,

Bogachev Roman Evgenyevich,

*Candidate of Philology, lecturer of department of foreign languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia*

Abstract. The paper deals with the impact discursive modifications make upon the evaluative connotation as well as the situational pragmatic impact of English phraseological units. The interaction of occasional transformations with the discursive context of phraseological units is analyzed. The authors also discuss the formation of semantic-pragmatic elements of situational meaning not found in standard usage of the phraseological units under study.

Key words: phraseological unit, discursive transformation, evaluative connotation, semantic element, cognitive-pragmatic impact.

КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ИЛЛОКУТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Хамраева Махзуна Гайратовна,

*и.о. доц. кафедры филологии, университета ИТМУ,
г. Карши, Узбекистан*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лингвистической категории эвиденциальность и ее связи с иллокутивными речевыми актами. Приведены примеры из узбекской и английской художественной литературы. Выполнен лингвистический анализ предложений с разными видами иллокутивных актов.

Ключевые слова: эвиденциальность, иллокутивный речевой акт, локутивный, перлокутивный, повествовательный, директивный, экспрессивный, комиссивный, репрезентативный.

Известно, что эвиденциальность это – лингвистическая категория, основным значением которой является источник информации. То есть, принимается информация любого рода, не смотря на правдивость или ложность информации. В эвиденциальности морфемы фокусируются на глубине или значении информации, что также может означать информацию о неопределённом или невылненном действии.

Эвиденциальность – это лингвистическая категория, указывающая на источник информации говорящего (например, *видел сам, слышал от другого, вывел сам*). Она может быть выражена грамматически или лексически, и во многих языках является обязательной для высказывания. В русском языке для передачи эвиденциальности используются, в основном, лексические средства (например, *я видел, говорят, мне кажется*). Эвиденциальность в русскоязычной лингвистике является синонимом к «пересказывательность», «засвидетельствованность» или «заглазность».

А. Айхенвальд определяет категорию эвиденциальность по смыслу к содержанию как 1) свидетель (непосредственно привлекаемый самим говорящим); 2) слух (доказанные, недоказанные новости, услышанные от других); 3) видение (информация, которую говорящий видел непосредственно своими глазами); 4) историческая (сообщения, связанные другими на протяжении многих лет); 5) умозаключительная (оценка и рассуждение говорящего относительно определённого тела, предмета и других событий) [Aikhenvald, 2004, с. 31].

Эвиденциальность от латинского слово *evidentia* переводится как *очевидность, наглядность*. Эта языковая категория, выражается лексическими и грамматическими средствами; считается указанием говорящего на свою роль в описываемой им ситуации или передаёт информацию с чужих слов, или сообщаемое – результат сделанных им *умозаключений, выводов, его догадок, реконструкции* по каким-либо косвенным признакам [Austin, 1962, с. 17].

В языках, имеющих грамматическую категорию эвиденциальности используются морфологические и лексико-синтаксические средства её выражения. К морфологическим средствам относятся аффиксы, частицы, система пересказываемых глагольных форм, сформировавшаяся, наклонением в болгарском языке «На свадбата си те танцували валс» (Говорят, на своей свадьбе они танцевали вальс) [Yule, 1996, с. 78].

В лингвистике понятие иллокутивного речевого акта является одним из распространённых разделов прагматики, включающим в себя лингвистические средства, используемые для выражения коммуникативной цели. Эти единицы оцениваются как действия, описывающие коммуникативную цель и задачу говорящего [Searle, 1979, с. 77].

В большинстве источников понятие иллокутивного речевого акта делится на пять групп: 1) достоверность; 2) непосредственность; 3) медиации; 4) выражения; 5) официальность. Прагматическое содержание любой информации заключается в раскрытии цели информации. Представленная информация зависит от её качества достоверности. Достоверность информации зависит от уровня показаний говорящего. С лингвистической точки зрения показания зависят от использования воспринятых средств выражения. Также ложность информации применительно к ситуации общения служит повышению уровня эвиденциальности. Например, инференциальная, то есть умозаключительная считается возникающей в сознании субъективных суждений субъекта об определённом объекте [Austin, 1962, с. 102].

В качестве примера локативного речевого акта, когда говорящий смотрит на адресата, можно привести выражение: *Shoot her! Пристрели её!* Иллокутивный речевой акт имеет значение принуждения, побуждения или приказа. В перлокутивном акте возникает контекст *I was forced to shoot her. - Меня уговорили или заставили застрелить её.*

Дж. Джараш провел прагматический анализ на следующих примерах

Try some more herrings! – Попробуйте ещё немного селёдки! – локутивный

That you should try more herring! – Что тебе стоит попробовать ещё селёдки? – иллокутивный

That you need to try this herring in order to be “polite”. То, что тебе нужно попробовать из вежливости – это селёдка. – перлокутивный [Jarasch, 2014, с. 43].

Д. Аркер разделил речевые акты на три группы: 1) локуция 2) иллокуция 3) перлокуция. При этом речевой акт можно анализировать в одном контексте тремя разными способами. Например, *Would you close the door? – Вы не могли бы закрыть дверь? – обычное предложение*

The door is open. – Дверь открыта. - локутивный

Close the door! – Закройте дверь! - иллокутивный

It could be too noisy outside therefore I have to close the door – На улице может быть слишком шумно, поэтому мне придётся закрыть дверь – перлокутивный [Archer, 2020, с. 1886].

То же самое предложение на примере тип эвиденциальности:

I see that the door is open – Я вижу что дверь открыта (Визуальная эвиденциальность).

I hear that the door left open – Я слышала что дверь осталась открытой (Слухи, слуховая эвиденциальность).

I guess that he forgot to close the door – Я думаю, он забыл закрыть дверь.

Usually they leave the door open – Обычно они оставляют дверь открытой (Информативная эвиденциальность).

In the past, they used to leave the door open. – Раньше они всегда оставляли дверь открытой (Фолклорная эвиденциальность)

So they finally opened the door – И вот наконец они открыли дверь (Вывод)

В узбекском языке тоже можно встретить иллюкутивные речевые акты, которые в свою очередь, включают в себя такие параметры, как стилопрагматический, метафорический, экспрессивный, монологический акты. Например, М. Хакимов так объяснял экспрессивное значение: «В экспрессивном значении к его чувствам прибавляется еще и намерение говорящего. Когда говорящий совершает пропозициональный акт, проявляется скрытый смысл с оттенками хвастовства» [Хакимов, 2011, с. 91]. Ученый приводит следующий пример этой идеи: «Все они выросли: один – председатель колхоза, один начальник райотдела культуры, один – заместитель...» Другими словами, выразительность не всегда проявляется в похвальных словах говорящего. В данном случае важно соответствие эвиденциальной информации реальной ситуации и реальности. Например, – “*O‘g‘ir o‘lgur ag‘darilib ketdi,*” – *dedi onam aybdor ohangda.* – “*Nima?*” – *dedi dadam lavlagi bo‘lagini qo‘lida tutgancha jahl bilan onamga qaradi.* – “*To‘kilib ketdi*” – *dedi onam boshini quyi solib.*

В этом примере эвиденциальная информация о реальности создает эмоциональную выразительность, делая ситуацию напряженной.

В повествовательном речевом акте говорящий передаёт слушающему информацию, независимо от того, доказана она или нет, и верит ли он в неё или нет. Эта информация может быть выражена с помощью глагольных сочетаний, таких как «заявлять», «признавать виновным», «судить» и «отрицать». Например, в узбекском языке *Bolaligida hammaning ham tishi tushadi. Meniki g‘alati bo‘lgan: birinchi tishimni urib tushurishgan. Bunga ho‘ja sababchi bo‘lgan.*

В этом предложении содержится скрытый смысл признания кого-либо виновным, можно включить в группу повествовательного речевого акта и акта свидетельских показаний; поскольку в нем говорящий непосредственно сообщает другому лицу о событии, в котором он сам участвовал.

“So you were probably surprised when Levy contacted you. I’m thinking that what happened, isn’t it, Jonna? He probably told you how guilty he felt, how sorry he was, some bullshit like that”.

Приведённое выше предложение «*he probably told you how guilty he felt* – он, вероятно, сказал вам, насколько он чувствовал себя виноватым» образует повествовательный речевой акт с выводной доказательностью.

Boshidayam-ku, yulduzi yulduziga uncha to‘g‘ri kelmasdi-ya, -dedi sekin. Ammo baribir chatoq bo‘ldi. Ikki orada bola bechora tirik yetim bo‘lib.

Поскольку это предложение имеет значение суждения, оно представляет собой повествовательный речевой акт и репортажную или информативную доказательность.

Репрезентативные речевые акты могут включать слова, которые говорящий считает истинными. К таким речевым актам относятся: акцентирование, информирование, восхваление, ораторское искусство и т. д., например, в английском языке: *You are the best! You are my Hero! (Ты лучший! Ты мой герой!)*, а в узбекском: *Yaxshiyam baxtimga sen borsan, azizam! (Хорошо, что ты есть, дорогая моя!)*

Экспрессивный речевой акт рассматривается как выражение чувств говорящего посредством физических состояний (извинение, жалоба, соболезнование, протест, похвала, радость, удовлетворение, боль, грусть, симпатия, антипатия). При этом большее внимание уделяется эмоциям говорящего. Экспрессивность можно интерпретировать как важный аспект доказательности. К примеру, *Tag 'in ham odamzod chidarkan. Ham eridan ham yakka-yolg'iz o'g'lidan judo bo'lib o'tiribdi boyaqish. – U bir zum o'ylanib turdi-da, qo'shib qo'ydi. – Bechora, Valisiga juda suyanib qolgan. Ishqilib, orzu havasini shundan ko'rsin...*

В приведенном выше предложении говорящий выражает соболезнование другому человеку посредством как чувства жалости, так и сожаления, что представляет собой экспрессивный речевой акт, создающий информативную часть доказательности.

These two times created the thirty-six-minute window during which Bennet was murdered, and would prove key to the charges against Byrd being dropped [Crais, 2021, с. 26].

В этом примере *Bennet was killing* (Беннет был убит) указывает на информативную доказательность, поскольку говорящий сообщает об определенном событии, в то время как *would prove key* (доказать ключ к обвинениям против Берда) указывает на экспрессивный речевой акт, поскольку означает противоречие.

В процессе общения директивные речевые акты могут проявляться различными способами. Они могут выражаться через различные формы действий (приказ, требование, предложение, принуждение, совет, рекомендация, просьба и убеждение) по отношению к конкретному субъекту или объекту во время разговора между говорящим и слушающим. Директивные речевые акты – это, по сути, речевые акты, которые формируют негативное отношение к слушателю. Потому что структура речи, используемая говорящим, играет важную роль в реализации действия, описываемого в содержании высказывания. Например, *That's enough". Mrs. Bossidy froze in midstep. More restless of late, she'd suggested an evening stroll. The sun hovered over the horizon, a coral haze spreading wide, the broad flat surface of the river awash in pink and gold* [Key. A wanted man, 2004, с. 26].

Данное предложение содержит элементы, указывающие на отдачу приказа, что приводит к директивному речевому акту и кватитивной эвиденциальности.

Tiy tilingni, go'dak! – Bo'ronbek Ibodillaning yoqasidan tortib, burchakka uloqtirdi-da, sariq jez naqshli sandiq yoniga bukchayib o'tirib qolgan boyvachcha parvo ham qilmay, oyshubunga qaradi.

В приведенном примере повелительное предложение, выражающее отрицательное повелительное наклонение, образовало директивный речевой акт, тогда как последующее предложение выражает информативную эвиденциальность. Соответствие любой информации ситуации, в которой ведется речь, а также восприятию, на слух и ощущениям говорящего относительно происходящего в данной ситуации имеют огромное значение. С прагматической точки зрения, отношение и суждение о событии формируются посредством визуального и слухового восприятия. В этом случае могут возникнуть умозаключительные отношения эвиденциальности.

Tashqarida hamon terak barglari shitirlaydi. Qaerdadir yaqin joyda daryo shovillaydi. Bir mahal qulog'imga dilni og'rituvchi mungli tovush chalindi: "Haq-qu, haq-qu...." Bir zum sukunat tushdi-da, ancha olisdan yana o'sha tovush takrorlandi [Hoshimov. 1979, с. 9].

В приведенном примере информация «*Tashqarida hamon terak barglari shitirlaydi. Qaerdadir yaqin joyda daryo shovillaydi*». (*ме же самые листья тополя шелестят снаружи. Где-то неподалеку ревет река*) воспринимается непосредственно органами слуха, и эта информация считается умозаключительным доказательством.

В заключение следует отметить, что в прагматике представлена неопределённая информация, то есть сомнение, подозрение, предположение и т. д., в то время как в эвиденциальности – информация, часто очевидная и имеющая своё доказательство. Однако в эвиденциальности присутствует, и попытка угадать. Несмотря на то, что эвиденциальность и прагматика имеют разное понимание, есть черты, которые их объединяют. Если рассматривать эвиденциальность как факт, выводимый напрямую, то

прагматику можно рассматривать как косвенное предположение или догадку. Обычно эвиденциальность определяется грамматическими средствами, а прагматику – лексическими. В некоторых случаях эвиденциальное явление и прагматическое содержание дополняют друг друга. Было обнаружено, что некоторые эвиденциальные явления выполняют пресуппозиционные, презумптивные и пропозициональные функции.

Список литературы

- Aikhenvald A. Evidentiality (Linguistics). – Oxford university press, 2004. – 452 p.
Austin E.O. The speech act theory and the speech situation. Cambridge, 1962.
Crais R. Chasing Darkness: An Elvis Cole Novel. – Simon and Schuster, 2008. – 273 c. – ISBN 0743281640, 9780743281645.
Jarasch J. Speech act theory / J. Jarasch, Kumush K. Jamai // Language and society publication. – 2014.
Law S. K. Wanted Man. – New York: HarperCollins Publishers, 2004. – 384 p.
Putri R.A. The analysis of illocutionary acts of judges' comments in America's next top model and Asia's next top model competitions: A cross-cultural pragmatic study / R.A. Putri, N.W. Sartini, M.S. Al Fajri // Journal of Language and Linguistic Studies. – 2020. – Т. 16. – №. 4. – С. 1885-1898.
Searle J.R. Expression & meaning: Studies in the theory of speech acts. – Cambridge University Press, 1979. – 187 p.
Yule G. Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 138 p. – ISBN 0194372073.
Hakimov M. O'zbek tilida matnning pragmatik talqini. Дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент: 2011. – 101 с.
O'tkir Hoshimovning "Dunyoning ishlari" asari uslubiy tahlili // Oriens journal. – P. 52-55.

THE CATEGORY OF EVIDENCE AND ILLOQUENT SPEECH ACTS IN ENGLISH AND UZBEK

Hamraeva Makhzuna Gayratovna,
Acting Associate Professor of the Department of Philology,
ITM University, Karshi, Uzbekistan

Abstract. The following article is devoted to investigating the linguistic category evidentiality and its relationship with illocutionary speech acts. The examples have been provided from Uzbek and English fiction. The sentences have been analyzed from linguistic point of view in different types of illocutive speech acts.

Key words: evidentiality, illocutive speech acts, locative, perlocative, declarative, directive, expressive, commissive, representative.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФЭНТЕЗИЙНЫХ НОМИНАНТОВ В МОДЕЛИ ВЫМЫШЛЕННОГО СОЦИУМА В РОМАНЕ Л. БАРДУГО "SIX OF CROWS"

Чупина Ксения Сергеевна,
ассистент кафедры иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу функционирования фэнтезийных номинативных единиц в модели вымышленного социума, представленного в

романе Ли Бардуго *“Six of Crows”*. В исследовании рассматриваются особенности номинации персонажей, социальных групп, магических феноменов и артефактов как значимых компонентов конструирования художественной реальности. Особое внимание уделяется их роли в репрезентации социальной стратификации, ценностных ориентиров и идеологических конструкторов вымышленного мира. Показано, что номинативные единицы выполняют не только идентифицирующую, но и моделирующую функцию, обеспечивая формирование целостной и внутренне согласованной картины социума. Делается вывод о роли системы фэнтезийных номинаций в авторском мироустройстве.

Ключевые слова: неологизмы, фэнтезийные неологизмы, художественный текст, семантика, эмотивность.

Современная фэнтезийная литература характеризуется активным использованием авторских неологизмов, выполняющих не только номинативную, но и концептуальную функцию [Гальперин, 2008, с. 45-47]. Язык произведений данного жанра «становится инструментом моделирования альтернативной реальности, в которой каждая единица лексики участвует в создании целостной картины мира» [Лотман, 1998, с. 56] при условии, что «модель сопрягает многовекторность форматов социокультурного знания в текстовой проекции» [Огнева, 2025, с. 500].

Роман Л. Бардуго *«Six of Crows»* представляет собой яркий пример сложной языковой системы, в которой фэнтезийные номинанты формируют структуру вымышленного социума. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов языковой репрезентации вымышленных миров и их влияния на восприятие художественного текста [Степанов, 2004, с. 112].

Целью данной работы является анализ функционирования фэнтезийных номинантов и выявление их роли в моделировании социальной структуры художественного мира.

Задачами исследования являются определить понятия фэнтезийного номинанта, классифицировать номинанты по семантическим группам, выявить их функции в тексте, проанализировать их роль в построении вымышленного социума.

Фэнтезийные номинанты рассматриваются как разновидность окказионализмов – индивидуально-авторских лексических единиц, создаваемых для обозначения реалий вымышленного мира, формирующих особую подсистему художественного языка, обладающую собственной семантикой и прагматикой, являясь «средствами выразительности жанра фэнтези» [Лукин, 2022].

Как отмечал В. В. Виноградов, окказионализмы отражают «индивидуальное мировидение автора и являются важным элементом художественной семантики текста» [Виноградов, 1975, с. 121]. В этом контексте показательно высказывание Дж. Р. Р. Толкина: *“The invention of languages is the foundation. The ‘stories’ were made rather to provide a world for the languages than the reverse”* / «Изобретение языков – это основа. «Истории» пишутся для того, чтобы обосновать мир для функционирования изобретенных языков, нежели наоборот» [Толкин, 1983, с. 210], что подчеркивает первичность языковой системы в создании художественного мира, где «текст как формат накопления, хранения и передачи информации оказался в фокусе моделирования и интерпретации» [Огнева, 2022, с. 37].

В рамках художественного текста фэнтезийные номинанты выполняют номинативную функцию, обозначая объекты, когнитивную функцию, структурируя знания о вымышленном мире, прагматическую функцию, с точки зрения воздействия на интерпретацию текста и эмотивную функцию выражения оценочных и аффективных значений. Через систему номинаций читатель постепенно осваивает правила функционирования вымышленного мира, а сами номинанты выполняют роль ориентиров, структурируя восприятие текста.

В романе Л. Бардуго *«Six of Crows»* формируется разветвлённая система номинантов, отражающая социальную стратификацию. Социально-стратификационные номинанты послужили материалом для данной статьи.

Группа социально-стратификационных номинантов включает лексемы, обозначающие социальные группы и институты: *Grisha*, *drüskelle*, *Dregs*. Эти номинанты формируют иерархическую структуру общества, отражающую социальное неравенство и конфликт. Позволяют выделить различные социальные слои, обозначить принадлежность персонажей к определённым группам, создать систему противопоставлений (магические сообщества / антимagicеские сообщества, религиозные сообщества, представители закона / преступные группировки). Неологизм “*Grisha*”/«Гриш», фонетически соотносимый со славянскими языками, обозначает магическое сообщество и способствует созданию культурной специфики фэнтезийного персонажа, одаренного магией. Неологизм “*drüskelle*”/«охотник», содержащий германский умлаут, репрезентирует антагонистическую группу охотников на гришей и усиливает ассоциацию с североевропейской языковой традицией. Прослеживается семантическое и морфологическое сходство с древнеанглийским и кельтским “*Dgū*”/«колдун, ведьма» и “*killen/kellen*”/«убить, убивать» Номинант *Dregs*, переводимый как «отбросы», носит ярко выраженный метафорический характер и указывает на маргинальное положение данной группы в социальной иерархии. Характеристика этой группы в тексте подтверждается репликой: “*The Dregs were made of every sort of misfit...*” / «Отбросы состояли из людей самого низкого сорта...» [Bardugo, 2016, с. 14], где номинация служит средством актуализации социальной стигматизации.

К группе номинантов, представляющих магические сообщества, относятся: *Heartrender*, *Inferni*, *Squaller*, *Small Science*. Номинанты описывают способности персонажей и создают систему магической специализации. Особенностью является их псевдонаучный характер, что придаёт магии рационализированную форму и повышает степень правдоподобия. Анализ показывает тенденцию к семантической прозрачности, созданной автором лексемы и псевдонаучной рационализации ее функционирования в тексте. Так, “*Heartrender*”/«Сердцебит» представляет собой окказионализм с очевидной собирательной словообразующей формой («управляющий сердцем»), “*Inferni*”/«Инферны» демонстрирует латинизированную форму “*inferno*”/«ад», придающую неологизму устрашающую окраску. Неологизм “*Squaller*”/«Шквальный» образован от английского слова “*squall*”/«шквал» и указывает на то, что такой человек, относящийся к этому магическому сообществу, управляет воздушной стихией. Наиболее показательным является окказионализм “*Small Science*” / «Малая наука», который функционирует как эвфемизм магии, переводя её в сферу рационального знания. Это подтверждается в тексте: “*It’s not magic... It’s the Small Science*” / «Это не магия... Это малая наука» [Bardugo, 2016, с. 73], где происходит когнитивная трансформация восприятия сверхъестественного.

К группе номинантов, представляющих культурно-религиозные сообщества, относятся: *Djel*, *Ghezen*, *Saints*. Их фонетическая и семантическая структура отражает культурную многослойность мира романа. Например, краткость и архаичность формы фьерданского божества “*Djel*”/«Джел» создаёт образ древней религиозности, суеверности и приверженности «старым» традициям, тогда как божество “*Ghezen*”/«Гезен» ассоциируется с торгово-экономической сферой современности в романе, почитается купцами, ремесленниками и управленцами, и является покровителем Кеттердама: “*Sacred is Ghezen, and in commerce we see His hand*” / «Гезен священен, и в торговле мы видим благословение его» [Bardugo, 2016, с. 82]. Упоминание бога “*Ghezen*”/«Гезен» автор вводит в текст, намеренно используя формулировки, присущие христианству: “*His*”/«Его», “*His hand*”/«Рука его» в значении «благословение, власть, покровительство». Номинант “*Saints*”/«Святые» относится к истории государства Равка, имеет прямую параллель с христианской традицией, используется для выражения религиозного мировоззрения, что подтверждается репликой: “*Saints know what he’s thinking*”/«Одним святым известно, о чем он думает» [Bardugo, 2016, с. 60]. “*Saints*”/«Святые» упоминаются в исторических летописях Равки и славятся чудесами, сотворенными при жизни. Номинанты *Djel*, *Ghezen*, *Saints* репрезентируют различные религиозные системы государств вымышленной

фэнтезийной вселенной. Они играют важную роль в формировании мировоззрения персонажей и мотивируют их поведение.

Анализ языковой системы романа позволяет выявить особенности политической организации Керчии, которая формально представлена как торговая республика, однако демонстрирует признаки скрытой автократии. Номинативная система указывает на доминирование экономических структур, в частности торговых домов, контролирующих ключевые ресурсы и социальные процессы. Несмотря на наличие такого института, как “Merchant Council”/«Торговый Совет», его функционирование носит номинальный характер, поскольку реальная власть сосредоточена в руках ограниченного круга финансовых элит. Характерной особенностью данной системы является подмена политической легитимности экономической, что отражено в реплике: “In Ketterdam, coin was king” / «В Кеттердаме за короля выступает монета» [Bardugo, 2016, с. 7]. Таким образом, Керчия может быть интерпретирована как форма экономической автократии, где социальная иерархия определяется доступом к капиталу, а криминальные структуры выступают в качестве параллельного механизма власти: “But ever since the assassination of that ambassador at the town hall, the Merchant Council had been grumbling about the security...”/«Но с тех пор как вероломно убили того посла в ратуши, Торговый совет начал роптать на недостаточный уровень безопасности...» [Bardugo, 2016, с. 14]. В тексте детально проработаны географические объекты, государственность, культурное и историческое наследие с введенными в текст вымышленными языками. Государственным языком Керчии выступает “Kerch language”/«керчский», но в тексте фигурируют и другие языки: “Ravkan (Ravkayash) language”/«равканский», “Fjerdan language”/«фьерданский», “Kerch language”/«керчский».

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что система фэнтезийных номинантов в романе Л. Бардуго «Six of Crows» представляет собой не просто совокупность авторских неологизмов, а целостный механизм конструирования художественной реальности. Номинанты выполняют многослойную функцию: они одновременно обозначают элементы вымышленного мира, структурируют знания о нём и направляют читательское восприятие, постепенно погружая в логику и законы функционирования описываемого социума. Особенно значимым представляется то, что через систему номинаций автору удаётся передать сложную социальную организацию мира произведения. Социально-стратификационные, магические и культурно-религиозные группы номинант формируют не только иерархию, но и ценностную картину мира, в которой переплетаются власть, экономика, вера и знание. Таким образом, можно говорить о том, что в современной фэнтезийной литературе, и, в частности, в романе Л. Бардуго, язык выполняет первостепенную мирообразующую функцию. Авторские номинанты выступают связующим звеном между текстом и читателем, позволяя не только представить, но и «погрузиться» в вымышленный мир, что во многом и определяет художественную выразительность и убедительность произведения.

Список литературы

- Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1975. – 240 с.
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2008. – 144 с.
Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1998. – 384 с.
Лукин Д.С. Лингвокультурные особенности перевода средств выразительности жанра фэнтези. – М.: Перо, 2022. – 107 с. – ISBN 978-5-00204-524-2.
Огнева Е.А. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства// Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – №2. – С. 37-49.
Огнева Е.А. Синергичная модель эмотивного концепта HAPPY в произведении Ф. Бэкона «The New Atlantis» / Е.А. Огнева, Е.И. Бузина, К.С. Чупина // Казанская наука. – 2025. – № 2. – С. 500-502.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с. – (Summa, Единый гуманитарный мир). – ISBN 5-8291-0388-5.

Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках. М., 1983. – 256 с.

L. Bardugo Six of Crows. Orion Publishing House, UK, 2016. – 494 p.

THE FUNCTIONING OF THE FANTASY NOMINEES IN THE MODEL OF A FICTIONAL SOCIETY IN L. BARDUGO'S NOVEL "SIX OF CROWS"

Chupina Ksenia Sergeevna,

*Instructor of the Department of Foreign Languages,
Belgorod National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the functioning of fantasy nominative units within the model of a fictional society depicted in Leigh Bardugo's novel "Six of Crows". The study examines the nomination of characters, social groups, magical phenomena, and artifacts as essential components in the construction of the narrative reality. Particular attention is paid to their role in representing social stratification, value systems, and ideological constructs of the fictional world. The analysis demonstrates that nominative units perform not only an identificatory but also a conceptual and modeling function, contributing to the formation of a coherent and internally consistent social framework. It is concluded that the system of fantasy nominations constitutes an instrument of the author's world-building and significantly shapes the reader's interpretative strategies.

Key words: neologisms, fantasy neologisms, literary text, semantics, emotivity.

КИНЕМНЫЙ СЕГМЕНТ МОДЕЛИ-РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТОВОГО КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ В РОМАНЕ В. СКОТТА «АЙВЕНГО»

Шеметова Елизавета Александровна,

*старший преподаватель кафедры социально-культурной
деятельности и туризма*

*Белгородского государственного института искусств и культуры,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается текстовый когнитивный сценарий, функционирующий в формате модели-реконструкции, репрезентированной в историческом романе В. Скотта «Айвенго». Выявлено преобладание кинем в терминалах терминалопотока текстового когнитивного сценария. Установлено, что в результате англо-русского транскодирования кинемный сегмент терминалопотока был увеличен. Определен тот факт, что примененные трансформации не привели к изменению средневековой ауры модели-реконструкции текстового когнитивного сценария.

Ключевые слова: моделирование, текстовый когнитивный сценарий, терминалопоток, модели-реконструкции, кинемы.

В современной теории перевода актуальным направлением видится определение тенденций перевода моделей оригинала средствами языка перевода в свете того, что «миромоделирование предполагает структурирование информации о среде и человеке» [Кушнерук, 2025, с. 62]. Структурированная информация моделируется на основе антропоцентрического подхода, который «в современных лингвистических исследованиях заключается в соединении лингвистики с человеческим фактором» [Хвесько, 2024, с. 110].

Архитектоника обобщенной текстовой модели художественного произведения представляет собой совокупность моделей статичных и динамичных лингвоконструктов, одним из которых престаёт текстовый когнитивный сценарий, рассматриваемый в качестве совокупности агенс-информанта, терминалопотока и фонового информанта.

Три составляющих текстового когнитивного сценария функционируют на основе лингвоконтактного кода, рассматриваемого как совокупность маркеров невербального кода коммуникации. Лингвоконтактный код в этом случае состоит из таких компонентов, как «проксеменный код, темпоральный код, кинемный код, такемный код, сенсемный код» [Огнева, 2024, с. 490-491].

Сочетание пяти типов кода в модели текстового когнитивного сценария актуализируется в рамках того фактора, что «важнейшей характеристикой художественной картины мира является её фрактальность» [Даниленко, 2025, с. 130].

Перечисленные пять типов лингвоконтактного кода в аспекте перевода функционируют в качестве компонентов переводческого кода [Огнева, 2004], сегментированного на фракталы, что позволяет выявить специфику трансформации архитектуры текстового когнитивного сценария при переводе [Огнева, 2017].

Процесс перевода на основе модельного построения текста способствует построению в тексте перевода моделей, часть из которых эквивалентна оригинальным, а часть трансформирована, что предопределено решением переводчика, деятельность которого заключается в декодировании текста оригинала и в кодировании выявленных смыслов средствами переводного языка с учетом того, что «процесс декодирования обычно касается содержательных структур текста» [Прюво, 2018, с. 24], поскольку, как известно, содержание первично, а форма вторична.

Рассмотрение функционирования каждого из вышеперечисленных пяти типов кода выявляет степень сопряжения интенции автора и решения переводчика по передаче параметров модели к восприятию иноязычного читателя. Так, в данной статье, выявлены тенденции трансформации кинемного кода в модели текстового когнитивного сценария с учетом того факта, что «кинемы наделены семантическим ядром (планом содержания) и синтаксическим оформлением (планом выражения)» [Неваленая, 2022, с. 78].

Кинемный код в аспекте перевода был рассмотрен в текстовой когнитивной модели-реконструкции сценария «Ровена», репрезентированной в романе В. Скотта «Айвенго», впервые опубликованного в 1819 году в Эдинбурге. Существуют различные переводы произведения на русский язык. В статье рассматривается перевод Е. Бекетовой, опубликованный впервые в 1882 году.

В текстовой когнитивной модели-реконструкции сценария «Ровена» в качестве агенсов-информантов выступают главная героиня романа Ровена и плененный де Браси, командир отряда наемников. Терминалопоток состоит из восьми терминалов.

В первом терминале выявлен глагол-кинема «again bowing from her palfrey» [Scott, 2022, URL] / «снова кланяясь со своей лошади» (поясняющий перевод здесь и далее – автора О.Е.), что соответствует этикету средних веков, таким образом, первый терминал культурно-маркирован и воспроизводит в модели-реконструкции коммуникативный ритуал, характерный для времени, описываемого В. Скоттом в архитектонике романа. В переводном варианте терминала «(Ровена) низко поклонилась» [Скотт, 1985, с. 314] выявлена нивелировка того факта, что главная героиня сидит на лошади, то есть нивелирована вертикальная пространственная ось.

Во втором терминале «Rowena turned to depart» [Scott, 2022, URL] / «Ровена повернула, чтобы уехать» также выявлен глагол-проксема, номинирующий намерение героини покинуть место пребывания. Под глаголами движения понимаются «глаголы, обозначающие перемещение героя или персонажа в текстовом пространстве» [Тугуз, 2024, с. 109]. В переводном варианте терминала «повернула коня» [Скотт, 1985, с. 314] глагол-проксема заменен на глагол-кинему, описывающую характерный жест управления лошастью. Вставка лексемы «конь» указывает на средство передвижения главной героини,

применяемое в средние века, и на наличие вертикальной пространственной оси в описании местонахождения Ровены.

Второй терминал сопряжен с фоновым информантом «but pausing a moment, while Cedric, who was to attend her, was also taking his leave» [Scott, 2022, URL] / «но остановилась на мгновение, пока Седрик, который должен был сопровождать ее, говорил, что уходит». Переводной вариант асимметричен в плане содержания и в плане выражения «дожидаясь, пока Седрик прощался с Люксли и его сподвижниками» [Скотт, 1985, с. 314], поскольку посредством приема конкретизации в содержании номинанта уточняется то, с кем прощался Седрик. В переводном фоновом информанте представлен тип коммуникации в средние века, когда коммуникантами являлись крупный землевладелец Седрик, сторонник восстановления значимой роли саксов, и предводитель лесных разбойников Люксли.

В третьем терминале «she found herself unexpectedly close by the prisoner De Bracy» [Scott, 2022, URL] / «неожиданно она оказалась рядом с плененным де Браси» выявлен эмотив, номинирующий эмоции неожиданности от встречи. Ядро терминала, выраженное глаголом-проксемой и указывающее на тот факт, что героиня оказалась рядом с плененным, переведено на русский язык как «очутиться лицом к лицу» [Скотт, 1985, с. 314], то есть транскодировано кинемой с элементами проксемной семантики, поскольку этот номинант обозначает близкое нахождение в художественном пространстве двух героев романа.

С третьим терминалом сопряжен фоновый информант «He stood under a tree in deep meditation, his arms crossed upon his breast, and Rowena was in hopes she might pass him unobserved» [Scott, 2022, URL] / «Он стоял под деревом в глубокой задумчивости, скрестив руки на груди, и Ровена надеялась, что сможет пройти мимо него незамеченной», описывающий местонахождение де Браси в пространстве и его эмоциональное состояние, выраженное в том числе в жесте «скрестить руки на груди» переведен на русский язык симметрично.

В четвертом терминале «he looked up» [Scott, 2022, URL] / «он поднял голову» выявлена кинема, номинирующая мимику, и переведенная симметрично на русский язык. Четвертый терминал соединен с фоновым информантом «when aware of her presence, a deep flush of shame suffused his handsome countenance» [Scott, 2022, URL] / «когда он заметил ее присутствие, краска стыда залила его красивое лицо» включает в свой состав эмотивную кинему «краска стыда». Весь фоновый информант переведен симметрично.

В пятом терминале «he stood a moment most irresolute» [Scott, 2022, URL] / «он стоял мгновение в нерешительности» выявлена эмотивная проксема, указывающая на переживаемые героем чувства. Эмотивная проксема переведена симметрично.

В шестом терминале «then, stepping forward» [Scott, 2022, URL] / «затем шагнув вперед» выявлен глагол-проксема, номинирующий перемещение героя произведения в художественном пространстве, что переведено симметрично.

В седьмом терминале «took her palfrey by the rein» [Scott, 2022, URL] / «взял ее лошадь под уздцы» функционирует глагол-кинема, которая переведена симметрично.

В восьмом, завершающем, терминале «bent his knee before her» [Scott, 2022, URL] / «опустился на колени перед ней» выявлена глагол-кинема, в которой прослеживается семантическое значение перемещения в пространстве. В структуре терминала указано, перед кем плененный рыцарь опустился на колени, тогда как в переводе этот факт нивелирован, что привело к искажению завершающего терминала текстового когнитивного сценария.

Таким образом, исследование модели-реконструкции текстового когнитивного сценария «Ровена», репрезентированного в романе В. Скотта «Айвенго», выявило тот факт, что терминалопоток модели состоит из восьми терминалов, представленных преимущественно глаголами-кинемами, часть из которых культурно-маркирована, что воссоздает средневековые коммуникативные обычаи в рассматриваемой модели-реконструкции. В терминалах выявлены также эмотивы и проксемы.

При переводе модели-реконструкции применены приемы нивелировки, вставки, конкретизации. Асимметричный перевод первой части модели-реконструкции сценария привел к изменению пространственных вертикальных осей в терминалах. В третьем терминале глагол-проксема оригинала транскодирована глаголом-кинемой в переводном формате.

Во второй части модели-реконструкции три терминала переведены на русский язык симметрично.

Следовательно, в процессе транскодирования трансформации привели к частичному искажению терминалопотока, но кинемный формат оригинальной модели был усилен в переводной модели.

Список литературы

Даниленко И.А. Трансфер текстовой когнитивной доминанты KRIEG/ВОЙНА в произведениях Э.М. Ремарка / И.А. Даниленко, Ян.П. Тёрнер // Информативный потенциал лингвоконструктов. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2025. – С. 130-135.

Кушнерук С.Л. Речевое воздействие и миромоделирование: к вопросу о соотношении понятий в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 2 (496). – С. 54-65.

Неваленая Е.В. Симметрия/асимметрия плана содержания и плана выражения кинем при переводе // Лингвистические горизонты. Международный сборник научных трудов. Отв. редакторы Е.А. Огнева, Л.Н. Мирошниченко, Д.Е. Смирнова. – Белгород, 2022. – С. 77-81.

Огнева Е.А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. – Белгород, 2004.

Огнева Е.А. Трансформация архитектоники текстового когнитивного сценария при переводе // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 791-794.

Огнева Е.А. Кинемно-такемный код в текстовых когнитивных конструктах (на материале романа Б. Васильева «А зори здесь тихие» // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 5 (61). – С. 489-493.

Прюво Ж. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения / Ж. Прюво, А.П. Седых, Л.М. Бузинова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 21-35.

Скотт В. Айвенго: Роман / Пер. с англ. Е. Бекетовой., Вступ. Статья и примеч. А. Ингера., Худож. А. Лурье. – М.: Худож. лит., 1985. – 432 с.

Тугуз Т.Р. Особенности функционирования глаголов движения в фоновом терминале когнитивной сцены (на материале произведений Г. Джеймса «Бостонцы» и Г. Зудермана «Фрау Зорге» // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 106-113.

Хвесько Т.В. Актуализация авторских интенций в художественном тексте / Т.В. Хвесько, Н.Ю. Басуева // Язык и культура. – 2024. – № 68. – С. 108-121.

Scott W. Ivanhoe. The project Gutenberg EBook [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/82/pg82-images.html> (дата обращения: 15.12.2022).

THE KINEME SEGMENT OF THE TEXT COGNITIVE SCRIPT'S MODEL- RECONSTRUCTION IN W. SCOTT'S "IVANHOE"

*Shemetova Elizaveta Aleksandrovna,
Senior Lecturer of the Department of Social and
Cultural Activities and Tourism,
Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines a textual cognitive script functioning in the format of a model-reconstruction represented in Walter Scott's historical novel "Ivanhoe". The prevalence of kinemes in the terminals of the textual cognitive script's terminal flow has been identified. It has been established that the kineme segment of the terminal flow has been increased as a result of the English-Russian transcoding. It has been determined that the transformations applied have not led to a change in the medieval aura of the model-reconstruction of the textual cognitive script.

Key words: modeling, textual cognitive script, terminal flow, reconstruction models, and kinemes.

THE CHARACTERISTICS OF BEHAVIORAL VERBS AND THEIR COMPARATIVE ANALYSIS IN UZBEK AND ENGLISH DICTIONARIES

Elchayev Zokhidjon Akhmatovich,

*Senior Teacher at the University of Economics and Pedagogy,
Karshi, Uzbekistan*

Abstract. In this article, we conduct a comparative study of the descriptions and treatment of behavioral verbs in Uzbek and English dictionaries. Behavioral verbs, which reflect human behavior, cognition, attitude, and state of mind, face specific issues in bilingual lexicography due to cultural and linguistic differences. This paper compares the classification, semantic, and explanatory features of some popular Uzbek-English and English-Uzbek dictionaries.

Key words: behavioral verbs, Uzbek language, English language, lexical semantics, bilingual dictionaries.

Introduction. We present a comparative analysis of the usage and interpretation of behavioral verbs in Uzbek and English dictionaries. Behavioral verbs, which refer to human actions, attitudes, and psychological states, pose one of the most challenging problems in bilingual lexicography due to cultural and linguistic peculiarities. The study of multiple popular Uzbek-English and English-Uzbek dictionaries highlighted differences in categorizations, semantics, and methods of explaining language. The findings indicate that English dictionaries focus more on syntactic behavior and semantic features, while Uzbek dictionaries are more inclined to deal with meanings that hold cultural importance. The paper concludes by offering suggestions to translators and dictionary compilers for further development of bilingual dictionary entries about behavioral verbs.

Such verbs pertain to human actions, attitudes, psychological states, and social behaviors, which are crucial aspects of expressing the subtleties of interaction and mental action. While concrete action verbs tend to imply, as in these specific words, that certain events occurred, behavioral verbs have connotations embedded in the cultures and cognitive structures of languages. With languages as typologically and culturally distant as Uzbek and English, behavioral verbs present special problems in bilingual lexicography. The differences in how behavioral actions are conceptualized, labeled, and lexically employed affect how these verbs are represented in dictionaries and thus translate to an accurate or fluent way in translation. In this paper, the authors intend to carry out a comparative analysis of a collection of behavioral verbs in two Uzbek-English and English-Uzbek dictionaries to find the variances in treatment, semantic expression, and lexicographic strategies used.

Definition and Scope of Behavioral Verbs. According to the literature [Vendler, 1967, p. 312; Levin, 1993, p. 56], behavioral verbs are verbs that describe habits, which may be the actions of a person to an attitude or disposition, or psychological states (smile/frown/hesitate/envy). They tend to overlap with psychological and social verb categories and contain latent information about the agent's internal state or social circumstances. In Uzbek, however, behavioral verbs (*xulq-atvor*

fellar) are frequently culturally specific, potentially expressing nuanced attitudes of respect, a social hierarchy of particular kinds of behavior, or other social relations through specialized behavioral terms. This complexity necessitates careful consideration in bilingual lexical resources.

This research examines four prominent Uzbek-English and English-Uzbek dictionaries published within the last two decades. The selected dictionaries are:

- English-Uzbek: English-Uzbek Dictionary by Z. Alimova [Aminova, 2015, p. 34]; Concise Uzbek-English Dictionary by S. Nazarov [Nazarov, 2010, p. 98].

- Uzbek-English: Uzbek-English Dictionary by Ibrohim Kamol; Practical Uzbek-English Dictionary by Mirza Tursunov.

Behavioral verbs were identified based on semantic fields in these dictionaries. The selected verb entries were then compared with linguistic classifications from relevant literature on verb semantics and lexicography [Vendler, 1917, p. 534]. The analysis focused on important lexical parameters such as definition clarity, semantic features, cross-references, usage examples, and classification.

The way of defining and explaining:

- Inclusion or exclusion
- Usage examples
- Classifications and subcategorizations (if relevant)
- Cross-reference to synonyms or related verbs.

This study is intended to establish whether the behavioral verbs produced by the English-Uzbek users with certain meanings are the appropriate language to deploy.

Comparative Analysis

Semantic representation. English dictionaries often contain extensive definitions highlighting the significance of semantic nuances and syntactic frames to elaborate on in text. Here, for instance: the verb “hesitate” is described including descriptions of the internal mechanism for how it comes to be, collocations, or phrase structures and word examples: “hesitate” “he hesitated before answering”. However, by contrast, Uzbek dictionaries are more inclined to describe or gloss culturally specific descriptions or descriptions closely tied to observable behavior. For example, the Uzbek variant of “hesitate” seems to gravitate towards descriptive materialization of physical indications of reluctance or a social significance and away from internal states of the mind.

Classification and Organization. English dictionaries may also categorize verbs into behavioral sub-categories including facial expressions, bodily actions, psychological attitudes [Levin, 1993, p. 236]. Uzbek dictionaries, though, arrange verbs alphabetically with no obvious semantic grouping, and this can confuse behavioral connections for learners.

Explanatory Elements. English lexicographic work commonly contains collocations, synonyms, antonyms, and usage notes. Some Uzbek-English dictionaries do not include these elaborations, focusing primarily on direct translations without contextualization, leading to subtlety neglect and incomplete understanding [Tursunov, 2017, p. 236].

The differences found in our results originate from both natural linguistic and cultural differences and the common lexicographic traditions. The language lexico-linguistic methods of English lexicography have constructed an extensive vocabulary of verb behavior from syntactic and semantic standpoints and the lexico-linguistic approaches are still emerging in Uzbek lexicography for more specific treatment of verb classes, notably, but not only, when used in bilingual contexts. For translation, we are reminded that such differences highlight the need not only for dictionary entries but for reference to contextual information and interpreter’s understanding through native language expert intuition. For lexicographers, adding behavioral verb classifications and culturally rich examples would have a substantial impact on dictionary utility.

Conclusion. Based on this comparative analysis, bilingual dictionaries need to be able to cover both semantic depth and cultural context regarding behavioral verbs. The study supports a

hybrid lexicographic approach drawing on detailed semantic explanation from English lexicography, and cultural insights particular to Uzbek.

References

- Alimova Z. English-Uzbek Dictionary. – Tashkent: Language Press, 2015. – 568 p.
Kamola I. Uzbek-English Dictionary. – Tashkent: National University Press, 2012. – 456 p.
Levin B. English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 348 p.
Nazarov O. Concise Uzbek-English Dictionary. – Tashkent: Uzbek Academy of Sciences, 2010. – 386 p.
Tursunov M. Practical Uzbek-English Dictionary. – Tashkent: Modern Publishing House, 2017. – 482 p.
Vendler Z. Linguistics in Philosophy. – Ithaca: Cornell University Press, 1967. – 203 p.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ И ИХ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В УЗБЕКСКИХ И АНГЛИЙСКИХ СЛОВАРЯХ

*Элчаев Зоҳиджон Ахматович,
старший преподаватель,
Университет экономики и педагогики, г. Карши, Узбекистан*

Аннотация. В настоящем исследовании представлен сравнительный анализ представления и трактовки поведенческих глаголов в узбекских и английских словарях. Поведенческие глаголы, которые описывают человеческие действия, установки и психологические состояния, представляют особые трудности в билингвистической лексикографии из-за культурных и языковых различий. Анализ нескольких известных узбекско-английских и англо-узбекских словарей выявил различия в классификации, семантических характеристиках и подходах к объяснению. Результаты показывают, что английские словари больше акцентируют внимание на синтаксическом поведении и семантических нюансах, тогда как узбекские словари часто подчеркивают культурно значимые значения.

Ключевые слова: поведенческие глаголы, двуязычные словари, узбекско-английский перевод, лексикография.

PREPOSITIONAL PHRASES IN THE FUNCTION OF PREDICATIVE IN CONTEMPORARY ENGLISH DISCOURSE

*Ergasheva Gulnoz Alimovna,
Senior Lecturer,
Karshi State University, Karshi, Uzbekistan*

Abstract. The article investigates prepositional phrases occurring in predicative position (structures of the type be + PP) in contemporary English discourse. Based on the material of literary texts, news articles, scientific publications, and spoken communication, the study analyzes the structural-semantic parameters and pragmatic functions of predicative prepositional constructions. The findings show that such combinations operate as autonomous cognitive units that organize the interpretation of situations, emotional states, and social relations. Predicative PPs provide event framing, express evaluation, specify processual and phase characteristics, and structure the speaker's communicative intentions.

Key words: predicative prepositions, syntaxeme, cognitive semantics, discourse functions, framing, stative and locative constructions.

Introduction. Prepositional phrases in predicate position – constructions of the type *be + prepositional phrase* (in despair, in silence, under pressure, from tradition, with her group, for protection) – represent an important mechanism for the semantic organization of contemporary English utterances [Biber, 2002, p. 38]. Unlike ordinary adverbial PPs, predicative phrases do not describe peripheral parameters of an event but form the main semantic and interpretative center of the construction.

For example, in the expression “The city is in chaos,” the meaning of the utterance is not reduced to mere locativity: the PP activates a holistic frame of “social disorder” – including emotions, participants, and consequences. Similarly, “The negotiations are in progress” not only denotes the state of a process but sets the phase structure of the event: it is started but not completed [Biber, 2002, p. 38].

The relevance of this research is conditioned by the fact that predicative PPs occur in all types of discourse – literary, media, scientific, and conversational – and often replace complex descriptive constructions, serving as compact cognitive markers. Despite their prevalence, they remain insufficiently described from the perspective of cognitive linguistics and discourse analysis.

This study aims to identify the structural, semantic, and pragmatic characteristics of predicative prepositional phrases, as well as the mechanisms of their cognitive functioning.

Componential Analysis. Componential analysis made it possible to determine the degree of integrity of the copula + PP constructions. Three types of methods were applied: For example, in the sentence “The room was in darkness,” semantic completeness is lost if the PP is removed: “The room was ____.” The meaning of the state is stored exclusively in the PP, indicating its predicative significance [Pedrosa, 2013, p. 289].

Coordination method. Constructions like “The region is in crisis and under pressure” demonstrate that PPs function as homogeneous semantic centers.

Replacement method. In the expression “She is in despair,” replacing the PP with semantically close ones (in shock, in sorrow, in distress) does not change the structure but alters the interpretative frame, demonstrating the frame-like nature of predicative PPs.

Syntactico-Semantic Analysis. To identify the semantic types of PPs, question-posing methods were used:

In what state? → in despair, in danger, in doubt

In what phase? → in progress, in transition

From where / from what source? → from cognitive linguistics

With whom? → with her group

For what purpose? → for protection

Discourse Analysis:

- Literary texts from the 20th-21st centuries;
- Analytical and news materials from BBC and The Guardian;
- Articles from the journals Nature and Science;
- Data from conversational speech.

The role of predicative PPs was analyzed in expressing authorial stance, interpreting events, forming visual imagery, and constructing modality [Pedrosa, 2013, p. 289]. The analysis showed that prepositional phrases in predicate position form a special type of syntactico-semantic structure functioning as independent semantic nodes of utterances. In all cases studied, it is the preposition + noun, not the copula verb, that carries the main predicative load. The verb merely marks grammatical tense or aspect, whereas the PP sets the interpretation of the situation, its phase, emotional background, or logical relations.

One key result is the identification of the structural integrity of predicative PPs. For instance, in the sentence “The system is under review,” the main information does not reside in the verb *is* but in the expression *under review*, which activates the institutional analysis frame

involving review and potential changes [Fillmore, 1982, p. 112]. Omitting the PP (“The system is ____”) causes loss of meaning, confirming that the PP is the predicative center. A structurally similar example is “The room was in darkness,” where the phrase in darkness conveys the perceptual state of the space. Notably, this expression cannot be replaced by a simple adverbial without semantic loss (The room was dark is grammatically correct but semantically not equivalent, since in darkness creates a more holistic, “voluminous” sensory frame).

Semantic analysis revealed that predicative PPs realize several stable types of meanings – locative, stative, processual, genetic, associative, and purposive.

Locative predicatives may be literal or metaphorical. For example, “The city is in lockdown” denotes not physical location but a regime of legal restrictions. The predicative in lockdown activates a social frame: closed borders, limited movement, changes in daily practices. In literary discourse, locativity often becomes figurative: The forest was in flames forms a dynamic visual scene – movement of fire, destruction, danger [Fillmore, 1982, p. 112].

Stative predicatives denote emotional, psychological, or social states of the subject. For example, “She was in despair” evokes a frame of emotional crisis: the speaker understands that the subject experiences strong negative feelings, loss of control, and lack of solutions. In “He is in shock,” the PP indicates not only a physiological state but also cognitive disorientation – inability to quickly perceive and process information. These constructions economically convey complex internal states that would otherwise require a descriptive passage.

Processual predicatives compactly encode the phase or stage of an action. In the sentence «The negotiations are in progress», the phrase in progress focuses attention on the unfinished nature of the process. This is not simply a temporal characterization but an indication of openness of the result, dynamics, and ongoing interaction of participants. Similarly, “The case is under investigation” activates the institutional investigation frame: actions of investigative bodies, data collection, hypothesis testing.

Conclusions. Prepositional phrases in predicate position represent a productive and semantically rich mechanism of contemporary English. They form independent semantic blocks, ensure the interpretation of events and states, set evaluations, and frame discourse. Their universality explains their widespread distribution in literary, scientific, media, and conversational texts.

References

Biber D. Longman Student Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Conrad, G. Leech. – London: Pearson, 2002. – 496 p.

Casas Pedrosa A.V. Similarities between English predicative prepositional phrases and adjective phrases // 48th Linguistics Colloquium. Linguistic Insights: Studies on Languages. – Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá de Henares, 2013. – P. 2.

Fillmore C. J. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm. – Seoul: Hanshin, 1982. – P. 111-137.

Fillmore C.J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. – 1985. – Vol. 6, No. 2. – P. 222–254.

Grimshaw J. Nominalization and Predicative Prepositional Phrases / J. Grimshaw, E. Williams // Pustejovsky J. (ed.) Semantics and the Lexicon. – Dordrecht: Springer, 1993. – P. 97-105.

Halliday M. A. K. Cohesion in English / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – London: Longman, 1976. – 374 p. – ISBN 0582550319.

Huddleston R. The Cambridge Grammar of the English Language / R. Huddleston, G.K. Pullum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1842 p. – ISBN 0521431468.

ПРЕДЛОЖНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ПОЗИЦИИ ПРЕДИКАТИВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

*Эргашева Гулноз Алимовна,
старший преподаватель, Каршинский государственный университет, г. Карши,
Узбекистан*

Аннотация. Статья посвящена исследованию предложных сочетаний в позиции предикатива (структуры типа be + PP) в современном английском дискурсе. На материале художественных текстов, новостных статей, научных публикаций и разговорной речи анализируются структурно-семантические параметры и прагматические функции предикативных предложных конструкций. Показано, что такие сочетания выполняют роль автономных когнитивных единиц, организующих интерпретацию ситуаций, эмоциональных состояний и социальных отношений. Предикативные PP обеспечивают фреймирование событий, выражают оценку, задают процессуальные и фазовые характеристики и структурируют коммуникативные намерения говорящего.

Ключевые слова: предложные предикативы, синтаксема, когнитивная семантика, дискурсивные функции, фреймирование, стативные и локативные конструкции.

EXPLICIT AND ARTISTIC DISCURSIVE FORMS OF THE CONCEPT OF RESILIENCE

*Isroilova O'g''iloy Isroil qizi,
PhD student, Karshi State University, Karshi, Uzbekistan*

Abstract. This article analyzes the explicit and artistic discursive forms of the concept of resilience. The explicit discourse provides scientific and clear definitions, while the artistic discourse reveals the concept through human emotions. Both forms complement each other in society and culture.

Key words: resilience, concept, explicit discourse, artistic discourse, social psychology, literature, stress resistance, psyche, culture, virtue.

The idea of resilience, though it is prevalent in current discourse, is expressed through either explicit discourse and artistic theory that defines the specific categories through which it is applied [Catau, 2021, p. 109]. Resilience is a multi-dimensional concept, and there is no single definition, making its application heterogeneous. Its insight is usually developed by locating it in local linguistic conditions and by mapping associated lexico-semantic domains.

It is that inter-disciplinary and trans-disciplinary work is required to make sense of it. Explicit Discursive Forms of Resilience Explicit and discursive forms of resilience generally refer to normative, definitional and policy-oriented forms of language with a goal of standardised measurement and use [Catau, 2021, p. 110]. Such patterns are consistent with that in academic and policy literature, in which systems capacity for resiliency is understood to encompass the capacity to take disturbance, reorganize and adapt in the face of it and continue as they are to operate, organize and act [Cañizares, 2021, p. 15]. Resilience, for example among the different CI (critical infrastructure) issues, is defined as that a CI system's ability to withstand, absorb, accommodate or recover from a hazard in an effective and quick manner, as its capacity to absorb, withstand, accommodate and recover from hazards. Its definition highlights the physical and social-emotional aspects

Resilience is commonly juxtaposed against elements such as robustness across disciplines. Resilience is the ability of a network to recover and adapt following a disturbance, whereas robustness relates specifically to ability to survive well-known disturbances without large divergence.

Within systems theory, resilient engineering and ecological resilience are the two basic types of resilience.

Engineering resilience is the speed of the return to equilibrium phase following perturbations stresses on efficiency & recovery (speed from minor perturbations) [Cañizares, 2021, p. 15]. Ecological resilience, on the contrary, refers to the extent to which a system can tolerate disturbance before it is able to recover to a fundamentally altered state, involving persistence and the ability to change its behaviour [Nüchter, 2021, p. 7]. This point differs substantially in the case: how systems either survive or evolve under various forms in times of stress is a critical insight. In urban planning, like resilience is framed as a critical way to face future shocks, crises, and transitions. Urban resilience is a discourse whose focus is often defined as the building blocks for establishing structures that inform the way we understand the extent to which urban forms are prepared to sustain their resilience to deterioration and environmental quality change after redevelopment [Nüchter, 2021, p. 5].

Designing a framework for a framework for measuring the urban form resilience assessment of spatial resilience. Urban form resilience assessment framework.

Explicit formulations like this are also not without controversy, especially when it comes to their own potential to be used as forms of neoliberal governmentality, as a vehicle of individualization in risk mitigation, for the individualization of risk mitigation and for depoliticising systematic issues in problem-solving structures. Resilience discourse in policy, for example, however, is occasionally condemned as placing an emphasis on individual responsibility for adjustment to systemic failures and individual-level adaptation rather than root cause-based solutions [Petersen, 2020, p. 19]. Artistic Discursive Forms of Resilience Artistic discursive forms of resilience use metaphors, narratives, visual symbolism, performance, aesthetic mediation in creating a subjectively informed narrative out of resilience and more often than not foreground the lived experience rather than technical criteria. Through these forms, dominant epistemologies are challenged and affective engagement is encouraged, thereby providing alternative ways of knowing resilience. Narrative resilience, for instance, is a compelling style of art, seen across many spheres. The former incarcerated mothers tell their own stories, and reflect on their strength and perseverance in the face of adversity. They focus on coping and belonging [Petersen, 2020, p. 19]. These stories encourage fresh consideration of an understanding of resilience and, as they foreground the power of personal agency, as well as identity construction in the face of harsh circumstances. Likewise, those within communities impacted by major events, like, construct their narrative in ways that shape a new sense of community identity and collective resilience, enabling fear to become a means of dealing with it [Llore, 2024, p. 157]. It provides a form of communicated narrative sense-making (CNSM), helping individuals and groups in a shared storytelling process to enhance resilience together

Devised theatre has been utilised in the creative professions to explore everyday resilience among performing arts students and recent graduates to create everyday ways of developing resilience through the performing arts performance and theatre to explore resilience among students and recent graduates in the arts. How, for example, this engagement with resilience in an applied way, through creative means provides some indication of how people respond to precariousness, as opposed from a discursive analysis within contexts as well as through the embodied production of resilience.

The arts, at its broadest level, serve national resilience strategies, reflecting a “whole of society” mentality, which prioritizes different ways to contribute to general health and resilience and adaptability as important aspects of “a whole of society” [Nowak, 2021, p. 169]. Art pedagogy can also represent a medium of resilience, especially in trauma-informed care. Artistic approaches centred around embodiment and affect and memory disrupt the established narratives of trauma reconfiguring it as a cultural phenomenon and allowing witnessing from survivors.

This method reveals the transformative potential of art to process difficult experiences and heal [Nowak, 2021, p. 169]. Poetry, for example, becomes a mechanism for survivable resistance, an allusive and suggestive language to bring marginalized voices back into the public conversation

In general, explicit discursive models of resilience are quantitatively structured assessments and policy tools for assessment; whilst artistic forms of resilience represent thick, subjective descriptions of lived experience, which provide emotional connection and challenge dominant interpretations. Both are necessary for a comprehensive and nuanced understanding of resilience in all its forms.

References

Cañizares J. C. Making sense of resilience / J.C. Cañizares, S.M. Copeland, N. Doorn // Sustainability. – 2021. – №13 (15). – P. 8538.

Catau Veres D. Resilience, a key interdisciplinary concept in contemporary media and scientific discourse // European Journal of Law and Public Administration. – 2021. – № 8 (2). – P. 109-117.

Lloret F. ORF, an operational framework to measure resilience in social-ecological systems: The forest case study / F. Lloret, P. Hurtado, J. M. Espelta, L. Jaime, L. Nikinmaa, M. Lindner, J. Martínez-Vilalta // Sustainability Science. – 2024. – № 19(5). – P. 1579-1593.

Nowak R.O. Communicating for business resilience // Journal of Business Continuity & Emergency Planning. – 2021. – № 14 (4). – P. 369-377.

Nüchter V. The concept of resilience in recent sustainability research / V. Nüchter, D.J. Abson, H. von Wehrden, J.-O. Engler // Sustainability. – 2021. № 13 (5). – P. 2735.

Petersen L. Who cares what it means? Practical reasons for using the word resilience with critical infrastructure operators / L. Petersen, D. Lange, M. Theodoridou // Reliability Engineering & System Safety. – 2020. – № 199. – P. 106872.

ЯВНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМЫ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОСТИ

*Исроилова Огиллой Исроил кизи,
аспирантка Каршинского государственного университета,
г. Карши, Узбекистан*

Аннотация. В данной статье анализируются эксплицитные и художественные формы дискурса, связанные с понятием «резильентность». Эксплицитный дискурс дает научные и четкие определения, в то время как художественный дискурс раскрывает это понятие через призму человеческих эмоций. Обе формы дополняют друг друга в обществе и культуре.

Ключевые слова: резильентность, понятие, эксплицитный дискурс, художественный дискурс, социальная психология, литература, стрессоустойчивость, психика, культура, добродетель.

MOTHERHOOD IN MODERN ENGLISH AND UZBEK LITERATURE: TRENDS OF IDEALIZATION AND PROBLEMATIZATION

*Khashimova Jeren Beshim kizi,
Independent Researcher, Freelance Editor*

Abstract. In many literary traditions, motherhood has historically been connected to selflessness, emotional commitment, and moral purity. However, by portraying motherhood as a complicated, socially constructed, and frequently conflicting experience, modern literature increasingly contradicts this idealized view. The idealization and problematization of motherhood are two prevalent themes in contemporary English and Uzbek literature that are examined in this

essay. The study shows that motherhood is a dynamic phenomenon influenced by cultural expectations, psychological dynamics, and social institutions rather than a fixed moral category through a comparison of D. H. Lawrence's "Mother and Daughter" and O'tkir Hoshimov's (Otkir Hoshimov) "Dunyoning ishlari". The results show that motherhood serves as a site of constraint, tension, and identity conflict in addition to being a source of ethical meaning.

Key words: motherhood, literary representation, idealization, problematization, maternal identity, social construct, gender discourse.

Introduction

Both Uzbek and English literary traditions lay a strong emphasis on the image of the mother. Motherhood has always been linked to patience, moral fortitude, and unconditional love. The mother is frequently portrayed in this conventional paradigm as a stabilizing influence that upholds family values and guarantees emotional continuity.

But this fixed and idealized image is being challenged more and more in contemporary writing. Contemporary writers examine the paradoxes, conflicts, and complexity of motherhood rather than portraying it as an entirely natural or universally favorable function. This transition is a reflection of greater cultural and social shifts, especially with regard to gender roles, identity, and personal autonomy.

Motherhood can no longer be viewed as purely a biological or emotional experience in this perspective. It becomes a socially constructed role that is influenced by power dynamics, conventions, and expectations. With a focus on a few English and Uzbek literary pieces, this study explores how motherhood is portrayed through two related tendencies: idealization and problematization [Beauvoir, 2011, p. 45].

Theoretical Structure: The Social Construct of Motherhood

Moving beyond solely emotional readings and taking into account its social dimension is essential to comprehending the change of motherhood in literature. Literary and cultural studies indicate that motherhood is greatly influenced by societal expectations and ideological frameworks, despite the fact that it is frequently seen as instinctive and natural. The idea that motherhood is a social construct suggests that gender roles, cultural standards, and economic circumstances all have an impact on a mother's identity.

Women are required to exhibit traits like altruism, patience, and emotional fortitude in many countries. These expectations create what is known as maternal discourse, a set of ideas that define what it means to be a "good mother". Motherhood is often perceived as a natural instinct; however, modern theory suggests that it is shaped by cultural expectations and social norms [Rich, 1995, p. 28] that, define what a "good mother" should be [Stone, 2018, p. 47]. However, this discourse may also lead to constraints and pressure. Women may face discrimination or judgment if they don't live up to these standards. As a result, parenthood becomes both a socially controlled position and a personal experience. This viewpoint enables literature to critically analyze parenting, exposing conflicts between personal identity and social expectations.

Motherhood's Problematization: Emotional Dependency and Restraint

Modern literature's troubling portrayal of mothers extends beyond violence and neglect. The figure of the overattached mother is a more nuanced and psychologically complicated form. Motherhood is depicted in D.H. Lawrence's *Mother and Daughter* as an emotional constraint rather than a source of support. Over time, the mother's strong bond with her daughter turns into a restricting factor that keeps the youngster from being self-sufficient [Lawrence, 2005, p. 52]. Maternal proximity turns into a control mechanism rather than one that promotes autonomy.

From a psychological standpoint, this situation can be seen as emotional entanglement, in which the lines separating mother and child become hazy. The child is now viewed as an extension of the mother's individuality rather than as a separate person. The development of personal autonomy, which is crucial for psychological growth, is disrupted as a result.

In addition, the mother reflects her unmet desires onto her daughter. She tries to mold the child to fit her own expectations rather than acknowledging her as a distinct topic. As a result, the

mother's influence limits the daughter's identity. The daughter's struggle is not openly expressed, yet it is evident in her inability to form an independent sense of self, suggesting a silent psychological conflict shaped by maternal dominance [Lawrence, 2005, p. 67].

A significant paradox is highlighted by Lawrence's portrayal: maternal love can become restricting rather than supporting when it intensifies into emotional dependency. This shows that excessive emotional attachment itself can impede human development; motherhood need not be openly cruel to become detrimental.

Idealization of Motherhood: Moral Strength and Emotional Stability

In contrast to such problematic representations, Uzbek literature often preserves a more stable and ethically elevated image of motherhood. This tendency is clearly reflected in O. Hoshimov's "Dunyoning ishlari" [Hoshimov, 2005, b. 78].

In this work, the mother figure is not presented through dramatic events, but through everyday life. Her strength is expressed in small, consistent acts of care, patience, and emotional sensitivity. She does not impose control or demand recognition; instead, she supports, understands, and nurtures.

What makes this portrayal significant is that the mother's authority is moral rather than dominant. She influences others not through power, but through compassion and inner strength. Her presence creates a sense of emotional security and ethical clarity within the family.

At a deeper level, Hoshimov's mother represents a cultural model in which motherhood is associated with dignity, endurance, and quiet sacrifice. However, this idealization is not superficial. It is grounded in lived experience. The mother's strength emerges through hardship, not in the absence of it [Hoshimov, 2005, b. 102].

Unlike the restrictive maternal relationship in Lawrence's work, where emotional closeness leads to limitation, Hoshimov presents motherhood as a supportive and liberating force. The child's identity is not suppressed, but gently guided and shaped. The mother figure in Hoshimov's narrative does not merely provide care, but actively shapes the moral and emotional framework of the child's personality.

Thus, motherhood here functions not as a site of control, but as a source of moral development and emotional balance.

Motherhood as Identity Formation

Motherhood is essential for both the development of one's identity and emotional growth. One of the main environments where personality, values, and self-perception are formed is the mother-child bond [Rich, 1995, p. 91]. In this way, parenting can be viewed as a molding force that shapes a person's self-perception and worldview.

From a psychological standpoint, a healthy mother-child bond promotes the child's independence while offering emotional stability. However, motherhood can become a restricting rather than an assisting force if this equilibrium is upset. Therefore, the degree of maternal influence impacts whether the child grows up to be an independent subject or continues to rely on approval from others.

This relationship is most evident in "Mother and Daughter" by D.H. Lawrence, where the daughter's self-formation is hampered by the mother's overly intense emotional involvement. The mother's expectations influence and limit the daughter's identity rather than allowing it to develop organically. The infant thus finds it difficult to build a distinct sense of identity, underscoring the detrimental effects of excessive attachment on identity formation.

O. Hoshimov's "Dunyoning ishlari", on the other hand, offers an alternative paradigm of maternal influence. In this case, the mother makes a positive and encouraging contribution to the development of identity. She offers direction, emotional support, and moral advice instead of imposing control. The child's personality is formed by example rather than by coercion. Both independence and ethical consciousness can grow as a result.

Therefore, in the process of developing one's identity, mom can serve as both a formative and a restricting force. Self-realization can be aided by a strong maternal relationship, but it can also be hampered by an unbalanced one. By offering these opposing models, literature

demonstrates that a mother's duty goes beyond providing care and safety; it directly influences a person's capacity to develop into an independent and self-aware adult [Stone, 2018, p. 50].

Comparative perspective

When it comes to contemporary writing, it is not possible to understand motherhood as a concept that is either fixed or simply ideal. In contrast to the conventional portrayals, which place a focus on care, sacrifice, and moral courage, the contemporary works shed light on the concept's internal flaws as well as the social aspects that constitute it.

In addition to being formed by emotional ties, motherhood is also formed by societal expectations and psychological dynamics. This is illustrated by the fact that the concept of motherhood presents both idealization and problematization simultaneously. It is possible for it to serve both as a source of support and as a framework that restricts the autonomy of certain individuals [Karimov, 2021, p. 36].

At the time of, literary works published in English and Uzbek are compared, it becomes clear that motherhood is a phenomenon that is constantly evolving and possesses a wide variety of facets [Karimov, 2021, p. 36]. While Lawrence focuses on the psychological tension within the mother-child relationship, Hoshimov emphasizes harmony and moral continuity, reflecting differing cultural attitudes toward motherhood. As a result of simultaneously reflecting ethical ideals and social realities, it sheds light on the complexities of human connections.

At the end of the day, contemporary literature does not reject the relevance of motherhood within its pages. It reimagines it as a location where love, identity, and societal influence meet, thereby transforming it into one of the most intricate and profound inventions in the field of literary debate. Consequently, it is one of the most important works of literature.

Conclusion

It is not possible to comprehend motherhood in contemporary literature as a concept that is either fixed or simply ideal. The contemporary texts expose the internal inconsistencies and social facets of the concept, in contrast to the traditional portrayals, which place an emphasis on care, sacrifice, and moral courage. In addition to being created by emotional attachments, motherhood is also shaped by societal expectations and psychological dynamics, as demonstrated by the coexistence of idealization and problematization in the concept of motherhood. It can function both as a source of support and as a structure that limits individual autonomy.

The comparison of literary works written in English and Uzbek indicates that motherhood is a phenomenon that is always changing and has many different aspects. It reveals the complexity of human connections by reflecting both ethical standards and social realities at the same time.

In the end, contemporary literature does not deny the significance of motherhood inside its pages. Instead, it reimagines it as a place where love, identity, and social influence meet, so transforming it into one of the most intricate and significant creations in the realm of literary discourse.

References

- Beauvoir S. de. *The Second Sex*. – New York: Vintage Books, 2011. – 800 p.
- Hoshimov O'. *Dunyoning ishlari*. – Toshkent: Sharq, 2005. – 240 b.
- Karimov B. Zamonaviy o'zbek nasrida ayol obrazi talqini // *Adabiyotshunoslik tadqiqotlari*. – 2021. – №2. – B. 34–40.
- Lawrence D.H. *Mother and Daughter*. – London: Cambridge University Press, 2005. – 120 p.
- Rich A. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. – New York: W.W. Norton & Company, 1995. – 320 p.
- Stone L. *Motherhood and Identity in Contemporary Literature* // *Journal of Literary Studies*. – 2018. – Vol. 12. – P. 45–53.

МАТЕРИНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТЕНДЕНЦИИ ИДЕАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ

Хашимова Жерен Бешим кизи,
независимый исследователь, редактор-фрилансер

Аннотация. Во многих литературных традициях материнство исторически связывалось с самоотверженностью, эмоциональной преданностью и нравственной чистотой. Однако современная литература всё чаще оспаривает этот идеализированный взгляд, представляя материнство как сложный, социально сконструированный и зачастую противоречивый опыт. В данной статье рассматриваются две ключевые тенденции современной английской и узбекской литературы – идеализация и проблематизация материнства. На основе сравнительного анализа произведений Д. Х. Лоуренса «Мать и дочь» (*Mother and Daughter*) и Откира Хошимова «Дела этого мира» (*Dunyoning ishlari*) показано, что материнство представляет собой динамическое явление, формируемое культурными ожиданиями, психологическими факторами и социальными институтами, а не фиксированную моральную категорию. Результаты исследования демонстрируют, что материнство выступает не только источником нравственных ценностей, но и пространством напряжения, ограничений и конфликта идентичности.

Ключевые слова: материнство, литературное представление, идеализация, проблематизация, материнская идентичность, социальная конструкция, гендерный дискурс.

INTERPRETATION OF ANTHROPONOMICAL CONSTRUCTS IN THE NOVELS OF CHARLES DICKENS AS A TOOL OF SATIRE ON SOCIAL VICIES

Khomenko Tatyana Maksimovna,
*Masters' Student, Faculty of Foreign Languages,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,*
Shemaeva Elena Viktorovna,
*PhD in Philological sciences,
Associate Professor of Foreign Languages Department,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. This article examines the role of anthroponymic constructs in Charles Dickens's novels as a tool for satirically exposing the vices of Victorian England. The study analyzes the author's key works – "Oliver Twist," "Great Expectations," and "Bleak House" – to identify patterns in character naming that serve not only a nominative but also characterizing, evaluative, and socio-diagnostic function. Attention is given to interpreting anthroponyms as markers of social affiliation, moral qualities, and typical traits of representatives from various strata of Victorian society.

Key words: Charles Dickens, anthroponymic constructs, speaking names, satire, social vices, Victorian England, interpretation.

The works of Charles Dickens (1812–1870) represent a unique phenomenon in the history of world literature, where profound social analysis seamlessly blends with vivid artistic expressiveness. Having gained firsthand experience as a clerk in law offices and a parliamentary reporter, the writer emerged as one of the most perceptive critics of Victorian England's public institutions. His novels are not merely captivating narratives of characters' fates but also an extended social diagnosis, artfully shaped into a literary statement.

One of the most important tools of Dickensian satire is represented by anthroponymic constructs - names and surnames of characters that carry profound semantic implications. Charles Dickens diagnoses not individual flaws but the systemic ills of society, employing anthroponymic

constructs to delineate specific characteristics. As A.V. Kushnareva observes, the deployment and analysis of anthroponyms reveal the distinctive cultural worldview embedded in a given literary text: "The analysis of anthroponyms and precedent names in public practice allows us to represent the range of realities relevant to that era, which may evolve over time. Thus, proper names become condensers of a society's cultural information. The emotional characterization and pragmatic orientation of a name complement its linguistic status with a cultural component, transforming the anthroponym into an active linguistic unit of ethnic community" [Kushnareva, 2022, p. 149].

According to T.S.Z. Chyong, anthroponyms embody the reception of the worldview through proper names, which encapsulate sociolinguistic and cultural dimensions: "The semantics of a proper name reflects linguaculture, as the fixation of an ethnos's experience, its conceptions of the world, and stages of cultural development are embedded in language. This linguistic property reflects both the stage of experiencing specific events and serves as a means of transmitting information to new generations" [CHyong, 2024, p. 192]. M.O. Maksimov argues that understanding anthroponymic constructs reveals the distinctiveness of a specific onomastic worldview, through whose substantive aspects complex semantic motifs can be identified: "An emphasis on surnames in a given text allows us to view the transmission/reception of information in oral or written form as a special type of speech communication act, or what might be termed an onomastic speech situation" [Maksimov, 2016, p. 66]. D.A. Onikov posits that the anthroponymic constructs traceable in Charles Dickens's works express the national worldview of the English, enabling the depiction of distinctive cognitive and cultural modes of comprehending society: "Charles Dickens, the world-renowned writer, talented journalist, and publisher of popular magazines, became a living classic during his lifetime. One cannot overlook his influence on the national self-consciousness of the English and, consequently, on the phenomenon of so-called 'Englishness.' There are virtually no studies examining the issue of characterizing the national character of the Victorian period through the prism of the great novelist's cultural legacy" [Onikov, 2019, p. 5].

According to N.M. Makhmudova, the relevance of studying Charles Dickens's works persists in contemporary literary scholarship, manifested in the multidimensionality and psychological aspects of his artistic creations: "despite the multifaceted literary-critical paradigm of Dickens's oeuvre, scholars of the 21st century successfully focus on the details of the writer's artistic works and uncover new, unpolished facets that emerge against the backdrop of contemporary literary thought as a whole" [Mahmudova, 2017, p. 8]. Therefore, examining the distinctive features of anthroponymic constructs in Dickens's works constitutes a productive emotive space for delineating linguistic concepts.

It should be noted that anthroponymic constructs in a literary work perform several functions:

- nominative;
- characterizing;
- evaluative;
- symbolic.

In Charles Dickens's artistic works, these identified functions operate at maximum capacity, generating a multilayered semantics of the name. The semantic potential of the name is realized through a mismatch between its sound and meaning, the character's authentic essence, or through direct indication of a dominant trait, constituting grotesque exaggeration. Dickens actively employs both techniques, crafting memorable images that transcend the individual work and become proverbial. The characters in Dickens's novels are archetypal, enabling critique of society as a whole and the revelation of various social characteristics.

Let us examine specific examples of anthroponymic constructs in Charles Dickens's novels, employed as instruments for satirically ridiculing social vices. In *Oliver Twist*, these constructs play a pivotal role in denouncing the workhouse system, grounded in Thomas Malthus's principles. Mr. Bumble – the parish beadle and low-ranking official – emerges as a symbol of bureaucratic cruelty. The surname Bumble (from English to bumble – to act clumsily, blunder, or

mutter) signals his limitations and smug self-satisfaction. His comical image illustrates how even minor authority over the powerless inflates conceit and engenders mindless adherence to the letter of regulations, devoid of mercy. The famous phrase "the law is a donkey" encapsulates Dickens's critique of the Victorian legal system [Dickens, 2004, p. 356].

In the novel *Bleak House* (1852), which critiques the decay of the judicial system, anthroponyms acquire increasingly expressive semantics. The title itself – *Bleak House* – sets the narrative tone. The Chancery court, handling inheritance cases, is embodied through its grotesque officials. Mr. Tulkinghorn (from "talking" and "horn") is a lawyer whose profession hinges on manipulating words; his surname evocatively underscores his traits, highlighting the destructive power of eloquence aimed not at truth but at obfuscating legal proceedings. Meanwhile, Mr. Guppy (from English guppy, a small fish) is marked by a surname that sounds absurd and comical, aligning with his minor role in the judicial hierarchy.

A central and most renowned satirical image in Charles Dickens's oeuvre is the "Circumlocution Office" from the novel *Little Dorrit* (1855–1857). The department's very name – "Circumlocution" (circumlocution, verbosity, evasion) – has become proverbial for denoting the bureaucratic machinery of English society at the time. Its motto was encapsulated in the phrase: "How not to do it" [Dickens, 2011, c. 273]. Dickens emphasized that this office existed "to teach the whole world how not to do it- and to do nothing" [Dickens, 2011, p. 278]. The Barnacle family in *Little Dorrit* embodies a clan that has monopolized all managerial positions in the department, epitomizing caste-like insularity. The surname Barnacles literally means "barnacles" (shellfish), figuratively denoting a clingy, burdensome person. It signifies the family's ability to adapt parasitically to any bureaucratic conditions, thriving at society's expense without contributing value.

Thus, in *Little Dorrit*, Dickens delivers a direct critique of the patronage system, where positions are allocated not by merit but by connections. The images of the family and office were inspired by the British army's failures in the Crimean War (1853–1856), which exposed glaring inefficiencies and corruption in military funding. Anthroponymic constructs here forge a grotesque portrayal of an unproductive yet lucrative bureaucracy.

In Charles Dickens's novel *Great Expectations* (1861), a deliberate shift from philanthropy as a reliable remedy for society's social ills is evident. Here, anthroponymic constructs gain particular complexity, as the narrative unfolds from the first-person perspective of the protagonist Pip (Philip Pirrip, shortened to Pip). The name "Pip" translates from English as "seed," or "kernel", signifying his initial smallness and insignificance - from which he seeks to grow into a true gentleman. In *Great Expectations*, distinguishing between the author's voice and the narrators proves challenging within the satirical narratives. The depiction of Mrs. Pocket raises the question of who truly speaks - Pip or Dickens himself. The protagonist recounts how Mrs. Pocket's father acquired nobility, laced with irony and satirical mockery. It remains ambiguous whether this critique stems from Pip, whose social position is akin, or directly from the author.

The analysis leads to the conclusion that anthroponymic constructs are a vital element of Charles Dickens's satirical poetics. Character names transcend mere nominative function, becoming "condensed characterizations" that enable readers to instantly grasp the author's evaluative stance and social commentary. Dickens employs realizations of the following functional aspects in his novels:

- 1) Socio-diagnostic appraisal of society – through names of bureaucrats (Tulkinghorn, Barnacle, Bumble), the writer exposes flaws in the state apparatus;
- 2) Moral evaluation – names of hypocrites and virtuous heroes carry direct ethical weight;
- 3) Typification – Dickens's characters become proverbial precisely due to the potency of their names;
- 4) Grotesque effect – disparity between a name's "noble" sound and the character's base essence amplifies the satirical thrust.

Thus, the research confirms that anthroponymic constructs are not merely auxiliary means of character portrayal but one of the key elements of Dickensian satirical poetics. Through his

characters' names, Charles Dickens conducts profound social analysis, scrutinizing the vices of Victorian England's societal system. The timeless relevance of Dickens's oeuvre is largely attributable to the depth of this social critique, wherein anthroponymic constructs serve as precise and expressive instruments.

References

CHyong T.S.H. Antroponim kak vyrazitel' yazykovoj kartiny mira // Korpus Sovremennyh Modelej i Kodov russkogo yazyka: sbornik nauchnyh statej (Moskva 4 oktyabrya 2024 g.) – Moskva: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2024. – S. 192-196.

Dikkens CH. Bol'shie nadezhdy: roman [per. s angl. M. Lorie]. – Moskva: TERRA, 2004. – 525 s. – ISBN: 978-5-17-096334-8.

Dikkens CH. Holodnyj dom: roman [per. s angl. M. I. Klyaginoj-Kondrat'evoj]. – Moskva: AST, 2011. – 1023 s. – ISBN: 978-5-17-074902-7.

Dikkens CH. Kroshka Dorrit: roman [per. s angl. E. Kalashnikova]. – Moskva: Detskaya literatura, 1986. – 735 s.

Kushnareva A.V. Antroponimicheskaya sostavlyayushchaya neoparemij // Teoriya i praktika yazykovoj kommunikacii: Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii (Ufa, 23-24 iyunya 2022 g.) / otv. red.: Rogozhnikova T.M. – Ufa: Ufimskij gosudarstvennyj aviacionnyj tekhnicheskij universitet, 2022. – S. 148-153.

Mahmudova N.A. Aktual'nost' hudozhestvennogo naslediya CHarl'za Dikkensa v XXI veke // XIII Vinogradovskie chteniya: Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Tashkent, 4 maya 2017 g.) / otv. red.: Mirkurbanov N.M. – Tashkent: Ural'skij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet, 2017. – S. 140-142.

Maksimov V.O. Novyj vzglyad na variativnost' antroponimov i komponentnaya struktura antroponima-teksta (na primere russkih familij) // Onomastika Povolzh'ya: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Arzamas, 13-16 sentyabrya 2016 g.) / otv. red.: Klimkova L.A., Suprun V.I. – Arzamas: ООО «Интерконтакт», 2016. – S. 66-69.

Onikov D.A. YAzykovye sredstva reprezentacii nacional'nogo anglijskogo haraktera (na primere proizvedenij CH. Dikkensa) // Forum molodyh uchenyh. – 2019. – T.29. – №1-2. – С. 1140-1148.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В РОМАНАХ Ч. ДИККЕНСА КАК ИНСТРУМЕНТА САТИРЫ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРОКИ

Хоменко Татьяна Максимовна,

*магистрант факультета иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,*

Шемаева Елена Викторовна,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков педагогического института Белгородского
государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье исследуется роль антропонимических конструкций в содержании романов Ч. Диккенса как средства сатирического обличения пороков викторианской Англии. В работе анализируются ключевые произведения писателя – «Оливер Твист», «Большие ожидания», «Холодный дом», что позволяет выявить закономерности в создании имен персонажей, выполняющий не только номинативную, но оценочную и социально-диагностическую функцию. Особое внимание уделяется интерпретации антропонимов как маркеров социальной принадлежности, моральных качеств и типичных черт представителей различных слоев викторианского общества.

Ключевые слова: Чарльз Диккенс, антропонимические конструкты, говорящие имена, сатира, социальные пороки, викторианская Англия, интерпретация.

SOMATIC CONCEPTS AND THEIR ROLE IN PHRASEOLOGICAL UNITS

Zokirova Dilsora Zokhiddin kizi,

English teacher,

Karshi State University, Karshi, Uzbekistan

Abstract. In this article we refer to idiomatic expressions that include human body parts, called somatic phraseological units (SPUs). It investigates their importance in representing how bodily experience shapes thought and cultural values. The study uses SPUs across different languages and cultures as a cultural prism through which both universal conceptual patterns and language-specific cultural expressions are illuminated. It also discusses the challenges involved in translating these culturally rich expressions while preserving their intended meanings.

Key words: Somatic phraseological units, body-related idioms, cognitive linguistics, cultural semantics, cross-linguistic analysis, translation studies.

The connection between human bodily experience and language is central to cognitive linguistics and ethnolinguistics. Somatic phraseological units (SPUs), known as somatisms, are idiomatic expressions that include references to body parts (e.g., "head," "heart," "hand," "eye"). Although phraseological units exist to convey meaning (they do much more than represent physical objects), they serve as cognitive and cultural bridges linking human physiology and thought processes, as well as their relationships to social value systems [Karimova, 2024, p. 328]. As one of the oldest and most common types of phraseology, SPUs are fundamental in expressing national consciousness, ethnic mentality, and cultural identity. The head often represents intellect, the heart reflects emotions, and "hands" denote activity and craftsmanship [Karimova, 2024, p. 328].

Cognitive underpinnings of SPUs. Cognitive linguistics emphasizes that abstract human thought arises from concrete bodily experience that manifests itself in the metaphorical and metonymic construction of language [Xolboyeva, 2025, p. 378]. Conceptual metaphors like 'Fear is a physical force'/'Heart is the seat of emotions' form the foundation of many SPUs in different types of languages. Studies in Serbian and German have shown how somatisms in the semantic space of fear are treated through the lens of conceptual metaphor theory. Similarly, etymological and linguistic studies on synonyms like the matches between "smile" and Uzbek "tabassum" suggest that there were underlying conceptual networks at play [Xolboyeva, 2025, p. 378].

Somatic phraseological units (SPUs) in Uzbek. In Uzbek studies, intensive research has been conducted on the national-cultural specificities of. Somatic terms "yuz", "bosh", "qo'l", and "ko'z" (eye etc.) show cultural peculiarities as they are compared to corresponding somatic term units of English and Russian. Cross-referencing indicates that universality (i.e., head as a popular expression for intelligence) and specific cultural semantic differences exist simultaneously [Nazarova, 2024, p. 14]. In fact, Uzbek and English phraseological units of words that use "head" show many similarities in conceptual metaphors, while also showing differences in cultural aspects, for instance. SPUs are structured as word-based units based on various layers of meaning; connotative and denotative (literal). Metaphor and metonymy help us to elucidate the semantic complexity of SPUs. Literary interpretations and interpretations of somatic nouns: in the field of texts, they are metaphorical. Historical and folkloric texts similarly contribute to our work in processing these SPUs; for instance, bodily elements in Yusuf Khos Hojib's "Qutadg'u Bilig" and Karakalpak folk proverbs as examples of functional, vivid, and emotive communicative tools [Nazarova, 2024, p. 14].

Functional and Cultural Reflection. Unit types reflect universal and culture-specific cultural factors. Karachay-Balkar somatism “baur” (liver) is one such example that demonstrates how SPUs constitute nationally distinctive phraseological usage [Xolboyeva, 2025, p. 378]. The bodily functions linked to specific organs of the body and body parts create metaphorical imagery that enriches language as it relates to expression. Such visual imagery provides the cognitive foundation for abstract ideas articulated through concrete bodily metaphors. Language Culture and Translation Phraseological units themselves embody very important cultural codes representative of a nation's perspective, drawing attention to the interconnectedness of language and culture [Karimova, 2024, p. 329]. Linguistic culturology provides a way of dissecting the development phase of these units. Translating somatic phraseological units is a difficult matter, as the pragmatic equivalence must retain historical and cultural meanings ingrained. These challenges stem from socio-cultural disparities between source and target languages, highlighting the inherent cultural influence of SPUs [Batyrkhanova, 2024, p. 34].

Cross-linguistic and Ethnolinguistic. This research into somatisms – expressions and metaphors derived from the human body – in the languages Russian, Chuvash, Kyrgyz, and Arabic shows how languages reflect the essence of ourselves as humans as a whole, as people with human cognition and their own cultural values. Somatic metaphors in a language are used as linguistic world models, as well as decorative linguistic devices. These models help the speakers conceptualize, interpret and express their reality.

Some somatic metaphors of universal human activity, in all of these diverse languages, are rooted in our bodily being. Expressions that involve the heart, head or hands are not uncommon, representing emotions, intellect or action respectively, confirming a shared cognitive ground for the cognitive concept of metaphor. That such universality attests us to another aspect of human embodied cognition which transcends all geographical and cultural boundaries.

While each language does have separate phraseological characteristics it also has specific historical, cultural and social factors in the way that a phrase will be used. In Russian, for example, metaphors with the “soul” may speak of more complex spiritual or moral aspects that have been influenced by Eastern Orthodox traditions. In Chuvash and Kyrgyz, somatic metaphors could draw from Turkic cultural heritage and nomadic lifestyles, instilling values like hospitality, honor or collective kinship. Arabic somatisms, in contrast, tend to include layers of poetic and religious language, as the interplay between the body, the language, and sacredness is far more pronounced.

Somatic phraseological units (SPUs) form vital and complex links in the interrelationship among language, cognition, and culture. These units, being of biological meaning, are in many ways a mirror of how humans are seeing, understanding and feeling their environment. This kind of study of SPUs opens us up to the intricate ways in which human embodiment - our bodily experience - affects linguistic expression and cultural presentation in different linguistic communities. Since somatic metaphors and idiomatic expressions are universal elements in human communication, they are used in languages like Uzbek, English, Russian, German, and many others.

An analysis of SPUs reveals substantial information about the principles by which cognition processes speech/text, such as the ways in which bodily experiences influence conceptual metaphors and phraseological patterns. As such, these linguistic units do not just form ornamental aspects of spoken language; they represent socio-cultural perspectives, values, and cultural ways, and are thus agents of collective cultural memory. Via SPUs, speakers transmit the generational knowledge, social attitudes, and emotional subtleties within a society's historical and social context.

References

Batyrkhanova M. The somatic cultural codes in the study of english, russian and uzbek phraseologisms // Actual Problems of Humanities and Social Sciences. – 2024. – № 4 (4). – P. 235-244.

Karimova O. Linguopragmatic study of phraseological units with a somatic component in english and uzbek languages // Actual Problems of Humanities and Social Sciences. – 2024. – Vol. 4. – № 4 (S/9). – P. 327-338.

Xolboyeva I. Somatik komponentli proverbial frazeologizmlarda ekvivalentlik masalasi // Actual Problems of Humanities and Social Sciences. – 2025. – № 5 (2). – P. 374-378.

Ziyoda N. (2024). Phraseological units with somatic components // American Journal of Philological Sciences. – 2024. – № 4 (4). – P. 13-16.

СОМАТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И ИХ РОЛЬ В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

*Зокирова Дильсора Зохиiddиновна,
преподаватель английского языка,*

Каршинский государственный университет, г. Карши, Узбекистан

Аннотация. В данной статье рассматриваются фразеологические единицы, включающие части тела – соматические фразеологизмы. Исследование иллюстрирует, как телесный опыт влияет на мышление и культурные представления. Анализ соматических фразеологических выражений на нескольких языках выявляет универсальные концептуальные модели и особенности национальной языковой картины мира. Особое внимание уделяется трудностям, возникающим при переводе таких культурно насыщенных выражений.

Ключевые слова: соматические фразеологические единицы, идиомы с образами тела, когнитивная лингвистика, культурная семантика, межъязыковой анализ, переводоведение.

ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИСКУРСА И НЕЙРОДИСКУРСА

ИНДИКАТОРЫ ДРАМАТУРГИЧНОСТИ ДИСКУРСА

*Белошицкая Наталия Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка
Северного (Арктического) федерального университета,
г. Архангельск, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются индикаторы драматургичности дискурса на примере жанров обиходного дискурса. Предлагается два подхода к определению понятия драматургичности дискурса. Фокус исследовательского внимания сосредоточен на узком понимании этого феномена. Классификация индикаторов драматургичности дискурса включает семантические, стилистические и прагматические индикаторы. Аналитический инструментальный синтезирует подходы прагмалингвистики, дискурс анализа и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: драматургичность дискурса, семантический индикатор, стилистический индикатор, прагматический индикатор, самопрезентация, тональность, интерпретативная рамка.

Предметом анализа в рамках данной статьи являются индикаторы драматургичности дискурса. Можно выделить два подхода к определению феномена драматургичности – широкий, предполагающий предзаданность ролевого исполнения социальных партий самой структурой социальных отношений и узкий, выдвигающий намеренное режиссирование субъектом дискурса своего речевого поведения. Первый подход восходит к концепции социальной драматургии Ирвинга Гофмана [Гофман, 2000]. Канадский социолог предложил аналитическую модель социальной интеракции исходя из допущений о доминирующем влиянии параметров ситуации на выбор стратегий сохранения и поддержания социального лица и об исчерпывающем числе возможных поведенческих паттернов в организации ритуала взаимодействия. Согласно этому подходу, субъект не может не исполнять роль, находясь на авансцене социальной интеракции (передний план исполнения по И. Гофману). Второй подход фокусируется на намеренности действий субъекта, нарочитости, стратегической планируемости речевого поведения. Методологическим основанием моделирования дискурса в аспекте драматургичности в рамках более узкого подхода служат презентационная теория дискурса А.В. Олянича [Олянич, 2004], работы В.И. Карасика [Карасик, 2021; 2022], посвященные дискурсивной эмблематике и дискурсивному самовыражению личности, исследование перформанса в речевом поведении в работах С.Н. Плотниковой [Плотникова, 2018], концепция не прямой коммуникации В.В. Дементьева [Дементьев, 2006]. Именно второй подход позволяет, на наш взгляд, проследить динамику конструирования дискурса в аспекте драматургичности – выявить стратегичную природу дискурсообразующей деятельности субъекта и определить индикаторы драматургичности, что, в свою очередь, создаст условия для определения типологии драматургичности.

Принимая аналитическую перспективу узкого подхода к феномену драматургичности дискурса, основными конститутивными признаками этого феномена признаем следующие – перформативность, агентивность, градуированность. Концептуальным основанием драматургичности дискурса является дихотомия искренность/ неискренность [Белошицкая, 2025].

Моделирование дискурса с позиции драматургичности синтезирует аналитические подходы прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики. Прагмалингвистический, семантический и дискурс-анализ выступают основными методами выявления индикаторов драматургичности. Классификация индикаторов включает семантические, прагматические и стилистические [Белошицкая, 2026].

Семантические индикаторы (СИ) фиксируют тематическую отнесенность речевых действий субъекта, и именно эта группа индикаторов маркирует самопрезентацию субъекта – отношение к себе, к адресату речевого действия, к объектам обсуждения или другим параметрам коммуникативной ситуации. Стоит упомянуть, что самопрезентация как основная стратегия драматургичности конструирования дискурса соотносится с самовыражением субъекта, которое может носить намеренный и спонтанный характер [Карасик, 2022]. К СИ драматургичности относятся языковые единицы разных уровней и композиционной сложности. Это могут быть «дискурсивные эмблемы личности» [Карасик, 2021, с. 225] – выражения, выдающие профессиональную или статусную принадлежность. СИ находят выражение, например, в виде конкретных лексических единиц (в том числе яркого оценочного характера), клишированных фраз, оборотов речи, прецедентных текстов (в том числе пословиц, поговорок, цитат), средств выражения модальности как маркера личностных характеристик говорящего (например, хеджинги). Стоит отметить, что использование тех или СИ может быть продиктовано дискурсивно-жанровыми нормами и ожиданиями.

В условиях обиходного дискурса риторические жанры наглядно демонстрируют разнообразие средств реализации драматургичности. В статье представлены жанры обиходного дискурса на примерах текстовых отрывков из Национального корпуса русского языка [НКРЯ, 2025].

В качестве примеров СИ приведем выражение «в таком тоне» (см. подробнее [Белошицкая, 2024]), модель «я как человек + определение», хеджинговые образования «как бы это сказать».

Пример 1. *Дошел до этой высоковольтной линии, встал, развернулся, на меня посмотрел и перешел на другую сторону дороги, и повернулся ко мне лицом. Ну, я как человек взрослый, мужчина, я не струсил, конечно, этого дела. (...) Осмотрел его* (Ботев. Кот Шредингера) [НКРЯ, 2025].

В примере 1 СИ «Я как человек взрослый» транслирует самопрезентацию субъекта дискурса в жанровых рамках рассказа.

Пример 2. *За что же ее? Сама, Коля. В том-то все и дело, что сама. Прекрасные девушки, насколько мне известно, редко идут на столь крайние меры. У них всегда есть несколько запасных выходов, жизнь великодушна к прекрасным девушкам, если они не очень капризны. Очевидно, были крайние обстоятельства, – Демин любил разговаривать с Кувакиным, слушать его житейские мудрости* (Пронин. Самоубийство) [НКРЯ, 2025].

В примере 2 беседа коллег конструируется в ироничной тональности, приобретая характеристики разговора по душам, что становится возможным с учетом более широкого экстралингвистического контекста многолетней совместной работы и разделяемых ценностных устремлений субъектов. Эти параметры создают интерпретативную рамку, направляющую вектор понимания адресата. Адресат реконструирует смысл прецедентного текста – описания типажа, что находит отражение в рефлексии автора-наблюдателя. Стоит отметить, что в случае с прецедентными текстами достижение понимания определяется интертекстуальной компетенцией адресата [Чернявская, 2024, с. 157].

Пример 3. *У нас газета хоть и популярная, но я делаю материалы, как бы это сказать... Не для всех? В общем-то да. Хотя это звучит нескромно. «Это скорее мне комплимент», – сказала Ольга* (Белкина. От любви до ненависти) [НКРЯ, 2025].

Стилистические индикаторы (СТИ) маркируют регистровые и кодовые переходы, так же, как и СИ, создают и поддерживают социальный образ субъекта дискурса, акцентируют многослойность социокоммуникативного поведения субъекта. СТИ могут быть задействованы в качестве тактического решения в реализации стратегии управления впечатлением. В аналитической проекции в этой связи интерес представляет рецепция коммуникативного поведения субъекта адресатом. Текстовые отрывки из художественных произведений дают уникальную возможность подключиться к метарефлексиям адресата или наблюдателя в референцируемой коммуникативной ситуации. Приведем пример:

Пример 4. *Во всем его облике была некая готовность шутить, говорить много, долго и запутанно. Игрунчик», – сразу решил про себя Демин. О, кого я вижу! – радостно воскликнул Татлин, протянув руки навстречу Кувакину. Сколько лет, сколько зим! Здравствуйте, Коля!* (Пронин. Самоубийство) [НКРЯ, 2025].

Выбор легкого, фамильярного стиля общения продиктован интенцией субъекта поддерживать образ человека неспособного на серьезные правонарушения и стремлением задать тон общения, занять позицию коммуникативного лидера.

Значительный интерес представляют прагматические индикаторы (ПИ). Частотным средством выражения ПИ является тональность. Выявление ПИ требует учета динамики контекстообразования, что дает возможность осуществления анализа импликационного потенциала речевых действий субъекта. В условиях реальных речевых практик участники социальных интеракций считывают двуплановость коммуникации (косвенность речевых актов) благодаря сигналам супrasegmentного уровня – интонации, паузации, изменения ритма, эмфазы. Дискурсивная компетенция позволяет адресату понять намек, иносказание, вывести задуманную адресантом импликацию, то есть то, что, по сути, является ПИ драматургичности конструирования дискурса. В текстовых отрывках художественных произведений подобные сигналы, маркирующие тональность, обозначаются с помощью лексем, номинирующих способ действия, или вводятся через описательные фрагменты.

Пример 5. *Помянули Лену. О Насте поговорили и обсудили то, что не дает нам покоя!.. Она выдержала паузу, словно желая подчеркнуть важность того, что собиралась сказать* (Милованов. Рынок тщеславия) [НКРЯ, 2025].

Пример 6. *...Еще как думала в свое время. Не моя вина, что ничего у меня тогда не получилось, а теперь поезд уже ушел... Дусенька явно кокетничала, должно быть, ей хотелось, чтобы мы все начали дружно уговаривать ее, что еще не все потеряно, поезд не ушел и она вполне может устроить свою судьбу* (Уварова. Одинокий с собакой снимет комнату) [НКРЯ, 2025].

Ресурсный потенциал выражения индикаторов драматургичности дискурса не сводится к языковым средствам. В условиях стратегической реализации речевого поведения субъект прибегает к различным семиотическим ресурсам. Драматургически акцентированное конструирование риторических жанров – комплимента, шутливого обмена / словесного состязания (или обмена колкостями), флирта, а также жанра рассказа (личного повествования) маркированы индикаторами драматургичности разного вида, что обусловлено иллокутивной направленностью дискурсивных продуктов этой жанровой природы – интенцией фасцинации и аттракции, эмоциональным воздействием на сознание адресата.

Список литературы

Белошицкая Н.Н. Драматургичность дискурса : когнитивно-прагматический потенциал метамаркера В ТАКОМ ТОНЕ // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 2. – С. 35-52.

Белошицкая Н.Н. Неискренность как концептуальное основание стратегий драматургичности в обыденном дискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2025. – №1-1 (62). – С. 583-587.

Белошицкая Н.Н. Прагматические индикаторы драматургичности дискурса // Чтения по теории языка и грамматике: язык как новая коммуникативная реальность: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию Виктора Яковлевича Мыркина (Архангельск, 23–24 октября 2025 г.) / сост. и отв. ред. Л.Ю. Щипицина, Е.В. Боднарук, Н.Н. Белошицкая. – Архангельск: САФУ, 2026. – С. 128-133.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. – 376 с. – ISBN 5-7333-0181-3.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000. – 304 с. – ISBN 5-93354-006-4.

Карасик В.И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 564–574.

Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021. – 536 с. – ISBN 978-5-94244-077-0.

Национальный корпус русского языка. 2003–2026. URL: <https://ruscorpora.ru/ruscorpora.ru> (дата обращения 12.02.2025).

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

Плотникова С.Н. Перформанс в коммуникации : аспекты когнитивно-дискурсивного моделирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 229-239.

Чернявская В.Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2024. – 208 с. – ISBN 978-5-9710-8887-5.

INDICATORS OF THE DISCOURSE DRAMATURGY

Beloshitskaya Nataliya Nikolayevna,

Candidate of Philology, Associate professor, Head of the Department of the English Language,

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article explores indicators of the discourse dramaturgy by the example of the everyday discourse's genres. The author puts forward two approaches to the notion of the discourse dramaturgy. The research focuses on the narrow one. Discourse dramaturgy indicators' classification includes semantic, stylistic, and pragmatic indicators. The analytical toolkit embraces the approaches of pragmalinguistics, discourse analysis, and cognitive linguistics.

Key words: discourse dramaturgy, semantic indicator, stylistic indicator, pragmatic indicator, self-presentation, tonality, interpretative frame.

ЛЕКСИКА НЕБА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПИЛОТА США 1940-Х. НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЗЕРФОРДА Г. МОНТГОМЕРИ «A YANKEE FLIER OVER BERLIN»

Дубов Дмитрий Владимирович,

студент кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ»,

научный руководитель: Даниленко Илья Александрович,

доцент кафедры иностранных языков

Белгородского государственного национального исследовательского университета, г.

Белгород, Россия

Аннотация. В статье анализируется военный жаргон летчиков ВВС США периода Второй мировой войны на материале мемуарной книги «A Yankee Flier Over Berlin». Рассматриваются ключевые лексические единицы, отражающие специфику боевой работы, внутригрупповую коммуникацию и психологическое состояние пилотов. Особое внимание уделяется способам номинации техники, противника и типовых боевых ситуаций.

Ключевые слова: лингвистический портрет, авиационная лексика, дискурс пилота, лингвостилистика, историческая лингвистика, семантика, вторая мировая война.

В современной лингвистике вопрос о реконструкции языковой личности профессионала прошлых эпох приобретает особую актуальность. Это связано с растущим интересом к антропоцентрической парадигме, в рамках которой язык рассматривается не как абстрактная система, а как отражение человеческого опыта, мышления и культуры. Одним из наиболее перспективных направлений в данном контексте является изучение дискурса военных лет, где языковые особенности не только передают информацию, но и фиксируют уникальное психоэмоциональное состояние человека в экстремальных условиях. Особенно показательным является анализ лексического состава художественных произведений, созданных современниками событий, которые способны служить аутентичным источником для реконструкции профессионального и обыденного языка эпохи. В ходе изучения языковой личности важно находить баланс между анализом общеупотребительной лексики и узкопрофессиональных элементов. Язык художественной литературы, особенно жанра военной прозы, аккумулирует в себе черты как литературной нормы, так и специфических подязыков, что делает его ценным материалом для лингвистического портретирования. Одним из наиболее сложных аспектов при анализе подобных текстов выступает интерпретация профессиональной лексики (жаргонизмов, терминов), так как данная компетенция требует от исследователя не только лингвистической, но и фоновой историко-культурной подготовки [Мунгалова, 2018]. Так, для решения задачи реконструкции лингвистического портрета пилота США 1940-х годов, можно прибегнуть к анализу лексико-семантических полей в произведении Резерфорда Монтомери «A Yankee Flier Over Berlin». Применение методов сплошной выборки и семантического анализа позволяет выявить ключевые доминанты идиостиля автора и речевого поведения персонажа [Столбовская, 2019].

Лексика, формирующая образ пилота в данном произведении, распределяется по нескольким ключевым тематическим группам, причём каждая из них ориентирована на решение конкретных художественных задач: создание атмосферы достоверности, передачу напряжённости боевой обстановки и раскрытие внутреннего мира героя. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Прежде всего, речь идёт о терминологической лексике, связанной с устройством самолёта и навигацией.

В тексте фиксируются такие единицы, как *aileron* (элерон), *rudder* (руль направления), *fuselage* (фюзеляж), *throttle* (сектор газа), *altimeter* (высотомер). Эти термины не просто выполняют номинативную функцию, но и служат маркерами профессиональной принадлежности героя. Их употребление в стрессовых ситуациях (например, при описании повреждений машины) позволяет автору избежать пафосности и создать эффект присутствия, характерный для «сухого» профессионального дискурса авиаторов. В рамках лексической системы данные единицы могут быть отнесены к группе прагматимов – специальных наименований, обслуживающих профессиональную коммуникацию [Шарафутдинова, 2019]. В качестве ещё одного примера целесообразно рассмотреть военную терминологию и лексику, репрезентирующую пространство боя. К ней относятся названия воинских подразделений (*Luftwaffe*), типов самолётов противника (*Messerschmitt*, *Focke-Wulf*), а также тактические единицы (*squadron*, *formation*). Характерной особенностью данного лексического пласта в произведении Монтомери является его использование для создания бинарной оппозиции «свой – чужой». Включение немецких наименований в английский текст служит не только исторической достоверности, но и маркирует враждебное пространство, с которым сталкивается протагонист. Как отмечает Т.И. Мунгалова, заимствованная военная лексика в английском языке выполняет важную стилистическую функцию, выступая маркером «чужого» пространства и формируя у читателя определённое отношение к описываемым событиям [Мунгалова, 2018].

Третьим примером может выступить пласт сленговой и разговорной лексики, характерной для военно-воздушных сил США того периода. Монтомери активно использует такие единицы, как *crate* (лайт – пренебрежительное название самолёта), *flak* (зенитный огонь), *to bail out* (катапультироваться), *ace* (ас). Использование

профессионального жаргона выполняет в тексте не только характеризующую, но и компрессивную функцию, позволяя в краткой форме передать сложные реалии боевой работы [Столбовская, 2019]. Данные элементы формируют корпоративную идентичность: герой мыслит и выражает эмоции так, как это принято в его профессиональной среде, что повышает мотивацию читателя к доверию повествованию.

Еще одним значимым элементом является лексика, репрезентирующая эмоциональное состояние. В отличие от технически выверенных описаний самолёта, эмоциональный план передаётся через стилистически сниженную лексику, междометия и фразовые глаголы (*to get the hell out, to be scared stiff*). Сочетание высокого эмоционального напряжения с технической точностью описания полёта соответствует структуре героического нарратива: динамика повествования строится на контрасте между внешним хладнокровием профессионала (техническая лексика) и внутренним напряжением (эмоционально-оценочная лексика). В этом контексте уместно обратиться к наблюдениям М.А. Столбовской, которая подчёркивает, что стилистическая дифференциация авиационной лексики позволяет передать не только профессиональные действия, но и внутреннее состояние говорящего [Столбовская, 2019].

Использование этих лексических групп соответствует принципам формирования лингвистического портрета, который включает в себя как профессиональные компетенции, так и психоэмоциональный облик героя. Предметный слой (авиационная техника) направлен на установление профессионального статуса, тактический слой (военные действия) – на репрезентацию среды обитания, а эмоциональный слой – на раскрытие субъективного восприятия экстремальной ситуации. В качестве преимущества данного подхода к анализу мы можем выделить комплексный охват языковых уровней и возможность реконструкции историко-культурного контекста. К числу сложностей можно отнести необходимость разграничения авторского идиостиля и типичных черт профессионального дискурса эпохи. Вместе с тем следует отметить, что произведение «*A Yankee Flier Over Berlin*» представляет собой перспективный материал для лингвистических исследований, способствующий формированию целостного представления о языковой личности американского пилота периода Второй мировой войны [Montgomery, 1942]. В качестве последнего примера анализа целесообразно рассмотреть функционирование топонимов и культурно-маркированной лексики. Названия географических объектов (*Berlin, the Channel, the Ruhr*) и аллюзии на исторические реалии выполняют текстообразующую функцию, привязывая нарратив к конкретному историческому контексту 1940-х годов. Читатель прослеживает маршрут героя, воспринимая пространство Европы как зону военного конфликта, что способствует подготовке читателя к пониманию исторической дистанции между современным восприятием и реалиями военного времени.

Подводя итог, можно сделать вывод, что лексическая структура произведения Резерфорда Г. Монтгомери представляет собой сложный сплав технических терминов, военного сленга и эмоционально-окрашенной разговорной лексики. Анализ этих пластов позволяет не просто описать языковые особенности текста, но и реконструировать лингвистический портрет пилота США 1940-х годов – человека, чей профессиональный язык органично срастается с психологией поведения в экстремальных условиях. Как справедливо отмечает Н. С. Шарафутдинова, изучение прагматиков в авиационной лексике даёт возможность проследить, как профессиональная деятельность формирует специфическую языковую картину мира, что особенно ярко проявляется в текстах, отражающих экстремальные условия коммуникации [Шарафутдинова, 2019]. Это, в свою очередь, открывает перспективы для дальнейшего изучения дискурса военной авиации как части исторической памяти и культурного наследия. В качестве следующего шага нам видится необходимым провести сравнительный анализ лексических портретов пилотов, представленных в художественной литературе США и Великобритании периода Второй

мировой войны, для выявления национально-специфических черт профессионального дискурса.

Список литературы

Мунгалова Т.И. Заимствованная военная лексика в английском языке в диахроническом аспекте / Т.И. Мунгалова, И.П. Федотова // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2018. – № 3. – С. 106-115.

Столбовская М.А. Стилистическая дифференциация словарного состава (на примере авиационного английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. – Вып. 3. – С. 78-81.

Шарафутдинова Н.С. Прагмемы в специальной лексике по авиации (в русском, немецком и английском языках) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 175-179.

Montgomery R.G. A Yankee Flier Over Berlin. – New York: Grosset & Dunlap, 1942. – 216 p.

SKY LEXICON: A LINGUISTIC PORTRAIT OF A 1940S U.S. PILOT. ON EXAMPLE OF THE WORK "A YANKEE FLIER OVER BERLIN" BY RUTHERFORD G. MONTGOMERY

Dubov Dmitry Vladimirovich,

*Bachelor of the Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute of BelSU,
scientific adviser: Danilenko Ilya Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article analyzes the military jargon of the U.S. Air Force pilots during the Second World War based on the memoir book "A Yankee Flier Over Berlin". The article examines the key lexical units that reflect the specifics of combat operations, intra-group communication, and the psychological state of the pilots. Special attention is paid to the ways of nominating equipment, the enemy, and typical combat situations.

Key words: linguistic portrait, aviation vocabulary, pilot discourse, linguostylistics, historical linguistics, semantics, World War II.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА АДАПТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ ЛИНГВОДИДАКТИКИ В РУССКОЯЗЫЧНУЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ

Заяц Анна Александровна,

*кандидат филологических наук,
доцент педагогического института филиала ВВГУ,
г. Владивосток, Россия,*

Бовтик Вероника Евгеньевна,

*студентка педагогического института филиала ВВГУ,
г. Владивосток, Россия*

Аннотация. Статья обращается к рассмотрению искусственного интеллекта как инструмента передачи терминов лингводидактики на английском языке на русский язык. Авторы предлагают сравнительный анализ работы двух ресурсов ИИ: ChatGPT и

YandexGPT. С их помощью были переведены основные термины и понятия лингводидактики. Итогом исследования стал вывод о целесообразности такого использования ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, модель искусственного интеллекта, термины лингводидактики, перевод термина, адаптация термина.

Все чаще в различных сферах жизни мы сталкиваемся с термином «глобализация», и область образования не является исключением. Однако, если к понятию «глобализация образования» все давно привыкли, то выражение «цифровая трансформация» или же EdTech (Educational Technology), хоть и появилось относительно давно, но получило широкое распространение лишь к концу 2010-х [Чудиновских, 2022]. На сегодняшний день оба этих явления играют огромную роль в заимствовании англицизмов. Их безусловно можно назвать катализаторами интенсивного проникновения англоязычных терминов в русскую образовательную среду.

В нашей статье мы предпримем попытку разобраться, возможно ли использовать ИИ для адаптации терминов лингводидактики в русскоязычную научную среду. Для решения данной задачи мы использовали метод анализа научной литературы, метод словарных дефиниций. В исследовании использованы такие ресурсы как ChatGPT и YandexGPT.

В процессе адаптации заимствований авторы сталкиваются с определёнными трудностями. Во-первых, это отсутствие возможности контроля процесса проникновения иностранных терминов в словарный запас пользователя языка, что приводит к затруднениям и неточностям в профессиональной коммуникации. Во-вторых, заимствования могут быть интегрированы без четкой методической стратегии, что также ведет к ряду лексических и стилистических ошибок [Усманов, 2025, с. 34].

На сегодняшний день в ногу с глобализацией уверенно идет искусственный интеллект (ИИ), который аналогично с человеческим интеллектом решает задачи в различных аспектах. ИИ включает в себя несколько понятий, входящих в друг друга по принципу матрешки [Что такое искусственный интеллект...]:

1. Искусственный интеллект – самое обширное понятие, инструментарий, выполняющий задачи, требующие когнитивных способностей человека.
2. Машинное обучение – совокупность ИИ-технологий, позволяющая разрабатывать системы, способные к самообучению. Сюда же войдет следующий пункт.
3. Нейросеть – модель, сама обучающаяся на массиве предоставленных данных.
4. Генеративные модели – нейросети, которые порождают новый результат [Что такое искусственный интеллект...].

Рассмотрим более детально третью разновидность ИИ, а именно нейросети. Это программы, функционирующие подобно биологическим нейронами. Они являются важным компонентом во многих сферах, в том числе и в области обработки естественного языка (NLP – Natural Language Processing), т.е. составляющей ИИ, сфокусированной на текстах и речи [Нейронные сети в обработке ...]. Нейросети работают с огромным объёмом данных, выявляя в информационном массиве сложные закономерности, что является особенно актуальным для адаптации заимствованных терминов.

Рассуждая о пользе нейросетей в контексте лингводидактики, можно сказать, что они обладают значительным потенциалом для автоматической обработки и адаптации иностранных лексических единиц в сферу российского образования. Так, например, если такие модели способны анализировать масштабные информационные блоки и находить между ними закономерности, то и без труда могут, работая с заимствованиями, выявлять их наиболее употребляемые варианты, адекватные к данному контексту. Также, принимая во внимание лингвистические и культурные особенности, они могут предлагать оптимальные стратегии их адаптации. Еще одним преимуществом нейросетей можно назвать учет контекста употребления, в котором используется английский термин. Это

позволяет более органично и естественно внедрять англоязычную терминологию в русскую образовательную среду. Из этого следует, что нейросетевые модели позволяют не только ускорить процесс адаптации и повысить его эффективность, но и внедрить более структурный и методически обоснованный способ их приспособления.

Рассмотрим это на примере терминов лингводидактики, заимствованных из англоязычной образовательной среды в российскую. Проанализируем следующие термины, взятые из иностранных источников:

1. Cross-Language Learning – это инструменты, разработанные для изучения двух и более языков и направленные на перенос знаний об одной языковой системе на систему другого языка;
2. Peer-to-Peer Learning – это идея обучения, подразумевающая взаимодействие между сверстниками с целью обмена знаниями;
3. Bite-Sized Lessons – это краткие целенаправленные уроки, помогающие эффективно осваивать новые навыки. Такие занятия могут быть завершены за считанные минуты, они поддерживают мотивацию, а также последовательность подачи материала, способствующую более успешному закреплению знаний;
4. Seamless Learning – это обучение на платформах, которые синхронизируют уроки между различными устройствами, что позволяет сохранять прогресс в процессе обучения [Language Learning Trends ...];
5. Embodied Learning – это обучение, основанное на сотрудничестве разума и тела [Prity Shah];
6. Hybrid education models – это сочетание традиционного обучения в классе и современного онлайн-образования;
7. Progressive credentialing – это идея, подразумевающая получение сертификата по каждому навыку, который студенты осваивают в процессе обучения;
8. Competency-Based Education – обучение, которое сосредоточено на навыках, а не только на времени, проведённом в классе [William, 2026].

Несмотря на то, что эти концепции обучения имеют аналоги в российском образовании, их реализация и понимание в рамках национальной системы имеют свои специфические особенности и могут значительно отличаться.

Предложим моделям искусственного интеллекта интерпретировать данные понятия на русский язык, а затем проанализируем полученный результат. Для исследования будут использованы следующие нейросети:

- ChatGPT – нейросеть, созданная некоммерческой лабораторией OpenAI, основанной в калифорнийском Сан-Франциско 11 декабря 2015 года [Колосова, 2023];
- YandexGPT – нейросеть, разработанная российской компанией Яндекс [Арбузова, 2023].

Данным моделям искусственного интеллекта будет дано следующее задание: «Предложи наиболее подходящий вариант перевода и адаптации термина... на русский язык с учётом контекста его использования, чтобы он был максимально понятен и полезен профессиональной аудитории педагогов».

Таблица 1 – Варианты перевода и адаптации терминов, предложенные ИИ

Термин	Перевод и значение, предложенные ChatGPT	Перевод и значение, предложенные YandexGPT
1. Cross-Language Learning	<i>Обучение, основанное на межъязыковом взаимодействии – это концепция обучения, при которой знания и навыки переносятся или</i>	<i>Межъязыковое обучение – подход, при котором учащиеся используют знания родного или других языков для более эффективного освоения нового</i>

	взаимодействуют между разными языковыми системами, что важно для педагогов, работающих в многоязычных и мультилингвальных средах.	языка через сопоставление языковых систем.
2. Peer-to-Peer Learning	<i>Обучение сверстниками</i> – процесс совместного обучения, при котором участники (ровесники, сверстники или коллеги) активно делятся знаниями, опытом и навыками друг с другом без прямого руководства преподавателя или наставника.	<i>Обучение по принципу «равный – равному»</i> – это образовательный подход, при котором участники с сопоставимым уровнем знаний и опыта обмениваются навыками и информацией напрямую, без участия традиционного преподавателя; роль педагога сводится к созданию условий для взаимодействия.
3. Bite-Sized Lessons	<i>Краткие уроки для быстрого освоения</i> – это короткие, лаконичные учебные материалы или уроки, которые легко и быстро усваиваются.	<i>Короткие уроки</i> – короткие автономные учебные блоки (обычно 5–15 минут), нацеленные на освоение одного конкретного навыка или небольшого объема знаний за один подход, что повышает вовлечённость и эффективность усвоения материала.
4. Seamless Learning	<i>Беспрепятственное обучение</i> – идея о непрерывном, интегрированном и беспрепятственном процессе обучения, при котором учащиеся могут легко переходить между разными платформами, устройствами и образовательными средами без потери контекста или необходимости повторного усвоения материала.	<i>Непрерывное обучение</i> – это подход, обеспечивающий плавный переход и интеграцию учебного процесса между разными средами и форматами: очным и онлайн-обучением, формальным и неформальным образованием, разными устройствами и локациями – без разрывов и потерь контекста.
5. Embodied Learning	<i>Телоориентированное обучение</i> – это процесс обучения, включающий активное использование тела, сенсорный и двигательные аспекты для усвоения знаний и навыков.	<i>Телесно-ориентированное обучение</i> – это подход, при котором усвоение знаний происходит через телесный опыт и физические действия (движения, жесты и т. д.).
6. Hybrid education models	<i>Гибридные модели обучения</i> – это идея сочетания очного и дистанционного обучения, а также интеграции различных методов и форм образовательного процесса для повышения эффективности и гибкости обучения.	<i>Гибридные модели обучения</i> – это подход, сочетающий очное и дистанционное обучение: часть занятий проходит в классе, часть – онлайн, что обеспечивает гибкость, доступность и персонализацию образовательного процесса.

7. Progressive credentialing	<i>Прогрессивная система подтверждения квалификации</i> – это идея постепенного, последовательного и адаптивного процесса получения и подтверждения профессиональных компетенций.	<i>Поэтапно присвоение квалификации</i> – система выдачи образовательных / профессиональных документов по частям: квалификацию подтверждают на каждом этапе обучения, а не только в конце курса.
8. Competency-Based Education	<i>Обучение по компетенциям</i> – это подход к организации образовательного процесса, при котором основное внимание уделяется развитию у обучающихся конкретных, практических умений, навыков и личностных качеств.	<i>Компетентностное образование</i> – это особый подход к обучению, при котором в центре внимания находится не просто передача знаний, а развитие конкретных практических навыков и умений учащихся.

Исследования таблицы позволяют сделать вывод, что современные нейросети обладают способностью не только переводить терминологию, но и эффективно адаптировать её для профессиональной аудитории. Сопоставление интерпретаций лингводидактических терминов, сгенерированных ChatGPT и YandexGPT с их исходными значениями подтверждает, что эти ИИ успешно улавливают и передают ключевую идею. В контексте иностранных языков и сопутствующих им концепций их толкования, как правило, отличаются высокой степенью согласованности и лёгкости восприятия, даже при наличии незначительных расхождений. Тем не менее для достижения идеального результата может потребоваться задать уточняющие вопросы или откорректировать полученный материал, однако частота таких случаев невелика.

Несмотря на то, что обе нейросети успешно справляются с адаптацией терминов, их подходы немного различаются. Так, например, ChatGPT переводит сам термин точно, но зачастую шаблонно, словно через переводчик. YandexGPT, в то же время, демонстрирует большую изобретательность и аккуратность в переводе. Созданные им определения больше похожи на термины, содержащиеся в словарях. Также вторая нейросеть даёт более ёмкие определения, учитывая даже небольшие нюансы. В основном, ChatGPT можно использовать для первичного анализа нового термина и понимания его концепции, а YandexGPT – для оперативного внедрения нового понятия в профессиональную сферу, за счёт приближённости его результатов к лексическим единицам, используемым в статьях.

В заключение авторы могут сделать вывод, что использование моделей искусственного интеллекта для адаптации терминов лингводидактики из англоязычной образовательной среды в российскую целесообразно. При этом не стоит полагаться на одну нейросеть. Для большей точности термина следует использовать их в совокупности, чтобы избежать даже малейших недопониманий, которые недопустимы в профессиональной сфере. Последовательное использование моделей искусственного интеллекта способствует наибольшей эффективности осмысления содержания заимствований и обеспечивает результативность развития и пополнения терминологического аппарата российского образования.

Список литературы

Арбузова А. Нейросеть Яндекса пишет письма и сочиняет сказки: главное о YandexGPT // trends.rbc.ru : РБК Тренды : сайт. – 19.05.2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6465e4d39a79474b00a85e06> (дата обращения: 23.03.2026).

Колосова Т. OpenAI: история компании-разработчика нейросети ChatGPT // trends.rbc.ru : РБК Тренды : сайт. – 19.11.2023. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/640ed7309a79477ef89515f0> (дата обращения: 23.03.2026).

Нейронные сети в обработке естественного языка (NLP): основные технологии // deepme.ru : DeepMe : сайт. – URL: <https://deepme.ru/art/293> (дата обращения: 17.03.2026).

Усманов Т.И. Педагогические аспекты адаптации английских заимствований в современном языковом образовании / Т.И. Усманов, Б.Р. Закраилова // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – №5-2. – С. 33-41.

Что такое искусственный интеллект и как он работает // skillbox.ru : Skillbox Media : сайт. – URL: <https://skillbox.ru/media/code/iskusstvennyi-intellekt/#stk-2> (дата обращения: 17.03.2026).

Чудиновских М. В. Перспективы развития рынка EdTech в России // Baikal Research Journal. – 2022. – Вып. 13. – № 4. – С. 13.

William H. 12 Emerging Education Trends 2025: Future of Learning & Teaching // grammarmax.com : Grammar Max : site. – 21.02.2026. – URL: <https://grammarmax.com/12-emerging-education-trends-2024-2025/> (дата обращения: 23.03.2026).

Language Learning Trends for 2025: What's New and What's Next? // ilcentres.com : International Language Centres : site. – URL: <https://ilcentres.com/post/language-learning-trends-for-2025-whats-new-and-whats-next> (дата обращения: 23.03.2026).

Prity Shah. Top Current Trends in Teaching ESL in 2026 // www.henryharvin.com : Henry Harvin Education : site. – URL: <https://www.henryharvin.com/blog/top-current-trends-in-teaching-esl/> (дата обращения: 23.03.2026).

EFFICIENCY OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR ADAPTING ENGLISH-SPEAKING LINGUODIDACTICS TERMS TO THE RUSSIAN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

*Zayats Anna Alexandrovna,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Teacher's Training Institute VVSU,
Bovtik Veronika Evgenievna,
student of the Teacher's Training Institute VVSU,
Vladivostok, Russia*

Abstract. The passage turns to the study of Artificial Intellect as a tool to render the English linguodidactics terms into the Russian language. The authors suggest a comparative analysis of the work of two assets: ChatGPT and YandexGPT. It is concluded that such usage of the AI assets is appropriate.

Key words: artificial intelligence, artificial intelligence model, linguodidactics terms, translation of the term, adaptation of the term.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В РЕЧАХ ПОЛИТИКОВ

*Колесников Алексей Анатольевич,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования эвфемизмов в выступлениях политиков. На материале речей российских и зарубежных политиков с использованием методов дискурсивного анализа выявляются основные стратегии

эвфемизации. Эвфемизмы в политическом дискурсе выполняют не только стилистическую, но и манипулятивную функцию. Эвфемия становится стратегическим ресурсом управления общественным восприятием в современной политической коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, эвфемизм, речи политиков, манипуляция.

В последние годы в современной лингвистике широкое распространение получило развитие явления эвфемии. Это связано с глобальными трансформациями в жизни общества в социальном, экономическом, политическом аспектах. Актуальным и значимым является вопрос изучения различных стилистических особенностей языка, а именно – языка политиков. При этом политический дискурс принимает на себя функцию формирования определенного общественного сознания.

Изучение политического дискурса как основного вида дискурса позволяет выявлять основную ценностную составляющую, которая представлена в конкретной культуре. Дискурс представляет собой сложное явление, принадлежащее сфере коммуникации.

Дискурс – это связный текст, текст, взятый в событийном аспекте, а также речь, которая рассматривается в качестве целенаправленного социального действия и является речью, «погруженную в жизнь» [Ярцева, 1998, с. 136-137].

Политический дискурс выступает основным средством коммуникации и, соответственно, его спецификой является использование различных лексических средств манипулирования для воздействия или влияния на адресата. Политический дискурс – это один из важных компонентов политики. Это один из особых типов коммуникации и является составной частью институционального дискурса.

Политический дискурс – это довольно сложный феномен, который необходим для реализации намерений политика. В его арсенале находится такой феномен, как манипуляция. В этой связи А.Ю. Лищук и Л.К. Ланцова отмечают: «Политический дискурс – это сложное коммуникативное явление, направленное на борьбу за власть, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный и социокультурный, а также специфичные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса, т.е. язык политики» [Лищук, 2020, с. 116].

Довольно часто политики пользуются манипуляцией общественного мнения и применяют такие категории, как коммуникативная стратегия, а также коммуникативную тактику и коммуникативный прием. Проводя дефиницию данных понятий, необходимо отметить, что коммуникативная стратегия представляет собой заранее определенную цель, которая необходима для коммуникации, которая реализуется через специальные речевые акты в конкретных тактиках. В свою очередь коммуникативная тактика – это комплекс речевых актов, который решает конкретную задачу, в который входят определенные характеристики и реализуется с помощью конкретных коммуникативных приемов. Коммуникативная тактика реализуется через совокупность коммуникативных приемов. Коммуникативный прием представляет собой способ воздействия или влияния на адресата с помощью языковых и неязыковых средств [Лищук, 2020].

Манипуляция представляет собой такое воздействие, которое направлено на изменение мнения, установок, поведения адресата в интересах адресанта. А языковая манипуляция – это т.н. скрытое воздействие на адресата. Главным здесь выступает то, что у адресата должно быть полное представление о принятии им собственного решения, например, при голосовании за конкретного кандидата на выборах.

Одним из главных приемов политического дискурса выступают эвфемизмы, а эвфемия – это основной прием политкорректности. Эвфемизмы представляют собой такие лексические единицы, которые используются в речи политиков для вуалирования, сокрытия определенной информации у адресата, являясь нейтральными единицами, употребляемых вместо грубых и неприличных слов.

Основная функция эвфемизмов – смягчение негатива у слушателя. Их задача здесь – сделать неприятные явления менее отталкивающими, чтобы снизить когнитивный

диссонанс у адресата и дать возможность принять неприятную информацию без сопротивления. Другой важной функцией эвфемизмов в политическом дискурсе является маскировка ответственности, чтобы снять или размыть вину с правительства или отдельного политика. Это задействует имидж политика, делает его, включая речь более «привлекательной» в глазах избирателей. К третьей функции эвфемизмов относится создание иллюзии контроля для того, чтобы представить процессы управляемыми и повысить чувство безопасности у аудитории, представляя политика компетентным и уверенным лидером. Также важной функцией эвфемизмов является легитимизация непопулярных мер и решений, которые являются логичными и необходимыми. Данная функция направлена на формирование т.н. «здорового смысла» «вынужденной необходимости».

Эвфемизмы выступают инструментом повышения аттрактивности политического дискурса. Следует отметить, что политический дискурс представляет собой не просто набор каких-либо речей политиков. Если речь представляет собой отдельный текст, то дискурс характеризует всю систему ценностей и убеждений, определенных правил и контекстов, которые порождают эти речи и делают их понятными для аудитории.

Эвфемизмы в речах политиков принадлежат к группе формальных эвфемизмов, т.е. используются политиками в тех местах, для которых характерен определенный стиль речи и выступают в качестве политкорректных эвфемизмов.

Традиционно эвфемизмы могут быть охарактеризованы в рамках различных классификаций. Наиболее удобной классификацией эвфемизмов, представленных в речах различных политиков, выступает тематическая классификация. В рамках данной классификации могут быть представлены такие тематические группы с различными компонентами, как «война», «дипломатические отношения», «политические дебаты» и др.

Довольно часто многие политики разных стран обращаются к теме «война» и «экономика». Так, например, в выступлениях Британского премьер-министра Т. Блэра на тему войны в Афганистане присутствует эвфемизм «*interim policing presence*»:

*Mr. Blair, what more can you tell us about the involment of British troops? What sort of scale that involment was. And also do you anticipate that British forces will be involved in any **interim policing presence** which may be necessary, or will that be Moslem nations such as Turkey* [Tony Blair – 2001 Speech on Afganistan].

В данном примере эвфемизм “*interim policing presence*” образуется от лексических единиц, которые обозначают «*military presence*» или «*occupation*». В данном случае журналистом осознанно заменяется политически нежелательное для аудитории выражение на нейтральное понятие, чтобы смягчить реальный смысл вопроса о вводе войск на территорию другого государства и, тем самым, сделать его приемлемым для публичного рассмотрения.

В английском языке в сфере экономики используется эвфемизм “*to take back control of*”, связанный с выходом Великобритании из ЕС и встречается в выступлениях бывшего министра иностранных дел Великобритании Б. Джонсона:

*We will be able **to take back control of** our borders – not because I am hostile to immigrants or immigration. Far from it. We need talented people to come and make their lives in this country – doctors, scientists, the coders and programmers who are so crucial to Britain’s booming tech economy* [Boris Jonson – 2018 Speech on Brexit].

В своей речи Б. Джонсон использует осознанно выражение “*to take back control of*” вместо «*restrict immigration*», чтобы сместить акцент с ограничения въезда иностранцев в страну на восстановление контроля над границами или суверенитета, как абстрактной, но позитивной цели. Использование эвфемизма направлено на установление контроля и законности над эмиграцией и позволяет обсуждать жесткую эмиграционную политику, связанную с выходом из ЕС, не отталкивая своих избирателей, которые чувствительны ко всем вопросам равенства и не вызывая у адресата негативных коннотаций, связанных с ксенофобией и дискриминацией.

В своей инаугурационной речи Д. Трамп использует большое количество эвфемизмов, например: “*Liberation Day*”:

*For American citizens, January 20th, 2025, is **Liberation Day**. It is my hope that our recent presidential election will be remembered as the greatest and most consequential election in the history of our country* [Read President Trump’s full inauguration speech].

Эвфемизм “*Liberation Day*” в данном предложении прямую и нейтральную номинацию, как “*Inauguration Day*”. Лексема “*liberation*” несет в себе положительную окраску, обозначая избавление от тирании и гнета. Здесь Д. Трамп использует данный эвфемизм для того, чтобы показать возвращение к власти в качестве избавления страны от «корруптированного истеблишмента». Здесь наблюдается вуалирование политической борьбы за власть, чтобы скрыть прямые формулировки о смене курса в стране.

В другом примере данной речи Д. Трамп использует эвфемизм “*returning*” вместо “*deportation*”:

*All illegal entry will immediately be halted, and we will begin the process of **returning** millions and millions of criminal aliens back to the places from which they came. We will reinstate my Remain in Mexico policy* [Read President Trump’s full inauguration speech].

Использование нейтральной и даже позитивно окрашенной лексической единицы “*returning*” не ассоциируется с принудительным выдворением из страны иностранцев и не связано с нарушением прав человека.

Особое место при исследовании эвфемизмов из сферы «война» следует уделить выступлениям президента РФ В.В. Путина. В речах В.В. Путина, посвященных СВО, применяется большое количество эвфемизмов для смягчения неприятных фактов. Так, в своих выступлениях В.В. Путин употребляет эвфемизм «некомбатанты» вместо «мирные жители»:

*Всё, что наносит ущерб гражданской инфраструктуре, **некомбатантам** – людям, которые не имеют отношения к боевым действиям, это, конечно, достойно самого острого осуждения* [Итоги года с Владимиром Путиным].

Слово «некомбатанты» в русском языке представляет собой юридически нейтральный термин, который заимствован из военного права. Данный термин используется вместо прямого словосочетания «мирные жители», чтобы говорить о жертвах войны более отстраненно и конкретизации, кто именно и как пострадал. Использование данного эвфемизма представляет собой классический прием, который используется для смягчения неприятных фактов, связанных с войной.

Довольно часто также используются и разговорные слова, как «вышибать», выполняющие функцию эвфемизмов:

*В целом сразу же после того, как наши войска **вышибли** противника с курской земли, инициатива целиком и полностью... перешла в руки российских Вооружённых Сил* [Итоги года с Владимиром Путиным].

Глагол «вышибать» относится к разговорным глаголам, скрывает при этом жестокую реальность войны и человеческие жертвы.

Таким образом, широкое применение политиками эвфемизмов позволяет говорить о важных и болезненных темах, не вызывая отторжения и, тем самым, формировать нужную картину мира. Также использование в политических речах эвфемизмов необходимо, поскольку каждый политик должен смягчать важные темы в обществе, чтобы сохранить с ним диалог и коммуникацию.

Список литературы

Итоги года с Владимиром Путиным // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75909> (дата обращения: 02.04.2026).

Лишук А.Ю. Роль эвфемизмов в политическом дискурсе / А.Ю. Лишук, Л.К. Ланцова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2020. – № XII. – С. 115-121.

Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева, Н.Д. Арутюнова, В.А. Виноградов, В.Г. Гак, Т.В. Гамкрелидзе и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. – ISBN 5-85270-307-9.

Boris Jonson – 2018 Speech on Brexit // UKPOL.CO.UK. – URL: <https://www.ukpol.co.uk/boris-johnson-2018-speech-on-brexit/> (дата обращения: 28.02.2026).

Read President Trump's full inauguration speech // New York Post. – URL: <https://nypost.com/2025/01/20/us-news/read-president-trumps-full-inauguration-speech/> (дата обращения: 02.03.2026).

Tony Blair – 2001 Speech on Afganistan // UKPOL.CO.UK. – URL: <https://www.ukpol.co.uk/tony-blair-2001-speech-on-afghanistan/> (дата обращения: 01.03.2026).

THE USE OF EUPHEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE

Kolesnikov Aleksei Anatolievitch,

*Candidate of Philology, Lecture of Department of Foreign Languages
Belgorod national research university, Belgorod, Russia*

Abstract. This article examines the functional characteristics of euphemisms in political speeches. Employing discourse analysis and drawing on speeches by Russian and foreign politicians, the study identifies the primary strategies of euphemization. In political discourse, euphemisms fulfill not only a stylistic but also a manipulative function, thereby becoming a strategic resource for managing public perception in contemporary political communication.

Key words: political discourse, euphemism, political speeches, manipulation.

АКСИОЛОГИЯ И ПРАГМАТИКА ПЛАКАТА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Корнеева Анна Алексеевна,

*магистрант факультета иностранных языков
педагогического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия,*

научный руководитель: Зимовец Наталья Викторовна,

*к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые особенности рекламного дискурса социальной рекламы на материале англоязычных и русскоязычных плакатов. Анализируются функциональные характеристики, аксиологические доминанты и коммуникативные стратегии, реализуемые в поликодовых текстах. Особое внимание уделяется специфике категорий адресанта и адресата, а также средствам выразительности, отражающим культурно-ценностные ориентиры социума.

Ключевые слова: социальная реклама, рекламный дискурс, аксиология коммуникативные стратегии, вербальные и визуальные компоненты, лингвокультурные коды.

Социальная реклама представляет собой особый тип коммуникации, целью которой является не продвижение товара, а регулирование поведенческих моделей и трансляция

ценностных установок. В отличие от коммерческой рекламы, её дискурс ориентирован на достижение социального блага, что делает его мощным инструментом управления массовым сознанием [Палашевская, 201, с. 239]. Материальной основой для такого воздействия чаще всего выступает рекламный плакат – поликодовый (креолизованный) текст, в котором вербальные и визуальные компоненты образуют неразрывное смысловое единство [Анисимова, 2024, с. 74].

Сопоставительный анализ англоязычного и русскоязычного дискурсов социальной рекламы позволяет выявить не только универсальные законы жанра, но и уникальные лингвокультурные коды, через которые общество говорит само с собой о своих проблемах, страхах и надеждах. Цель данной статьи – определить сходства и различия в аксиологических (ценностных) и прагматических характеристиках социальных плакатов, созданных в рамках западной и российской традиций. Далее представлен сравнительный анализ социального плаката по выделенным характеристикам.

1. Функционально-структурные особенности социального плаката

Согласно исследованиям М.С. Зубковой, рекламный социальный плакат относится к текстам регулятивного характера. Его структура включает два обязательных элемента: описательно-аргументативный (фиксация проблемной ситуации) и прескриптивный (предписание или оценка поведения) [Зубкова, 2017, с. 37].

К числу конститутивных функций социального плаката исследователи относят:

- информативную (трансляция социально значимых смыслов);
- аттрактивную (привлечение внимания, часто за счет визуальных «якорков»);
- персуазивную (формирование ценностных установок);
- регулятивную (побуждение к действию или отказ от деструктивных моделей поведения) [Анисимова, 2024, с. 122].

В обоих дискурсах плакат стремится к лаконичности, однако способы достижения этой лаконичности различаются. Для англоязычных плакатов характерна опора на игру слов и метафору, в то время как русскоязычные образцы чаще используют прямую императивную конструкцию или эмоционально окрашенное обращение [Палашевская, 201, с. 241].

2. Аксиологическая специфика дискурсов

Аксиогенность (ценностная насыщенность) является ключевой характеристикой социальной рекламы. Плакат всегда апеллирует к принятой в обществе системе ценностей, либо закрепляя её, либо пытаясь трансформировать.

В результате анализа статьи были выявлены общие для двух культур доминантные тематические поля: «Здоровье», «Охрана окружающей среды», «Безопасность дорожного движения» и «Социальная защита» [Анисимова, 2024, с. 124]. Вместе с тем содержательное наполнение данных полей обнаруживает существенные расхождения.

В англоязычных материалах (главным образом США и Великобритании) преобладает апелляция к индивидуальной ответственности и личному выбору: проблема раскрывается через демонстрацию ее последствий для конкретного человека. Подобный подход коррелирует с западной либеральной традицией, в которой ключевое значение имеют концепты «прав человека» и «самореализации». Например, социальная реклама о вреде курения акцентирует внимание на том, как зависимость нивелирует личные достижения или негативно сказывается на внешности.

В русскоязычном дискурсе, напротив, доминируют установки на коллективизм и общность. Как подчеркивает Ч. Ян в исследовании плакатов периода пандемии, основная стратегия здесь заключается в объединении адресатов посредством формирования «Мы-отношений» [Ян, 2024, с. 92]. Проблема предстает как общая беда либо как общая задача, что с особой наглядностью проявилось в условиях пандемии COVID-19. Адресантом часто выступает государство, а адресатом – социум в целом, что формирует особую императивно-директивную тональность [Ян, 2024, с. 93].

В таблице 1 представлена сравнительная характеристика англоязычного и русскоязычного дискурса.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика дискурсов

Критерий	Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
Ценностный фокус	Индивидуализм, личная ответственность, права человека	Коллективизм, общность, государственный патронаж
Роль адресанта	Общественные организации, независимые фонды	Государственные органы, институциональная власть
Модальность	Рациональная аргументация, «мягкое» убеждение	Императивно-директивная тональность
Средства выразительности	Метафора, ирония, игра слов	Эмоциональный призыв, консолидирующее «Мы»

3. Категории адресанта и адресата

Субъектно-объектная организация текста плаката является зеркалом социальных отношений. В англоязычных образцах адресант зачастую «размыт» или персонифицирован через истории конкретных людей, что создает эффект горизонтальной коммуникации (диалог равных).

В русскоязычном дискурсе, особенно в кризисных ситуациях, коллективный адресант идентифицируется с властью. Это порождает вертикальную модель коммуникации. Однако, как показывают исследования последних лет, в современной российской социальной рекламе наблюдается тенденция к преодолению этой вертикальности. В свертхтекст вводятся «персонажи-адресанты» – медицинские работники, волонтеры, обычные граждане, что призвано приблизить власть к массовому адресату и снизить пафосную дистанцию [Ян, 2024, с. 95].

Что касается адресата, то в англоязычной традиции он часто сегментирован (таргетирован) на узкие группы риска. Русскоязычная реклама исторически ориентирована на «массового адресата», хотя в современной практике также появляется мозаичность, дифференцированная по возрасту или социальному статусу [Анисимова, 2022, с. 483].

4. Средства выразительности и интертекстуальность

Для достижения персуазивного эффекта оба дискурса активно используют ресурсы интертекстуальности. Исследование Т.В. Анисимовой и С.А. Чубай, основанное на 4000 экологических плакатов, показывает, что самой частотной формой заимствования является реминисценция (отсылка к известному культурному факту без дословного цитирования).

Однако соотношение вербального и визуального в интертекстуальных включениях различается:

- В англоязычной традиции визуальная метафора часто самодостаточна и способна вызывать прямые ассоциации с прототекстом (аллюзия).
- В русскоязычной традиции вербальный компонент играет более весомую роль, «расшифровывая» визуальный ряд или задавая ему нужную патриотическую либо нравоучительную рамку.

Например, призыв к чистоте города в англоязычном плакате может обыгрывать образы поп-культуры, в то время как в русском плакате тот же призыв будет апеллировать к образу родного дома или к историческому прошлому. Цитаты из классической литературы и узнаваемые киногерои выступают здесь мощным консолидирующим фактором, объединяя поколения вокруг общих культурных кодов [Ян, 2024, с. 97].

Сопоставительный анализ рекламного дискурса в англоязычной и русскоязычной культурах демонстрирует, что, выполняя универсальные регулятивные функции, социальный плакат является чутким индикатором глубинных ценностных ориентаций общества.

Англоязычный дискурс тяготеет к индивидуализации проблемы, рациональной аргументации и использованию метафоры как основного инструмента воздействия. Он чаще исходит от гражданского общества и обращен к личности.

Русскоязычный дискурс исторически и институционально ориентирован на коллективные ценности, государственный патронаж и эмоциональную консолидацию. В нем сильнее выражена императивность, а ключевым инструментом воздействия выступает идея «общности» и культурно-историческая преемственность. Современная российская социальная реклама постепенно интегрирует новые формы диалога с адресатом, однако её аксиологическая основа остается прочно связанной с национальной картиной мира.

Список литературы

Анисимова Т. В. Социальная реклама. Риторический анализ плакатов социальной тематики / Т.В. Анисимова, С.А. Чубай. – М.: КноРус, 2024. – 276 с.

Анисимова Т.В. Интертекстуальность как средство выразительности в дискурсе социальной рекламы / Т.В. Анисимова, С.А. Чубай // Нефилология. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 482-495.

Зубкова М.С. Семантические, структурные и прагматические характеристики англоязычного рекламного социального плаката: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2017. – 197 с.

Палашевская И. В. Аксиогенность дискурса социальной рекламы (на материале англоязычных рекламных плакатов) / И.В. Палашевская, М.С. Зубкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – №12. – С. 239-242.

Ян Ч. Специфика категории адресанта-адресата в сверхтексте русского коронавирусного социального плаката // Вестник РГУ. – 2024. – № 84 (3). – С. 92-101.

AXIOLOGY AND PRAGMATICS OF THE POSTER: A COMPARATIVE ANALYSIS OF ADVERTISING DISCOURSE IN ENGLISH-LANGUAGE AND RUSSIAN-LANGUAGE SOCIAL ADVERTISING

Korneeva Anna Alekseevna,

*Master's student, Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State*

National Research University, Belgorod, Russia,

Scientific adviser: Zimovets Natalya Viktorovna,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign
Languages, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the key characteristics of advertising discourse in social advertising, based on the material of English-language and Russian-language posters. The functional features, axiological dominants, and communicative strategies implemented in polycode texts are analyzed. Particular attention is paid to the specific nature of the categories of the addresser and the addressee, as well as the means of expression that reflect the cultural and value orientations of society.

Key words: social advertising, advertising discourse, axiology, communicative strategies, verbal and visual components, linguocultural codes.

СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДИССЕРТАЦИИ

*Кратнова Зоя Алексеевна,
старший преподаватель кафедры китайского языка
Ярославского государственного педагогического университета
им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа структурно-композиционных характеристик современных англоязычных диссертаций на соискание степени PhD. Материалом исследования послужил корпус из 100 диссертаций, защищённых в ведущих университетах Великобритании и США (University of Edinburgh, University of Oxford, MIT, Stanford University) в период 2004–2024 гг. Методология включает количественный и качественный контент-анализ. Выявлены три основные модели организации текста: цельная монография (~55%), статья-сборник (~30%) и гибридная модель (~15%). Установлена частота встречаемости ключевых структурных элементов (Lay Summary, отдельная глава методологии, приложения и др.). Проанализированы особенности построения введения, методологических разделов, оформления библиографического списка. Показано, что современная диссертация представляет собой гибкий, риторически выверенный документ, отражающий взаимодействие университетских требований, дисциплинарных конвенций, стратегических целей автора и глобальных трендов открытой науки. Полученные данные могут быть полезны аспирантам, научным руководителям и исследователям академического дискурса.

Ключевые слова: диссертация, PhD, академический дискурс, жанр, структура диссертации, введение, методология, библиография, корпусный анализ.

Диссертация на соискание степени PhD является ключевым жанром академического письма, который служит доказательством исследовательской компетенции соискателя и его вклада в научное знание. В последние десятилетия в англоязычной академической среде наблюдается значительная эволюция требований к структуре и содержанию диссертационных работ, вызванная ростом междисциплинарности, развитием открытой науки и изменением публикационных стратегий молодых учёных. Исследованию жанра диссертации посвящены работы Т. Дадли-Эванса [Dudley-Evans, 1999], Б. Камлер и П. Томсона [Kamler, 2006], Б. Палтриджа [Paltridge, 2007], М.-Д. Сент-Джона [John, 1998], С. Старфилда [Starfield, 2007], Дж. Суэйлза [Swales, 1990], П. Томпсона [Thompson, 2002, 2006], К. Хайланда [Hyland, 2004] и других. Однако большинство исследований сосредоточены на отдельных аспектах (например, жанровый анализ введения или обзора литературы) и не дают целостной картины современных тенденций в построении диссертационного текста.

Цель настоящей статьи – выявить и описать структурно-композиционные особенности современной англоязычной PhD диссертации на основе анализа репрезентативного корпуса работ, защищённых в 2004–2024 гг. в ведущих исследовательских университетах.

В рамках исследования был сформирован корпус из 100 диссертаций по филологическим наукам, размещённых в открытых архивах университетов Эдинбурга, Оксфорда, MIT и Стэнфорда за 2004–2024 годы. Методами работы послужили количественный анализ частотности структурных частей диссертаций, качественный анализ вводных разделов, подглав о методологии и библиографии, а также верификацию результатов на предмет соответствия требованиям, зафиксированным в локальных руководствах, например, PGR Handbooks (Postgraduate Research Handbooks).

Полученные данные свидетельствуют о том, что современные диссертационные работы могут быть отнесены к трём основным моделям, выбор которых зависит от

дисциплинарных традиций и целей автора: классическая монография с последовательной аргументацией, формат «сборник статей» (article-based thesis) и гибридный вариант.

Наиболее распространённой остаётся классическая диссертация-монография с последовательной аргументацией, встречающаяся в 55% работ. В 30% работ выявлен формат «сборник статей», остальные 15% приходятся на гибридный формат. Классическая диссертация характерна для теоретико-лингвистических и экспериментальных исследований. Материал излагается по классическому исследовательскому циклу, от теоретического обзора и постановки проблемы к методологической главе, далее экспериментальная часть и содержательное обсуждение. Формат «сборник статей» представляет собой объединенные три-четыре статьи, написанные по одной тематике с общим введением и заключением. Гибридный формат диссертации подразумевает компиляцию представления материала, одна-две главы представлены как самостоятельные публикации, остальные сохраняют классический вид.

Осмысление структуры диссертационной работы невозможно без рассмотрения её основных элементов. К ним традиционно относят введение, обзор литературы, описание методов исследования, изложение полученных результатов, заключительную часть, а также библиографический список и приложения. Далее представлены результаты анализа частоты включения указанных компонентов в тексты диссертаций. (см. табл. 1).

Таблица 1 – Частотность основных элементов в диссертациях

Элемент	Частота, %	Примечание
Lay Summary / Popular Abstract (неспециализированное резюме)	72	Часто обязательно в Великобритании и Канаде
Отдельная глава «Методология»	68	Характерно для экспериментальных и смешанных исследований
Эмпирическая часть из ≥ 3 исследований/экспериментов	61	Отражает требование достаточного объёма эмпирической базы
Приложения с материалами, данными, кодом	89	Связано с политикой открытой науки (Open Science)
Список публикаций автора	78	Указатель статей по теме диссертации

Выявленные закономерности указывают на существование в академической среде устоявшихся представлений об обязательных структурных элементах диссертации. Структура работы определяется преимущественно нормативными факторами, включая требования к объёму, оформлению, а не субъективным выбором исследователя. Наряду с формальными предписаниями, важную роль играют и дисциплинарные традиции, задающие стандарты композиционного построения – например, структуру IMRaD для экспериментальных исследований.

Публикационная стратегия соискателя, ориентированная на конкретные журналы, влияет на оформление отдельных глав в виде статей, кроме того, общемировые тенденции, такие как принципы FAIR (Findable, Accessible, Interoperable, Reusable) и политика

открытости данных, стимулируют включение подробных приложений и разделов, описывающих этические аспекты исследования.

Анализ технического оформления диссертаций показал следующие особенности. Вводная часть (front matter) традиционно маркируется строчными римскими цифрами (i, ii, iii...), основной корпус работы – арабскими (1, 2, 3...). В 89% случаев номер страницы расположен по центру нижнего поля, при этом строгого стандарта шрифтового оформления не зафиксировано. Наиболее востребованными гарнитурами являются Garamond, Georgia, Cambria, Palatino. В 67% работ используется 12-й кегль. В 95% диссертаций применяется выравнивание основного текста по ширине. В 51% иллюстрации, таблицы и диаграммы интегрированы в текст сразу после первого упоминания, в 49% вынесены в приложения. Все иллюстрации, таблицы, схемы и диаграммы имеют сквозную нумерацию, а названия вынесены под объекты.

В отличие от жёстко регламентированного российского ГОСТ, введение в англоязычной диссертации представляет собой гибкий нарратив, подчинённый риторической цели – убедить читателя в значимости, обоснованности и стройности исследования. Анализ выявил следующую структуру (табл. 2).

Таблица 2 – Компоненты введения и частота их встречаемости

Компонент	Частота, %
Background / Context	100
Problem Statement / Research Gap	98
Research Aims and Research Questions	100
Significance / Contribution	95
Structure of the Thesis	100
Literature Review (интегрированный)	90
Theoretical Framework	80
Methodology (обзорная)	90
Definitions of Key Terms	40
Scope and Delimitations	35
Limitations	10 (в заключении – 68)

Понятия «научная новизна» и «апробация» в явном виде не выделяются: новизна вытекает из формулировки research gap и contribution, сведения об апробации выносятся в благодарности или отдельный список публикаций.

Выбор методов исследования тесно связан с дисциплиной. В лингвистических диссертациях доминируют качественные методы (≈85%), однако набирают популярность смешанные методы (≈40%) и корпусный анализ (≈30%). Использование конкретного программного обеспечения стало маркером методологической строгости (табл. 3).

Таблица 3 – Программное обеспечение, упоминаемое в методологических разделах

Категория ПО	Примеры	Частота упоминания, %
Корпусные инструменты	AntConc, Sketch Engine, LancsBox	30–40
Качественный анализ	NVivo, Atlas.ti	15–23
Статистический анализ	R, SPSS, Python (Pandas, NumPy)	15–25
Специализированное ПО	Praat, ELAN	5–7

В англоязычной традиции отсутствует единый государственный стандарт; вместо этого используются дисциплинарные стили цитирования. Наиболее распространён Author-Date стиль (Harvard) – 95% работ. Оставшиеся 5% используют APA. Основные характеристики:

- Алфавитный порядок без нумерации.
- Висячий отступ (hanging indent) для всех записей.
- Обязательное указание DOI для статей.
- Для электронных ресурсов – полный URL и дата обращения.

Средний объём библиографии составляет 200–450 источников, сочетающих классические труды и современные публикации (последние 5–10 лет).

Проведённое исследование позволяет утверждать, что современная англоязычная диссертация является продуктом сложного взаимодействия формальных требований, дисциплинарных традиций и индивидуальных стратегий автора. Выявлены три основные модели организации текста, стандартизация ключевых элементов, специфика построения введения и методологических разделов. Полученные данные могут служить ориентиром для аспирантов при планировании и написании диссертации, а также для научных руководителей и экспертов, оценивающих качество работ. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сопоставительный анализ структурных особенностей диссертаций в различных дисциплинарных областях и в разных национальных академических традициях.

Список литературы

Dudley-Evans T. The dissertation: A case of neglect? / T. Dudley-Evans // Issues in EAP writing research and instruction / ed. by P. Thompson. – Reading: CALS, The University of Reading, 1999. P. 28-36.

Hyland K. Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing / K. Hyland. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004. – 211 p.

Kamler, B. Helping doctoral students write: Pedagogies for supervision / B. Kamler, P. Thomson. – London: Routledge, 2006. – 192 p.

Paltridge, B. Thesis and dissertation writing: Moving beyond the text / B. Paltridge // International handbook of English language teaching / ed. by J. Cummins, C. Davison. – New York: Springer, 2007. – P. 1013-1028.

Starfield, S. New directions in thesis and dissertation writing / S. Starfield // Journal of English for Academic Purposes. – 2007. – Vol. 6, № 3. – P. 177-180.

Swales, J. M. Genre analysis: English in academic and research settings / J. M. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 135 p.

Thompson, P. English for academic purposes: Approaches and implications / P. Thompson. – Newcastle: Cambridge Scholars Press, 2006. – 351 p.

Thompson, P. Aspects of identification and position in intertextual reference in PhD theses / P. Thompson // Strategies in academic discourse / ed. by E. Tognini-Bonelli, G. Del Lungo Camiciotti. – Amsterdam: John Benjamins, 2005. – P. 31-50.

STRUCTURAL AND COMPOSITIONAL FEATURES OF THE ENGLISH-LANGUAGE DISSERTATION TEXT

Kratnova Zoia Alekseevna

*Senior Lecturer at the Department of Chinese Language
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia*

Abstract. The article presents the results of an analysis of the structural and compositional characteristics of modern English-language PhD dissertations. The research material comprised a corpus of 100 dissertations defended at leading universities in the UK and the USA (University of Edinburgh, University of Oxford, MIT, Stanford University) between 2004 and 2024. The methodology includes quantitative and qualitative content analysis. Three main models of text organization were identified: the traditional monograph ($\approx 55\%$), the article-based thesis ($\approx 30\%$), and a hybrid model ($\approx 15\%$). The frequency of occurrence of key structural elements (Lay Summary, separate methodology chapter, appendices, etc.) was determined. The features of constructing the introduction, methodological sections, and the bibliography/reference list were analyzed. It is shown that the modern dissertation is a flexible, rhetorically refined document reflecting the interplay of university requirements, disciplinary conventions, the author's strategic goals, and global trends in open science. The obtained data may be useful for PhD candidates, supervisors, and researchers of academic discourse.

Key words: dissertation, PhD, academic discourse, genre, dissertation structure, introduction, methodology, bibliography, article-based thesis, corpus analysis.

ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ АББРЕВИАТУР В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ ТАМОЖЕННОЙ ТЕМАТИКИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Ливанова Елена Алексеевна,

*старший преподаватель кафедры английского языка в сфере таможенной
деятельности
Российской таможенной академии, г. Люберцы, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических особенностей профессиональных текстов в таможенной сфере, связанных с феноменами полисемии и омонимии аббревиатур (на примере английского и русского языков). Автор рассматривает причины возникновения многозначности сокращений, обусловленные междисциплинарным характером таможенной деятельности, эволюцией законодательства и влиянием смежных областей. В работе продемонстрировано, что отсутствие контекстуального анализа при интерпретации аббревиатур в условиях интенсивного документооборота создает риски операционных ошибок и правовых коллизий. В статье предложены подходы к преодолению смысловой неопределенности, основанные на изучении синтагматического окружения и жанрово-стилистических особенностей документов, что является критически важным условием для обеспечения точности профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: таможенная терминология, аббревиатуры, полисемия, омонимия, профессиональная коммуникация.

В сфере профессиональных коммуникаций критически важными являются точность и однозначность используемых терминов, которые позволяют избежать разночтений при передаче информации. Применительно к текстам таможенной тематики, авторы которых часто оперируют множеством связанных юридических, экономических и логистических понятий, данная проблема является особенно острой. При этом в таких текстах активно используется аббревиация для обозначения многословных терминов, названий организаций, нормативных актов, процедур и т.д. Именно в этой сфере регулярно возникают ситуации, когда одна и та же аббревиатурная форма соотносится с различными денотатами (полисемия), а также когда идентичные по форме сокращения имеют принципиально разную этимологию и значение (омонимия). В условиях интенсивного документооборота, развития института цифровой таможни и высокой частоты использования сокращений в таможенной сфере данное явление становится существенным фактором риска, способным привести к серьезным смысловым искажениям и операционным ошибкам.

Теоретической базой исследования послужили публикации, посвященные функционированию аббревиатур в различных профессионально-ориентированных дискурсах. В частности, проанализированы работы, исследующие характеристики аббревиатур в современном строительном дискурсе [Пашинина, 2017, с. 49], их структурно-семантические особенности на примере франкоязычных текстов таможенной тематики [Сосунова, 2014, с. 174], рассмотрены проблемы разграничения полисемии и омонимии в медицинской терминологии [Барбашёва, 2015, с. 972], в юридическом дискурсе [Каюмова, 2020, с. 30] и в других видах профессионального языка. Анализ публикаций показал, что вопрос дифференциации полисемии и омонимии аббревиатур до сих пор остается недостаточно изученным из-за неоднозначности подходов исследователей к определению критериев их классификации.

Полисемия аббревиатур возникает, когда одна и та же аббревиатура развивает несколько связанных значений в рамках одной семантической системы или общего профессионального дискурса, часто через перенос или расширение исходного смысла. Омонимия аббревиатур, напротив, подразумевает случайное совпадение форм у разных аббревиатур с полностью независимыми значениями и происхождениями, без семантической связи. Огромную роль играет детальное изучение развития языка, всех его отдельных значений, изменений и преобразований [Ильсова, 2021, с. 500].

Показательным примером полисемии служит акроним AEO. В рамках стандартов Всемирной таможенной организации (ВТамО) он однозначно трактуется как *Authorized Economic Operator* (уполномоченный экономический оператор) – статус, предоставляющий субъектам внешнеэкономической деятельности существенные преимущества. Однако в более широком корпоративном или финансовом контексте те же три буквы могут обозначать *Accounting Executive Officer* (главный бухгалтер). Аббревиатура DDP (один из ключевых терминов в Инкотермс), расшифровывается как *Delivered Duty Paid* (поставка с оплатой пошлин). Однако в иных документах, не связанных напрямую с базами поставки, та же последовательность букв может означать *Duty Drawback Program* (программа возврата пошлин) – процедуру, имеющую принципиально иную экономическую и юридическую природу [Ахмедов, 2010, с. 18].

Важнейшим фактором, порождающим полисемию в таможенной коммуникации, является межведомственный и межотраслевой характер деятельности. Аббревиатуры, пришедшие из смежных областей – финансовой, транспортной, юридической, – зачастую приобретают в таможенном контексте специфическое значение либо сосуществуют с исходным. Например, аббревиатура «ПТС» может быть расшифрована как «паспорт транспортного средства», ключевой документ для контроля автомобилей, пересекающих

границу. Однако в ином контексте того же ведомства она же может обозначать «пост таможенного сопровождения». Без учета конкретной ситуации (оформление документов на автомобиль или логистика перемещения груза под охраной) дешифровка становится невозможной.

Значительный пласт многозначных сокращений связан с обозначением таможенных процедур и режимов. Так, аббревиатура «ВТТ» может пониматься как «временный таможенный транзит», но в историческом контексте или в некоторых внутренних документах она же может расшифровываться как «временный торговый тариф». Подобная смысловая дивергенция, корнящаяся в эволюции таможенного законодательства, требует от специалиста не только актуальных знаний, но и понимания исторической динамики терминосистемы.

Отдельную сложность представляет полисемия, возникающая на стыке общеупотребительных и узкопрофессиональных значений. Аббревиатура «СВХ» для любого участника ВЭД однозначно расшифровывается как «склад временного хранения». Однако внутри логистических компаний та же аббревиатура может в неформальном профессиональном общении обозначать «стоимость внутреннего хранения», создавая потенциальную почву для недопонимания при взаимодействии с таможенными органами.

Особую зону неопределенности при интерпретации терминов в документах таможенной тематики создает омонимия. Примером может служить аббревиатура *API*, которая в сфере таможенного и пограничного контроля расшифровывается как *Advance Passenger Information* (система предварительной информации о пассажирах). Например, в новостной статье на официальном сайте ВТамО, посвященной контролю за пассажирами, она функционирует следующим образом: *The initiative focuses on the utilization of Advance Passenger Information (API) and Passenger Name Records (PNR) within administrations to improve and develop risk analysis and targeting methods for effective passenger control* (Инициатива направлена на использование системы предварительной информации о пассажирах (*API*) и записей о пассажирах (*PNR*) в административных органах для улучшения и разработки методов анализа рисков и целевого воздействия для эффективного контроля за пассажирами) [WCO, 2024]. Однако в области информационных технологий та же аббревиатура означает *Application Programming Interface* (интерфейс программирования приложений). Приведенный пример подчеркивает совпадение графической формы при отсутствии семантической связи между значениями.

Аналогичным образом, аббревиатура *DDP*, являющаяся ключевым термином в Инкотермс (*Delivered Duty Paid* – поставка с оплатой пошлин), в ином контексте может читаться как *Data Destruction Policy* (политика уничтожения данных), что уже относится к сфере информационной безопасности и не имеет отношения к таможенным процедурам.

Серьезные проблемы возникают с аббревиатурой *TAR*, которая в таможенном регулировании означает *Tariff and Accounting Regulation* (тарифное и учетное регулирование), но при этом совпадает с сокращением от *Technical Assistance Request* (запрос на техническую помощь) в административных процедурах промышленных и других предприятий. Упомянутая выше аббревиатура *AEO* (*Authorized Economic Operator*) может в рамках отдельной национальной программы или корпоративного стандарта получать иное толкование, например, *Alternative Energy Officer* (ответственный по альтернативной энергетике).

Классическим примером омонимичной аббревиатуры в русскоязычной таможенной коммуникации является сочетание «ГТД». На протяжении десятилетий в практике таможенного оформления оно устойчиво расшифровывалось как «грузовая таможенная декларация». Однако с введением единого административного документа и изменением законодательства в официальный обиход вошла аббревиатура «ДТ» (декларация на товары). В то же время, в ином, например, техническом или энергетическом контексте, та же аббревиатура «ГТД» может расшифровываться как «газотурбинный двигатель».

Совпадение акронимов здесь абсолютно случайно, а значения не имеют никакой смысловой связи, что соответствует понятию омонимии.

Для решения проблем многозначности аббревиатур в практике работы с текстами используются два основных подхода. Первый – анализ жанрово-стилистического контекста документа: в законе или техническом регламенте аббревиатура будет использоваться в своем кодифицированном, устоявшемся значении, в то время как во внутренней служебной записке или оперативной переписке возможны ситуативные, узкогрупповые семантические модификации. Вторым подходом является анализ синтагматического окружения сокращения: сочетаемость с определенными глаголами или существительными часто снимает неоднозначность [Дюжикова, 2017, с. 50]. Например, словосочетание «поместить на СВХ» однозначно указывает на «склад временного хранения».

Помимо тщательного анализа контекста, необходимо учитывать жанр документа (международная конвенция, транспортная накладная, декларация, внутренний регламент), его целевую аудиторию и правовой статус. Значительную роль играет также хронологический фактор: значения аббревиатур эволюционируют, устаревают или подвергаются специализации. Так, аббревиатура *EDI (Electronic Data Interchange)*, первоначально обозначала технологию электронного обмена стандартными коммерческими сообщениями, но в современном профессиональном дискурсе она используется в более широком значении, охватывая комплекс цифровых платформ и интегрированных информационных систем, которые обеспечивают автоматизированное взаимодействие участников ВЭД.

Таким образом, полисемия и омонимия аббревиатур в таможенных текстах являются прямым следствием интенсивного процесса терминообразования, междисциплинарной интеграции и динамичного развития международной торговли. Эффективное профессиональное общение и документооборот в данной области предполагают не только владение глоссарием сокращений, но и развитую способность к оперативному выявлению и разрешению смысловых неоднозначностей на основе глубокого понимания предметной области и контекстуальных механизмов. Недооценка данной специфики может привести к семантическим сбоям, чреватым серьезными административными и финансовыми последствиями.

Список литературы

Ахмедов О.С. Лексико-семантические проблемы при переводе с английского языка налоговых и таможенных терминов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2010. – № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. – С. 18-21.

Барбашёва С.С. Полисемия и омонимия медицинских аббревиатур: проблема их разграничения / С.С. Барбашёва, Т.В. Рожкова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – № 5-3. – С. 972-975.

Дюжикова Е.А. Парадокс «Идентичных» инициально-словных сокращений современного английского языка / Е.А. Дюжикова, О.В. Афанасьева // Вопросы современной лингвистики. – 2017. – № 6. – С. 50-58.

Ильясова Р.С. К вопросу о дифференциации явлений омонимии и полисемии / Р.С. Ильясова, А.И. Дадаева // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6 (91). – С. 500-502.

Каюмова К.Н. Омонимия и полисемия в юридическом тексте // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 5-7 (74). – С. 30-32.

Пашинина Ю.С. Аббревиатура как характеристика современного строительного дискурса (на примере франкоязычных текстов строительной тематики) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Изд-во ВГУ. – 2017. – № 2. – С. 49-53.

Сосунова Г.А. Структурно-семантическая характеристика аббревиатуры в текстах таможенной тематики на французском языке // Известия высших учебных заведений.

Поволжский регион. Сер.: Гуманитарные науки. Пенза: Изд-во ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет». – 2014. – № 1 (29). – С. 174-185.

WCO. Passenger Controls : official site. – URL: <https://www.wcoomd.org/en/topics/enforcement-and-compliance/activities-and-programmes/security-programme/passenger-controls.aspx/> (дата обращения: 27.03.2026).

POLYSEMY AND HOMONYMY OF ABBREVIATIONS IN PROFESSIONALLY ORIENTED CUSTOMS TEXTS (A COMPARATIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Livanova Elena Alekseevna,

Senior lecturer,

Department of English Language in the sphere of Customs activity

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of linguistic features of professional texts in the customs sphere related to the phenomena of polysemy and homonymy of abbreviations (using the example of English and Russian languages). The author examines the reasons for the ambiguity of abbreviations due to the interdisciplinary nature of customs activities, the evolution of legislation and the influence of related fields. The paper demonstrates that the lack of contextual analysis when interpreting abbreviations in conditions of intensive document flow creates risks of operational errors and legal conflicts. The article suggests approaches to overcoming semantic ambiguity based on the study of the syntagmatic environment and the genre-stylistic features of documents, which is a critical condition for ensuring the accuracy of professional communication.

Key words: customs terminology, abbreviations, polysemy, homonymy, professional communication.

ИЗУЧЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ ТИПОВ ТЕКСТА: ОБСУЖДЕНИЕ СТРАТЕГИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мкртычан Светлана Викторовна,

доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии

Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия,

Кравчук Екатерина Эдуардовна,

аспирант 3 курса

Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

Аннотация. В статье обсуждается стратегия экспериментального исследования, направленного на изучение специфики понимания различных функционально-смысловых типов учебного научного текста (описание, повествование, рассуждение) через призму таких параметров, как наличие установки, форма предъявления текста, специфика образования испытуемых. Формулируется гипотеза эксперимента, излагается суть основных концепций, положенных в основу исследования, обосновывается ход и логика проведения экспериментального исследования.

Ключевые слова: функционально-смысловой тип текста, контртекст, методика набора ключевых слов, денотатный граф, установка.

Проблематика, связанная с пониманием текста, находится в фокусе исследований, принадлежащих разным предметным областям (лингвистика, психология, педагогика и др. *Актуальность* темы связана не только с необходимостью теоретического осмысления

специфики процесса понимания текста, но и с лингводидактической направленностью исследований, способствующих оптимизации работы с учебным научным текстом, который является неотъемлемой составляющей учебного процесса на всех ступенях образования.

Объектом исследования является понимание функционально-смысловых типов (далее – ФСТ) текстов, которые представляют собою *типизированные модели монологической речи*, объединённые общими признаками.

Традиционно выделяют три ФСТ: описание, повествование, рассуждение [Нечаева, 1975]. Каждый ФСТ обладает содержательными и структурными особенностями. В качестве основных параметров, характеризующих ФСТ текста, можно назвать, во-первых, степень гибкости структуры текста (гибкость текста-описания, жёсткость текста-повествования, условная жёсткость текста-рассуждения, допускающая перемещение некоторых смысловых блоков), во-вторых, общую типологическую тематическую объектность текста (объект в тексте-описании, процесс в тексте-повествовании, доказательство в тексте-рассуждении), в-третьих, лексико-грамматические особенности вербального оформления, которые воплощены в типовых текстовых синтаксических конструкциях научного стиля речи [Мкртычян, Кравчук, 2025а; Мкртычян, Кравчук, 2025б].

Пример текста-рассуждения для лингвистов представлен ниже:

Понимание связного текста, которое кажется интуитивно простым и элегантным, является сложнейшим процессом. В течение 0,1–0,2 секунды воспринимаемый поток звуков интерпретируется в терминах фонем, морфем и предложений, их последовательностям приписывается значение. Одновременно с этим части предложений должны быть объединены в предложения, должны быть выявлены отношения, обеспечивающие связность данных предложений, в целях определения темы данного фрагмента, должны быть установлены его глобальные макроструктуры. Интерпретация текста зависит от знаний о мире, которые должны быть найдены, выборочно активированы и приведены в действие, потому что в большинстве текстов описываются объекты, которые известны нам из прошлого опыта. Знания о мире носят субъективный характер. Наряду с этим у каждого из нас есть в той или иной мере сходные кластеры опыта, которые обеспечивают взаимопонимание. Хранящиеся в памяти ситуации используются в качестве основы для интерпретации нового текста.

Гипотеза исследования заключается в следующем предположении: специфика понимания различных ФСТ текста (описания, повествования, рассуждения) находится в зависимости от таких параметров, как наличие установки, формы предъявления текста и характера образования реципиентов-испытуемых (далее – Ии.).

Вслед за Д.Н. Узнадзе мы исходим из того, что установка лежит в основе любой деятельности (в том числе понимания). Под установкой понимается «некоторое общее состояние, которое касается деятельности его как целого» [Узнадзе, 2024, с. 59]. По мнению Д.Н. Узнадзе установка возникает при восприятии предварительной экспозиции, например, информации, которую Ии. получает перед предъявлением текста. Таким образом, установка «предваряет появление определенных фактов сознания или предшествует им» [Узнадзе, 2024, с. 25]. Это значит, что установка, полученная Ии. до момента чтения текста, встраивается в модель ситуации и оказывает влияние на восприятие текста наряду со всеми иными имеющимися у Ии. знаниями.

Способ предъявления текста (целостный/фрагментированный текст) является важным параметром в условиях синдрома дефицита внимания, который признаётся одной из причин функциональной неграмотности.

В качестве испытуемых привлечены лингвисты (студенты и выпускники филологических и лингвистических факультетов ТвГУ) и курсанты ВА ВКО им. Г.К. Жукова г. Твери. Для проведения эксперимента было подготовлено 6 учебных научных текстов, относящихся к 3 ФСТ (3 текста – описание, повествование и рассуждение

– для лингвистов и 3 текста для курсантов). Ии. работали с текстами из своей предметной профессиональной области.

С учётом предположения о том, что понимание ФСТ типа текста зависит от наличия установки, формы предъявления текста и характера образования испытуемых, было составлено по три типа заданий для курсантов и лингвистов (6 групп) и в каждом из трёх заданий было выделено четыре подтипа (всего 24 группы, в состав каждой из которых входило примерно 10 человек). В каждом подтипе в разных комбинациях учитывались факторы формы предъявления текста и наличие установки на текст (см. табл.). Предъявляемые параметры маркированы следующим образом: *У* – наличие установки на текст при предъявлении отдельных предложений; *Т* – предъявленность полного текста.

Таблица – Формулировка заданий для каждой группы

	Группа 1 (У/Т)	Группа 2 (У/–)	Группа 3 (–/Т)	Группа 4 (–/–)
Задание 1	«Прочитайте предложение из текста и отреагируйте первой фразой, пришедшей в голову»	«Прочитайте предложение из текста и отреагируйте первой фразой, пришедшей в голову»	«Прочитайте предложение и отреагируйте первой фразой, пришедшей в голову»	«Прочитайте предложение и отреагируйте первой фразой, пришедшей в голову»
Задание 2	«Прочитайте текст»	—	«Прочитайте текст»	—
	«Напишите ключевые слова»	«Напишите ключевые слова»	«Напишите ключевые слова»	«Напишите ключевые слова»
Задание 3	«Передайте общее содержание текста»	«Передайте общее содержание текста»	«Передайте общее содержание текста»	«Передайте общее содержание текста»

Таким образом, группе 1 была дана установка на текст, а потом текст был предъявлен в разрезанном виде, т.е. были предъявлены его отдельные предложения; группе 2 была дана установка при предъявлении отдельных предложений текста, но не был предъявлен целостный текст; группе 3 не была дана установка при предъявлении отдельных предложений текста, но далее вслед за разрезанным был предъявлен целостный текст; группе 4 не была дана установка при предъявлении отдельных предложений текста и не был предъявлен целостный текст.

Экспериментальное исследование включает в себя 3 этапа/задания.

На первом этапе экспериментального исследования релевантен параметр установки. Текст предъявляется по одному предложению. На этом этапе исследование проводилось по методике «встречного текста», или «контртекста» (термин Н.И. Жинкина), которая была предложена А.И. Новиковым в 2003 г. и описана в статье «Текст и "контртекст"» [Новиков, 2003].

А.И. Новиков исходит из того, что процесс восприятия текста проявляется в особенностях продуцируемого метатекста (или вторичного текста), который представляет собой внешний результат «думания вслух», поскольку доступ к внутренним процессам затруднён. Предполагается, что вторичный текст «позволит судить <...> о внутренней стороне процесса восприятия текста» [Новиков, 2003, с. 65]. При таком подходе метатекст рассматривается как код, подлежащий расшифровке того, какие стратегии понимания использовались и что оказалось понятым.

Процедура методики заключается в том, чтобы реципиент, читая текст, предложение за предложением, не забежал вперед и записывал по каждому из них все, что «приходит в голову» при непосредственном восприятии информации одного предложения. Критерием понимания на первом этапе является количество содержательных реакций, зафиксированных Ии. Вслед за А.И. Новиковым под содержательными мы понимаем реакции, «соотносимые непосредственно с содержанием текста» [Новиков, 2003, с. 69].

На втором этапе экспериментального исследования релевантны параметры установки и формы предъявления текста. На этом этапе использовалась методика набора ключевых слов (далее – НКС), предложенная А.С. Штерн [Мурзин, Штерн, 1991]. Процедура методики заключается в предъявлении Ии. текста, после чего Ии. получают задание зафиксировать ключевые слова. Под ключевым словом (далее – КС) вслед за А.С. Штерн понимается «слово или словосочетание из двух слов, несущее существенную смысловую нагрузку в тексте» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 73].

Критерием понимания текста для второго этапа является количество КС, которые совпали с эталонными. Набор эталонных слов был сформирован нами.

Для третьего задания, как и для второго, были релевантны параметры установки и предъявленности текста. Ии. было дано задание зафиксировать основное содержание текста. Основой для третьего этапа исследования послужили метод экспликации денотатной структуры текста [Новиков, 1983], и методика воспроизведения текста [Зинченко, 2017].

По методике А.И. Новикова на основе каждого текста, предъявленного Ии., нами был составлен денотатный граф. Под денотатным графом понимается схема, которая включает в себя наименования денотатов и обозначения связей между ними. Денотат – это внутреннее мыслительное образование, «которое не имеет своих собственных средств внешнего выражения, кроме как средств естественного языка» [Новиков, 1983, с. 57] и может иметь различную вербальную оболочку в тексте. В качестве наименований денотатов выбираются такие «отрезки текста, которые соответствуют предметам и предметным признакам, субъектам и предикатам, темам и ремам и выступают в качестве функциональных единиц текста» [Новиков, 1983, с. 55]. В качестве связей между денотатами, как правило, выступают предикации. Однако эта связь, по мнению А.И. Новикова, может выражаться с помощью местоименных и синонимических замен, союзов, лексических повторов, относительных слов и т.п.: «Не являясь грамматическими средствами на уровне предложения, они, тем не менее, составляют грамматику текста в силу их формальности и универсальности. На основе этих средств связности в тексте образуются различные виды связи» [Новиков, 1983, с. 5-6].

Денотатные графы текстов служат опорой для интерпретации текстов, которые продуцируют испытуемые.

Критерием понимания текста для третьего этапа является количество межденотатных связей, которые совпадают с эталонными в ответах Ии.

Таким образом, представленная стратегия экспериментального исследования специфики понимания различных функционально-смысловых типов учебного научного текста, которая основывается на идеях А.И. Новикова, Д.Н. Узнадзе, А.С. Штерн, учитывает такие параметры, как наличие установки, форма предъявления текста, характер образования испытуемых. Полагаем, что результаты, полученные в ходе исследования, будут способствовать разработке методических рекомендаций, направленных на оптимизацию работы с учебным научным текстом гуманитарного/технического профиля.

Список литературы

Зинченко В.П. Восприятие и визуальная культура. – М.; СПб.: «ЦГИ Принт», 2017. – 599 с.

Мкртычян С.В. Исследование специфики восприятия функционально-семантических типов текста по методике «встречного текста» / С.В. Мкртычян,

Е.Э. Кравчук // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2025а. – № 2 (85). – С. 127-134.

Мкртычян С.В. Исследование восприятия функционально-смысловых типов учебно-научного текста на основе методики набора ключевых слов / С.В. Мкртычян, Е.Э. Кравчук // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2025б. – № 4 (87). – С. 172–180.

Мурзин Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.

Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1975. – 410 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 215 с.

Новиков А.И. Текст и "контртекст": две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. – С. 64–76.

Узнадзе Д.Н. Теория установки. – СПб.: Питер, 2024. – 514 с.

STUDYING THE UNDERSTANDING OF TEXT FUNCTIONAL-SEMANTIC TYPES: DISCUSSION OF THE EXPERIMENTAL RESEARCH STRATEGY

Mkrtychyan Svetlana Viktorovna,

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor in the Department of Language Theory, Translation, and French Philology

Tver State University, Tver, Russia,

Kravchuk Ekaterina Eduardovna,

Third-year PhD student

Tver State University, Tver, Russia

Abstract. This article discusses the strategy of an experimental study aimed at exploring the specifics of understanding various functional-semantic types of academic scientific text (description, narrative, reasoning) through the prism of such parameters as the presence of a mindset, the format of text presentation, and the specific educational background of the subjects. The experimental hypothesis is formulated, the essence of the main concepts underlying the study is outlined, and the course and logic of the experimental study are substantiated.

Key words: functional-semantic text type, countercontext, key word selection method, denotational graph, attitude.

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИДИОМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Д. ТРАМПА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Прокопенко Юлия Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ»,

Куприченко Екатерина Сергеевна,

студентка кафедры иностранных языков факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ»,

Баркалова Анна Федоровна,

магистрант кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования идиоматических выражений в политическом дискурсе на примере публичных выступлений и постов в социальных сетях Д. Трампа. На основе анализа корпуса материалов выделяются основные функции идиом: сокращение сложных смыслов, маркирование групповой принадлежности, работа с образами оппонентов. Показывается, что идиомы в дискурсе Трампа выполняют не столько стилистическую, сколько перформативную и фреймирующую роль.

Ключевые слова: политический дискурс, идиома, Дональд Трамп, перформативность, фрейминг.

Политический дискурс последних лет заметно изменился. Одна из причин в том, что основные каналы коммуникации стали другими. Б. Отт пишет, что «эпоха телевидения уступает место эпохе Twitter», и это меняет форматы и саму структуру публичного высказывания [Ott, 2017, с. 60]. Если раньше политик мог позволить себе длинные периоды, обтекаемые формулировки и сложные синтаксические конструкции, рассчитанные на то, что зритель будет смотреть и слушать двадцать-тридцать минут без перерыва, то теперь его выступление упаковывается в 280 символов. От того, насколько эффективно он использует этот объем, зависит, дойдет ли его сообщение до адресата, прорвется ли через шум ленты, заставит ли остановиться и прочитать, а не пролистать дальше. Дональд Трамп оказался фигурой, чья манера говорить удивительно точно совпала с тем, что требует новая среда. Б. Отт выделяет три характеристики этой среды: простоту, импульсивность и бесцеремонность, и показывает, что они же определяют стиль Трампа [Ott, 2017, с. 63]. Но здесь важно не только то, что Трамп говорит коротко и часто резко, а то, какими средствами он этого добивается и почему эти средства оказываются столь эффективными в новой медийной реальности.

Если стиль Трампа – это простота, импульсивность и бесцеремонность, то на каких именно языковых механизмах эта простота держится? Ответ во многом связан с тем, как Трамп использует идиомы. Обычно идиома в политической речи рассматривается как способ сделать высказывание более образным или эмоциональным. Однако выступления Трампа и то, как о нем пишут в социальных сетях, показывают, что функции идиом здесь шире. Они не дополняют речь – они ее организуют. Исследование Н.А. Утами, посвященное первому президентскому дебатам 2020 года между Трампом и Байденом, показывает: из пятидесяти девяти идиоматических выражений, которые удалось выделить, тридцать шесть относятся к фразовым глагольным идиомам (phrasal verb idioms) [Utami, 2021, с. 59]. Фразовые глаголы вроде *give it up*, *wipe out*, *strike down* или *get rid of* придают речи ту самую энергетику, которая ценится в среде, привыкшей к коротким и эмоциональным сообщениям. Они динамичны и создают ощущение, что действие происходит прямо сейчас. Но дело не только в частотности. Важнее то, как эти единицы работают в конкретных речевых актах. Н.А. Утами замечает, что у Трампа идиомы, как правило, занимают сильные позиции в высказывании – в начале или в конце реплики, где они работают как точка, после которой уже не нужно ничего добавлять [Utami, 2021, с. 60]. У Байдена, для сравнения, идиомы чаще встроены внутрь развернутых конструкций, где они служат пояснением к уже сказанному.

Разница между ними не только в синтаксической позиции. Есть еще одно отличие, которое проявляется на уровне того, как идиома воспринимается аудиторией. В трамповском дискурсе идиома начинает восприниматься не как фигура речи, а как описание реальности или даже как программа действий. Дж. Лакофф в своей работе о риторических стратегиях Трампа подробно разбирает идиому *drain the swamp*, которая стала центральным слоганом кампании 2016 года. Дж. Лакофф показывает, что для Трампа и его сторонников эта фраза означала не абстрактную борьбу с коррупцией, а вполне конкретный запрос на увольнение чиновников, которых они считали частью враждебной системы [Lakoff, 2016, с. 45]. Идиома здесь работает как действие: она не описывает что-то, а сама является

началом действия, точкой сбора для политической мобилизации. Сторонники воспринимают ее не как обещание, которое когда-нибудь будет выполнено, а как описание того, что уже начало происходить. То же можно сказать о фразе *lock her up*, которая, строго говоря не является классической идиомой, но в контексте трамповского дискурса функционирует именно как устойчивое, ритуализированное выражение, превращающее юридическую процедуру в эмоциональный акт коллективного утверждения. На митингах эта фраза скандируется, и само скандирование становится публичным подтверждением лояльности, актом включения в группу. Идиомы у Трампа перестают быть просто словами, превращаясь в поступки.

С этим связана и другая функция – фреймирование, то есть задание определенной рамки для интерпретации событий. Дж. Лакофф показывает, как Трамп использует модель «строгого отца» (*Strict Father model*), в рамках которой идиомы вроде *punch back* или *give 'em hell* служат не просто описанием поведения, но утверждением иерархии и демонстрацией силы [Lakoff, 2016, с. 88].

Стратегия Трампа не сводится к одной лишь грубой прямоте. О. Бэгзжав и Х. Нямсурэн, исследовавшие эвфемистические механизмы в его речах, приходят к выводу, что, несмотря на репутацию прямого и даже грубого оратора, он активно использует эвфемизмы в чувствительных темах. Вместо слова «бедные» он предпочитает выражение *forgotten men and women*, а военные удары называет *precision strike* или *flawless execution* [Begzjav, 2023, с. 916]. Прямота и грубость работают на образ «честного бунтаря», который говорит правду вопреки политкорректности, а эвфемистичность включается тогда, когда речь заходит о действиях, которые могут вызвать однозначное осуждение. Идиомы оказываются гибким инструментом, позволяющим переключаться между регистрами в зависимости от задачи. В одном случае нужно продемонстрировать силу и жесткость – и в ход идут *punch back* и *give 'em hell*. В другом случае нужно смягчить неудобную тему – и появляются *forgotten men and women* вместо «бедных» или *precision strike* вместо «бомбежка». И то, и другое – идиомы, но работают они на противоположные цели.

Роль идиом в том, как Трамп и его оппоненты работают с образами друг друга, особенно заметна. А. Константинова на материале антитрамповских постов в Facebook и Twitter за период с сентября 2019 по январь 2020 года показывает, что идиомы становятся здесь центральным инструментом критики. В одном из разобранных ею примеров идиома *a wolf in sheep's clothing* используется как краткая формула для описания истинной, по мнению оппозиции, сущности президента [Konstantinova, 2020, с. 153]. В другом случае модифицированная идиома *Practice what you impeach* (вместо традиционной *practice what you preach*) превращает пародию на библейскую мудрость в политический лозунг, адресованный республиканцам, которых обвиняют в нежелании последовательно применять процедуру импичмента [Konstantinova, 2020, с. 152]. Даже критики Трампа вынуждены работать в той же самой фразеологической вселенной, что и он сам.

Константинова также обращает внимание на явление, которое называют креолизацией, то есть соединением вербального и визуального. Один из ярких примеров – мем, на котором Трамп изображен выбрасывающим курдов под автобус, с фразеологическим спойлером *We're gonna need a bigger bus!* Эта фраза отсылает к идиоме *throw someone under the bus*, означающей предательство или перекладывание ответственности. Визуальная дефразеологизация, то есть буквальное изображение метафоры, делает идиому осязаемой и усиливает её обвинительный потенциал [Konstantinova, 2020, с. 160]. Мем отсылает к реальному политическому решению Трампа – выводу американских войск из Сирии в 2019 году, воспринятому многими как предательство курдских союзников. Изображение превращает абстрактную метафору в конкретную сцену, где каждый элемент работает на усиление обвинения. Такие гибридные тексты становятся самостоятельной формой политического высказывания, в которой устойчивое выражение обретает новую жизнь.

Б. Отт в своем анализе Twitter подчеркивает, что «эмоционально заряженные сообщения распространяются быстрее и чаще, чем нейтральные» [Ott, 2017, с. 61]. Идиомы, особенно в их модифицированной или усеченной форме, работают как катализаторы эмоций. Они не требуют рефлексии – они требуют реакции. Когда Трамп во время дебатов бросает в адрес Байдена фразу *Keer uarring, map*, это высказывание, квалифицированное Н. Утами как фразовый глагол-идиома, означает не просто «продолжай болтать», а маркирует оппонента как фигуру, не заслуживающую серьезного внимания, и одновременно посылает сигнал сторонникам: этот человек не имеет значения [Utami, 2021, с. 34]. Коротко, импульсивно и предельно эмоционально – именно так, по логике Отта, и должен выглядеть идеальный твит.

Специфика использования идиом в дискурсе Трампа выходит за рамки традиционного украшения речи. Идиомы участвуют в создании фреймов: оппоненты превращаются в «волков в овечьей шкуре», сторонники – в «забытых мужчин и женщин». Само произнесение идиомы воспринимается как действие – обещание осушить болото звучит для сторонников не как абстрактная цель, а как уже запущенный процесс, а угроза дать сдачи задает правила игры. Идиомы служат инструментом эмоционального заражения, особенно в креолизованных формах, где слово и изображение работают вместе. Они становятся оружием в информационной войне, причем оружием, которое используют обе стороны: оппозиция, высмеивая Трампа, модифицирует его же идиомы, но тем самым остается в том же фразеологическом поле. Идиомы в дискурсе Трампа перестают быть просто единицами языка – они становятся инструментом политического действия.

Изучение идиом в политическом дискурсе на материале выступлений Трампа позволяет описать особенности его идиостиля и понять общие закономерности функционирования языка в эпоху социальных медиа. Идиома, некогда воспринимавшаяся как средство стилистического разнообразия, превращается в инструмент политического конструирования реальности. Трамповский способ обращения с идиомами – не случайная особенность отдельного политика, а симптом более широких изменений в публичной коммуникации.

Список литературы

Begzjav O. Features of Political Euphemisms in President Donald Trump's Speeches / O. Begzjav, K. Nyamsuren // *Open Journal of Modern Linguistics*. – 2023. – Vol. 13. – № 6. – P. 912-923.

Konstantinova A. "Love Trumps Hate": Proverbial and Idiomatic Leitmotifs of the Anti-Trump Social Media Discourse // *Proverbium*. – 2020. – № 37. – С. 145-178.

Lakoff G. Understanding Trump (and why co-called "political correctness" is a framing strategy). – San Francisco: University of California Press, 2016. – 128 p.

Ott B.L. The age of Twitter: Donald J. Trump and the politics of debasement // *Critical Studies in Media Communication*. – 2017. – Vol. 34, № 1. – P. 59-68.

Utami N.A. Idiomatic Expressions in The First Presidential Debate between Donald Trump and Joe Biden: Semantic Analysis: Thesis. – Malang: Universitas Islam Negeri Maulana Malik Ibrahim, 2021. – 92 p.

SPECIFICS OF IDIOM USE IN DONALD TRUMP'S POLITICAL DISCOURSE: A FUNCTIONAL-SEMANTIC ANALYSIS

Prokopenko Yulia Alexandrovna,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute,

Kuprichenko Ekaterina Sergeevna,
*Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State University,*
Barkalova Anna Fedorovna,
*Master Student of Faculty of Foreign Languages of Institute of Pedagogy,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the use of idiomatic expressions in political discourse based on the public speeches and social media posts of D. Trump. Based on the analysis of a corpus of materials, the main functions of idioms are identified: reduction of complex meanings, marking group identity, and shaping the images of opponents. It is shown that idioms in Trump's discourse serve not so much a stylistic as a performative and framing function.

Key words: political discourse, idiom, Donald Trump, performativity, framing.

ЧЕЛОВЕК VS ИИ: РАЗРАБОТКА ЗАДАНИЙ ПО ИЗМЕРЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Рашиевский Василий Евгеньевич,
*ассистент кафедры иностранных языков
педагогического института
Белгородского государственного исследовательского университета,
г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье представлены задания, позволяющие измерить и сравнить языковые способности языковых личностей людей с искусственным интеллектом. Автор выделяет пять параметров проверки: семантическую дедукцию, синтаксическую гибкость, метафорический потенциал, навыки дистрибутивного анализа и различения паронимов. Описан алгоритм формирования сбалансированного списка заданий, учитывающий сложность морфемных моделей, структурную многозначность и контекстуальные лакуны. Разработанный комплекс вопросов помогает объективировать когнитивные различия в восприятии языка. Предложенный алгоритм подчеркивает особенности человеческой интерпретации, которые остаются недоступными для алгоритмов предиктивного анализа текста.

Ключевые слова: языковой вектор, языковые способности, интерпретационный потенциал, банк вопросов, искусственный интеллект.

Актуальность объективной оценки когнитивных различий между человеком и искусственным интеллектом обусловлена стремительным развитием больших языковых моделей. Несмотря на высокую степень имитации естественной речи, модели предиктивного анализа текста фундаментально ограничены математической вероятностью появления токенов, в то время как человеческая интерпретация опирается на сложную систему языковых и неязыковых знаний, лингвистических навыков и интенций. Традиционные методы тестирования, как, например, тест Тьюринга, всё чаще признаются недостаточными для выявления глубинных различий в обработке смыслов. В данной статье предлагается сбалансированный банк вопросов, позволяющий объективировать языковой вектор интерпретационного потенциала языковых личностей людей и искусственного интеллекта через проверку ряда ключевых языковых компетенций.

Для определения таких компетенций следует рассматривать языковой вектор не как сумму знаний, а как направленность когнитивной деятельности на извлечение или создание смыслов. Процесс интерпретации многоуровневый и одновременно задействует как языковой, так и социокультурный и прагматический вектора. Языковой вектор отражает

комплексность строго языковых компетенций, которые задействуются в процессе интерпретации и охватывают все уровни языка от микро- до макроуровня (от распознавания морфем до понимания текстов). Таким образом, сравнивая актуальную концепцию с моделью языковой личности Ю. Н. Караулова [Караулов, 2010], под языковым вектором предлагается понимать дуальность «вербально-семантического» и «когнитивного» уровней языковой личности, что предстаёт «операционной системой» интерпретационного потенциала.

Исходя из этого, важнейшей компетенцией языкового вектора предстаёт семантическая дедукция, которая определяет способность языковой личности к распознаванию смыслов. Эта компетенция отвечает за умение восстанавливать значение незнакомых лексем, авторских неологизмов или архаизмов, исходя из общей логики высказывания и иерархии концептов внутри текста. Она проверяет не объем накопленного словаря, а эффективность когнитивных стратегий по извлечению смыслов из воспринимаемого сообщения, от восприятия общей картины коммуникативной ситуации к частному значению отдельных слов коммуниканта.

Ключевое различие когнитивного аспекта коммуникации человека и ИИ кроется в принципе анализа семантической составляющей сообщения. Языковые модели вычисляют ответы по принципу статистической индукции, то есть через получение усредненных контекстно-обоснованных ответов [Bender, 2021, с. 611], когда человек опирается на дедуктивный метод, контекст и прагматику ситуации. Нейросеть может «споткнуться» на редком слове в диалоге на естественном языке, если то не имеет цифрового следа в материале предобработки, но человек успешно заполняет лауну, используя языковую интуицию и фоновые знания о мире, что делает интерпретацию устойчивой к лексическим пробелам.

Для проверки способностей семантической дедукции человека и ИИ требуется сбалансировать банк тестовых вопросов. Использование архаизмов и существующих малоизвестных слов может негативно отразиться на человеческих результатах, поэтому акцент будет поставлен на проверку уникальных слов разных частей речи, образованных некоторыми способами:

- сложное существительное – громковертец. Пример дискурсивной подсказки в случае отсутствия догадок о значении слова: «Этот старый дребезжащий громковертец, наконец, заглох»;
- отсушествительный приставочно-суффиксальный глагол – обестолпить. Пример: «Площадь была быстро обестолплена»;
- звукоподражательный суффиксальный глагол – туцкать. Пример: «Из той машины всю ночь что-то туцкало»;
- суффиксальное прилагательное – фрактабельный. Пример: «Наш проект оказался на удивление фрактабельным: мы легко разделили одну огромную задачу на десять автономных подзадач, которые никак не зависят друг от друга».

Синтаксическая гибкость отражает аспект динамики языкового вектора, выражающийся в способности субъекта строить форму выражения речи без потери или с осознанной трансформацией содержания. Данная компетенция оценивает владение механизмами трансформации, которые служат инструментом управления фокусом внимания собеседника. Высокий уровень синтаксической гибкости языковой личности свидетельствует о глубоком контроле над логико-смысловыми связями и умении адаптировать форму сообщения под конкретную коммуникативную задачу.

Для больших языковых моделей перестройка предложения часто сводится к формальной замене токенов, что может приводить к упрощению формы выражения, так как нейросети склонны к генерации синтаксически правильных, но стилистически инертных конструкций. Однако с точки зрения владения синтаксисом, в современных генеративных моделях наблюдается скачок данных способностей [Zhou, 2023]. Человек использует синтаксическую вариативность для передачи тончайших оттенков модальности в

соответствии с коммуникативной ситуацией. В то время, как ИИ занимается лишь перестановкой слов, человек использует синтаксис как динамический инструмент в пересборке смыслов.

Для проверки синтаксической гибкости языковой личности даётся простое предложение, которое должно быть перефразированным «всевозможными» способами. Данные предложения обладают двусмысленностью, что и должен подметить опрашиваемый, например:

- «Посещение родственников может быть утомительным». Смысл А: Когда вы идете в гости... Смысл Б: Когда родственники приходят к вам...;
- «Назначение Иванова всем показалось ошибкой». Смысл А: Иванова куда-то назначили? Смысл Б: Иванов сам кого-то назначил?;
- «Приезд профессора из Оксфорда всех удивил». Смысл А: Профессор приехал откуда? Смысл Б: Какой именно профессор приехал?;
- «Инструкция по эксплуатации старых сотрудников не воодушевила». Смысл А: Инструкция касается того, как «использовать» сотрудников. Смысл Б: Сотрудники со стажем прочитали инструкцию к технике и расстроились.

Метафорический потенциал определяет глубину и спонтанность языкового вектора. Это способность языковой личности осуществлять когнитивный перенос признаков между семантически удаленными понятиями для создания новых смыслов. В данной системе тестов метафора рассматривается как фундаментальный инструмент познания, позволяющий концептуализировать абстрактность через чувственный или социальный опыт.

Искусственный интеллект успешно распознает стандартные метафоры, зафиксированные в корпусах текстов, однако часто ошибается в интерпретации авторских, сложных метафор. Алгоритмы предиктивного анализа часто интерпретируют уникальную метафору как семантическую аномалию или пытаются найти буквальное объяснение. Ученые в области компьютерной лингвистики и обработки естественного языка обнаружили, что современные чат-боты имитируют интерпретацию метафор, а их понимание обусловлено сочетанием поверхностных признаков интерпретируемого текста, таких как лексико-семантическая близость понятий и длина предложений, что ставит под сомнение наличие у них специфических эмерджентных когнитивных способностей [Sanchez-Bayona, 2025]. Для ИИ метафора – это нарушение дистрибутивной нормы; для человека – это высшая форма смыслового синтеза.

Чтобы сбалансировать вопросы для теста, нужно использовать контекстуальные метафоры, то есть такие, где смысл рождается из столкновения случайных образов, что либо заставит языковую модель пойти в этимологию слов, либо комплексно оценить значение и сочетаемость концептов. Примеры метафор по принципу бытовых аналогий:

«Она застегнула лицо на все пуговицы». Вопрос: Какое выражение лица приняла женщина?

«Его гнев быстро выкипел, оставив на дне только накипь»;

«Он подмел свои страхи под ковер и пригласил гостей». Вопрос: Избавился ли он от тревоги на самом деле?

«Их общие воспоминания покрылись толстым слоем пыли».

Дистрибутивный анализ в структуре языкового вектора отвечает за лексическую сочетаемость. Эта компетенция позволяет оценивать уместность слов в контексте, опираясь на нормы жанра и культуры. Это обеспечивает стилистическую связность речи и помогает выявлять нарушения речевого узуса.

В дистрибуции искусственный интеллект считается сильным, так как вся его архитектура построена на анализе окружения слов. Однако нейросети подвержены воспроизведению ошибочной сочетаемости: генеративные модели соединяют слова, которые нередко встречаются вместе, но в данном узком контексте противоречат здравому смыслу или этике. Человек же не фильтрует дистрибуцию через частотность. ИИ

ориентируется на то, как «говорят обычно», а человек – на то, как «нужно сказать здесь и сейчас».

В тесте проверяется способность к абстракции в интерпретации уникальных слов. Если во время проверки навыков семантической дедукции спрашивалось значение отдельных слов, то в рамках проверки параметра дистрибутивного анализа используется метод псевдодеривации: предлагается случай использования несуществующего слова, сопровождающийся вопросом его значению:

- «Она аккуратно расправила мюхлю на столе и поставила на неё вазу с цветами».

Вопрос: Какова текстура и форма «мюхли»? Ожидаемый ответ: Тканый или мягкий плоский объект (скатерть, салфетка), способный мяться и расправляться;

- «Он достал из кармана хлипстер и одним нажатием кнопки открыл гараж».

Вопрос: Что это за устройство? Ожидаемый ответ: Дистанционный пульт, портативный электронный гаджет;

- «В небе послышался нарастающий вжиклет приближающегося истребителя».

Вопрос: Какого типа этот звук (высокий/низкий, резкий/плавный)? Ожидаемый ответ: Резкий, свистящий, механический звук высокой интенсивности.

Умение дифференциации паронимов является параметром языкового вектора и маркером того, насколько точно языковая личность владеет языком. Способность безошибочно различать паронимы в условиях сложного синтаксиса свидетельствует о высоком уровне осознанности языковой личности и её устойчивости к ложной интерпретации.

Для языковых моделей паронимы представляют фундаментальную проблему из-за схожести их дистрибутивного профиля. Паронимы часто окружены одними и теми же лексемами из-за чего генеративные модели подвержены использованию неверного паронима в неудачном контексте. Человек же опирается на глубокую семантическую логику и четкое разделение объектов в реальности. Ошибка в парониме у человека – это чаще всего признак невнимательности или низкой речевой культуры, а у ИИ – это сбой в распознавании тонкости значения вследствие структурной слабости механизмов внимания, под чем понимается фактор случайности, размывающий границы значения между похожими векторами слов.

Принцип составления тестовых вопросов для оценки навыков различения паронимов строится на создании семантически насыщенного контекста с высокой степенью дистрибутивного сходства, что заставляет языковую личность опираться на логику, а не на поверхностную сочетаемость слов. Важнейшим элементом в тестовых вопросах на проверку данного параметра языкового вектора является включение вопросов-ловушек, где в примерах в двух изначальных пропусках намеренно используется один и тот же пароним, что позволяет оценить внимательность языковой личности и её способность противостоять ложным смыслам. Примеры предложений с пропусками и паронимами, требующих вставки:

- Дифференцированный – Дифференциальный. «Для построения точной модели рынка необходим ___ анализ спроса, учитывающий ___ подход к разным социальным группам потребителей»;

- Технический – Техничный. «Наш новый ___ редактор подготовил сложный ___ регламент по проверке макетов перед печатью». Верные ответы: Технический – оба слова относятся к профессиональной сфере и документации, а не к виртуозности исполнения;

- Дифференцированный – Дифференциальный. «Для построения точной модели рынка необходим ___ анализ спроса, учитывающий ___ подход к разным социальным группам потребителей»;

- Драматический – Драматичный. «Известный ___ актер блестяще исполнил этот затяжной ___ монолог, сорвав овации зала». Верные ответы: Драматический – первое слово указывает на амплу/профессию, второе – на принадлежность текста к роду драмы.

Подводя итоги, важно отметить, что данное исследование является предварительной попыткой описания сущностных параметров языкового вектора интерпретационного

потенциала языковой личности. Исследование также не содержит информацию о системе оценивания языкового вектора. В рамках будущих исследований предлагается создание подробного алгоритма в использовании сбалансированного банка заданий для сравнения языкового вектора интерпретационного потенциала людей и программ искусственного интеллекта. Был предложен и обоснован принцип составления тестовых вопросов, проверяющих такие параметры языкового вектора, как семантическая дедукция, синтаксическая гибкость, метафорический потенциал, навыки дистрибутивного анализа и различения паронимов.

Список литературы

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с. – ISBN: 978-5-382-01071-7.

Bender E.M. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E.M. Bender, T. Gebru, A. McMillan-Major, Sh. Shmitchell // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – 2021. – P. 610-623.

Sanchez-Bayona E. Metaphor and Large Language Models: When Surface Features Matter More than Deep Understanding / E. Sanchez-Bayona, R. Agerri. – 2025. – DOI: 10.48550/arXiv.2507.15357.

Zhou H. How Well Do Large Language Models Understand Syntax? An Evaluation by Asking Natural Language Questions // H. Zhou, Ya. Hou, Zh. Li, X. Wang, Zh. Wang, X. Duan, M. Zhang. – 2023. – DOI: 10.48550/arXiv.2311.08287.

HUMAN VS. AI: DEVELOPING LANGUAGE PROFICIENCY ASSESSMENT TASKS

Rashevsky Vasily Yevgenevich,

Assistant of the Department of Foreign Languages,

Institute of Pedagogy,

Belgorod State National Research University,

Belgorod, Russia

Abstract. This article presents item content for a system of tests for measuring and comparing the linguistic abilities of human language learners with those of artificial intelligence. The author identifies five testing parameters: semantic deduction, syntactic flexibility, metaphorical potential, distributional analysis and paronym differentiation skills. An algorithm for generating a balanced set of tasks is described, taking into account the complexity of morphemic patterns, structural polysemy, and contextual gaps. The developed set of questions helps to objectify cognitive differences in language perception. The proposed algorithm highlights the specific features of human interpretation that remain inaccessible to predictive text analysis algorithms.

Key words: linguistic vector, linguistic abilities, interpretational potential, item content, artificial intelligence.

СПЕЦИФИКА ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Черных Елена Николаевна,

*ассистент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и
политологии института межкультурной коммуникации и международных отношений*

*Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультуры, репрезентирующие особенности гастрономической культуры Нигерии. Подчеркивается влияние автохтонных языков на гастрономическую лексику нигерийского варианта английского языка. Отмечается связь истории, мировоззрения, языка и традиций в контексте гастрономических лингвокультур, функционирующих в англоязычном нигерийском цифровом медиадискурсе.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультура, гастрономическая лексика, гастрономическая культура, англоязычный нигерийский цифровой медиадискурс.

Язык национальной речи является важнейшим средством передачи культурной информации. Лингвокультуры представляют собой особые языковые единицы, в которых соединяются языковое значение и культурные смыслы, концентрируются важнейшие понятия материальной и духовной культуры. Благодаря языковой форме эти сегменты не утрачиваются, а систематически воспроизводятся и передаются следующим поколениям [Волошина, 2022, с. 711; Волошина, 2022, с. 115].

Большое многообразие языков, культур и народов Нигерии способствовало языковым контактам, определившим лингвокультурологическую уникальность нигерийского варианта английского языка [Багана, 2018, с. 81].

Англоязычный цифровой медиадискурс Нигерии складывается из текстов и коммуникации в онлайн пространстве, например, сообщений в социальных сетях, статьях в новостных онлайн изданиях и т.д. [Черных, 2025, с. 48].

Национальная кухня имеет особое значение в формировании специфики на лингвистическом уровне. Она выступает значимым элементом культурной жизни, а связанная с ней языковая символика и коммуникативная функция формируют неотъемлемый фрагмент национальной картины мира. Лексика нигерийского варианта английского языка хранит культурные ценности, социальные отношения и символические значения, характерные для нигерийцев [Волошина, 2022, с. 713; Черных, 2026, с. 88].

Гастрономическая лексика нигерийского варианта английского языка обладает лексико-семантической спецификой. Она сформировалась под влиянием мировоззрения и культуры Нигерии [Iliina, 2024, p. 244].

Гастрономические лингвокультуры нигерийского варианта английского языка номинируют реалии местной гастрономической культуры. Для англоязычного нигерийского цифрового медиадискурса гастрономические реалии являются необходимым компонентом, являющимся маркером этнической самобытности, который репрезентирует многообразие местных продуктов питания и напитков местного колорита. Отмечаем, что выявленные нами гастрономические лингвокультуры представляют собой заимствования из местных языков, ключевыми из которых являются хауса, йоруба и игбо, например:

Moin-moin – заимствование из языка йоруба – моин-моин, традиционное нигерийское блюдо из молотых бобов, сваренных с приправами; на языке игбо известно как *mai-mai* (май-май) [Волошина, 2026, с. 119], игала – *ilele* (илеле), хауса – *alele* (алеле). В англоязычных нигерийских новостных онлайн изданиях встречаются также варианты написания с использованием верхнего и/или нижнего регистра: *moi-moi* (мои-мои), *Moi Moi* (мои мои), *moimo* (моимои), *bean pudding* (бобовый пудинг). Данное блюдо стало популярным на территории Западной Африки и благодаря эмигрировавшим нигерийцам распространилось впоследствии по всему миру. Так, в Бразилии и Сьерра-Леоне его именуют *moim-moim* (моин-моин) или *olele* (олеле). Фасоль смешивают с перцем и луком, а затем готовят на пару или отваривают в широких листьях эве-эран/иан или банановых листьях. Для придания моин-моин более плотной текстуры и питательности нигерийцы добавляют рыбу, раков, креветки, вареные яйца или говяжью печень. Йоруба говорят «*moi moi Elemi meje*» [Eke, 2025] – буквально «мои мои имеет семь жизней», что означает возможность повторно разогревать блюдо. Часто нигерийцы едят мои мои на обед или

ужин, а остатки разогревают на завтрак. Йоруба шутливо отмечают, что чем больше дополнительных начинок в мойн-мойн, тем больше жизнью он обретет. Для нигерийцев мойн-мойн символизирует гостеприимность, торжество, самобытность. На праздниках и общественных мероприятиях мойн-мойн подают в больших количествах в знак единства и изобилия:

«The cultural symbolism and identity of Moi-Moi is not just in terms of snack or food, it is a cultural marker» [Eke, 2025]. – Культурный символизм и самобытность Мои-Мои – это не просто закуска или блюдо, это культурный маркер.

Suya – это жареное мясо с большим количеством специй; заимствование из языка хауса буквально означает «жарить» [Волошина, 2026, с. 206]. Суйя – популярная нигерийская закуска, которую готовят из тонко нарезанных кусочков мяса, например, говядины, баранины, рыбы, курицы, субпродуктов. Мясо обычно маринуют в специях, нанизывают на шампуры, а потом обжаривают на открытом огне или гриле. На языке хауса **yaji** (яджи) – название традиционной смеси специй с ярким арахисовым вкусом, используемой **Mai Suya** (продавцами суйи) для приготовления пикантной уличной закуски. **Yaji** (яджи) также имеет название *suya pepper* (специя суйя, перец суйя), более распространенное на территории Нигерии. Похожее мясное блюдо в Восточной Африке называют *nyama choma* (ньяма чома), в Южной Африке – *shisanyama* (шисаньяма), в Сенегале – *dibbi* (диби), в Судане – *agashe* (агаше). Богатая история и культура народа хауса отражена в том числе в кулинарных традициях, о чем свидетельствует популярность суйи в Нигерии, ставшей традиционной уличной закуской:

«Through the making and eating of Suya over the years from generation to generation, Suya is now recognised as a proudly Nigerian spicy snack that has demonstrated its cultural significance» [Eke, 2025]. – Благодаря тому, что суйю готовили и ели на протяжении многих лет, из поколения в поколение, она теперь стала признанной гордостью Нигерии – острой закуской, продемонстрировавшей свою культурную значимость.

Onugbo – из языка игбо – онугбо, также известен как *bitterleaf* – горький лист, горький овощ для приготовления супов [Волошина, 2026, с. 141]. В языке хауса имеет название *shuwaka* (шувака), в йоруба – *ewuro* (эвуро). *Bitterleaf soup* или **Ofe onugbu** – суп из горькой тыквы\горьких листьев или офе онугбу – один из популярных нигерийских деликатесов, является традиционным блюдом народа игбо в Восточной Нигерии. В англоязычных нигерийских онлайн газетах встречается написание *Bitter leaf soup* и *Bitterleaf soup*. В его состав входят листья горькой тыквы, паста из маниоки, красное пальмовое масло, сушёная рыба, говядина и рубец, раки, бульонные кубики и традиционная приправа под названием **Ogili/Ogiri Igbo** – огири/огили игбо. Горький лист обязательно многократно промывают, тем самым снижая горечь. Древнее поверье игбо гласит, что хорошего повара можно узнать по вкусу горького листа. Этот суп игбо подают на все праздники. Считается, что он очень питательный и полезный:

«Also known as bitter leaf soup, Ofe onugbu is another meal from the eastern part of Nigeria that is rich in health benefits. This soup is high in antioxidants, has anti-inflammatory properties, can help reduce blood pressure, and even enhances fertility» [Progress, 2023]. – Офе онугбу, также известный как суп из горьких листьев, – еще одно блюдо из восточной части Нигерии, насыщенное полезными веществами. Он богат антиоксидантами, обладает противовоспалительными свойствами, помогает снизить давление и даже повышает фертильность.

Ewedu (эведу) – заимствование из языка йоруба – суп из овощей;

Efo riro (эфо риро) – заимствование из йоруба (*efo* – зеленые листовые овощи или шпинат, *riro* – перемешивать) – тушеный шпинат;

Edikang ikong (эдиканг иконг) – заимствование из языка эфик (буквально означает «овощной суп») – популярный суп с мясом, рыбой и овощами;

Ofe Owerri (Офе Оверри) – заимствование из языка игбо (Ofe – суп, Owerri – название столицы штата Имо) – суп из различной листовой зелени, мяса, рыбы и пальмового масла, который часто подают с фуфу или толчёным бататом.

Таким образом, приведенные лингвокультуры отражают историю, культуру, традиции, мировоззрение и гастрономические реалии нигерийцев. Рассматриваемые гастрономические лингвокультуры являются заимствованиями из автохтонных нигерийских языков.

В ходе исследования были также выявлены гастрономические лингвокультуры, типичные для других африканских стран, например:

Yams (ямс) – заимствование от западноафриканского слова *nyam* – корнеплод, является основным продуктом питания в Африке, Азии, Океании;

Cassava (маниока) – это одна из самых популярных крахмалистых культур, входящая в состав многих блюд в странах Южной Америки, Карибского бассейна и Африки;

Masa, waina or rice cakes (маса, вайна или рисовый пирог) – пышные рисовые лепешки [Волошина, 2026; Eke, 2025; Progress, 2023].

Далее в нашей работе были выявлены некоторые лексические единицы, номинирующие общие тенденции, номинирующие местную лингвокультуру. Так, в англоязычном нигерийском цифровом медиадискурсе продуктивным выступает лексема **swallow** – это общее понятие, которым нигерийцы называют продукты или блюда, которые обычно не жуют, а проглатывают целиком, запивая супом, рагу или соусом. Так, к ним относят: **eba** (эба), **garri** (гарри; сушенную маниоковую муку), **pounded yam** (толченый батат) и др. Пример:

«After a long day at work, enjoying a swallow meal feels like a well-deserved reward, offering both comfort and nourishment» [Isoje, 2025]. – После долгого рабочего дня проглотить что-нибудь вкусное и сытное – это как заслуженная награда, которая и согреет, и придаст силы.

В гастрономической культуре Нигерии важное место занимает **New Yam Festival** – ежегодное празднование начала употребления нового урожая ямса у народа игбо. Традиционное празднование включает проведение обрядов, маскарадных танцев, модных показов. Пример:

«The celebration is a highly cultural occasion and unifies the different Igbo communities together as they are essentially agrarian and dependent on yam» [Ndem, 2016]. – Этот праздник имеет большое культурное значение и объединяет различные общины игбо, поскольку они в основном ведут аграрный образ жизни и зависят от выращивания ямса.

Таким образом, в англоязычном цифровом медиадискурсе Нигерии особенность гастрономической культуры проявляется на лексико-семантическом уровне. Функционирующие в англоязычном нигерийском цифровом медиадискурсе гастрономические лингвокультуры способствуют накоплению, сохранению, систематизации, передаче традиционной культуры, обычаев и повседневной практики нигерийцев.

Список литературы

Багана Ж. Особенности функционирования английского языка в Нигерии / Ж. Багана, Т.Г. Волошина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 1 (78). – С. 81-83.

Волошина Т.Г. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры) / Т.Г. Волошина, Я.А. Глебова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022. – Т. 41. – № 4. – С. 707-714. – DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-707-714.

Волошина Т.Г. Лингвокультурологические аспекты в ходе контактного взаимодействия / Т.Г. Волошина, М.А. Радович // Вопросы журналистики, педагогики,

языкознания. – 2022. – Т. 41. – № 1. – С. 114-124. – DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-114-124.

Волошина Т.Г. Словарь нигерийского варианта английского языка / Т.Г. Волошина, М.Д. Богданова., Е.Н. Черных. – М.: Эдитус, 2026. – 258 с. – ISBN 978-5-00217-781-3.

Черных Е.Н. Специфика англоязычных нигерийских медиатекстов // *Wissenschaft und Bildung: in- und ausländische Erfahrung* : 27. Konferenz, Gelsenkirchen, 29 декабря 2025 года. – Gelsenkirchen: Henze Verlag, 2025. – С. 47-52.

Черных Е.Н. Стилистические особенности англоязычных нигерийских медиатекстов на примере онлайн-газеты Daily Trust // *Наука сегодня: актуальные исследования* : Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 02 февраля 2026 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2026. – С. 86-94.

Eke L. Olele or Moi-Moi: Proudly Nigerian superfood that can gain UN cultural status / *businessday.ng* : электронная бизнес газета : сайт. – URL: <https://businessday.ng/food/article/olele-or-moi-moi-proudly-nigerian-superfood-that-can-gain-un-cultural-status/> (дата обращения: 10.03.2026).

Eke L. Suya: Proudly Nigerian superfood that can gain UN cultural status / *businessday.ng* : электронная бизнес газета : сайт. – URL: <https://businessday.ng/life/article/suya-proudly-nigerian-superfood-that-can-gain-un-cultural-status/> (дата обращения: 10.03.2026).

Ilina N. Exploring linguistic strategies in Nigerian English literature: educational insights and applications / N. Ilina, A. Kelekhsaeva, A. Ilina // *Synesis*. – 2024. – vol. 16, no. 1. – p. 238-252.

Isoje A. 4 quick and nutritious Nigerian dinner meals that is not Eba / *pulse.ng* : новостная онлайн-платформа : сайт. – URL: <https://www.pulse.ng/story/quick-and-nutritious-nigerian-dinner-meals-2025012811122044253> (дата обращения: 10.03.2026).

Ndem N. Top five annual festivals in Nigeria / *businessday.ng* : электронная бизнес газета : сайт. – URL: <https://businessday.ng/opinion/article/top-five-annual-festivals-in-nigeria/> (дата обращения: 10.03.2026).

Progress O. Top 5 healthy Igbo meals / *pulse.ng* : новостная онлайн-платформа : сайт. – URL: <https://www.pulse.ng/story/top-5-healthy-igbo-meals-2024072609165079692> (дата обращения: 10.03.2026).

SPECIFICITY OF GASTRONOMIC LINGUO-CULTUREMES OF THE NIGERIAN ENGLISH

Chernykh Elena Nikolaevna,

*Assistant Lecturer of the Department of International Relations,
Foreign Regional Studies and Political Science,
Belgorod National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines linguo-culturemes representing the features of Nigeria's gastronomic culture. It highlights the influence of autochthonous languages on the gastronomic vocabulary of the Nigerian English. The article also notes the connection between history, worldview, language, and traditions in the context of gastronomic linguo-culturemes functioning in the Nigerian English digital media discourse.

Key words: linguo-culturology; linguo-cultureme, gastronomic vocabulary, gastronomic culture, Nigerian English digital media discourse.

СПЕЦИФИКА ОБРАЗНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОДА КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ ПРОПОВЕДНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СЯТИТЕЛЯ ЛУКИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО

*Чиковани Татьяна Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностраных языков № 2 Института филологии
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия*

Аннотация. В статье выявляется специфика функционирования образно-стилистического кода когнитивной доминанты православной проповеди. Устанавливается, что образно-стилистический код когнитивной доминанты способствует определению специфики дискурсивного формата проповеднического дискурса святителя Луки Симферопольского и Крымского.

Ключевые слова: дискурсивная активация, когнитивная доминанта, образно-стилистический код.

Относительно новым и малоизученным направлением в современной лингвистике является вопрос о моделировании когнитивных доминант православной проповеди. Исходя из того, что «религиозное толкование текста как одного из ядерных компонентов архитектуры дискурса приводит к формированию интерпретативных моделей номинативных полей концептов-доминант в тематически различных жанрах религиозного дискурса» [Огнева, 2021, с. 60], а «язык представляет собой систему кодов: фонологических, лексико-фразеологических, грамматических и др.» [Тагаев, 2023, с. 109], возникает необходимость выявления специфики функционирования *образно-стилистического кода* в процессе «дискурсивной активации номинантов» [Огнева, 2025, с. 6] когнитивной доминанты проповеди, чем и обусловлена актуальность данного исследования. В исследовании применяется «алгоритм моделирования и комплексной интерпретации когнитивных доминант православной проповеди» [Чиковани, 2024, с. 8].

В статье рассматривается проповедь «О требующих знамений и чудес» [Лука (Войно-Ясенецкий), 2009, с. 45], произнесенная святителем Лукой Симферопольским и Крымским 7 июня 1947 года в Симферополе. Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий), 30-летняя годовщина обретения мощей которого отмечалось совсем недавно, 18 марта 2026 года, прославился не только своим беспрецедентно преданным служением Богу в сложные для Православия времена гонений, уникальной врачебно-хирургической практикой, научными трудами, удостоенными звания лауреата Сталинской премии, бесчисленными чудесами и удивительными случаями исцеления, не прекращающимися и в настоящее время, но и необычайно интересными, убедительными, живыми и яркими проповедями, которые представляют собой бесценный материал для исследования в рамках изучения проповеднического дискурса.

В начале проповеди звучат слова из притчи из Евангелия от Марка «И Он, глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения?» (Мк 8, 11-12): [Библия, 2010, с. 1065], вызывающие у святителя Луки интерес, вербализованный в риторическом вопросе: «Почему же Господь Иисус Христос глубоко вздохнул? Когда мы с вами глубоко вздыхаем?» [Лука (Войно-Ясенецкий), 2009, с. 46]. В данном контексте святитель сопрягает восприятие сожаления Господа с эмоциями сожаления своей паствы посредством лексемы *вздохнул*. Вопрос святителя адресован пастве, тем не менее, ответ на него дает сам святитель: «Вздыхаем глубоко тогда, когда видим или слышим что-нибудь тяжело переносимое, когда слышим слова богохульные» [Войно-Ясенецкий, 2009, с. 46], святитель выражает свое возмущение царившим вокруг маловерием. Удивление, граничащее с негодованием, звучит в последующем ряде представленных анафорой риторических

вопросов, обличающих евреев, провоцируемых книжниками и фарисеями требовать от Иисуса Христа «знамений и чудес»: «*Зачем требовали? <...> Разве не должно было это требование вселить горечь в святое сердце Иисусово? Разве не понятен нам Его глубокий вздох?*» [Войно-Ясенецкий, 2009, с. 46]. В завершении проповеди святитель Лука обращается к прихожанам с призывом: «*Откройте же свои сердца для восприятия новых заповедей – откройте их: тогда Господь вложит в них заповеди Свои и напишет в сердцах ваших Свой Новый Завет*» [Войно-Ясенецкий, 2009, с. 48].

В проповеди выявлены такие религиозные координаты, сопряженные с проповедническим дискурсом, как инверсия, представленная 5 примерами «*вздохнул Господь*» - эмотив-религионим передает разочарование ситуацией; «*знает Господь*» - ментальный глагол указывает на свойство Господа всё знать; «*вышли фарисеи*» глагол-движения, маркирующие перемещение в пространстве сопряжен с лингвокультуремой-религионимом, номинирующим представителя духовного сословия в Израиле; «*сказал Господь*» - номинация инфоактивной интенции и заботы о человеке: «*предначертали они себе*» - номинация прогнозирования миромоделирования в жизни.

Дискурсивная активация концептов представлена параллелизмами. В первом параллелизме «*слышим что-нибудь тяжело переносимое, когда слышим слова богохульные, слышим слова лживые*» [Войно-Ясенецкий, 2009, с. 46] святитель сопрягает эмоции паствы и веру паствы посредством применения звуковой семсемы-глагола *слышим*, который употреблен в первом лице множественного числа, семантически объединяя всех верующих, слушающих пастыря.

Во втором параллелизме «*они предъявили Ему требование нечестивое, требование недопустимое: они требовали от Него чудес и знамений*» [Войно-Ясенецкий, 2009, с. 46] выявлен семантический повтор имени существительного *требование* с последующим семантическим повтором однокоренного глагола *требовали*, что в совокупности показывает на греховную триаду, упоминаемую в проповеди. Стилистический прием градация, выраженный в следующем номинанте «*А словам Христовым, всему тому, что написано в Евангелии, чудесам Христовым не хотят верить, не хотят идти путем Христовым, противен им этот путь, идут своим путем*» [Войно-Ясенецкий, 2009, с. 46] одновременно содержит в своей структуре эмотивную поляризацию «не хотят – хотят». 13 метафоры включают в свой состав лексему «сердце». Также в проповеди обнаружены 7 эпитетов, 5 синонимических парадигм, 3 антонимических парадигмы, 2 фразеологизма, анафора, сравнение, гипербола.

В проповеди выявлены параметры 4 дискурсивно-активированных концептов: ВЕРА, БОГ, ГРЕХ, МЕДИЦИНА. Номинативное поле концепта ВЕРА включает 9 номинантов, среди которых превалируют номинанты *верить* (10), *святое* (9). Концепт ГРЕХ репрезентирован наибольшим числом номинантов в количестве 23, среди которых наиболее частотными являются следующие: *ждать чудес* (22), *знамение* (12), *требовать* (10). Концепт БОГ вербализован синонимическим рядом из 4 номинантов, среди которых превалирует *Бог*. Концепт МЕДИЦИНА представлен 12 номинантами, среди которых наиболее частотен соматизм *сердце* с количеством употребления равным 15.

В номинативных полях ядерных концептов ВЕРА, БОГ, ГРЕХ, МЕДИЦИНА установлено наличие 14 лексем-коллокатов, сверхчастотными среди которых являются 9, а именно лексемы-коллокаты *Господь*, *святое*, *верить*, *не верить*, *чудеса*, *сердце*, *знамения*, *требовать*, *вздыхать*.

Таким образом, в соответствии с применяемым в исследовании «*алгоритмом моделирования и комплексной интерпретации когнитивных доминант православных проповедей*» [Чиковани, 2024, с. 8], принимая во внимание параметры дискурсивной и количественной составляющих стилистических средств, «маркирующих специфику номинативных полей концептов» [Чиковани, 2024, с. 8] и параметры номинантов дискурсивной активации концептов, было установлено, что в проповеди функционирует двусоставная когнитивная доминанта, состоящая из концепта ВЕРА и концепта ГРЕХ.

В силу того, что наряду с дискурсивной активацией концептов, специфика номинативных полей когнитивной доминанты маркируется совокупностью выявленных в проповеди образно-стилистических средств, представляется возможным установить особенности функционирования образно-стилистического кода когнитивной доминанты проповеди. Под *образно-стилистическим кодом когнитивной доминанты проповеди* нами понимается стилистическая или синтаксическая фигура речи, превалирующая среди всех выявленных в проповеди образно-стилистических средств по количественным и дискурсивным показателям.

Проведенное исследование показало, что наиболее высокочастотным образно-стилистическим средством, способствующим дискурсивной активации номинантов концептов проповеди, является метафора, представленная в тексте 13 раз. Таким образом, мы пришли к заключению, что образно-стилистическим кодом двусоставной когнитивной доминанты проповеди «вера» и «грех» является метафора. Значимо, что ядерным семантическим компонентом 10 из 13 метафор проповеди выступает лексема «сердце», входящая в номинативное поле концепта МЕДИЦИНА, что способствует синергии духовной и медицинской составляющих личности святителя Луки Симферопольского и Крымского, находящих свое отражение в специфике дискурсивного формата его проповедей.

Список литературы

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва: Российское Библейское Общество, 2010. — 1376 стр.

Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф.). Спешите идти за Христом! : Проповеди в Симферополе (1946-1948 гг.). — 3-е изд., стер. — Краматорск, 2009. — 240 с.

Алефиренко Н.Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. — Волгоград: Перемена, 2006. — 228 с.

Огнева Е.А. Когнитивно-дискурсивное моделирование религиозного концепта-доминанты «Небесное и земное» (на материале Рождественского послания 1951 г. архиепископа Иоанна (Максимовича)) // Филологический аспект. — 2021. — № 12 (80). — С. 59–65.

Огнева Е.А. Моделирование православных когнитивных доминант в дискурсивных форматах проповедей свт. Луки Симферопольского и Крымского и свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского / Е.А. Огнева, Т.В. Чиковани. — Москва : Эдитус, 2025. — 246 с. — ISBN 978-5-00217-622-9.

Тагаев М.Дж. Лингвокультурный код как способ аксиологического описания национально-культурного своеобразия языков // Научная мысль Кавказа. — 2023. — № 3. — С. 108-117.

Чиковани Т.В. Моделирование когнитивных доминант православного дискурса проповедника (на материале духовного наследия свт. Луки Симферопольского и Крымского и свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского): Дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2024. — 228 с.

SPECIFICITY OF THE FIGURATIVE -STYLISTIC CODE OF THE COGNITIVE DOMINANT OF THE PREACHING DISCOURSE OF SAINT LUKE OF SIMFEROPOL AND CRIMEA

*Chikovani Tatiana Vladimirovna,
Candidate of Philology, lecture of department of foreign languages № 2
Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia*

Abstract. The article discovers the specificity of functioning of the figurative-stylistic code of the cognitive dominant of the Orthodox sermon. It is concluded that the figurative-stylistic code contributes to identification of the specific discursive format of St. Luka's preaching discourse.

Key words: discursive activation, cognitive dominant, figurative-stylistic code.

CONCEPTUAL INTERPRETATION OF THE NATURE–HUMAN RELATIONSHIP IN CONTEMPORARY LITERARY STUDIES

Yusupov Azamat Safaraliyevich,

*Lecturer at the Department of Foreign Languages,
Turon University, Uzbekistan*

Abstract. This study examines the conceptual interpretation of the relationship between nature and humanity from linguistic-poetic and cognitive perspectives in contemporary literary studies. The study demonstrates that images of nature in literary discourse serve not only as aesthetic elements but also as carriers of cultural memory, ecological consciousness, and conceptual thinking. Contemporary literary studies increasingly interpret images of nature using interdisciplinary approaches such as ecocriticism, cognitive poetics, and cultural semiotics. Research shows that images of nature in literature reflect humanity's changing relationship with the environment, its identity, and its existential experience. Such interpretations allow for a deeper understanding of how literature mediates the interaction between culture, language, and ecological consciousness.

Key words: depiction of the environment, literary discourse, conceptual analysis, aesthetic symbolism, cultural perception, ecological perspective, narrative interpretation.

Introduction. In modern literary criticism, the relationship between nature and humanity has become an important interdisciplinary field of research. Modern literary criticism views nature not merely as an aesthetic backdrop or descriptive imagery, but as a conceptual framework reflecting human consciousness, cultural identity, moral values, and historical memory. This shift is closely linked to the development of cognitive poetics, ecocriticism, and cultural studies, which emphasize the semantic and symbolic functions of natural imagery in literary discourse.

The emergence of ecocritical theory further intensified scholarly interest in the depiction of nature in literature. According to scholars such as L. Bywell (2005), G. Garrard (2012), and J. Beattie (2000), this shapes an ecological consciousness in literature and reveals perspectives that emerge through the cultural mediation of the environment. Their research indicates that nature in literary texts often serves as a means to express moral perspectives, social experience, and philosophical reflections, rather than merely depicting physical landscapes.

Thus, cognitive approaches to literature emphasize the role of natural imagery in understanding human experience. Natural phenomena often serve as metaphorical models that express emotions, existential anxieties, and cultural meanings. From a cultural-semiotic perspective, natural imagery also serves as a carrier of collective memory and national worldview, linking individual perception to broader cultural traditions.

As a result, the conceptual interpretation of the nature–human relationship remains a pressing issue in modern literary studies. Integrating cognitive, cultural, and ecological perspectives allows for a deeper understanding of how literature creates meanings through its depiction of nature and how these depictions shape human identity, the environment, and cultural values.

Literature Review. The relationship between nature and the human being has been widely examined in modern literary studies through various theoretical perspectives. In particular, ecocritical scholars such as L. Buell (2005), G. Garrard (2012) and J. Bate (2000) emphasize that representations of nature in literature function not only as aesthetic background but also as

semantic structures reflecting ecological awareness, cultural values, and ethical attitudes toward the environment. Their studies demonstrate that nature imagery often conveys philosophical and moral meanings within literary discourse.

From the standpoint of cognitive literary studies, G. Lakoff and M. Johnson's metaphor theory highlights the role of natural phenomena as conceptual models shaping human thought [Lakoff, 1980]. Scholars in cognitive poetics, including P. Stockwell and R. Tsur note that literary depictions of nature frequently express emotional experience, psychological states, and culturally mediated perception [Stockwell, 2002; Tsur, 2008]. This approach reveals the conceptual and interpretive functions of nature imagery beyond its purely descriptive role.

In Uzbek literature, nature imagery has also been studied as a vital poetic and cultural element. Scientists emphasize that representations of nature in Uzbek prose and poetry often reflect national mentality, historical memory, attachment to land, and traditional cultural values. Such interpretations demonstrate the symbolic and cultural significance of nature within national literary discourse.

Comprehensive studies integrating cognitive, linguopoetic, and cultural approaches to nature-human relationships remain limited. Therefore, additional interdisciplinary research is necessary in contemporary literary studies to gain a deeper understanding of the conceptual and semantic functions of nature imagery.

Research Methodology. The article employs an interdisciplinary approach combining cognitive, ecocritical, and cultural-literary methods to analyze the representation of the human-nature relationship in literature. Cognitive analysis examines nature imagery as concepts that construct emotions and existential reflections. Ecocritical approaches study the moral and ecological dimensions of nature in literary texts. Cultural-linguistic-poetic analysis examines how collective memory, national identity, and cultural values find expression in images of nature. This integrative methodology provides a comprehensive understanding of the poetic-aesthetic, cognitive, cultural, and ethical roles of images of nature in literary studies.

Results and Discussion. Research analyses show that in artistic discourse, depictions of nature are not just descriptive background elements, but are increasingly serving functional purposes as conceptual structures that reflect human perception, cultural identity, and philosophical reception. Ecocritical studies show that depictions of nature in literature often shape ecological consciousness and ethical attitudes toward the environment. Researchers such as L. Buell and G. Garrard emphasize that literary texts contribute to the formation of environmental consciousness by portraying nature not as a passive background but as an active participant in human experience [Buell, 2005; Garrard, 2012]). This perspective indicates that contemporary literary discourse tends to interpret human-nature relationships through dialogic and cultural means.

Research confirms that natural imagery often serves as a conceptual metaphor that structures human thought and emotional experience. Cognitive metaphor theory shows that abstract human experiences such as struggle, harmony, the passage of time, or existential reflection are often conceptualized through natural phenomena [Lakoff, 1980]. In literary texts, landscapes, weather conditions, and environmental elements serve as a symbolic framework that helps readers interpret the psychological state of the characters as well as broader philosophical meanings. Thus, nature imagery functions simultaneously at aesthetic, semantic, and cognitive levels.

Cultural and lingvopoetic approaches show that depictions of nature often express collective memory, national worldview, and historical continuity. In many literary traditions, including Uzbek prose, depictions of nature are closely tied to cultural identity, a sense of place, and intergenerational experience. Such depictions demonstrate how literature mediates the relationship between individual perception and collective cultural consciousness. At the same time, Western literary traditions often emphasize individual existential experience through natural landscapes, personal resilience, solitude, or harmony with the environment.

The conceptual interpretation of the relationship between nature and humanity indicates the need for a methodological approach. Cognitive and cultural frameworks complement each

other in explaining how literature creates meanings through its depictions of nature. These findings confirm that in contemporary literary studies, depictions of nature serve not only aesthetic but also conceptual, cultural, and ethical functions, and that they reflect broader changes in relationships with identity and cultural memory. In contemporary literary studies, depictions of nature confirm that they serve not only as aesthetic space but also as functions of cultural and moral memory, reflecting broader changes in humanity's relationship with the environment.

Conclusion. To sum up, modern literary criticism shows that nature in literature is not just a descriptive background, but a conceptual, symbolic, and cultural device. From ecocritical, cognitive, and linguopoetic perspectives, it is shown that depictions of nature serve to construct human thought, reflect moral and cultural values, and encode collective memory. These overarching concepts, as embodied in the literary text, underscore the importance of interdisciplinary approaches to understanding the complex relationships between people, their cultural memory and values, and nature, as well as the connections between humans and nature.

References

- Bate J. The Song of the Earth. – London: Harvard University Press, 2000. – 324 p.
Buell L. The Future of Environmental Criticism: Environmental Crisis and Literary Imagination. – Oxford: Blackwell Publishing, 2005. – 312 p.
Garrard G. Ecocriticism. – London: Routledge, 2012. – 240 p.
Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. – London: Routledge, 2002. – 193 p.
Tsur R. Poetic Rhythm: Structure and Performance: A Cognitive–Linguistic Approach. – Leiden: Brill, 2008. – 302 p.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

*Юсупов Азамат Сафаралиевич,
преподаватель кафедры Иностранных языков,
университет Турон, Узбекистан*

Аннотация. В данной работе рассматривается концептуальная интерпретация взаимоотношений между природой и человеком с лингвистико-поэтической и когнитивной точек зрения в современной литературоведении. Исследование показывает, что образы природы в литературном дискурсе служат не только эстетическими элементами, но и носителями культурной памяти, экологического сознания и концептуального мышления. Современное литературоведение всё чаще интерпретирует образы природы с помощью междисциплинарных подходов, таких как экокритика, когнитивная поэтика и культурная семиотика. Исследование показывает, что образы природы в литературе отражают меняющиеся отношения человечества с окружающей средой, его идентичность и экзистенциальный опыт. Такие интерпретации позволяют глубже понять, как литература опосредует взаимодействие между культурой, языком и экологическим сознанием.

Ключевые слова: изображение окружающей среды, литературный дискурс, концептуальный анализ, эстетический символизм, культурное восприятие, экологическая перспектива, нарративная интерпретация.

ИННОВАЦИОННАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ В ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

Афоничева Анастасия Николаевна,
студентка факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Мирошниченко Лариса Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
Педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема преодоления трудностей в обучении иностранному языку. Анализируются идеи П.П. Блонского о развитии личности ребёнка, его темпераменте, соотношении наследственности и среды, а также о природе школьной неуспеваемости. Показана связь этих идей с современными нейропсихологическими и социально-педагогическими подходами. Предлагаются направления методической работы, учитывающие многогранную природу трудностей в овладении иноязычной коммуникативной компетенцией.

Ключевые слова: лингводидактика, коммуникативная компетенция, П.П. Блонский, нейропсихология, дифференцированный подход, игровые технологии, ТРИЗ-педагогика.

Проблема преодоления трудностей в обучении иностранному языку относится к числу актуальных вопросов современной лингводидактики. В условиях глобализации и расширения межкультурных контактов владение иностранным языком становится необходимым условием успешной профессиональной реализации. Однако значительная часть учащихся испытывает затруднения в овладении иноязычной коммуникативной компетенцией. Как показывают исследования, данные трудности обусловлены комплексом факторов: когнитивных, психологических, социальных и методических [Крылова, 2025; Никулина, 2025; Путилина, 2021; Серебрякова, 2022].

Особое значение для понимания природы трудностей в обучении имеют идеи выдающегося отечественного психолога и педагога П.П. Блонского. Центральной для педагогики П.П. Блонского является идея развития заложенных в ребёнке потенций. Анализируя становление детской психики, учёный отмечает, что сложные формы деятельности, такие как планирование и распределение ролей в игре, имеются у старших дошкольников «только в зачаточном состоянии, скорее, как отдельные эпизоды, чем как постоянное явление» [Блонский, 1977, с. 206]. Эта мысль отражает общий подход П.П. Блонского к развитию: всё, что впоследствии станет зрелым и совершенным, изначально существует в свёрнутой, зачаточной форме. Применительно к обучению иностранному языку это означает, что задача педагога заключается не в механической трансляции языковых знаний, а в создании условий для раскрытия коммуникативного потенциала каждого учащегося. Эту же идею П.П. Блонский раскрывает и в определении метода воспитания, утверждая, что «воспитание есть организация упражнения избранных воспитателем врожденных свойств и воспитание посредством соответствующих стимулов» [Цит. по: Серебрякова, 2022, с. 250]. В контексте иноязычного образования это положение актуализирует необходимость тщательного отбора стимульного материала (аутентичных текстов, коммуникативных ситуаций), соответствующего индивидуальным особенностям обучающихся.

Особый интерес представляет наблюдение П.П. Блонского относительно механического заучивания. Учёный пришел к выводу о существовании особого типа

учащихся: «среди более слабых учеников встречаются значительный процент так называемых "зубцов"» [Серебрякова, 2022, с. 252]. В практике обучения иностранному языку это проявляется в ситуации, когда учащиеся, успешно воспроизводя заученные лексические единицы и грамматические конструкции, оказываются неспособны использовать их в спонтанной речи. Данное наблюдение свидетельствует о необходимости смещения акцента с простого заучивания на формирование иноязычных коммуникативных навыков.

Одним из важных факторов, влияющих на успешность овладения иностранным языком, выступает социальная ситуация развития учащегося, что выводит на первый план социально-педагогический аспект трудностей обучения. Ю.Ю. Путилина определяет социально-педагогическую запущенность как «устойчивое отклонение от нормы в поведении, нравственном сознании, учебной деятельности, проявляющееся в неразвитости, необразованности и невоспитанности ребенка, отставании его развития от собственных возможностей, обусловленные отрицательным влиянием среды и ошибками в воспитании» [Путилина, 2021, с. 124]. Применительно к изучению иностранного языка это проявляется в отсутствии мотивации, низкой познавательной активности, несформированности общеучебных умений, необходимых для овладения иноязычной речью. Автор также подчеркивает, что «к подростковому возрасту такие дети <...> представляют собой особый тип взаимодействия различных систем отношений подростка с миром, при котором наблюдается стойкое проявление асоциальных качеств личности при неспособности противостоять отрицательным воздействиям среды» [Путилина, 2021, с. 125]. На практике это может выражаться в демонстративном отказе учащихся от выполнения заданий, негативном отношении к иноязычной культуре, языковом нигилизме.

Современные нейropsychологические исследования открывают новые возможности для понимания причин затруднений в овладении иностранным языком. К.О. Крылова и Е.В. Барышева, опираясь на исследования А.Р. Лурии, отмечают, что в младшем школьном возрасте «происходит активное становление межполушарного взаимодействия, что значительно влияет на развитие когнитивных способностей и учебных навыков» [Крылова, 2025, с. 3]. Для успешного овладения иностранным языком необходимо согласованное функционирование обоих полушарий: левое отвечает за грамматическое структурирование и логику, правое – за интонацию, эмоциональную окраску речи и понимание контекста. Нарушения межполушарного взаимодействия могут проявляться в трудностях восприятия иноязычной речи на слух, проблемах с интонированием, неспособности улавливать подтекст высказывания.

Нейropsychологическое тестирование в образовании направлено на диагностику первопричин учебных трудностей, что позволяет выстраивать адресную коррекционную работу [Крылова, 2025]. Применительно к обучению иностранному языку это означает, что, прежде чем разрабатывать коррекционную программу, необходимо определить, с чем именно связаны затруднения: с фонематическим слухом, артикуляционными навыками, трудностями запоминания лексики или несформированностью грамматического структурирования.

Перспективным направлением коррекционной работы выступает метод замещающего онтогенеза, который, по мнению исследователей, позволяет сформировать у детей новые когнитивные стратегии для успешного обучения [Крылова, 2025, с. 4]. В практике обучения иностранному языку этот метод может быть реализован через систему двигательных упражнений, синхронизирующих работу полушарий и подготавливающих мозг к восприятию иноязычной информации (например, использование кинезиологических упражнений перед выполнением заданий по аудированию или говорению).

Эффективным направлением в работе с учащимися, испытывающими затруднения в изучении иностранного языка, является применение игровых технологий и методов ТРИЗ-педагогики. Н.В. Никулина и Ю.Д. Соломатова подчеркивают, что данные технологии «являются действенным способом для развития и совершенствования познавательных,

умственных и творческих способностей обучающихся» [Никулина, 2025, с. 1]. В контексте иноязычного образования игровые технологии позволяют снять языковой барьер, создать ситуацию естественной коммуникации, снизить тревожность. Особенно эффективны ролевые игры, имитирующие реальные ситуации общения: «Знакомство», «В ресторане», «Путешествие», «Деловые переговоры». Исследователи отмечают, что «при работе со слабоуспевающими учениками результативен дифференцированный подход, который может быть осуществлен на любом из этапов урока с использованием соответствующих дидактических материалов» [Никулина, 2025, с. 2].

При обучении иностранному языку дифференцированный подход может реализовываться через:

- варьирование сложности текстов для чтения и аудирования;
- использование разноуровневых лексико-грамматических упражнений;
- предоставление выбора формы контроля (устное сообщение, презентация, постер, видеоролик);
- индивидуализацию темпа освоения материала [Соловова, 2008, с. 87].

Как отмечают Н.В. Никулина и Ю.Д. Соломатова, применение ТРИЗ-педагогики наиболее результативно в старших классах, так как этот метод «формирует активное мышление и воспитывает личность творческую, подготовленную к решению сложных проблем в различных областях деятельности» [Никулина, 2025, с. 3]. При обучении иностранному языку методы ТРИЗ позволяют развивать навыки спонтанной речи, учить выражать мысли в условиях ограниченных языковых средств. Примером может служить использование метода морфологического анализа для составления рассказов: учащиеся получают таблицу с вариантами персонажей, мест действия, проблем и решений и комбинируют их, создавая устные или письменные высказывания.

Таким образом, проблема преодоления трудностей в обучении иностранному языку требует системного подхода, интегрирующего достижения различных научных направлений. Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых направлений методической работы:

- раннее выявление нейропсихологических особенностей, влияющих на овладение иноязычными навыками;
- адаптация содержания, темпа и форм обучения с учетом индивидуальных особенностей учащихся;
- использование ролевых и дидактических игр для снятия языкового барьера и формирования коммуникативных навыков;
- применение методов ТРИЗ-педагогики для развития спонтанной речи и креативного мышления;
- взаимодействие с семьей и создание поддерживающей образовательной среды, способствующей формированию положительной мотивации к изучению иностранного языка.

Предложенные направления методической работы, учитывающие многогранную природу трудностей иноязычного обучения, открывают перспективы для повышения качества языкового образования и формирования устойчивой положительной мотивации у учащихся.

Список литературы

Блонский П.П. Психология младшего школьника / Под ред. А.И. Липкиной, Т.Д. Марцинковской. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1977. – 574 с.

Крылова К.О. Нейропсихологический подход в профилактике неуспеваемости младших школьников и подростков / К.О. Крылова, Е.В. Барышева // Педагогика и психология в эпоху цифровизации: современные проблемы науки и практики : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва - Орехово-Зуево,

05 марта 2025 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2025. – С. 127-132.

Никулина Н.В. Методы и приемы подготовки слабоуспевающих обучающихся к ВПР и ОГЭ на уроках русского языка в основной школе / Н.В. Никулина, Ю.Д. Соломатова // Символ науки. – 2025. – № 3-1-1. – С. 114-117.

Путилина Ю.Ю. Социально-педагогическая запущенность детей и подростков // Вопросы педагогики. – 2021. – № 14. – С. 122–126.

Серебрякова Н.В. Проблема школьной неуспеваемости в научно-публицистическом творчестве П.П. Блонского / Н.В. Серебрякова, Л.А. Степанова // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 2 (93). – С. 250-253.

Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2008. – 239 с.

PSYCHOLOGICAL, PEDAGOGICAL AND NEUROPSYCHOLOGICAL ASPECTS OF OVERCOMING DIFFICULTIES IN LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Afonicheva Anastasia Nikolaevna,

Student at the Faculty of Foreign Languages,

Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University,

Scientific supervisor: Miroshnichenko Larisa Nikolaevna,

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor at the Department of Foreign Languages,

Faculty of Foreign Languages,

Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the problem of overcoming difficulties in teaching a foreign language. The ideas of P.P. Blonsky on the development of a child's personality, their temperament, the correlation between heredity and environment, as well as the nature of academic underachievement are analyzed. The connection of these ideas with modern neuropsychological and socio-pedagogical approaches is shown. Directions for methodological work that take into account the multifaceted nature of difficulties in mastering foreign language communicative competence are proposed.

Key words: linguodidactics, communicative competence, P.P. Blonsky, neuropsychology, differentiated approach, game-based technologies, TRIZ-pedagogy.

ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ФОРМИРОВАНИИ УМЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ У УЧАЩИХСЯ 9 КЛАССА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Воеводская Елена Андреевна,

кандидат педагогических наук, доцент,

заведующая кафедрой иностранных языков

Ярославского государственного педагогического университета

им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия,

Булкина Дарина Сергеевна,

студент, направление подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование»,

профили «История, Английский язык»

Ярославского государственного педагогического университета

им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования умения диалогической речи у учащихся 9 класса на уроках английского языка. Обосновывается

потенциал использования технологий искусственного интеллекта как средства речевой практики. На основе анализа учебно-методического комплекса «Английский язык. 9 класс» (Ю.Е. Ваулина и др.) и теоретических подходов к обучению диалогической речи (снизу-вверх и сверху-вниз) предлагается серия практических упражнений с применением генеративных нейросетей (ChatGPT, DALL-E, Midjourney) и голосовых ботов. Разработанные упражнения направлены на развитие спонтанного речевого взаимодействия, аргументации и диалога-расспроса в рамках тематики модуля «See It To Believe It».

Ключевые слова: диалогическая речь, искусственный интеллект, методика преподавания английского языка, 9 класс, индуктивный метод, коммуникативная компетенция, нейросети.

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования одной из задач иноязычного обучения является формирование умений диалогической речи [Федеральный государственный ..., 2021]. Для учащихся 9 класса, планирующих сдавать основной государственный экзамен по английскому языку, научиться участвовать в диалоге является особенно важным. Однако в условиях традиционного урока учителя и учащиеся сталкиваются с рядом объективных трудностей. У учителей из-за большой наполняемости классов не хватает времени на уроке для того, чтобы организовать индивидуальную речевую практику. Учащиеся сталкиваются с психологическими барьерами, например испытывают страх ошибки. Поэтому актуальным становится поиск инновационных инструментов, которые могли бы дополнить существующие приемы и средства обучения. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) могут помочь учителям и учащимся создать персонализированную и безопасную среду для отработки речевых умений, выступая в роли «бесконечно терпеливого» собеседника и генератора различных ситуаций общения.

Цель данной статьи – обосновать потенциал ИИ и представить серию практических упражнений для формирования диалогической речи у учащихся 9 класса, интегрируемых в структуру существующего УМК.

Теоретической базой исследования послужили работы в области методики обучения иностранным языкам Е.И. Пассова [Пассов, 1988], И.Л. Бим [Бим, 1977], Г.С. Яценко [Яценко, 2022]), лингвистической теории диалога Л.П. Якубинского [Якубинский, 1986]) и современных исследований в области цифровой педагогики Е.С. Чекулаевой [Чекулаева, 2024]. В методике обучения диалогической речи выделяются два основных подхода: дедуктивный («путь сверху»), основанный на работе с диалогом-образцом, и индуктивный («путь снизу»), предполагающий овладение речевыми единицами от реплики к макродиалогу. Для учащихся 9 класса, где ключевой задачей является развитие спонтанного взаимодействия, приоритетным является подход снизу-вверх, который и лёг в основу разработанных упражнений.

Практическая часть исследования строилась на анализе учебника «Английский язык. 9 класс» (Ю.Е. Ваулина, Д. Дули, О.Е. Подоляко и др.) [Ваулина, 2023]. Анализ показал, что учебник содержит системную работу по формированию диалогической речи: в среднем 28-30% заданий каждого модуля направлены на развитие диалогов-расспроса, обмена мнениями, побуждения к действию. Однако, несмотря на методическую продуманность, количество упражнений, выводящих учащихся на уровень полностью самостоятельного и спонтанного диалога в условиях неопределённости, ограничено рамками учебника. Наиболее перспективным для внедрения инструментов ИИ был признан Модуль 3 “See It To Believe It” (темы: сны, загадки, иллюзии), так как его содержание позволяет массово генерировать уникальные сценарии и визуальные опоры, требующие от учащихся выдвижения гипотез, аргументации и спонтанного реагирования.

Учитывая выявленные потребности и опираясь на этапы индуктивного метода, была разработана серия из четырёх упражнений с использованием технологий ИИ. Для каждого

упражнения предложены конкретные инструменты и промпты, что делает их готовыми к практическому применению.

Упражнение 1. «Visual Puzzle: Найди скрытое существо»

Цель: формирование умения вести диалог-обмен мнениями и выдвигать гипотезы (prediction) в малых группах.

Инструмент: Midjourney / DALL-E 3 для генерации искажённых изображений.

Промпт для генерации (пример): «A photorealistic image of a large, hairy, bipedal creature (Yeti) almost completely obscured by a dense, swirling blizzard. Only faint, dark silhouettes of limbs and a massive shape are visible through the snow and ice particles. Low visibility, extreme weather, mysterious».

Ход работы: Учащиеся в группах получают 4-5 изображений мифических существ (Йети, Лох-Несское чудовище и т.д.), намеренно искажённых цифровыми помехами, оптическими эффектами или погодными условиями. Задача — обсудить визуальные подсказки, используя модальные глаголы (must, can't, may, might) и клише (It must be... because I see...; The shape suggests...), и прийти к единой гипотезе о том, какое существо скрыто на изображении. Упражнение моделирует этап ведения развёрнутого диалога (макродialogа) в рамках индуктивного подхода.

Упражнение 2. «Scenario: Диалог с толкователем снов»

Цель: отработать диалог-расспрос и обмен мнениями в формате «рассказ – интерпретация».

Инструмент: голосовой бот (ChatGPT с голосовым интерфейсом / Soul Machines) с заданным промптом.

Промпт для настройки ИИ: «Talk only English. Use short answers. You are a friendly dream interpreter. Communicate in simple English (A2 level). First, ask the user to describe a dream they had. Then, based on common dream symbolism, offer 2-3 possible interpretations. Always use phrases like: "It could mean that...", "Sometimes this dream suggests...", "What do you think about this interpretation?"»

Ход работы: Каждый ученик индивидуально описывает реальный или вымышленный сон ИИ-толкователю, задаёт уточняющие вопросы и фиксирует наиболее интересную интерпретацию. Затем, в парах, ученики обсуждают полученные варианты, используя опоры для выражения согласия/несогласия (I agree because... / I disagree, I think it means...). Упражнение сочетает подготовительный этап (работа с ИИ) с последующей подлинной коммуникативной парной практикой.

Упражнение 3. «Role-play: Интервью со свидетелем»

Цель: сформировать умение вести диалог-расспрос в стрессовой ситуации, спонтанно формулировать вопросы и уточнять информацию.

Инструмент: голосовой бот, настроенный на роль свидетеля.

Промпт для настройки ИИ: «You are Alex, a nervous 16-year-old. Last night, you saw something strange. You are being interviewed live. ONLY share these facts if asked directly: 1) You saw a silent, pulsating blue light behind the old oak tree in Miller's Park. 2) It lasted about 10 seconds before fading upwards. 3) You were alone, walking home from a friend's. 4) The air felt staticky. Your personality: hesitant, you say "Um...", "I think...", you sometimes slightly contradict yourself».

Ход работы: Учащиеся работают в группах из трёх человек («журналист», «стенограф», «редактор»). «Журналист» ведёт диалог с ИИ-свидетелем, задача группы – за 7-10 минут выяснить максимальное количество деталей происшествия. После завершения группы представляют краткий отчёт классу. ИИ создаёт среду с элементами неопределённости, что требует от учащихся гибкости и умения перефразировать вопросы.

Упражнение 4. «Problem-solving: Обнаружьте подделку»

Цель: формирование умения вести диалог-обмен мнениями с элементами сравнения, аргументации и убеждения.

Инструменты: ChatGPT (для генерации описаний реальных картин-сюрреалистов) и Midjourney / DALL-E 3 (для генерации «подделок» в стиле сюрреализма).

Промпт для генерации подделки: «Create a painting in the style of the 20th century Surrealism. The scene must include bizarre, impossible combinations of objects (e.g., a mechanical fish floating in a sky-library, a melting violin on a desert). Use a painterly style with visible brushstrokes, muted or surreal bright colors, and an eerie, dreamlike atmosphere. Looks like an authentic old painting».

Ход работы: Пары учащихся получают набор из 4-6 изображений (половина из которых реальные, а остальные – сгенерированные ИИ) и краткие описания настоящих картин. Задача – изучить изображения и найти те, которые, по их мнению, являются продуктами ИИ. Учащиеся в парах должны подготовить несколько аргументов (We believe this is a fake because...; This must be a real painting because...), обменяться мнениями и прийти к общему решению, затем представить диалог классу. Упражнение соответствует этапу самостоятельного составления диалогов и предполагает использование учащимися всех изученных клише.

Таким образом, разработанные упражнения демонстрируют возможности применения ИИ в методике формирования умений диалогической речи. Они напрямую связаны с тематикой и языковым материалом Модуля 3 “See It To Believe It” учебника «Английский язык. 9 класс», но выходят за его рамки, предлагая новый вид речевой практики. Использование ИИ в процессе обучения иностранному языку позволяет преодолеть возможные трудности, возникающие на традиционном уроке: недостаточное количество времени для индивидуального взаимодействия, ограниченный набор речевых ситуаций и психологические барьеры. Важно отметить, что искусственный интеллект не заменяет учителя, а является только тренажёром, используемым на подготовительном этапе обучения учащихся иноязычному общению. Апробация разработанных упражнений во время педагогической практики показала, что они позволяют организовать плавный переход от подготовленной речи к спонтанной и повышают мотивацию обучающихся к процессу изучения иностранного языка. Перспективы исследования видятся в разработке аналогичных серий упражнений по другим темам.

Список литературы

Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. – М.: Русский язык, 1977. – 288 с.

Ваулина Ю.Е. Английский язык. 9 класс: учебник для общеобразовательных организаций / Ю.Е. Ваулина, Д. Дули, О.Е. Подоляко, В. Эванс. – М.: Просвещение, 2023. – 216 с.

Колесникова И.Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. – М.: Дрофа, 2008. – 431 с. – ISBN 978-5-358-02636-0.

Пассов Е.И. Урок английского языка в средней школе. – 2-е изд., дораб. – Москва: Просвещение, 1988. – 222 с. – ISBN 5-09-001602-X.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287. – М.: Просвещение, 2021. – 127 с.

Чекулаева Е.С. Обучение монологическому и диалогическому высказыванию на основе средств наглядности, созданных с помощью AI // Вестники науки. – 2024. – Т. 1, № 7. – С. 371-375.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17-58.

Яценко Г.С. Особенности обучения диалогической речи на английском языке на этапе основного общего образования / Г.С. Яценко, А.Е. Ергазин // Казанский лингвистический журнал. – 2022. – Т. 5. – № 1. – С. 88-102.

THE POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DEVELOPING 9TH GRADE STUDENTS' DIALOGUE SPEECH SKILLS AT ENGLISH LESSONS

Voevodskaya Yelena Andreyevna,

*Candidate of pedagogical sciences, associate professor,
head of the foreign languages department,*

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia,*

Bulkina Darina Sergeevna,

*Student, Training program 44.03.05 "Pedagogical Education", profiles "History, English
Language"*

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

Abstract. The article discusses the problem of developing 9th grade students' dialogue speech skills at English lessons. It substantiates the potential of using artificial intelligence technologies as a means of intensifying speech practice and overcome traditional learning difficulties. Based on the analysis of the teaching materials "English. Grade 9" (Yu.E. Vaulina et al.) and theoretical approaches to teaching dialogue speech (top-down processing, bottom-up processing), a series of practical exercises using generative neural networks (ChatGPT, DALL-E, Midjourney) and voice bots is proposed. The developed exercises are aimed at developing spontaneous speech interaction, argumentation and inquiry dialogue within the framework of the "See It To Believe It" module.

Key words: dialogue speech, artificial intelligence, English language teaching methodology, 9th grade, inductive method, communicative competence, neural networks.

ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ильина Марина Сергеевна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностраннных языков Елабужского института Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга, Россия*

Аннотация. Данная работа посвящена изучению компьютерного тестирования не просто как инструмента оценки, но как полноценного метода обучения. Главная цель статьи – показать, как цифровые тесты помогают школьникам эффективно закреплять новый словарный запас на уроках английского языка. Автор предлагает новый взгляд на тестирование: традиционно тесты применяются учителями для контроля знаний, но их компьютерный вариант обладает гораздо большим потенциалом, позволяющий ученикам качественно отрабатывать языковой материал даже без прямого речевого общения. Материалы статьи дополняют современные методики преподавания. Предложенный подход расширяет арсенал учителя и предлагает технологичные, современные способы работы с лексикой на уроках английского языка.

Ключевые слова: тест, компьютерный вариант, английский язык, лексическая единица, школа.

Век компьютерных технологий набирает обороты и уже нет, пожалуй, ни одной области человеческой деятельности, где компьютерные технологии не нашли бы своё применение. Сегодня уже невозможно представить себе современный урок без использования информационно-коммуникационных технологий, будь то просто приготовленная презентация POWER POINT, компьютерная обучающая программа или скачанные материалы из сети Интернет. На сегодняшний день одним из самых

неизведанных вопросов для педагогов остается использование цифровых тестов на уроках английского языка, так как специальные технические и/или методические курсы для формирования навыков работы с компьютерными технологиями являются большой редкостью.

В последние годы все более глубоко исследуется вопрос о применении мультимедийных технологий в средней школе. Это не только современные технические средства, но и совершенно иные формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения. Использование мультимедийных средств обучения помогает реализовать личностно-ориентированный подход в обучении, обеспечивает индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом особенностей детей, их уровня обученности, склонностей. В условиях поиска более современных форм и методов работы с целью повышения уровня образования повысился интерес к интерактивным технологиям, использование которых способствует эффективности усвоения учебного материала. Гораздо больший интерес могут представлять специализированные мультимедиа-средства, основное предназначение которых - повышение эффективности обучения. К числу таких современных средств, в первую очередь, необходимо отнести возможности цифровых тестов на уроках английского языка.

Использование информационных технологий в учебном процессе значительно повышает эффективность усвоения материала учащимися. Больших результатов можно достичь, применяя данные технологии в преподавании английского языка в младших и средних классах. В старших классах использование информационных технологий позволяет раскрывать возможности учащихся в создании серьезных исследовательских проектных работ с мультимедийными презентациями. Тестирование как инновационная технология используется в практике преподавания иностранных языков много лет. Однако в последнее время оно получило более широкое распространение в связи с тем, что позволяет проверить знание неограниченного количества обучающихся за минимальное время и с минимальными затратами времени преподавателя и обучающихся. В средней школе начинают массово применять электронные учебные пособия, которые включают, в том числе тестовую модель для оценки степени усвоения обучающимися пройденного учебного материала [Новоселов, 2023, с. 106].

Говоря далее о термине «тест», следует отметить, что он, по всей видимости, происходит от латинского слова *testum* (*testu*), которое переводится как «глиняный сосуд». Однако позднее слово начали использовать в значении проверки, испытания, пробы. Этот термин был введен в научный обиход американским психологом Дж. М. Кеттеллом в работе «*Mental Tests and Measurements*» для психологической диагностики уровня интеллектуального развития [Cattell, 1995]. В современном понимании тест как средство проверки способностей людей сформировался к концу XIX в.

Материалом для исследования послужили сервис Yandex Forms, а также комплексная интегрированная система электронной информационно-образовательной среды учебного заведения. Для достижения поставленной цели были использованы как теоретический, так и эмпирический методы. Речь идет о методе теоретического обобщения, направленного в первую очередь на определение понятий, которые конституируют тему исследования. Эмпирический метод заключался в наблюдении и использовании собственного педагогического опыта, которое было обусловлено целью настоящего исследования.

В данной работе мы изучим возможности компьютерного варианта тестирования для тренировки иноязычных лексических единиц вне условий речевой коммуникации.

Трудно переоценить роль лексического компонента в формировании иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Предпосылкой для комплексного овладения всеми видами речевой деятельности является прежде всего формирование иноязычных лексических умений и навыков. Общеизвестно, что упражнения для развития лексических навыков подразделяются на языковые или подготовительные упражнения, направленные

на усвоение форм и значений лексических единиц, и речевые упражнения, предполагающие развитие речевых умений во всех видах иноязычной речевой деятельности: говорении, слушании, чтении и письме [Ильина, 2018].

Потенциал компьютерного тестирования, на наш взгляд, не ограничивается контролем уровня освоенности пройденного учебного материала обучающимися по определенной теме, он может с успехом использоваться для организации обучения на основе подготовительных упражнений на этапе закрепления лексики. В данной работе мы опираемся на подсистему подготовительных упражнений, предложенной Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез в учебном пособии «Методика обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика» [Гальскова, 2009, с. 301-304].

Несмотря на постоянно возрастающий реестр онлайн-сервисов для создания тестов, типы тестовых вопросов, которые используются в них, характеризуются однотипностью и включают, как правило, множественный выбор и выбор пропущенных слов. Именно эти типы тестовых вопросов будут использованы в нашей работе. Такой тип вопроса в тестах, как «Множественный выбор», допускает выбор одного правильного ответа из заданного списка или выбор нескольких ответов. Задания такого плана могут быть использованы для подготовки следующих упражнений.

1. Упражнения на дифференциацию и идентификацию

1). Найдите и укажите среди перечисленных слов перевод указанного слова. Например, указывается лексема *society* и предлагается сделать выбор его перевода из множества, состоящего из таких слов, как *общество, дом, движение, молодежь, мир* и т.д. Для выбора целесообразно давать слова из того же пройденного лексического материала. На более продвинутых этапах обучения можно предложить вместо отдельных слов выбор адекватного перевода предложений.

2). Найдите и укажите среди перечисленных слов антонимы или синонимы к указанному слову. При этом называется, например, слово *to report* и дается выбор из ряда слов *complicate, inform, increase, reach*, в числе которых присутствует антоним или синоним к слову.

3). Просмотрите данные слова и выберите из указанных ситуаций ту, в которой эти слова могут быть использованы. Перечисляются следующие лексические единицы *be lazy, walk, place of interest, visit* и предлагаются ситуации их возможного применения: *my weekend, my studies, my family, my friends* и др.

4). Найдите в тексте слова, относящиеся к теме «Мебель». Дается, например, текст: *Now Anna is setting up the living room. It is already papered but still almost empty. In the corner Anna wants to put a sofa with a coffee table. She wants to hang some pictures on the wall. And she still needs a TV. Soon the living room will be ready. Anna is very satisfied with her apartment.* Обучающиеся должны написать слова *sofa* и *coffee table*.

2. Упражнения на имитацию с преобразованием. Предлагается прочитать вслух предложение и выбрать из списка предложений одно, которое является его логическим продолжением. Например, дано предложение *Most British people do not work on weekends.* Обучающиеся должны найти одно предложение из приведенного списка *There are many restaurants where you can take a break. After the shops have closed, many people take a quiet walk in the shopping street. They have free. Some children take their toy swords with them and pretend that they were still living in the Middle Ages.*

3. Упражнения в развитии словообразовательной и концептуальной и догадки. Можно предложить выбрать из списка слов на родном языке (*безработный, работать, рабочий, безработица, работа*) одно слово, соответствующее слову *unemployed*. При этом обучающимся необходимо обратить внимание на словообразовательные элементы.

Другой тип тестовых вопросов «Выбор пропущенных слов» позволяет обучающимся сделать выбор из выпадающих списков, размещенных в местах пропущенных слов. Тест такого рода можно использовать, например, для обучения прогнозированию. Найдите слова, которые могут (или не могут) сочетаться с указанным

словом. Например, лексема *task* может сочетаться со всеми словами кроме *beautiful* из списочного состава *easy, difficult, beautiful, written, oral*.

Компьютерный вариант тестирования может быть успешно использован для создания подстановочных упражнений с пропуском слов в предложении, когда обучающимся необходимо отбирать подходящую лексическую единицу из выпадающего списка предложенных слов. Например: *The members of our family are very (happy, friendly, creative, complete) to each other*.

Упражнения в эквивалентных заменах могут быть созданы также на базе компьютерного теста с «Выбором пропущенных слов». Например, замените пропущенные слова в предложении синонимами или антонимами. *We must try our best to protect the (environment, city, family, children, movement)*.

Безусловно, тесты рассматриваются в первую очередь в качестве формы контроля уровня знаний, обучающихся по разным дисциплинам. Вместе с тем любой тест можно использовать и в качестве примера обучающей технологии. Как было показано в работе, компьютерный вариант тестирования позволяет эффективно обучать отдельным аспектам иноязычного говорения. Так, можно организовать подготовительную работу при обучении лексическому компоненту иноязычной речи. Компьютерное тестирование позволяет использовать упражнения на дифференциацию и идентификацию; имитацию с преобразованием; развитие словообразовательной и концептуальной и догадки, прогнозирование, подстановку и эквивалентную замену.

Список литературы

Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез // Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв, ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 6-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 336 с.

Ильина М.С. Условия успешной учебно-познавательной деятельности студентов // Перспективы науки. – 2018. – №2 (113) – С.107-110.

Новоселов М.Н. Дифференциация как основа педагогического взаимодействия в процессе обучения деловому иностранному языку студентов магистратуры и разработки электронного учебного пособия / М.Н. Новоселов, С.Н. Новоселова // Вестник ПНИПУ: проблемы языкознания и педагогики, 2023. – № 3. – С. 198-210.

Cattell J. McKeen. Mental Tests and Measurements // American Journal of Psychology, 1995. – Vol. 3. – Iss: 3. – P. 383.

POSSIBILITIES OF DIGITAL TESTS DURING ENGLISH CLASSES

Ilina Marina Sergeevna,

PhD in pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages

Department

Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Yelabuga, Russia

Abstract. This paper focuses on the use of computer-based testing not just as an assessment tool, but as a comprehensive learning method. The main purpose of the article is to demonstrate how digital tests can help pupils to learn new vocabulary effectively. The author offers a new perspective on testing: traditionally, tests are used by teachers not only to deep knowledge but their computer version has much greater potential influence: it allows pupils to work out the language material in a high-quality way, even without direct speech communication. The article's issues complement modern teaching methods. The proposed approach expands the teacher's arsenal and offers technological and modern ways to work with vocabulary in English lessons.

Key words: test, computer variant, the English language, lexical unit, school.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ УПРАЖНЕНИЙ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ТРИЗ-ЗАДАЧИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ

Крутов Михаил Андреевич,

магистрант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики

Государственного Университета Просвещения,

научный руководитель: Вековищева Светлана Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент,

Государственный Университет Просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья предлагает решение проблемы снижения мотивации к изучению иностранного языка у школьников 5-9 классов с помощью инструментов ТРИЗ-педагогике. Описан алгоритм трансформации упражнений в творческие ТРИЗ-задачи и примеры методов «Да-нетка», «Системный оператор», «Детектив», «Ловушка». Доказано, что эвристические подходы повышают интерес к обучению, улучшают речевые навыки и снижают психологический барьер.

Ключевые слова: ТРИЗ-педагогика, английский язык, мотивация, основная школа, трансформация упражнений, креативное мышление.

Введение

Современный этап развития образования в РФ, определяемый ФГОС, предъявляет высокие требования к формированию метапредметных результатов и развитию критического мышления, однако на уроках английского языка в 5–9 классах по-прежнему преобладают репродуктивные методы обучения. Это создает противоречие между стандартом и практикой, особенно с учётом психологических особенностей подростков, стремящихся к самостоятельности и отвергающих рутинную деятельность. Для разрешения данного противоречия в статье обосновывается применение инструментов ТРИЗ-педагогике (теория решения изобретательских задач [Альтшуллер, 2011, с. 68]) и описывается методика трансформации традиционных языковых упражнений в творческие задачи с целью повышения мотивации и качества обучения иностранному языку.

Теоретические основы применения ТРИЗ-педагогике в обучении иностранному языку

ТРИЗ-педагогика представляет собой дидактическую систему, основанную на использовании эвристических методов и приёмов, направленных на развитие у обучающихся способности выявлять, анализировать и разрешать противоречия, а также преодолевать шаблонность мышления и находить нестандартные способы решения учебных задач [Гин, 2013, с. 32]. Основное отличие такой системы от традиционной можно объяснить тем, что ТРИЗ-педагогика ориентирована на организацию активного мыслительного поиска, в ходе которого обучающийся становится субъектом познавательной деятельности.

В образовательном контексте ТРИЗ-педагогика рассматривается как эффективный инструмент формирования метапредметных компетенций, что в полной мере соответствует требованиям ФГОС основного общего образования [ФГОС, 2021], а особую значимость данный подход приобретает в условиях реализации деятельностной парадигмы обучения, предполагающей развитие УУД (универсальных учебных действий), креативного и критического мышления, а также коммуникативной компетентности обучающихся.

Иностранный язык, по своей природе, предполагает постоянную работу с неопределённостью, вероятностным прогнозированием смысла, множественностью интерпретаций. В отличие от точных учебных дисциплин, где результат деятельности чаще всего имеет однозначное и неоспоримое решение, иноязычная коммуникация

характеризуется вариативностью смыслов. Неопределённость проявляется в полном/частичном наборе языковых средств для выражения своих мыслей. Например, при аудировании или чтении обучающиеся сталкиваются с незнакомой лексикой, новыми грамматическими конструкциями, культурно обусловленными реалиями и т.д. Вероятностное прогнозирование смысла заключается в способности обучающегося предположить значение высказывания на основе контекста, ситуации общения, интонации, логики текста и уже имеющихся языковых знаний. Множественность интерпретаций обусловлена тем, что одно и то же высказывание на английском языке может иметь различные смысловые оттенки в зависимости от коммуникативной ситуации, намерений говорящего и культурного контекста. Использование ТРИЗ-инструментов позволяет органично интегрировать данные особенности в структуру урока, превратив простое языковое упражнение в проблемную ситуацию, требующую для ее решения интеллектуальных усилий и речевой активности [Ветчинникова, 2019].

Среди множества эффектов внедрения ТРИЗ-методики, одним из ключевых является активизация познавательного интереса обучающихся за счёт проблемности, исследовательского характера и непосредственно игровой составляющей самих заданий. Обучающиеся вовлекаются в процесс поиска решения, что влияет на повышение внутренней мотивации и снижению формального отношения к выполнению упражнений [Elaish, 2019]. Такая вариативность создаёт благоприятные условия для развития продуктивных видов речевой деятельности (говорения и письма), поскольку обучающиеся получают возможность выражать собственные мысли и находить ответы на поставленную проблему, выходя за рамки простого задания из учебника.

Алгоритм трансформации традиционных упражнений в ТРИЗ-задачи

На основе анализа методической литературы [Жарина, 2021; Гин, 2013, с. 40-76] и обобщения практического педагогического опыта нами разработана четырехэтапная модель трансформации стандартных языковых упражнений в творческие задания с использованием инструментов ТРИЗ-педагогике.

На первом этапе осуществляется выявление репродуктивного ядра упражнения. Принципиально важным на данном этапе является сохранение предметного содержания и планируемого результата обучения при последующей модификации формы работы с этим упражнением.

Второй этап предполагает постановку непосредственно проблемной ситуации. Учебное задание преобразуется в проблемную ситуацию путём введения противоречия, ограничения или нестандартного условия выполнения: использование знакомых языковых средства в необычном контексте, при дефиците информации или в условиях коммуникативного конфликта.

На третьем этапе осуществляется выбор и адаптация конкретного инструмента ТРИЗ-педагогике в зависимости от уровня обучающихся, целей упражнения и этапа урока. Так, при работе с лексическим материалом целесообразно использование приёма "Да-Нетка"; "Системный оператор" применяется для осмысления языковых явлений в широком контексте; "Детектив" способствует развитию вариативности высказывания; приём "Ловушка" используется для выявления и преодоления языковых стереотипов.

Четвёртый этап, связан с организацией рефлексии и языкового обобщения. Обучающиеся анализируют предложенные решения, обсуждают их языковую корректность, коммуникативную уместность и выразительность.

Методические примеры использования инструментов ТРИЗ-педагогике

"Да-Нетка". Инструмент "Да-Нетка" при работе с лексическим материалом является средством актуализации и первичного закрепления словарного запаса. Суть приема схожа с известной игрой и заключается в следующем: в ходе выполнения задания обучающимся предлагается угадать зашифрованное слово, словосочетание или понятие, относящееся к изучаемой теме, задавая вопросы, на которые возможны только ответы «да» или «нет». При такой форме работы исключается пассивное воспроизведение

лексики, что побуждает обучающихся самостоятельно отбирать языковые средства для формулирования гипотез. При этом развивается умение задавать грамматически корректные вопросы, уточнять значения слов, устанавливать логические связи между признаками объекта.

"Системный оператор". Использование данного инструмента связано с развитием навыков говорения. Обучающимся предлагается рассмотреть изучаемый объект, явление или ситуацию (например, "school", "technology", "holiday") в различных временных аспектах — в прошлом, настоящем и будущем, а также в рамках системы и надсистемы, т.е., объект должен рассматриваться как часть более широкой системы и, одновременно, как система, включающая в себя собственные элементы. Например, при изучении темы "school" обучающиеся рассматривают такие элементы, как участники образовательного процесса, предметы, расписание, правила, учебные пространства и т.д. В результате активизируется использование разнообразных лексических единиц и грамматических структур, расширяется тематический словарь, формируются навыки логически выстроенного и развернутого высказывания.

"Детектив". Данный инструмент находит свое место преимущественно при обучении монологическому высказыванию и направлен на развитие вариативности и гибкости речи, а сущность данного инструмента заключается в том, что обучающимся предлагается набор параметров речевой ситуации, таких как персонаж, место действия, цель общения, проблема или обстоятельства, которые могут свободно комбинироваться между собой. В ходе выполнения задания обучающиеся уходят от заученных монологических шаблонов.

"Ловушка". Инструмент "Ловушка" используется для целенаправленного выявления и преодоления языковых стереотипов, а также предотвращения ошибок, характерных для обучающихся на определённом этапе обучения. Уникальность задания заключается в содержании потенциально ошибочного или чрезмерно шаблонного решения, которое при этом внешне выглядит корректным. Задача обучающихся заключается в том, чтобы обнаружить несоответствие, объяснить его причину и предложить альтернативный вариант. Например, обучающимся предлагается готовое высказывание, внешне соответствующее изученной грамматической модели "I very like this book because it is very interesting". Задание формулируется следующим образом: The sentence is correct. Do you agree? Explain your answer and improve the sentence if necessary. В процессе работы учащиеся должны обнаружить скрытую ошибку, связанную с интерференцией родного языка и стереотипным переносом конструкции (very like), объяснить причину её появления и предложить корректный вариант высказывания.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что использование инструментов ТРИЗ-педагогике в обучении иностранному языку в основной школе является методически обоснованным и педагогически целесообразным. Адаптация эвристических инструментов ТРИЗ к традиционным языковым упражнениям обеспечивает переход от репродуктивной модели обучения к деятельностной, ориентированной на активизацию мыслительной и речевой активности обучающихся.

Алгоритм трансформации стандартных упражнений в творческие ТРИЗ-задачи позволяет сохранить предметное содержание и дидактические цели обучения при одновременном расширении развивающего потенциала заданий.

Список литературы

Альтшуллер Г.С. Найти идею: введение в теорию решения изобретательских задач : монография. — М.: Альпина Паблишер, 2011. — 400 с.

Ветчинникова И.В. Развитие творческих способностей учащихся на уроках английского языка посредством применения элементов НФТМ-ТРИЗ технологии // Казанский лингвистический журнал. — 2019. — Вып.2 — № 3. — С. 101-108.

Гин А.А. Приемы педагогической техники: свобода выбора, открытость, деятельность, обратная связь, идеальность: пособие для учителя. – 13-е изд. – М.: ВИТА-ПРЕСС, 2013. – 112 с.

Жарина О.А. Использование методов ТРИЗ-технологии при формировании лексико-грамматических навыков на уроках английского языка в начальной школе / О. А. Жарина, В. А. Семенова // Концепт. – 2021. – № 11. – С. 43-53.

ФГОС – Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287. – Текст: электронный. – URL: <https://edu.gov.ru/document/fgos-ooo> (дата обращения: 26.02.2026).

Elaish M. Development of a Mobile Game Application to Boost Students' Motivation in Learning English Vocabulary / M. Elaish, N. Ghani, L. Shuib, A. Al-Haiqi // IEEE Access. – 2019. – Vol. 7. – P. 13326-13337.

TRANSFORMING TRADITIONAL ENGLISH LANGUAGE EXERCISES INTO TRIZ TASKS AS A TOOL FOR INCREASING MOTIVATION AMONG SECONDARY SCHOOL STUDENTS

Krutov Mikhail Andreevich,

Master's student at the Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education,

Supervisor: Vekovishcheva Svetlana Nikolaevna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, State University of Education, Moscow, Russia

Abstract. This article proposes a solution to the problem of declining motivation to learn a foreign language among pupils in Years 5–9, using TRIZ-based teaching methods. It describes an algorithm for transforming exercises into creative TRIZ tasks and provides examples of the 'Yes-No' method, the 'System Operator' method, 'Detective' and 'Trap'. It has been demonstrated that heuristic approaches increase interest in learning, improve language skills and reduce psychological barriers.

Key words: TRIZ pedagogy, English language, motivation, secondary school, transformation of exercises, creative thinking.

РАЗРАБОТКА ЦИФРОВЫХ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Мусаелян Елена Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков педагогического института

Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия,

Хайрулина Александра Максимовна,

бакалавр кафедры романских языков и лингводидактики института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние лингводидактики в условиях цифровой трансформации образования. Обосновывается необходимость перехода от традиционных методов обучения иностранному языку к модульным цифровым решениям. Вводится понятие «цифровой лингвоконструкт» как структурированной образовательной единицы, интегрирующей языковой контент, интерактивные

инструменты и профессиональный контекст. Описывается практический опыт разработки таких конструкторов для студентов неязыковых направлений, направленный на формирование навыков профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: лингводидактика, цифровой лингвоконструкт, лингвистическая компетенция, студенты неязыковых вузов, профессионально-ориентированное обучение, цифровизация образования, теология.

Современный этап развития высшей школы характеризуется интенсивной цифровизацией образовательной среды и изменением требований к выпускникам. Для студентов неязыковых направлений владение иностранным языком трансформировалось в важнейший компонент профессиональной мобильности. Однако традиционные подходы к обучению иностранному языку на неязыковых направлениях не обеспечивают достаточного уровня сформированности коммуникативных навыков, необходимых для реальной профессиональной деятельности.

Актуальность данного исследования обусловлена противоречием между возросшими требованиями к коммуникативной подготовке специалистов и недостаточной методической проработанностью цифровых инструментов, адаптированных под специфику неязыковых направлений. В связи с этим возникает потребность в разработке новых дидактических единиц, способных интегрировать языковое обучение с профессиональным контекстом в цифровой среде. Целью статьи является описание концепции «цифрового лингвоконструкта» и демонстрация возможностей его применения для формирования коммуникативных навыков.

Лингводидактика как наука о преподавании и изучении иностранных языков претерпевает значительные изменения. В XXI веке на первый план выходит технологичность и персонализация обучения.

Е.И. Пассов определяет коммуникацию как «процесс взаимодействия людей, осуществляемый посредством языка» [Пассов, 1989, с. 15]. Однако в современных условиях само понятие взаимодействия расширяется за счет включения цифровых посредников. В процессе языковой подготовки будущих специалистов следует учитывать уровень владения иноязычным дискурсом, поскольку при изучении иностранных языков человек проходит три стадии: сначала идет вербально-семантический уровень владения, затем достигается логико-когнитивный, который сменяется деятельно-коммуникативным [Караулов, 2010, с. 30].

Как отмечают С.В. Шедина и Н.С. Терёшина, «метод входит в структуру обучения, является связующим звеном между целью и конечным результатом» [Шедина, 2022, с. 343]. По мнению Н.Д. Гальсковой, современная лингводидактика должна учитывать не только лингвистические, но и социокультурные, а также технологические факторы, влияющие на усвоение языка. Она подчеркивает, что «обучение иностранному языку сегодня – это не просто передача знаний, а создание условий для погружения в иноязычную культуру и коммуникацию» [Гальскова, 2004, с. 48].

Цифровизация образования вносит коррективы в эту парадигму. П.В. Сысоев указывает на то, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) меняют роль преподавателя и студента. Преподаватель становится модератором образовательного процесса, а студент – активным конструктором своего знания. По мнению Сысоева, «использование мультимедийных технологий позволяет моделировать ситуации реального общения, что критически важно для формирования коммуникативной компетенции» [Сысоев, 2001, с. 19].

Термин «конструкт» в педагогике заимствован из конструктивизма – теории обучения, согласно которой знание не передается в готовом виде, а конструируется самим обучающимся в процессе деятельности. В контексте лингводидактики мы предлагаем определять *цифровой лингвоконструкт* как автономный, структурированный цифровой модуль, содержащий целевой языковой материал, интерактивные задания, средства

обратной связи и профессионально-ориентированный контекст, предназначенный для формирования конкретного коммуникативного навыка.

В отличие от традиционных учебных материалов, цифровой лингвоконструкт, как инструмент формирования коммуникативных навыков, строится на теории, что «если меняется сам процесс мышления, то меняются и требования к учебным материалам» [Агеев, 2025, с. 107]. Следовательно, цифровой лингвоконструкт должен соответствовать следующим критериям:

1. Интерактивность. Предусмотрено не только потребление контента, но и активное взаимодействие студента с материалом (выбор вариантов, запись речи, моделирование диалога).

2. Контекстуализация. Языковой материал подается не изолированно, а в рамках профессиональных сценариев (например, «Организация и модерация диалогов между представителями разных христианских конфессий или мировых религий», «Анализ этической составляющей новых технологий (ИИ, геномная инженерия, big data) с точки зрения человеческого достоинства, справедливости»).

3. Адаптивность. Возможность усложнить задания в зависимости от уровня подготовки студента.

Е.С. Полат, исследуя новые педагогические технологии, отмечает, что эффективность обучения возрастает, когда студент вовлечен в активную поисковую деятельность [Полат, 2000]. Цифровой лингвоконструкт реализует этот принцип, предлагая студенту решить коммуникативную задачу с помощью языковых средств.

Переходя к практической реализации, необходимо учитывать, что в теологии язык выполняет не только коммуникативную, но и сакральную, герменевтическую функцию. Следовательно, лингвоконструкты для будущих теологов должны быть нацелены не просто на усвоение терминов, но на формирование способности к точному богословскому дискурсу, интерпретации священных текстов и ведению межконфессионального диалога. В следующем разделе будут представлены и проанализированы конкретные примеры таких лингвоконструктов, разработанных с учетом профессионального контекста теологической деятельности».

Лексико-семантические конструкты

1. **Конструкт «Богословской терминологии:** синонимия, антонимия и иерархия понятий»: суть данного конструкта заключается в анализе ключевых терминов (sin, grace, redemption, revelation, sacrament, heresy, dogma) не изолированно, а в их системных связях.

Практическое задание: сопоставить употребление термина “truth / justice / righteousness” в библейских текстах (на языке оригинала и в переводах) и в современном богословском дискурсе. Создать семантическую карту (concept map) связей этого термина.

Цель: развить навык точного использования и перевода богословской лексики, понимания ее эволюции.

2. **Конструкт «Метафорическое моделирование в канонических текстах»:** исследование ключевых метафор (God as Father, King, Shepherd; spiritual life as a journey, building, marriage; sin as sickness, debt, slavery) как лингвоконструктов, организующих целые слои религиозной мысли.

Практическое задание: проанализировать развитие метафорической модели (например, «the Temple / Tabernacle») через несколько книг Библии (Exodus, the Prophets, Paul’s Epistles) и проследить как меняется данное наполнение конструкта.

Цель: научить студентов понимать религиозные идеи через анализ их языкового оформления.

3. **Конструкт «Дискурсивный анализ и структура аргументации»:** исследование более крупных речевых единиц дискурса (абзацев, целых посланий); анализ того, как автор строит свое суждение и какие риторические приёмы использует (повторы, контрасты, хиазмы, вопросы), для более убедительной и воздействующей коммуникации с аудиторией.

Практическое задание: выбрать один логически завершённый отрывок (e.g., Romans 8:1–17 or 1 Corinthians 13).

Задача учащихся – визуализировать его структуру:

Выделить главный тезис.

Обозначить ключевые поворотные точки (conjunctions and introductory words such as “therefore”, “but”, “for”)

Отметить повторы ключевых слов (in Romans 8: “Spirit”, “flesh”, “sons”)

Выявить риторические фигуры (in 1 Corinthians 13: anaphora “Love...” and contrasts “if... but have not love”).

Результат: Создание интеллект-карты или схемы, наглядно показывающей ход рассуждений автора.

Анализ риторической ситуации (коммуникативный аспект):

- Кто? Автор (Paul, Peter, John) со своим характером и авторитетом.
- Кому? Конкретная община (Corinthians, Galatians, Hebrews) с её проблемами, культурой и уровнем понимания.

- Зачем? Пасторская забота, обличение, утешение, разрешение конфликта, богословское наставление.

Цель: научить видеть «картину в целом», логику богословской мысли автора, его интенции. Перейти от цитирования изолированных стихов к целостному пониманию библейской книги как единого, мастерски составленного послания.

Разработка лингвоконструкта включает несколько этапов:

Этап 1. Анализ профессиональных потребностей: определяется, какие коммуникативные ситуации наиболее востребованы в конкретной профессии.

Этап 2. Проектирование сценария: создается сценарий взаимодействия.

Этап 3. Техническая реализация: важным элементом является мультимодальность: сочетание текста, аудио и видео.

Этап 4. Интеграция в учебный процесс: лингвоконструкты могут использоваться как для аудиторной работы (в режиме blended learning), так и для самостоятельной подготовки.

Внедрение цифровых лингвоконструктов позволяет решить ряд проблем обучения ИЯ в неязыковом вузе:

- Индивидуализация. Студент может работать в своем темпе, возвращаясь к сложным элементам конструкта.

- Актуализация знаний. Контент в цифровом формате легче обновлять в соответствии с изменениями в профессиональной сфере.

- Объективность контроля. Цифровые следы деятельности студента позволяют преподавателю точно отслеживать прогресс.

Однако существуют и риски. Чрезмерная цифровизация может привести к дефициту живого общения. Поэтому важно подчеркивать, что цифровой лингвоконструкт не заменяет преподавателя, а служит инструментом в его руках. Коммуникативный навык окончательно оттачивается именно в межличностном взаимодействии, которое может быть организовано на основе материалов, отработанных в конструкте.

Н.Д. Гальскова предупреждает, что «технологизация обучения не должна подменять собой воспитательный и культурологический аспекты» [Гальскова, 2004, с. 112]. Поэтому в цифровые лингвоконструкты необходимо закладывать элементы лингвострановедения и профессиональной этики.

Разработка цифровых лингвоконструктов представляет собой перспективное направление развития современной лингводидактики. Данный подход позволяет интегрировать достижения информационных технологий с проверенными методическими принципами коммуникативного обучения. Для студентов неязыковых направлений это означает возможность формирования практических навыков профессиональной коммуникации в сжатые сроки и с высокой степенью вовлеченности.

Список литературы

Агеев Н.Я. Влияние использования различных типов учебных материалов на характеристики учебной деятельности: обзор современных исследований / Н.Я. Агеев, Д.А. Докучаев, И.А. Дубовик, О.П. Марченко // Психологическая наука и образование. – 2025. – 30 (6). – С. 105–116.

Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АРКТИ, 2004. – 192 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 1989. – 278 с.

Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е.С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 216 с.

Сысоев П. В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 4. – С. 19–24.

Шедина С.В. Традиционное и интерактивное обучение: особенности применения методов в учебном процессе / С.В. Шедина, Н.С. Терёшина // Эпоха науки. – 2022. – №32. – С. 342-347.

DEVELOPMENT OF DIGITAL LINGUISTIC CONSTRUCTS AS A TOOL FOR FORMING COMMUNICATIVE COMPETENCIES OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITY STUDENTS

Musaelian Elena Nikolaevna,

*Candidate of Pedagogy, associate professor of department of foreign languages,
Belgorod national research university, Belgorod, Russia,*

Khairullina Alexandra Maksimovna,

*bachelor of the Department of Romance Languages and Linguodidactics, Institute of
Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University,
Moscow, Russia*

Abstract. The article examines the current state of linguodidactics in the context of the digital transformation of education. The necessity of transitioning from traditional methods of foreign language teaching to modular digital solutions is substantiated. The concept of a “digital linguistic construct” is introduced as a structured educational unit integrating language content, interactive tools, and professional context. Practical experience in developing such constructs for students of non-linguistic fields, aimed at developing professional communication skills, is described.

Key words: linguodidactics, digital linguistic construct, linguistic competence, non-linguistic university students, professionally-oriented teaching, digitalization of education, theology.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ражабова Зебо Камолитдиновна,

*магистр 1 курса специальности Лингвистика (русский язык) СОП КарГУ-НГЛУ
Каршинский государственный университет,
г. Карши, Узбекистан,*

научный руководитель: Азизова Насиба Бахритдиновна,
*профессор кафедры русского языка и литературы
Каршинского государственного университета,
г. Карши, Узбекистан*

Аннотация. В статье рассматривается теоретическое обоснование использования фразеологического материала в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Анализируются ключевые понятия современной лингвокультурологии: языковая картина мира, фразеологическая картина мира, внутренняя форма фразеологизма. Особое внимание уделяется национально-культурной обусловленности фразеологического фонда русского языка и механизмам отражения в нем традиций, обычаев, национальных стереотипов и ценностных ориентаций народа. Автор приходит к выводу, что фразеологическая картина мира является важнейшим компонентом национальной языковой картины мира и обладает высоким лингводидактическим потенциалом для формирования вторичной языковой личности иностранных учащихся. В статье также обосновываются методы семантизации фразеологизмов (этимологический, визуальный, образный и переводческий), способствующие эффективному формированию лингвокультурной компетенции.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), языковая картина мира, фразеологическая картина мира, внутренняя форма, лингвокультурная компетенция, национально-культурная специфика, семантизация фразеологизмов, вторичная языковая личность.

Введение

Современная лингводидактика характеризуется повышенным интересом к проблемам взаимосвязи языка и культуры. В условиях глобализации и расширения межкультурных контактов перед методикой преподавания иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного (РКИ), стоит задача не только обучить языковой системе, но и сформировать у учащихся способность к межкультурной коммуникации. Как справедливо отмечает Н.Б. Азизова, «в условиях глобализации и расширения межкультурных контактов перед методикой преподавания иностранных языков стоит задача не только обучить языковой системе, но и сформировать у учащихся способность к межкультурной коммуникации» [Азизова, 2021, с. 317]. Это требует обращения к глубинным пластам языка, хранящим культурно-исторический опыт народа. Таким пластом, несомненно, является фразеология [Zykova, 2016].

Фразеологический фонд языка представляет собой наиболее самобытное явление, в котором ярко отражается национальная специфика мировидения, система ценностей, традиции и обычаи народа. Как отмечает В.Н. Телия, фразеологизмы выполняют роль эталонов и стереотипов национальной культуры [Телия, 1996, с. 9]. Включение фразеологического материала в процесс обучения РКИ способствует не только расширению словарного запаса и обогащению речи учащихся, но и проникновению в «языковую картину мира» русского народа, формированию вторичной языковой личности, способной к адекватному восприятию и порождению речи в контексте диалога культур [Хмелевский, 2024, с. 356].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью теоретического обоснования лингводидактического потенциала русской фразеологии сквозь призму категорий языковой и фразеологической картины мира. Цель статьи – теоретическое осмысление фразеологической картины мира как основы формирования лингвокультурной компетенции при обучении русскому языку как иностранному, а также выявление эффективных методов семантизации фразеологизмов в иноязычной аудитории.

1. Научное понятие «языковая картина мира» в современной лингвокультурологии

Понятие «картина мира» является одним из ключевых в современной гносеологии, философии, культурологии и лингвистике. Под картиной мира понимается целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека [Корнилов, 2003, с. 4]. Человек стремится сформировать в своем сознании непротиворечивую модель окружающей действительности, которая опосредована его культурным и историческим опытом.

Особое место в системе картин мира занимает языковая картина мира (ЯКМ). Как отмечает В.А. Маслова, язык – это не просто средство коммуникации, но и «зеркало культуры», в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей [Маслова, 2001, с. 5]. ЯКМ исторически складывается в сознании языкового коллектива и отражается в языке как способ концептуализации действительности, свойственный данному этносу.

Согласно концепции Ю.Д. Апресяна, развиваемой также А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелевым, ЯКМ представляет собой «наивную» картину мира, которая во многом отличается от научной. Она складывается из системы ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, которые проявляются в значениях слов, фразеологизмов, грамматических конструкциях и обуславливают специфику национального мировосприятия [Зализняк, 2005, с. 9].

В антропоцентрической парадигме современного языкознания особое место занимает исследование языковой личности. Как подчеркивает Н.Б. Азизова, «в лингвистической науке термин «языковая личность» был впервые введен В.В. Виноградовым», а в широкий научный обиход данное понятие было введено Ю.Н. Карауловым, который представлял языковую личность как «совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений» [Азизова, 2025, с. 540]. Понимание особенностей русской ЯКМ и структуры языковой личности является необходимым условием для успешного овладения языком и адекватного участия в межкультурной коммуникации.

Таким образом, ЯКМ – это совокупность зафиксированных в языковых единицах представлений народа о действительности на определенном этапе его развития. Она национально специфична и является важнейшей составляющей культуры этноса.

2. Фразеологическая картина мира как аспект национальной языковой картины мира. Внутренняя форма как образная основа фразеологического значения

Фразеологическая картина мира (ФКМ) представляет собой фрагмент языковой картины мира, вербализованный средствами фразеологии. Это вторичная, образная система, которая возникает в результате метафорического и метонимического переосмысления первичных номинативных единиц. ФКМ отражает не столько объективную реальность, сколько способы ее восприятия и оценки носителями языка [Алефиренко, 2009, с. 45].

В.Н. Телия, основоположник лингвокультурологического направления во фразеологии, подчеркивает, что фразеологизмы являются «зеркалом», в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание [Телия, 1996, с. 9]. Они выполняют функцию эталонов, стереотипов, символов национальной культуры и интерпретируются с позиций ценностных ориентаций, свойственных данному социуму [Zykova, 2016].

Ключевым понятием для понимания культурной значимости фразеологизма является внутренняя форма (ВФ). Вслед за А.А. Потебней, под внутренней формой понимается ближайшее этимологическое значение, образная мотивировка, которая лежит в основе целостного значения фразеологической единицы. Именно ВФ связывает фразеологизм с культурой, так как она содержит в себе «след» того культурного контекста, в котором возникло данное выражение. Как отмечается в исследовании О.В. Тороповой, метафора и метонимия, формирующие внутреннюю форму, приобретают свойства культурно значимого образа, становятся «культуроносным символом» [Торопова, 2011, с. 121].

Например, внутренняя форма фразеологизма «зарубить на носу» (запомнить) отсылает нас к реалии прошлого — деревянным биркам («носам»), на которых делали зарубки для памяти. Фразеологизм «бить баклуши» (бездельничать) связан с процессом изготовления деревянных ложек, где «баклушами» назывались чурбаны для их выделки.

Изучение таких единиц позволяет иностранному студенту не только освоить новое выражение, но и проникнуть в мир традиций и быта русского народа.

Как отмечает Н.Б. Азизова, «фразеологические и паремиологические единицы являются хранителями культурной информации, которые прямо или опосредованно несут в себе сведения о мире, социуме, ценностных ориентирах этноса» [Азизова, 2022, с. 169]. Таким образом, изучение ФКМ предполагает анализ внутренней формы фразеологизмов, которая выступает в роли «кода», позволяющего расшифровать культурные смыслы, заложенные в языке предшествующими поколениями.

3. Национально-культурная обусловленность фразеологического фонда языка

Фразеологический фонд каждого языка глубоко национален. Национально-культурная специфика фразеологии проявляется на нескольких уровнях, которые необходимо учитывать при обучении РКИ.

Во-первых, она связана с обозначением уникальных культурных реалий, не имеющих аналогов в других культурах. Фразеологизм «положить под сукно» (отложить дело) отсылает к обычаю класть ненужные бумаги под сукно, которым покрывали столы в присутственных местах [Баско, 2010, с. 45]. В узбекском языке существуют свои уникальные фразеологизмы, отражающие национальные реалии, что требует особого внимания при сопоставительном изучении языков.

Во-вторых, во фразеологии отражаются традиции и обычаи народа. Многочисленные пословицы и поговорки связаны с гостеприимством («*Чем богаты, тем и рады*»), отношением к труду («*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*»), семейным укладом («*В семье не без урода*», «*Муж и жена — одна сатана*»). Изучение таких единиц позволяет иностранному студенту проникнуть в мир ценностей русского человека [Хмелевский, 2024, с. 356].

В-третьих, фразеологизмы фиксируют национальные стереотипы и эталоны. Например, эталоном глупости в русской культуре является баран («*смотрит как баран на новые ворота*»), неуклюжести – медведь («*медведь на ухо наступил*»), а высокого роста – пожарная каланча («*коломенская верста*») [Барановская, 2023, с. 67]. Эти эталоны отражают сложившиеся в культуре ассоциативные связи и часто не совпадают с эталонами в других языках. Как отмечает Н.Б. Азизова в сравнительном анализе русской и узбекской лингвокультур, «именно через моделирование языковой личности в паремиологическом дискурсе наиболее полно раскрываются национально-специфические черты аксиологической картины мира» [Azizova, 2026, с. 35].

Наконец, фразеология кодирует нормы и правила речевого поведения. Употребление пословиц, поговорок и идиом уместно лишь в определенных коммуникативных ситуациях, что отражает сложные речеповеденческие установки русского народа (например, утешение: «*Терпи, казак, атаманом будешь*»; похвала: «*Молодец!*» в значении «умница»). Понимание этих нюансов является важной частью лингвокультурной компетенции.

4. Методы семантизации фразеологизмов в аспекте формирования лингвокультурной компетенции

Для эффективного формирования лингвокультурной компетенции при обучении русской фразеологии необходимо использовать различные методы семантизации. Как справедливо отмечает Н.Б. Азизова, «для fostering the linguocultural competence of philology students in the study of phraseology, it is essential to employ methods of semantization» [Azizova, 2025, с. 210]. Рассмотрим основные методы, обладающие высоким лингводидактическим потенциалом.

Этимологический метод позволяет раскрыть исторические корни фразеологизмов и их связь с культурой и традициями народа. Например, объяснение происхождения фразеологизма «как Макар телят не гонял» связано с историей и культурными реалиями. Как подчеркивает Н.Б. Азизова, «etymology is a key aspect of linguoculturology, allowing us to uncover the linguistic worldview through phraseological units» [Azizova, 2025, с. 213].

Этимологический анализ помогает не только понять значение фразеологизма, но и осознать его культурную значимость.

Визуальный метод (наглядность) является важным инструментом семантизации. Как отмечается в исследовании Н.Б. Азизовой, «visualization is an important tool for the semantization of phraseological units», поскольку помогает объяснить значение, которое сформировано историей и традициями [Azizova, 2025, с. 213]. Использование иллюстраций, рисунков и других визуальных материалов позволяет студентам визуализировать образы, заложенные во фразеологизмах, что способствует более глубокому пониманию их значений. Например, для фразеологизма «заварить кашу» можно использовать иллюстрацию, показывающую процесс приготовления каши, что помогает студенту связать буквальное значение с переносным.

Метод образности (имагологический) основан на том, что образность является ключевым элементом фразеологического значения. Как подчеркивает Н.Б. Азизова, «imagery is a crucial factor in shaping the linguistic and phraseological worldview, as well as an effective method of semantization» [Azizova, 2025, с. 214]. Образность фразеологизмов проявляется в их использовании в разговорной речи и литературных произведениях, раскрывая эмоциональную глубину и яркость, присущие русской языковой картине мира.

Переводческий метод является одним из наиболее сложных, но важных методов семантизации. Как отмечается в исследовании, «translation of phraseological units is a complex process for several reasons» [Azizova, 2025, с. 216]. При переводе фразеологизмов необходимо учитывать национально-культурные различия, которые могут совпадать по значению, но иметь разную стилистическую окраску. В научной литературе выделяют два основных способа перевода фразеологизмов: фразеологический (с использованием эквивалентов, частичных эквивалентов и относительных эквивалентов) и нефразеологический (лексический перевод, калькирование, описательный перевод) [Azizova, 2025, с. 217].

Применение данных методов в их совокупности позволяет наиболее эффективно раскрыть смысловые и культурные аспекты фразеологизмов, что способствует более глубокому пониманию языка и культуры и формированию лингвокультурной компетенции иностранных учащихся.

5. Лингвокультурологический подход к изучению фразеологии в иноязычной аудитории

Лингвокультурологический подход к изучению фразеологии предполагает рассмотрение фразеологических единиц не просто как языковых явлений, но как носителей культурно значимой информации. Как отмечает Н.Б. Азизова, «the study of phraseological units and methods of their semantization is of great significance for the formation of linguocultural competence among philology students» [Azizova, 2025, с. 219].

В контексте обучения РКИ лингвокультурологический подход позволяет решить несколько важных задач. Во-первых, он способствует формированию у учащихся представления о русской языковой картине мира, о специфике национального мировосприятия. Во-вторых, он помогает понять систему ценностей русского народа, закреплённую во фразеологизмах и поговорках. В-третьих, он развивает навыки межкультурной коммуникации, позволяя учащимся адекватно интерпретировать фразеологические единицы в речи носителей языка.

Важным аспектом лингвокультурологического подхода является сопоставительное изучение фразеологии родного и изучаемого языков. Как подчеркивает Н.Б. Азизова, «сравнительный концептуальный анализ языковой личности в разнотипных языках позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические черты аксиологической картины мира» [Azizova, 2026, с. 36]. Сопоставление русских и узбекских фразеологизмов, например, позволяет выявить как общие черты (общечеловеческие ценности), так и уникальные особенности, отражающие специфику каждой культуры.

В практическом плане лингвокультурологический подход к изучению фразеологии может быть реализован через использование специальных учебных пособий, включающих культурологические комментарии к фразеологизмам, а также через организацию проектной деятельности, направленной на исследование фразеологических единиц в контексте русской культуры.

Заключение

В результате теоретического анализа было установлено, что языковая картина мира является фундаментальным понятием современной лингвистики, отражающим национально-специфическое мировидение. Фразеологическая картина мира представляет собой наиболее яркий и образный фрагмент ЯКМ, в котором культурная информация кодируется через внутреннюю форму фразеологизмов.

Национально-культурное своеобразие русской фразеологии проявляется в фиксации уникальных реалий, традиций, обычаев, эталонов и стереотипов, а также в специфике речевого поведения. Это делает фразеологию незаменимым источником для изучения культуры страны изучаемого языка и формирования у иностранных учащихся вторичной языковой личности.

Эффективное формирование лингвокультурной компетенции на занятиях по РКИ возможно при использовании комплекса методов семантизации фразеологизмов: этимологического, визуального, образного и переводческого. Лингвокультурологический подход к изучению фразеологии позволяет не только освоить новый лексический материал, но и понять систему ценностей и менталитет русского народа, что является залогом успешной межкультурной коммуникации.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке системы методических приемов для презентации фразеологизмов в иноязычной аудитории, учитывающих их лингвокультурологическую специфику, а также в создании учебных пособий, включающих культурологические комментарии к фразеологическим единицам.

Список литературы

Азизова Н.Б. Лингвокультурологическая интерпретация фразеологических единиц на русском языке в иноязычной аудитории // Научный вестник Наманганского государственного университета. – 2021. – № 7. – С. 316-321.

Азизова Н.Б. Лингвокультурологический подход в изучении фразеологических единиц // Miasto Przyszłości. – Kielce, 2022. – Special Issue: Hi-Tech Tendencies of Innovative Scientific Research. – С. 168-171.

Азизова Н.Б. Формирование учения о языковой личности в антропоцентрических исследованиях // American Journal of Advanced Scientific Research. – 2025. – Vol. 2. – С. 538-546.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Барановская Т.А. Языковая картина мира: от теории к практике: учебное пособие для вузов / Т.А. Барановская, М.Б. Антонова, А.В. Захарова, С.И. Ли. – М.: Флинта, 2023. – 208 с.

Баско Н.В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян: учебное пособие. – 2-е изд. – Москва: Русский язык. Курсы, 2010. – 232 с.

Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Academia, 2001. – 202 с.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

Торопова О.В. Фрагменты русской языковой картины мира во фразеоструктуре и фразеосемантике: (функциональные и лингвокультурологические аспекты). – Челябинск, 2011. – 138 с.

Хмелевский М.С. «Век живи – век учись!»: фразеология как вспомогательный материал в обучении иностранным языкам (на примере РКИ) / М.С. Хмелевский, А.В. Савченко // Многознание в образовательном пространстве. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2024. – Вып. 87, ч. 4. – С. 354-363.

Azizova N.B. Modelling the Linguistic Personality in Russian and Uzbek Cultures: A Comparative Conceptual Analysis and Lexicographic Application // Western European Journal of Linguistics and Education. – 2026. – Vol. 4. – No. 03. – P. 34-36.

Azizova N.B. Methods for Linguoculturological Interpretation of Phraseological Units of the Russian and Uzbek Languages / N.B. Azizova, E.V. Milovanova, Iu.M. Kalinina // Rivista Italiana di Filosofia Analitica Junior. – 2025. – Vol. 14. – No. 2. – P. 209-221.

Zykova I. V. Linguo-cultural studies of phraseologisms in Russia: past and present. – Text: electronic // Yearbook of Phraseology. – 2016. – Vol. 7. – No. 1. – P. 7-26. – DOI: 10.1515/phras-2016-0007.

PHRASEOLOGICAL WORLDVIEW AS A BASIS FOR FORMING LINGUOCULTURAL COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Rajabova Zebo Kamoliddinovna,

Master's student,

Karshi State University, Karshi, Uzbekistan

Scientific supervisor: Azizova Nasiba Bakhritdinovna,

Professor, Department of Russian Language and Literature,

Karshi State University, Karshi, Uzbekistan

Abstract. The article provides a theoretical justification for the use of phraseological material in the process of teaching Russian as a foreign language (RFL). Key concepts of modern cultural linguistics are analyzed: the linguistic worldview, the phraseological worldview, and the inner form of phraseological units. Special attention is paid to the national and cultural conditionality of the Russian phraseological fund and the mechanisms of reflecting traditions, customs, national stereotypes, and value orientations of the people. The author concludes that the phraseological worldview is the most important component of the national linguistic worldview and has high linguodidactic potential for the formation of a secondary linguistic personality of foreign students. The article also substantiates the methods of semantization of phraseological units (etymological, visual, figurative, and translational) that contribute to the effective formation of linguocultural competence.

Key words: Russian as a foreign language (RFL), linguistic worldview, phraseological worldview, inner form, linguocultural competence, national and cultural specificity, semantization of phraseological units, secondary linguistic personality.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ НАСТАВНИЧЕСТВА В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ НАСТАВНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЯЗЫКОВОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Савченко Елена Павловна,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и
восточных языков*

Государственного университета просвещения, г. Москва, Россия,

Холстинина Татьяна Владимировна,

*кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории языка,
англистики и прикладной лингвистики*

Государственного университета просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация. Наставничество как деятельность не просто модный тренд в образовании. Это возвращение к национально-культурным традициям, сохранение русского культурного кода. Зародившись на рубеже 18-19 вв., наставничество как деятельность представляет собой эталон отечественной психолого-педагогической традиции. В статье авторы делятся опытом внедрения наставнических технологий в процессе подготовки обучающихся по программе 44.04.01 Педагогическое образование: Теоретические и методологические основы преподавания английского языка, реализуемой на лингвистическом факультете Государственного университета просвещения.

Ключевые слова: подготовка будущих учителей иностранного языка, студенты-педагоги, наставническая деятельность, образовательные технологии.

Важно понимать, что стратегическая цель современного отечественного образования – модернизация всей его системы с тем, чтобы Российская Федерация вошла в первую десятку стран с лучшей системой образования, согласно Указу Президента РФ В.В. Путина [О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: электронный ресурс].

Ключевое внимание в этом процессе уделяется наставнической деятельности, которая представляется нам как нечто новое и инновационное, в то время как исторически наставничество не только является неотъемлемой частью русского культурного кода (в духовном и религиозном плане основоположником старчества-наставничества считается Сергей Радонежский), но и получило свое научно-теоретическое обоснование в трудах К.Д. Ушинского, а после, в середине XX века, и вовсе было массово распространено благодаря утвержденному вектору развития государственной политики тех лет [Бхатти, 2019, с. 3].

Принимая во внимание траекторию модернизации современной системы образования, наставническая деятельность представляется в двух ипостасях:

- как *технология* повышения качества образования как для обучающихся в средних/высших учебных заведениях, так и для молодых специалистов (например, в формате повышения квалификации);

- как *практический механизм адаптации молодых специалистов* в образовательных учреждениях (может реализовываться в форме пост образовательного курирования преподавателями вуза и/или более опытными специалистами в образовательных организациях).

Лингвистический факультет Государственного университета просвещения, реализуя подготовку учителей иностранного (английского) по программе 44.04.01 Педагогическое образование: Теоретические и методологические основы преподавания английского языка, также в полной мере внедряют основы и принципы наставнической деятельности в двух указанных формах в образовательный процесс.

Во-первых, современный вуз и современная модель образования должна иметь методологическую оболочку цифрового университета как интегративного феномена: цифровой формат проведения занятий (или, в крайнем случае, возможность такого формата), цифровая среда, цифровые ресурсы, цифровая платформа. Государственный университет просвещения не остался в стороне: преподаватели активно используют электронную образовательную среду – ЭОС (<https://eos.eduprosvet.ru/>) [Ковш, 2017, с. 105]. Благодаря ЭОСу преподаватели лингвистического факультета имеют возможность постоянно поддерживать обучающихся во время прохождения учебных и производственных практик и стажировок (в том числе и за рубежом), создавать дополнительные образовательные курсы, модернизировать контент этих курсов, делиться педагогическим опытом и быть на связи с обучающимися фактически 24/7.

Во-вторых, в помощь молодым специалистам и с целью сохранения связи на уровне Университет–Школа, на факультете активно развивается деятельность по линии Ассоциация педагогов Московской области «Учителя английского языка»

(<https://auayamo.eduprosvet.ru/>) под руководством доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Президента Ассоциации *Ирины Олеговны Мазирки*. Ассоциация не только обеспечивает выпускников и молодых специалистов методической помощью (организует и проводит семинары, мастер-классы, выездные мероприятия, заседания методических кружков и объединений и т.д.), но и помощь психологическую (в доступе всегда есть психолог, к которому можно обратиться как лично, так и анонимно через соответствующий раздел сайта Ассоциации).

С учетом предметно-образовательной области (иностранные языки), преподавателями кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики была разработана программа наставнической деятельности и основные направления дорожной карты по направлениям этой деятельности: организационно-управленческое, научно-методическое, предметно-методическое, информационное, образовательное и экспертно-консультационное.

Кроме того, как мы уже говорили, наставничество – это не инновация, это традиции и культура, поэтому на лингвистическом факультете также успешно реализуются масштабные научно-просветительские проекты: Значимые личности в языке и культуре (отмечен Проектом «Золотые Имена Высшей Школы» в 2022 г.) и Обучение Служением (разновидность проектного метода, разработанного в начале XX в. педагогами Дж. Дьюи, У. Килпатриком [Out of the Classroom and into Life: электронный ресурс] и др. В его основе лежит идея о том, что освоение профессиональных навыков идет более эффективно в процессе решения реальной проблемы, при понимании возможной общественной полезности ее решения [Вековищева, 2025, с. 190]).

Считаем, что будущее педагогического образования в России во многом зависит, сумеет ли отечественная система образования сформировать личность будущего учителя, способного обеспечить достижение обучающимися новых образовательных результатов в виде универсальных учебных действий, функциональной грамотности (учебная, информационная, коммуникативная, грамотность в области здоровья и безопасности), адаптации к вызовам современного мира, что, безусловно, возможно только при условии осознания своей национальной идентичности и возвращения к исконным корням.

Список литературы

Бхатти Н.В. Лингвокультурные типы образовательной сферы английской и русской лингвокультур / Н.В. Бхатти, М.Ю. Захарова, Е.П. Савченко, Е.Ю. Харитонов. – Москва: Изд-во МГОУ, 2019. – 88 с.

Вековищева С.Н. Обучение служением как ключевой компонент практико-ориентированного подхода к формированию личности учителя иностранных языков / С.Н. Вековищева, Е.П. Савченко // Казанская наука. – 2025. – № 9. – С. 189-191.

Ковш Е.В. Актуализация компетентного подхода при помощи икт-технологий в практике профессиональной подготовки лингвистов / Е.В. Ковш, Е.П. Савченко // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения. Сборник статей. – Москва, 2017. – С. 103-106.

О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 31.01.2026).

Out of the Classroom and into Life: Service Learning // Taiwan Panorama : site. – URL: <https://www.taiwan-panorama.com/en/Articles/Details?Guid=843e4aab-78d2-477a-8826-af9fcd8945d6&CatId=11&postname=Out%20of%20the%20Classroom%20and%20into%20Life:Service%20Learning> (дата обращения: 31.01.2026).

EVOLUTION OF THE TUTORING SYSTEM IN PEDAGOGICAL PRACTICE: FROM THE EXPERIENCE OF IMPLEMENTING TUTORING ACTIVITIES AT THE LANGUAGE FACULTY

Savchenko Elena Pavlovna,

*Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Indo-European and Oriental Languages,
State University of Education, Moscow, Russia,*

Kholstinina Tatyana Vladimirovna,

*Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Language
Theory, English Studies, and Applied Linguistics
State University of Education, Moscow, Russia*

Abstract. Mentoring as an action is more than just a fashionable trend in education. It represents a return to national and cultural traditions, preserving the Russian cultural code. Originating at the turn of the 18th and 19th centuries, mentoring represents a benchmark for the Russian psychological and pedagogical tradition. In this article, the authors share their experience implementing mentoring technologies in the preparation of students in the 44.04.01 Pedagogical Education: Theoretical and Methodological Foundations of Teaching English program, offered at the Faculty of Linguistics at the State University of Education.

Key words: training of future foreign language teachers, student teachers, mentoring, educational technologies.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Сапарова Барно Ровшановна,

Бердиева Селби Мурадовна,

Нурбаева Серви Нурмамедовна,

*студенты Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального
университета,*

научный руководитель: Ильина Марина Сергеевна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, г.
Елабуга, Россия*

Аннотация. В статье исследуются преимущества и недостатки искусственного интеллекта на уроках английского языка в начальной школе. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) внедряются в образовательный процесс начальной школы. Это направление связано с цифровизацией образования и необходимостью подготовки учащихся к жизни в современном цифровом обществе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, английский язык, уроки, начальная школа.

Современный мир характеризуется интенсивными цивилизационными процессами, обусловленными рядом политических и социокультурных факторов, включая глобализацию, массовую миграцию, стремительное развитие информационных технологий и усиление социальной мобильности. В таких условиях актуализируются вопросы межкультурного взаимодействия представителей разных этносов как одного из важных условий устойчивого прогресса человеческой цивилизации [Щербакова, 2021].

Современная школа находится на пороге фундаментальных изменений, и одной из главных движущих сил этой трансформации является искусственный интеллект. Для

учителя английского языка в общеобразовательной школе, работающего с учащимися начальной школы, этот вызов является двойным. С одной стороны, необходимо удерживать внимание «цифрового поколения», для которого технологии являются естественной средой обитания. С другой стороны, перед педагогом стоят классические задачи: подготовка к переходу в среднее звено, развитие коммуникативных навыков и преодоление языкового барьера. Одной из важнейших задач преподавателя является создание условий для успешного протекания учебно-познавательной деятельности студентов [Ильина, 2018].

В условиях глобализации и цифровой трансформации общества владение английским языком становится не просто желательным навыком, а необходимой базовой компетенцией. Фундамент этой компетенции закладывается в начальной школе, когда когнитивные способности ребенка наиболее гибки и восприимчивы к усвоению новых лингвистических структур.

В классе, где присутствует от 15 до 30 учеников, учитель физически не может уделить каждому ребенку достаточно времени для отработки произношения, интонации и спонтанной речи. По статистике, в течение 45-минутного урока каждый ученик говорит на иностранном языке в среднем не более 1-2 минут. Остальное время уходит на объяснение грамматики, чтение, аудирование и организационные моменты. Это приводит к формированию «пассивного билингвизма», когда учащиеся понимают правила и могут переводить тексты, но испытывают непреодолимый страх перед реальным диалогом.

Решением этой проблемы становятся интеллектуальные искусственные системы (ИИС) – программные комплексы на базе искусственного интеллекта (ИИ), способные распознавать речь, анализировать ее и генерировать адекватные ответы. Внедрение ИИС в образовательный процесс открывает эру «персонального тьюторинга» для каждого ребенка, позволяя масштабировать практику говорения без кратного увеличения нагрузки на учителя.

Искусственный интеллект, в отличие от человека, безоценочен в социальном смысле. Робот не устает, не раздражается и не смеется. Это создает безопасную психологическую среду (safe space), где ученик может повторять фразу десятки раз, пока не достигнет успеха, не боясь осуждения. Снижение тревожности напрямую коррелирует с улучшением беглости речи.

Для обучающихся использование ИИ на уроках – это сигнал о том, что школа идет в ногу со временем. Это повышает авторитет учителя, который не запрещает гаджеты, а показывает, как использовать их для саморазвития. Интеграция нейросетей в учебный процесс позволяет реализовать принцип «обучение через вовлечение», используя инструменты, которые уже знакомы учащимся по социальным сетям и играм.

Искусственный интеллект способен мгновенно адаптировать учебный материал под любой уровень владения языком. Учитель может взять одну актуальную новостную статью или текст песни, популярной у подростков, и попросить нейросеть адаптировать этот текст для уровней A2, B1 и B2. Таким образом, весь класс обсуждает одну тему, но каждый ученик работает с текстом, который находится в его «зоне ближайшего развития».

Под интеллектуальными искусственными системами понимается совокупность технологий, использующих обработку естественного языка (NLP – Natural Language Processing) и автоматическое распознавание речи (ASR – Automatic Speech Recognition). Можно выделить следующие основные категории таких систем, применимых в начальной школе.

1. Чат-боты и голосовые ассистенты общего назначения

Сюда относятся Google Assistant, Alexa, а также текстовые генеративные модели (по типу ChatGPT, адаптированные через голосовые интерфейсы). Хотя эти системы не создавались специально для детей, они обладают мощным потенциалом для создания спонтанных диалогов.

Пример использования: ученик может играть с ассистентом в словесные игры, спрашивать погоду, просить рассказать сказку на английском или искать информацию.

2. Специализированные образовательные ИИ-платформы (Intelligent Tutoring Systems)

Это приложения, разработанные специально для обучения (например, Duolingo, Buddy.ai, Novakid и др.). Они оснащены модулями распознавания детской речи, которая отличается от взрослой тембром, скоростью и артикуляцией.

Функционал: Такие системы предлагают структурированные уроки. Виртуальный персонаж (обычно анимированный герой) просит ребенка повторить фразу, ответить на вопрос или назвать предмет. Система мгновенно оценивает произношение, выделяя цветом слова, сказанные неверно, и предлагает повторить попытку.

3. Системы виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) с элементами ИИ

Это наиболее иммерсивная технология. Ученик надевает очки виртуальной реальности и попадает в симулированную среду (магазин, зоопарк, лондонская улица). Персонажи в этой среде управляются ИИ.

Преимущества использования ИИС:

1. интерактивность и вовлеченность;
2. взаимодействие с экраном и голосовым помощником для них естественно и интересно;
3. доступность языковой среды 24/7. ИИС доступны в любое время, что позволяет практиковать язык вне школы, увеличивая время экспозиции к языку (exposure);
4. персонализация. Алгоритмы адаптивного обучения подстраиваются под уровень ребенка. Если система видит, что ученик ошибается в конструкции «There is / There are», она будет ненавязчиво предлагать больше заданий именно на эту тему;

5. объективность контроля;

6. развитие автономности. Ребенок учится учиться сам, управляя своим прогрессом.

Несмотря на преимущества, внедрение ИИС сопряжено с рядом серьезных проблем, которые нельзя игнорировать.

1. Технические ограничения и ошибки распознавания.

Детская речь специфична: она часто нечеткая, с паузами, оговорками и фоновым шумом (если действие происходит в классе). Даже лучшие системы ASR иногда ошибаются, не распознавая правильный ответ или, наоборот, засчитывая неверный. Это может дезориентировать ученика. Кроме того, бесплатные версии генеративных нейросетей могут «галлюцинировать» — выдавать грамматически верные, но фактологически бессмысленные ответы.

2. Отсутствие эмпатии и невербалики.

Коммуникация — это не только обмен словами, но и жесты, мимика, зрительный контакт, сопереживание. ИИ может имитировать эмоции, но не чувствовать их. Ребенок, привыкший общаться только с ботом, может столкнуться с трудностями в реальном общении с людьми, где важна реакция на настроение собеседника и социальный контекст.

3. Этические вопросы и приватность данных.

Использование голосовых помощников подразумевает запись и обработку голоса ребенка. Вопросы хранения этих биометрических данных, их защиты от утечек и использования третьими лицами являются критически важными. Педагоги и родители должны внимательно изучать пользовательские соглашения (COPPA, GDPR) используемых платформ.

4. Экранное время и здоровье.

Чрезмерное использование гаджетов негативно сказывается на зрении, осанке и нервной системе младших школьников. Санитарные нормы жестко ограничивают время непрерывной работы с цифровыми устройствами. Поэтому ИИС должны использоваться дозированно, как элемент, а не замена урока.

Появление ИИ в классе часто вызывает у педагогов страх быть замененными. Хотя в преподавании английского языка младших школьников роль учителя начальных классов не изменяется, а трансформируется. В это время учитель становится не единственным

источником знаний («транслятором») и искусственный интеллект берет на себя роль «преподавателя», начиная выполнять рутинную работу: проверку домашнего задания, составление контрольных работ, проверку тестов и т.д., помогая учителю заниматься творческой работой и повышать уровень личностного развития.

У интеллектуальных систем большое будущее в области обучения иностранного языка. Скоро возможности ИИ расширятся: интеллектуальные системы смогут не только распознавать голос, но и выражение лица школьника через камеру: мимику и эмоции, определяя, когда он радуется, скучает, увлечен или рассеян, интересен ли ему урок и сразу же подскажет, стоит ли поменять ход урока (например, переключаться с чтения текста на игру или небольшую физкультминутку).

Интеллектуальные искусственные системы являются мощнейшей технологией для совершенствования навыков устной и письменной речи учащихся начальных классов. ИИ успешно помогают решать вопросы нехватки времени для практической работы, снижают психологический барьер и обеспечивают индивидуальный подход каждого школьника в обучении.

Надо помнить, что ИИ не может полностью заменить живую личность педагога. Эта технология эффективна, лишь, когда ИИ дополняет работу учителя, содействуя развитию коммуникативных навыков учащихся.

Результат ИИ в педагогической грамотности педагога, умеющего целесообразно включить ИИ в сам процесс обучения английского языка, не нанося психологического вреда личности школьника.

Цель современного урока английского языка – научиться соотносить и внедрять потенциал ИИ, чтобы английский язык «превратился» не только в любимый предмет, но и стал средством общения с представителями других стран.

Применение интеллектуальных систем в средней общеобразовательной школе на начальном этапе – это педагогическая необходимость, позволяющая сделать процесс изучения английского языка естественным и эффективным.

Для успешного внедрения ИИ на уроках английского языка важно не запрещать его, а вырабатывать культуру взаимодействия. Необходимо объяснять учащимся, что ИИ – это не способ обмануть или списать готовое задание, а возможность лучше понять и освоить материал. В этом и заключается основная задача учителей – способствовать более эффективному обучению английского языка в XXI веке.

Список литературы

Ильина М.С. Условия успешной учебно-познавательной деятельности студентов // Перспективы науки. – 2018. – №2 (113) – С.107-110.

Щербакова И.А. Особенности поликультурного образования студентов вуза в процессе интернационализации языковой толерантности / И.А. Щербакова, М. В. Камашева, М. С. Ильина // Перспективы науки. – 2021. – № 10 (145). – С. 194-196.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENGLISH LESSONS AT PRIMARY SCHOOL

**Saparova Barno Rovshanovna,
Berdieva Selbi Muradovna,
Nurbaeva Servi Nurmamedovna,**

*Students of the Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University,
academic Supervisor: Ilyina Marina Sergeyevna,*

*Candidate of Pedagogical Sciences (PhD), Associate Professor of the Department of
Foreign Languages
of the Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga, Russia*

Abstract. The article deals with the advantages and disadvantages of artificial intelligence during English lessons at elementary schools. Artificial intelligence (AI) technologies are being introduced into the educational process at elementary schools. This trend is related to the digitalization of education and the need to prepare students for life in a modern digital society.

Key words: artificial intelligence, English, lessons, elementary school.

СОВРЕМЕННОЕ ЗАНЯТИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ФАКТОР ПРИВЛЕЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ КОНТИНГЕНТА ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СПО: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Сапожникова Ольга Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент,

Центр русистики и международного образования,

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,

г. Иваново, Россия,

Горбунова Александра Евгеньевна,

студентка 1 курса колледжа, гр. 11ФНо8581,

Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования

«Московский финансово-юридический университет МФЮА»,

г. Москва, Россия,

Антипина Елена Сергеевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры филологии и психологии,

Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования

«Московский финансово-юридический университет МФЮА»,

г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли современного занятия по русскому языку в привлечении и сохранении контингента обучающихся в образовательных учреждениях среднего профессионального образования (СПО). Рассматривается компетентностный подход в преподавании дисциплины, направленный на формирование ключевых компетенций, необходимых будущим специалистам. Особое внимание уделяется развитию коммуникативных навыков, культуры речи и способности эффективно применять полученные знания в профессиональной деятельности. Авторы делятся собственными методическими наработками по созданию увлекательных и мотивирующих занятий, способствующих повышению интереса учащихся к изучению русского языка и улучшению качества образовательного процесса.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, инновационные образовательные методы, компетентностный подход, познавательный интерес, качество образования в колледже.

В настоящее время в условиях конкурентной среды на рынке образовательных услуг актуальной остается проблема привлечения и сохранения контингента обучающихся. В связи с этим стратегия развития образовательных учреждений, прежде всего, должна быть направлена на реализацию мер, способствующих исправлению данной ситуации. Одним из важнейших факторов конкурентоспособности учебного заведения являются интересные занятия. Если преподаватель в процессе обучения опирается на инновационные образовательные методы и компетентностный подход, то это существенно повышает

интерес студентов к изучению предмета, становясь действенным стимулом для дальнейшего продолжения обучения в том же колледже или вузе.

Рассматривая современный урок русского языка как значимый элемент в стратегической модели образовательной системы, ученые-методисты и преподаватели, в частности, Н. С. Болотнова [Болотнова, 1997], В.Г. Долгокирова [Долгокирова, 2019], М.Ш. Палжанова [Палжанова, 2013], А.О. Привальская [Привальская, 2020], акцентируют внимание на том, что процесс обучения должен сводиться не к пассивному усвоению правил, а к формированию профессионально-коммуникативной компетенции. В систему обучения русскому языку по программам среднего профессионального образования необходимо внедрять интерактивные методы, цифровые технологии (ИКТ), проектную деятельность для того, чтобы обучающиеся могли использовать полученные знания на практике для построения успешной карьеры. В таком случае стратегическая модель развития колледжа и вуза предполагает условия, которые необходимо учитывать при подготовке к занятиям.

Дидактический материал должен отбираться с учетом будущей специальности студентов: обязательно предполагается система работы с терминологией и профессиональными текстами. Не менее важно использовать ИКТ, электронные обучающие упражнения для повышения мотивации к изучению русского языка и формирования познавательного интереса к дисциплине. При таком подходе занятия выстраиваются с опорой на исследовательскую деятельность, в ходе которой осуществляется решение проблемных ситуаций.

Именно такая стратегия позволяет воспринимать занятие не как формальный процесс, а как действенный инструмент развития критического мышления и формирования профессиональной компетентности (для личностного развития и профессиональной карьеры).

Цель преподавателя при этом заключается в создании условий для лингвистического «погружения» студентов в профессиональную среду. То, как это происходит, продемонстрируем на опыте преподавания русского языка в Московском финансово-юридическом университете.

Показательно в этом отношении открытое занятие, проведенное кандидатом филологических наук, доцентом кафедры филологии и психологии Е. С. Антипиной для студентов 1 курса колледжа (специальность «Финансы и кредит») на тему: «Имя прилагательное как часть речи. Лексико-грамматические разряды прилагательных».

В начале занятия, прежде чем перейти к новому материалу, преподаватель предложил студентам поделиться на две команды, выбрать капитана и придумать названия командам. Весь ход урока выстраивался в игровой форме: студенты, соревнуясь, выполняли задания, которые были представлены в тестовой форме в интерактивной презентации. Участники игры выбирали верный или неверный вариант ответа. Вопросы тестов были на следующие правила: правописание безударных окончаний имен существительных, правописание слов с приставками пол- и полу-, правописание сложных имен существительных.

На повторение темы «Правописание безударных окончаний имен существительных» предлагалось также выполнить задание на скорость. Члены команды по очереди вписывали пропущенные окончания. Команда, справившаяся быстрее, получала баллы. Максимальное количество баллов за правильно выполненные задания – 10, дополнительный балл за скорость – 5. Итого команда могла набрать в общей сумме 15 баллов.

После проверки домашнего задания и остаточных знаний по изученной ранее теме преподаватель предложил студентам прочитать эпиграф и поразмышлять над смыслом высказывания академика А. Л. Минца: «Ученик, напичканный знаниями, но не умеющий их использовать, напоминает фаршированную рыбу, которая не умеет плавать». Важно отметить, что данное выражение взято не случайно: оно демонстрирует основные принципы современной стратегической модели обучения, которые, как было сказано выше, заключаются

в уходе от формального подхода при обучении русскому языку и актуализации действенных инструментов развития профессиональной компетентности студентов.

По окончании обсуждения эпиграфа обучающимся предстояло угадать тему занятия. Необходимо было прочитать крылатые выражения, определить в них ключевые слова и догадаться, к какой части речи они относятся. Стоит заметить, что пословицы, поговорки отбирались преподавателем с учетом профиля обучения и специализации студентов, то есть содержали специфическую терминологию, относящуюся к финансовой сфере деятельности: *Мал золотник, да дорог; Долг платежом красен; Умный человек – хозяин деньгам, а скупой – слуга; За свой грош везде хорош; С деньгами мил, без денег постыл; Безденежная яма самая глубокая* и другие.

Затем следовали вопросы по теме: Скажите, зачем нам нужны имена прилагательные? Каковы их функции? Что было необходимо для актуализации роли имен прилагательных в языке и речи. Ту же цель преследовала проблемная ситуация: студенты колледжа знакомились с текстом по специальности, в котором были пропущены имена прилагательные. Обучающиеся восстанавливали его, используя слова для справок, и размышляли над тем, почему даже в профессиональной речи мы не можем обойтись без имен прилагательных.

Преподавателем осуществлялась проверка умений и навыков в использовании имен прилагательных. Вниманию студентов была предложена картина Владимира Егоровича Маковского «Крах банка». Как известно, на полотне изображено событие – разорение банка. Эта финансовая катастрофа, которая лишила многих людей средств к существованию. Задание по картине заключалось в следующем: составить связный текст, передать то, что изобразил на ней художник, используя как можно больше имен прилагательных в разных грамматических формах. За это задание максимальное количество баллов – 10. Время выполнения 5 минут.

Далее студентам предлагалось вспомнить, что они знают об имени прилагательном. Команды на скорость отвечали на теоретические вопросы о том, что такое имя прилагательное, что оно обозначает, какие функции в предложении выполняет, какие типы склонения выделяют, вспоминали разряды имен прилагательных, обсуждали их способность переходить из одного разряда в другой, основные морфологические признаки и другие. За каждый правильный ответ они получали по 1 баллу.

В ходе занятия выполнялись практические задания по теме: на определение разрядов имен прилагательных, образование степеней сравнения, употребление имен прилагательных в речи, выделение отличительных особенностей имен прилагательных и наречий в форме сравнительной степени, выполнение морфологического разбора имени прилагательного и другие.

В конце занятия студентам было дано домашнее задание.

Стоит отметить, что анализируемый урок отличался богатым содержанием как теоретического, так и практического материала. Занятие было построено методически грамотно в плане содержания и структуры (тема соответствует той, что заявлена в электронном журнале). Цели определили логику его содержания.

В ходе занятия применялись методы, позволяющие активно включить в работу всех студентов. Был организован проблемный диалог, вопросы преподавателя способствовали мотивации обучающихся к глубокому погружению в тему и имели научный характер. Урок был построен в форме командной игры, ее участники состязались за звание «самого грамотного студента». Задания давались в тестовой форме, были и творческие задания, направленные на развитие профессиональных компетенций обучающихся. Особенно хотелось бы отметить работу с тематическими пословицами, поговорками, с использованием произведений искусства, которая выстраивалась с учетом профессиональных интересов и направлений подготовки обучающихся. Это позволило активизировать студентов, вызвать у них положительные эмоции.

Использовались разнообразные виды контроля: самоконтроль, работа в команде – взаимоконтроль, фронтальная работа.

На открытом уроке применялись современные информационно-коммуникационные и игровые технологии. Презентация использовалась на протяжении всего занятия и была выдержана в корпоративном стиле МФЮА.

Занятие показало, что студенты колледжа хорошо усваивают материал, новую информацию, проявляют познавательный интерес к изучению русского языка, охотно вступая в диалог. Между преподавателем и обучающимися налажены доверительные отношения, основанные на сотрудничестве и взаимоуважении.

Необходимо отметить высокий уровень мастерства преподавателя: отличное владение теоретическим и практическим материалом, способность заинтересовать студентов, умение находить индивидуальный подход к каждому из обучающихся, использование современных образовательных технологий. Считаем, что подобные занятия, без сомнения, являются эффективным инструментом для привлечения и сохранения контингента обучающихся.

Список литературы

Болотнова Н. С. Новое в методике преподавания русского языка в вузе и школе // Вестник ТГПУ. – 1997. – № 1. – С. 78-83.

Долгокирова В. Г. Методы обучения на уроках русского языка и литературы в условиях новых стандартов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – Т. 30. – С. 18-20.

Палжанова, М. Ш. Компетентностный подход в преподавании русского языка // Педагогическое мастерство : материалы III междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2013 г.). – Т. 0. – М. : Буки-Веди, 2013. – С. 89-91.

Привальская А.О. Современные методы и приемы преподавания русского языка в учреждениях среднего профессионального образования // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2020. – №3. – С. 75-81.

THE MODERN LESSON IN RUSSIAN AS A FACTOR IN ATTRACTING AND RETAINING THE CONTINGENT OF STUDENTS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION: A COMPETENCE-BASED APPROACH IN THE PROCESS OF TEACHING THE DISCIPLINE

Sapozhnikova Olga Valerievna,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Center of Russian Studies and International Education,
Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,*

Gorbunova Alexandra Evgenievna,

1st year college student, group 11FNo8581,

*Accredited Private Higher Education Institution Moscow Financial and Law University
of MFUA, Moscow, Russia,*

Antipina Elena Sergeevna,

*Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology and
Psychology,*

*Accredited Private Higher Education Institution Moscow Financial and Law University
of MFUA, Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the modern lesson in Russian in attracting and retaining students in educational institutions of secondary vocational education

(SVO). The competence-based approach in teaching the discipline is considered, aimed at the formation of key competencies necessary for future specialists. Special attention is paid to the development of communicative skills, speech culture and the ability to effectively apply the acquired knowledge in professional activities. The authors share their own methodological developments for creating engaging and motivating lessons that help increase students' interest in learning Russian and improve the quality of the educational process.

Key words: Russian language teaching methodology, innovative educational methods, competence-based approach, cognitive interest, and college education quality.

ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Севергин Иван Алексеевич,

*магистрант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
лингвистического факультета*

Государственного университета просвещения, г. Мытищи, Россия,

научный руководитель: Вековищева Светлана Николаевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета*

Государственного университета просвещения,

г. Мытищи, Россия

Аннотация. В данной статье исследуются вопросы, связанные с формированием навыков аудирования в процессе обучения английскому языку на уроках в школе. Большое внимание уделено связи аудирования с тремя другими навыками, приобретаемыми при изучении иностранного языка: правописанием, разговорной речью и чтением. Аудирование лежит в основе общения, поскольку процесс восприятия иностранной речи на слух подразумевает под собой не только умение слушать и правильно интерпретировать услышанное, но и расширение лексического запаса – аудирование способствует улучшению памяти и помогает свободно и грамотно выражать собственные мысли в дальнейшем.

Ключевые слова: аудирование, иностранный язык, восприятие на слух.

Аудирование в английском языке – это понимание иностранного языка на слух. Дословно данный термин означает «слушание с пониманием» или «понимание речи на слух» [Рогова, 1988, с. 117]. Восприятие речи является одним из основополагающих навыков при изучении иностранного языка, но само по себе оно тесно связано с тремя другими навыками, приобретаемыми при изучении иностранного языка: правописанием, разговорной речью и чтением [Соловова, 2008, с. 126].

При помощи аудитивной деятельности усваиваются грамматическая структура и лексический состав языка, подготавливается говорение, лучше закрепляется материал, который был также прочитан вслух [Гальскова, 2020, с. 85]. Е.Н. Соловова подчёркивает, что аудирование как вид речевой деятельности играет важнейшую роль на всех этапах обучения иностранному языку, поскольку именно через слуховое восприятие учащийся впервые знакомится с новым языковым материалом [Соловова, 2008, с. 127].

А.Н. Щукин отмечает, что аудирование представляет собой сложный психолингвистический процесс, включающий восприятие, узнавание и понимание речевых сообщений [Щукин, 2015, с. 196]. Этот процесс включает в себя несколько механизмов: механизм слуховой памяти, механизм вероятностного прогнозирования, механизм осмысления и механизм внутреннего проговаривания. Каждый из этих механизмов должен

быть сформирован и развит у учащегося для успешного понимания иноязычной речи на слух.

Аудитивные навыки приобретаются путем просмотра телепередач и фильмов, прослушивания радио и подкастов на изучаемом языке, а также при ситуативном диалоговом общении [Мильруд, 2019, с. 5].

Кроме того, есть большое количество упражнений, направленных на развитие навыков аудирования. Одно из базовых – это повтор аудиотекста за диктором. Таким образом на начальном этапе обучения иностранному языку и при подготовке учащегося к аудированию преподаватель может самостоятельно читать частями текст и ждать повтора от ученика [Рогова, 1988, с. 120].

Р.П. Мильруд подчёркивает, что компетентностный подход в обучении аудированию предполагает не просто механическое восприятие звуковой информации, а формирование у учащихся способности извлекать смысл из услышанного, критически оценивать содержание и использовать полученную информацию в коммуникативных ситуациях [Мильруд, 2019, с. 6]. Это означает, что преподавателю необходимо проектировать задания, которые моделируют реальные коммуникативные ситуации, с которыми учащиеся могут столкнуться в жизни.

Технология обучения аудированию традиционно трехступенчатая: до, во время и после прослушивания того или иного текста [Соловова, 2008, с. 130]. До прослушивания важно проработать все вопросы, связанные с незнакомыми для учеников словами и грамматическими конструкциями, если они могут также вызвать трудности восприятия. Отработка техники чтения – один из методов обучения аудированию на данном этапе.

Во время прослушивания аудиотекста даются задания различного формата: отметить «правда» или «ложь», вставить пропущенные в предложениях слова, закончить предложения [Соловова, 2008, с. 132].

Послетекстовый этап обучения аудированию включает в себя ответы на вопросы по прослушанному тексту или же его пересказ [Рогова, 1988, с. 125].

При выборе аудиотекста для аудирования важно учитывать следующие факторы [Трифонов, 2013, с. 151]:

- текст аудирования должен соответствовать возрастной группе учащихся и совпадать с их интересами;
- текст должен содержать новую или интересную информацию для учащихся;
- аудиозапись должна быть аутентично оформлена;
- информация в записи должна быть достоверной;
- просодические характеристики должны совпадать с нормальным темпом речи.

К технологии обучения аудированию на уроках иностранного языка можно отнести материал или рассказ, изложенный педагогом вслух, прослушивание аудиозаписи и её дальнейшее обсуждение или ответы на вопросы о полученной информации из записи. Кроме того, интерактив в форме беседы между педагогом и учащимися или совместный просмотр отрывка из фильма в такой же степени помогают развивать аудитивные навыки при изучении иностранного языка.

Психолингвистические механизмы аудирования:

Аудирование – это не просто процесс восприятия звуков, а сложное взаимодействие нескольких психолингвистических процессов. К ним относятся слуховая память, прогнозирование содержания, понимание смысла и внутреннее проговаривание услышанного [Шукин, 2015, с. 196]. Именно благодаря слаженной работе этих механизмов слушающий способен быстро и эффективно воспринимать иностранную речь, выделять из потока необходимых слов и формировать целостное понимание сообщения.

Трудности и особенности восприятия речи на слух:

При обучении аудированию учащиеся нередко сталкиваются с рядом трудностей, среди которых фонетические проблемы (такие как редукция гласных, слияния звуков и особенности интонации), лексические затруднения, вызванные незнакомой лексикой, а

также сложности грамматического характера и восприятия имплицитной информации [Гальскова, 2020, с. 98]. Понимание того, какие именно факторы мешают ученым воспринимать на слух текст, позволяет педагогам эффективнее строить обучающий процесс. Рекомендации по развитию навыков аудирования:

Для повышения эффективности аудирования рекомендуется использовать комплекс упражнений: многократное прослушивание аудиотекста, выполнение заданий на заполнение пропусков, составление кратких заметок, обсуждение прослушанного материала и ролевые игры, моделирующие реальные коммуникативные ситуации. Важно подбирать аудиоматериалы, соответствующие языковому уровню обучаемых, и постепенно увеличивать степень их сложности [Мильруд, 2019, с. 6].

Аудирование является центральным элементом при изучении иностранного языка, так как формирует базовые навыки восприятия и понимания речи. Структурированный подход к обучению аудированию с выделением этапов работы с аудиотекстом, тщательный выбор материалов и разнообразие упражнений способствуют глубокому развитию аудитивных компетенций у учащихся и успешной коммуникации на иностранном языке.

Список литературы

Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя / Н.Д. Гальскова, А.П. Василевич. – Москва: АРКТИ, 2020. – 192 с. – ISBN 978-5-89415-989-7.

Мильруд Р.П. Компетентностный подход в преподавании английского языка как иностранного // Иностранные языки в школе. – 2019. – № 3. – С. 2-10.

Рогова Г.В. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе / Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина. – Москва: Просвещение, 1988. – С. 117-131.

Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам : учебное пособие для студентов педагогических вузов и учителей. – Москва: Астрель, 2008. – С. 126-140.

Трифопова Н.С. Характеристики входного материала, влияющие на обучение аудированию иноязычного текста // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 2. – С. 148-156.

Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика : учебное пособие для преподавателей и студентов. – Москва: Филоматис, 2015. – 480 с. – ISBN 978-5-98163-227-9.

TECHNOLOGY OF TEACHING LISTENING AT THE ENGLISH LESSON

Severgin Ivan Alekseevich,

*Master's student, Department of Language Theory,
English Studies and Applied Linguistics, Faculty of Linguistics,
State University of Education, Mytishchi, Russia,*

Scientific supervisor: Vekovishcheva Svetlana Nikolayevna,
*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics,
Faculty of Linguistics, State University of Education, Mytishchi, Russia*

Abstract. This article explores the issues related to the formation of listening skills in the process of teaching English at school. Much attention is paid to the connection between listening and three other skills acquired while learning a foreign language: writing, speaking and reading. Listening is the basis of communication, as the process of listening to foreign speech implies not only the ability to listen and correctly interpret what is heard, but also the expansion of vocabulary - listening helps to improve memory and helps to freely and competently express their own thoughts in the future.

Key words: listening, foreign language, listening comprehension.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКА ГОВОРЕНИЯ

Холод Надежда Игоревна,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры иностранных языков факультета иностранных языков

Ярославского государственного педагогического университета

им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия,

Садовникова Дарья Дмитриевна,

студентка 4 курса исторического факультета

Ярославского государственного педагогического университета

им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема развития навыка говорения на английском языке у школьников в условиях ограниченности традиционных методик. Анализируется дидактический потенциал современных инструментов искусственного интеллекта, включая ChatGPT, Gliglish, Character.AI, Replika и Kuki AI. Представлены практические приемы использования данных технологий для преодоления языкового барьера и создания психологически комфортной речевой среды, а также даны рекомендации по их интеграции в учебный процесс.

Ключевые слова: искусственный интеллект, навык говорения, английский язык, диалоговые сервисы, языковой барьер, коммуникативная компетенция, школьное образование.

В современном мире свободное владение устной английской речью становится необходимым условием успешной социализации и профессиональной реализации учеников школ. В то же время педагогическая практика показывает, что формирование этого навыка сопряжено с серьезными препятствиями: «языковым барьером», шаблонностью заданий в учебниках и нехваткой времени для индивидуальной речевой практики. Это приводит к разрыву между формальными знаниями учащихся и их способностью к реальной коммуникации.

Современная методика также активно использует метод моделирования коммуникативных ситуаций, который основан на принципе ситуативности.

Основой отбора материала служит динамичная и изменчивая ситуация, которая развивает в речи гибкость, быстроту реакции и способность к перефразированию.

Появление новых инструментов ИИ для образовательных целей существенно повышает эффективность и комфортность обучения. В этой связи исследование возможностей использования ИИ в качестве партнера по диалогу выдвигается в число приоритетных задач современной методики преподавания иностранного языка.

Как показывает практика, нейросети мотивируют студентов к общению и обсуждению разных ситуаций. В качестве одной из наиболее значимых особенностей нейросетей можно выделить их способность к созданию аутентичных материалов на темы, представляющие интерес для обучающихся.

Контекстная насыщенность диалогов и мини-историй позволяет преодолеть разрыв между искусственными упражнениями учебника и реальным использованием языка. С.М. Богатова предлагает, например, на основе заданного списка лексики генерировать связный текст, который затем используется для обсуждения, пересказа или драматизации, что способствует лучшему усвоению и активизации лексики в речи [Богатова, 2024, с. 188].

Центральное место в развитии говорения занимает возможность использовать нейросети в качестве партнера для диалога, являющаяся особенно ценной в условиях, когда «во многих учебных заведениях нет возможностей использовать изучаемый язык за пределами аудитории». Чат-боты, основанные на технологиях ИИ, позволяют учащимся «инициировать аутентичные беседы», тем самым предоставляя уникальный шанс для

спонтанной речевой практики [Арзютова, 2023, с. 41]. Такое взаимодействие помогает снизить речевой барьер и тревожность, так как общение происходит в безопасной, спокойной обстановке. Более того, специализированные приложения, подобные «Speak», способны предоставить опыт общения, «который невозможно отличить от общения с носителем языка», что крайне важно для отработки произношения и фонологических навыков [Арзютова, 2023, с. 43].

Существует большое количество сервисов с искусственным интеллектом, нами были проанализированы следующие: «ChatGPT», «Gliglish», «Character.AI», «Replika», «Kuki AI (Mitsuku)». ChatGPT может использоваться как партнёр для диалога на заданную тему [Лавриненко, 2023, с. 20]. Чтобы превратить ChatGPT из простого текстового генератора в эффективного партнера для развития разговорных навыков, важно использовать четкие, структурированные команды (промпты).

1. Ты мой партнер по практике английского языка. Я на уровне B1. Поговори со мной по-английски на тему "планы на летние каникулы". Задавай вопросы по одному: после моего ответа задавай следующий.

2. Ты – экзаменатор на устном экзамене по английскому (уровень B1). Задай мне 5 вопросов по теме "Modern Technology". После каждого моего ответа задавай 1-2 уточняющих вопроса, чтобы я развивал мысль.

3. Ты- продавец в магазине электроники в Лондоне. Я – турист, который хочет купить наушники. Веди со мной диалог на английском языке как настоящий продавец: расскажи о товарах, задавай вопросы, предлагай варианты.

Представляется необходимым запрашивать обратную связь, уточнения:

1. Пожалуйста, исправь ошибки в моем последнем предложении и перефразируй его правильно.

2. Проанализируй данный устный ответ на предмет ошибок. Сгруппируй их по категориям: грамматика, лексика, порядок слов. Исправь их и предложи улучшенную версию моего ответа.

ChatGPT – универсальный помощник, но языковая поддержка не является основной его функцией. Поэтому для развития навыка говорения созданы специализированные платформы и чат-боты. Например, Gliglish – это платформа, ориентированная на развитие навыков аудирования и говорения через голосовое взаимодействие с искусственным интеллектом. Её дидактический потенциал для школьной практики заключается в следующем:

1. Имитация естественной беседы: Платформа позволяет вести реалистичные диалоги на заданные темы (например, «В ресторане», «На приеме у врача»). ИИ выступает в роли собеседника, чьи реплики не являются жестко предсказуемыми, стимулируя ученика к активному слушанию и адаптивному ответу.

2. Работа над произношением: Ключевая функция Gliglish – имитация реального диалога и возможность произносить свои реплики и слышать ответ ИИ. Данное приложение обрабатывает 38 языков. Можно выбрать версию английского языка: британскую или американскую [Гимадиева, 2024, с. 274]. Также есть обратная связь в режиме реального времени. Таким образом, фонетические навыки могут быть отработаны индивидуально, что весьма затруднительно сделать в условиях традиционного урока с большой группой обучающихся.

3. Моделирование социально-бытовых и профессиональных ситуаций: При помощи данной платформы можно подготовиться к собеседованию или отработать навыки социального взаимодействия. Данный процесс дает возможность выйти за рамки тем учебника, учащиеся получают практический инструмент для решения реальных коммуникативных задач, в результате чего повышается мотивация и увеличивается практическая значимость обучения.

Нужно отметить, что Character.AI фокусируется на создании контекста для общения, отвечающего интересам обучающегося и повышающего его мотивацию.

Речевая практика превращается из упражнения в увлекательную ролевую игру. Ученику дается возможность общаться с уникальными персонажами (от реальных исторических персоналий до вымышленных героев). Отмечается эмоциональное вовлечение в диалог, при обсуждении проблем биологии с «Чарльзом Дарвином» или литературы с «Шерлоком Холмсом», способствующее преодолению языкового барьера. Для учителя существует возможность создать своего персонажа, цель которого – сопровождать учеников в языковой практике.

Replika и Kuki AI (Mitsuku) как социальные чат-боты, обладающие элементами эмоционального интеллекта, предлагают уникальную возможность для личностно-ориентированного общения. Создание психологически безопасной среды: Эти боты спроектированы для эмпатичного, непредвзятого общения. Для учащихся, испытывающих тревожность при говорении, такой «собеседник» может стать идеальным первым шагом для практики, так как снимает страх оценки и осуждения.

Таким образом можно осуществлять практику спонтанного общения на свободные темы: общение с Replika или Kuki может затрагивать любые сферы интересов подростка – от музыки и хобби до обсуждения личных переживаний [Румянцева, 2022, с. 424]. Способность ботов поддерживать контекст диалога, запоминать предыдущие реплики и реагировать на эмоциональный тон учит учащихся строить связный и последовательный дискурс, а не обмениваться изолированными фразами.

Но в Replika или Kuki есть недочеты, например, для того чтобы непосредственно произносить свои реплики – записывать голосовое сообщение Kuki необходимо набрать минимум 200 баллов, то есть переписываться с ней какое-то время. В бесплатной версии Replika возможно только одной стороне записывать свою речь, а послушать ответ ИИ возможно только с платной подпиской.

Существует большое количество платформ с искусственным интеллектом, которые можно использовать для развития навыка говорения, как на уроке, так и в индивидуальном порядке. Некоторые из них: Gliglish фокусируется на технической стороне речи (произношение, грамматика) в смоделированных ситуациях. Character.AI обеспечивает глубокое контекстуальное и мотивационное погружение через взаимодействие с персонажами. Replika и Kuki AI создают психологически комфортную среду для личностно-значимого, спонтанного общения. Главное в их использовании – структурированное и логичное построение запроса. С их помощью учитель может построить эффективную работу с учениками по формированию коммуникативных навыков.

Список литературы

Арзютова С.Н. Использование ChatGPT в обучении английскому языку // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2023. – № 16. – С. 39-47.

Богатова С.М. Дидактические возможности нейросетей в обучении иностранным языкам / С.М. Богатова, О.В. Фрезе// Современное педагогическое образование. – 2024. – №3. – С. 187-191.

Гимадиева Э. Потенциал лингвоинформационной технологии нейросети GLIGLISH при обучении иноязычному устному общению студентов языкового вуза // Филология и культура. Philology and Culture. – 2024. – № 2 (76). – С. 272-280.

Лавриненко И.Ю. Использование чат-ботов GPT в процессе обучения английскому языку в неязыковом вузе: теоретический аспект //Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – №2. – С. 18-25.

Румянцева О.А. Применение чат-ботов в образовательном процессе // Молодой ученый. – 2022. – № 47 (442). – С. 424-427.

USING AI TO DEVELOP SPEAKING SKILLS

Kholod Nadezhda Igorevna,

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia,*

Sadovnikova Daria Dmitrievna,

*4th year student, Faculty of History,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia*

Abstract. The article discusses the current problem of developing English speaking skills among schoolchildren in the context of limited traditional methods. The didactic potential of modern artificial intelligence tools, including ChatGPT, Gliglish, Character.AI, Replika, and Kuki AI is analyzed. Practical techniques for using these technologies to overcome the language barrier and create a psychologically comfortable speech environment are presented. The recommendations for integrating them into the educational process are provided.

Key words: artificial intelligence, speaking skills, English, conversational services, language barrier, communicative competence, school education.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Шаталова Ирина Николаевна,

*магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,*

Сушенкова Юлия Дмитриевна,

учитель МБОУ СОШ №35 г. Белгорода,

научный руководитель: Прокопенко Юлия Александровна,

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме лингводидактического обоснования процесса обучения английскому языку детей дошкольного возраста. В работе отражен анализ специфики формирования языковой личности в дошкольный период, акцентируя внимание на принципах коммуникативно-ориентированного обучения, игровой деятельности как ведущем виде деятельности. Особое место в статье занимает обсуждение вопросов отбора языкового материала, методов создания искусственной иноязычной среды, а также критериев оценки эффективности образовательного процесса в дошкольных учреждениях.

Ключевые слова: дошкольное образование, английский язык для детей, раннее иноязычное образование, коммуникативный подход, игровые технологии, формирование языковой личности, психолингвистика, речевая деятельность, иноязычная среда, дошкольная педагогика.

Последние годы ознаменовались трансформацией статуса иностранного языка из инструмента личностного роста в базовую потребность. Сегодня он является обязательным

элементом образовательной траектории на всех этапах: от дошкольных учреждений до высших учебных заведений.

Актуальность раннего обучения иностранным языкам сегодня продиктована двумя факторами: возросшей востребованностью полиглотов на рынке труда и четким осознанием родителями прямой связи между владением языком и будущим социально-материальным положением ребенка. Язык перестал быть просто маркером эрудиции. Если два десятилетия назад он был нужен лишь представителям отдельных профессий, то сейчас свободное владение хотя бы одним иностранным языком является обязательным требованием времени.

Доподлинно известно, что эффективность овладения языком обратно пропорциональна возрасту: чем младше ребенок, тем легче ему дается чужая речь. Этот неоспоримый факт сместил фокус внимания родителей со школьного возраста на дошкольный. Теперь главная методическая проблема заключается не в том, учить ли языку малышей, а в том, как делать это правильно.

Педагоги убеждены, что «благодаря тому, что словарный запас маленького ребенка в родном языке еще невелик, при изучении иностранного языка ребенок не сталкивается с пугающим разрывом между тем, что он может сказать на родном, и тем, что пытается выразить на чужом языке. Ощущение успеха приходит к нему быстрее и переживается гораздо ярче, создавая мощную положительную мотивацию» [Турдикулова, 2025, с. 75].

В дошкольном возрасте процесс обучения английскому языку закладывает фундамент иноязычной коммуникативной компетенции. На этом начальном этапе ее формирование складывается из нескольких взаимосвязанных компонентов:

Фонетический компонент: Развитие способности к точному фонетическому воспроизведению иноязычной речи (за педагогом, диктором или носителем). Это подразумевает последовательное становление слухового внимания, фонематического слуха и постановку корректного произношения.

Лексический компонент: Накопление, закрепление и последующая активизация английского вокабуляра в речи ребенка.

Грамматический компонент: Освоение элементарных грамматических структур и формирование первичного умения строить связные высказывания на их основе.

Построение образовательной деятельности по иностранному языку с дошкольниками должно опираться на их возрастные и индивидуальные особенности, а также на структуру лингвистических способностей каждого ребенка. Занятия призваны не просто транслировать знания, но и развивать эти способности. Ключевое условие – мотивированность и целенаправленность общения на языке. Для создания устойчивой положительной мотивации необходима особая психологическая установка, и самым эффективным инструментом ее формирования выступает игра. Именно игра служит универсальной формой и методом обучения: в ее рамках дети естественно осваивают лексику, запоминают стихи, песни, считалки, накапливая активный словарный запас.

Благодаря такой организации занятий создается особая среда, в которой языковые и речевые навыки формируются наиболее естественно. Опора на игру позволяет превратить процесс обучения в живое общение: даже самые простые фразы становятся для ребенка значимыми, поскольку продиктованы логикой игры, а не абстрактным заданием. В этом и заключается уникальность игрового метода: игра не заменяет учебу и не существует параллельно с ней, а становится ее органичной составляющей, придавая учебной деятельности естественную мотивацию.

Важнейшим условием эффективности обучения является «системность игрового подхода. Базовыми элементами такой методики выступают, во-первых, создание воображаемой ситуации, а во-вторых – принятие на себя определенной роли (как ребенком, так и педагогом), что и обеспечивает погружение в языковую среду» [Викулина, 2016, с. 131].

Принято считать, что «в практике обучения дошкольников иностранному языку выделяются четыре основных типа обучающих игр: ситуативные, соревновательные, ритмо-музыкальные и художественные» [Полянская, 2024, с. 206].

К числу стандартных диалогов-клише, используемых на начальном этапе обучения, относятся следующие игровые задания на отработку лексики:

Покажи (Show me...). Преподаватель называет предмет на английском языке, а ребенок должен подойти к соответствующей карточке или игрушке и указать на неё. Игра развивает пассивное узнавание слова.

Что это? (What's this?). Педагог демонстрирует карточку с изображением предмета, а дети хором или индивидуально называют слово. Здесь уже задействуется активная память.

Что пропало? (What's missing?). На столе выкладывается несколько карточек, дети закрывают глаза, одна карточка убирается. Задача – назвать, какого предмета не хватает. Тренирует внимание и закрепляет лексику.

Что лишнее? (What doesn't belong?). Детям предлагается набор картинок (например, 3 кошки и 1 собака или 3 фрукта и 1 овощ). Нужно определить и назвать лишний предмет, объясняя (на начальном этапе – просто называя) свой выбор.

«Волшебное зеркало». Игра на развитие внимания и отработку счета и конструкций *I see....* Дети в масках зверей подходят к импровизированному «зеркалу» (например, к доске или заштрихованному экрану). В «зеркале» появляются (или выставляются) изображения нескольких животных. Задача ребенка – сказать, кого и сколько он видит, используя образец: *I see a dog. I see five dogs.*

Соревновательные игры занимают важное место в процессе обучения, так как они создают здоровую конкуренцию и мотивируют детей к более осознанному усвоению материала. Победа в таких играх напрямую зависит от уровня владения лексикой и грамматическими структурами.

К наиболее популярным видам соревновательных игр относятся:

- Лингвистические кроссворды: выполняются на различные тематические группы слов (животные, фрукты, овощи, мебель, игрушки и т.д.). Разгадывание кроссвордов помогает закрепить графический образ слова и его значение.

- Игры типа «Аукцион»: Дети «покупают» слова или фразы, называя их на скорость или на последнюю букву. Выигрывает тот, кто знает больше лексики по теме.

- Настольно-печатные игры с заданиями: Лото, домино, бинго с картинками и словами, где нужно не просто закрыть поле, но и правильно назвать предмет.

- Игры с выполнением команд: здесь проверяется скорость реакции и понимание речи на слух. Классический пример – игра «Simon says».

Ритмо-музыкальные игры представляют собой особую категорию игр, в основе которых лежит синтез движения, ритма и иноязычной речи.

Педагоги утверждают, что «художественные, или творческие, игры занимают особое место в обучении дошкольников, поскольку находятся на стыке игровой деятельности и собственно художественного творчества. Для ребенка путь к творчеству лежит именно через игру, что делает этот вид деятельности наиболее органичным и эффективным» [Жигалева, 2015, с. 131].

Творческие игры можно классифицировать следующим образом:

- Драматизации (театрализованные постановки). Это разыгрывание небольших сценок и этюдов на английском языке.

- «В лесу» (In the Forest): разыгрывается встреча лисички и медведя. Дети ведут простой диалог с использованием знакомых фраз и лексики (Hello! I'm a fox. I can run. I like fish).

- «Красная Шапочка» (Little Red Riding Hood): классическая сказка, адаптированная для дошкольников, где диалоги построены на простых грамматических конструкциях.

Словесно-творческие игры. Данный вид игр направлен на развитие креативного мышления и языковой догадки. К ним относятся коллективное сочинение небольших историй и сказок, а также подбор рифмующихся слов.

Как говорят педагоги, «такие задания помогают детям почувствовать ритм языка и начать экспериментировать со словами.

Примеры рифмовок:

Грозди сочные висят. Поспевает виноград. Вот бы вызрел он скорей. Виноград *in English* – **grape**.

Мы катались на качеле. Ели вишню, то есть, **cherry**.

Импровизация на тему знакомой сказки

Особый интерес представляет деятельность, находящаяся на стыке ситуативных импровизационных игр и творческих драматизаций. Речь идет об импровизации на тему известной сказки, которая уже знакома детям в устоявшемся, классическом варианте (например, «Репка» или «Теремок»).

Технология подготовки к игровому занятию

Чтобы включить игру в образовательный процесс максимально эффективно, рекомендуется соблюдать следующую последовательность действий: Анализ речевых навыков. Поиск игрового контекста. Разработка «запуска» игры. Личное включение.

Ключевой принцип использования игры в обучении можно сформулировать предельно кратко: игра должна быть обучающей, но при этом она должна оставаться именно игрой.

Таким образом, игра представляет собой деятельность, ориентированную на зону ближайшего развития ребенка, в которой педагогическая цель органично сочетается с привлекательным для малыша мотивом. Именно это единство обучающего замысла и игрового интереса обеспечивает уникальную эффективность игрового метода в дошкольном возрасте.

Список литературы

Викулина М.А. Пути формирования лингвистической компетенции обучающегося / М.А. Викулина, К.Б. Жигалева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2016. – № 36. – С. 129–136.

Жигалева К.Б. Роль игровой деятельности в обучении иностранным языкам на раннем этапе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2015. – № 32. – С. 121-128.

Полянская В.И. Раннее обучение иностранному языку // Обучение языкам в эпоху интеллектуальных технологий: вызовы и перспективы : материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 22 марта 2024 г.) / отв. ред. В.В. Левченко. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2024. – С. 205-210. – ISBN 978-5-7883-2054-0.

Турдикулова Э.Э. Психологические, лингвистические и педагогические компоненты в раннем обучении иностранным языкам в эпоху цифровизации образования // *Maktabgacha va maktab ta'limi jurnali*. – 2025. – Т. 3. – № 6. – С. 73-78.

LINGUODIDACTIC ASPECTS OF TEACHING ENGLISH TO PRESCHOOL CHILDREN

Shatalova Irina Nikolaevna,
Master's student of the Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages
Pedagogical Institute of BelSU,
Sushchenkova Yulia Dmitrievna,
Teacher at Secondary School No. 35 in Belgorod

Scientific adviser: Prokopenko Yulia Aleksandrovna,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Faculty of Foreign Languages
Pedagogical Institute of BelSU, Belgorod, Russia

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of linguodidactic substantiation of the process of teaching English to preschool children. The work reflects the analysis of the specifics of the formation of a linguistic personality in the preschool period, focusing on the principles of communicative-oriented learning and game activity as the leading type of activity. The article also discusses the selection of language material, methods of creating an artificial foreign language environment, and criteria for evaluating the effectiveness of the educational process in preschool institutions.

Key words: preschool education, English for children, early foreign language education, communicative approach, game technologies, formation of a language personality, psycholinguistics, speech activity, foreign language environment, preschool pedagogy.

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Ширяева Наталья Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского
финансово-юридического университета МФЮА,
г. Москва, Россия,

Девина Ирина Викторовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков,
Московского финансово-юридического университета МФЮА,
г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено осмыслению процесса трансформации языковой подготовки студентов архитектурно-строительных направлений высшей школы под воздействием тотальной цифровизации образовательного пространства. Анализируется эволюция требований федеральных государственных образовательных стандартов, смещающих вектор с репродуктивного усвоения изолированных лингвистических фактов на генезис способности к гибкой межкультурной коммуникации. Обосновывается неизбежность интеграции ресурсов цифровой среды для полноценного погружения обучающихся в аутентичный контекст. В статье раскрываются дидактические возможности электронных платформ, инновационных технологий, а также алгоритмов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, иноязычная коммуникативная компетенция, высшее образование, педагогический дизайн, межкультурная коммуникация, лингводидактика, архитектура, строительство

Преподавание иностранного языка на архитектурно-строительных направлениях должно учитывать особенности сферы будущей профессии, связанные с созданием новых жилых и производственных комплексов, зданий и сооружений, сохранением исторического архитектурного наследия, его реконструкцией, бережного отношения к творчеству предшествующих поколений. Знание иностранного языка расширяет возможности познания архитектурных стилей и заимствований, истоков развития как русской, так и зарубежной архитектурно-строительной традиции.

Организуя процесс обучения иностранному языку для студентов архитектурно-строительных направлений, следует учитывать принцип взаимосвязанного и параллельного обучения разным видам речевой деятельности – аудирования, говорения, чтения и письма. В соответствии с этим принципом разные виды речевой деятельности выступают не только целью, но и средством обучения другим видам.

При взаимосвязанном обучении чтению происходит обучение говорению. Текст для чтения может служить опорой для развития речи. Новая лексика, воспринятая при чтении, может быть в дальнейшем использована в устных высказываниях. Практика устной речи, в свою очередь, закрепляет в памяти звукомоторные образы и грамматические формы слов, помогая развитию навыков и умений чтения. Наконец, письменное высказывание служит опорой для устного дискурса. Все это в конечном итоге приводит к свободному межкультурному общению в сфере профессиональной деятельности.

Обзор компетенций выпускников вузов дает представление об основных умениях, среди которых можно выделить способность к сбору и анализу профессиональной информации из отечественных и зарубежных источников, устной и письменной коммуникации на иностранном языке, готовность к решению профессиональных задач с применением информационно-коммуникационных технологий, готовность к научно-исследовательской и проектной деятельности.

Исходя из перечня умений считаем, что для реализации компетентностной модели специалиста через овладение иностранным языком необходима система взаимосвязанного формирования умений речевой деятельности.

Анализ работ в области обучения различным видам речевой деятельности позволил сделать вывод о том, что взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности осуществляется в русле комплексного подхода. Данный подход предусматривает соблюдение следующих условий:

- каждый из видов речевой деятельности способствует развитию остальных видов;
- последовательность видов речевой деятельности в цикле взаимосвязанного обучения обусловлена целями, этапом обучения и видом учебного материала;
- взаимосвязанное обучение осуществляется на базе общего (объединенного одной темой) языкового материала;
- серия упражнений, разработанная для взаимосвязанного обучения, направлена на развитие умений, общих для всех видов речевой деятельности.

Взаимосвязанное обучения видам речевой деятельности приближает учебную ситуацию к реальной ситуации общения, способствует переносу умений с одного вида речевой деятельности на другой. Механизм переноса умений помогает воспользоваться имеющимися знаниями и опытом в новой ситуации, перейти из неподготовленной речи в подготовленную и наоборот.

Процесс взаимосвязанного обучения протекает более интенсивно, что позволяет достичь высоких результатов в условиях ограниченной сетки часов.

Актуальные редакции федеральных государственных образовательных стандартов формулируют принципиально новый социальный заказ, требуя от будущего специалиста не механического владения оторванным от реальности массивом лексики, а развитой способности эффективно осуществлять межкультурное взаимодействие.

Категория компетенций задает совершенно четкий вектор на уверенную деловую коммуникацию в устной и письменной формах на иностранных языках.

Освоение содержания образовательной программы осуществляется с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Особенностью Интернет-технологий является индивидуальный подход с учетом интересов и потребностей обучаемых, интерактивность, возможность статистической обработки данных о процессе и результатах обучения.

Современной информационно-образовательной среде присущи следующие характеристики:

- 1) необходимость уметь ориентироваться в образовательном пространстве;
- 2) нелинейность обучения, предполагающая интерактивное освоение материала, непрерывность информационного потока, мультимедийность контента, доступность материала и индивидуализацию образовательных траекторий;
- 3) фрагментарность и раздробленность информации;
- 4) специфика требований к современным студентам и специалистам – умение учиться, умение работать с информацией, мотивация к приобретению новых знаний;
- 5) технологизация образования.

Вышеуказанные характеристики необходимо учитывать как при построении общей системы обучения, так и системы обучения отдельной дисциплине, в том числе иностранному языку.

Характеризуя особенности формирования коммуникативной компетенции, И.Л. Бим пишет: «Овладение коммуникативной компетенцией предполагает овладение иноязычным общением в единстве всех его функций: информационной, регулятивной, эмоционально-оценочной (ценностно-ориентационной) и этикетной. В ходе реализации этих функций решаются определенные коммуникативные задачи и формируются основные коммуникативные умения» [Бим, 1995, с. 24].

Обучение иностранному языку студентов архитектурно-строительных направлений также развивает систему общекультурных и профессиональных компетенций и способность к профессиональному общению.

Оценка традиционного содержания обучения и классических учебно-методических комплексов выявляет их ограниченность в вопросах формирования, описанных выше компетенций. Печатный учебник, будучи по своей природе статичным носителем информации предлагает студентам рафинированный язык, отчасти лишенный живой разговорной динамики, актуальных неологизмов и региональных диалектных вариаций. Классическая аудиторная работа зачастую сводится к разыгрыванию искусственно созданных диалогов между такими же неносителями языка, что «катастрофически снижает прагматическую ценность формируемых навыков» [Байниязова, Фахрутдинова, 2025, с. 236]. Наблюдается острый дефицит подлинной аутентичности, который физически невозможно восполнить исключительно методическим мастерством или харизмой преподавателя без привлечения дополнительного высокотехнологичного инструментария.

Преодоление обозначенных ограничений традиционной методической базы возможно исключительно через глубокую, структурную интеграцию процессов обучения в современную цифровую образовательную среду. Инновационные технологии являются стержневым механизмом формирования абсолютно всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции. Электронная экосистема современного вуза представляет собой сложный конгломерат, объединяющий локальные системы управления обучением, открытые глобальные ресурсы, инструменты синхронной коммуникации и передовые алгоритмы искусственного интеллекта. Систематизация применяемых цифровых инструментов позволяет наглядно оценить их дидактический потенциал и специфику воздействия на отдельные элементы коммуникативной готовности студента.

Таблица 1 – Дидактический потенциал средств цифровой образовательной среды

Тип цифрового инструмента	Дидактическая функция	Воздействие на компоненты коммуникативной компетенции
Корпусные лингвистические базы	Анализ аутентичных контекстов употребления лексики и грамматики	Формирование глубокого лингвистического и социолингвистического компонентов

Платформы языкового обмена (Tandem, HelloTalk)	Обеспечение прямой коммуникации с носителями языка в реальном времени	Развитие стратегической и социокультурной компетенций, преодоление языкового барьера
Системы управления обучением (LMS)	Структурирование образовательного контента, асинхронный контроль	Поддержка дискурсивного компонента через написание эссе и участие в форумах
Технологии виртуальной реальности (VR)	Иммерсивное погружение в смоделированные профессиональные ситуации	Комплексная активация всех компонентов в условиях, приближенных к стрессовым
Нейросетевые языковые тренажеры	Адаптивная генерация сценариев диалогов, мгновенная обратная связь	Персонализированная корректировка лингвистической базы, устранение индивидуальных лагун

Представленная классификация наглядно демонстрирует, насколько глубоко современные цифровые инструменты проникают в суть образовательного процесса. Использование методов корпусной лингвистики дает обучающимся уникальную, ранее недоступную возможность анализировать огромные массивы реальных текстов.

Технологии виртуальной и дополненной реальности создают высокоточные иммерсивные симуляции профессиональных ситуаций: от профильных международных конференций до сложных деловых переговоров с работодателями и инвесторами. «Обучающийся физически ощущает плотность заданного контекста, требующего немедленной вербальной реакции, что активизирует когнитивные процессы на порядки интенсивнее пассивного чтения текста с листа» [Бартош, 2018].

Особого внимания заслуживает трансформация модели самостоятельной работы студента. Студент самостоятельно, в максимально комфортном для него темпе, осваивает теоретический базис посредством просмотра интерактивных видеолекций, прослушивания профильных подкастов и выполнения автоматизированных тестов на первичное закрепление. Аудиторные же часы, представляющие собой наивысшую педагогическую ценность, полностью высвобождаются для активной интерактивной работы. «Подобная осознанная инверсия учебного цикла не только экспоненциально увеличивает плотность коммуникативной практики, но и формирует у обучающихся критически важный навык академической автономии» [Личжа, 2025, с. 1280].

Тотальное внедрение подобных технологических инноваций в обучение студентов архитектурно-строительных направлений неизбежно сопровождается рядом глубоко амбивалентных эффектов, требующих предельно взвешенного критического осмысления академическим сообществом. Среда не просто предоставляет новые удобные инструменты, она фундаментально меняет саму психологию восприятия информации современным поколением обучающихся. К безусловным, неоспоримым достоинствам электронных платформ относится ранее недостижимый уровень индивидуализации образовательного процесса.

Таблица 2 – Амбивалентность влияния цифровой образовательной среды

Аспект влияния	Позитивный вектор (Возможности)	Негативный вектор (Риски и угрозы)
Доступность информации	Стирание географических границ, доступ 24/7 к аутентичным мировым ресурсам	Возникновение технической фрикционности, цифровое неравенство обучающихся

Восприятие контента	Высокая вовлеченность за счет интерактива, мультимедийности и геймификации	Когнитивная перегрузка, рассеивание внимания, формирование клипового мышления
Самостоятельность	Развитие академической автономии, навыков поиска и верификации данных	Иллюзия компетентности из-за делегирования задач ИИ, снижение собственных когнитивных усилий
Коммуникация	Возможность безопасного моделирования любых сценариев общения	Редукция межличностной эмпатии, формализация общения, потеря невербальных сигналов

Анализ представленных в таблице 2 дихотомий раскрывает весьма неочевидные, но крайне опасные риски тотальной неконтролируемой цифровизации языкового образования. Первичной проблемой выступает нестабильность работы интернет-платформ, десинхронизация звука и видео, а также критические различия в аппаратном обеспечении у разных участников процесса, что нарушает динамику коммуникации.

Гораздо более глубокую, скрытую опасность представляет масштабный феномен когнитивной перегрузки. Избыток мультимедийного контента, постоянно всплывающие системные уведомления, обилие перекрестных гиперссылок рассредоточивают фокус внимания, препятствуя вдумчивому, глубокому анализу сложных синтаксических конструкций или неочевидных стилистических нюансов оригинального текста.

У студентов зачастую формируется устойчивое «клиповое мышление», они физиологически привыкают потреблять информацию исключительно крошечными, ярко эмоционально окрашенными порциями. Данная когнитивная трансформация способна блокировать возможность воспринимать объемные академические дискурсы, выстраивать длинные, безупречно логичные цепочки в монологе и уверенно удерживать нить сложной научной дискуссии на иностранном языке. Излишняя опора на современные алгоритмы машинного перевода и генеративные языковые модели порождает крайне ненужную иллюзию собственной компетентности.

Самым тревожным, фундаментальным симптомом глубокого, некритичного погружения в цифровой формат признается прогрессирующая редукция межличностной эмпатии. «Экранная коммуникация, даже при условии использования видеосвязи сверхвысокого разрешения, сглаживает важнейшие невербальные сигналы, спонтанную микромимику, малейшие изменения тембра голоса и языка тела, которые в естественной среде несут колоссальный объем смысловой нагрузки» [Самсонова, 2025, с. 211].

Утрата эффекта физического присутствия провоцирует неизбежную формализацию общения, критически снижает уровень эмоционального интеллекта, жизненно важного для успешной реализации социокультурного и стратегического компонентов коммуникативной компетенции.

Таким образом, оптимизация процесса языковой подготовки студентов архитектурно-строительных специальностей требует создания сбалансированной, глубоко гуманистически ориентированной экологичной цифровой архитектуры. В этой новой парадигме технологиям отводится исключительно подчиненная роль мощного, безотказного, но строго контролируемого инструмента, проводника в огромный мир иноязычной культуры. Смысловым ядром, безусловной конечной целью абсолютно любых дидактических манипуляций всегда должна оставаться живая, многогранная человеческая коммуникация, грамотно обогащенная цифровыми возможностями, но ни в коем случае не подмененная ими.

Список литературы

Байниязова Э.М. Методическая модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студента вуза средствами цифровых технологий / Э.М. Байниязова, Р.А. Фахрутдинова // Филология и культура. – 2025. – № 3 (81). – С. 236-244.

Бартош Д.К. Технологии электронного обучения иностранным языкам: состояние и перспективы: монография/Д.К. Бартош, Н.Д. Гальскова, А.В. Коптелов, М.В. Харламова. – М.: МГПУ, 2018. – 262 с.

Бим И.Л. Базовый курс. Концепция, программа. – М.: Новая школа, 1995. – 128 с.

Личжа Н. Педагогические основы развития иноязычных компетенций студентов в цифровой образовательной среде российских вузов/ Н. Личжа, В.К. Власова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – № 8. – С. 1280-1287.

Самсонова А.П. Теоретические аспекты изучения методического потенциала электронной образовательной среды вуза в формировании иноязычной коммуникативной компетенции // Наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2025. – С. 211-214.

DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE SKILLS OF ARCHITECTURE AND CONSTRUCTION STUDENTS WITHIN AN E-LEARNING ENVIRONMENT

Shiryaeva Natalya Nickolaevna,

*Candidate of Pedagogical sciences, associate professor of department of foreign
languages.*

Moscow university of finance and law, Moscow, Russia,

Devina Irina Viktorovna,

*Candidate of Philosophy, associate professor of department of foreign languages,
Moscow university of finance and law, Moscow, Russia*

Abstract. The study conceptualizes the transformation of language training for higher education of architecture and construction students under the influence of total digitalization of the educational space. The evolution of the requirements of federal state educational standards is analyzed, shifting the vector from the reproductive assimilation of isolated linguistic facts to the genesis of the ability for flexible intercultural communication. The inevitability of integrating digital environment resources for a full immersion of students in an authentic context is substantiated. The didactic possibilities of electronic platforms, immersive technologies, and artificial intelligence algorithms are critically deconstructed.

Key words: digital educational environment, foreign language communicative competence, higher education, instructional design, intercultural communication, linguodidactics, architecture, construction.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНЫХ СЦЕН И КОММУНИКАТИВНЫХ ИМПУЛЬСОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Шкилёва Наталья Владимировна,

*аспирант кафедры русского языка, профессионально-речевой
и межкультурной коммуникации*

института межкультурной коммуникации

и международных отношений

*Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования диалогической компетенции при обучении иностранным языкам. Обосновывается продуктивность использования теории когнитивных сцен и коммуникативных импульсов в качестве методической основы для развития навыков неподготовленной диалогической речи. Когнитивная сцена трактуется как структура репрезентации знания о ситуации общения, а коммуникативный импульс определяется как пусковой механизм речевого действия. Предлагается типология учебных заданий, направленных на интериоризацию данных структур при изучении русского языка как иностранного и английского языка.

Ключевые слова: диалогическая компетенция, когнитивная сцена, коммуникативный импульс, обучение иностранным языкам, русский язык как иностранный, английский язык.

Современная лингводидактика рассматривает диалогическую компетенцию как одну из ключевых составляющих коммуникативной компетенции в целом. Как справедливо отмечает М.И. Бекоева, «успех в любой сфере профессиональной деятельности во многом определяется диалогической культурой», а само межличностное взаимодействие «определяется владением техникой общения, способами психологического воздействия, разнообразностью технологий воспитания и обучения» [Бекоева, 2018, с. 31].

Однако традиционные подходы к обучению диалогу часто ограничиваются заучиванием клишированных фраз и модельных диалогов, что не обеспечивает готовности обучающихся к реальной коммуникации. Преодолеть данный разрыв возможно при обращении к когнитивным механизмам порождения речи.

Обратимся к определению диалогической компетенции. Данную компетенцию, согласно М.И. Бекоевой, «необходимо рассматривать как способность участвовать в живом, реальном общении, которое предполагает умение начать, поддержать и завершить диалог, принимая во внимание ситуацию общения, статус и профессиональные интересы партнеров по общению, цель общения, выбор языковых средств и тактики поведения для достижения основной цели общения» [Бекоева, 2018, с. 32].

Понятие когнитивной сцены берет начало в когнитивной семантике и теории фреймов. Как отмечает И.Ю. Колесов, когнитивная сцена интерпретируется как «структура знания, отражающая познанность говорящим субъектом предметной ситуации – её концептуализацию» [Колесов, 2008, с. 19]. Важно отметить, что когнитивная сцена выступает «как одна из ступеней когнитивно-информационных процессов, имеющих место в семиотизации внеязыковой действительности в ходе коммуникации, и служит задаче встраивания образа действительности в различные виды контекста» [Колесов, 2008, с. 19].

В отличие от статичного фрейма, сцена динамична. Е.А. Огнева в своих исследованиях разрабатывает типологию когнитивных сцен как динамичных форматов знания, входящих наряду со статичными форматами знания в состав концептосферы [Огнева, 2012]. Для лингводидактики существенно, что сцена содержит не только знание о ситуации, но и знание о возможных речевых действиях в ее пределах.

Близким понятием является сценарий, который В.З. Демьянков определяет как «разновидность структуры сознания (репрезентации)», вырабатываемую «в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений» [Демьянков, 2003, с. 181-182]. Сценарий, таким образом, представляет собой развертку когнитивной сцены во времени.

В структуре диалогического взаимодействия когнитивная сцена выполняет функцию репрезентации ситуации, тогда как инициация речевого действия обеспечивается особым когнитивно-прагматическим механизмом – коммуникативным импульсом. Если когнитивная сцена фиксирует параметры коммуникативной ситуации (участников, локус, цель, социальные роли), то коммуникативный импульс представляет собой операциональный компонент, реализующий переход от ситуативной репрезентации к речевому акту.

Исследователь И.П. Сусов, в работах, посвященных проблеме побудительности, рассматривает иллюкутивную силу как прагматическое значение, которое «реализуется говорящим с ориентацией на общие для него и слушающего знания о мире вещей и правилах оперирования с ними (пресуппозиции) и на общие для него и слушающего знания о системе принятых в данном социальном и коммуникативном пространстве предписаний относительно речевого поведения (коммуникативные имплицатуры)» [Сусов, 1988, с. 125-126]. Таким образом, коммуникативный импульс может быть интерпретирован как единство интенционального содержания и его ситуативной обусловленности, обеспечивающее селекцию релевантных языковых средств в рамках заданной когнитивной сцены. В диалогическом дискурсе импульсы циркулируют между участниками: реплика-стимул одного собеседника активизирует коммуникативный импульс у другого, требующий реализации в реплике-реакции, что формирует структурную целостность диалогического единства.

Нами предлагается модель обучения диалогической речи, включающая три этапа, соответствующих уровням освоения языкового материала.

Первый этап предполагает презентацию и анализ когнитивной сцены. Обучающиеся знакомятся с типовой ситуацией общения; задача преподавателя на данном этапе заключается в экспликации структурных компонентов сцены. Как показывают исследования учебного дискурса, «на уровне С1 в ситуациях в малоформатных текстах преобладают такие составляющие, как участники, последовательность действий, эмоционально-оценочный тон» при этом «среди языковых средств репрезентации данных составляющих можно выделить единицы, содержащие лингвокультурную информацию» [Шевченко, 2023, с. 213]. Хотя данные получены на материале уровня С1, предложенный алгоритм анализа представляется продуктивным и для начальных этапов обучения при соответствующей адаптации языкового материала.

Иллюстрацией реализации первого этапа может служить работа с когнитивной сценой «В ресторане» при обучении русскому или английскому как иностранному. Данная сцена включает следующий компонентный состав: участниками коммуникации выступают гость и официант; локус ограничен пространством стола и зала ресторана. Целеполагание участников предполагает последовательную реализацию таких задач, как осуществление заказа, получение заказанных блюд и их оплата. Эмоционально-тональное оформление сцены варьируется в диапазоне от подчеркнуто вежливого (официального) до нейтрального или неофициального регистра общения в зависимости от типа заведения и степени знакомства коммуникантов. К числу ключевых действий, структурирующих интеракцию, относятся приветствие, предложение меню, выбор блюд и завершающая просьба о предоставлении счета.

Экспликация перечисленных компонентов позволяет обучающимся сформировать целостный образ ситуации, что создает когнитивную основу для последующего порождения речевых высказываний.

Второй этап предлагаемой модели ориентирован на освоение коммуникативных импульсов в структуре диалогического взаимодействия. На данном этапе осуществляется введение набора речевых формул, релевантных для типовых коммуникативных задач в рамках ранее эксплицированной когнитивной сцены. Принципиальным методическим условием выступает не просто презентация клишированных единиц, но и демонстрация их неразрывной связи с конкретным коммуникативным импульсом. Такой подход позволяет преодолевать механическое заучивание фраз и сформировать у обучающихся способность к осознанному выбору языковых средств в зависимости от коммуникативной цели и социального контекста.

Теоретическое обоснование продуктивности подобной работы обнаруживается в исследованиях, посвященных сценарно-ситуативному подходу в обучении языку. Так, С.А. Королькова подчеркивает, что «значимыми для успешной профессиональной деятельности являются знание культурных стереотипов, владение стандартными формулами и клише, и достаточный информационный запас в релевантной предметной

сфере» [Королькова, 2014, с. 105]. Приведенное положение непосредственно коррелирует с задачами второго этапа, поскольку освоение коммуникативного импульса предполагает не только усвоение языковой формы, но и понимание культурно обусловленных сценариев ее употребления. Кроме того, исследователь отмечает, что «ролевые игры позволяют интериоризировать ситуацию на материале аутентичных текстов различных жанров и оптимизировать вхождение в профессию» [Королькова, 2014, с. 105]. Данный тезис обосновывает целесообразность включения на втором этапе интерактивных форм работы, в частности ролевых игр, которые моделируют условия реальной коммуникации и способствуют переводу осваиваемых речевых формул из пассивного запаса в активный.

Реализация второго этапа предполагает выполнение системы упражнений, направленных на формирование умений оперировать коммуникативными импульсами в различных контекстах. Первую группу составляют упражнения на идентификацию импульса, в ходе которых обучающимся предлагается прослушать реплику и определить интенцию говорящего, определяя такие коммуникативные намерения, как просьба, предложение, отказ или согласие. Подобные задания способствуют развитию рецептивных навыков распознавания интенциональной структуры диалога, что является необходимым условием корректного понимания коммуникативных ходов собеседника. Вторую группу образуют упражнения на вариативность выражения, ориентированные на продуктивную речевую деятельность. Обучающимся предлагается выразить один и тот же коммуникативный импульс, например, просьбу, в зависимости от статусных характеристик адресата, моделируя ситуации общения с другом, преподавателем или незнакомым человеком.

Выполнение данных заданий позволяет интериоризировать зависимость языкового оформления импульса от социального контекста и способствует формированию прагматической компетенции, обеспечивающей выбор уместных языковых средств в соответствии с параметрами коммуникативной ситуации.

Третий этап предполагает интерактивную практику, то есть непосредственное моделирование диалога. На данном этапе осуществляется воспроизведение диалога в заданной сцене. Здесь уместно использовать технику «подхвата импульса»: первый участник получает карточку с описанием своей роли и цели, второй участник должен распознать его коммуникативный импульс и дать адекватную реакцию. Данный подход согласуется с пониманием того, что «диалогическая компетенция – это конструирование эффективной профессиональной коммуникации, направленной на приобретение и усвоение профессиональных знаний и умений; развитие общекультурных качеств и коммуникативных способностей; овладение нормами и правилами межличностного профессионального диалога; выработка ценностного отношения к участникам коммуникативного действия; осознание собственных коммуникативных способностей в рамках обсуждаемой ситуации» [Бекоева, 2018, с. 32].

Формирование диалогической компетенции на основе когнитивных сцен и коммуникативных импульсов позволяет минимизировать разрыв между знанием языка и способностью к реализации речевого акта в условиях реальной коммуникации. Когнитивная сцена дает обучающемуся целостное представление о ситуации и ее компонентах, а коммуникативный импульс выступает динамическим механизмом, переводящим знание ситуации в речевое действие.

Предложенная модель обучения диалогической речи универсальна и может быть применена как при обучении русскому языку как иностранному, так и при обучении английскому языку, поскольку опирается на общие когнитивные механизмы речепорождения.

Список литературы

Бекоева М.И. Формирование диалогической компетенции студентов посредством специальных дисциплин // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – № 3 (24). – С. 31-34.

Демьянков В.З. Сценарий. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С.181-182.

Колесов И.Ю. К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – №2. – С. 19-31.

Королькова С.А. Сценарно-ситуативный подход при обучении устному переводу // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 105-109.

Огнева Е.А. Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста / Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7379> (дата обращения: 17.03.2026).

Сусов И.П. Побудительность: деятельностно-коммуникативное и функционально-семантическое представление // Императив в разнотипных языках. – Ленинград, 1988. – С. 125-127.

Шевченко В.Д. Лингвокогнитивные модели в малоформатных текстах англоязычного учебного дискурса (на материале учебного пособия English Unlimited уровня Advanced) / В.Д. Шевченко, Е.В. Яковлева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – № 2. – С. 213-221.

FORMATION OF DIALOGIC COMPETENCE BASED ON COGNITIVE SCENES AND COMMUNICATIVE IMPULSES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Shkileva Natalia Vladimirovna

*Postgraduate student of the Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. This article deals with the problem of developing dialogic competence in teaching foreign languages. The article substantiates the productivity of using the theory of cognitive scenes and communicative impulses as a methodological basis for building skills of unprepared dialogical speech. The cognitive scene is interpreted as the structure for representing knowledge about a communication situation, while the communicative impulse is defined as the trigger mechanism of a speech act. A typology of educational tasks is proposed, aimed at the interiorization of these structures in the study of Russian as a foreign language and English.

Key words: dialogic competence, cognitive scene, communicative impulse, teaching foreign languages, Russian as a foreign language, English.

ENHANCING ACADEMIC MOTIVATION IN HOME READING CLASSES

Lukjanchikova Alisa Andreevna,

*Master's student, Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute of Belgorod
State National Research University, Belgorod, Russia,
scientific advisor: Musaelian Elena Nikolaevna,
PhD in Pedagogy sciences,
Associate Professor of Foreign Languages Department,
Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute of Belgorod
State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the current issues of declining student interest in home reading and analyzes modern methods and techniques for enhancing academic motivation. It presents teaching strategies and materials aimed at engaging schoolchildren in the reading process, developing their autonomy and fostering a positive attitude literature.

Key words: home reading, academic motivation, foreign language, reading literacy, reading.

Today the role of home reading has an important part in education. Reading is not just a school activity; it is a wonderful hobby too. It is a simple pleasure that brings many benefits to our lives. Home reading helps you learn. When you read, you discover new words and see how to use them in sentences. Books are like a window into another world. When you read books in a foreign language you can learn about the traditions, cultures, history and lives of people in other countries. Stephen Krashen points out that pedagogical tasks are most effective when they are enjoyable. Reading an interesting book brings great joy to the reader, which makes the learning process much more successful because the student is truly interested [Krashen, 2004, p. 28]. When pupils engage with material that captivates their interest, they are more likely to immerse themselves in the learning experience. A positive attitude towards learning that encourages pupils to pursue knowledge beyond classroom. According to Csikszentmihalyi, memory is one of the most mental skills. The author says that remembering is enjoyable because it helps to reach a goal and bring thoughts in order. Home reading helps to do it exactly. When we read a good book, we remember the plot and the characters. This act of remembering makes us feel focused and satisfied. Moreover, a person who has nothing to remember may feel that life is empty. Home reading prevents this. When we remember poems, stories or interesting facts from book we always have something meaningful to think about [Csikszentmihalyi, 1990, p. 4].

There is no doubt that home reading has a number of advantages. It is an inexhaustible source of new words and expressions. By reading literary works, pupils come across new words and expressions, which helps them build and enhance their vocabulary. However, home reading is more than just learning word definitions. Pupils learn how to use these words in speaking and writing. They analyze small shades of meaning and decide if a word suitable for a specific situation. Researchers O.A. Maksimova and N.V. Mityushina state that home reading helps with active use of new vocabulary in context, rather than just passive learning. This process can help students develop linguistic guesswork. This is the special ability to understand the meaning of unknown words looking at the context [Maksimova, Mityushina, 2019, p. 199].

Home reading also plays an important role in developing the skill of unprepared speech. According to P.B. Gurvich, unprepared speech is the ability to use learned material freely and spontaneously in new, unprepared situations [Gurvich, 2012, p. 11]. A rich vocabulary and the understanding of diverse grammar structures serve as a powerful foundation for the spontaneous expression of thoughts in the target language.

However, the reader's journey is often filled with obstacles. Reading can be difficult even in one's native language, but in a foreign language, it is much more than just a set of words. It is a profound act of communication with the author, which immerses the learner in a completely different world and culture. This is a complex cognitive process that requires the reader's active mental participation. This complexity is often the reason why many pupils lose interest in home reading. When the texts are not chosen correctly, for example they are too difficult and boring, learners feel overwhelmed. This leads to a fear of making mistakes and a lack of confidence, which ultimately destroys the pleasure of reading. Instead of picking up a full book, they turn to short summaries or retellings just to get the main idea. As a result, the question arises: how can we motivate schoolchildren to read again?

E.A. Klimushina highlights this topic in the article. One of the key methods she suggests is praise and encouragements. It is important to receive recognition for student's achievements, they feel more confident and motivated to engage with reading materials [Klimushina, 2025]. This encouragement can help them to see home reading as an enjoyable activity rather than a stressful

task. One of the most important things is to give pupils interesting and relevant books or short stories. The book should match their level so that they do not get frustrated. Creating a comfortable reading environment also helps. A quiet corner with good light and no distractions makes reading more enjoyable. Providing chances for students to work together is essential. Activities such as working in group projects, discussing texts and making presentations help improve communication skills and keep learners engaged. Modern technologies provide a wide range for organizing home reading in English lessons. The integration of information and communication technologies in the modern world is an urgent necessity. In the context of home reading, modern technologies allow learners to explore literature in various formats, share their thoughts online and stay motivated through interactive tasks and virtual book communities. E.S. Burdina notes that the use of educational platforms offers extensive opportunities for organizing the educational process, in particular by providing access to modern information technologies, which helps to build more solid knowledge [Burdina, 2023, p. 58]. Teachers should be creative and use technologies purposefully to motivate pupils.

Withing the framework of this topic, a home reading component has been created that can motivate pupils to read at home and assist teachers in organizing the process effectively. The text comes from the story «Androcles and the lion», which was assigned for home reading. A set of exercises was developed to increase pupil's motivation and keep them engaged. Below are some of the tasks that really help make reading at home more interesting and encourage learners to participate actively.

1. Warm-up questions. Before reading, pupils answer questions like «Do you think kindness always comes back? » or «Can an animal become a human friend»? These questions activate personal experience and create curiosity about the story (see the picture below).

I. Warm-up.

Discuss the following questions:

- 1 Do you often help people?
- 2 Do you think kindness always comes back?
- 3 Have you ever helped animals on the street?
- 4 Can an animal become a human friend? Explain your answer.
- 5 Do you think it is necessary to give people a second chance to correct mistakes?
- 6 What qualities do you value most in people?

Generosity kindness, honesty, sincerity, responsiveness, creativity, responsibility, punctuality, accuracy, attentiveness, purposefulness

Picture 1 – An example of the «Warm-up questions» exercise

2. Vocabulary in context. Learners translate expressions from the story and then correct sentences where the words are used wrongly. For example, they change «I almost asleep during that sentence» to the correct form. This helps them notice language details without feeling tested (see the picture below).

II a. Change the marked words for the sentences to be correct:

1 He then walked back to his horse and **hid** at the darkness.

2 I almost **asleep** during that sentence.

3 I **afraid** of hurting his feelings.

4 Cut a hole in the **middle** on the paper.

5 My cat has fluffy **legs**.

Picture 2 – An example of the «Vocabulary in context»

3. Creative sentences. Students can make their own sentences using active vocabulary. This gives them freedom to connect the vocabulary to their own lives, which makes learning more meaningful (see the picture below).

IIb. Make 5 sentences with these expressions.

E.g They treated me like **a slave**.

1 _____

2 _____

3 _____

4 _____

5 _____

Picture 3 – An example of the «Creative sentences» exercise

4. Finding the odd sentence. The story contains one strange sentence. Finding it turns reading a playful detective activity and shows that reading can be fun.

5. Project. One task asks students to find a real story about an unusual friendship between a human and an animal. This allows them to tell a real-world story and get interested in digital content. The ability to choose a story based on the interests of students makes the task personally meaningful, increases engagement and a desire to share the result with classmates. In addition, such projects strengths the connection of educational material with real life, showing that the topics covered in the story (friendship, honesty, kindness) exist not only in ancient legends, but also in the modern world (see the picture below).

VII. Find an unusual friendship between humans and animals on the Internet.
Write a story in 5 sentences.

Picture 4 – An example of the «Project» exercise

The goal of these activities is to make home reading a rewarding experience instead of a forced requirement. By giving pupils options, linking the plot to their own ideas and offering different ways to engage with the material, all of this can significantly increase students' motivation and enthusiasm to participate.

In conclusion, home reading is a powerful tool for enhancing academic motivation and language skills. When students are given choices, receive positive encouragement and understand how to improve through thoughtful feedback, their fear of making mistakes decreases. A well-planned home reading lesson can do much more than just teach language. This allows them to engage more deeply with texts and find pleasure in home reading. The exercises listed above can help turn home reading from a duty into a useful activity that gives students pleasure.

References

Burdina E.S. Ispol'zovanie cifrovyyh obrazovatel'nyh platform v processe obucheniya anglijskomu yazyku // Skif. – 2023. – № 7 (83). – S. 54-58.

Gurvich P.B. Obuchenie nepodgotovlennoj rechi // Inostrannye yazyki v shkole. – 2012. – № 8. – S. 11-17.

Klimushina E.A. Obuchenie chteniyu. Trudnosti i puti resheniya // Prosveshchenie. Inostrannye yazyki : elektron. nauch.-metod. zhurn. – 2025. – 18 marta. – URL: https://iyazyki.prosv.ru/2025/03/teaching-reading_difficulties-and-solutions/ (data obrasheniya: 21.03.2026).

Maksimova O.A. Rol' domashnego chteniya v formirovanii umenij i navykov inoyazychnoj rechi na urokah anglijskogo yazyka / O.A. Maksimova, N.V. Mityushina // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. – 2019. – T. 25, № 1. – S. 199-202.

Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience / Mihaly Csikszentmihalyi. – New York: Harper & Row, 1990. – 303 p.

Krashen S. D. The Power of Reading: Insights from the Research. – 2nd ed. – Westport, Conn: Libraries Unlimited, 2004. – 200 p.

ПОВЫШЕНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДОМАШНЕМУ ЧТЕНИЮ

Лукьянчикова Алиса Андреевна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Мусаелян Елена Николаевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы снижения интереса учащихся к домашнему чтению. Анализируются современные методы и приемы повышения учебной мотивации. Представлены методические приемы и разработки, направленные на вовлечение школьников в процесс чтения, развитие их самостоятельности и формирования позитивного отношения к литературе.

Ключевые слова: домашнее чтение, учебная мотивация, иностранный язык, читательская грамотность, чтение.

THE AXIOLOGICAL APPROACH IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING: A CREATIVE PROJECT BASED ON THE WORKS OF L. CARROLL 'THROUGH THE LOOKING-GLASS' AND V. GUBAREV 'THE KINGDOM OF CROOKED MIRRORS'

Shirkova Anastasia Aleksandrovna,
Master's Degree Student, Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
academic Supervisor: Ogneva Elena Anatolyevna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages
of the Faculty of Foreign Languages
of the Pedagogical Institute of the Belgorod State University "BelSU",
Belgorod, Russia

Abstract. The article considers the axiological approach as a method of forming a system of personal value orientations, which is part of the requirements of the Federal State Educational Standard (FGOS). The paper substantiates the effectiveness of a creative project in implementing the axiological approach, using the example of a letter-based project based on the works "Through the Looking-Glass" by L. Carroll and "The Kingdom of Crooked Mirrors" by V. Gubarev. The author describes the stages of the project and draws conclusions evidencing the effectiveness of this form of work as a way to implement the axiological approach.

Key words: axiological approach, value orientations, project-based activities, creative project, Federal State Educational Standard (FGOS).

Depending on economic, political, and cultural factors, the vector of education has constantly undergone changes. The globalization of modern socio-cultural and economic processes requires a person to master intercultural competence, skills of tolerant communication, humanism, as well as the assimilation of universal human values, which will allow for effective interaction in a multicultural world. Thus, the methodological vector of modern education is the anthropocentric paradigm, the core of which is the axiological approach [Yazykova, 2023,

p. 11-16]. The essence of this direction is revealed in the content of the science of axiology, the science of values.

There are three forms of values:

- public ideals that serve as a guide for the individual;
- objectified values exemplified by creative work, scientific activity, traditions, customs;
- personal values which act as an internal motivator to implement societal requirements regarding human behavior [Vedeneeva, 2024, p. 94-96].

In pedagogy, value is a key concept, as it underlies the process of personality formation, i.e., the formation of a person as both a subject and an object of social relations.

Returning to the anthropocentric paradigm, it is worth noting that this trend in the educational process is reflected in the Federal State Educational Standard (FGOS). Thus, the FGOS for Basic General Education is focused on developing the following personal characteristics in a student: "one who recognizes and accepts traditional values of the family, Russian civil society, the multinational Russian people, and humanity, and who is aware of their involvement in the destiny of the Fatherland," and "one who respects the opinions of others, is capable of engaging in constructive dialogue, achieving mutual understanding, and interacting successfully" [FGOS, 2012]. These requirements must be applied to all educational programs, including those for foreign languages. Accordingly, the goal of foreign language education in modern schools becomes the development of students' value orientations through the process of comparing the values of the target language culture and their native culture [Yazykova, 2023, p. 11-16].

Language, as a subject of study, provides a wide range of opportunities for achieving this goal, since "a person constantly thinks and articulates their attitude towards various phenomena. This is how their individual linguistic worldview and the worldview of society as a whole are formed" [Novoselova, 2019, p. 110-111]. That is, language inherently carries a set of values that have developed in a particular culture, and the study of a foreign language accordingly allows not only to learn but also to internalize the values of another socio-cultural space, as well as to engage in reflection, i.e., a comparison of the values of the target culture and the native culture. Together, this realizes the axiological goal of education. Here, the teacher's task becomes choosing the most effective teaching technology that also meets the modern requirements of the Federal State Educational Standard. This article examines the axiological approach in foreign language learning through project-based activities based on the books "Through the Looking-Glass" by L. Carroll and "The Kingdom of Crooked Mirrors" by V. Gubarev.

Several factors account for the preference given to project-based learning. To begin with, contemporary FSES regulations designate project work as the core mode of learning and include it among the assessed formats, making its integration into teaching practice a requirement. Furthermore, this type of activity supports the development of students' value systems by adhering to three key pedagogical principles:

- attention to learners' emotional and sensory experiences;
- the principle of relying on the individual experience of students;
- the principle of activating forms of self-assessment, self-reflection, and self-education [Yazykova, 2023, p. 11-16].

The types of project-based activities are diverse: creative, practice-oriented, research, informational, game-based, and role-play [Mazneva, 2018, p. 68-72].

When implementing a project with an axiological goal, the teacher may choose creative, game-based, and role-play projects, as they possess the greatest educational potential. Thus, creativity is inseparable from a person's worldview and their internal picture of the world. At the same time, the axiological approach is associated with self-analysis and the internal reassessment of values; accordingly, the result of this process can be expressed through creativity. It is important to note that creative activity is one of the forms of values, meaning that in this type of project, the student is able not only to assimilate a system of personal value orientations but also to create an object of material value. Speaking of games, it is worth noting that children demonstrate high motivation for project-based activities involving game technologies, which directly impacts the

outcome of assimilating the intended value system. Role-play allows for a deeper process of reflection, directly linked to the process of value assimilation, because it is precisely through experiencing a role that a student can try on a different model of behavior, conduct an internal evaluation of the character's actions, and compare them with their own.

This study examines a creative project based on the books "Through the Looking-Glass" by L. Carroll and "The Kingdom of Crooked Mirrors" by V. Gubarev for 6th-grade students. The teacher's choice of these works is justified by the fact that, on the one hand, they belong to different cultures, and on the other hand, they reveal key ideas through the common motif of the mirror, which serves as a starting point for comparative analysis. Furthermore, both works, as material values, embody specific ideas, and uncovering their essence becomes one of the practical techniques of the axiological approach. For instance, in L. Carroll's "Through the Looking-Glass," the mirror opens up an absurd world before the main character, allowing Alice to look at ordinary things with a fresh perspective. At the same time, in "The Kingdom of Crooked Mirrors," the leitmotif becomes the moral transformation of the heroine; the mirror is not so much another world as a hyperbolized reflection of reality, which allows Olya, the main character, to look at herself from the outside. Thus, "Through the Looking-Glass" allows for the examination of universal human values through the prism of English-language culture; "The Kingdom of Crooked Mirrors" conveys traditional values and promotes self-reflection.

After conducting a preliminary analysis of the works and determining their educational potential, the first stage of the project activity begins, which consists of students defining the project's goal with the teacher's help. Thus, the 6th-grade students defined the goal of the project activity as analyzing the journey of the main heroines. Then, the project format was determined – written correspondence between Olya and Alice, which involves pair work. The students independently created a plan for project implementation and carried out the activities to implement it. To compose the letter, they not only analyzed the heroines' actions but also compared their behavior patterns, which were based on linguistic and cultural differences. The presentation of the letter-projects was conducted in the form of a group discussion, which allowed students to learn about different points of view.

This project activity proved to be effective. Firstly, the creative format of the project implementation increased the students' level of motivation for the activity, consequently enhancing the educational impact. Another key outcome was that guiding students through the stages of textual interpretation, collective discussion, and contrasting analysis fostered a reflective mindset. This approach helped them to examine their own ideological positions in light of the heroines' choices, which function as a mirror reflecting a fusion of domestic traditions and worldwide ethical standards. Their assimilation occurred at the stage of actually writing the letter. During this process, students, having before them the system of value coordinates of the main heroines created in the previous stage, were able to try it on themselves. Thirdly, the group discussion provided students with more opportunities to reassess their own value system, since in this type of work, students share their personal views with others, meaning the process of comparing oneself with society takes place.

Thus, the axiological approach, the implementation of which is required by society and the state (through the FSES), can be effectively realized through project-based activities. The findings of the implemented project confirmed that the use of project work establishes a confidential zone where students feel at ease turning their attention inward. This setting facilitates a deep examination of their individual convictions and how these relate to the overarching principles of their social environment. Then, during the creative activity, the student is able to assimilate these ideals, which indicates the creative project as one of the more effective ones in educational work. A foreign language in this case serves as an auxiliary tool, since it already carries within itself the value system of its own culture, which can also be subjected to analysis and compared with the students' native culture and world culture. This cultivates in students the quality of tolerance, which will allow them to interact effectively in a multicultural world.

References

FGOS – Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart srednego obshchego obrazovaniya : utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 17 maya 2012 g. № 413 : [sajt]. – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (data obrasheniya: 06.03.2026).

Mazneva Yu.A. Opyt ispol'zovaniya metoda proektov v obuchenii inostrannomu yazyku // Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v obrazovatel'nom processe neyazykovogo vuza : sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Irkutsk, 25 oktyabrya 2018 g.) / otvetstvennyj redaktor T.S. Karimova. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018. – S. 68-72.

Novoselova D.A. Cennostnye orientiry s pozicij aksiologicheskoy lingvistiki // E-Scio. – 2019. – № 12 (39). – S. 110-117.

Vedeneeva A.O. Aksiologicheskij podhod kak osnova formirovaniya cennostnogo otnosheniya k inoyazychnoj kommunikacii / A.O. Vedeneeva, O.V. Lesher, O.A. Vedeneeva // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2024. – № 84-3. – S. 94-96.

Yazykova N.V. Aksiologiya lingvoobrazovaniya: konceptual'nye aspekty i tekhnologicheskie resheniya // Ekologiya yazyka. Mono- i mezhkul'turnaya kommunikativnaya praktika : materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Ulan-Ude, 28–30 sentyabrya 2023 g.) / nauchnyj redaktor P.P. Dashinimaeva, otvetstvennyj redaktor T.I. Garmaeva. – Ulan-Ude: Buryatskij gosudarstvennyj universitet imeni Dorzhi Banzarova, 2023. – S. 11-16.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Л. КЭРРОЛА «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ» И В.Г. ГУБАРЕВА «КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ»

***Ширкова Анастасия Александровна,**
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: **Огнева Елена Анатольевна,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация: в статье рассматривается аксиологический подход как способ формирования системы ценностных ориентаций личности, что входит в требования ФГОС. В работе доказывается эффективность творческого проекта в реализации аксиологического подхода на примере проекта-писем по произведениям Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и В.Г. Губарева «Королевство кривых зеркал». Автором описаны этапы проведения проекта, а также сделаны выводы, свидетельствующие об эффективности данной формы работы как способа реализации аксиологического подхода.

Ключевые слова: аксиологический подход, ценностные ориентации, проектная деятельность, творческий проект, ФГОС.

НАУЧНЫЕ УСПЕХИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

РОЛЕВОЙ ПРОМПТ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ DEEPSEEK В ФОРМАТЕ «ЭКЗАМЕНАТОР – УЧЕНИК»

*Волкова Анна Евгеньевна,
студент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Огнева Елена Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассмотрено применение ролевого промпта в формате «экзаменатор – ученик» на базе китайской нейросети DeepSeek в качестве средства развития диалогической речи старшеклассников. Представлены результаты апробации данной модели на занятиях с учащимися. Выявлены условия эффективности применения ролевого промпта. Показано, что DeepSeek обладает значительным лингводидактическим потенциалом для организации интерактивного речевого взаимодействия в формате диалога-интервью, имитирующего экзаменационную ситуацию.

Ключевые слова: ролевой промпт, диалогическая речь, DeepSeek, искусственный интеллект в образовании, экзаменатор, старшеклассники, иноязычная коммуникация.

Современный этап развития методики преподавания иностранных языков характеризуется активным поиском эффективных инструментов для формирования коммуникативной компетенции обучающихся. Особую значимость приобретает развитие диалогической речи как основы успешного межличностного и академического общения. Для успешной подготовки к ЕГЭ по иностранному языку крайне необходимо развивать навык диалога-интервью в формате «экзаменатор – ученик», что требует не только владение языком, но и быстрой реакции на вопросы, умения четко аргументировать свою позицию и соблюдение социально-культурных норм общения [Соловова, 2010, с. 135].

Генеративные нейросети открывают новые возможности для моделирования интерактивного речевого взаимодействия. По мнению П.В. Сысоева, внедрение ИИ технологий в языковое обучение способствует персонализации обучения и созданию аутентичной языковой среды [Сысоев, 2025, с. 60]. Однако, несмотря на высокие показатели релевантности, контекстной устойчивости и адаптивности китайской языковой модели DeepSeek, вопрос методического применения для развития диалогической речи старшеклассников не проработан.

В статье представлен опыт работы с применением ролевого промпта «экзаменатор – ученик» на основе языковой модели DeepSeek и направлен на выявление условий наибольшей эффективности. Полученные цифровые эмпирические данные призваны стать основанием для последующего теоретического обобщения в рамках более масштабного исследования лингводидактического потенциала DeepSeek.

Исследование проводилось на базе МБОУ «СОШ №1 г. Строитель» в период с февраля по март 2026 года. В эксперименте приняли участие 12 обучающихся 10-го класса с уровнем владения английским языком от A2 до B2 по общеевропейской шкале CEFR. Выборка была разделена на две группы: экспериментальную (n=6), работавшую с DeepSeek по разработанному сценарию, и контрольную (n=6), занимавшуюся по традиционной методике с преподавателем в роли экзаменатора.

На первом этапе был разработан и адаптирован ролевой промпт для DeepSeek, задающий модель поведения «экзаменатор» в формате устной части ЕГЭ по английскому языку.

Промпт включал: 1) описание роли (строгий, но доброжелательный экзаменатор); 2) структуру взаимодействия (приветствие, серия вопросов по заданной теме, уточняющие вопросы, завершение диалога); 3) критерии оценки (беглость, грамматическая корректность, лексическое разнообразие); 4) требование предоставлять обратную связь после каждого ответа.

На втором этапе в течение трех занятий (по 20 минут на каждого ученика) участники экспериментальной группы взаимодействовали с DeepSeek в режиме диалога. Тематика вопросов соответствовала кодификатору ЕГЭ: «Семья и дружба», «Школьная жизнь», «Выбор профессии». Каждое взаимодействие фиксировалось с помощью функции записи диалога, после чего проводился анализ ошибок, времени реакции и степени развернутости ответов.

На третьем этапе было проведено анкетирование участников экспериментальной группы для выявления субъективного восприятия взаимодействия с ИИ, а также сравнительный анализ результатов диалогической речи с контрольной группой.

Анализ полученных данных позволяет выделить ряд значимых результатов.

1. Динамика показателей диалогической речи в экспериментальной группе.

Участники экспериментальной группы продемонстрировали положительную динамику по всем оцениваемым параметрам. Средняя продолжительность ответа увеличилась с 22 секунд (первое занятие) до 41 секунды (третье занятие). Количество грамматических ошибок на 100 слов сократилось в среднем с 8,4 до 3,2. Наиболее заметный прогресс наблюдался у учащихся с уровнем B1: они стали активнее использовать вводные конструкции (in my opinion, it seems to me, from my perspective) и сложносочиненные предложения.

Примечательно, что ученики с уровнем A2 демонстрировали менее выраженную динамику: несмотря на рост мотивации, они испытывали трудности с пониманием некоторых уточняющих вопросов DeepSeek и нуждались в дополнительной опоре (карточки с клише). Это позволяет предположить, что эффективность ролевого промпта напрямую зависит от базового уровня языковой подготовки обучающегося, что согласуется с выводами, полученными в исследовании Ю.Г. Андриановой [Андрианова, 2025, с. 43].

2. Значимость качества инструкции (промпта).

В ходе эксперимента была выявлена критическая зависимость качества взаимодействия от первоначальной настройки промпта. Первоначальная версия промпта (без требования предоставлять обратную связь после каждого ответа) приводила к тому, что DeepSeek генерировал следующий вопрос, не комментируя качество предыдущего ответа, что снижало обучающий потенциал взаимодействия. После уточнения инструкции («после каждого ответа ученика давай краткую обратную связь: отметь, что было хорошо, укажи 1–2 ошибки и дай рекомендацию») характер взаимодействия качественно изменился. Персонализированные комментарии, полученные учащимися, способствовали идентификации и оперативной коррекции имеющихся дефицитов в рамках диалогического взаимодействия. Это подтверждает, что эффективность образовательного взаимодействия с генеративными нейросетями напрямую определяется качеством составленного промпта.

3. Условия эффективности применения ролевого промпта.

Обобщение полученных данных позволяет выделить три ключевых условия эффективности:

а) уровень языковой подготовки ученика. Ролевой промпт «экзаменатор – ученик» наиболее эффективен для обучающихся с уровнем не ниже A2+ (по CEFR). Ученики с более низким уровнем испытывают когнитивную перегрузку при попытке одновременно понимать речь ИИ, формулировать ответ и отслеживать обратную связь. Этот вывод коррелирует с результатами исследований, посвященных дифференцированному подходу

в обучении иностранным языкам с использованием цифровых инструментов [Черкасова, 2024, с. 1241].

б) качество инструкции. Промпт должен содержать четкое описание роли, структуры взаимодействия, критериев оценивания и, что особенно важно, формата обратной связи. Недостаточно специфицированный промпт приводит к снижению обучающего потенциала и превращению взаимодействия в формальное «вопрос-ответ».

в) наличие структурированной обратной связи. Как показали результаты, обучающий эффект достигается не столько за счет практики говорения как таковой, сколько за счет рефлексивного компонента: ученик получает возможность увидеть свои ошибки и получить рекомендации по их исправлению в режиме реального времени. Как отмечают зарубежные исследователи, именно наличие своевременной и релевантной обратной связи является ключевым фактором успешности использования диалоговых систем в обучении [Hattie, 2009, p. 218].

3. Субъективное восприятие участников.

Анкетирование показало, что 83% участников экспериментальной группы оценили взаимодействие с DeepSeek как полезное и мотивирующее. Среди преимуществ респонденты отмечали: отсутствие психологического барьера («не страшно ошибиться, потому что это не учитель»), возможность работать в индивидуальном темпе, мгновенную обратную связь. В то же время 50% опрошенных указали, что взаимодействие с ИИ не может полностью заменить живого общения с преподавателем, особенно в части эмоциональной поддержки и гибкого реагирования на непредвиденные ситуации. Эти данные согласуются с выводами о том, что искусственный интеллект следует рассматривать как дополнительный инструмент, а не замену учителя.

4. Сравнительный анализ с контрольной группой.

Итоговый срез зафиксировал различия между двумя группами. Параметр «Беглость речи» в экспериментальной группе выше на 18 %, чем в контрольной группе. Параметр «Лексическое разнообразие» в экспериментальной группе выше на 14 %, чем в контрольной группе. Однако, по параметру «Грамматическая корректность» не выявлено особых различий, возможно из-за краткосрочности эксперимента и требует дальнейшего изучения.

Исследование показало, что ролевой промт формата «экзаменатор – ученик» в DeepSeek эффективно развивает навыки диалогической речи у старшеклассников. Ролевой промт действительно работает при условии грамотной проработки промта с соответствием уровня владения иностранным языком, а также с учетом предоставления структурированной обратной связи. Полученные цифровые эмпирические данные не только демонстрируют перспективность, но и дают необходимую базу для более масштабных исследований, например, исследование по разработке методик с использованием генеративных нейросетей в обучении устной речи.

В перспективе дальнейших действий стоит создать типологии ролевых промтов для разных коммуникативных ситуаций, таких как: опрос, побуждение к действию, обмен мнениями. Безусловно, практические рекомендации для учителей иностранного смогут помочь системно интегрировать модель DeepSeek в школьные уроки и обогатить образовательный процесс.

Список литературы

Андрианова Ю.Г. Ролевые игры на занятиях по иностранному языку как средство совершенствования лингвистической подготовки, социализации в иной лингвокультуре и способ психологической релаксации // МНКО. – 2025. – № 3 (112). – С. 41-44.

Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 4-е изд. – М.: Просвещение, – 2010. – 240 с.

Сысоев П.В. Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков: работы российских учёных // Просвещение. Иностранные языки, – 2025. – № 1. – С. 56-68.

Черкасова Е.А. Эксперимент по дифференцированному обучению студентов технического вуза английской грамматике посредством учебного взаимодействия с чат-ботом с генеративным ИИ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, – 2024. – Т. 29. – № 5. – С. 1239-1247.

DeepSeek: официальная документация и руководства для разработчиков. – URL: <https://deepseek.ai/docs> // (дата обращения: 03.03.2026).

Hattie J. Visible Learning: A Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement. – London: Routledge, – 2009. – P. 210-228.

ROLE PROMPT AS A MEANS OF DEVELOPING DIALOGICAL SPEECH IN HIGH SCHOOL STUDENTS: THE EXPERIENCE OF USING DEEPSEEK IN THE “EXAMINER – STUDENT” FORMAT

Volkova Anna Evgenieva,

*Student of the Department of Foreign Languages
of the Faculty of Foreign Languages*

of the Pedagogical Institute of the Belgorod State University “BelSU”,

scientific supervisor: Ogneva Elena Anatolievna,

Doctor of Philology, Professor,

Head of the Department of Foreign Languages

of the Faculty of Foreign Languages

of the Pedagogical Institute of the Belgorod State University “BelSU”,

Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the use of a role-playing prompt in the “examiner – student” format based on the Chinese neural network DeepSeek as a means of developing dialogic speech in high school students. The results of testing this model in classes with students are presented. The conditions for the effectiveness of using a role-playing prompt are identified. It is shown that DeepSeek possesses significant linguodidactic potential for organizing interactive speech interaction in the format of an interview dialogue simulating an examination situation.

Key words: role prompt, dialogical speech, DeepSeek, artificial intelligence in education, examiner, high school students, foreign language communication.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА GUUGU YIMITHIRI И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Вострейкин Данил Геннадьевич,

*студент кафедры русского языка и литературы факультета высшей школы
гуманитарных наук Павлодарского педагогического*

университета имени А. Маргулана,

научный руководитель: Суюнова Гульнара Сейльбековна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы
факультета высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического*

университета имени А. Маргулана,

г. Павлодар, Казахстан

Аннотация. Работа посвящена сравнению систем пространственной ориентации в языках с абсолютной и относительной структурой, а также их влиянию на когнитивные процессы и ментальные привычки. В ней рассматривается, как языковые различия формируют способы восприятия и описания пространства и какие культурные и психологические последствия это имеет. Особо подчеркивается, что, несмотря на различия,

все языковые системы являются функционально равнозначными и адаптированы к условиям конкретных культур. В связи с этим указывается на важность понимания подобных различий для межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: гипотеза Сепира-Уорфа, Guugu Yimithirr, абсолютная система отсчета, относительная система отсчета, русский язык, межкультурная коммуникация.

Язык как функциональный инструмент имеет множество назначений и способов применения. Если говорить о последних, то существует абстрактный, невербальный язык, не имеющий никакой связи с речевым аппаратом, но заключающий в себе коммуникативную функцию, например, язык жестов. Также существует вербальный язык, материализуемый звуком. Такая речь, воспроизводимая звуком, несомненно, многократно превосходит невербальный язык по уровню сложности заложенных и выражаемых мыслей.

Сложность эта может состоять и в том, что когнитивная и умственная составляющие отдельного субъекта, его жизненный и культурный опыт, уровень осознанности могут разительно отличаться от аналогичных характеристик его собеседника.

Особенно показательное различие в восприятии реальности мы находим в строгом языковом различии, которое может быть связано с разными грамматическими системами, историческими связями, политическими, культурными и географическими влияниями. Подобное различие существует между русским и Guugu Yimithirr языками. Последний язык имеет множество вариантов произношения на лад русского языка, но мы выберем для облегчения чтения и написания наименование гугуйимиджир, которое чаще всего используют этнологи для описания этого языка.

Гугуйимиджир – язык аборигенов из штата Квинсленд в Австралии с общим количеством говорящих около 1000 человек, имеет статус вымирающего языка. У этого вымирающего, малоизвестного языка есть удивительная особенность, которая может быть с трудом осмыслена средним носителем русского языка. Эта особенность заключается в восприятии реальности, в частности, пространства. Подобное явление отсылает нас к гипотезе лингвистической относительности («гипотеза Сепира-Уорфа»), которая предполагает, что язык напрямую влияет на человеческое познание, поведение и миропонимание. В данной статье мы рассматриваем эту гипотезу как абсолютную мысль, которая поможет нам сравнить русский язык и Гугуйимиджир с точки зрения способов передачи пространственных отношений.

Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа утверждает, что структура языка влияет на мышление и восприятие мира. Современные исследования в области когнитивной антропологии подтвердили, что языковые категории могут формировать специфические стратегии познания и помогают лучше ориентироваться в пространстве и описывать его [Boroditsky, 2009].

Так, британский ученый С. Левинсон, известный своими исследованиями культуры и языка, отмечает, что «потребность выражать мысли языком, закодированным в определенных семантических параметрах, может приводить к глубокой специализации ума» [Levinson, 2003, с. 291]. Это означает, что при регулярном использовании языка с фиксированной системой координат формируется определенный стиль мышления. Подобные экспериментальные и исследовательские работы поддерживают идею влияния языка на пространственное мышление и развивают интерес к гипотезе Сепира-Уорфа.

Пространственная ориентация и пространственное мышление

Пространство есть вещь, пропитанная относительностью и эгоцентризмом, как утверждал И. Кант [Кант, с. 27]. Он считал, что стороны («лево-право», «вперед-назад», «верх-низ») априори привязаны к телу человека и не изменяются, являются единственными. Однако Стивен Левинсон отмечает, что подобное представление о пространстве игнорирует возможность других систем отсчета: «Подумайте, где вы оставили очки. Конечно же, они были справа от телефона! Это тот вид повседневного маркирования пространственного положения, который мы используем. Но некоторые люди в других

культурах думают иначе о той же ситуации: они бы маркировали очки как находящихся слева от телефона или даже к северо-востоку от него» [Levinson, 2004, с. 110]. Он вводит следующие понятия на примере трех типов координатных систем для описания расположения объектов:

1. Абсолютная система отсчета – базируется на неизменных ориентирах (север/юг, запад/восток). В такой системе направления не меняются при повороте говорящего.

2. Относительная система отсчета – опирается на координатную плоскость, связанную с телом говорящего (лево/право, вперед/назад).

3. Внутренняя система отсчета – локальное положение у какого-либо объекта («тарелка у края стола»).

Данные системы отсчёта в пространстве знакомы каждому носителю развитого языка. Наиболее привычными являются относительная и внутренняя системы, так как они используются ежедневно в обыденной коммуникации. Абсолютная же система отсчёта для среднестатистического носителя европейского языка, включая и русский, встречается значительно реже.

Пространственные ориентиры в языке гугуйимиджир

Особенность языка гугуйимиджир заключается в том, что его носители повсеместно используют абсолютную систему отсчёта для описания объектов и событий в пространстве вокруг себя. В отличие от русскоязычных, они ориентируются исключительно по сторонам света даже в самых простых ситуациях, не употребляя понятия «лево/право» или «вперёд/назад» для обозначения объектов в пространстве. Это различие не просто отражает особенности языка, но и формирует специфический когнитивный стиль мышления: мир воспринимается сквозь координаты абсолютных направлений, а не через субъективную перспективу наблюдателя.

Похожее явление встречается и в других малоизвестных и закрытых языках. Например, у языка майя цельталь понятия «лево/право» используются крайне редко [Серигов, 2011, с. 63].

Джон Хэвиленд, лингвист-антрополог из США, подчеркивает, что «система гугуйимиджир, по-видимому, принимает в качестве своих примитивов глобальные геоцентрические координаты, которые не зависят от конкретного местного, фиксированы Землей (и, возможно, Солнцем) и не подвержены вращению наблюдателей или объектов отсчета» [Naviland, 1998, с. 2].

Стивен Левинсон утверждает, что носители гугуйимиджир мыслят расположением себя внутри пространства, а не расположением пространства вокруг них, подтверждая это использованием абсолютных направлений. В экспериментальных заданиях Хэвиленда носители гугуйимиджир представляли информацию о пространстве в абсолютных понятиях, которые согласуются с их языком.

Пространственные ориентиры в русском языке и сравнение с Guugu Yimithirr

В русском языке доминируют относительные категории для обозначения пространства: «влево/вправо», «вперед/назад», «вверх/вниз» и их синонимичные варианты («справа/слева», «сзади/спереди»). Эти понятия априори связаны с положением тела говорящего. Именно таким образом дети осваивают ориентацию в пространстве. Русский язык не имеет грамматически встроенных абсолютных обозначений.

В реальной речи русскоязычные обычно ориентируются относительно собственного взгляда или видимых ориентиров. Номинации сторон света в русском языке обладают сравнительно низким коннотативным потенциалом и встречаются главным образом в научном контексте [Бабенко, 2021, с. 49-57], например, в географии, картографии или других смежных науках, но практически никогда не применяются в повседневных ситуациях. В целом ориентация «от себя» и опора на видимые ориентиры соответствует культурному опыту носителей русского языка: они привыкли оценивать пространство через собственную перспективу, а не через фиксированные внешние координаты.

В эксперименте Хэвиленда, о котором упоминалось ранее, участвовала и вторая группа, состоящая из носителей нидерландского языка. Точно так же, как и в русском, нидерландцы маркировали пространственную информацию в виде относительных ориентиров («лево/право»). Подобное наблюдение свидетельствует о когнитивном следствии языковой специфики. Описание пространства в большинстве языках, в том числе в русском, происходит относительно себя, носители же гугуйимиджир не только не используют относительные ориентиры, но и имеют в себе «встроенный компас», определяющий точное направление стороны света.

Преобладание относительной системы отсчёта в русском языке сказывается на способности к ориентации за пределами собственного эгоцентрического пространства. Исследования показывают, что носители языков с релятивной доминантой хуже сохраняют ориентацию при перемещениях и чаще допускают ошибки или путаются, когда описывают объекты, находящиеся возле них [Levinson, 1997, с. 120-122]. Более того, носители языка гугуйимиджир успешно определяли все стороны света независимо от положения.

Говоря на русском языке, человек скажет не «стакан стоит к западу от меня», а «стакан стоит слева от меня». Система гугуйимиджир и русского языков – это два разных полюса пространственной ориентации. Русскоговорящие ориентируются по собственной позиции или по локальным объектам: «слева от стакана», «справа от шкафа». Такой подход влияет и на когнитивную составляющую человека, о чем говорилось ранее. Представители «абсолютных» языков ориентируются значительно точнее и увереннее, чем носители «относительных» языков, как, например, русский, особенно, если речь идет об ориентации в незнакомом месте. В результате у говорящего на гугуйимиджир вопрос «в какой стороне света находится объект?» является естественным, а у русского – нет. При решении подобных задач эти языковые привычки приводят к разному поведению.

Язык и когнитивный стиль

Наблюдаемые различия хорошо укладываются в рамки гипотезы Сепира–Уорфа. Для носителей гугуйимиджир язык буквально встроен в процесс ориентации, заставляя их непрерывно держать в уме компас, у носителей русского такой языковой «подсказки» нет. Левинсон приходит к выводу, что даже пространственное мышление является приобретенным, а не врожденным. Вместо того, чтобы исходить из биологически заданного понятия пространства, дети быстро усваивают систему, используемую в их культуре.

Две пространственные системы – относительная и абсолютная – равнозначны в отношении повседневного использования, однако имеют некоторые особенности. Относительная система, русского языка, согласуется с повседневными задачами русскоговорящего человека и не требует обязательного знания сторон света. Для пользователей относительной системы достаточно обозначит точку наблюдения, о которой идет речь. В такой простоте и есть преимущество данной системы, но есть и весомый недостаток в случаях, когда координата значительно меняется в зависимости от положения: «лево» может превратиться в «право» и наоборот. Абсолютная же система (гугуйимиджир) согласуется с конкретными, неизменяемыми обозначениями, которые независимы от положения говорящего – это явная отличительная особенность и преимущество. Но есть и недостаток, представляющий собой возможность высокой когнитивной нагрузки для неопытного пользователя данным способом координации: говорящий и слушатель должны постоянно знать, где находятся стороны света. Стоит заметить, что при долгосрочном использовании абсолютной системы такая навигация перестает быть «нагрузкой».

Язык-ориентация находит отражение в культуре и мировоззрении. У носителей абсолютных языков обычно распространены образы солнца и звезд, связанные со сторонами света: названия хождений солнца, ритуалы, привязанные к направлениям. Например, у носителей гугуйимиджира традиционные рассказы и указания маршрута опираются на ориентиры типа «северо-восток», «юг». В языках-родственниках и племени цацаль культ «сторон света» интегрирован в представление о времени – так, при

экспериментальной раскладке карточек аборигены укладывали их вдоль оси «восток–запад» [Boroditsky, 2009], в то время как русские укладывали «слева–направо» по своим привычкам письма.

Культурные стереотипы русского языка ориентируются иначе: «левое» и «правое» в русском языке часто ассоциируются с моральной оценкой и очень тесно связаны с этимологией. Например, «правый» – как что-то положительное – происходит от старославянского «правъ», что в прямом значении и обозначало «прямой, правильный, правый, хороший»; «левый» связан с культурной историей: Библия, где грешники стояли по левую руку в Страшном суде; народные поверья, где товар бывает «левым», то есть плохим; «пойти налево» – изменить, но это всё не имеет прямой связи с реальной ориентацией. Таким образом, способы пространственного описания влияют на образы мира – абсолютные языки акцентируют глобальные координаты, а относительные – фокусируются на субъективной перспективе и локальных отношениях.

Критика гипотезы Сепира-Уорфа

Сегодня большинство учёных не разделяют радикальное размышление о гипотезе Сепира–Уорфа, согласно которой язык полностью определяет мышление. Такая крайняя позиция предполагает, что человек не может мыслить иначе, чем позволяет его родной язык. Но современные исследования показывают: влияние языка есть, однако оно не является абсолютным.

Например, Дэн Слобин, американский психолингвист, предложил идею «мышления для говорения». Он утверждал, что язык направляет наше внимание и формирует привычный способ описывать мир именно в момент речи, когда мы готовим слова и предложения [Slobin, 1996, с. 195-219]. Но это не значит, что без языка мы совсем не способны мыслить – скорее язык помогает выбрать привычный «угол зрения». Критики «детерминизма», например, С. Пинкер, отмечали, что многие эксперименты можно объяснить не различиями в мышлении, а особенностями самой речевой задачи [Pinker, 1994]. В опытах люди часто используют внутреннее проговаривание, и это делает язык более заметным, чем в обычных невербальных ситуациях.

Таким образом, хотя различия между русским и гугуйимиджир в способах описания пространства очевидны, многие исследователи считают, что язык влияет прежде всего на «контекст речи». В плоскости зрительного и телесного восприятия мышление остается универсальным.

Все эти различия соотносятся не только с лексикой и грамматикой языка, но и формируют новые привычки, связанные с психическим восприятием: формулируя речь, человек прибегает к тем конструкциям, которые закреплены в его языке, что, соответственно, не может быть оценено как «лучшая» или «худшая» система.

Подобное понимание помогает лучше узнавать и изучать межкультурные особенности, которые могут привести к продуктивной коммуникации между носителями разных языков. Это равным образом может быть применено в практике преподавания иностранных языков: знание того, как пространство воспринимается на уровне языка, помогает быстрее адаптироваться к иному когнитивному типу. Учет языковых и когнитивных различий позволяет создавать точные переводы и многоуровневые стратегии коммуникации в многоязычной среде.

Список литературы

Бабенко И.И. Номинации сторон света в китайской и русской лингвокультурах / И.И. Бабенко, Х. Ван // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – №3. – С. 49-57.

Кант И.О первом основании различия сторон в пространстве // filosof.history.ru : электронная библиотека по философии : сайт. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000515/st009.shtml> (дата обращения 26.08.2025).

Сериков А.Е. Культурный релятивизм, лингвистическая относительность и пространственная семантика // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2011. – № 2 (10). – С. 63.

Boroditsky L. How does our language shape the way we think? // edge.org : сайт. – URL: https://cognitionandculture.net/wp-content/uploads/HOW-DOES-OUR-LANGUAGE-SHAPE-THE-WAY-WE-THINK_-_Edge.org_.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

Can language restructure cognition? The case for space / A. Majid, M. Bowerman, S. Kita, D.B.M. Haun, S.C. Levinson // Trends in Cognitive Sciences. – 2004. – № 8 (3). – P. 108-114.

Haviland J.B. Guugu Yimithirr Cardinal Directions // Ethos. – 1998. – № 26 (1). – P. 9.

Levinson S.C. Language and Cognition: The Cognitive Consequences of Spatial Description in Guugu Yimithirr // Linguistic Anthropology. – 2008. – №7 (1). – P. 110.

Levinson S.C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 63 p. – ISBN 9780511613609.

Pinker S. The Language Instinct. – London: Penguin, 1994. – 494 p.

Slobin D.I. Two ways to travel: Verbs of motion in English and Spanish // Grammatical Constructions: Their Form and Meaning / eds. M. Shibatani, S. Thompson. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 195-219.

THE INFLUENCE OF LANGUAGE ON SPATIAL PERCEPTION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF GUUGU YIMITHIRR AND RUSSIAN

Vostreykin Danil Gennadyevich,

*Bachelor's student, Department of Russian Language and Literature,
Higher School of Humanities,*

A. Margulan Pavlodar Pedagogical University,

Academic supervisor: Suyunova Gulnara Seilbekovna,

*Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian
Language and Literature, Higher School of Humanities,*

A. Margulan Pavlodar Pedagogical University,

Pavlodar, Kazakhstan

Abstract. This paper focuses on the comparison of spatial orientation systems in languages with absolute and relative structures, as well as their impact on cognitive processes and mental habits. It examines how linguistic differences shape the perception and description of space, along with the cultural and psychological implications this entails. Particular attention is given to the fact that, despite these differences, all systems are functionally equivalent and adapted to the specific conditions of their respective cultures. The article emphasizes the importance of understanding these differences for intercultural communication.

Key words: Sapir-Whorf hypothesis, Guugu Yimithirr, absolute frame of reference, relative frame of reference, Russian language, intercultural communication.

НЕЙРОСЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ АУДИТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Выглазов Артём Алексеевич,

бакалавр кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ»,

научный руководитель: Мусаелян Елена Николаевна,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается, как технологии нейросетей могут быть использованы для улучшения аудитивных компетенций на уроках английского языка в старших классах. Приводятся в пример такие современные инструменты искусственного интеллекта, как чат-боты, интерактивные приложения и сервисы для создания аудиоконтента. Особое внимание уделяется практическим аспектам включения нейросетей в процесс обучения. Сделан вывод о том, что использование нейросетей способствует как цифровизации образования, так и росту и развитию индивидуальных навыков учащихся.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, аудирование, английский язык, цифровизация образования, интерактивные приложения, персонализация обучения.

В современный период вопрос о цифровизации образования является очень актуальным по причине необходимости повышения эффективности учебного процесса. Существуют различные способы внедрения новых технологий в образование. Одним из наиболее перспективных направлений развития образовательных технологий является применение нейросетей и систем искусственного интеллекта. Особенно актуальным это направление является в процессе обучения иностранным языкам, где цифровые инструменты способны значительно расширить возможности преподавания и повысить мотивацию обучающихся.

В ходе изучения иностранного языка важно находить баланс между освоением различных навыков. «Существует четыре вида речевой деятельности: чтение, письмо, аудирование и говорение» [Золотов, 2025, с. 1353]. Одним из наиболее сложных видов речевой деятельности при изучении иностранного языка часто выступает аудирование, так как данная компетенция предполагает способность воспринимать и понимать устную речь на слух, что требует развитых фонетических, лексических и грамматических компетенций.

Так, для решения задачи, обучения детей аудированию, можно прибегнуть к «применению нейросетевых технологий, которые открывают новые возможности для создания персонализированные задания, адаптивного обучения интеграции мультимедийных материалов» [Нужда, 2025, с. 190].

Нейросетевые технологии в обучении старшеклассников применяются по нескольким ключевым направлениям, причём каждое из них ориентировано на решение конкретных задач и преодоление определённых трудностей в восприятии речи. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Прежде всего, речь идёт о чат-ботах на базе искусственного интеллекта - таких как ChatGPT, Grok, DeepSeek, GigaChat и аналогичных системах. Эти модели позволяют генерировать упражнения, направленные на развитие навыков аудирования; кроме того, ряд из них поддерживает распознавание устной речи, формирует ответы на запросы учащихся и ведёт полноценные диалоги в аудиоформате. Дополнительно преподаватель может задействовать веб-ресурсы с функцией синтеза речи (TTS), используя в качестве основы материалы, созданные чат-ботом. Благодаря такому подходу задания легко адаптируются под разные уровни владения иностранным языком у обучающихся.

В качестве ещё одного примера целесообразно рассмотреть программные решения на базе искусственного интеллекта, включающие виртуального собеседника. Так, приложение «Praktika» позволяет моделировать условия реального общения и совершенствовать навыки ведения диалога с иноязычным собеседником. Для этого используется реалистичный аватар на основе нейросети, так учащиеся могут выбрать тему (например «кафе», «отель», «больница» и т.д.), слушать реплики на иностранном языке и отвечать персонажу, получая мгновенную оценку произношению и пониманию беседы. Данный инструмент, значительно повышает мотивацию, так как присутствует эффект «живой беседы» и уменьшается беспокойство, которые бывает при обычном прослушивании аудирования.

Третьим примером, может выступить нейросеть позволяющая создавать собственную музыку, а именно Suno AI. Данный сайт позволяет учителю разнообразить

уроки, направленные на улучшения навыков аудирования у детей, делая их более творческими так как нейросеть позволяет создавать музыку разных жанров и ритма. «Учитель может улучшить аудирование, сделав его более активным, используя в качестве аудиоматериала разножанровые аутентичные песни» [Кириллова, 2022, с. 380]. Используя Suno AI, педагог может построить урок следующим образом: прежде чем отвечать на вопросы по прослушанному материалу, учащиеся сначала прослушивают созданную песню (желательно в два этапа: первый-для общего понимания темы и сюжета, второй- для закрепления информации, новых слов и грамматических конструкций), а затем могут сами выступить создателями музыки по заданной учителем темой. Так, традиционная модель прослушивания, которая состоит из трех частей (Pre-listening, while-listening, post-listening), дополняется творческой возможностью, что повышает мотивацию и вовлеченность учащихся, а также развивает их воображение.

Еще одним полезным ресурсом является сервис Twee, он позволяет создавать задания по эмулированию, преобразовывая текст в аудио и формируя вопросы и упражнение на заполнение пропусков в предложении.

Использование этих упражнений соответствует общепринятой структуре обучения аудированию, которая включает этапы до, во время и после прослушивания. «Преддемонстрационный этап направлен на устранение лингвистических трудностей..., демонстрационный- направлен на развитие языковых, речевых навыков..., а постдемонстрационного – на организацию творческой речевой деятельности» [Смирнова, 2024, с. 221]. Данный сервис помогает создавать разные типы заданий на всех этапах работы с аудиоматериалами. В качестве преимущества мы можем выделить экономию времени учителя, комплексный охват материала и возможность автоматической коррекции задания. К числу недостатков можно отнести ошибки речевого распознавания, свойственные искусственному интеллекту, а также ограниченный функционал сервиса в рамках бесплатного тарифа. Вместе с тем следует отметить, что Twee представляет собой перспективный инструмент, способствующий формированию аудитивных компетенций обучающихся и поддержанию их мотивации при изучении иностранного языка.

Последним примером целесообразно рассмотреть ресурсы, использующие технологии искусственного интеллекта на материале фрагментов из фильмов и сериалов. Так, приложение Ewa предлагает отрывки из кинофильмов и книг с опорой на аутентичную речь носителей языка. Учащиеся просматривают фрагмент, воспринимая естественную речь, и при необходимости могут кликнуть на незнакомое слово, чтобы получить мгновенный перевод, не нарушая целостности восприятия. Ключевое преимущество данного подхода заключается в сохранении естественного темпа и интонаций говорящих, что способствует подготовке старшеклассников к реальной коммуникации с носителями языка в повседневных ситуациях.

Подводя итог, можно сделать вывод, что использование нейросетей при обучении аудированию старшеклассников — это не просто дань времени, а действительно перспективное направление в методике. Современные сервисы на основе искусственного интеллекта позволяют адаптировать аудиоматериалы к реальному уровню учащихся, благодаря чему снимаются основные трудности восприятия речи на слух. А это, в свою очередь, закономерно ведет к росту интереса к занятиям, повышает самооценку школьников и положительно сказывается на конечных результатах.

Следующим шагом нам видится необходимым экспериментально проверить, насколько эффективны описанные подходы в практике преподавания английского языка в старших классах.

Список литературы

Золотов П.Ю. Использование нейросети SUNO AI для обучения аудированию на занятиях иностранного языка в школе // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – № 9. – С. 1353-1358.

Нужда М. А. Применение нейронных сетей в обучении английскому языку / М.А. Нужда, Т.А. Казимерчик // Символ науки. – 2025. – № 5-1. – С. 190-192.

Кириллова А.В. Обучение аудированию с использованием песенного материала в средней школе / А.В. Кириллова, Е.Н. Григорьева // Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков в свете современных исследований : Сборник научных статей XXXIII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 20–21 октября 2022 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2022. – С. 378-383.

Смирнова С.А. Использование нейросети Твее при составлении упражнений на аудирование для учащихся средней школы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2 (42). – С. 220-223.

NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF LISTENING COMPREHENSION SKILLS AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS IN ENGLISH LESSONS

Vyglyazov Artyom Alekseevich,
*student, department of foreign languages,
pedagogical institute, Belgorod national research university,
Belgorod, Russia*
scientific supervisor: Musaelian Elena Nikolaevna,
*Candidate of Pedagogy,
associate professor of the department of foreign languages,
pedagogical institute, Belgorod national research university,
Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the possibilities of applying neural network technologies for the development of listening skills in English language lessons in high school classes. Modern artificial intelligence tools are analyzed, including chatbots, interactive applications, and audio content generation services used to improve the perception of foreign-language speech. Particular attention is paid to the practical aspects of integrating neural networks into the educational process. The conclusion is drawn that the integration of neural network technologies contributes to the development and improvement of students' individual qualities as well as to the digitalization of education.

Key words: neural network technologies, artificial intelligence, listening skills, English language, digitalization of education, interactive applications, personalization of learning.

ПРАГМАТИКА ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОК-ДИСКУРСЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ТЕКСТОВ RAMMSTEIN И MÅNESKIN)

Елфимова Виктория Александровна,
*студентка факультета иностранных языков
Ярославского государственного педагогического университета
им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия,*
Хамлова Евгения Дмитриевна,
*студентка факультета иностранных языков
Ярославского государственного педагогического университета
им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия,*
научный руководитель: Шкапова Александра Васильевна,
*старший преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка
Ярославского государственного педагогического университета
им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия*

Аннотация. В статье исследуется специфика реализации речевых актов побуждения в современном рок-дискурсе. На материале текстов немецкой группы Rammstein и итальянской группы Måneskin проводится сопоставительный прагматический анализ императивных высказываний. Выявляются лингвокультурные особенности выражения приказа и призыва, а также механизмы конструирования коммуникативной дистанции между исполнителем и аудиторией.

Ключевые слова: рок-дискурс, прагматика, речевой акт, побуждение, императив, межкультурная коммуникация.

В последние годы фокус лингвистических исследований заметно сместился в сторону изучения песенного дискурса. Тексты песен сегодня рассматриваются не просто как слова, положенные на музыку, а как сложный феномен, где вербальная составляющая тесно переплетается с ритмом и социальным контекстом. Изучение прагматики рок-поэзии представляет особый интерес, поскольку именно этот жанр традиционно ассоциируется с нонконформизмом и поиском нестандартных форм диалога со слушателем.

Помимо сугубо теоретической значимости, результаты нашего анализа могут найти применение в педагогической практике (лингводидактике). Использование аутентичных рок-текстов на уроках иностранного языка отлично мотивирует современных школьников и студентов. Анализ подобных композиций позволяет не только изучать грамматику (в нашем случае – повелительное наклонение), но и помогает учащимся лучше понять живой культурный контекст изучаемого языка – немецкого или итальянского.

Любое взаимодействие рок-музыканта с аудиторией строится на базе речевых актов. Опираясь на классические труды Дж. Остина, мы рассматриваем высказывание как действие, направленное на достижение конкретной цели [Остин, 1986, с. 22]. В фокусе настоящего исследования находятся речевые акты побуждения (директивы). Изучение императивности традиционно сопряжено с теорией вежливости, где прямая просьба или указание выступают в роли акта, угрожающего «социальному лицу» собеседника [Brown, 1987, с. 65]. В повседневном этикетном общении это требует применения сглаживающих дискурсивных стратегий и смягчающих конструкций. Однако специфика выражения директивов в рок-культуре принципиально иная: императивы здесь намеренно лишены этикетных рамок. Семантика и прагматика повелительного наклонения в песенном рок-дискурсе используются для создания эффекта жесткого воздействия, манифестации воли или эмоционального призыва. В текстах песен императивы выполняют роль прямого прагматического давления, транслируя либо агрессивный диктат, либо социальный протест и отстаивание личных границ.

Материалом для сопоставительного анализа послужили тексты композиций двух всемирно известных коллективов: немецкой индастриал-метал группы Rammstein и итальянской рок-группы Måneskin. Выбор данных музыкальных проектов обусловлен их статусом глобальных культурных феноменов, продвигающих исполнение на родных языках, а также ярко выраженной асимметрией их коммуникативных стилей. Цель работы заключается в выявлении прагматических особенностей и лингвокультурных стратегий использования императивных высказываний в текстах указанных групп.

Чтобы подтвердить частотность использования императивов, мы провели небольшой количественный анализ отобранного материала. Цифры наглядно показывают, насколько важна эта грамматическая категория для рок-музыкантов. Например, в песне немецкой группы Rammstein «Ich tu dir weh» (44 строки) мы насчитали 8 побудительных конструкций, что составляет порядка 18 % текста. Аналогичную картину можно наблюдать и у итальянской группы Måneskin: в их хите «Torna a casa» (50 строк) императив звучит 17 раз – это 34 % всего вербального объема. Такие данные доказывают, что повелительное наклонение в рок-музыке выступает не просто как вариант грамматической нормы, а работает как ключевой прагматический и стилистический стержень композиции, независимо от того, какой именно посыл транслирует автор.

В лирике *Måneskin* речевые акты побуждения демонстрируют широкую вариативность коммуникативных интенций: от эксплицитной просьбы о поддержке до коммуникативного вызова и предупреждения. Значительный пласт императивов репрезентирует просьбу, адресованную близкому человеку. В строке *Marlena, torna a casa, che il freddo qua si fa sentire* («Марлена, вернись домой, ведь здесь холодно» – здесь и далее пер. авт.) [Måneskin. *Torna a casa*, 2018] используется прямой императив второго лица единственного числа *torna* («вернись»). Высказывание лишено агрессивной побудительности; его прагматическая функция сводится к усиленной просьбе. Схожая семантика делегирования контроля наблюдается во фразе *Portami a casa che mi spaventa l'inverno* («Отвези меня домой, меня пугает зима») [Måneskin. *Torna a casa*, 2018], где глагол *porta* («отнеси/отвези») с энклитикой *mi* («меня») фиксирует коммуникативную зависимость адресанта от адресата. Настойчивость запроса конструируется через многократный повтор прямого императива *di'* («скажи») с энклитикой: *Dimmi le tue verità* («Скажи мне свою правду») [Måneskin. *Coraline*, 2021]. Форма просьбы-разрешения реализуется в строке *Lasciami credere che questo sia reale* («Позволь мне поверить, что это реально») [Måneskin. *Le parole lontane*, 2018], где глагол *lascia* («позволь») оформляет запрос на сохранение желаемого положения вещей.

Иная прагматическая стратегия обнаруживается, когда императив направлен к социуму или внешним оппонентам. В данном контексте повелительное наклонение выступает маркером нонконформизма. В строке *Guarda mentre volo in alto* («Смотри, пока я лечу высоко») [Måneskin. *Il dono della vita*, 2023] императив *guarda* («смотри») функционирует как акт конфронтации, фиксирующий позиционное превосходство лирического героя над адресатом.

В текстах группы *Rammstein* императив также является ключевым прагматическим инструментом. Прямые императивы, репрезентирующие требование, адресованное высшей силе, представлены в строке *Zeig dich!* («Покажись!») [Rammstein. *Zeig dich*, 2019]. Здесь используется прямой императив второго лица единственного числа *zeig* («покажи»). Прагматическая функция высказывания – требование прозрачности и ответственности от божественной сущности. Императив обращен к скрывающемуся Богу, что в контексте критики институциональной церкви приобретает характер конфронтации с сакральным.

Императив как акт мольбы-заклинания реализован в строке *Hilf mir* («Помоги мне») [Rammstein. *Hilf mir*, 2005]. Прямой императив второго лица единственного числа *hilf* («помоги») многократно повторяется на протяжении композиции, создавая эффект ритуального обращения. ...Адресатом побуждения выступает огонь – стихия, которая одновременно притягивает лирического героя и уничтожает его. Возникает очевидный парадокс: герой просит помощи у источника своих страданий. Из-за этого грамматический императив теряет функцию обычного запроса и перерастает в глубокую экзистенциальную мольбу.

Отдельно стоит рассмотреть случаи использования косвенных и эллиптических директивов. Например, модальная конструкция в строке *Den letzten Weg musst du alleine geh'n* («Последний путь ты должен пройти один»)[Rammstein. *Adieu*, 2022] формально выглядит как констатация факта (благодаря глаголу *muss*). Тем не менее, прагматическая цель фразы – побудить слушателя принять свое экзистенциальное одиночество. Замена прямого приказа на модальный глагол слегка приглушает командный тон, но полностью сохраняет директивную функцию.

В песне «Sonne» [Rammstein. *Sonne*, 2001] мы сталкиваемся с императивом, выполняющим роль предупреждения и провокации: *Fürchtet euch, fürchtet euch nicht* («Бойтесь, не бойтесь»). Глагол во множественном числе обращен к социуму. Автор создает оксюморон, сталкивая два взаимоисключающих приказа. Таким образом фиксируется двойственная природа солнца, которое может как дарить жизнь, так и разрушать. Из-за этого приема императив превращается из обычного приказа в философскую провокацию.

Система прямых императивов, направленных на контроль над телом адресата, представлена в строке *Leg dein Fleisch in Salz und Eiter* («Положи свою плоть в соль и гной») и *Wünsch dir was, ich sag nicht nein* («Пожелай чего-нибудь, я не говорю нет») [Rammstein. *Ich tu dir weh*, 2009]. Императивы *leg* («положи») и *wünsch* («пожелай») оформляют требование подчинить свое тело доминанту. Однако второй императив (*wünsch dir was* – «пожелай чего-нибудь») звучит парадоксально: жертве приказывают проявить собственную волю, что лишь усиливает психологическое давление. Вместе с императивом *wehr dich nicht* («не защищайся»), также присутствующим в композиции, эти конструкции формируют систему побуждений, направленных на отказ адресата от автономии.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в текстах обеих групп императив является ключевым прагматическим инструментом конструирования субъект-объектных отношений между адресантом и адресатом. Однако при формальном сходстве используемых грамматических структур коммуникативные стратегии демонстрируют принципиальные различия. В лирике *Måneskin* императивы преимущественно направлены на установление эмпатической связи. Адресат здесь либо близкий человек, либо социальное окружение, с которым лирический герой вступает в диалог. Побуждение в текстах песен этой группы часто оформляется как запрос на разрешение или вовлечение, что подчеркивает зависимость лирического субъекта от другого. В текстах *Rammstein* императив часто функционирует в рамках иерархической модели «субъект - объект». Адресат здесь либо низведен до позиции подчиненного, либо, напротив, сакрализован и недостижим.

Сопоставление прагматики императивных высказываний в текстах песен групп *Måneskin* и *Rammstein* выявляет не столько жанровое единство, сколько различные модели субъективации в современном рок-дискурсе: итальянский коллектив тяготеет к модели «диалогической уязвимости», тогда как немецкий - к модели «ритуализированного контроля».

Список литературы

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22-129.

Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

Måneskin. Coraline [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2021. – URL: <https://genius.com/Maneskin-coraline-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

Måneskin. Il dono della vita [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2023. – URL: <https://genius.com/Maneskin-il-dono-della-vita-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

Måneskin. Le parole lontane [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2018. – URL: <https://genius.com/Maneskin-le-parole-lontane-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

Måneskin. Torna a casa [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2018. – URL: <https://genius.com/Maneskin-torna-a-casa-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

Rammstein. Adieu [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2022. – URL: <https://genius.com/Rammstein-adieu-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

Rammstein. Hilf mir [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2005. – URL: <https://genius.com/Rammstein-hilf-mir-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

Rammstein. Ich tu dir weh [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2009. – URL: <https://genius.com/Rammstein-ich-tu-dir-weh-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

Rammstein. Sonne [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2001. – URL: <https://genius.com/Rammstein-sonne-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

Rammstein. Zeig dich [Электронный ресурс] // Genius : [сайт]. – 2019. – URL: <https://genius.com/Rammstein-zeig-dich-lyrics> (дата обращения: 21.03.2026).

PRAGMATICS OF IMPERATIVE UTTERANCES IN MODERN ROCK DISCOURSE: A COMPARATIVE ANALYSIS (BASED ON GERMAN AND ITALIAN TEXTS OF RAMMSTEIN AND MÅNESKIN)

Elfimova Victoria Alexandrovna,
*student of the Faculty of Foreign Languages
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia,*

Khamlova Evgenia Dmitrievna,
*student of the Faculty of Foreign Languages
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia,*

Academic Supervisor: Aleksandra Vasilievna Shkapova,
*Senior Lecturer at the Department of Linguistic Theory and German Language, Yaroslavl State
Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia*

Abstract. The article examines the specific features of the implementation of speech acts of inducement in modern rock discourse. Based on the lyrics of the German band Rammstein and the Italian band Måneskin, a comparative pragmatic analysis of imperative utterances is carried out. The linguocultural features of the expression of orders and appeals, as well as the mechanisms of constructing communicative distance between the performer and the audience, are revealed.

Key words: rock discourse, pragmatics, speech act, inducement, imperative, intercultural communication.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И РЕАЛИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОЛНОЦЕННОГО ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

Заяц Анна Александровна,
*кандидат филологических наук, доцент Педагогического института
филиала ВВГУ в г. Уссурийске, Россия,
Антипова Ангелина Александровна,
студентка Педагогического института
филиала ВВГУ в г. Уссурийске, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматривается роль культурного кода и национальных реалий в процессе успешной межкультурной коммуникации с представителями Великобритании. На примере трёх реалий – исторического определения «Туманный Альбион», мифологического образа лепрекона и бытовой традиции, связанной с ношением обуви в доме – анализируются коммуникативные барьеры, возникающие при их непонимании или буквальной интерпретации. Делается вывод о необходимости формирования лингвокультурологического компонента в процесс коммуникации как условия формирования вторичной языковой личности.

Ключевые слова: Великобритания, носитель языка, реалия, культурный код, Туманный Альбион, лепреконт, традиции.

В современном мире изучение английского языка давно перестало быть преимуществом – оно стало необходимостью. Миллионы людей изучают грамматику, тренируют произношение, понимание слов и предложений на слух, заучивают слова. Однако, сталкиваясь с носителем языка в реальной обстановке, изучающие английский язык часто попадают в сложные ситуации, так как они понимают слова, но не всегда

улавливают смысл сказанного. Причина этого кроется в отсутствии знаний о культурном коде и национальных реалиях страны изучаемого языка.

Понимание культурных кодов является сложной задачей даже для людей, живущих внутри одной культуры. Это целая система, в которую входят слова, символы и привычные модели поведения. С их помощью в рамках конкретной культуры происходит передача информации как на вербальном, так и на невербальном уровне. Согласно точке зрения ряда исследователей, функцией культурного кода может наделяться практически любой чувственно воспринимаемый элемент объективной реальности, включая небесные тела, природные феномены, представители флоры и фауны, человеческое тело, объекты материально-бытового назначения, технологические устройства, вооружение и прочее. Таким образом, языковая картина мира представляет собой особенности бытия этноса и его восприятия действительности, формирующееся под воздействием различных факторов – культурных, исторических, экономических, социальных, географических, политических и других [Ашрапова, 2024, с. 15].

Язык является ключевым фактором в формировании представления человека о мире и ценностях. Он объединяет людей в общество, а также воздействует на память и мыслительные процессы. В связи с этим смысловое наполнение таких понятий как добро, зло или справедливость, варьируется в зависимости от культуры, поскольку оно накладывается на уже существующую картину мира. Реалии – это специфические для конкретного народа предметы или явления, которым нет аналогов в культуре других этносов. К реалиям относятся фразеологизмы, пословицы и поговорки [Довгаль, 2017, с. 267].

Без глубокого знания культурного кода Великобритании и её национальных реалий достижение коммуникативной цели становится труднодостижимо. Восприятие языка неразрывно связано с восприятием картины мира его носителей.

Целью нашего анализа является верификация данного тезиса на материале трёх разнородных, но в равной степени показательных элементов британского культурного кода. В качестве объектов для подробного исследования выступают:

- «Туманный Альбион», как пример топонимического перифраза, аккумулирующего исторические и географические представления;
- «Лепреконы» как выражение кельтского мифологического сознания;
- традиция ношения уличной обуви в помещении как маркер культурных установок.

Детальное рассмотрение перечисленных феноменов позволит выявить механизмы влияния культурного контекста на коммуникацию.

Начнём наше исследование с этимологии названия «Туманный Альбион».

При более глубоком рассмотрении этимология названия «Туманный Альбион» представляется несколько иной. Согласно историческим данным, происхождение этого топонима лишь косвенно связано с природным явлением тумана. Существует версия, что в основе наименования лежит латинское слово «albus» (белый), которое римляне использовали для обозначения меловых отложений, характерных для южного побережья Англии. Речь идет о знаменитых Дуврских скалах, которые сложены из белого мела. Эти скалы открываются взорам мореплавателей при приближении к британским берегам на протяжении многих поколений. На этих меловых утесах, на высоте 114 метров над уровнем моря, расположен замок Дувр, основанный более тысячелетия назад. Его возведение было обусловлено необходимостью обороны от вторжений с континента. Ввиду многочисленности таких вторжений замок Дувр со временем стал не только мощнейшей крепостью Туманного Альбиона, но и одной из самых укрепленных цитаделей Европы. С древних времен эта крепость, находящаяся в графстве Кент на берегу пролива, разделяющего Англию и Францию, считалась стратегическим «ключом к Англии» благодаря своему исключительно выгодному положению [Юдина, 2014, с. 313-315].

Британец, использующий эту фразу, апеллирует к общей культурной памяти. Если человек, изучающий английский язык, не поймет, о чем речь, то носитель языка будет

чувствовать себя выше, мудрее. Англичане обожают иронию. Сказать «ну как тебе наш Туманный Альбион?» в солнечный день – это типичная британская шутка, построенная на контрасте. Если человек не знает исходного значения, то он не поймет шутки и ответит слишком серьезно, сломав тем самым настрой беседы. Носитель может счесть собеседника скучным или нечутким к разговору, что для общительного британца снижает ценность общения.

Теперь обратимся к этимологии названия «Лепрекон».

Лепрекон является знаменитым персонажем ирландской мифологии, который обитает на зелёных холмах Ирландии. Его изображают как низенького старичка с красным носом, в зелёном костюме, длинных чулках и высоких башмаках, с трубкой в руке. Традиционно его считают башмачником, шьющим обувь для прочих мифических существ. Свои сокровища лепреконы прячут в горшках или кувшинах. По ночам они пробираются в жилища людей и отщипывают по крошке от монет. История этого образа уходит корнями в VIII век, когда появились первые сказания о водяных духах «luchorran», что означало «малое тело». Позже этот образ слился с образами домашних фей. Существует и иная версия происхождения: название «лепрекон» ведёт своё начало от ирландского «Leath bhrogan», то есть «сапожник». И действительно, несмотря на прочную связь с золотом и богатством, в легендах они прежде всего искусные мастера обуви. Главная черта лепрекона – хитрость и склонность к мошенничеству: он непременно попытается обмануть человека при любом удобном случае. В былые времена вера в этих существ была повсеместной в Ирландии, и даже сегодня, став национальным символом, они продолжают радовать и развлекать людей. Ирландцы считают лепреконов дружелюбными, но предупреждают: если их разозлить, они становятся по-настоящему злобными. [Никулина, 2017, с. 85-86].

Если иностранец в разговоре с англичанином начнет приписывать лепреконов Британии или путать ирландские символы с английскими, это вызовет как минимум недоумение. А если ваш собеседник ирландец, то легкомысленное отношение к лепрекону может быть воспринято как насмешка над национальным фольклором. Ирландцы трепетно относятся к своим мифам, и лепрекон для них – не просто забавный гномик из рекламы, а часть древней кельтской культуры. Поэтому есть риск попасть впросак, либо обидеть собеседника (если он ирландец).

Рассмотрим ещё одну реалию – традицию ношения уличной обуви в доме.

Ношение обуви в жилом пространстве в Великобритании представляет собой норму, связанную с историческими, климатическими и социально-этическими факторами. Вплоть до середины XX века дома в Англии отапливались углем, улицы были полны сажи, и бороться с чернотой было бессмысленно. Проще было мыть полы и чистить ковры, чем снимать обувь при входе. В наши дни для англичанина нет смысла переобуваться, так как на дорогах и тротуарах не бывает грязи. Зимой нет сугробов снега и улицу не посыпают реагентами, а дожди не оставляют на подошве ничего, кроме влаги. К тому же, сегодня к этому добавились правила этикета. Просить гостя разуться в Англии неловко, поскольку это может быть намеком на нечистоплотность, а ковровые покрытия здесь меняют или чистят раз в несколько лет, считая такой износ допустимым. Для жителей Великобритании ходить по дому в уличной обуви не признак небрежности, а результат адаптации к конкретным условиям, где нет границы между внешним и внутренним пространством в виде грязи.

Человек, который не знает такой особенности жителей Великобритании, рискует оскорбить того, к кому пришёл в гости. Гость в обуви в доме, где это не принято, вызывает у хозяина стресс. Но гость, который разулся там, где это не нужно, заставляет хозяина чувствовать себя неловко из-за того, что его ковры или полы недостаточно чисты, чтобы ходить по ним в носках. Как результат, человек, который представляет другую культуру, теряет доверие к собеседнику и возникает барьер в общении.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что эффективность межкультурного общения определяется не только большим запасом лексики и владением грамматикой, но и

тем, насколько глубоко коммуникант понимает культурные коды и реалии изучаемого языка. Реалии британской культуры, рассмотренные в статье – «Туманный Альбион», «лепреконы» и особенности поведения в личном пространстве, – показывают, что знание (или незнание) о культуре может проявляться на разных уровнях и в разных аспектах жизни. Человеку, которому не хватает таких знаний, будет трудно донести свою мысль до собеседника или корректно ответить на заданный ему вопрос. Следовательно, изучение иностранного языка должно сопровождаться освоением культурного кода и реалий чужой культуры для того, чтобы достичь успеха в коммуникации.

Список литературы

Ашрапова А. Язык как способ идентификации национального культурного кода (на примере произведений П. Г. Вудхауса) / А. Ашрапова, Л. Свирина, И. Макаров // Филология и культура. – 2024. – №4(78). – С. 14-19.

Довгаль Н.Д. К развитию вопроса о классификации реалий английского языка и их выражении в культуре // Теория и практика современной науки. – 2017. – №5 (23). – С. 266-269.

Никулина Е. В. Сравнительный анализ мифических существ Ирландии и Шотландии / Е.В. Никулина, А.М. Дедюлина, М.К. Афаунова // Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2017. – №3. – С. 84-86.

Юдина Ю. В. Туманный Альбион / Ю.В. Юдина, Е.А. Вольникова // Молодежь. Образование. Наука. – 2014. – №1. – С. 313-316.

CULTURAL CODE AND REALITIES OF GREAT BRITAIN AS A NECESSARY CONDITION FOR FULL LANGUAGE PROFICIENCY

Zayats Anna Alexandrovna,

*PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Teacher Training College,
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia,*

Antipova Angelina Alexandrovna,

*Student of the Teacher Training College,
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia*

Abstract. This article examines the role of cultural code and national realities in the process of successful intercultural communication with representatives of Great Britain. Using three realities as examples – the historical definition "Foggy Albion," the mythological figure of the leprechaun, and the domestic tradition concerning wearing shoes indoors – the communicative barriers that arise from their misunderstanding or literal interpretation are analyzed. The conclusion is drawn about the need to integrate a linguoculturological component into the communicative process as a condition for the formation of a secondary linguistic personality.

Key words: Great Britain, native speaker, reality, cultural code, Foggy Albion, leprechaun, traditions.

АНГЛИЙСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ СТЕРЕОТИП: ВОСПРИЯТИЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Заяц Анна Александровна,

*кандидат филологических наук, доцент Педагогического института
филиала ВВГУ в г. Уссурийске, Россия,*

Коверзнева Кристина Сергеевна,

*студентка Педагогического института
филиала ВВГУ в г. Уссурийске, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен «английской вежливости» как культурного стереотипа в восприятии носителей русской лингвокультуры. Внимание уделяется вопросу о том, как национальный культурный код определяет специфику общения, придавая особую окраску вербальным и невербальным проявлениям вежливости, а также сравнительному анализу расхождений в коммуникации русских и англичан по таким параметрам, как функционал улыбки, коммуникативные паузы, феномен «small talk» и стратегии извинения. В заключении делается вывод о том, что стереотип об «английской вежливости» имеет реальные основания, однако его содержание кардинально расходится с русским пониманием вежливости.

Ключевые слова: культурный код нации, стереотип, вежливость, коммуникация, улыбка, small talk, извинения.

В современном мире вежливость занимает ключевое положение в структуре коммуникации и позволяет людям мирно и успешно взаимодействовать в условиях, когда они вынуждены постоянно контактировать друг с другом.

Особую значимость вежливость приобретает в контексте прагматики речи. Она представляет собой набор приёмов в общении, которые помогают сделать взаимодействие с собеседником более гладким и эффективным. Такая модель общения позволяет собеседникам не только избегать открытых столкновений, но и выстраивать кооперативный диалог, в рамках которого обе стороны могут удовлетворить свои коммуникативные потребности.

В русской и англоязычной культурах сформировались свои собственные представления о вежливости. Понятие «вежливость» в русском языке, согласно словарю Д.Н. Ушакова, трактуется как «учтивость, благовоспитанность, соблюдение бытовых приличий» [Ушаков, 2013]. В английском языке, по данным Кембриджского словаря, «вежливость» – «politeness» объясняется как «behaviour that is socially correct and shows understanding of and care for other people's feelings», то есть «поведение, которое является социально корректным и демонстрирует понимание чувств других людей и заботу о них» [Procter, 1995].

Словарная дефиниция фиксирует базовое значение лексемы, однако для полного представления о понятии следует обратиться к паремиям, в которых отражается конативный смысл. Термином «паремия» (от греч. «paroimia» – «поговорка») объединяют малые формы фольклора, несущие в себе житейскую мудрость и нравоучения. Схожую функцию выполняют и пословицы, задача которых состоит в том, чтобы показать людям, что является добром, а что – злом. В русских пословицах вежливость описывается как важное правило жизни, связанное с главными качествами, такими как взаимовыручка, уважение и доброжелательность. В словаре Зимина В.И. есть пословицы, которые подтверждают данную мысль [Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь]. Например: «Мир не без добрых людей», «Полководец без армии – сирота», «Один за всех и все за одного», «Одному и на печке холодно», «Одной рукой и узла не завяжешь». В английском же языке вежливость показана как черта человека, которая делает коммуникацию лёгкой и выгодной для всех при взаимности общения. Наиболее чётко это выражено в следующих пословицах из Оксфордского словаря [William, 1949]: «Civility costs nothing» (Вежливость не стоит ничего), «Courtesy on one side only lasts not long.» (Вежливость, с одной стороны, не может длиться долго), «Full of courtesy, full of craft» («Полон любезности, полон обмана»).

На уровне паремиологии складывается схожее понимание вежливости в русской и английской лингвокультурах через пословицы. Однако при переходе к реальной коммуникации это сходство пропадает. Данное несовпадение, заключающееся в коммуникативных ожиданиях, формирует этнокультурные стереотипы об английской вежливости. Данные стереотипы складываются на основе многовекового культурного кода, где прагматика преобладает над семантикой, выражая индивидуальность страны. Для

русского человека британское поведение в большинстве случаев кажется неискренним. Но на самом деле у британцев существует устав, который отражает сохранение личных границ и избегание различных конфликтов. Эту мысль подтверждает Ветрова Э.С. в своей статье, говоря, что ориентация английской вежливости на собеседника побуждает говорящего к коммуникативным действиям, которые могут расходиться с его подлинными чувствами [Ветрова, 2019, с. 82].

В межкультурной коммуникации существует множество примеров, когда представители разных народов сталкиваются с непониманием друг друга. То, что некоторым людям кажется неискренностью, для других является средством поддержания социальной дистанции.

Приветствие во всех странах является главным условием при встрече с людьми, когда коммуниканты вербально или невербально контактируют, выражая вежливость. Улыбка, как знак невербальной коммуникации, в данной ситуации имеет огромное значение. Её функциональный смысл зависит от того, демонстрирует ли человек искреннюю радость или отражает требования культурного этикета. В британской культуре улыбка выполняет контактоустанавливающую функцию. Она отображает поведение людей, не всегда схожее с их реальным эмоциональным состоянием. Англичане улыбаются малознакомым и даже незнакомым людям, так как для них контакт – это не обмен эмоциями, а подтверждение отсутствия агрессии. Исходя из этого, можно сказать, что для людей Англии такое поведение считается нормой, уставом, которого они придерживаются. В русской же культуре всё иначе. Улыбка в России считается передачей внутреннего душевного состояния человека при встрече со знакомыми людьми, которым они рады. Если улыбнуться без причины, то улыбка воспримется как непонимание того, что происходит. Отсюда следует, что данные культурные установки искажают взаимопонимание. Так же считает Л.Г. Брутян, говоря, что отношение россиян к данным правилам неоднозначно: кто-то считает это проявлением вежливости, а кто-то – проявлением неодобрения [Брутян, 2016, с. 72].

После приветствия, как правило, между людьми начинается разговор. Но в Англии и России различие заключается и в общении. В английской культуре главной задачей разговора считается соблюдение правил приличия. Чтобы не вторгаться в личное пространство людей, начинается известная беседа, которая называется «small talk». Такой тип общения можно охарактеризовать как ритуальное общение, так как оно строится по определённой структуре и предполагает использование заранее известных, нейтральных тем. «Small talk» рассматривается как жанр не прямой фатической коммуникации. И.Н. Щекотинина и Е.Е. Тураносова в своей статье поясняют этот факт тем, что в данном разговоре важен не смысл, а установление контакта [Щекотихина, 2025, с. 353]. Главная цель такой беседы – заполнить тишину такими нейтральными темами для того, чтобы не было разногласий. Такой темой является погода. В английском разговоре важна недосказанность, а данная тема как раз таки подразумевает собой такие вопросы и ответы, которые помогают избежать коммуникативных неудач. В русской культуре темы общения не ограничены. Люди действительно готовы разговаривать на различные темы: от счастья до проблем, даже с малознакомыми людьми, так как молчание приводит к неловкости. И Россия, и Англия стремятся сохранять спокойствие и гармонию при общении, но понимают это по-разному.

В момент разговора часто наступают неловкие паузы, когда мы стараемся продумать ответ или чётко сформулировать мысль. Такое явление называется гезитацией (от англ. «hesitation» – «колебание»). В английской коммуникации не должно быть пауз, так как это ведёт за собой непонимание: кажется, что собеседнику не интересен диалог. Вежливая речь – важная часть прагматики английского языка. В связи с этим англичане начинают фразу, заканчивают её и начинают сначала или же используют определённые слова и звуки, называемые «hesitation devices». Например: «um...», «er...», «well...», «actually...», «I believe...», «I suppose...». Это также отмечает И.А. Обухова, описывая, что гезитация представляет собой самоперебивы и различные звуки [Обухова, 2021, с. 36]. Данные слова

снижают риск разрыва диалога и помогают понять, что говорящий ещё не закончил мысль. В русской культуре пауза в общении не является проблемой. Она может быть очень длинной, ведь людям бывает комфортно сидеть друг с другом и просто молчать. Если человек замолчал, но проявляет интерес в качестве невербальных знаков, значит он заинтересован в дальнейшем общении. В отличие от русского языка, где молчание может восприниматься как норма или знак уважения, в англоязычной культуре тишина в диалоге создает дискомфорт. Англичане пытаются сохранить общение различными разговорами, чтобы не было неловкости. А россияне стремятся достичь взаимопонимания с собеседником.

Представители русской и английской культур также демонстрируют свои действия при возникновении коммуникативных сбоев. В частности, англичане и русские прибегают к извинениям, но в данных культурах и оно представлено по-разному. Русский человек извиняется, по существу, в тех случаях, если он сделал или сказал что-либо нетактичное в сторону участника диалога. Для них извинение является восстановлением личной взаимосвязи. Англичанин же извиняется даже за мелочь, которая могла потревожить иного человека, это подтверждает Е.Д. Краснова в своей статье [Краснова, 2017, с.203], подчёркивая, что извинение может возникать даже из-за вымышленных ситуаций. Для них, в отличие от русских, это считается не искренностью, а сохранением положительного контакта между друг другом.

Различия описаны по нескольким признакам. Первое отличие – улыбка: у англичан это знак воспитанности, в русскоязычной культуре – знак того, что человек показывает искреннюю радость. Второе отличие – разговор без значимых смыслов и молчание: британцы болтают о погоде, чтобы соблюсти дистанцию, а неловкие паузы стараются чем-то заполнить, а у нас, наоборот, можно помолчать, и это никого не смущает. Третье отличие – извинения: мы извиняемся, когда действительно виноваты, а англичане – даже если вины нет, просто так принято по их правилам.

Национальный культурный код является основой коммуникативного поведения. Это демонстрирует различия данных лингвокультур при коммуникации, показывая, что стереотип «английской вежливости» не понятен для восприятия русских. Опасность данного стереотипа показывает то, что русский коммуникант может начать вести себя некорректно из-за своего представления культурных норм вежливости. Английский же коммуникант может это понять неверно, так как в их культуре принято соблюдать дистанцию при общении. Из вышесказанного можно сделать вывод, что при межкультурной коммуникации важно понимать, какие нормы общения у людей, и уважать их личное пространство.

Список литературы

Брутян Л.Г. Улыбка в контексте межкультурной коммуникации // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2016. – № 4 (23). – С. 70-77.

Ветрова Э.С. Средства выражения вежливости в английском и русском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2019. – Т. 15. – № 3(45). – С. 80-90.

Краснова Е.Д. Выражение извинения в английском стиле коммуникации как проявление неимпозитивности англичан // Начало в науке : материалы IV международной научно-практической конференции школьников, студентов, магистрантов и аспирантов: в 3 частях, Уфа, 20 апреля 2017 года. Часть 3. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2017. – С. 202-205.

Обухова И.А. Хезитационные явления при порождении текста на родном и иностранных языках // Социо- и психолингвистические исследования. – 2021. – № 9. – С. 35-44.

Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь / Авт. В.И. Зимин, С.Д. Ашурова и др. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 320 с. – ISBN 5-88527-068-6.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – 800 с. – ISBN 978-5-93642-345-1.

Щекотихина И.Н. Small talk как феномен английской лингвокультуры: специфика и проблема обучения / И.Н. Щекотихина, Е.Е. Тураносова // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции, Орёл, 15-16 октября 2025 года. – Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2025. – С. 352-360.

Procter P. Cambridge international dictionary of English. – New York – 1995. – 1773 p. – ISBN 0521482364.

William G. S. The Oxford Dictionary Of English Proverbs. – Oxford – 1949. – 644 p.

ENGLISH POLITENESS AS A CULTURAL STEREOTYPE: PERCEPTION OF A RUSSIAN PERSON AND REFLECTION OF REALITY

Zayats Anna Alexandrovna,

*PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Teacher Training College,
Vladivostok State University, Affiliation in Ussuriisk, Russia,*

Koverzneva Kristina Sergeevna,

*Student of the Teacher Training College,
Vladivostok State University, Affiliation in Ussuriisk, Russia*

Abstract. This article examines the phenomenon of "English politeness" as a cultural stereotype in the perception of representatives of Russian linguistic culture. Attention is paid to how the national cultural code determines the specifics of communication, giving a particular coloring to verbal and non-verbal manifestations of politeness, as well as to a comparative analysis of differences in communication between Russians and the English in terms of such parameters as the function of the smile, communicative pauses, the phenomenon of small talk, and apology strategies. The conclusion states that the stereotype of "English politeness" has real foundations, but its content radically diverges from the Russian understanding of politeness.

Key words: cultural code of a nation, stereotype, politeness, communication, smile, small talk, apologies.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ ПРОСМОТРОВОМУ И ПОИСКОВОМУ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИЙ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОИСКА И ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТЕКСТА

Колесников Владислав Сергеевич,

*бакалавр кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков*

педагогического института НИУ «БелГУ»,

Мирошниченко Лариса Николаевна,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается оптимизация обучения просмотрovому и поисковому чтению на уроках иностранного языка в средней школе и неязыковых вузах с использованием технологий семантического поиска и визуализации текста. Анализируются психолингвистические и методические особенности этих видов чтения, этапы работы с текстом и практические упражнения. Особое внимание уделяется интеграции семантического поиска ключевых терминов и опорных сигналов для быстрого отбора материалов, а также визуализации извлеченной информации через схемы, интеллект-карты, таблицы и

инфографику. Ключевые слова: семантический поиск, визуализация текста, просмотровое чтение, поисковое чтение, английский язык, цифровизация образования, этапы чтения.

Ключевые слова: семантический поиск, визуализация текста, просмотровое чтение, поисковое чтение, английский язык, цифровизация образования, этапы чтения.

В современный период цифровизация образования выходит на первый план, поскольку учителям и ученикам приходится работать с огромными объёмами информации быстро и эффективно. Среди всех рецептивных видов речевой деятельности особое место занимает чтение: именно оно позволяет воспринимать, понимать и осмысливать письменный текст, пополнять словарный запас и развивать критическое мышление. В условиях глобальной коммуникации и профессиональной деятельности особенно востребованы просмотровое и поисковое чтение – они помогают ориентироваться в материале без глубокого анализа всего текста, что важно и для старшеклассников, и для студентов неязыковых специальностей.

В ФГОС основного общего образования в рамках изучения дисциплины «Иностранный язык» в качестве образовательного результата указывается овладение учащимися навыками смыслового чтения: «читать про себя и понимать несложные аутентичные тексты разного вида, жанра и стиля <...> с пониманием основного содержания (определять тему, главную идею текста, цель его создания), пониманием нужной/интересующей/запрашиваемой информации (в том числе выявлять детали, важные для раскрытия основной идеи, содержания текста), полным пониманием содержания; читать несплошные тексты (таблицы, диаграммы, схемы) и понимать представленную в них информацию» [Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта].

Согласно деятельностному подходу в методике преподавания иностранных языков, чтение представляет собой сложную иерархическую структуру, включающую речевую деятельность, действия и операции. Оно объединяет перцептивные, мыслительные, мнемические процессы и моторные компоненты внутренней речи [Клюева, 2022, с. 116]. Просмотровое чтение направлено на получение общего представления о содержании текста, определение его темы, релевантности и основной структуры. Цель такого чтения – беглое, фрагментарное ознакомление с материалом, когда внимание сосредоточивается на заголовках, первых и последних предложениях, ключевых абзацах, графиках и таблицах.

Поисковое чтение, в свою очередь, предполагает точное извлечение конкретных фактов, цифр, имён, дат или ответов на заранее поставленные вопросы. Читающий сканирует текст, ориентируясь на опорные сигналы – ключевые термины, связующие слова, маркированные списки, выделенный шрифт, – и сознательно пропускает второстепенную информацию. Поисковое чтение характеризуется тем, что «перед студентами не стоит задача полностью понять содержание текста, а значения незнакомых слов они должны понять из контекста. Обучающимся предлагается «просканировать» текст глазами с упором на выявление нужного раздела или искомого фрагмента» [Юнусова, 2025, с. 112]. Этот вид чтения особенно важен для студентов неязыковых вузов, где приходится работать с англоязычной прессой, научными статьями и профессионально ориентированными текстами.

В педагогической литературе подчёркивается необходимость дифференцированного подхода к каждому виду чтения. «Овладение технологией чтения осуществляется в результате выполнения предтекстовых, текстовых и послетекстовых заданий» [Арасланова, 2019, с. 51]. Традиционная работа с текстом строится по трёхэтапной схеме: предтекстовый (активация фоновых знаний, прогнозирование по заголовку, снятие лексических трудностей), текстовый (собственно чтение с коммуникативным заданием) и послетекстовый (контроль понимания и применение информации в речи или письме). «Чтение служит для практического освоения иностранным языком, является средством изучения языка и культуры, а также является средством саморазвития» [Капсаргина, 2024, с. 70]. В условиях цифровизации эти этапы можно существенно оптимизировать с помощью технологий семантического поиска и визуализации текста.

Технологии семантического поиска позволяют анализировать запрос не только по точному совпадению слов, но и по смыслу, контексту, синонимам и намерению пользователя. В отличие от классического поиска по ключевым словам, они учитывают связи между понятиями и фоновые знания, выдавая действительно релевантные результаты. В практике обучения иностранному языку такие технологии помогают быстро находить аутентичные материалы в англоязычной прессе, научных базах и образовательных ресурсах. Они органично вписываются в предтекстовый и текстовый этапы: учащиеся формулируют запрос по ключевым терминам и опорным сигналам, а система отбирает подходящие тексты. Такой подход полностью соответствует принципам поискового чтения и заметно ускоряет работу, развивая критическое мышление и мотивацию.

Визуализация текста дополняет семантический поиск, превращая извлечённую информацию в наглядные схемы, интеллект-карты, таблицы и инфографику. На предтекстовом этапе школьники и студенты создают ассоциативные карты, связывая уже знакомые слова с новой темой. В процессе чтения они выделяют главные элементы и строят семантические графы. На послетекстовом этапе составляют сравнительные таблицы или преобразуют текст в инфографику. По мнению ряда исследователей, «интеллект-карты делают процесс обучения более эффективным и интересным за счёт наглядности и систематизации материала» [Полянская, 2023, с. 112]. «Метод использования интеллект-карт позволяет разнообразить и существенно обогатить учебный процесс» [Абраменко, 2017, с. 34]. Визуальные приёмы не только надёжно фиксируют информацию в памяти, но и делают переход к говорению и письму более естественным, превращая обычный урок в динамичный и индивидуально ориентированный процесс.

На практике эти технологии дают заметный результат. При развитии просмотрового чтения в средней школе удобно начинать с аутентичных текстов из прессы. Предтекстовый этап включает семантический поиск: учащиеся вводят ключевые слова и отбирают статьи по заголовкам и иллюстрациям, а затем визуализируют свой прогноз в виде простой схемы. На текстовом этапе проводится быстрое чтение с заданиями типа «Guess what the article is about» или «Match illustrations to paragraphs». Послетекстовый этап завершается созданием интеллект-карты с главной идеей и ключевыми фактами. Такой формат особенно эффективен в групповой работе и заметно повышает вовлечённость.

Для студентов неязыковых направлений хорошо подходят упражнения на основе англоязычной прессы объёмом 200-300 слов. Семантический поиск помогает чётко поставить цель («Find facts about...», «Locate conclusions using terms»). Студенты обычно сканируют текст, в первую очередь обращая внимание на первые абзацы, маркированные списки и таблицы. Полученные данные они затем визуализируют — например, в виде сравнительных таблиц, инфографики или диаграмм аргументов. В качестве элемента домашней работы целесообразно предложить обучающимся сравнительный анализ двух статей либо самостоятельный поиск дополнительных сведений в сети Интернет. Подобные практические задания способствуют надёжному закреплению сформированных навыков и одновременно служат подготовкой учащихся к будущей профессиональной деятельности.

Преимущества интеграции семантического поиска с инструментами визуализации представляются очевидными. Во-первых, достигается существенная экономия временных ресурсов как преподавателя, так и студентов: отбор материалов осуществляется оперативно, а информация незамедлительно обретает наглядную структуру. Во-вторых, наблюдается заметный рост мотивации — аутентичные тексты начинают восприниматься как «живые», а задания приобретают отчетливую практическую значимость. В-третьих, в ходе такой работы формируются важные междисциплинарные компетенции, включая критическое мышление, способность дифференцировать существенные и второстепенные сведения, навыки обобщения информации и применения полученных знаний в практических целях. Потенциальные сложности (например, наличие культурно-специфических реалий в иноязычных медиа или неодинаковый уровень цифровой

грамотности) успешно нивелируются посредством предварительной подготовки и реализации дифференцированного подхода к учащимся.

Таким образом, внедрение технологий семантического поиска и визуализации данных открывает перспективные направления в современной методике преподавания иностранных языков. Указанные инструменты позволяют результативно преодолевать ключевые барьеры восприятия иноязычных текстов, персонализировать образовательный процесс, усиливать мотивацию и учебную уверенность обучающихся, а также обеспечивать более глубокое и осмысленное освоение учебного материала. В конечном счете подобная организация работы способствует не только цифровизации образования, но и планомерному формированию профессиональных компетенций у старшеклассников и студентов.

Список литературы

Абраменко О.В. Интеллект-карты как средство визуализации в обучении русскому языку как иностранному / О.В. Абраменко, С.Э. Надха // Наука и школа. – 2017. – №. 6. – С. 100-106.

Арасланова Г. Д. Обучение чтению на уроках иностранного языка // Проблемы педагогики. – 2019. – № 5 (44). – С. 50–53.

Капсаргина С.А. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе / С.А. Капсаргина, О.В. Мартынова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Вып. 13. – № 3 (48). – С. 69-71.

Клюева М.И. Особенности обучения просмотровому чтению на уроках английского языка в средней школе / М.И. Клюева, Н.С. Пронина, Е.С. Скрипко // Педагогика. – 2022. – С. 116-118.

Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 (ред. от 18.06.2025) // КонсультантПлюс : справ.-прав. сис. : сайт / Региональный центр правовой информации Информправо. – Москва, 1997-2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/ (дата обращения: 25.03.2026).

Полянская Ю.В. Визуализация и интеллект-карты в обучении иностранному языку // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4. – С. 110-115.

Юнусова Е.В. Обучение поисковому чтению студентов неязыковых направлений с использованием аутентичного материала англоязычной прессы // Вестник науки. – 2025. – Вып. 1. – № 6 (87). – С. 943-952.

NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF LISTENING COMPREHENSION SKILLS AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS IN ENGLISH LESSONS

Kolesnikov Vladislav Sergeevich,

Bachelor of the Department of Foreign Languages,

Faculty of Foreign Languages,

Pedagogical Institute, Belgorod State University,

Miroshnichenko Larisa Nikolaevna,

Candidate of Pedagogical Sciences,

Associate Professor of the Department of Foreign Languages,

Faculty of Foreign Languages,

Pedagogical Institute, Belgorod State University, Belgorod, Russia

Abstract. The article discusses the optimization of teaching skimming and scanning reading in foreign language (English) lessons in secondary schools and non-linguistic universities using semantic search and text visualization technologies. The psycholinguistic and methodological features of these types of reading, the stages of working with a text, and practical exercises are

analyzed. Special attention is paid to the integration of semantic search for key terms and reference signals for quick selection of materials, as well as the visualization of extracted information through diagrams, mind maps, tables, and infographics. It is concluded that these technologies contribute to the digitalization of education, increased motivation, and the development of students' professional competencies.

Key words: semantic search, text visualization, skimming reading, scanning reading, English language, digitalization of education, reading stages.

СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ КОНЦЕПТОВ ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА В РУССКО-АНГЛО-ИТАЛЬЯНСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА МУАММАРА АЛЬ-КАДДАФИ «ЗЕЛЕНАЯ КНИГА»

*Ларионенко Валерия Вячеславовна,
соискатель кафедры иностранных языков
педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается номинативное поле концептов ЖЕНЩИНА/WOMAN/LA DONNA и МУЖЧИНА/MAN/L'UOMO в качестве составной части когнитивной доминанты ВЛАСТЬ/AUTHORITY/ IL POTERE в архитектонике политического манифеста Муаммара Каддафи «Зеленая книга». Был проведен квантитативный анализ номинантов концептов и проведено сравнение переводов текстов.

Ключевые слова: Ливийская Джамахирия, женщина, концепт, власть.

В архитектонике политического манифеста «Зеленая книга» была выделена когнитивная доминанта ВЛАСТЬ/AUTHORITY/ IL POTERE, в номинативное поле которого входит концепт-доминанта ОБЩЕСТВО/SOCIETY/LA SOCIETÀ, концепт ЖЕНЩИНА/WOMAN/LA DONNA в количестве 68 номинантов, концепт МУЖЧИНА/MAN/L'UOMO в количестве 44 номинантов, субконцепт МАТЬ/MOTHER/LA MADRE в количестве 18 номинантов, концепт-элемент дети/children/i bambini в количестве 12 номинантов, концепт-элемент свобода/freedom/la libertà в количестве 5 номинантов, концепт-элемент работа/work/il lavoro в количестве 4 номинантов, концепт-элемент беременность/pregnancy/la gravidanza в количестве 3 номинантов, концепт-элемент жестокость/cruelty/crudeltà в количестве 3 номинантов.

Следовательно, в архитектонике манифеста были выделены: когнитивная доминанта, концепт-доминанта, концепты, субконцепт и вытекающие из него концепты-элементы. Согласно А.В. Колядину, когнитивная доминанта – «это концепт, номинативное поле которого обладает параметрами доминантности среди других концептов концептосферы текста или концептосферы дискурса» [Колядин, 2025, с. 8]. В свою очередь концепты-доминанты имеют следующую типологию: «когнитивные доминанты отдельно взятого произведения; когнитивные доминанты идиостиля писателя; жанровые когнитивные доминанты; когнитивные доминанты литературного направления; когнитивные доминанты каждого периода в развитии литературы» [Огнева, 2015, с. 722].

Обратим внимание на дефиницию термина «концепт». По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина: «Лингвистическое описание концепта предполагает характеристику его номинативного поля как совокупности языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества» [Попова, 2007, с. 314].

Рассматриваемый концепт ЖЕНЩИНА/WOMAN/LA DONNA актуализирован в следующей триаде разноязычных контекстов.

Русс: *«Женщина – человек. Мужчина – тоже человек. Это бесспорная и несомненная истина. Следовательно, женщина и мужчина в равной степени люди и делать различия между ними как людьми – это явная и ничем не оправданная несправедливость»* [Аль-Каддафи, 2016, с. 50].

В рассматриваемом контексте автор манифеста репрезентирует ядро концепта – лексему «женщина» в форме гендерной поляризации с ядром другого концепта, выраженного лексемой «мужчина». М. аль-Каддафи соединяет два эти ядра в бинарный когнитивный конструкт «люди», подчеркивая тот факт невозможности различий между ними как между людьми.

Англ: *«It is an undisputed fact that both man and woman are human beings. It follows as a self-evident fact that woman and man are equal as human beings. Discrimination between man and woman is a flagrant act of oppression without any justification»* [Al-Qadhafi, 2022, с. 62].

Англоязычный контекст манифеста отличается от русского числом существительного и порядком употребления существительных, что может характеризоваться английским культурным кодом. Так, из контекста видно, что в русском переводе «человек» – единственное число существительного, в то время как в английском переводе употреблено множественное число «human beings». Отсюда же, в первом предложении употреблены такие лексемы, как «man» и «woman», а во втором «woman» и «man». В русской версии лексема «женщина» всегда стоит на первом месте, что говорит о том, какое место занимают женщины и мужчины в различных культурах. В первом предложении английского перевода мы видим употребление лексемы «both», что говорит об отождествлении женщины и мужчины.

Ит: *«La donna è un essere umano e l'uomo è un essere umano. Su ciò non esiste disaccordo né dubbio alcuno. La donna e l'uomo, dal punto di vista umano, ovviamente sono uguali. Fare una discriminazione tra uomo e donna sul piano umano è un'ingiustizia clamorosa e senza giustificazione»* [Gheddafi, 1984, с. 32-33].

В итальянском контексте в первом предложении женщина – «la donna» стоит на первом месте, так же, как и в русском переводе. Однако лексемы «мужчина» и «женщина» в русском варианте употреблены дважды, а в итальянском трижды: два раза «la donna» – женщина стоит на первом месте, а в третий раз на втором, что таким образом подчеркивает особенность социальной и культурной итальянской традиции, где женщина в обществе обретает главенствующее положение.

Концепт МУЖЧИНА/MAN/L'UOMO в «Зеленой книге» как отождествляется концепту ЖЕНЩИНА/WOMAN/LA DONNA, так и противопоставляется, что доказывается контекстами:

Русс: *«Очевидно, существование их обоих, мужчины и женщины одновременно, является естественной необходимостью. Следовательно, каждый из них не таков, как другой, и, значит, различие между ними предопределено самой природой, что подтверждается существованием на Земле их обоих одновременно. Отсюда следует, что каждому из них предназначена своя особая роль, отличная от роли другого. Поэтому каждый из них должен иметь условия для выполнения своей роли, отличной от роли другого, которому необходимы для выполнения предназначенной ему природой роли иные условия»* [Аль-Каддафи, 2016, с. 50].

В русском контексте видим, что лексема «мужчина» имеет в предложении первенство перед лексемой «женщина». Однако стоит обратить внимание на употребление лексемы «роль». Здесь и кроется различие между мужчиной и женщиной в каддафиевском понимании этого вопроса: мужчина выполняет жизнеобеспечивающие функции для сохранения своей семьи, в то время как роль женщины состоит в материнстве. Отсюда выходит, что в семейном отношении мужчина занимает доминирующее положение, не унижающее женщину, но освобождающее ее от остальных забот, чтобы она имела время, силы и возможности посвятить себя детям.

Англ: *«There must be a natural necessity for the existence of man and woman, rather than man only or woman only. It follows that neither of them is exactly the other, and the fact that a*

natural difference exists between man and woman is proved by the created existence of man and woman. This means, as a matter of fact, that there is a role for each one of them, matching the difference between them. Accordingly, there must be different prevailing conditions for each one to live and perform their naturally different roles» [Al-Qadhafi, 2022, с. 62].

В английском переводе лексема «*man*» также стоит перед лексемой «*woman*» и частотность употребления этих лексем выше в данном контексте, нежели в русском. Так, видно, что лексемы «*мужчина*» и «*женщина*» заменены в русском языке местоимениями третьего лица множественного числа, тогда как в английском – местоимениями третьего лица множественного числа и указанными лексемами.

Ит: *«Dunque ciascuno dei due non è l'altro, e fra i due vi è una differenza naturale, la cui prova è l'esistenza dell'uomo e della donna assieme nel creato. Ciò di fatto significa che per ciascuno dei due esiste un ruolo naturale che si differenzia conformemente alla diversità dell'uno rispetto all'altro. Dunque è assolutamente necessario che vi sia una condizione che ciascuno dei due vive, e in cui svolge il suo ruolo diverso dall'altro. E tale condizione deve differire da quella dell'altro, in ragione del diverso ruolo naturale proprio di ciascuno»* [Gheddafi, 1984, с. 32-33].

Интересным отличием итальянского контекста является употребление местоименного прилагательного «*altro*» – *другой, других и т.д.* и собирательного числительного «*due*» – *двое, двоих и т.д.* Численность употребления лексем «*мужчина*» и «*женщина*» в русском и итальянском переводах одинакова, в отличие от английского.

Проведённый анализ показал, что в архитектонике политического манифеста Муаммара Каддафи «Зелёная книга» концепт ЖЕНЩИНА/WOMAN/LA DONNA и концепт МУЖЧИНА/MAN/L'UOMO занимают ключевое место в составе когнитивной доминанты ВЛАСТЬ/AUTHORITY/IL POTERE. Было установлено, что оба концепта не только отождествляются как равноправные человеческие сущности, но и противопоставляются друг другу через призму традиционных гендерных ролей, что отражает специфику каддафиевской идеологии.

При помощи квантитативного анализа было выявлено количество, что номинантов концепта ЖЕНЩИНА/WOMAN/LA DONNA (68) значительно больше, чем номинантов концепта МУЖЧИНА/MAN/L'UOMO (44), что свидетельствует о повышенном внимании к женскому вопросу в тексте манифеста. Сравнительный анализ переводов на русский, английский и итальянский языки показал, что в русском и итальянском вариантах лексема «*женщина*» часто занимает приоритетную позицию, тогда как в английском переводе наблюдается тенденция к паритету и взаимозаменяемости. Контекстуальный анализ позволил выявить, что в русском и итальянском переводах подчёркивается различие социальных ролей мужчины и женщины, где мужчине отводится функция обеспечения семьи, а женщине – материнство. В английском переводе акцент смещается на равенство и взаимодополняемость. Лингвокультурные особенности проявляются в частотности употребления лексем, порядке их следования и способах выражения гендерных различий, что отражает специфику восприятия гендерных ролей в русской, английской и итальянской культурах.

Таким образом, исследование подтвердило, что концепты ЖЕНЩИНА/WOMAN/LA DONNA и МУЖЧИНА/MAN/L'UOMO в «Зелёной книге» Каддафи формируют сложную бинарную структуру, в которой сочетаются идеи равенства и традиционного разделения ролей. Это отражает как универсальные гуманистические ценности, так и специфические культурные установки, заложенные в основу ливийской Джамахирии.

Список литературы

- Аль-Каддафи М. Зелёная книга. – Aegitas, 2016. – 108 с.
- Колядин А.В. Лингвокультурное моделирование публицистического информативного кода в дискурсивных когнитивных доминантах «*architecture*» и «*архитектура*»: Дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2025. – 210 с.
- Огнева Е.А. Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ как когнитивная текстовая доминанта (на материале произведений Ж. Верна) // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 720-725.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Al-Qadhafi M., Vandewalle D. J. The green book. – Garnet Publishing Limited, 2022. – 150 p.

Gheddafi M. Il libro verde // Centro Internazionale Ricerche e Studi sul Libro Verde, Tripoli, Giamahiria Libica. – 1984. – 96 p.

THE SIMILARITY AND DIFFERENCE OF THE CONCEPTS OF WOMAN AND MAN IN THE RUSSIAN-ANGLO-ITALIAN CONCEPTUAL SPHERES OF MUAMMAR AL-GADDAFI'S POLITICAL MANIFESTO NAMED "THE GREEN BOOK"

Larionenko Valeria Vyacheslavovna,

*Candidate for the degree of Candidate of Philological Sciences,
Department of Foreign Languages of the Pedagogical Institute,
Belgorod State Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the nominative field of the concepts ЖЕНЩИНА/WOMAN/LA DONNA and МУЖЧИНА/MAN/L'UOMO as an integral part of the cognitive dominant POWER/AUTHORITY/IL POTERE in the architectonics of Muammar Gaddafi's political manifesto "Green Book". A quantitative analysis of the nominees of the concepts was carried out and a comparison of the translations of the texts was carried out.

Key words: Libyan Jamahiriya, woman, concept, authority.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ГОРОДА В РОМАНЕ Э.М. РЕМАРКА «ЧЕРНЫЙ ОБЕЛИСК»: ВЕРДЕНБРЮК И БЕРЛИН КАК СМЫСЛОВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Лебедева Алёна Алексеевна,

*студентка факультета иностранных языков
Ярославского государственного педагогического университета
им. К.Д. Ушинского,*

*научный руководитель: Шкапова Александра Васильевна,
старший преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка Ярославского
государственного педагогического университета
им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается оппозиция провинциального немецкого города Верденбрюка и столичного Берлина в романе Э.М. Ремарка «Черный обелиск» (1956). Посредством анализа природных мотивов, визуальных и звуковых образов раскрывается семантика безысходности, смерти и экзистенциального кризиса, пронизывающих пространство Верденбрюка. Берлин предстает в романе фантастическим пространством динамики и свободы, существующем преимущественно в журналах и диалогах героев.

Ключевые слова: Э.М. Ремарк, образ города, оппозиция, Берлин, экзистенциальный кризис, «Черный обелиск», городской текст.

В современном литературоведении все более значимой становится тенденция, рассматривающая художественный текст как часть широкого дискурса, соединяя различные исторические и культурно-идеологические коды. Одним из важных направлений данного подхода является изучение репрезентации реального времени и пространства в художественном тексте. В связи с этим особый интерес вызывает произведение Эриха Марии Ремарка «Черный обелиск» (1956), где оппозиция

вымышленного провинциального города и реальной столицы помогает раскрывать внутренние конфликты и мировоззрения героев, а также служит основой для осмысления экзистенциальных и социальных противоречий эпохи.

Роман воссоздает атмосферу Германии 1920-х годов – времени гиперинфляции и глубокого экзистенциального кризиса. Основные события происходят в вымышленном провинциальном городе Верденбрюк, где главный герой работает в фирме по продаже надгробий. Однако в повествовании постоянно присутствует образ Берлина – столицы, которая становится для героев символом иной, недостижимой жизни. Автор мастерски использует пространственный контраст между «провинцией» и «мегаполисом» для построения структуры произведения, где статичность противопоставляется динамике и свободе.

Разрабатывая свою теорию хронотопа, М. М. Бахтин выделяет особый тип пространственно-временной организации – «провинциальный городок». Он характеризуется цикличностью времени, повторяемостью событий: «Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам <...> Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. <...> Это густое, липкое, ползущее в пространстве время» [Бахтин, 1975, с. 279]. В контексте романа Э.М. Ремарка данная характеристика обретает особый смысл. Верденбрюк оказывается именно таким «липким» пространством, где исторические события и экономические кризисы только подчеркивают утомительную монотонность жизни. Анализируя художественное пространство в прозе, Ю. М. Лотман показывает, что внутренний мир замкнут, «не имеет направления, и в нем ничего не происходит», а все, что находится вне его, «мир внешний», характеризуется абсолютно противоположными чертами [Лотман, 1988, с. 265]. Знакомое пространство подчинено рутине и не предполагает подлинного развития, а внешний мир, напротив, приобретает черты насыщенного событиями и жизнью места, которое так манит героев.

Для более точного понимания функционирования провинциального города и столицы в произведении необходимо обратиться к понятию «локальный текст». Как отмечает, Ж.А. Баянбаева, «локальный текст – это корпус “текстов о месте”, благодаря которым само “место” наделяется рядом дополнительных характеристик» [Баянбаева, 2016, с. 77]. Опираясь на труды В. Коркунова и Ю. Сорочана, в своей статье автор подчеркивает, что при создании локального текста писатель объединяет различные дискурсы, включая исторические события, реальные описания жизни героев или их прототипов, тем самым уже «имеет дело не с местом, а с “образом места”» [Баянбаева, 2016, с. 77]. Так, данный образ является собирательным и дополняется субъективным видением автора. При анализе романа «Черный обелиск» это приобретает особую значимость, ведь Э.М. Ремарк создает образ придуманного им города немецкой глубинки.

Центральными элементами Верденбрюка становятся кладбище, психиатрическая больница, католическая церковь и контора по установке надгробий. Город неразрывно связан с пограничными состояниями: *Das Krankenhaus steht wie eine Lichtburg in der Dunkelheit. Fast alle Fenster sind erleuchtet; jedes Zimmer scheint besetzt zu sein. In der Inflation sterben die Leute schnell* [Remarque, 1989, с. 393]. Пер.: «Из городской больницы выходят несколько человек. Больница стоит среди темноты, как световая крепость. Почти все окна освещены; кажется, что полна каждая палата» [Ремарк, 2019, с. 340]. Образ больницы хоть и дарит надежду на спасение, но выступает крепостью, отгораживающей это пространство от всего остального мира. Более того, абсолютная заполненность палат указывает на тревожную реальность: жители города находятся под постоянной угрозой смерти, балансируя на ее границе. *Ein Grab ist heute eine erstklassige Kapitalanlage, das weiß doch jeder* [Remarque, 1989, с. 355]. Пер.: «В наше время место на кладбище – одно из лучших капиталовложений, это же понимает каждый» [Ремарк, 2019, с. 307]. Ремарк доводит до абсурда мысль о том, что кладбище превращается в надежный способ хранения капитала. Этот пример обнажает жестокую правду эпохи инфляции, где ужасное и трагическое

переплетается с обывательским и прагматичным. Даже профессия главного героя оказывается символически связана с самой сутью пространства. Вся лексика объединена семантикой смерти, отчаяния, экзистенциального кризиса.

Верденбрюк – это место, где смерть также становится предметом повседневного ремесла: *Aus der Werkstatt des Sargtischlers Wilke dringt Klopfen, als hause dort ein riesiger fröhlicher Specht. Wilkes Geschäft blüht...* [Remarque, 1989, с. 118]. Пер.: «Из мастерской гробовщика Вильке доносится громкое постукивание, точно там поселился гигантский веселый дятел. Вильке процветает...» [Ремарк, 2019, с. 103]. Ирония подчеркивает абсурдность существования в мире, где единственным стабильным бизнесом остается торговля смертью. Ритмичное «постукивание» ярко контрастирует с трагизмом повествования, демонстрируя парадокс выживания человека в эпоху кризиса за счет смерти других людей.

Семантика неизбежности и безысходности в романе реализуется через природные образы: *Ich gehe zur Stadt hinunter. Nebel weht seine grauen Fahnen durch den Regen* [Remarque, 1989, с. 218]. Пер.: «Я спускаюсь в город. Сквозь дождь передо мной развеваются серые знамена тумана» [Ремарк, 2019, с. 189]. Туман «развевается» перед героем, занимая все видимое пространство и превращая движение в бессмысленное блуждание внутри среды. Метафора *Fahnen* придает туману враждебность и ощущение подчинения, диктуя герою свои правила и традиции. *Auf dem Wege zu Wernickes Zimmer flattern die Blätter der Bäume wie Fledermäuse durch die Luft. Es riecht überall nach Erde und Herbst* [Remarque, 1989, с. 386]. Пер.: «... осенние листья носятся в воздухе, точно летучие мыши. Всюду пахнет землею и осенью» [Ремарк, 2019, с. 334]. Осенняя природа становится «участником» событий, усиливая ощущение отчаяния, характерное для восприятия города героями. Запах земли и осени напоминает о неотвратимости конца человеческой жизни, а сравнение листьев с летучими мышами символизирует тьму и смерть.

Звуковой образ города играет важную роль. Колокола, традиционно задающие умиротворяющий ритм жизни провинциального города, в Верденбрюке звучат агрессивно: *Plötzlich, als brächen irgendwo Schalldämme, beginnen die Glocken der Marienkirche zu läuten. Die Kirche steht am Ende der Gasse, und die Schläge dröhnen, als fielen sie vom Himmel direkt ins Zimmer* [Remarque, 1989, с. 9]. Пер.: «Вдруг где-то прорвав плотину тишины, зазвонили колокола церкви Девы Марии. Церковь стоит в конце улочки, и звуки так оглушают, точно валятся с неба прямо в комнату» [Ремарк, 2019, с. 7-8]. Метафора *Schalldämme* подчеркивает привычную тишину этого места, а вторжение звука разрушает ее. Более того, он «падает» прямо в комнату, показывая невозможность героев укрыться от рутинного шума города.

Оппозиция внешнего и внутреннего мира прослеживается в следующем фрагменте: *Wir stehen am Bahnhof. Es ist windig, und niemand ist außer uns auf dem Perron <...> Der Zug bohrt ein paar glühende Augen in das Dunkel* [Remarque, 1989, с. 473]. Пер.: «Мы стоим на вокзале. Ветрено, перрон пуст, нет никого, кроме нас. Поезд прокалывает темноту двумя огненными глазами» [Ремарк, 2019, с. 409]. Вокзал – то пограничное место, где внутреннее пространство встречается с внешним. Образ поезда подчеркивает, что связь с остальным миром носит характер вторжения. «Огненные глаза», прокалывающие тьму, вторгаются в безжизненное пространство Верденбрюка. «И чтобы выбраться из Верденбрюка, надо изменить смерти, надо выбрать жизнь», и главному герою удастся вырваться из замкнутого круга тягостного города [Ганина, 2016, с. 24].

В отличие от подробно описанного Верденбрюка, Берлин в романе становится не местом действий, а образом, формируемым через газеты, журналы, диалоги героев. Столица конструируется как пространство динамики, жизни, свободы. Он связан с театром, кино, звездами, которые противостоят скучному и монотонному Верденбрюку.

Согласно концепции Ю.М. Лотмана, внешнее пространство, ранее не освоенное героями, является для них «фантастическим» [Лотман, 1988, с. 263]. Берлин в восприятии героев мифологизирован: он представляет собой пространство возможностей, где можно

стать другим, сбежать, начать новую жизнь. Если Верденбрюк в романе описывается довольно подробно через образы (звуки колоколов, туман, дождь), то Берлин лишь упоминается как место, куда герой стремится уехать: *Nachdem ich mit meinem Smoking auf dem ersten Ball gewesen bin. Ich werde dazu nach Berlin ausreißen! Drei Tage! Irgendwann, wenn die Inflation zu Ende ist und Geld wieder Geld ist und kein Wasser. Inzwischen bereite ich mich vor, wie du siehst* [Remarque, 1989, с. 396]. Пер.: «После того, как я побываю на первом балу в смокинге. Для этого я удеру в Берлин. На три дня. В один прекрасный день, когда инфляция кончится и деньги опять станут деньгами, а не водой. Пока я, как видишь, готовлюсь» [Ремарк, 2019, с. 342]. Эта цитата иллюстрирует, что Берлин в сознании героя на протяжении романа существует не просто как географическое место, а как объект, благодаря которому можно прикоснуться к нормальной, докризисной жизни, что еще раз подчеркивает мифологизированность столицы.

Ключевым моментом рассматриваемой пространственной оппозиции становится решение главного героя уехать в Берлин. Интересно, что отъезд совпадает с окончанием инфляции и стабилизацией валюты. Это подчеркивает, как экономический кризис переплетается с экзистенциальным: с исчезновением эпохи обесцененных денег открываются возможности для создания новой идентичности. Однако финал романа не предполагает однозначного разрешения конфликта: герой теряет связь с верденбрюкскими знакомыми, сам Верденбрюк уничтожен войной, но и Берлин, куда он так стремился, лежит в руинах.

Таким образом, в романе «Черный обелиск» образы Верденбрюка и Берлина конструируются как семантические оппозиции, отражающие ключевые противоречия послевоенной Германии. Верденбрюк предстает как место замкнутого, цикличного бытия, организованного вокруг традиции и смерти. Берлин же выступает как мифологизированное пространство динамики и жизни, существующее преимущественно в газетах и журналах. Данная оппозиция реализуется в многочисленных сценах романа, от бытовых деталей до экзистенциального кризиса главного героя.

Список литературы

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-407.

Баянбаева Ж.А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 2. – С. 77-84.

Ганина А.Ю. Социально-психологическая характеристика «потерянного поколения» в романе Э.М. Ремарка «Черный обелиск» // Вестник магистратуры. – 2016. – №1 (52). – С. 23-25.

Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251-292.

Ремарк Э.М. Черный обелиск / пер. с нем. В. Станевич. – М.: АСТ, 2019. – 416 с. – ISBN 978-5-17-119351-5.

Remarque E.M. Der schwarze Obelisk: Geschichte einer verspäteten Jugend: Roman/ mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – 500 S. – ISBN 3-462-01954-6.

INTERPRETATION OF THE IMAGE OF THE CITY IN E.M. REMARQUE'S NOVEL "THE BLACK OBELISK": WERDENBRÜCK AND BERLIN AS A SEMANTIC OPPOSITION

*Lebedeva Alena Alekseevna,
student of the Faculty of Foreign Languages
Yaroslavl State Pedagogical University,*

*scientific supervisor: Shkapova Alexandra Vasilyevna,
Senior Lecturer of the Department of Language Theory and German Language Yaroslavl
State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russia*

Abstract. The article examines the opposition of provincial Werdenbrück and megalopolis Berlin in E.M. Remarque's novel "The Black Obelisk" (1956). Through the analysis of natural motives, visual and sound images, the semantics of hopelessness, death and existential crisis permeating the Werdenbrück space are revealed. Berlin appears in the novel as a fantastic space of dynamics and freedom, existing mainly in magazines and dialogues of the characters.

Key words: E.M. Remarque, image of the city, opposition, Berlin, existential crisis, "Black Obelisk", urban text.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

*Логвиненко Дарья Григорьевна,
студент кафедры дошкольного и специального (дефектологического) образования
факультета дошкольного начального и специального образования
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Смирнова Дарья Евгеньевна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных
языков факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье дается лингвистический анализ типологии и механизмов дефектов речи у детей, развивающихся в двуязычной среде. Автор исследует природу языковых отклонений, возникающих на разных лингвистических уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом. Особое внимание уделяется явлению межъязыковой интерференции как основного источника ошибок, а также процессам изменения кода и упрощения лингвистических структур. В статье проводится различие между естественными возрастными особенностями развития речи и специфическими ошибками, вызванными перекрытием двух языковых систем. Результаты анализа позволяют нам уточнить методические подходы к коррекционной работе с двуязычными детьми и способствуют более глубокому пониманию когнитивных механизмов многоязычия.

Ключевые слова: детский билингвизм, межъязыковая интерференция, речевые ошибки, переключение кодов, лингвистический анализ, онтогенез речи, языковая компетенция, грамматическая категория, лексический дефицит.

Актуальность исследования обусловлена широким распространением двуязычия в современном обществе и необходимостью научного обоснования процессов формирования речи у детей-билингвов. Основная проблема заключается в сложности разграничения естественных возрастных этапов освоения языка и специфических девиаций, вызванных контактом двух языковых систем. Лингвистический анализ таких ошибок критически важен как для теоретического понимания когнитивных механизмов многоязычия, так и для практической разработки методик коррекционной и педагогической работы, позволяющих избежать ложной диагностики речевых нарушений. По мнению современных исследователей «проблема детского билингвизма в современном поликультурном мире не только сохраняет свою актуальность, но и в последние годы приобретает особое значение, наполняясь обновлённым содержанием. Интерес к языковой личности ребенка-билингва, особенностям его речевого развития и факторам, которые на это влияют, а также особенностям обучения таких детей находит своё отражение в исследованиях разных

направлений. Так, изучаются вопросы, связанные с развитием, становлением и функционированием языковой личности билингва, в частности, особенности «формирования гармонично развитой двуязычной личности, обогащённой не только в собственно лингвистическом, но и социокультурном плане» [Васильева, 2024, с. 32].

Так, К.С. Мингалеева в своей работе указала, что «двуязычие редко выступает как некая данность или абстрактная возможность отдельного человека, групп людей или целого народа общаться на двух языках. Безусловно, оно предполагает стремление к достижению взаимопонимания на двух языках, причём степень взаимопонимания может быть различной» [Мингалеева, 2023, с. 750]. Из чего следует, что **объектом исследования** является процесс формирования и функционирования речевой деятельности детей, развивающихся в условиях естественного или искусственного двуязычия.

Предметом исследования – лингвистическая природа, типология и механизмы возникновения речевых ошибок на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, обусловленные межъязыковой интерференцией и упрощением языковых структур.

Цель исследования: выявление и систематизация специфических речевых ошибок детей-билингвов, а также описание лингвистических механизмов их возникновения для уточнения подходов к лингводидактической и коррекционной работе.

Задачи исследования:

- определить роль межъязыковой интерференции в формировании речевых девиаций;
- проанализировать проявления ошибок на различных языковых уровнях (от фонетики до синтаксиса);
- рассмотреть процессы переключения кодов и упрощения структур как специфические стратегии билингвальной речи;
- разграничить возрастные особенности онтогенеза речи и ошибки, обусловленные наложением двух языков.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу речевых ошибок не как к «дефектам», а как к продукту работы специфической когнитивной системы. В отличие от традиционных логопедических подходов, в данной статье:

1. Обосновано разграничение между патологическими нарушениями речи и интерферентными девиациями, характерными для здорового билингвального онтогенеза.
2. Выявлена взаимосвязь между доминантностью одного из языков и частотностью конкретных типов лексико-грамматических ошибок.
3. Переключение кодов в речи билингва интерпретируется не как обычная ошибка, а как компенсаторный механизм: ребёнок использует лексику второго языка как инструмент, чтобы восполнить нехватку слов в первом. Такая стратегия позволяет поддерживать темп речи и успешно доносить свою мысль до собеседника.

По мнению А.В. Васильевой «одним из важных наблюдений о своеобразии билингвизма можно считать вывод о «благоприятном эффекте двуязычия в целом: продвинутое двуязычие способствует развитию фонологического и фонематического сознания и метакогнитивных способностей» [Васильева, 2024, с. 32-33]. Межъязыковая интерференция является фундаментальным механизмом, определяющим структуру ошибок билингва. В лингвистике под межъязыковой интерференцией понимается перенос правил и привычек родного (или доминантного) языка на второй язык. Данный термин по мнению исследователей – «это явление переноса знаний родного или ранее изученного языка в изучаемый, в результате чего возникают ошибки на разных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом, интонационном)» [Рогозная, 2017, с. 91].

Для ребенка-билингва это выражается в «прямом переносе»: мозг использует готовую синтаксическую или морфологическую сетку одного языка и наполняет её словами другого. Например, фраза «Я имею семь яблок» (калька с англ. I have seven apples) вместо

русской безличной конструкции демонстрирует, как логика одного языка подавляет идиоматику другого.

У детей-билингвов может быть более сложная задача развивать устную и письменную речь в каждом из языков. Лингвистическая классификация ошибок позволяет увидеть, как «сталкиваются» системы двух языков на разных этапах порождения речи, среди которых выделяют:

1. Фонетический уровень, где ошибки возникают из-за различий в артикуляционной базе и системе фонем. Например, отсутствие оппозиции «глухость-звонкость» в некоторых языках ведёт к устойчивым ошибкам в русском («папушка» вместо «бабушка»).

Ребёнок заменяет отсутствующий в одном языке звук похожим из другого. Например, замена русского мягкого [л'] на «среднеевропейский» [l] («люблю» вместо «люблю») или замена межзубного [th] на [c] или [t].

Также наблюдаются акцентологические ошибки, то есть перенос модели ударения. Например, в языках с фиксированным ударением (французский – на последний слог, польский – на предпоследний) дети часто «скандируют» русские слова с непривычным ритмом.

Недоразвитие фонематического слуха имеет особое значение, так как билингв может не слышать разницы между глухими и звонкими согласными, если в его втором языке эта разница не влияет на смысл слова.

В целом исследователи отмечают, что «фонетическая сторона речи претерпевает сложный процесс созревания. С самого начала речевого онтогенеза ребёнок активно использует в общении с окружающими глобальные фонетические структуры, которые представляют собой сплав двух и более фонем» [Харенкова, 2013, с. 166-167].

2. Лексико-семантический уровень. Л.В. Московкин, Д.Г. Коврижкина, Т.В. Лыпкань выделяют в составе лексических ошибок собственно лексические, лексико-семантические, лексико-грамматические (например, ошибки в употреблении возвратных глаголов), лексико-синтаксические (например, ошибки в глагольном управлении), лексико-фонетические (смешение паронимов), лексико-словообразовательные, лексико-фразеологические ошибки [Московкин, 2024, с. 32-33]. Ошибки на этом уровне возникают из-за того, что смысловые границы слов в разных языках не совпадают. Ребёнок подсознательно ищет полные эквиваленты, но языки «нарезают» мир по-разному.

Здесь лингвистический анализ выявляет три ключевых механизма: семантическую диффузию, калькирование и смешение концептов.

- Семантическая диффузия (размывание границ значения). В одном языке слово может иметь широкое значение, а во втором – узкое. Ребёнок переносит широкое значение на узкое поле.

К примеру, в немецком глагол *gehen* означает и *идти пешком*, *ехать* (в некоторых контекстах), и *уходить*. Ребёнок говорит: «*Автобус идет в школу*» или «*Я иду на дачу*» (имея в виду поездку на машине).

В ряде тюркских языков (азербайджанский, узбекский) одно слово может обозначать и «ногу», и «стопу». Ребёнок-билингв может сказать: «*У меня болит палец на ноге*», указывая на стопу, или путать части конечностей в описании.

- Межъязыковая омонимия (ложные друзья переводчика). Дети часто ориентируются на звуковое сходство слов, игнорируя их реальный смысл в конкретном языке.

Польское слово *uroda* означает *красота*. Ребёнок-билингв может сказать: «*Какая у тебя уроды!*», желая сделать комплимент, что в русском языке приведет к коммуникативному провалу.

Испанское слово *familia* (семья) созвучно с русским «*фамилия*». Ошибка: «*Моя фамилия очень большая, у меня три брата*».

- Лексическое калькирование (перенос устойчивых сочетаний). Ребенок переводит идиомы или устойчивые словосочетания дословно, нарушая лексическую сочетаемость русского языка.

Во французском «*принимать решение*» – *prendre une décision* (буквально «взять»). Ребенок говорит: «*Я взял решение пойти гулять*».

В армянском языке для обозначения включения/выключения света часто используются глаголы «*լույսի/ընդ / լույսի (зажечь/потушить)*» или «*բացել / փակել (открыть/закрыть)*». Ошибка: «*Закрой свет, я хочу спать*».

Когда в одном из языков нет точного эквивалента для обозначения предмета или явления (безэквивалентная лексика), ребёнок использует стратегию переключения кодов.

Например, русское слово «сутки» уникально. Дети-билингвы, чей второй язык немецкий или английский, часто заменяют его конструкцией «день и ночь» или просто вставляют иностранное слово, так как в их сознании концепт «24 часа» не упакован в одну русскую лексему.

Ошибки лексико-семантического уровня доказывают, что ребёнок-билингв владеет единой понятийной базой, но разными способами её «ярлыклизации». Ошибка происходит не из-за незнания предмета, а из-за конфликта двух языковых картин мира, где одно и то же явление имеет разный объем значения.

3. Грамматический уровень (морфология и синтаксис) – это самый уязвимый уровень в русском языке. Юсупова утверждает, что части речи в школьном курсе морфологии занимают важное место. Как известно, знакомство с частями речи начинается с имён существительных – самой частотной и распространённой части речи. Для совершенствования методики преподавания русского языка как неродного (в частности, применительно к обучению русскому языку в тюркоязычной аудитории) становится актуальным изучение типичных ошибок учащихся в употреблении именных частей речи. Исследование ошибок в употреблении учащимися-билингвами именных частей речи даёт ценный материал для научно-методических выводов, так как в ошибках отражаются лингвистические и психолого-педагогические аспекты, влияющие на владение школьниками особенностями употребления именных частей речи русского языка [Юсупова, 2015, с. 139].

Основная ошибка – нарушение категории рода. Из-за отсутствия рода во многих языках или различий в окончаниях, билингвы выбирают одну «базовую» форму (обычно мужской род).

Например, «мой большая машина». Билингвы часто используют мужской род как универсальный («дефолтный»), упрощая сложную систему окончаний. Например: «*Один большая яблоко*». Ребёнок игнорирует согласование, фокусируясь только на лексическом значении.

Нарушение падежной парадигмы, то есть использование слов в начальной форме (именительном падеже) там, где требуется косвенный. Например: «*Дай мне мячик синий цвет*» (вместо синего цвета).

Ошибки в словообразовании проявляются в создании новых слов по правилам доминантного языка. Например, использование английских суффиксов в русских словах или наоборот («*рисователь*» вместо «художник» по аналогии с *painter*).

Ошибки в структуре предложения и связи слов. В русском языке порядок слов свободный, но имеет свои правила акцентов. Билингвы часто используют жёсткий порядок слов (Подлежащее – Сказуемое – Дополнение). Например: «*Я завтра к тебе приду*» превращается в строгую конструкцию «*Я приду к тебе завтра*», что иногда звучит неестественно или меняет логический центр фразы.

Синтаксические кальки: перенос жёсткого порядка слов в русский язык, что приводит к фразам типа «Собака кусает кошка» (когда ребенок пытается передать смысл не падежом, а местом слова в предложении).

Ошибки в управлении, то есть неправильный выбор предлога. Пример: «Я скучаю за тобой» (под влиянием украинского) или «Смеяться на него» (под влиянием английского *laugh at*).

Когда ребёнок растёт в условиях билингвизма, его мозг старается работать максимально экономно. Отсюда появляется стремление упрощать речь: дети часто «сбрасывают» лишние, с их точки зрения, элементы – предлоги, сложные окончания, и оставляют только основное значение слова. Если посмотреть глубже, становится понятно, что ошибки билингвов связаны не со случайностью, а с тем, что в их голове одновременно работают две языковые системы. На уровне звуков срабатывает привычка речевого аппарата, на уровне слов – образное мышление, а в грамматике снова проявляется то самое стремление к упрощению.

Отдельно стоит сказать о переключении между языками. Сегодня в лингвистике это уже не считают ошибкой – скорее, это показатель развитых коммуникативных навыков. Например, если ребёнок не может вспомнить слово «грузовик» по-русски, он легко скажет *truck* по-английски, чтобы не прерывать разговор. Это говорит о гибкости его речи: он заполняет пробелы в одном языке за счёт другого, при этом мысль остаётся понятной и логичной.

В целом, ошибки у детей-билингвов не хаотичны – у них есть своя система. Это естественный этап формирования так называемого интеръязыка, промежуточной языковой системы, в которой переплетаются два мира. Основную роль здесь играет интерференция – влияние одного языка на другой. Она проявляется на всех уровнях, но особенно заметна в грамматике: например, в ошибках с родом или падежами, что неудивительно, учитывая сложность русской морфологии.

В итоге важно понимать: переключение между языками – это не путаница, а способ поддерживать общение. Осознание этих процессов помогает специалистам, лингвистам, логопедам и педагогам, отличать нормальные особенности билингвального развития от реальных речевых нарушений.

Список литературы

Васильева А.В. Ошибки детей-билингвов при прохождении лингводидактического диагностирования по русскому языку и пути их преодоления / А.В. Васильева, Е.А. Сальман, А.Ю. Алексинская // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Вып. 13 – № 4 (49). – С. 32-36.

Мингалеева К.С. Особенности речевого развития при билингвизме // Вестник науки. – 2023. – Вып. 1. – № 6 (63). – С. 750-763.

Московкин Л. В. Алгоритм анализа лексических особенностей речи билингвов / Л.В. Московкин, Д.Г. Коврижкина, Т.В. Лыпкань // Язык и культура. – 2024. – № 66. – С. 25–44.

Рогозная Н.Н. Проект автоматизированного обучения фонологии неродного языка // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 87-95. – DOI 10.18101/1994-0866-2017-3-87-95.

Харенкова А.В. Анализ особенностей речевого развития детей-билингвов // Проблемы современного образования. – 2013. – № 2. – С. 160-167.

Юсупова З.Ф. Лингвометодическое освещение типичных ошибок учащихся-билингвов в употреблении именных частей речи // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Вып. 4. – № 2. – С. 138-144.

LINGUISTIC ANALYSIS OF SPEECH ERRORS IN BILINGUAL CHILDREN

Logvinenko Darya Grigorievna,
student of faculty of preschool primary and special education of Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,

Scientific adviser: Smirnova Daria Evgenievna,
*Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of
Foreign Languages Department,
Faculty of Foreign Languages of Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article provides a linguistic analysis of the typology and mechanisms behind speech errors in bilingual children. The author examines the nature of speech deviations across various linguistic levels: phonetic, lexical, and grammatical. Particular attention is given to the phenomenon of cross-linguistic interference as the primary source of errors, alongside code-switching and the simplification of language structures. The study distinguishes between natural age-related speech development features and specific errors caused by the overlapping of two language systems. The findings help refine methodological approaches to speech therapy and educational support for bilingual children, contributing to a deeper understanding of the cognitive mechanisms involved in multilingualism.

Key words: child bilingualism, linguistic interference, speech errors, code-switching, linguistic analysis, speech ontogenesis, language competence, grammatical category, lexical deficit.

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫМ КОЛЛОКАЦИЯМ УЧАЩИХСЯ 9-Х КЛАССОВ

Малышев Павел Алексеевич,
*студент 4 курса кафедры германистики и лингводидактики
факультета иностранных языков
педагогического института ГАОУ ВО «МГПУ»,
научный руководитель: Колесников Андрей Александрович,
*доктор педагогических наук,
профессор кафедры германистики и лингводидактики
факультета иностранных языков
педагогического института ГАОУ ВО «МГПУ», г. Москва, Россия**

Аннотация. В статье рассматривается потенциал использования рекламных текстов для обучения немецкоязычным коллокациям учащихся 9-х классов. Уточняется роль коллокаций как важного компонента лексики и средства формирования естественных речевых моделей учеников. Обосновывается использование аудиовизуальных и креолизованных рекламных текстов как аутентичного материала обучения. Представляются результаты апробации системы упражнений на основе рекламных текстов в условиях школьного обучения.

Ключевые слова: коллокации, немецкий язык, рекламный текст, обучение лексике.

Современная методика обучения иностранным языкам уделяет особое внимание развитию лексической компетенции обучающихся. Одним из важнейших компонентов лексической системы языка являются коллокации – устойчивые сочетания слов, характерные для конкретного языка и отражающие типичные модели употребления лексических единиц.

Исследователи отмечают, что усвоение лексики должно происходить не изолированно, а в составе устойчивых словосочетаний и контекстов употребления. По мнению Е. И. Пассова, слово функционирует в языке не самостоятельно, а в тесной связи с другими словами, образуя устойчивые лексические сочетания, которые и должны становиться объектом обучения [Пассов, 1988, с. 45]. В связи с этим обучение лексике

целесообразно строить на основе работы со словосочетаниями и типичными моделями их употребления.

В отечественной методике обучения иностранным языкам также подчёркивается важность формирования лексических навыков в процессе выполнения условно-речевых упражнений, ориентированных на решение коммуникативных задач. Такие упражнения позволяют приблизить учебную деятельность к реальному речевому общению и обеспечить более прочное усвоение лексических единиц [Пассов, 1988, с. 67].

В современной методике обучения иностранным языкам особое значение придаётся системному построению упражнений. Согласно С. Ф. Шатилову, система упражнений представляет собой совокупность взаимосвязанных типов заданий, выполняемых в определённой последовательности и направленных на формирование навыков и умений в различных видах речевой деятельности [Шатилов, 1986, с. 98]. Подобный подход строится на поэтапном усложнении учебных действий и предполагает постепенный переход от строго контролируемой деятельности к самостоятельному использованию языкового материала обучающимися.

В процессе формирования лексических навыков особое внимание привлекает звеньевая модель развития навыка, предложенная В. Л. Колкером. В рамках этой концепции становление языкового навыка рассматривается как поэтапный процесс: сначала происходит освоение отдельных компонентов в изолированном виде, затем они объединяются в более целостные речевые действия и далее начинают использоваться в условиях реальной коммуникации [Колкер, 2000, с. 34].

Аутентичные материалы также являются эффективным средством обучения иностранным языкам. Работа с текстами, отражающими реальные коммуникативные ситуации, как отмечают исследователи, усиливает учебную мотивацию учащихся и способствует формированию функциональной языковой компетенции [Alnaser, 2025, с. 134]. В этом контексте особое внимание привлекают рекламные тексты.

Рекламный дискурс отличается высокой выразительностью, лаконичной формой и активным использованием ярких языковых средств. В структуре рекламных слоганов часто используются устойчивые выражения и коллокации, благодаря чему подобные тексты представляют собой ценный материал в области иностранных языков.

Одной из ключевых характеристик рекламного дискурса является его выраженная прагматическая направленность. Е.Г. Борисова отмечает, что в рекламной коммуникации функция воздействия на адресата значительно преобладает над информативной: основная цель сообщения заключается не столько в передаче информации о продукте, сколько в формировании определённого отношения к нему и побуждении к потребительскому действию [Борисова, 2018, с. 437].

Особой дидактической ценностью обладают аудиовизуальные и креолизованные рекламные тексты. Аудиовизуальная реклама сочетает вербальные и невербальные средства коммуникации, что способствует более лёгкому восприятию содержания и помогает лучше запоминать новые лексические единицы. Креолизованные тексты, в свою очередь, представляют собой единство словесного и визуального компонентов. Изображения в таких материалах выполняют опорную функцию: они помогают раскрывать значение новых слов и выражений, делая процесс их семантизации более наглядным и понятным для обучающихся.

Современные подходы в методике преподавания иностранных языков подчёркивают необходимость системной организации учебных заданий и поэтапного формирования языковых навыков, предполагающего переход от строго контролируемых действий к более самостоятельному использованию языка обучающимися. В методическом пособии Goethe-Institut отмечается, что задания должны выстраиваться как взаимосвязанная система упражнений, обеспечивающая последовательное усложнение учебных действий и постепенное расширение самостоятельности учащихся [Funk, 2018, с. 220]. При разработке учебных материалов также важны ясность инструкций, коммуникативная направленность

упражнений и использование аутентичных материалов, отражающих реальные ситуации общения [Green, 2023, с. 48]. Кроме того, эффективность заданий во многом определяется их соответствием учебным целям и учётом коммуникативной задачи, которую учащийся решает в процессе выполнения упражнения [Tigchelaar, 2026, с. 225].

Результаты проведённого на первом этапе опроса показали, что 76,9 % участников смогли корректно объяснить значение термина «коллокация». При этом некоторые респонденты дали неверное определение данному термину, выбрав другие варианты (15,4 % и 7,7% соответственно). Данные результаты указывают на недостаточную сформированность представлений о коллокациях как о специфическом языковом явлении и подтверждает необходимость целенаправленной работы по их освоению в процессе обучения иностранному языку.

Дополнительно учащимся было предложено восстановить известные рекламные слоганы. Например, при выполнении задания «Freude am _____ (BMW)» все учащиеся правильно указали слово Fahren. В задании «Quadratisch. _____. Gut. (Ritter Sport)» правильный ответ Praktisch указали 92,3 % учащихся. В то же время при выполнении задания «Der Himmel hat jetzt fünf _____ mehr» только 61,5 % учащихся правильно выбрали слово Sterne, а 38,5 % допустили ошибки.

Учащимся также было предложено выбрать рекламный текст среди различных типов текстов. Правильный ответ выбрали 76,9 % учащихся, что свидетельствует о том, что большинство обучающихся способны распознавать рекламный дискурс на интуитивном уровне.

Кроме того, учащимся было предложено определить характеристики эффективной рекламы. Наиболее часто в ответах встречались такие характеристики, как запоминаемость, простота, яркость и креативность. Из данного опроса можно сделать вывод, что рекламные тексты являются интересным для школьников материалом, на основе которого можно разрабатывать дальнейшие упражнения.

Результаты апробации разработанной системы упражнений также подтверждают эффективность использования рекламных текстов при обучении коллокациям. Система упражнений была построена на основе звеньевой модели формирования навыка Я. М. Колкера и включала две цепочки заданий, основанные на аудиовизуальных и креолизованных рекламных текстах. Анализ результатов выполнения заданий учащимися 9-го класса показал, что упражнения репродуктивного типа (задания на альтернативный выбор и подстановочные упражнения) были выполнены успешно в большинстве случаев – правильные ответы составили 80-95 %. В то же время продуктивные задания завершающего этапа, требующие самостоятельного создания рекламного текста с использованием коллокаций, оказались более сложными: их успешно выполнили 40-60 % учащихся в зависимости от типа рекламного текста. Полученные результаты позволяют предположить, что на данном этапе обучения учащиеся легче справляются с заданиями, предполагающими распознавание и воспроизведение языковых моделей, тогда как продуктивное использование коллокаций требует более длительной систематической тренировки и развития творческого языкового мышления.

Список литературы

Борисова Е.Г. Рекламный дискурс: в чем его особенности? // Медиалингвистика. – 2018. – Т. 5, № 4. – С. 436-444.

Колкер В.Л. Практическая методика обучения иностранному языку. // Москва: Академия, 2000. – 264 с.

Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. // Москва: Русский язык, 1988. – 276 с.

Шатилов С.Ф. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. // Москва: Просвещение, 1986. – 223 с.

Alnaser D. From EFL Classroom to Career: Exploring Authentic Tasks in EFL Textbooks / Alnaser D., Al-Jamal D // International Journal of Multidisciplinary and Current Educational Research. – 2025. – Vol. 7. – № 2. – P. 131-139.

Funk H. Aufgaben, Übungen, Interaktion / H. Funk, C. Kuhn, D. Skiba // München: Goethe-Institut, 2018. – 220 S.

Green B. Five Design Principles for Language Learning Materials Development // ORTESOL Journal. – 2023. – Vol. 40. – P. 45-56.

Tigchelaar M. K-12 Content Teachers Designing Language Tasks / M. Tigchelaar, V. David, A. Eldemerdash // Language Teaching Research. – 2026. – Vol. 30. – № 1. – P. 220-237.

THE POTENTIAL OF ADVERTISING TEXTS FOR TEACHING GERMAN COLLOCATIONS TO 9TH GRADE STUDENTS

Malyshev Pavel Alekseevich,

*4th year student of the Department of Germanic Studies and Linguodidactics
of the Faculty of Foreign Languages of the MCU,*

Scientific supervisor: Kolesnikov Andrey Alexandrovich,

Grand PhD in Pedagogic sciences,

*Professor of the Department of Germanic Studies and Linguodidactics
of the Faculty of Foreign Languages*

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the potential of using advertising texts to teach German-language collocations to 9th grade students. The role of collocations as an important component of vocabulary and a means of forming students' natural speech models is clarified. The use of audiovisual and creolized advertising texts as authentic teaching material is substantiated. The results of testing a system of exercises based on advertising texts in a school practice are presented.

Key words: collocations, German language, advertising texts, vocabulary teaching.

ПРИМЕНЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Мешкова Карина Андреевна,

бакалавр кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ»,

научный руководитель: Мирошниченко Лариса Николаевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются словообразовательная специфика юридической терминологии в прикладном аспекте обучения английскому языку. На анализируемом материале выделяются простые, производные и сложные единицы, а также устойчивые терминологические словосочетания. Особое внимание уделяется важности рассмотрения морфологических и синтаксических особенностей терминообразования для обучения профессионально ориентированной лексике. В заключении делается вывод, что словообразовательный анализ юридической терминологии способствует более глубокому усвоению специальной лексики в процессе обучения английскому языку.

Ключевые слова: юридическая терминология, словообразование, обучение английскому языку, термин, терминообразование.

Современное обучение английскому языку для профессиональных целей всё активнее обращается к юридической терминологии, поскольку требует не только перевода отдельных слов, но и понимания принципов их образования, семантической структуры и условий употребления. Актуальность темы связана с необходимостью изучения структурно-семантических особенностей юридических терминологических единиц в образовательном контексте, так как «термин репрезентирует структуру профессиональных знаний и отражает профессиональный опыт, который приобретается в процессе целенаправленной профессиональной деятельности языковой личности» [Мирошниченко, 2016, с. 87].

Объектом нашего исследования выступает юридическая терминология, используемая в процессе обучения английскому языку для профессиональных целей. Предметом исследования являются словообразовательные характеристики юридических терминов и словосочетаний, рассматриваемые с точки зрения их значимости для обучения.

Материалом исследования послужили 50 терминологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из учебных пособий по юридическому английскому и аутентичных правовых текстов.

Изучение словообразовательных моделей юридической терминологии находится на пересечении терминоведения, словообразования и лингводидактики. Данный ракурс особенно важен в контексте профессионально ориентированного обучения, где термин выступает не только как единица профессиональной коммуникации, но и как объект объяснения, анализа и поэтапного усвоения.

Под юридическим термином понимается «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [Юридический термин]. В отличие от общеупотребительного слова, «юридические термины, как правило, моносемантичны, имеют однозначные интерпретируемые дефиниции в толковых словарях и справочниках» [Годунова, 2021, с. 124].

Юридическая лексика исторически неоднородна. Она развивалась под влиянием разных культурных и правовых традиций, что объясняет наличие как простых слов, так и сложных синтаксических конструкций. В результате в современной юридической терминосистеме «выделяются термины-слова: однословные, монологемные и термины-словосочетания: многословные, полилогемные» [Шатохина, 2021, с. 21].

В работах по юридической терминологии наиболее продуктивными способами терминообразования считаются морфологический и синтаксический [Шарафутдинова, 2018, с. 227]. Морфологический способ, «при котором в результате присоединения к корневой основе аффиксов, конверсии, либо словосложения образуется новое понятие» [Годунова, 2021, с. 125], охватывает суффиксацию, префиксацию, словосложение и частично конверсию. Среди продуктивных моделей выделяются производные с суффиксами *-tion*, *-ment*, *-er*, *-ing*, а также конструкции с префиксами, которые уточняют значение основы и придают термину необходимую юридическую специфику. Е.В. Годунова отмечает, что «подавляющее большинство юридических терминов образовано при помощи аффиксации, при которой активно используются суффиксы и префиксы» [Годунова, 2021, с. 125]. Синтаксический способ не менее значим, поскольку в английской юридической терминологии особенно продуктивны терминологические словосочетания.

В лингводидактическом аспекте юридическая терминология не просто функционирует, но осмысленно отбирается, комментируется и адаптируется для учебных целей. Здесь значима не только частотность термина, но и его объяснимость. Именно поэтому словообразовательный анализ выполняет дидактическую функцию: он позволяет

раскрыть структуру термина, продемонстрировать связь между формой и значением и тем самым облегчить его запоминание. Не менее важно и то, что в процессе обучения термин усваивается не изолированно, а в составе тематических и коммуникативных блоков. По этой причине для анализа целесообразно рассматривать не только отдельные слова, но и терминологические словосочетания.

В рамках проведённого исследования было отобрано 44 терминологических единиц, которые были распределены по трём основным уровням: простые слова, производные единицы и устойчивые терминологические словосочетания (см. в таблице).

Таблица – Распределение юридических терминов по способам словообразования

Термин на английском языке	Перевод на русский язык	Способ словообразования
act	закон	простое слово
appeal	апелляция	простое слово
application	заявление	производное слово
authorized	уполномоченный	производное слово
by-law	подзаконные акты	сложное слово
certificate	свидетельство	производное слово
claim	жалоба	простое слово
consent	согласие	простое слово
consultation	консультация	производное слово
contract of employment	трудовой договор	терминологическое словосочетание
court	суд	простое слово
document	документ	простое слово
duty	пошлина	простое слово
easement	сервитут	простое слово
enter into contract	заключить договор	терминологическая конструкция
evidence	доказательство	простое слово
extract	выписка	простое слово
fine	штраф	простое слово
governing body	руководящий орган	терминологическое словосочетание
hearing	слушание	простое слово
implementation of proposals	реализация предложения	терминологическое словосочетание
inquiry	расследование	простое слово
jurisdiction	юрисдикция	простое слово
agreement	соглашение	производное слово
liabilities	обязательства	производное слово
notification	уведомление	производное слово
offence	преступление	простое слово
operative date	дата вступления в силу	терминологическое словосочетание
order	распоряжение	простое слово
parties	стороны	простое слово
power	власть	простое слово
proceeding	судебное разбирательство	простое слово
registration	регистрация	простое слово

regulations	нормативные документы	производное слово
request	запрос	простое слово
statutory instrument	подзаконный нормативный акт	терминологическое словосочетание
terminate the contract	расторгнуть договор	терминологическая конструкция
trust deed	доверительный договор	терминологическое словосочетание
witness	свидетель	простое слово
written consent	письменное согласие	терминологическое словосочетание

Анализ представленных терминологических единиц позволяет выделить три уровня представления юридической лексики в обучении английскому языку.

Первый уровень образуют простые термины (*act, court, evidence, offence, power, witness* и др.), которые не требуют дополнительного комментария и усваиваются как базовые номинации правовой сферы.

Второй уровень составляют производные единицы (*agreement, application, authorized, consultation* и др.), которые позволяют продемонстрировать типичные для английского языка словообразовательные модели, прежде всего суффиксацию (V + -ment, V + -tion, V + -ed и др.).

Третий уровень формируют терминологические словосочетания (*contract of employment, governing body, written consent* и др.) и терминологические конструкции (*terminate the contract*), которые функционируют как целостные номинативные единицы в юридическом дискурсе.

Особую значимость с дидактической точки зрения приобретает анализ морфологических моделей. Понимание структуры производного термина, например, «*application*» от основы «*apply*» с суффиксом -*ation*, позволяет обучающимся выводить значение незнакомой единицы на основе знакомой основы, формируя тем самым навык языковой догадки. Кроме того, группировка терминов по словообразовательным моделям обеспечивает системное освоение лексики, а объяснение словообразовательных связей (*employ – employment – employer*) переводит запоминание с механического уровня на логический, что особенно важно при формировании иноязычных навыков.

Синтаксический способ терминообразования, как показал анализ, охватывает значительную часть юридических терминов, значимых для формирования профессиональных компетенций. Такие единицы, как *trust deed, statutory instrument, enter into contract*, не поддаются пословному переводу и требуют усвоения в качестве устойчивых терминологических единиц. В связи с этим мы предлагаем вводить их в контексте типовых юридических ситуаций и закреплять через работу с аутентичными документами на английском языке.

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что применение словообразовательного анализа юридической терминологии в обучении иностранному языку выступает эффективным инструментом формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Дидактическую ценность представляет не изолированное изучение отдельных слов, а системное освоение терминологических единиц, что позволяет обучающемуся одновременно овладевать иностранным языком и формировать представление об организации юридической терминосистемы.

Список литературы

Годунова Е.В. Префиксация как способ образования юридических терминов в английском языке // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 9. – С. 124-126.

Мирошниченко Л.Н. Матричный формат профессионального знания как когнитивная основа заимствования в спортивную терминологию немецкого языка / Л. Н. Мирошниченко, Е. Н. Мусаелян // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 4 (23). – С. 86-94.

Шарафутдинова Н.С. Основные способы образования английских терминов / Н.С. Шарафутдинова, М.М. Эрешова // Современные технологии обучения иностранным языкам. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции (Ульяновск, 15 января 2018 года) / отв. ред. Н.С. Шарафутдинова. – Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2018. – С. 227-234.

Шатохина О.А. Формирование англоязычных юридических терминов в культурно-историческом контексте // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 20-27.

Юридический термин // Экономика и право: словарь-справочник / Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. – 2004. – URL: <https://economics.niv.ru/doc/dictionary/economy-and-law/fc/slovar-222.htm#zag-18737> (дата обращения: 25.03.2026).

DIDACTIC POTENTIAL OF APPLYING WORD-FORMATION MODELS OF LEGAL TERMINOLOGY IN TEACHING PROFESSIONAL ENGLISH

Meshkova Karina Andreyevna,
*Bachelor's Degree Student, Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University,
Supervisor: Miroshnichenko Larisa Nikolayevna,*
*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the word-formation features of legal terminology in the applied aspect of teaching English. The analyzed material includes simple, derived, and compound units, as well as stable terminological phrases. Special attention is paid to the importance of considering morphological and syntactic features of term formation for teaching professionally oriented vocabulary. The conclusion states that the word-formation analysis of legal terminology contributes to a deeper acquisition of specialized vocabulary in the process of teaching English.

Key words: legal terminology, word formation, teaching English, term, term formation.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК НЕЙМИНГА (НА ПРИМЕРЕ ЭРГОНИМОВ В ГОСТИНИЧНОЙ СФЕРЕ)

Мороз Татьяна Андреевна,
*бакалавр кафедры Цифровой нутрициологии,
гостиничного и ресторанного сервиса
МГУТУ имени К.Г. Разумовского (ПКУ), г. Москва, Россия,
Айсин Кузьма Андреевич,*
*специалист кафедры Театрального и эстрадного искусства
Московского гуманитарно-технологического университета –
Московской академии современного искусства (МГТУ-МАСИ),
научный руководитель: Пашинина Юлия Сергеевна,*
*ст. преподаватель кафедры Иностранных языков
Московского гуманитарно-технологического университета –
Московской академии современного искусства (МГТУ-МАСИ),
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности нейминга предприятий гостиничной сферы в России. Одним из источников образования эргонимов выступают произведения русской и зарубежной детской литературы. Выделяются особенности применения как имен литературных персонажей, так и локаций из произведений. Результатом анализа эргонимов гостиничной сферы является выборка одинаковых наиболее часто встречающихся названий. Отмечается большой потенциал использования источников в детской литературе, в том числе и в образовании эргонимов.

Ключевые слова: детская литература, гостиничное дело, литературный источник, нейминг, эргоним.

Вопросы истории и современного состояния русской и зарубежной детской литературы являются предметом исследования ученых разных направлений. Помимо классических исследований литературоведов, переводчиков, историков и психологов, детская литература является источником нейминга в том числе и в сфере эргонимов в российской гостиничной сфере.

Исследование эргонимов отмечается в разных научных областях. Н. Авилова и Н. Хаванова отмечают в своем исследовании «очень частое» использование в нейминге для названия «отеля и/или его номеров по имени писателя (поэта), литературного героя или произведения» [Авилова, 2023, с. 112]. В сфере архитектуры и строительства Ю. Пашина описывает пример употребления в эргониме компонента «Версаль», подчеркивает культурную связь в нейминге (...известный в мире своим дворцово-парковым ансамблем, бывшей резиденцией французских королей, Версаль, возможно, именно в этой связи, будет способствовать привлечению большего числа клиентов» [Пашина, 2025, с. 77]. В гостиничном бизнесе Д.Э. Савичева изучает литературный эргоним: «На территории Крыма был найден ряд эргонимов с названием «Ассоль»: 1. Названия гостиниц, коттеджей и отелей в Судак, Ялте, Симеизе, Саках, Евпатории, Феодосии» [Савичева, 2023, с. 359].

На страницах журнала «Высокий сезон» (Журнал Яндекс Путешествий о сфере гостеприимства) С. Демидова в статье «Сторителлинг и сториливинг: как отелю использовать истории в маркетинге» изучает вопросы детской литературы, рассуждает об особенностях персонажей, возможностях их влияния на читателя, применяя данные к своей сфере деятельности: «Персонажи сказок <...> учат нас доброте, терпению, мудрости на своём примере. Героев книг мы делим на положительных и отрицательных.... Этим пользуются и маркетологи: ценности, поданные через интересный сюжет, усваиваются лучше, чем простые лозунги или советы» [Демидова, 2025].

В «Журнале путешествий» на сайте Яндекс. Путешествия А. Шабельский в своем обзоре «14 отелей с необычными названиями» автор касается темы названия гостиниц, связанных с литературными персонажами детской литературы, а именно двух примеров. Первый пример – гостиница «Слон в удаве» (город Судак), который «отсылает нас к сказке Сент-Экзюпери рассказу «Маленький принц». [Шабельский, 2024]. Второй пример – отель «Кроличья нора» (деревня Коришево, Московская область), название которого «вызывает ассоциации с героиней популярных сказок Льюиса Кэрролла – Алисой в стране чудес. Именно так и началось приключение — когда девочка провалилась в кроличью нору» [Шабельский, 2024].

В своей статье «Нейминг для гостиницы: как придумать название, которое проявит себя незамедлительно?» М. Костюк и О. Иринина высказывают мысль о том, что «название должно <...> успокаивать его сознание <...>. Это словно лёгкое успокоительное средство – название должно <...> гарантировать определённый уровень качества для гостя» [Костюк, 2018, с. 112]. Также они считают, что у «посетителя должно сложиться чувство доверия, что на данный бренд можно положиться и <...> доверять ему». Здесь подчеркивается важность ассоциаций, подчеркивается идея – «разный ассоциативный ряд на одно и то же название» [Костюк, 2018, с. 112].

В своей работе «Эргономическое пространство города Благовещенска» Г. Старыгина приводит среди изученных названий гостиниц и ресторанов в том числе и кафе «Тарас Бульба», также являющееся примером литературного наследия в эргонимах [Старыгина, 2014, с. 53].

Вопросы истории и наследия детской литературы иногда становятся и материалом изучения юристов. Так, на сайте Портала про гостиничный бизнес приводится такой пример: существует судебный запрет на название гостиницы именем виллы Пеппи Длинныйчулок. «Хозяйка гостиницы утверждает, что имела на то благословение самой Линдгрэн: когда она работала с 1970 по 1990 год в <...> центре Стокгольма, женщина не раз встречала легендарную шведку. Когда продавщица рассказала Линдгрэн, что купила гостиницу и хотела бы назвать ее "Вилла Курица", создательница образа Пеппи Длинныйчулок сказала, что это замечательная идея и пожелала ей удачи. Но, к сожалению, на бумаге подобное разрешение закреплено не было» [Суд запретил называть..., 2008].

В своей работе Е. Веденеева утверждает, что «для детских учреждений характерны и «детские» наименования: книги для детей <...> имена персонажей. Такие эргонимы легко узнаваемы и сразу вызывают нужную, положительную ассоциацию» [Веденеева, 2024, с. 4]. И приводит примеры детских центров с названиями: «Золотой ключик», «Буратино», «Чиполлино», «Лукоморье», «Алые паруса», «Жар-птица», «Винни-Пух» и других.

В данном исследовании была поставлена задача изучить названия организаций российской гостиничной сферы, источником которых послужили персонажи детских литературных произведений русских и зарубежных авторов. Собранный методом выборки материал для данного исследования и проведения дальнейшего анализа классифицирован по типу авторов (русские и зарубежные писатели), а также по количеству эргонимов от одного литературного произведения.

Зарубежные литературные источники:

1) апартаменты Алиса в Зазеркалье (г. Калининград), 2) отель «Барон Мюнхгаузен» (г. Судак), 3) гостиница "Белоснежка" (Кабардинка), 4) отель Белоснежка (г. Новоснежная, Байкал), 5) Апартаменты Платформа 9 $\frac{3}{4}$ (г. Санкт-Петербург), 6) отель Гулливер (г. Сургут), 7) Отель Золушка (г. Ливны), 8) хостел Карлсон (г. Тюмень), 9) гостевой дом «Кот в сапогах» (Сочи), 10) отель Маленький принц (пос. Коктебель), 11) Сеть комфортабельных отелей Мини Отель Мэри Поппинс (г. Москва), 12) мини-отель Мумий Троль (г. Санкт-Петербург), 13) гостиницы Хижина Робинзона (г. Феодосия), 14) гостиница «Русалочка» (г. Сочи), 15) гостиница Русалочка (г. Мурманск).

Российские литературные источники:

1) гостевой дом «Дядя Степа» (г. Адлер), 2) гостевой дом Емеля (Республика Башкортостан, деревня Зелёная Поляна), 3) гостиница Емеля (г. Магнитогорск), 4) гостевой дом «Капитан Врунгель» (пос. Лазаревское), 5) апартаменты Капитан Врунгель (г. Санкт-Петербург), 6) Хостел "Кот Матроскин" (г. Санкт-Петербург), 7) гостиница Хоттабыч (г. Оренбург), 8) гостиница Хоттабыч (село Береговое), 9) хостел У Хоттабыча (г. Тюмень), 10) гостевой дом «ЧЕБУРАШКИ» (г. Южно-Сахалинск, ДНТ Сейсмолог), 11) хостел Чебурашка (г. Москва).

На основе изученных теоретических материалов научных исследований и рекомендаций по неймингу специализированных сайтов, а также вышеприведенных названий гостиниц, апартаментов, гостевых домов, хостелов можно сделать следующие выводы:

1) Примеры говорят о широкой географии применения эргонимов в гостиничной сфере с использованием литературных источников из детской литературы (Калининград, Мурманск, Оренбург, Южно-Сахалинск, а также «две столицы» Москва и Санкт-Петербург).

2) Часто это имена заглавных персонажей сказок и детских произведений (Белоснежка, Русалочка, Емеля, Чебурашка, Ассоль и др.), иногда же это наименование

знаковых локаций произведения (Платформа 9 ¾, Хижина Робинзона, У Хоттабыча, Вилла Курица, Слов в удаве, Кроличья нора).

3) Анализ собранных эргонимов позволяет сделать вывод о количественном преимуществе некоторых названий, среди которых несколько гостиниц «Белоснежка», «Русалочка», «Емеля», «Капитан Врунгель», Хоттабыч и Чебурашка, Ассоль.

4) История и современное состояние детской литературы оказывают важное культурологическое влияние на современную гостиничную сферу, некоторым любимым персонажам несколько веков (Белоснежка, Гулливер, Золушка, Емеля), другие – персонажи авторов начала и середины XX века (Старик Хоттабыч, Мумий Тролль, Маленький Принц, Карлсон, Кот Матроскин, Ассоль), но есть и персонаж серии книг 1997-2007 гг., а именно Гарри Поттер, в наименовании апартаментов Платформа 9 ¾.

5) Отмечается интерес общества к русской и зарубежной детской литературе (разных исторических периодов), подчеркивается положительное влияние образов знакомых литературных героев (в том числе и в сфере бизнеса), виден большой потенциал детской русской и зарубежной литературы для нейминга в разных сферах бизнеса, включая и гостиничный бизнес.

Список литературы

Авилова Н.Л. Отели в литературном туризме: технологии и механизмы тематизации пространств / Н.Л. Авилова, Н.В. Хаванова / Современные проблемы сервиса и туризма. – 2023. – Т. 17. – № 3. – С. 107-119.

Веденеева Е.В. Фиктонимы и мифонимы как база для формирования городского эргонимикона // Studia Humanitatis. – 2024. – № 1. – С. 1-14.

Демидова С. Сторителлинг и сториливинг: как отелю использовать истории в маркетинге // Яндекс. Путешествия : сайт. – URL: <https://travel.yandex.ru/pro/storitelling-i-storiliving-kak-otelyu-ispolzovat-istorii-v-marketinge> (дата обращения: 12.03.2026).

Костюк М.В. Нейминг для гостиницы: как придумать название, которое проявит себя незамедлительно? / М.В. Костюк, О.И. Иринаева // Лучшая студенческая статья 2018 : сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса. В 3 частях, Пенза, 25 ноября 2018 года / Ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. Том Часть 2. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 111-115.

Пашина Ю.С. Коммуникативно-прагматический аспект эргонимов в современном строительном медиадискурсе (на примере французского и русского языков) // Язык и культура. – 2025. – № 70. – С. 65-85.

Савичева Д.Э. Процесс трансонимизации поэтонима Ассоль (на материале интернет-источников) // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : Материалы VIII Международного научного конгресса, Симферополь, 07–08 апреля 2023 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023. – С. 357-362.

Старыгина Г.М. Эргонимическое пространство города Благовещенска // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2014. – № 11. – С. 51-56.

Суд запретил называть гостиницу именем виллы Пеппи Длинныйчулок // PRO HOTEL. Портал про гостиничный бизнес : сайт. – URL: <https://prohotel.ru/news-19271/0/> (дата обращения: 17.03.2026).

Шабельский А. 14 отелей с необычными названиями // Яндекс. Путешествия : сайт. – 9 апреля 2024. – URL: <https://travel.yandex.ru/journal/otel-s-ulybkoy/> (дата обращения: 20.03.2026).

CHILDREN'S LITERATURE AS A SOURCE OF NAMING (ON THE EXAMPLE OF ERGONYMS IN THE HOTEL INDUSTRY)

Moroz Tatiana Andreevna,

student, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management,

Aisin Kuzma Andreevich,

student, Moscow University of Humanities and Technology –Moscow Academy of Modern Art (MSTU-MASI),

Supervisor: Pashinina Yuliya Sergeevna,

Senior Lecturer, Foreign language Department, Moscow University of Humanities and Technology –Moscow Academy of Modern Art (MSTU-MASI), Moscow, Russia

Abstract. This article examines the naming practices of hospitality businesses in Russia. One source of ergonyms is Russian and foreign children's literature. Specific uses of both literary character names and locations from these works are highlighted. The analysis of ergonyms in the hotel industry yields a sample of the most frequently encountered identical names. The article notes the significant potential of using sources in children's literature, including in the formation of ergonyms.

Key words: children's literature, hotel business, literary source, naming, ergonym.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Нерушиян Полина Сергеевна,

бакалавр кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ»,

научный руководитель: Мирошниченко Лариса Николаевна,

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается специфика функционирования англоязычного сленга в современной цифровой коммуникации. Анализируется влияние интернет-среды на распространение, семантическое обновление и прагматическое использование сленговых единиц. Особое внимание уделяется таким характеристикам англоязычного сленга, как краткость, экспрессивность, мультимодальность и связь с платформенной культурой. На примере актуальных единиц цифрового общения показывается, что сленг выполняет не только номинативную, но и оценочную, идентификационную и меметическую функции. Делается вывод о том, что англоязычный сленг выступает значимым элементом современной интернет-коммуникации и отражает ключевые тенденции развития цифровой культуры.

Ключевые слова: англоязычный сленг, цифровая коммуникация, интернет-дискурс, языковая экспрессивность, мультимодальность, платформенная культура, меметизация.

Современная цифровая коммуникация стала одной из важнейших сред языкового обновления. Интернет в современном языковом пространстве следует рассматривать не просто как технический канал передачи информации, а как самостоятельную коммуникативную среду, внутри которой особенно быстро вырабатываются новые речевые модели и закрепляются новые лексические единицы. Именно поэтому англоязычный сленг в цифровом пространстве закрепляется так быстро. Он удобен, короток, легко тиражируется и почти всегда связан с повторяющимися сценариями общения.

Э.В. Багдасарова отмечает, что «вне зависимости от социальной или профессиональной принадлежности, возраста, религиозных взглядов в последнее время наблюдается массовое использование интернет-сленга всеми слоями населения» [Багдасарова, 2015]. Цифровая среда поощряет экономию, узнаваемость и эффект групповой принадлежности. На это указывал М.Б. Бергельсон, рассматривая интернет как особую сферу коммуникации [Бергельсон, 2002, с. 56].

Именно англоязычный сленг оказался в этой системе наиболее жизнеспособным не потому, что он престижнее сам по себе, а потому что он лучше приспособлен к темпу платформенной коммуникации» Формы вроде «stinge», «flex», «ban», «toxic», «vibe», «random» или «sram» не просто называют явление. Они работают как быстрые маркеры оценки, эмоции и позиции говорящего. Это особенно заметно в молодежной среде, где сообщение должно быть коротким, считываемым с полувзгляда и пригодным для мгновенной реакции. Распространение англоязычного сленга стоит рассматривать не как побочный продукт моды, а как закономерный результат среды, где скорость, повторяемость и групповая идентификация важнее традиционной литературной нормы [Карпов, 2016].

Существенно и то, что сама цифровая среда ориентирует пользователей на экономию речевых усилий. Как подчеркивает М.Б. Бергельсон, правила интернет-коммуникации определяются прежде всего "прагматическими соображениями удобства и быстроты" [Бергельсон, 2002, с. 56]. Именно поэтому в сетевой речи особенно активно закрепляются краткие, узнаваемые и семантически емкие единицы, многие из которых имеют англоязычное происхождение.

Актуальность исследования определяется тем, что англоязычный сленг в цифровой коммуникации выступает не просто набором модных слов, а важным инструментом выражения оценки, самоидентификации и групповой принадлежности.

Под англоязычным сленгом в данном исследовании понимается совокупность неформальных лексических единиц современного английского языка, обладающих высокой экспрессивностью, социальной маркированностью и склонностью к быстрому обновлению. Это особенно важно учитывать, поскольку, по замечанию С.О. Бариновой, «язык Интернета – очень бурно развивающаяся область английского языка» [Баринова, 2008]. В цифровой среде сленг необходимо рассматривать не как периферийное явление, а как значимый элемент современной речевой практики [Карпов, 2016].

Цифровая коммуникация радикально изменила условия существования сленга. Если ранее подобные единицы закреплялись преимущественно в устной речи отдельных социальных или возрастных групп, то теперь они циркулируют в гибридной среде, где письменная речь всё чаще воспроизводит свойства разговорной [Бергельсон, 2002]. При этом, как подчёркивает С.О. Баринова, «электронная коммуникация по-прежнему происходит в визуально-текстовом формате» [Баринова, 2008]. Онлайн-общение характеризуется высокой скоростью, спонтанностью, стремлением к краткости и выраженной зависимостью от контекста. Не случайно в такой среде, по наблюдению М.Б. Бергельсона, «в виртуальной коммуникации экономия усилий говорящего ярко выражена» [Бергельсон, 2002, с. 57]. В результате формируется особый тип речевой среды, в которой значение слова определяется не только его языковой формой, но и платформой, форматом публикации, визуальным рядом, аудиодорожкой и реакцией аудитории. Для цифрового дискурса особенно важны лаконичность, эмоциональная ёмкость и узнаваемость, поэтому именно сленг оказывается здесь функционально востребованным [Исаева, 2020].

Наглядно особенности современных англоязычных сленговых единиц, активно функционирующих в TikTok в 2020–2025 гг., представлены в таблице. В ней отражены слово или выражение, период активного употребления, первоначальный контекст, современное значение и пример употребления. Такая форма представления материала позволяет увидеть, что современные сленговые единицы возникают не изолированно, а в тесной связи с цифровыми форматами общения: мемами, игровой культурой,

эстетическими сообществами, реактивными репликами и платформенными механизмами оценки контента.

Таблица – Современные англоязычные сленговые выражения TikTok (2020–2025 гг.)

Слова / выражение	Год активного употребления	Первоначальный контекст	Современное значение	Пример употребления
rizz	2023	Видео о флирте и харизме	Способность очаровывать, харизма	He's got mad rizz.
delulu	2023–2024	Мем delusional fan	Наивное воображение, самообман в позитивном ключе	My delulu era is the best one.
NPC	2022–2023	Игровая терминология	Человек, действующий без инициативы, «по сценарию»	She's talking like an NPC again.
be so for real	2023	Реакция на абсурдные высказывания	Призыв к вменяемости, «будь реалистом»	Be so for real right now!
bombastic side eye	2023	Мем с аудиоэффектом	Ироничная форма неодобрения	Bombastic side eye to that comment.
it's giving...	2022–2024	Модный тренд оценки внешнего вида	«Похоже на», «передает атмосферу»	It's giving 90s aesthetic.
ratio	2021–2023	TikTok	Превосходство по лайкам, популярности	You got ratioed, bro.
core (suffix)	2020–2025	Эстетические сообщества	Вспользуется для обозначения стиля, визуального направления или субкультурной модели.	This dress is so cottagecore.

Как видно из таблицы, значительная часть современных англоязычных сленговых единиц формируется на пересечении языка, цифровой культуры и платформенной среды. Так, слово rizz связано с дискурсом флирта и самопрезентации, delulu – с ироническим переосмыслением психологического состояния, а NPC – с переносом игровой модели в сферу повседневной оценки поведения. Эти единицы демонстрируют, что сленг в цифровой коммуникации не только называет явления, но и интерпретирует их, задавая определённую оценочную рамку.

Сленг в TikTok – это больше, чем просто слова. Особый интерес вызывают слова "delulu" и "cringe" в контексте TikTok. Это не просто модные выражения, а полноценные инструменты для быстрой оценки. В этом и проявляется одна из ключевых особенностей интернет-речи. Она тяготеет не к развернутости, а к быстрому считыванию сигнала. Чем короче реплика, тем выше шанс, что она будет замечена, подхвачена и повторена другими участниками общения [Карпов, 2016].

Особенно хорошо это видно в комментариях, коротких видео и чатах. Там реакция важнее объяснения. Пользователь пишет не для того, чтобы долго описывать впечатление, а для того, чтобы сразу обозначить позицию. Сленг в такой среде начинает выполнять сразу несколько задач. Он помогает оценивать, выделять своих, поддерживать общий темп разговора. Кроме того, подобные слова нередко работают как маркеры принадлежности к

актуальной цифровой культуре. Тот, кто свободно использует такие единицы, показывает не только отношение к ситуации, но и включенность в общий контекст интернет-коммуникации. Показателен пример со словом "delulu". Обычно оно появляется там, где чьи-то ожидания выглядят слишком оторванными от реальности. Однако здесь важно не только значение слова. Намного важнее его функция. Когда пользователь пишет "delulu", он не просто фиксирует чужую ошибку в оценке ситуации. Он сразу снижает серьезность сказанного, добавляет иронический оттенок и как будто выносит быстрый публичный вердикт.

Иначе работает "cringe". Здесь на первый план выходит не фантазия и не самообман, а неловкость. Причем неловкость, которую нужно быстро распознать и так же быстро показать другим. Этим словом часто реагируют на поведение автора ролика, слишком театральную подачу, неуместную шутку, чрезмерно пафосную манеру говорить или попытку казаться моднее, чем это воспринимает аудитория. Популярность этого слова связана с тем, что оно очень точно соответствует логике публичной цифровой оценки. В сети важно не просто осудить что-то, а сделать это коротко, заметно и с легкой насмешкой. Именно поэтому "cringe" так легко встраивается в мемную культуру и в повседневный язык платформенного общения.

Не менее интересны слова "aesthetic", "vibe" и модели с элементом "-era". Здесь сленг уже не столько оценивает чужое поведение, сколько помогает быстро оформить впечатление. Это другой уровень речевой работы. Пользователь не спорит и не высмеивает, а схватывает атмосферу. Визуальный стиль ролика, образ человека, настроение фотографии, общее ощущение от аккаунта, все это в интернет-среде часто сворачивается в одно емкое обозначение. Такой способ выражения особенно характерен для платформ, где доминирует визуальный контент и где реакция должна быть почти мгновенной [Новикова, 2013]. Слово "aesthetic" обычно связано с визуальной цельностью. Им обозначают не просто красивую картинку, а узнаваемую стилистику. Одного слова достаточно, чтобы передать представление о стиле, визуальном коде и культурной ассоциации. В этом проявляется характерная черта сетевой речи. Она стремится к емкости, но при этом не отказывается от смысловой насыщенности. Слово "vibe" действует еще тоньше. Оно передает не столько внешний признак, сколько общее ощущение. Это может быть настроение видео, впечатление от человека, эмоциональный фон ситуации. В обычной речи для такой передачи понадобилось бы несколько уточнений. В интернете все решается быстрее. Пользователь пишет одно слово, и собеседники уже понимают, идет ли речь о спокойной, тревожной, уютной или, наоборот, напряженной атмосфере. Именно такие единицы особенно точно показывают, как цифровая среда меняет лексику. Язык здесь нужен не для подробного анализа, а для быстрой фиксации впечатления, которое должно быть понятно сразу и без расшифровки [Карпов, 2016]. Конструкции с "-era" (например, "villain era", "soft girl era", "healing era") также характерны для современной интернет-коммуникации. Они позволяют пользователю обозначить определенный этап своего состояния, образа жизни или самопрезентации. Через такие формы человек как бы оформляет свой опыт в понятную и узнаваемую для аудитории структуру. Это связано с тем, что в социальных сетях.

Важно отметить, что распространение англоязычного сленга в цифровой коммуникации зависит не только от семантики конкретной единицы, но и от степени её воспроизводимости в типовых интернет-сценариях [Карпов, 2016: 89]. Чем легче выражение включается в комментарий, реакцию, подпись к видео или мемный шаблон, тем выше вероятность его закрепления в массовом употреблении. Именно этим объясняется устойчивость выражений вроде *it's giving...*, *NPC* или *be so for real*, которые функционируют не как случайные модные слова, а как готовые модели интерпретации ситуации.

Кроме того, современный англоязычный сленг в цифровой среде тесно связан с культурой самопрезентации [Исаева, 2020]. Пользователь выбирает ту или иную единицу не только для передачи смысла, но и для демонстрации собственной включённости в

определённый дискурс, эстетическое направление или платформенное сообщество. В этом отношении сленг становится частью цифровой идентичности: он помогает обозначить возрастную, культурную и коммуникативную принадлежность говорящего [Исмаилова, 2018]. Так, употребление слов *rizz*, *delulu* или моделей с суффиксом *-core* маркирует не просто знание актуальной лексики, но и участие в современной интернет-культуре, где язык выполняет одновременно информативную, символическую и социально-разграничительную функции.

Анализ материала позволяет выделить несколько основных функций англоязычного сленга в современной цифровой коммуникации. В этом смысле показательно замечание Э. С. Карпова о том, что «функционирование сленга в дискурсе интернет-коммуникаций – это самостоятельное направление современной Интернет-журналистики» [Карпов, 2016]. Во-первых, это экспрессивная функция: сленг делает высказывание эмоционально насыщенным и позволяет быстро выразить отношение к событию, человеку или контенту. Во-вторых, это оценочная функция, поскольку многие единицы уже содержат положительную, отрицательную или ироническую интерпретацию. В-третьих, сленг выполняет идентификационную функцию, помогая пользователю продемонстрировать включённость в определённое онлайн-сообщество, поколение или культурный тренд. В-четвёртых, англоязычный сленг реализует коммуникативно-экономную функцию, поскольку краткие формы позволяют передавать содержательно сложные значения с минимальными речевыми затратами. Это особенно важно в цифровой коммуникации, где скорость реакции и компактность высказывания нередко оказываются значимее развернутого объяснения. Наряду с этим в интернет-среде особую роль приобретает меметическая функция. Сленговая единица включается в коллективно узнаваемый сценарий, начинает восприниматься как часть общего культурного кода и функционирует уже не изолированно, а в системе повторяющихся сетевых практик [Карпов, 2016].

Англоязычный сленг в цифровой коммуникации представляет собой не периферийное, а функционально значимое и подвижное языковое образование. Его особенности проявляются в краткости, экспрессивности, мультимодальности, зависимости от платформенной среды и высокой скорости распространения. В интернет-общении такие единицы выполняют не только номинативную функцию. Они используются для выражения оценки, маркирования групповой принадлежности, речевой экономии и включения в коллективные сценарии сетевой культуры. Через них пользователи не просто называют явления, но и интерпретируют происходящее, выражают отношение, распознают своих и участвуют в совместном создании цифровых смыслов. Исследование англоязычного сленга в этом контексте позволяет точнее описать как современные языковые процессы, так и механизмы функционирования самой цифровой культуры.

Список литературы

- Баринова С.О. Типология англоязычных сокращений, используемых в сети Интернет : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 22 с.
- Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 55-67.
- Багдасарова Э.В. Структурные особенности американского Интернет-сленга // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 9. – Ч. 2. – С. 14-16.
- Исаева А.Ю. Лингвистические особенности сетевого общения (на материале англоязычных комментариев в социальных сетях) / А.Ю. Исаева, Ю. В. Акимцева, Д.М. Грекова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (145). – С. 201-206.
- Исмаилова Г.К. Английские жаргонизмы в интернете / Г.К. Исмаилова, В.Ю. Шашарин // Казанский лингвистический журнал. – 2018. – Т. 1. – № 1 (1). – С. 75-82.

Карпов Э.С. Функционирование сленга в дискурсе интернет-коммуникаций : Дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2016. – 163 с.

Новикова Л.А. Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети Интернет // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – Вып. 2. – С. 126-133.

SPECIFIC FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE SLANG FUNCTIONING IN MODERN DIGITAL COMMUNICATION

Nerushiyan Polina Sergeevna,

*Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State University,*

Academic Supervisor: Miroshnichenko Larisa Nikolaevna,

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute, Belgorod State University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the specific features of English-language slang functioning in modern digital communication. It analyzes the influence of the Internet environment on the spread, semantic transformation, and pragmatic use of slang units. Particular attention is paid to such characteristics of English-language slang as brevity, expressiveness, multimodality, and its connection with platform culture. Using current digital communication units as examples, the study demonstrates that slang performs not only a nominative function, but also evaluative, identificational, and memetic functions. It is concluded that English-language slang is a significant element of modern online communication and reflects key trends in the development of digital culture.

Key words: English-language slang, digital communication, internet discourse, linguistic expressiveness, multimodality, platform culture, memetization.

ИИ-ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕЗЕНТАЦИИ ДОСТИЖЕНИЙ РОССИИ

Сычѣва Элина Алексеевна,

студентка 5 курса

*Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,*

Сушенкова Юлия Дмитриевна,

учитель МБОУ СОШ №35 г. Белгорода,

научный руководитель: Прокопенко Юлия Александровна,

кандидат социологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

факультета иностранных языков

педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается спектр возможных вариантов использования современных технологий искусственного интеллекта, который может выступать в роли результативного дополняющего инструмента презентации достижений Российской Федерации. Анализируются дидактические преимущества внедрения популярных нейросетей в процесс образования, определяются ведущие формы и методы работы, которые формируют у учащихся позитивное видение своей родной страны. Особое

значение придается развитию и формированию компетенций в коммуникации, повышению замотивированности и интереса обучающихся к изучению иностранного языка и достижений России в рамках использования современных эффективных решений.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, иностранный язык, образовательный процесс, презентация достижений России, патриотическое воспитание, цифровые образовательные инструменты, межкультурная коммуникация.

Современная система образования стремительно переходит к цифровым технологиям и их активной интеграции в различные аспекты обучения. Цифровой интеллект выступает в качестве одной из важнейших инновационных разработок нашего времени по той причине, что значительно видоизменяет стандартные подходы к преподаванию и предоставляет условия, в которых обучающиеся школ и высших учебных заведений развивают в себе чувства гражданской ответственности и преданности своей родине. Искусственный интеллект, применяемый при изучении иностранных языков – эффективный ресурс, который не просто улучшает коммуникативные навыки, но и демонстрирует достижения России на масштабном уровне, тем самым формируя у современного поколения позитивное и актуальное восприятие своей страны [Кулакова, 2018, с. 6].

Цель статьи заключается в выявлении и обосновании дидактического потенциала искусственного интеллекта как инструмента презентации достижений России на уроках иностранного языка, а также определение ведущих форм и методов работы, способствующих развитию в учениках коммуникативных, социокультурных и информационных компетенций, формированию критического мышления и современного патриотического воспитания.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс презентации достижений Российской Федерации в рамках изучения иностранного языка – достаточно сложный, многогранный процесс, который выходит за рамки привычного обмена информацией. Теперь данный процесс является не просто пассивным перечислением исторических или географических фактов, а представляет собой полноценную целенаправленную педагогическую работу, прививающую ученикам и студентам разностороннее, современное и эмоционально насыщенное восприятие своей страны [Агальцова, 2022, с. 11-17].

Ключевая особенность метода заключается в персонализации коммуникативного взаимодействия. Интеллектуальная система проводит анализ индивидуальных интересов каждого студента на основе данных о поисковых запросах, выполненных работах и участии в обсуждениях, после чего подбирает релевантные материалы, освещающие достижения России в различных сферах.

Так, обучающимся, проявляющим интерес к экологии и биоинженерии, предлагаются информационные ресурсы о российских заповедниках, программах по восстановлению экосистемы Арктики и последних научных открытиях в области генетики. Студентам, увлечённым сферой IT, предоставляется информация о ведущих российских специалистах, достижениях компаний (в т. ч. «Яндекса») и вкладе отечественных экспертов в международные технологические проекты.

Технологии, способствующие полному вовлечению, такие как виртуальная (VR), дополненная (AR) реальность и искусственный интеллект (ИИ), становятся основой для вызова сильных эмоциональных реакций. Они дают студентам возможность не только усваивать информацию, но и по-настоящему переживать учебный материал. При использовании VR-гарнитур обучающиеся получают возможность совершать виртуальные путешествия, например, в Эрмитаж или на Байкал. Искусственный интеллект ведет беседы на иностранных языках, подстраивает уровень сложности подаваемого материала и предлагает новые варианты изучения, учитывая индивидуальные предпочтения. Данный подход дает возможность развитию глубокой

эмоциональной привязанности к изучаемому предмету или стране, а также формирует уникальный собственный опыт познания.

Потенциал современных генеративных нейронных сетей действительно огромен и раскрывает для учащихся новые и актуальные перспективы для проектной деятельности. На сегодняшний день искусственный интеллект не просто излагает уже известную информацию, но и генерирует уникальные материалы: тексты любой сложности, сообщения для прессы, различные графические элементы, посвященные успехам и достижениям России [Фирсов, 2020, с. 53]. Такой метод заметно совершенствует навыки письма на иностранных языках, развивает и повышает критическое мышление и искусство визуального повествования. Как итог, ученики становятся более проактивными, формируется свое мнение и жизненная позиция, а также осознание собственной роли и вклада в прогрессе страны, в которой они проживают.

Продемонстрировать полноту дидактического потенциала технологий искусственного интеллекта можно на конкретном примере со сценарием урока английского языка в 11 классе, который посвящен презентации достижений Российской Федерации в сфере технологий и науки. В качестве инструментария выступают отечественные нейросетевые модели, такие как GigaChat и Алиса GPT (Яндекс GPT).

Урок строится по модели проектной деятельности, где конечным продуктом является мультимедийная презентация и её защита на английском языке. На первом, диагностическом этапе, учащиеся делятся на микрогруппы и формулируют запрос к нейросети для выявления наиболее значимых, с точки зрения глобального информационного поля, российских достижений XXI века [Сидорова, 2021, с. 108-111].

Далее группы переходят к этапу глубинного исследования. Используя GigaChat в качестве ассистента, они формулируют запросы на английском языке для генерации черновых вариантов пресс-релизов, адресованных ведущим мировым СМИ (например, *Reuters, Bloomberg*).

Например, студенты, работающие над темой ядерной энергетики, может использовать запрос: *"Write a formal press-release for Reuters about the importance of Russia's fast neutron reactor technology for the future of clean energy"*. Полученный текст становится сырым материалом для дальнейшей работы. Ключевая педагогическая задача на данном этапе заключается в развитии у учащихся навыков критического анализа и редактуры: ученики должны верифицировать факты, улучшить стилистику и адаптировать текст для целевой иностранной аудитории, тем самым осваивая функциональный стиль деловой документации.

Следующий блок упражнений направлен на отработку навыков спонтанной речи и аргументации. Для симуляции диалога, который в случае данного примера представляет собой диалог с иностранным журналистом, ученикам предлагается использовать голосовый помощник на основе ИИ – *Alisa GPT*. Инициировать начало разговора можно следующей репликой: *"Hello, I'm a spokesperson for Rosatom. I am ready for your tough questions about nuclear safety"*. Далее учащиеся получают от нейросети сложный, провокационный вопрос по теме своего выступления. Такое упражнение значительно снижает психологический барьер и частый страх публичных выступлений, а также подготавливает учеников к ответам на различные каверзные вопросы в режиме реального времени, используя подготовленный лексический материал.

Если говорить об уникальном иллюстративном ряде для презентаций, ученики могут воспользоваться разнообразными генеративными моделями (например, *Kandinsky*). Учащиеся формулируют промпты на английском языке для того, чтобы нейросеть сгенерировала максимально актуальное и подходящее изображение по тематике их презентаций и докладов генерации изображений, соответствующих тематике их докладов (например: *"A photorealistic image of a modern Russian nuclear power plant with fast neutron reactors, symbolizing clean energy of the future"*). Данная возможность позволяет

интегрировать в проект уникальный визуальный ряд иллюстраций и разобраться в основах визуального сторителлинга.

Кульминационным этапом такого урока является защита проектов, в процессе которой группы учащихся презентуют свои выполненные работы. Завершением выступления становится рефлексия: учащиеся задают *GigaChat* вопрос об оценке значимости представленных достижений (*например: "Based on the presented projects, which Russian achievement seems to have the most significant impact on solving global challenges of the 21st century and why?"*). Сравнение ответа искусственного интеллекта с результатами обсуждения в классе способствует развитию критического мышления и медиаграмотности.

Современные технологии искусственного интеллекта трансформируют уроки иностранного языка, превращая их в площадку для комплексного развития личности. Активная работа с текстами не только обогащает словарный запас учащихся (в т. ч. общественно-политической, научной и деловой лексики), но и оттачивает все виды речевой деятельности [Еловская, 2018, с. 39-45]. Одновременно школьники осваивают ключевые элементы информационной грамотности: учатся точно формулировать запросы, критически воспринимать контент и грамотно его редактировать. Благодаря такому подходу патриотическое воспитание перестаёт быть формальным – оно строится на глубоком понимании реальных успехов страны и личном ощущении причастности к её будущему.

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в уроки иностранных языков открывает новые возможности для современного образования. Персонализация учебных материалов не только повышает эффективность обучения, но и помогает студентам сформировать целостное и позитивное понимание России. Развивая коммуникативные навыки, социокультурную осведомленность, критическое мышление и медиаграмотность, такой подход готовит студентов к успешной межкультурной коммуникации и предоставляет им инструменты для демонстрации достижений своей страны на международной арене.

Список литературы

Агальцова Д.В. Современные средства визуализации учебной информации при обучении иностранному языку в вузе / Д.В. Агальцова, Л.В. Милеева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – № 12. – С. 11-17.

Еловская С.В. Использование интерактивных образовательных технологий при обучении иностранному языку в вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 23. – № 176. – С. 39-45.

Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 2 (42). – С. 6.

Сидорова И.В. Педагогические технологии как условие достижения нового образовательного результата / И.В. Сидорова, Д.С. Томонов // Современные тенденции развития науки и образования: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – Нефтекамск, 2021. – С. 108-111.

Фирсов М.В. Опережающие обучение навыкам будущего (Future Skills) посредством разработки компьютерных тренажеров и цифровых ассистентов с искусственным интеллектом / М.В. Фирсов, О.Н. Филатова, А.В. Гушин // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. – 2020. – № 3 (53). – С. 11-16.

AI TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES AS A TOOL FOR PRESENTING RUSSIA'S ACHIEVEMENTS

Sycheva Elina Alexeevna,

*fifth-year student at Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia,*

Sushchenkova Yulia Dmitrievna,

Teacher at Secondary School No. 35 in Belgorod,

Scientific adviser: Prokopenko Yulia Aleksandrovna,

Candidate of Sociological Sciences,

Associate Professor of the Department of Foreign Languages,

Faculty of Foreign Languages

Pedagogical Institute of BelSU, Belgorod, Russia

Abstract. This article examines the range of possible uses of modern artificial intelligence technologies, which can serve as an effective complementary tool for presenting the achievements of the Russian Federation. The didactic advantages of integrating popular neural networks into the educational process are analyzed, and the leading forms and methods of work that foster a positive view of their home country in students are identified. Particular emphasis is placed on developing and nurturing communication skills, increasing students' motivation and interest in learning a foreign language and Russia's achievements through the use of modern, effective solutions.

Key words: artificial intelligence technologies, foreign language, educational process, presentation of Russia's achievements, patriotic education, digital educational tools, intercultural communication.

ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО НАВЫКА (НА ПРИМЕРЕ АНИМАЦИОННОГО СЕРИАЛА «ГРАВИТИ ФОЛЗ»)

Холод Надежда Игоревна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков*

Ярославского государственного педагогического университета

им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия,

Владимирова Анастасия Александровна,

студентка 4 курса исторического факультета

Ярославского государственного педагогического университета

им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема развития лексического навыка на занятиях по иностранному языку посредством видеоматериалов. Анализируется дидактический потенциал использования видеоматериалов, в частности анимационного сериала «Гравити Фолз». Представлены практические приемы использования данных видеоматериалов для обучения иностранному языку в 7 классе. Отмечается, что интеграция аутентичного видео может компенсировать ограничения стандартного учебника и способствовать развитию активного лексического запаса школьников,

Ключевые слова: Видеоматериалы, анимационный сериал, обучение иностранному языку, лексический навык.

Использование видеоматериалов на уроках иностранного языка предоставляет широкие возможности для анализа и сопоставления культурных реалий и особенностей

вербального и невербального поведения в различных контекстах межкультурного общения.

Во-первых, видео предоставляет доступ к аутентичному языковому контексту. Оно демонстрирует лексику не изолированно, а в рамках реальных ситуаций общения, сопровождаемых невербальными компонентами (жестами, мимикой) и отражающих социокультурные особенности. Это позволяет погрузить обучающегося в языковые реалии, дает возможность услышать живую речь носителей с ее естественными интонациями, смысловыми акцентами и темпом. Такое погружение формирует у учащихся чувство «языковой реальности» и способствует развитию умения понимать естественную речь. Кроме того, наглядно демонстрируя употребление слов в контексте, видеоматериалы помогают преподавателю объяснить разницу между синонимами, их смысловые оттенки и уместность применения в той или иной ситуации [Киндря, 2022, с. 704].

Во-вторых, визуальная опора (изображения, субтитры, графические выделения) существенно облегчает декодирование аудиоряда. Такая поддержка помогает не только мгновенно постигать значение новых единиц, но и прочнее закреплять их в памяти за счёт формирования двойного – слухового и зрительного – образа, что напрямую способствует обогащению словарного запаса.

В-третьих, видеоматериалы выступают мощным мотивационным и эмоциональным катализатором. Их способность вызывать живой отклик и интерес, особенно при использовании современных и релевантных для подростков форматов (клипы, сериалы), непосредственно повышает вовлечённость учащихся и стимулирует их к последующему обсуждению.

Помимо привлекательности контента, сам факт работы с видео активизирует внимание учащихся за счёт смены вида деятельности на уроке, что позволяет эффективно переключаться между разными этапами занятия и предотвращает утомление. Кроме того, принцип многоканального восприятия является ключевым с точки зрения когнитивной психологии. Одновременная работа зрительного и слухового анализаторов снижает когнитивную нагрузку, распределяет внимание и активизирует различные виды памяти, что в совокупности ведёт к более глубокому и устойчивому усвоению лексики благодаря применению наглядных методов обучения. Наконец, видео служит универсальной основой для интеграции всех видов речевой деятельности. На его базе можно выстраивать комплексную работу: от аудирования и говорения (обсуждение) до чтения (работа с субтитрами или расшифровкой) и письма (написание рецензий, сценариев) [Архипова, 2025, с. 22].

Использование аутентичных видеоматериалов, помимо очевидных преимуществ, предъявляет повышенные требования к восприятию учащихся и может вызывать типичные затруднения. Эти сложности можно условно разделить на две группы:

1. Языковые и речевые особенности: быстрый естественный темп речи, нечёткая дикция, диалектные или идиоматические выражения.
2. Информационно-культурологическая сложность: наличие неизвестных культурных реалий, фоновых знаний, а также высокая плотность и параллельность подачи аудио- и визуальной информации.

Необходимо отметить необходимость системной методической работы для преодоления этих барьеров и минимизации когнитивной нагрузки.

На этапе отбора: выбор фрагментов с управляемой сложностью (стандартный акцент, ясная артикуляция, соразмерный темп).

На этапе организации просмотра: использование английских субтитров в качестве временной и дозированной опоры для облегчения декодирования речи. Важно, однако, поэтапно сокращать их применение, чтобы стимулировать развитие, собственно, аудитивных навыков.

На этапе подготовки: предварительное введение ключевой лексики и культурологических комментариев, что позволяет направить основное внимание учащихся на понимание общего смысла и целевых языковых явлений.

Ещё одна значимая сложность при работе с аутентичным видео заключается в наличии культурологических лакун — предметов, традиций, аллюзий или юмора, смысл которых может быть непонятен учащимся без дополнительных пояснений.

Следующая типичная проблема — когнитивная перегрузка, вызванная высокой плотностью и параллельностью аудиовизуальной информации. Методическим ответом на это служит ряд конкретных приёмов: дробление материала на логически завершённые эпизоды, чёткая фокусировка внимания учащихся на одной конкретной задаче за просмотр (например, на определённой группе лексики), а также регулярное чередование фаз восприятия видео и выполнения упражнений. Активное использование пауз, наводящих вопросов и заданий на заполнение пропусков в субтитрах или схемах помогает структурировать поток информации и удерживать концентрацию.

Крайне важно соблюдать принцип постепенности в постановке учебных задач. Первичной целью всегда должно быть общее понимание основного содержания и идеи. Лишь после его достижения следует переходить к более детальному анализу: выделению ключевых фрагментов, целенаправленной работе с лексикой и, наконец, к продуктивным речевым заданиям на основе усвоенного материала [Гальскова, 2006, с. 301]. Завершать цикл работы полезно этапом учебной рефлексии, когда учащиеся в диалоге с учителем или в ходе самоанализа оценивают свой прогресс, отмечая усвоенные слова, понятые идеи и оставшиеся вопросы. Это позволяет закрепить результат и скорректировать дальнейшую траекторию обучения.

В качестве примера нами был выбран фрагмент из популярного анимационного сериала «Гравити Фолз» (Gravity Falls), а именно начальные сцены серии «Tourist Trapped». Данный выбор аргументирован целым рядом дидактических и психолого-педагогических факторов.

1) Соответствие возрастным и психологическим особенностям целевой аудитории: Сериал «Гравити Фолз» создан для аудитории подросткового возраста и молодёжи. Его сюжеты, юмор и характеры персонажей (двенадцатилетние близнецы Диппер и Мэйбл) глубоко резонируют с семиклассниками, что является мощнейшим внутренним мотиватором к участию в речевой деятельности.

2) Богатство и естественность лексико-грамматического материала: Выбранный фрагмент представляет собой аутентичный образец живой разговорной речи. В течение короткого эпизода зритель знакомится с основными персонажами, чьи визуальные образы и диалоги изобилуют необходимой лексикой. Например, Диппер может быть описан как a nervous, curious boy in his early teens with short, dark hair and a signature cap, в то время как Мэйбл предстаёт как an energetic, optimistic girl with long, dark hair, colorful braces and eclectic, handmade sweaters. Их дядя Стэн — a tall, heavily-built, middle-aged man with a bald head, a fez and a sly look, что позволяет ввести и отработать лексику, прямо соответствующую темам учебника.

3) Наличие визуального контекста для семантизации: Видеоряд предоставляет безграничные возможности для не прямой семантизации новой лексики. Значения таких слов, как energetic, sly, nervous, становятся очевидными через мимику, жесты и действия персонажей. Это позволяет уйти от механического перевода к формированию прямых ассоциаций «образ-слово», что способствует более глубокому усвоению и долгосрочному запоминанию.

4) Культурологический и лингвострановедческий потенциал: Сериал, будучи продуктом американской культуры, в мягкой форме знакомит учащихся с элементами повседневного летнего отдыха подростков в США (road trip, mystery shack, tourist attractions), что косвенно обогащает тематику Module 5 «Holidays» и способствует развитию межкультурной компетенции.

Что касается предпросмотрового этапа, предлагаем выполнить упражнение «Прогноз по первому кадру: контекстуальная семантизация», имеющее целью настроить учащихся на тематику и стилистику видеоролика, ввести и семантизировать ключевую

новую лексику через визуальный контекст и прогнозирование. Учитель демонстрирует на экране стоп-кадр из начальной заставки «Гравити Фолз» или первый кадр выбранного фрагмента (например, вид на загадочный лес или вывеску «Mystery Shack»). Учащиеся в парах получают задание обсудить и записать 3 вопроса, которые у них возникают к этому изображению, используя конструкцию «What...?», «Who...?», «Why...?». После обсуждения учитель вводит 4-5 ключевых лексических единиц, которые встретятся в ролике (например, *mysterious, twin siblings, to investigate, weird, a tourist trap*), но делает это не через прямой перевод, а через контекст: показывает короткое видео, иллюстрирующее действие, или предъявляющее слово рядом с визуальным символом из кадра (слово «weird» рядом с изображением необычного существа из заставки).

Для просмотрового этапа предлагаем использовать упражнение «Лексический радар: целенаправленный поиск». Целью данного упражнения является развитие навыка селективного аудирования (*selective listening*), тренируя умение оперативно распознавать и фиксировать целевую лексику в потоке спонтанной речи. Задание направлено на преодоление выявленного в учебнике дефицита упражнений на целенаправленное извлечение лексической информации.

Перед первым просмотром каждый учащийся получает индивидуальную «карту поиска» (*Bingo-style grid*) с изображениями или написанием 6-8 ключевых слов из темы «Внешность и характер» (например, *curious, nervous, energetic, tall, braces, journal, weird, mystery*). Во время просмотра учащиеся отмечают те слова или их синонимичные выражения, которые слышат в диалогах персонажей. После окончания ролика следует этап парной верификации: ученики в парах задают друг другу вопросы по типу «*Did you catch 'curious'? Who said it?*», «*I heard 'energetic'. Was it about Mabel?*», сверяя свои наблюдения и уточняя контекст. В отличие от репродуктивных заданий учебника, данное упражнение моделирует реальную коммуникативную ситуацию — вычленение смысловых опор из устного сообщения. Оно соответствует этапу тренировки рецептивного лексического навыка, так как заставляет мозг активно фильтровать речевой поток, соотнося звучащую форму слова с его значением. Использование визуальной опоры (карточки) снижает когнитивную нагрузку и позволяет сконцентрироваться на аудировании.

Следующим упражнением для просмотрового этапа можно использовать упражнение «Точка бифуркации: прогноз развития сюжета», помогающее развивать прогностические умения и навык спонтанной устной речи в микрогруппах; стимулировать активное применение всей изученной лексики (как активированной ранее, так и новой) в рамках творческой гипотезы. Это упражнение формирует критическое мышление, которого не хватает в репродуктивных заданиях учебника. Учитель останавливает видео на ключевом моменте, создающем напряжённость или вопрос (например, в момент, когда Диппер находит странный символ в лесу, или когда Стэн заманивает первых туристов в «Лачугу Чудес»). Учащиеся в группах по 3-4 человека получают задание обсудить и записать два возможных сценария развития событий: один — реалистичный, другой — фантастический. В своих прогнозах они должны использовать не менее 5-6 лексических единиц с урока, описывающих как возможные действия (*to investigate, to discover, to trick*), так и черты характера персонажей (*suspicious, brave, sly*). Пример: «*We think Dipper, being curious and brave, will investigate the symbol. He might find a mysterious map. Or, in a weird scenario, the symbol will come to life!*». После обсуждения группы представляют свои гипотезы классу, а затем смотрят продолжение видео, чтобы сравнить с оригинальным сюжетом.

На послепросмотровом этапе представляется логичным использовать упражнение «Семантическая карта персонажа: синонимы и антонимы», расширяющее и систематизирующее лексический запас учащихся путём построения семантических полей вокруг ключевых понятий. В группах по 3-4 человека учащиеся получают карточку с именем персонажа и 3-4 ключевыми словами, его характеризующими (напр., для Диппера: *curious, nervous, observant*). Задача группы — создать «семантическую карту» на листе ватмана. В центре — имя персонажа. Первый круг — данные слова. Второй круг — подобрать к каждому синонимы

(например, curious – inquisitive, investigative) и антонимы (nervous – brave, confident). Третий круг – записать глаголы, которые ассоциируются с этими чертами (to investigate, to study, to worry, to hesitate). Группы презентуют свои карты, объясняя выбор слов.

Таким образом, можно сделать вывод, что интеграция аутентичного видео может компенсировать ограничения стандартного учебника и способствовать развитию активного лексического запаса школьников, что делает процесс обучения динамичным, интересным и осмысленным для учащихся.

Список литературы

Архипова М.В. Использование аутентичных видеоматериалов в обучении иностранным языкам / М.В. Архипова, Е.Е. Белова, С.Ю. Филиппова // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 87-4. – С. 21-23.

Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – Лингводидактика и методика : учеб. пособие. – М.: Академия, 2006. – 336 с.

Киндря Н.А. Использование мультимедийных средств в обучении студентов английскому языку в неязыковом вузе // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12. – № 6А. – Ч. II. – С. 701-708.

THE USAGE OF VIDEO MATERIALS TO DEVELOP VOCABULARY SKILLS (BASED ON THE ANIMATED SERIES "GRAVITY FALLS")

Kholod Nadezhda Igorevna,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia*

Vladimirova Anastasia Alexandrovna,

*4th year student, Faculty of History,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia*

Abstract. The article discusses the current problem of developing lexical skills in foreign language classes using video materials. The didactic potential of using video materials, particularly the animated series Gravity Falls is analyzed. The article presents practical techniques for using these video materials in teaching foreign languages in the 7th grade. It is noted that integrating authentic video can compensate for the limitations of a standard textbook and contribute to the development of students' active vocabulary.

Key words: Video materials, animated series, foreign language learning, and vocabulary skills.

NEUROPSYCHOLOGICAL APPROACH IN INCLUSIVE EDUCATION

Dronova Olga Evgenievna,

*Student of the Faculty of Preschool Primary and Special Education,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,*

Scientific advisor: Markov Alexander Vladimirovich,

*Senior Lecturer at the Department,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article substantiates the neuropsychological approach as a scientific and methodological basis for individualization of inclusive education. It reveals the interaction between a teacher and a neuropsychologist in identifying a child's strengths and weaknesses,

determining the zone of proximal development, and developing learning strategies that are recorded in an individual educational program. The article provides practical recommendations for organizing an adaptive educational environment, selecting educational materials, and developing an assessment system based on years of experience in applying neuropsychological correction in primary schools.

Key words: inclusive education, neuropsychological approach, individual educational program, higher mental functions, interaction between a teacher and a neuropsychologist.

Inclusive education, which involves the joint education of children with different educational needs, cannot be effective without an individual approach to each student. The need for such an approach is unanimously recognized by domestic and foreign researchers [Pylaeva, 1995, p. 37-45]. However, the declaration of the principle of individualization does not guarantee its practical implementation. A scientifically based methodological framework is required to develop teaching strategies that are appropriate for each child's psychophysiological characteristics. The neuropsychological approach serves as such a basis, which integrates knowledge about the brain organization of higher mental functions (HMF), their development in ontogenesis, and compensation mechanisms [Akhutina, 2008, p. 320]. This article focuses on the implementation of the neuropsychological approach in inclusive education, emphasizing the collaboration between educators and neuropsychologists in the development of individualized educational programs.

Individualized Educational Program as a Tool for Individualization

The main organizational and legal document that ensures the implementation of an individual approach in inclusive education is the individual educational program (IEP). The IEP is a comprehensive document that outlines not only the educational goals and objectives, but also the entire range of conditions necessary for achieving them by a specific student, taking into account their psychophysical characteristics. The content of the IEP should clearly define the learning goals for a specific period (usually a school year). These goals are formulated in terms of measurable indicators and include a specific list of knowledge, skills, and abilities that the student must acquire, as well as a description of the functional capabilities that need to be developed. The target section of the IOP sets the direction of educational work and serves as a basis for evaluating its effectiveness.

However, as practice shows, correctly formulated goals alone do not guarantee the achievement of planned results. The key is the content of the program, which is a detailed description of the ways, methods, and means of achieving the set goals. This section of the IOP is essentially a roadmap for the student's educational journey. This is where it is recorded: what adaptations of the general education program are necessary for the child; what special teaching methods will be used; in what format (individually, in a small group, or in a frontal format) the work will be organized; what types of assistance (stimulating, organizing, guiding, and teaching) will be provided and at what stage; what teaching tools and visual materials will be used; how progress will be assessed, and when intermediate monitoring will be conducted. Without such detail, the IOP risks remaining a formal document that does not affect real educational practice.

The success of inclusive education largely depends on the reasonable choice of teaching methods, which must be adequate to the individual characteristics of the student's cognitive activity and behavior [Kuzminykh, 2022, p. 103-115]. It is impossible to effectively educate a child without understanding how they perceive, process, and assimilate information, and which aspects of their mental activity are strong (compensatorily preserved) and which are weak (deficient) and require special support. Without such understanding, even the most advanced pedagogical technologies may be ineffective or even exacerbate the child's difficulties.

This is where the neuropsychological approach plays a crucial role. The most effective and valid methods for analyzing the individual characteristics of a student's cognitive processes and behavior have been developed within the framework of neuropsychology [Akhutina, 2008, p. 320]. Neuropsychological diagnostics not only allows for the identification of learning difficulties

(such as dysgraphia or counting difficulties) in children, but also helps to uncover the underlying mechanisms. It enables the determination of which component of a complex functional system is impaired or underdeveloped, whether it is a lack of visual-spatial perception, weak phonemic hearing, inadequate voluntary regulation of activities, or other factors.

Based on this analysis, the teacher and the neuropsychologist can work together to develop individualized learning strategies that focus on the child's strengths while also addressing their weaknesses. For example, if a child has difficulty processing auditory information, the teacher can use visual supports, algorithms, and specific techniques to enhance their phonemic hearing. If the leading deficit is a weakness of regulatory functions (programming and control), then the learning strategy will include step-by-step instructions, joint planning of activities, external mediation of actions, and gradual transfer of control functions to the child himself [Pylaeva, 2008a, p. 112]. Thus, the neuropsychological approach provides a transition from formal, "averaged" individualization to individualization based on a deep understanding of the mechanisms of development and compensation of mental functions, which creates a real basis for successful inclusive education. The document includes a description of the child's strengths and weaknesses, parents' requests, the results of neuropsychological examinations, and specific assistance strategies.

An analysis of domestic and foreign experience shows that the key components of the IOP – identifying the child's strengths and weaknesses and developing assistance strategies – are most effectively implemented through close collaboration between educators and neuropsychologists, allowing for a transition from a phenomenological description of difficulties to an understanding of their underlying mechanisms [Akhutina, 2006, p. 168].

Neuropsychological analysis in educational practice

Within the framework of neuropsychology, the theoretical foundations of the systemic organization of VPF, methods of diagnosing their condition in children, as well as a system of correction measures, have been developed. The neuropsychological approach allows us to answer the question not "does the child cope?", but why does he not cope, revealing the qualitative specifics of the underdevelopment of certain components of mental activity.

An important feature of neuropsychological diagnostics in the educational context is the use of "tracking diagnostics" methods, which involve systematically observing a child's behavior during educational activities and providing various types of assistance (stimulating, organizing, and teaching). This approach allows for the identification of not only the current level of development but also the "zone of proximal development" (L.S. Vygotsky) [Pylaeva, 2006, p. 64]. The teacher, who interacts with the child on a daily basis, plays a crucial role in this process.

Model of interaction between a neuropsychologist and a teacher

The interaction between a neuropsychologist and a teacher is based on the principles of interdisciplinary cooperation. At the diagnostic stage, the joint effort is aimed at identifying not only deficits, but also the conditions for overcoming difficulties – the answer to the question "how to take a step from failure to success". Together, they select methodological techniques, the gradation of task complexity, visual and verbal material, and determine the optimal way of presenting the material.

Based on the data obtained, a general strategy for working with the class is developed. The class can be divided into groups based on the leading type of difficulty, and the composition of the groups may change as different subjects are studied. When creating the program, it is taken into account that the class includes children with both common and individual difficulties.

Common characteristics of modern children include: difficulties in organizing their activities (weakness of regulatory functions); slowness or impulsiveness; easy distractibility and attention fatigue; increased fatigue; and reduced academic motivation.

Individual characteristics may be associated with selective difficulties in processing auditory (speech) or visual-spatial information. Therefore, when creating a program, it is necessary to take into account all the components of the complex function being mastered (for example, writing includes visual-spatial, speech-auditory, motor, and regulatory components). If a child or a group exhibits specific difficulties in any aspect, the educator organizes assistance to focus on

that specific aspect, while the remaining children focus on improving their skills in the сохранный area.

Strategies and methods for developing weak areas

The general strategy is based on the principle of relying on the preserved links while gradually "pulling in" the weak components. Methods of "growing" the weak link are used: the teacher initially takes on the functions of the deficit link, gradually transferring them to the child. In accordance with the ideas of L.S. Vygotsky, the tasks vary in terms of:

1. From joint to independent: from the division of functions between an adult and a child to independent performance.

2. From externally mediated to internal: from actions with external supports (schemes, algorithms) to internalized, mental actions.

3. From expanded to collapsed: from element-by-element performance and control to automated, collapsed action.

Special attention is paid to the selection of educational material. A multimodal approach (presenting information in auditory, visual, and tactile forms) allows each child to use the most сохранный channel for processing information. To increase motivation, game and story-based methods are used, and tasks are incorporated into a meaningful context [Pylaeva, 2008b, p. 76].

Conclusion

Currently, neuropsychological methods are actively introduced into the correction and development work with children with disabilities. A wide range of neuropsychological correction techniques (substituting ontogenesis, sensorimotor correction, development of regulatory functions) is successfully applied both in individual and group work, including in primary school. Twenty years of experience in applying neuropsychological correction in pedagogical practice show that the systematic interaction between a teacher and a neuropsychologist creates conditions for the successful education of various categories of children with disabilities in an inclusive environment. The integration of the neuropsychological approach into the development and implementation of IOP allows us to move from formal individualization to individualization based on an understanding of the mechanisms of development and compensation of mental functions, which ensures genuine accessibility and quality of education for all students.

References

Akhutina, T.V. Preodolenie trudnostey ucheniya: neyropsikhologicheskiy podkhod / T.V. Akhutina, N.M. Pylaeva. – Sankt-Peterburg: Piter, 2008. – 320 s. – ISBN 978-5-91180-800-6.

Akhutina, T.V. Skoro v shkolu. Puteshestvie Bima i Boma v stranu Matematiki: metodicheskoe posobie i rabochaya tetrad' / T.V. Akhutina, N.G. Manelis, N.M. Pylaeva, T.Yu. Khotyleva. – Moskva: Terevinf, 2006. – 168 s. – ISBN 5-901599-39-7.

Kuzminykh, Zh.O. Teoreticheskie aspekty rechevogo vozdeystviya v ustnoy publichnoy kommunikatsii / Zh.O. Kuzminykh, N.V. Krasilnikova, E.A. Moiseeva // Filologicheskiy aspekt. – 2022. – № 7. – S. 103-115.

Pylaeva, N.M. Opyt neyropsikhologicheskogo obsledovaniya detey 5–6 let s zaderzhkoy psikhicheskogo razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. – 1995. – № 3. – S. 37-45.

Pylaeva, N.M. Shkola vnimaniya: metodika razvitiya i korrektsii vnimaniya u detey 5–7 let / N.M. Pylaeva, T.V. Akhutina. – Sankt-Peterburg: Piter, 2008a. – 112 s. – ISBN 978-5-91180-928-7.

Pylaeva, N.M. Shkola umnozheniya: metodika razvitiya vnimaniya u detey 7–9 let / N.M. Pylaeva, T.V. Akhutina. – Moskva: Terevinf, 2006. – 64 s. – ISBN 5-901599-68-0.

Pylaeva, N.M. Uchimysya videt' i nazyvat': razvitie zritel'no-verbal'nykh funktsiy u detey 5–7 let / N.M. Pylaeva, T.V. Akhutina. – Sankt-Peterburg: Piter, 2008b. – 96 s. – ISBN 978-5-91180-927-0.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Дронова Ольга Евгеньевна,
студентка факультета дошкольного, начального и специального образования
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Марков Александр Владимирович,
старший преподаватель кафедры,
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье обосновывается нейропсихологический подход как научно-методологическая основа индивидуализации инклюзивного образования. Раскрывается взаимодействие учителя и нейропсихолога при выявлении сильных и слабых сторон ребенка, определении зоны ближайшего развития и разработке стратегий обучения, которые фиксируются в индивидуальной образовательной программе. В статье представлены практические рекомендации по организации адаптивной образовательной среды, подбору учебных материалов и разработке системы оценки на основе многолетнего опыта применения нейропсихологической коррекции в начальной школе.

Ключевые слова: инклюзивное образование, нейропсихологический подход, индивидуальная образовательная программа, высшие психические функции, взаимодействие учителя и нейропсихолога.

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE CORRECTION OF SPEECH DISORDERS IN CHILDREN

Golubchikova Victoria Alexandrovna,
Student of the Faculty of Preschool Primary and Special Education,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
Scientific advisor: Markov Alexander Vladimirovich,
Senior Lecturer at the Department,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. This article examines the role of the family in the treatment of speech disorders in children as a key factor in successful speech development and social adaptation. It emphasizes that the family is the primary source of emotional support and a framework for systematic speech development outside of specialized classes. Effective methods of parent-child interaction are analyzed, including creating a positive atmosphere, a playful approach, appropriate communication, and articulation exercises. The importance of collaboration between the family and speech therapists and other specialists is emphasized, aimed at a comprehensive approach to the treatment of speech disorders and building the child's confidence in their speech abilities.

Key words: family, speech disorders, speech therapy, correction, parent-child interaction, speech development, family involvement, collaborative approach.

The problem of speech disorders in children of preschool and early school age remains one of the most pressing issues in modern special education and speech therapy practice. The formation of coherent speech represents not merely a prerequisite for successful academic learning but constitutes a fundamental foundation for a child's social integration, cognitive development, and psychological well-being. Previously, speech therapy was built around specialists. It was believed that speech therapists were responsible for achieving results – they worked at school or in their office, conducting lessons, while parents, at best, received instructions on what to do at home.

Essentially, they remained passive recipients of others' advice. But today, with the rapid advancement of pedagogy and psychology, it's increasingly being argued that this approach is incorrect. Research shows that the family isn't some external environment that influences the correction process from the outside. In fact, it's its most respected and essential component. Without this, the desired results simply won't be achieved. The child's immediate social environment, primarily the family unit, provides the most natural, continuous, and emotionally significant context for communication, making it the ideal setting for reinforcing newly acquired speech skills and ensuring their generalization into everyday life. Understanding the multifaceted role of the family in speech correction therefore becomes not merely a theoretical question but a practical necessity for achieving sustainable positive outcomes in speech therapy work.

The theoretical foundations for integrating the family into the speech correction process are deeply rooted in the principles of cultural-historical psychology and developmental theory. The concept of the zone of proximal development, formulated by L.S. Vygotsky, posits that higher mental functions, including speech, develop through social interaction with more knowledgeable members of society. For a young child, these significant figures are first and foremost parents and close relatives who serve as mediators between the child and the world of language. When a speech disorder is present, the most effective intervention leverages the daily interactions between the child and these significant adults, transforming routine activities such as mealtime conversations, bedtime storytelling, and everyday play into opportunities for targeted speech development. I.Yu. Levchenko and S.D. Zabramnaya emphasize in their work on psychological and pedagogical diagnostics that a comprehensive assessment of a child's developmental disorders cannot be considered complete without a thorough analysis of the family situation, the nature of parent-child relationships, and the parents' attitudes toward the child's difficulties. Such diagnostic information forms the essential foundation for developing a personalized, unified correctional strategy that aligns the efforts of specialists with the unique circumstances and resources of each family [Levchenko, 2018, p. 187].

The shift toward a family-centered model of speech correction also finds support in ecological systems theory, which conceptualizes child development as occurring within multiple interconnected environmental systems, with the family representing the most immediate and influential microsystem. Any disruption within this microsystem, whether stemming from emotional tension, inadequate communication patterns, or lack of understanding of the child's needs, can directly exacerbate existing speech difficulties or even contribute to their emergence. V.V. Tkacheva, in her research on families raising children with disabilities, highlights that targeted psychological counseling and systematic support for the family are indispensable components of successful correctional work. A family that receives appropriate support, develops psychological stability, and acquires the necessary pedagogical knowledge becomes transformed from a source of potential stress into a reliable ally for the specialist and a powerful resource for the child's development [Tkacheva, 2014, p. 52]. To change this approach, it's not enough to simply stop working with the child one-on-one while the parents sit in the hallway. We need to move away from the old, familiar model, where the speech therapist is the primary focus, and the family is somewhere in the background. Instead, a completely different system is established: everyone communicates, respects each other, and shares responsibility equally.

Now let's talk about how this all works in practice. When we say that the family is truly involved in speech correction, it doesn't just boil down to parents being told the goals of the sessions. There are many more methods and techniques. Take, for example, G.A. Volkova and her classic work on speech therapy rhythm. She clearly demonstrated how closely movement, rhythm, and speech are connected. And from this, a simple conclusion follows: parents can very well use rhythmic games, various physical exercises, and music-based activities right at home, in everyday life. In this way, they will help the child reinforce what they learned in the specialist's sessions. And all this will not be an "additional burden", but a natural part of the day. The integration of correctional tasks into naturally occurring family activities not only increases the frequency of practice but also ensures that skills are acquired in contexts that closely resemble real-life

communication situations, thereby promoting their generalization and retention [Volkova, 2019, p. 115]. This approach shifts the locus of correctional work from isolated clinical sessions to the organic flow of family life, making speech development an ongoing, integrated process rather than a series of discrete interventions.

The role of parents in the speech correction process extends beyond the mechanical execution of prescribed exercises to encompass the emotional climate in which communication occurs. N.L. Karpova emphasizes that the emotional state of parents, their degree of acceptance of the child's difficulties, and their ability to create a supportive, encouraging atmosphere are crucial determinants of therapeutic success. Parents of children with speech disorders frequently experience heightened levels of stress, feelings of guilt, uncertainty about their ability to help, and sometimes frustration with the slow pace of progress. These emotional states, when unaddressed, can negatively influence parent-child interaction, potentially leading to patterns of overprotection, excessive demands, or withdrawal that hinder rather than facilitate speech development. A constructive parental position involves gaining a deep understanding of the nature and mechanisms of the specific speech disorder, mastering specific techniques for eliciting and reinforcing speech, and, most importantly, learning to maintain a positive, patient emotional background during all forms of communication with the child [Karpova, 2019, p. 68]. It's crucial to remember the emotional aspect. When we talk about a family transitioning to speech therapy, it's not just a figure of speech. Parents need not only a manual but also regular human support. Because this is a long process, and without it, it's easy to burn out.

What's the best way to structure communication between a speech therapist and a family? A template can't be applied. The forms must be external, regular, and tailored to the specific situation of each family. If you review practical materials on the role of parents in speech therapy, you'll find the same thing: occasional meetings and conversations "on Fridays" are not enough. A well-thought-out system is needed. For example, meetings, live workshops, personal consultations, and also convenient workbooks or even instant messaging to share progress are essential. Parents care not just about which movements to pronounce, but also about the purpose of it all, the desired outcome at each stage, and what specific improvements to focus on. It's very helpful to open classes where parents promote how the speech therapist works with their child. This is a true opportunity to learn firsthand: first observe, then try it yourself, but under the guidance of a specialist. And when parents begin to understand the step-by-step process of speech development, understand the order in which the work proceeds, and their role at each stage, they cease to be mere "executors of instructions." They become confident, active participants in their child's development.

Fine motor skills deserve special mention. The connection between finger movements and speech is not a fiction; they share a common neurological basis. And this is where parents can help like no one else. Finger plays, modeling with play dough or clay, drawing, cutting with scissors, and all sorts of little things like stringing beads – all of this can easily be incorporated into a regular family day. And at the same time, it perfectly supports the development of speech skills. In other words, education plays a role, while speech therapy happens naturally. Similarly, vocabulary expansion can occur naturally through conversations during walks, while preparing meals, or while looking at family photographs. The key lies in helping parents recognize that countless everyday moments contain opportunities for speech development, and that their consistent, mindful engagement with their child during these moments can have an effect more powerful than any isolated therapeutic session. T.B. Filicheva, N.A. Cheveleva, and G.V. Chirkina emphasize in their comprehensive work on speech therapy theory and practice that the integration of correctional tasks into the child's natural environment, with the active participation of family members, represents the most effective pathway to achieving stable, lasting results in overcoming speech disorders [Filicheva, 2017, p. 412].

The issue of parental motivation and sustained engagement deserves particular attention, as the correction of speech disorders is often a lengthy process requiring patience and persistence over many months or even years. Parents who initially demonstrate high enthusiasm may

experience periods of discouragement when progress seems slow, while others may struggle to maintain consistency with home activities amidst the competing demands of daily life. Successful family-centered speech therapy therefore incorporates ongoing attention to parental motivation, celebrating small achievements, providing regular feedback, and helping parents maintain realistic expectations about the trajectory of progress. The formation of parent support groups, in which families facing similar challenges can share experiences and encouragement, can be a valuable complement to individual consultations. When parents feel supported, informed, and recognized as valued partners in the correctional process, they are more likely to sustain the consistent engagement that effective speech development requires.

The transformation from a specialist-centered to a family-centered model of speech correction represents a fundamental shift in how we conceptualize therapeutic intervention. Typically, everyone thinks that a speech therapist is the primary one for speech correction, while the family simply helps out a little at a time. But another approach takes a different approach: truly significant and lasting changes occur when they are supported by the child's everyday life and relationships. Here, the speech therapist is no longer the boss, but rather a consultant, mentor, and partner. They help parents understand what's going on, provide them with the necessary tools, and at the same time respect their connection with their child—after all, it's their own, unique connection. And the family, in turn, ceases to simply follow orders. Parents begin to act independently, using what they know best about their child: their hobbies, their rhythm, their personality. Thanks to this, speech development sessions become not a boring chore, but a vibrant and engaging experience. When this collaboration is truly successful, the line between therapy and the everyday is blurred. Speech develops naturally, naturally, right within family life, rather than as a separate medical process that follows a schedule.

In summary, the family plays not just an important, but a truly central role in addressing children's speech problems. It not only creates a supportive environment but also becomes an active participant in the entire process. A child's success in overcoming speech difficulties depends on the synergy between the speech therapist's expertise and the parents' lively, engaged, and emotionally warm attitude. This approach is based on long-standing ideas from developmental psychology and special education, and its specific techniques have been honed over years of practice. Only when specialists and parents work together can a unified space be created where all requirements are consistent, methods complement each other, and everyone treats everyone with respect. Then, the best conditions for the harmonious development of a child's speech emerge. Ultimately, intervention ceases to be a series of separate sessions – it becomes a unified, vibrant, and natural path to ensuring a child speaks clearly, confidently, and joyfully.

References

Filicheva T.B. Logopediya: teoriya i praktika / T.B. Filicheva, N.A. Cheveleva, G.V. Chirkina. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Eksmo, 2017. – 608 s. – ISBN 978-5-699-87797-3.

Karpova N.L. Rol' roditeley v korrektsii rechevykh narusheniy u detey // Kompleksnye issledovaniya detstva. – 2019. – № 1. – S. 65-72. – DOI 10.33910/2687-0223-2019-1-1-65-72.

Levchenko I.Yu. Psikhologo-pedagogicheskaya diagnostika narusheniy razvitiya / I.Yu. Levchenko, S.D. Zabramnaya. – M.: VLADOS, 2018. – 335 s. – ISBN 978-5-907013-07-8.

Tkacheva V.V. Sem'ya rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: diagnostika i konsul'tirovanie. – M.: Natsional'nyy knizhnyy tsentr, 2014. – 160 s. – ISBN 978-5-4441-0076-7.

Volkova G.A. Logopedicheskaya ritmika. – Sankt-Peterburg: Detstvo-Press, 2019. – 320 s. – ISBN 978-5-906852-97-1.

РОЛЬ СЕМЬИ В КОРРЕКЦИИ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ

Голубчикова Виктория Александровна,

*студентка факультета дошкольного, начального и специального образования
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,*

научный руководитель: Марков Александр Владимирович,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается роль семьи в лечении речевых нарушений у детей как ключевой фактор успешного развития речи и социальной адаптации. Подчеркивается, что семья является основным источником эмоциональной поддержки и основой для систематического развития речи вне специализированных занятий. Анализируются эффективные методы взаимодействия родителей и детей, включая создание позитивной атмосферы, игровой подход, адекватную коммуникацию и артикуляционные упражнения. Подчеркивается важность сотрудничества семьи с логопедами и другими специалистами, направленного на комплексный подход к лечению речевых нарушений и укрепление уверенности ребенка в своих речевых способностях.

Ключевые слова: семья, нарушения речи, логопедическая терапия, коррекция, взаимодействие родителей и детей, развитие речи, участие семьи, совместный подход.

EMPFEHLUNGEN ZUR STEIGERUNG DER MOTIVATION IM FREMDSPRACHENUNTERRICHT

Ibodullayev Bekzod Olimjon o'g'li,

*Masterstudent an der Turon Universität, Qarshi, Usbekistan,
wissenschaftliche Betreuerin: Kiyamova Maxbuba Sultanovna,
Dozentin der Abteilung für Fremdsprachen
an der Turon Universität, St. Qarshi, Usbekistan*

Annotation. In diesem Artikel werden moderne pädagogische Technologien und Methoden analysiert, die darauf abzielen, die Motivation der Studierenden im Fremdsprachenunterricht zu steigern. In der Untersuchung werden Ansätze wie der kommunikative Ansatz, interaktive Methoden, problemorientierter Unterricht, Informations- und Kommunikationstechnologien, differenzierter Unterricht sowie Gamification und projektbasiertes Lernen betrachtet. Darüber hinaus werden die Möglichkeiten einer effektiven Organisation des Lernprozesses durch den Einsatz mobiler Anwendungen und digitaler Werkzeuge erläutert.

Schlüsselwörter: Motivation, pädagogische Technologien, kommunikativer Ansatz, interaktive Methoden, mobile Anwendungen, Gamification, innovative Ansätze.

Die Effektivität und der Erfolg des Fremdsprachenunterrichts hängen direkt von der Auswahl und Anwendung pädagogischer Technologien und Methoden ab.

Eine pädagogische Technologie ist ein zielgerichtetes System zur Organisation und Steuerung des Lernprozesses, das alle Phasen der Tätigkeit von Lehrenden und Lernenden umfasst.

Psychologisch-pädagogische Forschungen zeigen, dass effektive Methoden nicht nur die Qualität des Wissens verbessern, sondern auch die intrinsische und extrinsische Motivation der Lernenden erheblich steigern [Xaydarov, 2009, S. 262-273].

1. Kommunikativer Ansatz

Das Hauptprinzip des kommunikativen Ansatzes besteht darin, dass eine Fremdsprache nicht nur als Lerngegenstand betrachtet wird, sondern als reales Kommunikationsmittel.

Grundprinzipien:

- Orientierung an sprachlichen Aktivitäten (Sprechen, Hörverstehen, Lesen und Schreiben werden integriert);

- Schaffung kommunikativer Situationen;

- eine angstfreie Lernumgebung, in der Fehler erlaubt sind.

Im Unterricht steht der Lernende im Mittelpunkt. Dadurch wird die Motivation gesteigert:

- es entsteht ein reales Bedürfnis zu lernen („Ich kann dieses Wissen im echten Leben anwenden“);

- der Wunsch, sich frei in der Fremdsprache auszudrücken, wird stärker;

- der Lernprozess wird dynamisch und interessant [Ne'matov, 2002, S. 28].

2. Interaktive Methoden

Interaktive Methoden sind Unterrichtsformen, die eine aktive Beteiligung der Lernenden erfordern und auf der gemeinsamen Konstruktion von Wissen basieren.

Bekannte interaktive Methoden:

- Brainstorming – fördert kreatives Denken;

- Cluster – hilft, Wissen zu einem Thema zu strukturieren;

- Debatten und Rollenspiele – beziehen die Lernenden aktiv in die Kommunikation ein;

- Mind-Maps – helfen, Konzepte visuell zu verbinden.

Diese Methoden stärken die soziale Motivation (Teamarbeit, Meinungsäußerung, Teilnahme an Diskussionen), machen den Lernprozess demokratisch und offen, fördern selbstständiges Denken und Führungsfähigkeiten [Rahmonov, 2021, S. 212],

3. Problemorientierter Unterricht und Forschungsmethoden

Die Grundidee des problemorientierten Unterrichts besteht darin, Lernende nicht nur fertige Informationen aufnehmen zu lassen, sondern sie dazu zu bringen, Wissen selbstständig zu entdecken.

Die Lehrperson schafft eine Problemsituation im Unterricht und motiviert die Lernenden, aktiv nach Lösungen zu suchen.

Beispiel: Die Lehrperson gibt einen komplexen Satz auf Englisch oder Deutsch und fordert die Lernenden auf, ihn zu verstehen und zu interpretieren. Oder sie stellt offene Fragen, z. B.: „Warum sinkt die Motivation beim Fremdsprachenlernen?“ Dadurch werden die Lernenden zu wissenschaftlicher Recherche angeregt.

Ergebnisse:

- Entwicklung analytischer und kreativer Denkfähigkeiten;

- Motivation entsteht aus inneren Bedürfnissen;

- der Lernprozess wird zu einer interessanten Forschungsaktivität [Jalolov, 2012, S. 250].

4. Informations- und Kommunikationstechnologien (IKT)

Heutzutage ist effektives Lernen ohne digitale Ressourcen kaum möglich.

Der Einsatz von IKT macht den Unterricht interaktiv, verständlich und global orientiert.

Wichtige Instrumente:

- Mobile Apps (Duolingo, Memrise, Quizlet) – machen das Lernen durch Gamification interessanter;

- Online-Plattformen (Zoom, Google Classroom, Moodle) – ermöglichen Fern- und Hybridunterricht;

- Multimediale Ressourcen (Videolektionen, Podcasts, Animationen) – erleichtern das Sprachlernen;

- Künstliche Intelligenz (z. B. ChatGPT) – kann als persönlicher Lernassistent dienen.

Diese Technologien erhöhen die Motivation, da sie selbstständiges Lernen ermöglichen und den Lernprozess flexibler und individueller gestalten [Kurbaniyazov, 2024, S. 26].

5. Differenzierter und individueller Ansatz

Pädagogische Erfahrungen zeigen, dass jeder Lernende ein unterschiedliches Lerntempo, eigene Lernstile und Interessen besitzt. Daher sind differenzierte und individuelle Ansätze im Unterricht notwendig.

Differenzierter Ansatz: Die Lernenden werden je nach Wissensstand oder Bedürfnissen in Gruppen eingeteilt.

Individueller Ansatz: Jeder Lernende erhält Aufgaben, die seinen Fähigkeiten und Möglichkeiten entsprechen.

Dadurch:

- entfaltet jeder Lernende sein Potenzial;
- entsteht ein psychologisch angenehmes Lernklima;
- bleibt die Motivation stabil und langfristig erhalten.

6. Gamification und projektbasiertes Lernen

Gamification bedeutet, Spielelemente (Punkte, Ranglisten, Belohnungssysteme) in den Lernprozess zu integrieren. Dadurch werden Lernende wettbewerbsorientierter und aktiver. Projektbasiertes Lernen motiviert Lernende, selbstständig zu recherchieren, Materialien zu sammeln und Präsentationen zu erstellen.

Beispiel: Lernende können eine Präsentation zum Thema „Meine Motivation beim Fremdsprachenlernen“ vorbereiten.

Diese Methoden:

- fördern Verantwortung und Kreativität;
- machen den Lernprozess interessanter und zielorientierter;
- verbinden intrinsische und extrinsische Motivation.

Die oben genannten pädagogischen Technologien und Methoden sind wichtige Faktoren zur Steigerung der Motivation im Fremdsprachenlernen.

- Kommunikative und interaktive Methoden aktivieren die Lernenden im Unterricht;
- problemorientierter Unterricht fördert selbstständiges Denken;
- IKT macht den Unterricht modern und global orientiert;
- differenzierte Ansätze berücksichtigen individuelle Bedürfnisse;
- Gamification und projektbasiertes Lernen verbinden Wissen mit praktischer Tätigkeit.

Somit führt die komplexe Anwendung moderner pädagogischer Technologien und Methoden nicht nur zu einer höheren Unterrichtsqualität, sondern auch zu einer langfristigen Steigerung der Lernmotivation.

Im modernen Bildungssystem, insbesondere im Fremdsprachenunterricht, werden innovative Ansätze nicht mehr nur als zusätzliche Hilfsmittel betrachtet, sondern als integraler Bestandteil des gesamten Lernprozesses. Durch mobile Technologien, interaktive Übungen und den kommunikativen Ansatz werden Lernende nicht nur zu Wissensempfängern, sondern zu aktiven Wissensproduzenten und realen Kommunikationsteilnehmern.

Der Einsatz innovativer Methoden steigert die Motivation deutlich, da sie:

- den Lernprozess personalisieren;
- Selbstständigkeit fördern;
- das Lernen mit realen Lebenssituationen verbinden.

1. Mobile Apps und digitale Werkzeuge

Mobiles Lernen (m-learning) gehört heute zu den effektivsten Methoden beim Fremdsprachenlernen. Bekannte Apps:

- Duolingo – stärkt Wortschatz und Grammatik durch Spielelemente;
- Memrise – erweitert Wortschatz durch visuelle und assoziative Methoden;
- Busuu – ermöglicht Kommunikation mit Muttersprachlern;
- Quizlet – erleichtert das Lernen durch digitale Flashcards;
- HelloTalk und Tandem – verbinden Lernende mit Muttersprachlern über Text- oder Sprachnachrichten.

Vorteile:

- Lernen unabhängig von Zeit und Ort;

- Motivation durch Spielelemente;
- individuelles Lerntempo;
- Integration der Sprache in den Alltag.

2. Interaktive Übungen

Interaktive Methoden basieren auf Zusammenarbeit zwischen Lehrenden und Lernenden.

Beispiele: Rollenspiele, Debatten und Diskussionen, Case Studies, Brainstorming, Projektbasiertes Lernen.

Diese Methoden:

- fördern aktive Beteiligung;
- stärken Zusammenarbeit;
- verbinden Sprache mit realen Situationen;
- steigern soziale Motivation.

3. Kommunikativer Ansatz

Der Ansatz des Communicative Language Teaching (CLT) konzentriert sich darauf, Sprache als Kommunikationsmittel zu vermitteln.

Prinzipien:

- Fokus auf Kommunikation statt Grammatikregeln;
- Integration der vier Sprachfertigkeiten;
- lernzentrierter Unterricht;
- positive Fehlerkultur.

Vorteile:

- Entwicklung freier Kommunikationsfähigkeiten;
- Verbindung der Sprache mit realen Situationen;
- deutliche Steigerung der intrinsischen Motivation.

4. Einfluss innovativer Ansätze auf die Motivation

Forschungsergebnisse zeigen:

- Die intrinsische Motivation steigt;
- die extrinsische Motivation wird unterstützt;
- der Lernprozess wird personalisiert und flexibel;
- der Wunsch nach Selbstentwicklung wird gestärkt.

Innovative Ansätze gehören zu den effektivsten Mitteln zur Steigerung der Motivation beim Fremdsprachenlernen.

- Mobile Apps ermöglichen flexibles und individuelles Lernen;
- interaktive Übungen machen Lernende zu aktiven Teilnehmern;
- der kommunikative Ansatz verbindet Sprache mit realer Kommunikation.

Die Kombination dieser Methoden führt zu stabilen und nachhaltigen Lernergebnissen im Fremdsprachenunterricht.

Literaturverzeichnis

Jalolov J.J. Chet tilini o'qitish metodikasi (Methodik des Fremdsprachenunterrichts). – Toshkent: O'qituvchi, 2012. – 432 b.

Kurbaniyazov Sh. Innovatsion ta'lim texnologiyalari va vositalari / Sh. Kurbaniyazov, A. Mamatov, Sh. Muhammadjanov, N. Ismoilov, S. Maxanov. – Toshkent: Bookmany Print, 2024. – 130 b.

Ne'matov H. Hozirgi o'zbek adabiy tilini o'rganishda o'quvchilar so'z boylligini boylligini oshirish / H. Ne'matov, A. Gulomov, T. Ziyodova. – Toshkent: Xalq merosi, 2002. – 69 b.

Rahmonov Sh.M. Mukammal xotira. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2021. – 368 b.

Xaydarov F.I. Umumiy psixologiya / F.I. Xaydarov, N.I. Xalilova. – Toshkent: Yusuf Xos Hojib, 2009. – 320 b.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОВЫШЕНИЮ МОТИВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

*Ибодуллаев Бекзод Олимжон угли,
магистрант Туронского университета,
г. Карши, Узбекистан,*

*научный руководитель: Киямова Махбуба Султановна,
доцент кафедры иностранных языков
Туронского университета, г. Карши, Узбекистан*

Аннотация. В данной статье анализируются современные педагогические технологии и методы, направленные на повышение мотивации студентов в обучении иностранным языкам. В исследовании рассматриваются такие подходы, как коммуникативный подход, интерактивные методы, проблемно-ориентированное обучение, информационно-коммуникационные технологии, дифференцированное обучение, а также геймификация и проектно-ориентированное обучение. Также раскрываются возможности эффективной организации учебного процесса с использованием мобильных приложений и цифровых инструментов. В статье на основе научных источников анализируется значение данных методов для повышения внутренней и внешней мотивации студентов.

Ключевые слова: мотивация, педагогические технологии, коммуникативный подход, интерактивные методы, мобильные приложения, геймификация, инновационные подходы.

LINGUISTIC INTELLIGENCE AND UNDERSTANDING OF FIGURATIVE MEANING: A PSYCHOLINGUISTIC STUDY

*Kulik Ksenia Maksimovna,
Student, Department of Developmental and Social Psychology,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia,*

*Scientific advisor: Markov Alexandr Vladimirovich,
Senior Lecturer of Foreign Languages Department,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the relationship between linguistic intelligence and the understanding of figurative meaning in humanities students. Theoretical approaches to linguistic intelligence as a psycholinguistic phenomenon are analyzed. The results of a correlation analysis revealing a statistically significant positive relationship between the level of linguistic intelligence and the level of understanding of figurative meaning are presented. The obtained correlation is interpreted.

Key words: psycholinguistics, linguistic intelligence, understanding of figurative meaning, Siewert Test, Zeigarnik method.

Linguistic intelligence and the ability to understand figurative meaning are key components of verbal thinking actively studied in modern psycholinguistics. Research on the relationship between verbal abilities and abstract thinking helps to better understand how speech competence is formed and to develop methods for diagnosing verbal abilities in humanities students. Successful university education requires a high level of intellectual development, well-developed perception, memory, and thinking, which is especially important for humanities students [Xodzhaeva, 2024, p. 1].

Psycholinguistics as a science lies at the intersection of humanities and natural sciences. It combines methods and approaches from both fields [Xoroshix, 2018, p. 2]. The focus of this

discipline is not only the structure of language as a system, but also the processes through which a person creates and perceives speech [Xoroshix, 2018, p. 2]. An important concept in psycholinguistics is «linguistic personality». It allows us to consider a person as a language user capable of full-fledged speech activity [Xoroshix, 2018, p. 4].

One of the key areas of psycholinguistics is the study of the interaction between language and cognitive processes. These include attention, memory, perception, and learning. All of them influence how a person understands and uses language [Ashirgel`dieva, 2024, p. 1].

Intelligence, from the perspective of modern psychology, is a person's general mental potential, the degree to which their abilities are realized. Thanks to intelligence, a person can compare phenomena, generalize, and draw conclusions [Dzhumabaeva, 2023, p. 159]. Within Gardner's theory of multiple intelligences, different types of abilities are distinguished, including linguistic abilities – the ability to understand and use words, fluency of speech [Dzhumabaeva, 2023, p. 160].

Linguistic intelligence includes several components: lexical intelligence (vocabulary), semantic intelligence (understanding meaning), grammatical intelligence (knowledge of language rules), and phonemic intelligence (ability to distinguish speech sounds) [Xoroshix, 2018, p. 4].

Psycholinguistics also includes the field of phonosemantics. It studies how speech sounds can carry hidden information and influence perception. Research shows that native speakers associate sounds with certain qualities: «good» or «bad», «big» or «small», «rough» or «gentle» [Zhuravlev, 1991, p. 18-19].

The method of B.V. Zeigarnik is used to study the understanding of figurative meaning. It was developed in 1934 and is aimed at diagnosing the level of thinking, its purposefulness, and criticality. The author showed that understanding metaphors and proverbs is closely related to a person's thinking characteristics, ability to identify the main point, and ability to operate with abstract categories [Zeigarnik, 1962, p. 34].

The study used a quantitative strategy and valid psychodiagnostics methods. It involved 50 humanities students (philology, journalism, pedagogy, psychology) aged 17–25 years, studying in years 1-4. Participation was voluntary, and anonymity was ensured.

Siewert Test of Linguistic Intelligence (Horst Siewert, 1995). The test consists of 30 multiple-choice items. Completion time is 15 minutes. Each correct answer gives 1 point. The total score is converted into one of six levels: very high (>130), high (120), above average (110), below average (90), low (80), very low (<70).

B.V. Zeigarnik method «Understanding the figurative meaning of proverbs and metaphors» [Zeigarnik, 1962, p. 35]. Participants were asked to explain the meaning of metaphors (golden head, iron character, poisonous person, stone heart) and proverbs (strike while the iron is hot; don't count your chickens before they hatch; all that glitters is not gold; measure twice, cut once). Responses were assessed on a four-level scale: normal (accurate understanding), mild reduction in generalization, marked reduction in generalization, distortion of generalization.

Spearman's rank correlation coefficient was used for statistical analysis. This choice is due to the ordinal nature of both variables: linguistic intelligence (6 levels) and understanding of figurative meaning (4 levels).

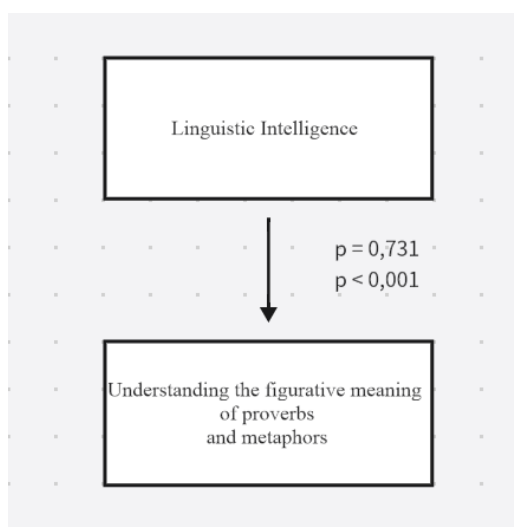

Figure 1 – Correlation diagram showing the relationship between linguistic intelligence and understanding of figurative meaning

Correlation analysis revealed a strong positive relationship between the studied variables ($\rho = 0.731$, $p < 0.001$). This means that the higher a student's level of linguistic intelligence, the better they understand the figurative meaning of proverbs and metaphors.

This result confirms the hypothesis: operational verbal abilities (lexical, semantic, grammatical, phonemic) are associated with the development of abstract thinking.

The identified relationship aligns with L.S. Vygotsky's ideas that word meaning as a generalization is a key unit of verbal thinking [Vy`gotskij, 2005, p. 673]. Understanding figurative meaning requires the ability to generalize, which develops in the process of concept formation and is closely linked to speech development.

In addition, the findings support the view that linguistic intelligence, according to Gardner's theory, includes verbal understanding and fluency of speech [Dzhumabaeva, 2023, p. 160]. A well-developed ability to work with linguistic information helps a person grasp hidden meanings and abstract generalizations.

The study revealed a significant positive correlation between the level of linguistic intelligence and the level of understanding of figurative meaning in humanities students ($\rho = 0.731$, $p < 0.001$). The findings confirm the hypothesis that a high level of linguistic intelligence, which includes lexical, semantic, grammatical, and phonemic components, is associated with a better ability to understand the figurative meaning of proverbs and metaphors.

Thus, linguistic intelligence plays an important role in the development of abstract thinking and the ability to grasp hidden meanings. For humanities students, whose future professional activities involve working with texts, interpreting meanings, and effective communication, the development of verbal abilities becomes a key task of professional training.

The results have practical significance. First, they can be used in psychological counseling to diagnose the level of development of verbal abilities and abstract thinking in students. Second, the findings indicate the need to include tasks aimed at developing understanding of figurative meaning and abstract thinking in the curricula of humanities programs. Third, the results can serve as a basis for developing remedial programs for students who experience difficulties in understanding figurative meaning.

The limitations of the study are related to the small sample size (50 participants) and its limitation to humanities students. The results require further verification on larger samples, including students in technical and natural science fields. Prospects for further research may include studying gender differences in the manifestation of linguistic intelligence and understanding of figurative meaning, as well as developing methods for developing verbal abilities in students with different levels of initial training.

References

Ashirgel'dieva A.Ch. Psixolingvistika: vliyanie kognitivny`x processov na vospriyatie i ponimanie yazy`ka / A.Ch. Ashirgel'dieva, A.Ch. Ulugberdieva // CETERIS PARIBUS. – 2024. – № 12. – S. 189-190.

Dzhumabaeva A.E`. Ponyatie intellektual`ny`x kachestv cheloveka v yazy`kovej kartine mira / A.E`. Dzhumabaeva, X.T. Abduraxmanova, G.G. Kudajberdieva, A.O. Kulubekova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – T. 1–2 (76). – S. 158–163. – DOI: 10.24412/2500-1000-2023-1-2-158-163.

Vy`gotskij L.S. My`shlenie i rech` // Psixologiya razvitiya cheloveka. – Moskva: Smy`sl : E`ksmo, 2005. – S. 664-1017. – ISBN 5-699-13728-9.

Xodzhaeva M.D. Psixologicheskie i psixolingvisticheskie komponenty` professional`noj deyatel`nosti obuchayushhixsya na gumanitarny`x napravleniyax / M.D. Xodzhaeva, Sh.A. Ishmatova // [Sbornik materialov konferencii]. – 2024. – S. 1-4.

Xoroshix P.P. Psixolingvistika: ot otdel`nogo napravleniya k polinauchnomu znaniyu // Filologiya: nauchny`e issledovaniya. – 2018. – № 3. – S. 231-236.

Zeigarnik B.V. Patologiya my`shleniya. – Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1962. – 244 s.

Zhuravlev A.P. Zvuk i smy`sl: Kn. dlya vneklas. chteniya uchashhixsya st. klassov. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Prosveshhenie, 1991. – 160 s.

ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ-ГУМАНИТАРИЕВ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Кулик Ксения Максимовна,
*студентка кафедры возрастной и социальной психологии
факультета психологии
педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Марков Александр Владимирович,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация. Статья посвящена изучению связи языкового интеллекта и понимания переносного смысла у студентов гуманитарных специальностей. Представлен анализ теоретических подходов к пониманию языкового интеллекта как психолингвистического феномена. Рассматриваются результаты корреляционного анализа статистически значимой положительной связи между уровнем языкового интеллекта и уровнем понимания переносного смысла у студентов. Дана интерпретация полученной корреляционной связи.

Ключевые слова: психолингвистика, языковой интеллект, понимание переносного смысла, тест Зиверта, методика Зейгарник.

ANGLICISMS IN K-POP: STRATEGIES OF BORROWING AND THEIR FUNCTIONS (BASED ON THE TEXTS OF BTS SONGS)

Malyuk Melisa Bulentovna,
*Student of Foreign Language Faculty of Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
Scientific adviser: Smirnova Daria Evgenievna,
Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of
Foreign Languages Department,
Faculty of Foreign Languages of Pedagogical Institute
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. This study analyzes anglicisms in the lyrics of the South Korean group BTS, focusing on the strategies of integrating English elements into Korean-language texts. Based on the analysis of 15 songs from the period 2015–2022, three primary borrowing strategies are identified: lexical insertion, hybrid formation, and code-switching. The functions of anglicisms include rhythmic structuring, semantic emphasis, and the construction of global identity. The findings contribute to the study of language contact in contemporary popular music.

Key words: anglicisms, K-pop, BTS, code-switching, borrowing strategies, language contact, Konglish.

The integration of English elements into Korean-language popular music has intensified with the global spread of K-pop. Among K-pop groups, BTS (Bangtan Sonyeondan) represents a particularly significant case for linguistic analysis due to their extensive international fanbase and the deliberate use of multilingual lyrics. This study examines anglicisms in BTS songs from 2015 to 2022, identifying the strategies of borrowing and their functions within the lyrical structure. The analysis draws on 15 songs spanning the group’s discography, including title tracks and B-sides, selected to represent different periods of their career.

Understanding anglicisms in Korean requires distinguishing between established borrowings and the phenomenon of Konglish means Korean-language innovations based on English lexical material. Efremova classifies anglicisms in Korean into three categories: direct borrowings (e.g., 컴퓨터 *keompyuteo* ‘computer’), hybrid formations combining English roots with Korean affixes, and semantic calques where English meanings are transferred to existing Korean words. Konglish, in contrast, refers to words like 핸드폰 *haendeupon* (‘hand phone’-mobile phone) or 원룸 *wollum* (‘one room’-studio apartment), which do not exist in English with the same meaning (Koreanized English Words vs Konglish, p. 5). This distinction is crucial for analyzing BTS lyrics, where both types appear with different stylistic effects [Efremova, 2021, p. 12].

The analysis of BTS lyrics reveals three primary strategies for incorporating English elements. The first strategy is lexical insertion, where individual English words are embedded into Korean syntactic structures. This occurs most frequently with nouns and adjectives. In the song “Blood Sweat & Tears” (2016), the line 내 피 땀 눈물 내 마지막 춤을 contains no anglicisms, but the chorus employs English lexical insertions: 내 피 땀 눈물 *my last dance*. Here, the English phrase functions as a stylistic climax, contrasting with the preceding Korean text. Similarly, in “Fake Love” (2018), the line (I grow a flower in a desert) combines English verbs and nouns within a predominantly Korean grammatical framework. The English lexical items carry connotations of global accessibility while maintaining Korean syntax [Schneider, 2024, p. 11].

The second strategy is hybrid formation, where English roots combine with Korean grammatical elements. In “Mic Drop” (2017), the line 너네 airplane 기분이지 uses the English noun “airplane” with the Korean copular suffix *-iji*. The hybrid construction *airplane gibun* (‘airplane feeling’) creates a metaphorical expression that would not occur in either language independently. Another example appears in “IDOL” (2018): 열쑤 *good* 좋다 *good jota*, where the English adjective “good” precedes the Korean verb *jota* (‘to be good’), forming a tautological emphasis typical of Korean stylistic repetition. Zainuddin identifies such hybrid formations as markers of stylistic intensity, where English elements heighten the expressive force of Korean lyrics [Zainuddin, 2025, p. 34].

The third strategy is code-switching, involving alternation between full phrases or clauses in English and Korean. BTS employs this strategy most prominently in choruses and song introductions, sections designed for maximum memorability. In “Dynamite” (2020), which is performed entirely in English, the choice of language itself represents a strategic code-switch from their predominantly Korean discography. However, more nuanced code-switching appears in “Boy

With Luv” (2019): (I want it my love my love 내가 좀 bossy) I want it my love my love bossy. The alternation between English and Korean within a single verse creates rhythmic variation and emphasizes the English words “bossy” and “my love” as key emotional markers.

The functional analysis of anglicisms in BTS songs reveals three primary roles. The first function is rhythmic structuring. English monosyllabic and disyllabic words frequently appear in positions that align with musical beats. In “Fire” (2016), is preceded by English interjections: (YEAH YEAH YEAH YEAH Fire) The English words occupy the downbeats, creating a rhythmic hook that transcends linguistic comprehension. Schneider’s quantitative analysis confirms that English elements in K-pop choruses occur more frequently on stressed beats than Korean elements, suggesting a deliberate phonological strategy [Schneider, 2024, p. 109].

The second function is semantic emphasis. English words in BTS lyrics often highlight concepts central to the song’s theme. In “Spring Day” (2017), the English line You know it all, you’re my best friend appears as a pivotal emotional moment within a Korean-language narrative about loss and longing. The switch to English signals intimacy and direct address, creating a contrast with the more metaphorical Korean verses. Zainuddin observes that English in BTS songs frequently carries connotations of sincerity and emotional authenticity, particularly in romantic or confessional contexts [Zainuddin, 2025, p. 36]. Similarly, in “Black Swan” (2020), the English phrase the heart no longer races introduces the song’s central metaphor before the Korean verses elaborate on it.

The third function is identity construction. BTS’s use of English reflects their positioning within global popular culture. Ahn argues that English serves as a “linguistic bridge” connecting the group with international fans while maintaining Korean as the primary language of artistic expression [Ahn, 2021, p. 158]. This strategy allows BTS to be perceived simultaneously as authentically Korean and globally accessible. The group’s practice of releasing both Korean-language songs and all-English singles (“Dynamite,” “Butter,” “Permission to Dance”) demonstrates a deliberate calibration of linguistic strategies to different market contexts. Suh and Park describe this as “translingual practice,” where artists navigate multiple linguistic codes to construct hybrid identities that resonate across cultural boundaries [Suh, Park, 2025, p. 48].

The evolution of BTS’s linguistic strategies over time reflects their growing international presence. Analysis of songs from 2015–2017 (“I Need U,” “Blood Sweat & Tears,” “Spring Day”) shows English primarily in isolated lexical insertions and short phrases. In contrast, songs from 2019–2022 (“Boy With Luv,” “Dynamite,” “Yet to Come”) demonstrate extended code-switching and complete English songs. This trajectory corresponds to the group’s expansion from domestic success to global stardom. Jannis applies Bell’s Audience Design theory to this phenomenon, arguing that linguistic choices in K-pop systematically adapt to the perceived characteristics of the target audience [Androutsopoulos, 2014, p. 70]. As BTS’s international fanbase grew, the proportion of English in their lyrics increased accordingly.

The interaction between anglicisms and Korean grammatical structures in BTS lyrics sometimes creates unique hybrid forms that exemplify contact-induced innovation. In “Dope” (2015), the line 니가 뭔데 wanna 내 지갑을 take (niga mwonde wanna nae jigabeul) take combines English modal verbs (“wanna”, “take”) with Korean case markers (-eul) and sentence structure. The resulting construction follows neither English nor Korean syntactic rules but represents a new hybrid variety. Efremova notes that such hybrid formations are increasingly common in Korean youth culture, where English elements are incorporated creatively rather than as direct borrowings [Efremova, 2021, p. 13]. BTS’s lyrics thus reflect broader linguistic trends in contemporary Korean society.

The use of anglicisms in BTS songs also serves an intertextual function, referencing Western popular culture. In “Airplane pt. 2” (2018), the English phrase I don’t know, I don’t know echoes the chorus of the original “Airplane” song by Latin artist J Balvin, while the title itself references the earlier work. Such intertextual references presuppose a globally aware audience familiar with multiple popular music traditions. Picone’s concept of “curated lyrical code-

switching” captures this phenomenon, where artists deliberately select linguistic elements to create layers of meaning accessible to different segments of their audience [Picone, 2024, p. 10].

The reception of anglicisms by BTS’s fanbase deserves brief consideration. Fan translations, lyric videos, and online discussions demonstrate that international fans actively engage with the multilingual nature of BTS’s music. Jannis notes that fans develop sophisticated understandings of code-switching patterns and often use linguistic analysis as a mode of engagement with the group [Androutsopoulos, 2014, p. 68]. This fan-driven linguistic analysis represents a unique phenomenon where popular music consumption intersects with informal language learning.

The findings of this analysis have implications beyond the study of BTS or K-pop. The strategies identified-lexical insertion, hybrid formation, and code-switching-represent general patterns of language contact in globalized popular music. The functions of anglicisms in BTS songs-rhythmic structuring, semantic emphasis, and identity construction-reflect the broader role of language in constructing cultural meaning. As popular music continues to circulate globally, multilingual lyrics will likely become increasingly common, and the analytical framework developed here may apply to other contexts.

This study has limitations that suggest directions for future research. The analysis focused on 15 songs selected to represent different periods of BTS’s career, but a comprehensive analysis of their entire discography might reveal additional patterns. Additionally, comparative analysis with other K-pop groups (BLACKPINK, EXO, Stray Kids) would help determine which linguistic strategies are specific to BTS and which reflect broader industry trends. Finally, research on fan reception – how international listeners interpret and respond to multilingual lyrics – would complement the textual analysis presented here.

References

Androutsopoulos J. Languageing when contexts collapse: Audience design in social networking // Discourse, Context & Media. – 2014. – Vol. 4-5. – P. 62-73.

Efremova L.S. Anglicizmy v korejskom yazyke // Voprosy vostokovedeniya: sb. nauch. st.: [setevoe elektron. izd.] / Minskij gos. lingvist. un-t; redkol.: P.P. Glazko (otv. red.) [i dr.]. – Minsk, 2021. – S. 44-51.

Picone M.D. Lyrical Code-Switching, Multimodal Intertextuality, and Identity in Popular Music // Languages. – 2024. – Vol. 9. – No. 11. – P. 10. – DOI 10.3390/languages9110349.

Schneider I. English’s expanding linguistic foothold in K-pop lyrics: A mixed methods approach // English Today. – 2024. – 40 (2). – P. 105-112. doi:10.1017/S0266078423000275

Suh J. BTS and languages: K-pop transcending language and communication / J. Suh, E.S. Park. – London: Routledge, 2025. – 1 vol. – 252 p.

Zainuddin N.A.S. Analisis semantik dalam lirik lagu K-pop: penggunaan bahasa Inggris dalam lirik lagu kumpulan BTS dan Blackpink: Diploma thesis. –Sarawak. – 2025. – 283 p.

АНГЛИЦИЗМЫ В К-ПОП: СТРАТЕГИИ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ ФУНКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН BTS)

*Малюк Мелиса Бюлентовна,
студент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия,
научный руководитель: Смирнова Дарья Евгеньевна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных
языков факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье анализируются англицизмы в текстах песен южнокорейской группы BTS, основное внимание уделяется стратегиям интеграции англоязычных элементов в корейские тексты. На основе анализа 15 песен периода 2015-2022 годов были выявлены три основные стратегии заимствования: лексическая вставка, гибридизация и переключение кодов. Функции англицизмов включают ритмическое структурирование, семантический акцент и создание глобальной идентичности. Полученные результаты способствуют изучению языковых контактов в современной популярной музыке.

Ключевые слова: англицизмы, К-поп, BTS, переключение кодов, стратегии заимствования, языковой контакт, английский язык.

THEORY OF INVENTIVE PROBLEM SOLVING IN WORK OF A SPEECH THERAPIST

Misheeva Anastasiya Alexandrovna,

*Student of the Faculty of preschool primary
and special education*

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,

Scientific advisor: Markov Alexandr Vladimirovich,

Senior Lecturer of Foreign Languages Department,

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the application of methods of the Theory of Inventive Problem Solving (TIPS) in correctional speech therapy work with children of preschool and primary school age. The article analyzes effective techniques that contribute not only to the correction of speech deficiencies, but also to the development of creative thinking, coherent speech and cognitive activity.

Keywords: Theory of Inventive Problem Solving (TIPS), speech therapist, correction of speech disorders, development of creative imagination, methods of TIPS pedagogy, speech development, innovative teaching methods.

TIPS (theory of inventive problem solving) is a system of methods for developing creative thinking that has been successfully adapted to work with children. In speech therapy, it helps not only to correct speech disorders, but also to develop children's ability to think outside the box, analyze and independently find solutions. Below is an article that reveals the possibilities of using TIPS in the work of a speech therapist teacher [Bondarenko, 2017].

Modern education requires teachers to find the most effective methods of teaching and developing children. This issue is especially acute in correctional pedagogy, where it is important not only to mechanically develop a speech skill, but also to create a stable motivation for speech. Children with general speech disorders (GSD) often suffer not only from impaired pronunciation, but also from thinking rigidity, reduced ability to analyze and synthesize information [Yakovleva, 2011].

This is where the TIPS Theory of Inventive Problem Solving, developed by G.S. Altshuller, comes to the rescue. Adapted for preschool age, this technology turns speech therapy into an exciting intellectual game where the child learns to overcome speech difficulties through active mental activity. Unlike traditional methods, where the teacher acts as a translator of knowledge, TRIZ puts the child in the position of a researcher, discoverer, which significantly increases his cognitive activity and speech initiative [Krohina, 2007].

According to the Federal State Educational Standard, the main task of preschool institutions is to educate a person capable of thinking outside the box and taking a creative approach to solving problems. TIPS fully meets this request. The technique leads the child to overcome speech problems through the development of mental activity, gives a powerful impetus

to the formation of speech activity, enriching vocabulary and forming grammatical constructions [Merkulova, 2014].

Unlike the traditional approach, where the teacher often provides ready-made information, TIPS invites the child to look for answers himself. As noted by practicing speech therapists, children with OND have low recall activity, they tend to use standard phrases. TIPS helps to overcome these stereotypes [Shelomenceva, 2011].

In addition, the relevance of using TRIZ in speech therapy is also due to the fact that the methods of this technology naturally fit into the requirements of health-saving pedagogy. Reducing anxiety, creating a situation of success, and relying on play activities all contribute to maintaining the psycho—emotional health of children with speech disorders [Merkulova, 2014].

Methods of correctional work

Speech therapists working with this technique adapt classical TIPS techniques to speech tasks. Let's look at the most effective ones.

1. The method of contradictions (the game "Good-bad"). This is one of the basic methods that teaches children to see both positive and negative sides in one object or phenomenon. Such exercises not only develop dialogical speech, but also teach children to formulate detailed statements, using antonyms and compound sentences [Yakovleva, 2011].

2. The circles of Lulli. This is a mechanical device consisting of several circles of different diameters strung on a common rod. Each circle is divided into sectors with pictures. In speech therapy work with children with severe speech disorders this manual is used to solve a variety of tasks: automating sounds, matching nouns with adjectives and numerals, and composing sentences. The child is looking for a logical pair (for example, "fisherman – fishing rod") or, if the sectors randomly match, the child must figure out how to connect these objects (for example, "sparrow and refrigerator"). This stimulates word-making and the development of imagination. In the practice of speech therapy, Lulli circles are also successfully used to automate set sounds. On one circle there are pictures with the sound being worked out in different positions (at the beginning, middle, and end of the word), on the other there are subject pictures for making phrases. Rotating the circles, the child not only pronounces the words repeatedly, but also retains interest due to the game mechanics and the element of chance [Bondarenko, 2017].

3. The Method of Focal Objects (MFOs). The essence of the method is to transfer the properties of one object to another. This helps to overcome the pattern of thinking and significantly activates the attributive vocabulary (dictionary of features). It can also be adapted to work on the grammatical structure of speech. For example, a speech therapist suggests "animating" an object by endowing it with the properties of a living object. Children make up sentences: "The magic cupboard opened its mouth and swallowed all the toys" or "The lamp lit its trunk and lit up the whole room." Such exercises stimulate word creation, help to master word formation models (suffixes, prefixes) and develop imagery of speech [Belousova, 2000].

4. Morphological analysis. The method helps to systematize the search of options. It is most often used to develop coherent speech and teach creative storytelling [Bondarenko, 2017]. Using the morphological table, children can create new characters or compose fairy tales. The morphological table is especially effective when working with children who have difficulty composing detailed stories. Visual support allows the child to maintain the structure of the narrative, consistently reveal the storylines. In addition, the method of morphological analysis is successfully used in teaching the compilation of descriptive stories. For example, when describing vegetables or fruits, the table includes columns: color, shape, taste, place of growth, what can be cooked. This helps to systematize knowledge and activate the vocabulary of signs [Yakovleva, 2011].

5. The Method of Little Men is used to model phenomena and objects. In speech therapy, this method has proven itself well at the stage of preparation for literacy training when getting acquainted with the characteristics of sounds [Pobezhimova, 2009]. The method of little men can be expanded and used when working on the syllabic structure of a word. For example, a long sound (vowel) is depicted as a man who stretches his arms up, and a short sound (consonant) is depicted

as a man who quickly squats. This kinesthetic support makes it much easier for children with phonemic underdevelopment to master complex concepts [Krohina, 2007].

Articulatory gymnastics with elements of TIPS. Even such a routine process as performing articulatory exercises can be turned into an exciting adventure with the help of TIPS elements [Pobezhimova, 2009]. Instead of mechanical repetition in front of a mirror, children are invited to help a fairy-tale character. This empathy-based approach increases children's interest in speech therapy and reduces negativity, which often occurs when it is necessary to repeat boring exercises many times. Within the framework of the TIPS approach, articulatory gymnastics can be built as a solution to an inventive problem. For example, children are offered a problematic situation: "The tongue cannot reach the upper teeth because it is too lazy. How can I help him?" Children offer options: to make a "swing", a "painter" (to paint the ceiling in the mouth), etc. Thus, each exercise acquires a personal meaning for the child, and is not perceived as a mechanical action [Shelomenceva, 2011].

The implementation of TIPS technologies in speech therapy practice takes place in stages: 1) diagnostic: identification of the level of speech development and mental flexibility; 2) preparatory: mastering the simplest games ("Good-bad"); 3) the main one is the introduction of complex methods (morphological analysis) to solve specific correctional tasks; 4) creative: independent use of learned techniques by children in free speech activity [Merkulova, 2014].

Practice shows that preschoolers become more interested in classes and develop emotional responsiveness. Children's speech becomes more logical, consistent and imaginative. The most important achievement is that children learn to listen to their friends, feel their success and stop being afraid to express their thoughts.

Quantitative data from speech therapy monitoring also confirm the effectiveness of using TIPS technologies. Children with whom classes with TIPS elements were conducted had higher dynamics in the development of coherent speech, an increase in active vocabulary, as well as a more stable retention of the achieved results after completing the remedial course [Yakovleva, 2011].

The usage of adapted TIPS methods in the work of a speech therapist teacher makes it possible to organically combine speech correction and the development of a child's personality. This technology teaches children to think outside the box, see contradictions and find a way out of difficult situations, which is not only the key to successful schooling, but also the most important condition for a child's socialization in the modern world [Merkulova, 2014].

The experience of using TIPS in speech therapy practice shows that this technology does not require complex logistical equipment, is easily integrated into any educational program and can be used both individually and in group work.

The most important result is the formation of such qualities in children with speech disorders as initiative, the ability to self-regulate, self-confidence – those qualities that form the basis for successful communication and social adaptation.

The prospect of further research may be the development of a diagnostic system for creative thinking in children with speech disorders, as well as the creation of methodological recommendations for the integration of TIPS technologies into various models of inclusive education.

References

Belousova L.E. Udivitel'nye istorii : konspekty zanyatiy po razvitiyu rechi s ispol'zovaniem elementov TRIZ dlya detej starshego doshkol'nogo vozrasta. – Sankt-Peterburg: Detstvo-Press, 2000. – 121 s.

Bondarenko M.A. Formirovanie navyka tvorcheskogo rasskazyvaniya starshih doshkol'nikov s obshchim nedorazvitiem rechi s ispol'zovaniem metoda TRIZ : vypusknaya kvalifikacionnaya rabota / M.A. Bondarenko ; nauch. ruk. T.A. Altuhova. – Belgorod, 2017. – 100 s.

Krohina I.N. Adaptirovannyye metody TRIZ–RTV kak sredstvo aktivizatsii rechevoj i myslitel'noj deyatel'nosti detej starshego doshkol'nogo vozrasta s rechevymi narusheniyami (chast' I) // Festival' pedagogicheskikh idej «Otkrytyj urok» : [sajt]. – Moskva, 2007. – URL: <https://urok.1sept.ru/publication/17756> (data obrashcheniya: 02.03.2026).

Merkulova O.N. Ispol'zovanie elementov TRIZ v logopedicheskoy rabote // Doshkol'naya pedagogika. – 2014. – № 3. – S. 37-40.

Pobezhimova L.G. Ispol'zovanie elementov TRIZ na zanyatiyah s det'mi s ONR // Aktual'nye zadachi sovremennoj modeli obrazovaniya : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tomsk, 28–29 aprelya 2009 g. – Tomsk, 2009. – T. 2. – S. 168-170.

Shelomenceva L. S. Priemy TRIZ – put' k razvitiyu svyaznoj rechi detej s ZPR i ONR III urovnya // SHkol'nyj logoped. – 2011. – № 3. – S. 55-58.

Yakovleva E.V. Ispol'zovanie metodov i priemov TRIZ-RTV v razvitii rechi doshkol'nika // Aktual'nye problemy rechevogo i lingvisticheskogo razvitiya detej i podrostkov : materialy regional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar, Murmansk, 24–25 noyabrya 2011 g. – Murmansk, 2011. – T. 1. – S. 15-18.

ТЕОРИЯ РЕШЕНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ В РАБОТЕ ЛОГОПЕДА

Мишеева Анастасия Александровна,

студентка факультета дошкольного, начального и специального образования

Белгородского государственного национального

исследовательского университета, г. Белгород, Россия,

научный руководитель: Марков Александр Владимирович,

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Белгородского государственного национального

исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается применение методов Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) в коррекционно-логопедической работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Анализируются эффективные приемы, способствующие не только исправлению речевых недостатков, но и развитию творческого мышления, связной речи и познавательной активности.

Ключевые слова: Теория решения изобретательских задач (ТРИЗ), логопед, коррекция речевых нарушений, развитие творческого воображения, методы педагогики ТРИЗ, развитие речи, инновационные методы обучения.

THE LANGUAGE OF MODERN TELEVISION SERIES: NEOLOGISMS AND THEIR REFLECTION IN LIFE

Pavlyuchenko Ekaterina Yurievna,

Master's Student of the Department of Foreign Languages

Belgorod national research university, Belgorod, Russia,

Nelasova Alexandra Ivanovna,

Master's Student of the Department of Foreign Languages

Belgorod national research university, Belgorod, Russia,

scientific adviser: Danilenko Ilya Aleksandrovich,

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor of the Department of Foreign Languages

Belgorod national research university, Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the peculiarities of the appearance of neologisms in modern television discourse. It also defines the concept of "neologism" in the context of modern English-

language television discourse. As an example, we consider specific television series and the neologisms that appeared in them and their features.

Key words: TV discourse, neologism, popdiscourse, media industry, word formation, TV series.

Neologisms in the context of modern English television discourse are new words, phrases, and expressions that arise and are actively used in television content. They usually reflect current social, cultural, technological, and other trends. The functions of such neologisms in television discourse are: the formation of group identity, the creation of relevance and connection with the audience, evaluative and emotional coloring, etc. Neologisms, on the one hand, can appear directly through films, TV series, shows. On the other hand, they can appear on social media and only then "migrate" to the television broadcast. Neologisms can arise in the form of completely new words or expressions. However, in popdiscourse, neologisms may arise based on already existing words that have acquired a new meaning, a new meaning [Ivanov, 2017, p. 10]. At first, they can arise among a limited circle of people, moviegoers, and then become widespread far beyond the cinema [Kochetkova, 2008, p. 85].

It is worth paying attention to the fact that neologisms that appeared initially in an informal environment can later be recorded in an official source of information. For example, neologisms are recorded in dictionaries such as: Oxford English Dictionary (OED), Merriam-Webster, Urban Dictionary, Cambridge Dictionary and others.

There are various ways of forming neologisms in modern English. Each method has its own characteristics. Let's look at the main ways to form neologisms in English.

- Compounding – two or more free morphemes (roots) are combined into one whole
- Blending – the appearance of a word as a result of overlapping or merging fragments of two words.
- Abbreviation – the creation of short forms by truncating or shortening words, using the initial (first) letters.
- Eponymy – the transition of a proper name to a common name
- Borrowing – the borrowing (transition) of words from one language to another
- Derivation – the appearance of new words by adding prefixes and suffixes.
- Back-formation – the appearance of new words by removing the suffix and ending from the original word.
- Semantic Change – a word acquires a new meaning without changing its shape.

The considered methods do not exclude each other, but can even complement and combine with each other [Meshkov, 2016, p. 144].

In our article, we pay special attention to the fact that it is modern English-language films and TV series that have a great influence on the appearance of neologisms. Let's look at some examples.

The first example is related to such an important event as a wedding. After all, wedding preparations usually take quite a lot of effort and time, many people fuss and worry about every detail. And it was precisely because of the obsession with various minute details in preparation for the wedding that such a neologism as "bridezillas" appeared, which was formed by merging two words: "bride" and "Godzilla". The neologism "bridezillas" was first used in 1995, defined as "a future bride who, while planning her wedding, becomes exceptionally selfish, greedy and obnoxious, shows excessive demands and control." The word became popular thanks to the TV program "Bridezillas", which was released in 2004. It showed episodes from the lives of brides who face various difficult and stressful situations during the preparation for the wedding. The name of the show quickly became "viral," and the neologism became entrenched in everyday speech.

Also, consider the series *Arrested Development*. In this series, in one of the episodes, a character uses the expression "douche chill". Neologism has become widespread as an ironic and hyperbolized description of emotions, particularly among young people. At first, the neologism was used as youth slang. Then, it became widespread and began to be used in broader contexts. Most often nowadays, this neologism can be found when communicating on social networks.

The next series we'll look at is "How I Met Your Mother." This is where such a neologism as "awsful" appears. It was formed by combining two words: "awesome" and "awesome". It was the idea of the screenwriters, a kind of "language game" that reflects the inner state of the main character. This word was first mentioned in an episode of "Benefits" in 2009. As a result, this neologism was used as a comedic device by which the character was able to express a contradictory emotion and emphasize his character.

Glee is a popular American musical comedy-drama series that aired from 2009 to 2015. He is known for his vivid characters, high-quality musical scenes and coverage of acute social topics. Thanks to this series, the neologism "glee" appears. This is not a completely new word, but a word formed by reviving and reinterpreting an old word under the influence of popular culture. Fans of this series are called "Gleeks", it is formed by combining the two words "Glee" and "geek". In 2010, this word was recognized as the fan word of the year by the American Society of Dialectologists.

Another neologism related to cinema is the noun "dramality". The word appears in the TV show *Survivor*. The essence of this is that the participants of the show find themselves in the wilderness, where they themselves are looking for food and shelter. A neologism appears by combining two words: "drama" and "reality". He quickly entered the professional lexicon of the television media industry and media criticism.

Next, consider a reality TV series like "Extreme Makeover". It tells the story of the lives of ordinary men and women who undergo various "alterations." The neologism completely coincides with the name of the series: "extreme makeover". The phrase can be considered in different meanings: when it comes to a complete image change, as a cardinal renovation or redevelopment, or, for example, as a metaphor for profound changes (including in a social or even political context).

Consider one of the world's most famous TV series "Game of Thrones". It is based on the novel series *A Song of Ice and Fire* by George R. R. Martin. In her research, D.O. Kardakova examined the neologisms in George Martin's "Game of Thrones". She notes that most of these neologisms are toponyms or proper names. Many of them relate to fictional objects, which is quite logical, since the work itself belongs to the fantasy genre [Kardakova, 2018, p. 92]. The same neologisms that appeared in the book, respectively, were actively used in the television series. The series "Game of Thrones" has received awards in various categories, including the Emmy, Golden Globe, Actors Guild Award and Saturn Award. It was thanks to this work, this series, that the neologism "Red Wedding" appeared and gained popularity. This phrase appeared after the release of the scene of the third season, titled "The Rains of Castamere", in 2013. The gist of this series is that at a wedding, the invited guests (House Stark) were brutally and treacherously murdered by the hosts (House Frey). This scene amazed and shocked the audience, and became one of the most discussed in the entire series. Currently, a neologism can be used in different fields and acquire a variety of meanings: a shocking episode in a movie, a treacherous conspiracy, a sudden dismissal, or any catastrophic event.

Thus, we examined the relationship of modern English television series, films, and shows with the appearance of neologisms. They were all formed in different ways. Each of them is a unique phenomenon with its own characteristics. Unusual neologisms, especially if they are associated with a striking character or memorable scene, can become "viral", spread beyond the audience of fans of the TV series and become widespread in other areas. This is especially true in the age of social media, in which Internet users create various "memes" (a unit of culturally significant information that is often humorous, especially on social media). Viewers can watch a movie, TV series, or show, then start discussing it on social media, during which special, local jokes will be created. It is also worth noting that neologisms that have appeared thanks to the television industry can get into dictionaries and be mentioned in official sources of information. They can become part of the generally accepted vocabulary. Neologisms are an important and necessary part of modern English. In addition, they can

appear in English and then be borrowed into other languages. The media industry is developing rapidly. Who knows how many more different films, TV series and shows will appear, and with them new words and expressions that many people will love.

References

- Ivanov A.N. Anglijskaya neologiya // Sb. nauch. trudov MGPIIYa im. M. Toreza, 2017. – Vyp. 227. – S. 3-16.
- Kardakova D.O. Avtorskie neologizmy v Igre prestolov Dzhordzha R.R. Martina // Forum molodyh uchenyh. – 2018. – №5-2 (21). – S. 90-93.
- Kochetkova M.A. Kul'turologicheskie aspekty slenga: sleng amerikanskikh studentov. Nizhnij Novgorod. Izdatel'stvo NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2008. – 139 s.
- Meshkov O.D. Slovoobrazovanie sovremennogo anglijskogo yazyka. – M.: Nauka, 2016. – 312 s.

ЯЗЫК СОВРЕМЕННЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ: НЕОЛОГИЗМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЖИЗНИ

*Павлюченко Екатерина Юрьевна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
Неласова Александра Ивановна,
магистрант кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ»,
научный руководитель: Даниленко Илья Александрович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета иностранных языков
педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности появления неологизмов в современном теледискурсе. Также, дается определение понятия "неологизм" в контексте современного англоязычного теледискурса. В качестве примера рассматриваются конкретные телесериалы и появившиеся в них неологизмы, и их особенности.

Ключевые слова: телевизионный дискурс (теледискурс), неологизм, поподискурс, медиаиндустрия, словообразование, телесериал.

ART THERAPY AS A TOOL FOR SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

*Shaulskaya Maria Yurievna,
Master's Student in Social Work, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia,
Scientific Advisor: Podporinova Natalya Nikolaevna,
Associate Professor, Department of Social Work,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article discusses the possibilities of art therapy as a tool for the socialization of children with special educational needs in the context of inclusive education. The relevance of the study is determined by the need to create conditions in which a child can not only master

academic material but also develop emotionally and socially in a harmonious manner. The research problem lies in the insufficient development of practical approaches to the use of art therapy techniques in the educational environment, despite the recognized effectiveness of artistic and creative activities for emotional regulation and the socialization of children.

The study employed theoretical methods of analysis and synthesis of scientific literature, examination of regulatory documents, as well as practical methods such as observation, diagnostics, and the implementation of art therapy exercises in inclusive education settings. The use of techniques such as collage-making, collaborative drawing, symbolic self-portrait, and creative storytelling made it possible to identify their impact on the emotional state and communicative abilities of children.

The results obtained demonstrate positive dynamics: a reduction in anxiety levels, an increase in self-esteem, improved interaction skills, and a greater number of social contacts. Art therapy contributes to the development of tolerant attitudes among peers and the creation of a more favorable psychological climate within the group.

Key words: art therapy; socialization; inclusive education; special educational needs; children with disabilities; creative activity; emotional development

The French philosopher Voltaire asserted that all people are born with equal opportunities. Many would agree with him. However, if one were to ask a person who from birth cannot see or experiences difficulties with mobility, they would likely respond that all people are born with different opportunities. Although differing opportunities create additional challenges for some in understanding the world and themselves, this does not mean these challenges are insurmountable.

In the context of inclusive education, particular attention is paid to creating conditions that ensure the full development of every child, regardless of their individual characteristics.

It is for this purpose that modern pedagogy employs the concept of «special educational needs» which, in accordance with Federal Law No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation» and the Concept for the Development of Inclusive Education, refers to the set of conditions necessary for a child to master the basic educational program, taking into account their psychophysiological, cognitive, and emotional-volitional characteristics [Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii, 2012]. Special educational needs encompass not only the need for corrective and developmental support but also the creation of a comfortable educational environment conducive to unlocking the personal and creative potential of each learner.

Special educational needs may arise in various categories of children. These primarily include children with disabilities who experience prolonged and pronounced impairments in the functioning of various bodily systems-auditory, visual, speech, motor, intellectual, or emotional-volitional. This category includes learners with visual and hearing impairments, severe speech disorders, mental development delays, autism spectrum disorders, intellectual disabilities, and other developmental conditions. Furthermore, special educational needs may be observed in children temporarily experiencing learning difficulties due to chronic illnesses, adverse social conditions, emotional instability, or language barriers, as well as in gifted children whose heightened intellectual and creative abilities require specialized forms of pedagogical support and individualized educational pathways. Attending to special educational needs is a critical condition for successful socialization. It not only ensures the child's access to quality education but also contributes to the formation of positive self-esteem, the development of self-confidence, and communicative skills. Thus, the creation of an educational environment that accommodates diverse needs forms the foundation for implementing the principles of inclusion and humanism in contemporary social and pedagogical practice.

The modern education system is oriented toward creating an environment that enables every child to learn and develop, regardless of individual characteristics or limitations. Inclusive education presupposes the equal participation of children with special educational needs in the educational process, as well as their social integration into the peer group. According to the Ministry of Education of the Russian Federation, over 60% of children with disabilities are

currently educated in inclusive settings, and this figure continues to grow annually [Deti s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostjami, 2026]. However, practice shows that children with special educational needs often encounter difficulties in establishing interpersonal contacts, expressing emotions, developing adequate self-esteem, and building self-confidence.

One of the most effective approaches for addressing these issues is the use of art therapy – a method based on creative expression and non-verbal interaction.

Art therapy (from the English «art» and «therapy») is a field of psychological and pedagogical assistance that utilizes artistic forms of activity for personal development and overcoming emotional and social difficulties. In the context of inclusive education, art therapy is considered not only a means of correction but also a tool for the child's socialization, facilitating the harmonization of their relationships with others and expanding their communicative experience [Lebedeva, 2016, p. 112].

There are several levels at which art therapy can be utilized as a tool for the socialization of children with special educational needs. The first – the technological level – involves the application of art therapy methods aimed at developing communication skills, emotional responsiveness, and the capacity for group interaction. Through collaborative creative activity, children learn to express their feelings, understand others, and develop cooperation and empathy skills [Kiselyova, 2020, p. 45]. The second – the theoretical level – is associated with understanding art therapy as an important direction within the special education system. In this regard, art therapy becomes not merely a corrective method but an integral part of a holistic educational and pedagogical concept focused on integrating the child into society. A well-developed theoretical foundation enables educators to gain a deeper understanding of the mechanisms underlying personal and social development in children with special educational needs [Kopytin, 2012, pp. 78-82]. The third – the conceptual level – reflects the integration of art therapy into the educational and social-corrective system as a means of shaping a personality capable of self-knowledge, self-expression, and social adaptation. This level implies a rethinking of pedagogical goals: shifting from instruction to creating conditions for the full participation of every child in societal life.

The primary objectives of art therapy as a tool for the socialization of children with special educational needs include: developing the capacity for emotional expression and understanding the feelings of others; fostering positive self-esteem and self-acceptance; developing communication and social skills through collective creative activities; strengthening the sense of belonging to a group and trust in others; and creating conditions for the demonstration of initiative, autonomy, and responsibility [Lebedeva, 2016, pp. 125-128].

Art therapy technologies contribute not only to the correction of the emotional sphere but also to the development of social competence, which is particularly important for children with special educational needs. Through artistic activity, they gain the opportunity to safely express inner experiences, learn to understand others, and build positive relationships, thereby gradually navigating the space of human connections and social roles.

It is precisely art therapy that allows children with special educational needs to engage with their peers on an equal footing: they can express through art what they could not articulate with words, «break down» the very wall of misunderstanding that hindered their communication, and gain confidence that a way to find their place in society always exists.

The advantage of art therapy lies in its ability to communicate through the universal, non-verbal language of images. Artistic creativity enables the expression of what is difficult to convey with words, transforming inner experiences into visible forms. As L.S. Vygotsky noted, through creative activity, a person comprehends and processes their emotional experience [Vygotsky, 1997, p. 54]. For a child, visual activity is not merely a process of creating a picture but a way of understanding the world and oneself within it. Feelings, desires, fears, and hopes are reflected in a drawing, making it an important means of communication and self-expression [Kiselyova, 2020, p. 32].

Art therapy methods can be incorporated into educational activities through individual and group sessions, creative groups, project work, and extracurricular activities. The application of art therapy techniques in education contributes not only to the development of a child's creative potential but also to the improvement of the socio-psychological climate within the group. It is essential for the educator to create an atmosphere of acceptance and psychological safety, where the child feels free to express emotions and imagination. Effective techniques commonly used in inclusive education practice are presented below (Table).

Table – Techniques Used in Inclusive Education Practice

Technique	Purpose	Psychological and Pedagogical Effect
Collaborative Canvas	Developing cooperation skills	Building abilities to interact and negotiate
Mood Collage	Expressing emotional state	Developing empathy and self-regulation
Magic of Color	Recognizing and verbalizing feelings	Reducing anxiety, strengthening self-confidence
Symbolic Self-Portrait	Forming a positive self-image	Enhancing self-esteem and self-acceptance
Creative Storytelling	Developing imagination and speech	Building self-presentation and self-disclosure skills

Each of the techniques presented is universal in nature and can be adapted to the age and individual characteristics of children. The effectiveness of art therapy programs is supported by numerous studies [Aksjutina, 2024, p. 478; Skavycheva, 2023, p. 304], which report improvements in emotional state, increased motivation for interaction, greater self-confidence, and reduced aggressiveness. Practice shows that incorporating creative methods helps strengthen connections between children with special educational needs and their peers, fostering an atmosphere of trust and mutual understanding.

The results of applying art therapy methods in educational practice demonstrate positive dynamics in the behavior and emotional well-being of children with special educational needs. A decrease in anxiety and an increase in self-confidence are observed, along with a growth in the number of social contacts and the development of communication skills. Furthermore, the use of art therapy contributes to the formation of tolerant attitudes among peers, improving the overall classroom climate [Skavycheva, 2023, p. 305].

Thus, art therapy performs an integrative function, combining pedagogical, psychological, and social approaches to inclusive education, and becomes not only a means of correction but also an important element of socialization and personal development for every child. As a tool for the socialization of children with special educational needs, art therapy represents a powerful resource for building an inclusive educational environment. Its application makes it possible to establish trusting relationships, reduce emotional tension, and develop the communication skills of students. The integration of art therapy methods into pedagogical practice facilitates the successful integration of children with disabilities into peer groups and fosters the development of humanistic values among all participants in the educational process.

References

Aksjutina Z.A. Transmissionnye vozmozhnosti SoulKollazha v social'no-pedagogicheskoy praktike // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire. – 2024. – T. 14. – № 3. – S. 474-481.

Deti s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostjami // Ministerstvo prosveshhenija Rossijskoj Federacii : ofic. sajт. – URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/ (data obrashhenija: 15.09.2025).

Kiselyova M.V. Art-terapija v rabote s det'mi : rukovodstvo dlja detskih psihologov, pedagogov, vrachej i specialistov, rabotajushhih s det'mi. – Sankt-Peterburg: Rech', 2020. – 160 s. – ISBN 978-5-9268-3485-4.

Kopytin A.I. Art-terapija. Hrestomatija. – Sankt-Peterburg: Piter, 2012. – 320 s. – ISBN 978-5-459-00371-0.

Lebedeva L.D. Art-terapija i art-pedagogika : uchebnoe posobie. – M.: Akademija, 2016. – 240 s. – ISBN 978-5-4468-2959-8.

Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon № 273-FZ [prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 21 dekabrya 2012 goda : odobren Sovetom Federacii 26 dekabrya 2012 goda] // Konsul'tantPljus – nadezhnaja pravovaja podderzhka : [sajt]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashhenija: 11.09.2025).

Skavycheva E.N. Art-terapevticheskie metody korrekcii trevozhnosti u vypusknikov srednej shkoly / E.N. Skavycheva, T.D. Segova // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. – 2023. – № 80-1. – S. 302–305.

Vygotskij L.S. Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste. – Sankt-Peterburg: SOJuZ, 1997. – 96 s.

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Шаульская Мария Юрьевна,

магистрант направления подготовки «Социальная работа»

НИУ «БелГУ»,

научный руководитель: Подпоронова Наталья Николаевна,

доцент кафедры социальной работы

Белгородского государственного национального исследовательского

университета, г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются возможности арт-терапии как инструмента социализации детей с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания таких условий, при которых ребёнок сможет не только осваивать учебный материал, но и гармонично развиваться эмоционально и социально. Проблема исследования заключается в недостаточной разработанности практических подходов к использованию арт-терапевтических методик в образовательной среде, несмотря на признанную эффективность художественно-творческой деятельности для эмоциональной регуляции и социализации детей.

В процессе работы применялись теоретические методы анализа и обобщения научной литературы, изучение нормативных документов, а также практические методы наблюдения, диагностики и апробации арт-терапевтических упражнений в условиях инклюзивного обучения. Использование таких техник, как коллажирование, совместное рисование, символический автопортрет и творческая сказка, позволило выявить их влияние на эмоциональное состояние и коммуникативные способности детей.

Полученные результаты демонстрируют положительную динамику: снижение уровня тревожности, повышение самооценки, улучшение навыков взаимодействия и

увеличение числа социальных контактов. Арт-терапия способствует формированию толерантного отношения среди сверстников и созданию более благоприятного психологического климата в группе.

Ключевые слова: арт-терапия; социализация; инклюзивное образование; особые образовательные потребности; дети с ограниченными возможностями здоровья; творческая деятельность; эмоциональное развитие.

THE USAGE OF MARIA MONTESSORI'S MATERIALS IN THE CORRECTIONAL WORK OF A SPEECH THERAPIST

Tishchenko Elizaveta Valeryevna,

*Student of the Faculty of Preschool, Primary, and Special Education,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,*

Scientific advisor: Markov Alexandr Vladimirovich,

*Senior Lecturer of Foreign Languages Department.
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article examines the relevance of the Maria Montessori pedagogical system in the practice of a speech therapist teacher. The principles of the method are analyzed, its correspondence to the tasks of correctional work with children with severe speech disorders. Specific examples of the use of Montessori didactic materials for the development of the sensorimotor base of speech, vocabulary enrichment, formation of phonemic perception and preparation for literacy training are given.

Key words: Maria Montessori, speech therapist, correctional work, general speech underdevelopment, sensory development, fine motor skills, didactic material, Montessori environment.

In the context of modern preschool education, there is a steady increase in the number of children with severe speech disorders. Correctional work with children who have general speech underdevelopment is rightfully considered one of the most difficult tasks in the preschool education system. General speech underdevelopment is a systemic, polymorphic disorder of the speech function. The situation is complicated not only by speech problems, but also by the difficulties that such children have in organizing their own activities, the disorders of the regulatory function of speech, low efficiency, and, often, destructive behavior. Traditional methods do not always allow for the full development of each child's potential, which requires speech therapists to find fundamentally new approaches and tools, one of which is the Montessori pedagogical system [Spirova, 2025]. General speech underdevelopment is a systemic disorder affecting not only all components of the language system (phonetics, vocabulary, grammar), but also often accompanied by a lack of mental processes, low working capacity and motor awkwardness [Pyatibratova, 2010, p. 28]. This requires a speech therapist teacher to find effective methods that can increase children's motivation and create a solid foundation for correctional work.

One of these methods, which has stood the test of time and proved its effectiveness, is the Maria Montessori pedagogical system. Originally created to work with children with developmental disabilities, this technique fits seamlessly into the structure of modern speech therapy.

The fundamental principle of Montessori pedagogy is "Help me do it myself" and it involves the creation of a special prepared environment in which the child actively develops through independent activity [Ratkina, 2018]. The meaning of the method is to stimulate the child to self-development, inherent in him by nature.

For speech therapy practice, this approach is valuable for several reasons. First, children with general speech disabilities often have difficulty paying attention and persevering in traditional

classes. In a Montessori environment, a child is free to choose activities, which naturally increases concentration and motivation to perform exercises [Spirova, 2025]. Secondly, the neuropsychological aspect of the method contributes to the activation of interhemispheric interaction, the development of analytical and synthetic activity of the cerebral cortex, which directly affects the development of volitional processes and speech function.

The concept of "Children are Different" and "Absorbent Mind". Maria Montessori's fundamental view on the nature of a child is that the child's psyche is structured differently from that of an adult. While adults learn about the world through analysis and synthesis, children "absorb" life as a whole, learning primarily through their own actions. This desire for independent learning is the driving force behind their development [Spirova, 2025].

The phenomenon of "normalization". Maria Montessori introduced the concept of "normalization," a process in which a child's behavior spontaneously improves, and deviations disappear due to the opportunity to focus on interesting material. In a correctional group, this phenomenon manifests itself in the children's ability to exhibit the behavior typical of their normal peers, such as being appropriate, patient, and able to concentrate, which significantly enhances the speech therapist's capabilities [Spirova, 2025].

Neuropsychological justification. The effectiveness of the Montessori method also has a neuropsychological justification. Most of the materials are designed in such a way that they require multidirectional movements and activate the analytical and synthetic activity of the cerebral cortex. This helps to activate interhemispheric interaction and develop the frontal regions of the brain, which are responsible for volitional processes and self-regulation.

Organization of work and key techniques. The integration of elements of Montessori pedagogy does not require a complete reformatting of the speech therapy room. It is enough to introduce individual techniques and materials into the structure of the lesson [Pyatibratova, 2010, p. 30].

1. The "Circle". This is a traditional Montessori group gathering technique that a speech therapist can use for an organizational moment. In the circle, children feel like equal participants in the process, which encourages dialogue. It is important to emphasize that the integration of elements of Montessori pedagogy into speech therapy is not a mechanical copy of the classical approach, but requires thoughtful adaptation. A speech therapist, unlike a classical Montessori teacher, intentionally directs the child's activity during the presentation of the material and his independent work. If in the classical system the teacher often uses speech minimally so as not to distract the child, then for a speech therapist this is a key tool: comments, clarifying vocabulary, pronouncing the algorithm of actions serve the purpose of accumulating and activating vocabulary, developing phrasal speech. The time frame is also modified: working with the material can be integrated into the structure of a time-limited lesson and combined with other activities.

2. "Walking on the line". An exercise aimed at developing coordination, a sense of balance and orientation in space. A speech therapist can fill this exercise with speech content: children walk along a line and pronounce syllables, words at each step, or perform a task to develop phonemic hearing (for example, after hearing a given sound, they need to stop).

3. "A minute of silence". This technique is aimed at developing auditory perception, self-regulation and stress relief. Children learn to listen to silence and distinguish between external noises, which is an important basis for the formation of phonemic hearing [Vetoshkina, 2024, p. 23].

The usage of Montessori materials in correctional work. Montessori materials are unique in that they always pursue two goals: direct (the direct action of the child) and indirect (the development of certain mental functions, including speech). Let us consider the most effective materials in the context of speech therapy work.

1. The zone of practical life and sensory development. Working in this area is of great importance for stimulating the speech centers of the brain, as it is closely related to the development of fine motor skills and tactile sensations.

- Frames with clasps. They develop fine motor skills, coordination of movements and concentration of attention. In the process of work, the speech therapist activates the verbal vocabulary (fasten, unbutton, tie, thread) [Spirova, 2025].
- A box with pieces of cloth and heat plates. The child learns to distinguish the properties of objects by touch. The speech therapist introduces adjectives into speech: smooth, rough, soft, prickly, warm, cold, as well as relative adjectives: metallic, wooden, woolen, felt [Spirova, 2025].
- Cereal games and the "Magic Chest". Searching for small objects in the rump or in the "tactile pouch" massages the pads of the fingers. Having found the object, the child must name it, describe it, determine its location (in, on, under) [Pyatibratova, 2010, p. 26].
- Materials for the development of phonemic hearing ("Noisy boxes"). A set of two boxes containing cylinders that make different noises when shaken. Each pair of cylinders has an identical sound. The development of auditory perception and attention, as well as the differentiation of non-speech sounds, which is the basis for the formation of phonemic hearing. Possible tasks include finding pairs of boxes with the same sound, or arranging them from the quietest to the loudest (or vice versa).
- Game panels (bizibords) for the development of interhemispheric interaction. Panels "Hunter", "Ring Thrower", "Lazy Eight", and a transparent easel. Stimulation of interhemispheric interaction, development of visual-motor coordination, and spatial orientation, which directly affects the formation of speech zones and the prerequisites for written speech. Task options: Moving a ball through the "Lazy Eight" maze while simultaneously reciting a series of words (syllables, poems); drawing on a transparent easel with both hands, which activates both hemispheres.

2. Language development zone. This is a key area for a speech therapist, containing materials directly aimed at speech development and preparation for writing and reading.

a. Metal insert figures. Tracing the inserts and hatching the resulting contours intensively trains the hand, preparing it for writing. In parallel, the names of geometric shapes and the concept of form are fixed [Spirova, 2025].

b. Rough letters. This is a classic Montessori material for memorizing the graphic image of a letter through three channels of perception: visual, auditory (the speech therapist pronounces the sound) and tactile (the child circles the letter with his finger). The usage of rough letters helps to establish a strong connection between sound and its graphic designation, which is especially important for children with dyslexia and dysgraphia [Spirova, 2025].

c. Movable alphabet and phonetic board. These materials allow you to model words and syllables, perform sound analysis and synthesis in a playful, visual form. A child can physically move letters, connecting them into syllables and words, which makes the process of learning literacy more conscious [Pyatibratova, 2010, p. 27].

d. Classification cards. Sets of pictures for classification (dishes, furniture, animals, transport) are excellent material for expanding vocabulary and developing logical thinking [Pyatibratova, 2010, p. 26].

3. The mathematical zone as a resource for speech. Materials such as "Cylinder liners" or "Pink Tower" are also actively used by speech therapists. They make it possible to practice the concepts of "big – small", "thick – thin", "high – low", as well as ordinal and quantitative numerals in speech [Vetoshkina, 2024, p. 22].

The use of Maria Montessori's materials in the correctional work of a speech therapist teacher opens up new opportunities for the effective development of children with severe speech disorders. This approach makes it possible to organically combine the correction of speech deficiencies with sensorimotor development, the formation of cognitive activity and social interaction skills.

The Montessori method, based on respect for the child's personality and providing him with freedom in learning, contributes not only to speeding up the correction process, but also to the harmonious development of the personality as a whole, forming an independent, self-confident and comprehensively developed personality [Kostikova, 2018]. The integration of these materials

into traditional speech therapy practice is a promising direction that makes it possible to modernize the correctional and educational process and increase its effectiveness. The integration of elements of the Montessori method allows for the organic combination of speech disorders correction with sensorimotor development and the formation of cognitive activity. As practice shows, children who study according to this system develop high cognitive motivation, the ability to concentrate, independence and self-confidence, which ultimately leads to an increase in the effectiveness of the entire correction work.

References

Kostikova N.V. Ispol'zovanie elementov metodiki M. Montessori v rabote s doshkol'nikami s obshchim nedorazvitiem rechi // Infourok : elektron. obrazovat. portal. – 2018. – URL: <https://infourok.ru/ispol'zovanie-elementov-metodiki-m-montessori-v-rabote-s-doshkol'nikami-s-obshchim-nedorazvitiie-rechi-3160672.html> (data obrashcheniya: 19.03.2026).

Pyatibratova N.V. Logopedicheskie zanyatiya s elementami metodiki Montessori. – Moskva: TC Sfera, 2010. – S. 26-37.

Ratkina O.A. Ispol'zovanie elementov metoda Montessori v logopedicheskoy rabote // Doshkol'nik.rf : elektron. nauch.-obrazovat. zhurn. – 2018. – URL: <https://doshkolnik.ru/logopediya/25781-ispolzovanie-elementov-metoda-montessori-v-logopedicheskoy-rabote.html> (data obrashcheniya: 19.03.2026).

Spirova M.S. Ispol'zovanie metoda i materialov Montessori v logopedicheskikh zanyatiyakh s det'mi, imeyushchimi ONR // ZHurnal "1 sentyabrya" : elektron. nauch.-obrazovat. zhurn. – 2025. – URL: <https://1-sept.ru/> (data obrashcheniya: 19.03.2026).

Vetoshkina T.A. Ispol'zovanie materialov Marii Montessori v rabote s det'mi OVZ // Vospitatel' detskogo sada. – 2024. – S. 22-24.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ МАРИИ МОНТЕССОРИ В КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЕ ЛОГОПЕДА

Тищенко Елизавета Валерьевна,

*студент факультета дошкольного, начального и специального образования
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, Белгород, Россия,*

научный руководитель: Марков Александр Владимирович,
старший преподаватель кафедры иностранных языков.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается актуальность педагогической системы Марии Монтессори в практике учителя-логопеда. Анализируются принципы методики, ее соответствие задачам коррекционной работы с детьми с тяжелыми нарушениями речи. Приведены конкретные примеры использования дидактических материалов Монтессори для развития сенсомоторной базы речи, обогащения словарного запаса, формирования фонематического восприятия и подготовки к обучению грамоте.

Ключевые слова: Мария Монтессори, логопед, коррекционная работа, общее недоразвитие речи, сенсорное развитие, мелкая моторика, дидактический материал, Монтессори-среда.

THE INFLUENCE OF BIOENERGOPLASTICITY ON THE CORRECTION OF SOUND REPRODUCTION IN VARIOUS SPEECH DISORDERS

Zharkova Valeria Alexandrovna,

*Student of the Faculty of Preschool, Primary, and Special Education
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,*

Scientific advisor: Markov Alexandr Vladimirovich,

*Senior Lecturer of Foreign Languages Department, Belgorod State National Research
University, Belgorod, Russia*

Abstract. The article presents a theoretical and practical analysis of the use of health-saving technology which is bioenergoplasticity. This article highlights the importance of the complexity of the speech process and the growing number of children with speech disorders, which sets speech therapists the task of finding effective correction methods. The interrelation between the development of fine motor skills and speech is shown, and the essence of bioenergoplasticity is explained as a combination of articulatory exercises with hand movements.

Key words: bioenergoplasticity, articulatory gymnastics, sound reproduction, hand and body movement, speech development, methodology.

Speech formation is a very complex and well-coordinated work of certain brain structures. Preschool age plays a special role in this process, which is the foundation for speech development. Modern statistics show us that every year, there are only more children with speech disorders. Speech therapists face an important professional task: finding optimal ways to correct sound reproduction. Modern health-saving techniques and developed techniques provide significant assistance in the search.

The work carried out on research in speech therapy confirms the relationship between fine motor skills and the child's speech development. For example, N.S. Zhukova, E.M. Mastuykova, and T.B. Filicheva worked out methods of developing delayed speech development, and L.I. Belyakova and N.A. Rychkova worked on stuttering. All these authors agreed on the mutual influence of motor and speech functions, as well as the fact that the purposeful development of fine motor skills of the fingers has a stimulating effect on speech [Volkova, 2019, p. 144].

Studying modern correctional approaches, I discovered a fascinating and effective method for myself which is bioenergoplasticity [Bushlyakova, 2011, p. 240]. Its essence is revealed already in the name: bioenergy is the internal energy of the body, and plastic implies soft, free movements. The author of the concept, I.V. Kuris, defines bioenergoplasticity as combining articulatory exercises with hand movement. If a child performs such a combined action plastically and without clamps, it helps to stimulate mental activity and improves motor skills, including hand coordination and motor skills. Fine motor skills training stimulates certain areas of the cerebral cortex. Due to their proximity to speech centers, this activation extends to neighboring departments responsible for speech. A clear manifestation of this neurophysiological connection is the fact that a child, having difficulty choosing a word, instinctively resorts to gestures.

So, let me introduce you to the experience of using health-saving technologies in correcting sound reproduction [Bushlyakova, 2011, p. 240].

Our work consisted of five main stages:

Stage 1: diagnostic stage

Stage 2: preparatory stage

Stage 3: the main stage

Stage 4: the stage of automation of acquired skills

Stage 5: summing up the results

At the first stage, I conducted a diagnosis of the children, identified the speech disorder of each child. Articulation tests were not available to many people: the guys made mistakes, got tired

quickly, their movements became inaccurate, their tempo, rhythm, and smoothness were disrupted [Bushlyakova, 2011, p. 240].

In the second stage, important work was carried out: establishing a trusting relationship with the child, creating a psychologically healthy mindset, and fostering interest in the activity.

There are several basic brush movements in this complex.

For example, an exercise called "Clockwork": a relaxed palm looks down, and we swing it like a pendulum to the left and right sides, strictly counting the rhythm [Nishcheva, 2013, p. 188].

The "swing" is already a vertical movement, where the brush with straight fingers goes up and down [Nishcheva, 2013, p. 188].

To "Iron", you need to raise your open palm with the back to your face, and then make soft sliding movements with four fingers (the thumb is not involved) in different directions: back and forth and from side to side [Nishcheva, 2013, p. 188].

The "Football" series ends with the hand clenching into a fist, while the index finger remains exposed like a barrel, and we turn the entire wrist to simulate hitting the ball [Nishcheva, 2013, p. 188].

The "Smile" is characterized by the initial position with the fingers spread. The performer spreads them out to match the score and holds the position for five seconds, accompanying the action with a smile. This is followed by a clenching of the palm into a fist [Nishcheva, 2013, p. 188].

The "proboscis" is formed by folding the fingers into a pinch with the obligatory contact of the thumb and middle finger [Nishcheva, 2013, p. 188].

The "Sting" or "Snake" variation involves a clenched fist with the index finger extended forward [Nishcheva, 2013, p. 188].

The "Spatula" exercise uses an unstressed palm facing down. The fingers are closed, and the thumb is fixed on the side, pressing against the palm [Nishcheva, 2013, p. 188].

Rules for using bioenergoplasticity at the stage of sound automation:

- Consideration of the level of psychomotor development and the age of students.
- Start kinesiological exercises only after fixing the articulation pattern.
- Ensuring the plasticity and non-strained movements of the hands.
- Simultaneous speech load and hand motility (alternately with the right, left, both).
- Conducting work exclusively in a sitting position to remove muscle clamps.
- Transition from elementary speech units (syllables) to complex (text, free statement).
- Gradual inclusion of the second hand as the synchronization of the first hand is mastered.
- Precise alignment of articulation and manual phases, followed by an increase in tempo [Borisova, 2017, p. 153].

Table – The effect of bioenergoplasticity on the correction of sound reproduction in various speech disorders

	Performing articulation tests September	Performing articulation tests May	Dynamics
Children with dysarthria who practice bioenergoplasticity	18 %	69 %	51 %
Children with dyslalia who practice bioenergoplasticity	20 %	91 %	71 %
Children with delayed speech development who	7 %	54 %	47 %

are engaged in bioenergoplasticity			
Children with rhinolalia who practice bioenergoplasticity	10 %	60 %	50 %
Children with alalia who practice bioenergoplasticity	3 %	45 %	42 %
Children with stuttering engaged in bioenergoplasticity	16 %	66 %	50 %

This table presents a study of the effects of bioenergoplasticity on children with various speech disorders.

Based on the study of the table materials, it can be concluded that the inclusion of bioenergoplasticity plasticity in correctional work has a significant impact on various speech pathologies. All the studied groups of children have shown improvements in their performance due to the combined use of finger movements and speech organs. The largest improvement was observed in children with dyslalia, where their scores increased from 20% to 91%, representing a 71% difference. This suggests that the combination of articulatory and finger movements can accelerate the acquisition of correct tongue and lip positions in mild cases of speech disorders.

As for children with dysarthria, who often have weak speech muscles, the use of this technique resulted in a 51% increase (from 18% to 69%). Activating fine hand movements has a positive effect on the nervous regulation of muscles involved in speech. Children with rhinophonia also showed significant progress: in the fall, they had only 10%, but by the summer, they had improved their results by half.

The systematic usage of bioenergoplasticity is a highly effective means of correcting sound reproduction. The method provides a comprehensive effect, while simultaneously solving the tasks of developing articulatory and fine motor skills, forming the kinesthetic basis of sounds and creating a favorable psycho and emotional background.

References

Borisova D.S. Ispol'zovanie innovacionnyh podhodov v korrekcii rechevyh narushenij u detej doshkol'nogo vozrasta // Simvol nauki. – 2017. – № 5. – С. 151-153.

Bushlyakova R.G. Artikulyacionnaya gimnastika s bioenergoplastikoj. Konspekty individual'nyh zanyatij po korrekcii narushenij proiznosheniya svistyashchih, shipyashchih i zvonkih zvukov s vklyucheniem special'nyh dvizhenij kistej i pal'cev dlya kazhdogo artikulyacionnogo uprazhneniya / R.G. Bushlyakova, L.S. Vakulenko. – M.: Izd-vo "Detstvo-Press", 2011. – 240 s.

Krupenchuk O.I. Biojenergoplastika i interaktivnaja artikuljacionnaja gimnastika. – M.: Literra, 2022. – 64 s.

Nishcheva N.V. Veselaya artikulyacionnaya gimnastika. – Sankt-Peterburg, 2013. – 188 s.

Sviridova N.I. Ispol'zovanie biojenergoplastiki v korrekcii zvukoproiznosheniya u detej doshkol'nogo vozrasta // Pedagogika: tradicii i innovacii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. – Cheljabinsk, 2016. – S. 92-94.

Volkova G.A. Metodika psihologo-logopedicheskogo obsledovaniya detej s narushenijami rechi. – SPb.: Detstvo-Press, 2019. – 144 s.

ВЛИЯНИЕ БИОЭНЕРГОПЛАСТИКИ НА КОРРЕКЦИЮ ЗВУКОПРОИЗНОШЕНИЯ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ НАРУШЕНИЯХ РЕЧИ

Жаркова Валерия Александровна,
*студентка факультета дошкольного, начального и специального образования
Белгородского государственного национального исследовательского
университета, г. Белгород, Россия,*
научный руководитель: Марков Александр Владимирович,
*старший преподаватель кафедры иностранных языков Белгородского
государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия*

Аннотация. В статье представлен теоретический и практический анализ использования здоровьесберегающей технологии – биоэнергопластики. В этой статье подчеркивается важность сложности речевого процесса и растущего числа детей с нарушениями речи, что ставит перед логопедами задачу поиска эффективных методов коррекции. Показана взаимосвязь между развитием мелкой моторики и речи, а также объяснена сущность биоэнергопластики как сочетания артикуляционных упражнений с движениями рук.

Ключевые слова: биоэнергопластика, артикуляционная гимнастика, звукопроизношение, движения рук и тела, развитие речи, методика.

Научное издание

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОКОНСТРУКТОВ

Сборник материалов
II Международной научно-практической конференции

9-10 апреля 2026 г.

Подписано в печать 08.05.2026. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл.п.л. 28,37 Тираж 100 экз. Заказ 43.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «Эпицентр»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 40